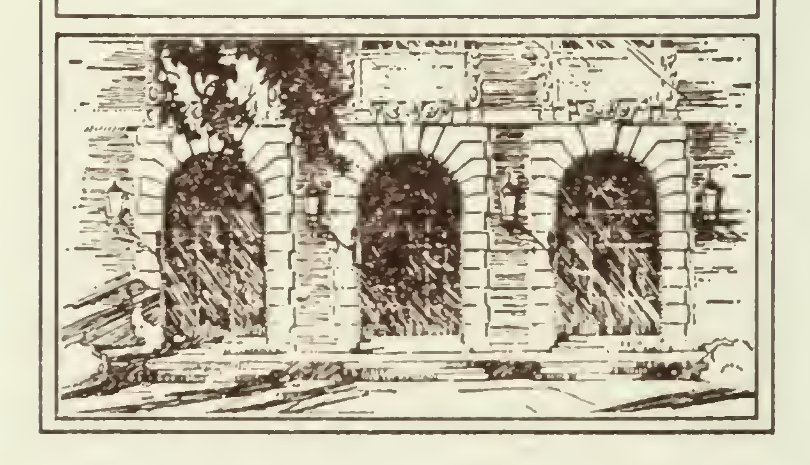

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

ГОДЪ XXXVIII — ТОМЪ CCXIX. — 1/13 ЯНВАРЯ 1874.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

СОРОКЪ-ПЯТЫЙ ТОМЪ

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

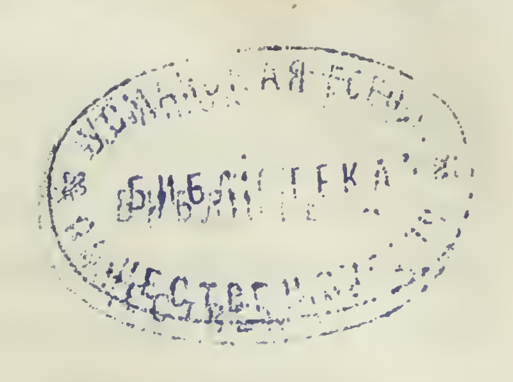
Главная Контора журнала: на Невскомъ просп., у Казанск. моста, № 30.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ, № 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1874.

(48)

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

въ Александровскую эпоху.

По новымъ документамъ.

V *).

На югѣ Россіи.

1820—1824.

Прибытіе въ Кишиневъ Пушкина послѣ поѣздки на Кавказъ и въ Крымъ.—Его настроеніе.—Планы обличительной комедіи, трагедіи, сатиры и поэмы.—Русскій байронизмъ и его характеристика.—Село «Каменки» и ея вѣяніе.—Начало греческой революціи.—Кишиневское общество.—Назначеніе графа М. С. Воронцова намѣстникомъ края и переходъ Пушкина на службу въ Одессу.

Нѣтъ никакой нужды повторять здѣсь еще разъ сказаніе о прибытіи Пушкина въ Елизаветградъ къ генералу Инзову, о болѣзни, постигшей его тамъ и о появленіи въ городѣ семейства Раевскихъ, которое увезло съ собой поэта на Кавказъ, въ Пятигорскъ, куда само направлялось. Также точно могутъ быть

*) См. „В. Е.“ 1873, нояб. 5; дек. 457 стр.

опущены и извѣстія о тихомъ, мирно-художественномъ характерѣ жизни, сдѣлавшейся удѣломъ поэта сперва въ Пятигорскѣ, а потомъ въ Крыму. Все это неоднократно пересказывалось біографами Пушкина, на основаніи собственноручныхъ его писемъ къ брату и къ Б. Дельвигу, которыя тоже приводимы были *in extenso* уже нѣсколько разъ. Гораздо любопытнѣе этихъ данныхъ—новый свѣтъ, брошенный на поѣздку Пушкина документами, недавно опубликованными: важнѣйшій изъ нихъ принадлежитъ Н. М. Карамзину, который въ письмѣ къ Дмитріеву («Переписка Кар. съ Дмитр.» стр. 290) положительно заявляетъ, что путешествіе на Кавказъ дозволено было Пушкину, *какъ знакъ прощенія поэта за прошлыя его вины*, прибавляя, что правительство еще положило ему выдать при этомъ на дорогу 1000 руб. Фактъ пересылки этого правительственнаго пособія Пушкину черезъ посредство К. А. Булгакова не подлежитъ сомнѣнію. Въ «Русскомъ Архивѣ» 1863 г. (№ 12) напечатано письмо Инзова, извѣщающее К. А. Булгакова о полученіи этихъ денегъ и о передачѣ ихъ по назначенію, но при этомъ г. Инзовъ приписываетъ одному себѣ починъ дозволенія вояжа, прося Булгакова замолвить передъ И. А. Каподистрія доброе слово, въ случаѣ если послѣдній не одобритъ этого распоряженія. Оба извѣстія, Карамзинское и Инзовское, могутъ быть соглашены: правительство, наказавшее Пушкина, выслало ему въ знакъ примиренія 1000 р., еще не имѣя свѣдѣній о состоявшемся его путешествіи, и потомъ одобрило этотъ фактъ, какъ отвѣчающій его собственнымъ намѣреніямъ относительно поэта. Рука благороднаго начальника Пушкина по министерству иностранныхъ дѣлъ, И. А. Каподистріи, чувствуется во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ, да онъ и не ограничился этимъ, а въ слѣдующемъ, 1821 г., справлялся еще о положеніи Пушкина прямо изъ Лайбаха, гдѣ тогда находился съ императоромъ на конгрессѣ. Все это давало Пушкину основательный поводъ надѣяться на скорое возвращеніе въ Петербургъ. Вышло однако же иначе. Съ того же Лайбахскаго конгресса, на которомъ разсуждали о дѣлахъ Испаніи и Греціи, графъ Иванъ Антоновичъ отказался отъ должности статсъ-секретаря и въ слѣдующемъ году покинулъ Россію: Пушкинъ былъ забытъ, да къ тому же и байроническое направленіе, которому онъ все болѣе и болѣе подчинялся, оказалось важной помѣхой къ осуществленію его ожиданій и предположеній.

Исторія развитія байроническаго направленія и есть собственно исторія Пушкина за все время его пребыванія на югѣ Россіи. Тамъ онъ пріобрѣлъ его, и тамъ же пережилъ его и по-

бѣдилъ. Но байронизмъ русскій вообще и Пушкина въ особенности, имѣлъ только отдаленное сходство съ явленіемъ, извѣстнымъ въ Европѣ подъ этимъ именемъ. На нашей почвѣ байроническое настроеніе пріобрѣло такія родовыя черты, такую чисто-мѣстную національную окраску, и въ крайнихъ своихъ порывахъ оттѣнялось такими своеобычными, иногда свирѣпыми и вообще анти-гуманными подробностями, что изученіе *нашего* байронизма становится дѣломъ крайне любопытнымъ и поучительнымъ.

Байронизмъ подкрадывался къ Пушкину тихо, и прежде всего своими эстетическими и художественными пріемами, въ ожиданіи времени, когда практическія слѣдствія этого ученія, устроивающія самую жизнь, окажутъ, въ свою очередь, неизбѣжное дѣйствіе на его существованіе. Мы скоро увидимъ, какъ понято было имъ это ученіе и въ какой оригинальный цвѣтъ оно окрасилось, но здѣсь должны еще сдѣлать предварительно слѣдующее замѣчаніе. Полное подчиненіе образцу, волновавшему тогда почти всѣ умы Европы, должно было неизбѣжно свершиться въ душѣ Пушкина при первомъ знакомствѣ съ Байрономъ: тутъ онъ обрѣталъ, наконецъ, ученіе, соотвѣтствующее пылу молодого ума и притомъ такое, которому легко было покориться, ибо оно прежде всего стояло за право личности относиться свободно ко всѣмъ явленіямъ жизни историческаго, политическаго и общественнаго характера. Весь кругъ идей, въ которомъ онъ доселѣ вращался, показался ему крайне ничтоженъ и блѣденъ передъ основаніями и стремленіями британскаго поэта, и только вмѣстѣ съ утихающей молодостью и возвращающейся трезвостью сужденія всплыли на верхъ опять взгляды и уроки, полученные имъ отъ петербургскаго періода жизни, въ бесѣдахъ съ людьми, подобными Карамзину, Жуковскому и проч., какъ сказали, и которые глубоко залегли въ его душѣ. Ходъ этой нравственной революціи, настигшей Пушкина въ Кишиневѣ, мы здѣсь и изложимъ по документамъ, которые сохранилъ самъ поэтъ для своей біографіи въ своихъ замѣткахъ.

Старый генералъ Раевскій, котораго Пушкинъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, называетъ *человѣкомъ безъ предразсудковъ*, былъ родственникомъ Потемкина и живымъ остаткомъ екатерининскаго вѣка, сохранившимъ отъ него, при критическомъ отношеніи ко многимъ темнымъ его сторонамъ, одно существенное его преданіе, именно ученіе о правѣ главы избранной дворянской фамиліи понимать службу государству и свои обязанности передъ нимъ также, какъ честь и доблесть своего званія, неза-

висимо отъ какихъ-либо посторонних требованій и внушеній, что̀ не мѣша̀ло ему самому быть очень твердымъ и подъ-часъ суровымъ истолкователемъ личной своей воли съ другими. Семейство его состояло тоже изъ гордыхъ и свободныхъ умовъ, воспитанныхъ на тѣхъ же доктринахъ личнаго, унаслѣдованнаго права судить явленія жизни по собственному кодексу и не признавать обязательности никакого мнѣнія или порядка идей, которыя выработались безъ ихъ прямого участія и согласія. Старшая дочь Раевскаго, Катерина Ник., та, объ которой Пушкинъ отзывался, какъ о женщинѣ необыкновенной, умѣла покорять людей твердостію характера и прямотой своего слова. Въ Кишиневѣ, куда она явилась позднѣе и уже супругой генерала М. Ѳ. Орлова, ее называли за эти качества въ шутку друзья дома «Марѳой Посадницей». Подъ ея руководствомъ Пушкинъ принялся на Кавказѣ за изученіе англійскаго языка, основанія котораго зналъ и прежде. Книга, которую они выбрали для практическихъ упражненій, была — «сочиненія Байрона». Такимъ образомъ, благоговѣніе къ великому поэту росло въ Пушкинѣ по мѣрѣ самаго углубленія въ смыслъ его идей; а извѣстно, какія задушевныя отношенія образуются между читателемъ и авторомъ отъ подобныхъ долгихъ, непрерывныхъ бесѣдъ другъ съ другомъ. На Кавказѣ же, къ семейству генерала Раевскаго присоединился и старшій сынъ его, Александръ Николаевичъ, съ которымъ Пушкинъ сошелся тотчасъ же и очень близко. Пушкинъ возымѣлъ съ самаго начала весьма высокое понятіе о качествахъ своего друга. Онъ прямо писалъ брату, что старшій сынъ Раевскаго будетъ болѣе нежели извѣстенъ; а на словахъ, какъ намъ передавали, выражался еще рѣшительнѣе. При тогдашнемъ всеобщемъ ожиданіи политическихъ перемѣнъ во всѣхъ углахъ Европы, Пушкинъ говорилъ объ Алекс. Н—ѣ, какъ о человѣкѣ, которому предназначено, можетъ быть, управлять ходомъ весьма важныхъ событій. Друзья часто сиживали, какъ вспоминаетъ самъ поэтъ въ другой, позднѣйшей своей поѣздкѣ на югъ (путешествіе въ Арзерумъ, 1829), на берегахъ Подкумка, въ виду величаваго Бешту, и долго бесѣдовали. Содержаніе этихъ бесѣдъ никто, конечно, передать не можетъ, но вотъ что̀ любопытно: А. Н. Р. уже пользовался тогда репутаціей скептическаго ума въ нашемъ обществѣ. Когда, въ 1823 г., Пушкинъ напечаталъ свое лирическое стихотвореніе «Демонъ», общественное мнѣніе узнавало въ недовольномъ, разочарованномъ человѣкѣ пьесы лицо его друга, хотя никакихъ дѣльныхъ основаній для такого предположенія вовсе не существовало. Даже и въ печать

проникло мнѣніе, что стихотвореніе списано съ живого и существующаго оригинала. Пушкинъ вздумалъ приготовить по этому поводу замѣтку, которую собирался послать въ журналы, безъ подписи имени и какъ-бы отъ посторонняго лица, но которая, однако же, не попала въ печать, хотя по изворотливости языка и нѣкоторому тону лицемѣрія, обусловливаемыхъ тогдашней цензурой, видимо приготовлялась для опубликованія. Приводимъ замѣтку, какъ она найдена нами, въ краткихъ афоризмахъ, не совсѣмъ обдѣланныхъ и едва набросанныхъ, потому что и въ этомъ черновомъ видѣ своемъ она еще крайне любопытна, наивно объясняя усилія, съ какимъ люди того времени додумывались до созерцанія «демоновъ».

«Многіе, пишетъ Пушкинъ, были того же мнѣнія [1]) и даже указывали на лицо, которое Пушкинъ будто-бы хотѣлъ изобразить въ этомъ *странномъ* стихотвореніи... Кажется, они неправы; по крайней мѣрѣ, *я* вижу въ «Демонѣ» цѣль болѣе нравственную. Не хотѣлъ ли поэтъ олицетворить сомнѣніе? Въ лучшее время жизни — сердце, не охлажденное опытомъ, доступно для прекраснаго. Оно легковѣрно и нѣжно. Мало-по-малу вѣчныя противорѣчія существенности рождаютъ въ немъ сомнѣніе: чувство мучительное, но не продолжительное... Оно исчезаетъ, уничтоживъ наши лучшіе и поэтическіе предразсудки души... Недаромъ великій Гёте называетъ вѣчнаго врага человѣчества — духомъ *отрицающимъ*... И Пушкинъ не хотѣлъ ли въ своемъ «Демонѣ» олицетворить сей духъ отрицанія или сомнѣнія и начертать въ *пріятной* картинѣ печальное вліяніе его на нравственность нашего вѣка?»

Во всякомъ случаѣ, благодаря обществу, въ которомъ теперь обрѣтался Пушкинъ, умъ его настроенъ былъ гораздо серьёзнѣе, чѣмъ когда-либо прежде. Все было серьёзно кругомъ него, начиная съ кавказской природы и кончая людьми. Дѣйствіе подобной обстановки отразилось и на его произведеніяхъ. Прекрасныя этнографическія подробности, которыми наполненъ «Кавказскій Плѣнникъ», тогда же задуманный, показываютъ, что старый, шаловливо-остроумный тонъ его музы былъ уже порванъ и мысли указано новое теченіе. Даже въ неудачной попыткѣ создать байроническій характеръ въ лицѣ героя поэмы, несостоятельность котораго почувствована была самимъ авторомъ прежде публики, есть намекъ на появленіе умственныхъ и творческихъ задачъ, го-

---

[1]) Въ предшествующемъ, недостающемъ періодѣ была или могла быть, по всѣмъ вѣроятіямъ, рѣчь о Демонѣ, какъ о копіи съ живого оригинала.

раздо болѣе важныхъ, чѣмъ всѣ доселѣ его занимавшія. Но главнѣйшая услуга, оказанная Пушкину теперешней его обстановкой, все-таки заключалась въ томъ, что возбудила въ немъ жажду ученія, самообразованія, подняла въ умѣ его вопросы, для которыхъ требовалась уже вседневная привычка къ размышленію и кругъ познаній доселѣ ему еще недостававшій. По образованію онъ не стоялъ въ уровень ни съ своими привычными собесѣдниками, ни съ репутаціей, которой начиналъ пользоваться; онъ бросился на трудъ пополненія своего воспитанія съ удвоенной энергіей. Послѣдней не могли ослабить уже и всѣ утѣхи Юрзуфа, мѣстечка въ Крыму, сдѣлавшагося почти знаменитымъ въ исторіи нашей литературы, благодаря пребыванію въ немъ Пушкина. Тамъ онъ отдыхалъ отъ Кавказскаго леченія, вмѣстѣ съ семействомъ Раевскихъ и другими наѣхавшими гостями и гостьями. Какъ ни велики были забавы и обаятельныя впечатлѣнія крымской жизни сперва въ Юрзуфѣ, а потомъ въ Бахчисараѣ, сохраненныя и стихотвореніями Пушкина [1]), они уже не могли пошатнуть или заслонить собою цѣли, которая теперь поставлена имъ была для себя. Раевскіе покинули Крымъ нѣсколько ранѣе. Словно для окончанія предварительнаго его воспитанія онъ проѣхалъ еще на возвратномъ пути къ нимъ, въ извѣстную Каменку— село Раевскихъ-Давыдовыхъ, — Кіевской губерніи, о которой будемъ говорить далѣе, и оттуда уже явился въ Кишиневъ къ своему начальнику генер. Инзову. Во время довольно длиннаго вояжа этого, центральное управленіе колонистами переведено было изъ Екатеринослава въ Кишиневъ, который и сдѣлался поэтому резиденціей какъ Инзова, такъ и его чиновниковъ. Пушкинъ явился въ Бессарабію съ жаждой къ умственному труду и съ готовымъ уже байроническимъ настроеніемъ.

Внѣшняя жизнь Пушкина въ Кишиневѣ и обстановка его жизни уже извѣстны публикѣ изъ нашихъ «Матеріаловъ для біографіи А. С. Пушкина» (1855), изъ обстоятельной монографіи г. Бартенева «Пушкинъ на югѣ Россіи», дополненіемъ которой (и въ высшей степени драгоцѣннымъ) служатъ отрывки изъ «Дневника и воспоминаній И. П. Липранди», приложенныя къ Р. Архиву 1866. Отрывки этого «Дневника» получаютъ особенную важность, какъ свидѣтельство современника и очевидца о характерѣ и настроеніи поэта въ данное время. Послѣ этихъ разъясненій остается еще изслѣдовать тайный процессъ его мысли,

---

[1]) См. пьесы 1820 г.: Доридѣ, Дорида, „Нереида“, элегіи: (Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда) и др.

откуда выходили всѣ его поступки, предпріятія и общій тонъ жизни. Къ описанію этого процесса приступаемъ теперь.

Ученіе и самообразованіе продолжались у Пушкина и тогда, когда онъ поселился въ домѣ Инзова, на горѣ, въ такъ-называемой «Метрополіи» Кишинева. Пушкинъ принялся за собираніе народныхъ пѣсенъ, легендъ, этнографическихъ документовъ, за обширныя выписки изъ прочитанныхъ сочиненій и проч. Къ сожалѣнію, вся эта работа поэта надъ самимъ собой, за очень малыми исключеніями, о которыхъ рѣчь впереди, пропала для насъ безслѣдно. По словамъ И. П. Липранди, Пушкинъ прибѣгалъ даже къ хитрости для пополненія недостающихъ ему свѣдѣній: онъ искусственно возбуждалъ споры о предметахъ, его интересовавшихъ, у людей болѣе въ нихъ компетентныхъ, чѣмъ онъ самъ, и затѣмъ пользовался указаніями спора для пріобрѣтенія нужныхъ ему сочиненій. Въ Кишиневѣ же онъ началъ рядъ тѣхъ умныхъ «Замѣтокъ», которыя продолжались у него и гораздо долѣе 1828 года, когда были впервые напечатаны (Сѣверные Цвѣты—1828) подъ общимъ заглавіемъ: «Мысли и замѣчанія». Вообще онъ самъ хорошо выразилъ серьёзную сторону своей жизни въ извѣстномъ посланіи къ Чаадаеву изъ Кишинева, помѣченномъ числами 6—20 апрѣля 1821 и столько разъ уже приводимымъ біографами для подтвержденія факта о трудолюбіи и дѣльномъ настроеніи поэта за все это время:

«Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ».

Любопытенъ только вопросъ: что́ значило тогда въ русскомъ обществѣ: стать съ вѣкомъ наравнѣ?

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что стихотвореніе написано, какъ скоро увидимъ, въ самомъ разгарѣ политическихъ страстей и байроническаго броженія у Пушкина. Спокойный, мудро-эпическій тонъ пьесы находится въ совершенномъ противорѣчіи со всѣмъ, что́ мы знаемъ о бѣшеной жизни Пушкина въ эту эпоху, и еще разъ показываетъ, какъ заблуждаются біографы и въ какое заблужденіе вводятъ читателей, когда на основаніи стихотвореній, въ которыхъ личность поэта является преображенной поэзіей и творчествомъ, вздумаютъ судить о дѣйствительномъ, реальномъ ея видѣ, въ извѣстный моментъ. Правда, что они могутъ сказать: въ поэтическомъ отраженіи писатель болѣе походитъ на самого себя, чѣмъ въ дрязгахъ и треволненіяхъ жизни, но тогда уже не слѣдуетъ вовсе и заниматься послѣдней, а довольствоваться только однимъ художническимъ ея обликомъ.

Плодомъ занятій и размышленій Пушкина осталась, между прочимъ, отъ этого времени статья «Нѣкоторыя историческія замѣчанія», непопавшія въ печать. Причину этого исключенія можно искать въ рѣзкости ея формы и языка: *домашнія*, такъ сказать, изслѣдованія почти всегда такъ пишутся. Нѣкоторые критики, въ томъ числѣ и г. Бартеневъ, видятъ въ статьѣ Пушкина признаки ранней зрѣлости ума и сужденія, ссылаясь особенно на его упреки императрицѣ Екатеринѣ за отобраніе монастырскихъ имѣній, которыя *могли быть* употреблены духовенствомъ на дѣло народнаго образованія. Мы не имѣемъ такого высокаго мнѣнія о статьѣ, которая для насъ представляетъ только занимательность, какъ превосходный примѣръ либеральныхъ толковъ времени и свѣтской учености, нами уже описанной. Собственно говоря, статья посвящена исключительно царствованію Екатерины II-й, а всѣ предшествующія упомянуты только вскользь и огуломъ, но основы ходившихъ тогда мнѣній о новѣйшей Русской Исторіи сохранены въ ней въ достаточной полнотѣ. Любопытно, что Петръ Великій, на реформы котораго смотрѣли въ прошломъ столѣтіи не совсѣмъ благопріятно даже такіе противуположные умы, какъ президентъ академіи наукъ княгиня Дашкова и историкъ князь Щербатовъ, возстановляется запиской Пушкина въ полномъ величіи, но на основаніяхъ довольно фантастическаго характера: «Петръ I-й, говоритъ авторъ ея, не страшился народной свободы и неминуемаго дѣйствія просвѣщенія, ибо довѣрялъ своему могуществу и презиралъ человѣчество, можетъ быть, болѣе, чѣмъ Наполеонъ». Движеніе, имъ данное государству, продолжалось и послѣ него:... «Наслѣдники сѣвернаго исполина, продолжаетъ авторъ, изумленные блескомъ его величія, съ суевѣрной точностію подражали ему во всемъ, что́ только не требовало новаго вдохновенія. Такимъ образомъ дѣйствія правительства были выше его образованности и добро производилось не нарочно, между тѣмъ какъ азіатское невѣжество обитало при дворѣ»... Черезъ нѣсколько строкъ послѣ этого, Пушкинъ прямо переходитъ къ верховникамъ, вызвавшимъ герцогиню Анну Ивановну на престолъ и также быстро опредѣляетъ ихъ замыслы; но это мѣсто у Пушкина мы считаемъ важнѣйшимъ мѣстомъ изъ всей его записки. Оно представляетъ намъ какъ-бы дальній отзвукъ Арзамаса, тѣмъ болѣе замѣчательный, что онъ раздался въ средѣ и на почвѣ радикальныхъ убѣжденій. Вотъ это мѣсто: «Аристократія послѣ его (Петра) неоднократно замышляла ограничить самодержавіе; *къ счастію* хитрость государей торжествовала надъ честолюбіемъ вельможъ и образъ правленія остался неприкосно-

веннымъ. Это спасло насъ отъ чудовищнаго феодализма и существованіе народа не отдѣлилось вѣчною чертою отъ существованія дворянъ [1]). Еслибы гордые замыслы Долгорукихъ и прочихъ совершились, то владѣльцы душъ, сильные своими правами, всѣми силами затруднили бы или даже уничтожили способы освобожденія людей крѣпостного состоянія, ограничили бы число дворянъ и заградили бы для прочихъ сословій путь къ достиженію должностей и почестей государственныхъ. Одно только страшное потрясеніе могло бы уничтожить въ Россіи закоренѣлое рабство; *нынѣ же* политическая наша свобода неразлучна съ освобожденіемъ крестьянъ: *желаніе лучшаго соединяетъ всѣ состоянія противъ общаго зла и твердое, мирное единодушіе можетъ скоро поставить насъ на ряду съ просвѣщенными народами Европы...»* Это мѣсто заслуживаетъ названія пророчества, но изъ всего послѣдующаго окажется, что въ своихъ нападкахъ на аристократію, Пушкинъ подразумѣвалъ только своекорыстную, эгоистическую и невѣжественную касту олигарховъ, а совсѣмъ не цѣлую сословную партію. Затѣмъ авторъ записки обрушивается уже всей силой негодованія на царствованіе Екатерины II-й, и оно понятно—почему? Восторженные поклонники императрицы, какъ тогда, такъ и гораздо позднѣе еще, составляли у насъ партію консерваторовъ, которая противопоставляла всѣмъ благимъ начинаніямъ Александровской эпохи блескъ, величіе и мудрость царствованія великой бабки императора. Борьба съ этой партіей выразилась у Пушкина столь же рѣзкимъ, сколько и одностороннимъ обличеніемъ идеала, который создали себѣ консерваторы изъ лица императрицы. Отсюда желчный, неумѣренный тонъ его записки. Правленіе Екатерины обвиняется *въ важныхъ ошибкахъ противъ политической экономіи* [2]), въ жестокости деспотизма, при лицемѣрномъ усвоеніи либеральной внѣшности передъ Европой (повторяется сказка о Княжнинѣ, будто бы умершемъ подъ розгами Шешковскаго за свою трагедію), въ раздачѣ крестьянъ любимцамъ своимъ, закрѣпощеніи Малороссіи и Польши, въ растлѣніи общественныхъ нравовъ, въ расточительности и проч. Не находитъ пощады и извѣстный призывъ депутатовъ въ коммис-

---

[1]) Если сличить это мѣсто съ цитатой о феодализмѣ, которую мы не безъ намѣренія привели выше, то разница между созерцаніемъ Пушкина въ 1821 и взглядами его въ 1831 окажется очень значительной. Мы объясняемъ далѣе причины этой кажущейся разновидности.

[2]) Пушкинъ никогда не занимался полит. экономіей, но вспомнимъ моду на Адама Смита, Беккарія, Филанжьери и проч. Безъ слова о полит. экономіи нельзя было обойтись.

сію объ уложеніи: «Фарса нашихъ депутатовъ, говоритъ Пушкинъ, столь непристойно разыгранная, имѣла въ Европѣ свое дѣйствіе» и проч. Словомъ, это великое имя принесено было въ жертву поздвѣйшему радикализму вполнѣ и совершенно безстрашно.

Изъ приведенныхъ нами выписокъ достаточно видно, какимъ рѣзкимъ сторонникомъ *«эманципаціи»*, свершившейся только 40 лѣтъ спустя, былъ Пушкинъ въ свое время. Въ этомъ качествѣ заявлялъ онъ уже себя съ весьма раннихъ поръ, какъ знаемъ, да иначе и не могло быть у питомца и друга Тургеневыхъ, которые крестьянскій вопросъ считали единственной серьёзной стороной тогдашняго либерализма и тогдашнихъ либеральныхъ ассоціацій. Недовольствуясь партикулярными, такъ сказать, заявленіями своего сочувствія къ вопросу, Пушкинъ хотѣлъ написать еще комедію или драму потрясающаго содержанія, которыя могли бы выставить въ позорномъ свѣтѣ безобразіе крѣпостничества, а вмѣстѣ съ тѣмъ показать и темныя стороны самого образованнаго общества нашего. Программа такой комедіи или драмы, затерявшаяся въ бумагахъ поэта, изложена въ довольно странной формѣ. Всѣ дѣйствующія лица будущей драмы названы въ ней по именамъ предполагаемыхъ ея исполнителей на сценѣ, т.-е. фамиліями тогдашнихъ знаменитѣйшихъ актеровъ петербургскаго театра.

Вотъ что́ говоритъ программа: «*Валберхова*—вдова, *Сосницкій*—ея братъ, *Брянскій*—любовникъ Валберховой, *Рамазановъ*, *Боченковъ*. Сосницкій даетъ завтракъ, Брянскій принимаетъ гостей. Рамазановъ узнаетъ Брянскаго. Изъясненіе. *Пополамъ*. Начинается игра. Сосницкій все проигрываетъ, гнетъ на карту *Величкина*. Отчаяніе его».

Конечно, трудно было бы доискаться смысла въ этой лаконической программѣ, еслибы не существовала еще другая, которая можетъ служить поясненіемъ первой и которую здѣсь же прилагаемъ:

I.

С. и *В.* (то-есть Сосницкій и Валберхова—братъ и сестра). *В.* Игралъ? *С.* Игралъ. *В.* Долго ли тебѣ быть Богъ знаетъ гдѣ? Добро бы либералъ... да ты-то что? [1]) Зачѣмъ не въ свѣтѣ... гдѣ

---

[1]) Тутъ есть историческій намекъ. Вдова Валберхова, по этой программѣ, должна была говорить, вѣроятно, о либералахъ-аристократахъ эпохи, братавшихся съ разночинцами и убѣгавшихъ отъ общества и его удовольствій для того, чтобъ предаваться серьёзнымъ занятіямъ и бесѣдамъ о важныхъ предметахъ. Пушкинъ часто упоминалъ и потомъ объ этой чертѣ эпохи.

вся молодежь? *С.* Вы всѣ бранчивы... Скучно... То-ли дѣло ночь играть. *В.* Скоро ли отстанешь? *С.* Никогда, сестрица милая... Уѣзжай. У меня будетъ завтракъ. *В.* Игра?.. *С.* Нѣтъ... *В.* Прощай.

II.

С. Карты!.. *Величкинъ* (то-есть старый слуга или дядька Сосницкаго) Проиграетесь... *С.* Полно врать... Я поспѣю.

III.

В. и *Бр.* (то-есть Валберхова и любовникъ ея Брянскій, тоже игрокъ. Вѣроятно, первая умоляетъ своего любезнаго спасти ея брата).

IV.

Бр. и *Рамазановъ*—узнаютъ, уговариваются (то-есть два шулера, одинъ великосвѣтскій, а другой изъ низшихъ слоевъ общества, узнаютъ другъ друга и уговариваются проучить Сосницкаго).

V.

Валб. Что за шумъ? *Величкинъ.* Играютъ. *Валб.* Поди за Брянскимъ.

VI.

Валб. И Брянской такой же.

VII.

Брян. и *Валб.* (Вѣроятно объясненіе между ними). *Бр.* Я пополамъ! (то-есть пополамъ съ Рамазановымъ). Ему урокъ... проигрывается...

VIII.

Сос. Въ отчаяніи (т.-е. уже проигравшійся). *Бр.* (Вѣроятно, подстрекающій его). *Величкинъ* уговариваетъ, тотъ ставитъ его на карту, проигрываетъ. Величкинъ плачетъ, Сосницкій тоже. *Брянскій* и *Рамазановъ* (вѣроятно, открываютъ заговоръ). Конецъ.

Изъ сличенія обѣихъ программъ оказывается возможность предложить правдоподобное изъясненіе всего плана будущей комедіи. По нашему мнѣнію дѣло должно было заключаться въ

томъ, что аристократическая вдова (Валберхова), имѣющая любимаго ею брата, желаетъ спасти его отъ несчастной страсти къ игрѣ. Она совѣтуется съ своимъ любовникомъ, тоже изъ высшаго свѣта и тоже игрокомъ, но уже опытнымъ и знакомымъ съ продѣлками шулеровъ. Любовникъ обѣщаетъ ей содѣйствіе, и на первомъ же игорномъ вечерѣ у Сосницкаго встрѣчаетъ полнаго шулера, Рамазанова, узнаетъ его и принуждаетъ обыграть хозяина пополамъ съ собою, но въ шутку. Такъ и дѣлается. Подъ конецъ сеанса они заставляютъ Сосницкаго поставить на карту своего стараго дядьку Величкина. Происходитъ раздирающая сцена, кончающаяся наставленіями и поученіями и проч.

Вотъ какого рода обличительную комедію задумывалъ Пушкинъ въ Кишиневѣ. По нашему мнѣнію, извѣстные посмертные отрывки изъ какой-то стихотворной комедіи Пушкина, приведенные нами въ «Матеріалахъ 1855 г.» и повторенные изданіемъ Исакова, принадлежатъ къ той же мысли о комедіи изъ крѣпостного и шулерскаго міра—только планъ ея уже измѣнился нѣсколько, и вмѣсто брата и сестры являются на сцену мать и сынъ. Она также не была написана, и понятно почему.

По свойству своего таланта, Пушкинъ не могъ долго держаться въ ограниченныхъ рамахъ свѣтской драмы или обличительной комедіи, при самомъ твердомъ намѣреніи отдаться имъ вполнѣ. Мы видимъ, что едва онъ поставилъ вѣхи для своего произведенія, какъ тотчасъ же перешелъ къ мысли о политической трагедіи. Здѣсь, конечно, открывалось болѣе простора для лирическаго вдохновенія, которое ему всегда легко доставалось и не требовало въ такой мѣрѣ обдумыванія мотивовъ и жизненнаго наблюденія. Трагедія отвѣчала притомъ гораздо лучше состоянію его души и мысли и лучше могла выразить весь пылъ смутныхъ оппозиціонныхъ порывовъ, которые ихъ одолѣвали. Вотъ почему почти рядомъ съ программой комедіи является у него и программа трагедіи «*Вадимъ*», часть которой уже извѣстна публикѣ по собранію его сочиненій. Подъ этимъ именемъ, Пушкинъ замышлялъ написать картину заговора и возстанія «*славянскихъ племенъ*» противъ «*иноплеменнаго*» ига, напомнить именемъ Вадима извѣстную трагедію Княжнина, удостоенную оффиціальнаго преслѣдованія въ прошлое столѣтіе, и наконецъ открыть эру мужественныхъ Альфіеровскихъ трагедій въ русской литературѣ, на мѣсто любовныхъ классическихъ, которыя въ ней господствовали. Все содержаніе новой трагедіи должно было вертѣться около движенія народныхъ массъ и служить апоѳеозой гражданскимъ

доблестямъ ихъ руководителя Вадима, причемъ и *«славянскія племена»* и *«иноплеменники»* составляли только весьма прозрачную аллегорію, за которой легко было разобрать настоящихъ дѣятелей и настоящихъ враговъ, подразумѣваемыхъ трагедіей. Пушкинъ такъ ясно хотѣлъ выразить свою истинную цѣль, что въ сценѣ трагедіи, напечатанной въ изданіяхъ его сочиненій, стихъ, вложенный имъ въ уста Рогдая, одного изъ заговорщиковъ, описывающаго всеобщій ропотъ новгородцевъ:

> *«Къ пришельцамъ ненависть*
> Я зрѣлъ на каждой встрѣчѣ»—

былъ просто написанъ такъ, какъ будто дѣло шло о событіи очень близкомъ и современномъ:

> *«Вражду къ правительству*
> Я зрѣлъ на каждой встрѣчѣ»—

Но и эта трагедія не удостоилась отдѣлки и продолженія, и опять понятно по какой причинѣ. Истиннаго въ ней было только настроеніе автора, а затѣмъ ни исторія, ни преданіе—никакихъ дѣльныхъ матеріаловъ для нея не приготовили. Все было въ ней выдумка и подлогъ, а долго обращаться съ подобными элементами производства Пушкинъ не могъ, какъ уже было сказано. Онъ бросилъ трагедію и перешелъ къ мысли о поэмѣ съ такимъ же псевдо-историческимъ и либеральнымъ содержаніемъ, но ложь и несостоятельность замысла и тутъ остановили его. Онъ отказался и отъ поэмы. Отъ нея уцѣлѣли для насъ только два отрывка (Два путника и Сонъ), которые приведены въ изданіи его «Сочиненій» и которые уже блещутъ неподдѣльной красотой своихъ подробностей, какъ читатель можетъ самъ удостовѣриться.

Должно согласиться, что эта тайная дѣятельность мысли и творчества у Пушкина носитъ совершенно другой характеръ, чѣмъ та, которую онъ открылъ публикѣ и которую мы знаемъ по его сочиненіямъ отъ эпохи 1821 — 1824 г. Подъ лучезарными произведеніями его поэтическаго генія, отданными свѣту, текла, непрерываясь всю жизнь, другая, потаенная струя творчества общественнаго, политическаго, исповѣдническаго и задушевнаго характера, имѣвшая большое вліяніе и на общій тонъ его поэзіи. Изъ этого источника, можетъ быть, получала послѣдняя то жизненное, реальное выраженіе, которое въ ней неотразимо чувствуется, несмотря на чистую сферу искусства, въ которой она постоянно держалась, какъ въ настоящемъ своемъ элементѣ. Это такъ важно, что даже для пониманія настоящаго смысла многихъ его лирическихъ пѣсенъ, представляющихъ какъ-бы ма-

лыя законченныя и самостоятельныя поэмы, необходимо еще знаніе душевныхъ и умственныхъ волненій поэта, которыя составляютъ, такъ сказать, ихъ подкладку. Въ такомъ именно поясненіи нуждаются особенно всѣ стихотворенія Кишиневской эпохи, посвященныя имени «Овидія», поклоненіе которому зародилось у Пушкина тотчасъ по пріѣздѣ на новое мѣсто жительства и служенія.

По справедливому замѣчанію г. Бартенева (въ статьѣ «Пушкинъ на югѣ Россіи») Пушкину показалось, что между нимъ и несчастнымъ щеголемъ временъ Августа, авторомъ «Искусства любить» и «Превращеній» есть, кромѣ сходства талантовъ, еще разительное сходство въ судьбѣ и общественномъ положеніи. Пушкину пріятно было думать, что на разстояніи тысячи-двухъ лѣтъ онъ испытываетъ одинаковую участь и страдаетъ одинаковыми нравственными страданіями съ изгнанникомъ перваго римскаго императора. Онъ оплакивалъ судьбу Овидія, трогательно взывалъ къ его тѣни, и не довольствуясь спорами о мѣстѣ погребенія его, совершилъ поѣздку въ обществѣ Липранди, по свидѣтельству послѣдняго, къ предполагаемому мѣсту Овидіевой гробницы. Все это факты вполнѣ опредѣленные, но остается затѣмъ неразъясненнымъ вопросъ: какъ могъ горделивый образъ Байрона мирно уживаться въ душѣ Пушкина рядомъ съ образомъ бѣднаго римскаго денди, лишеннаго всякой нравственной энергіи, разливавшагося постоянно въ лести, жалобахъ и мольбахъ къ Августу изъ надежды возвратиться опять въ Римъ, къ мѣсту своихъ прежнихъ подвиговъ? Дѣло въ томъ, что и Байронъ и Овидій были олицетвореніе противуположныхъ стремленій самого Пушкина въ ту эпоху. Онъ жилъ тогда двойной жизнью, именно— потребностью отрицанія современныхъ условій общественнаго быта, которая въ удаленіи отъ главныхъ административныхъ центровъ находила себѣ бо́льшій просторъ. Это настроеніе хорошо уживалось съ Байрономъ, питаясь духомъ и мыслью британскаго поэта, но вмѣстѣ съ тѣмъ Пушкинъ жилъ еще надеждами и планами, прямо противуположными этому настроенію, діаметрально исключавшими его. Пушкинъ жаждалъ именно, на подобіе своего предшественника, Овидія, наслажденій столичнаго жителя, свѣтскихъ и блестящихъ литературныхъ успѣховъ, которые тянули его въ Петербургъ, гдѣ они преимущественно обрѣтались и раздавались. Мы уже видѣли, что съ самаго своего появленія на югѣ, Пушкинъ имѣлъ причины ждать скораго вызова своего обратно въ Петербургъ; тѣмъ не менѣе онъ постоянно дѣлалъ на мѣстѣ все возможное, чтобы помѣшать такому вызову. Цѣли его двоились,

какъ и самая мысль: Байронъ и Овидій призваны были выражать тѣ силы, которыя боролись въ собственной его душѣ. Когда надежда появленія опять на берегахъ Невы все болѣе и болѣе съ теченіемъ времени вымирала у Пушкина, Байронъ или лучше то русское видоизмѣненіе байронизма, о которомъ упоминали, окончательно овладѣло имъ и подчинило его себѣ безраздѣльно.

Мы пришли къ основному началу, опредѣлившему и окрасившему собою одинъ замѣчательный періодъ въ жизни Пушкина, и уже необходимо должны ближе заняться вопросомъ,— чѣмъ сдѣлался вообще «байронизмъ» на русской почвѣ и какой стороной привился онъ въ частности къ нашему поэту?

Уже съ первыхъ шаговъ Пушкина въ Кишиневѣ можно усмотрѣть признаки особеннаго пониманія той свободы мысли, которую байронизмъ будто бы предоставляетъ человѣку, и той смѣлости поступковъ, на которую будто бы онъ уполномочиваетъ. Послѣ недолгаго пребыванія на квартирѣ, Пушкинъ переѣхалъ въ домъ, занимаемый намѣстникомъ Бессарабіи И. Н. Инзовымъ, въ старомъ городѣ, какъ сказали. Личность этого почтеннаго человѣка недостаточно изслѣдована у насъ, хотя вполнѣ заслуживала бы вниманія. Мы почти ничего не знаемъ о достойномъ генералѣ. Всѣ наши свѣдѣнія о немъ ограничиваются нѣсколькими оффиціальными данными, заключающимися въ извѣстномъ изданіи: «Александръ I и его сподвижники», да извѣстіями, что Инзовъ, черезъ воспитателя своего, князя Н. Н. Трубецкаго, а потомъ черезъ своего начальника, кн. Н. В. Репнина, при которомъ служилъ адъютантомъ, рано ознакомился съ ученіями нашихъ, такъ-называемыхъ, мартинистовъ прошлаго вѣка, и до конца жизни сохранялъ ихъ строгій взглядъ на жизнь и обязанности христіанина. Есть и еще одно свидѣтельство о почтенномъ генералѣ—это портретъ Инзова, оставленный намъ Ф. Ф. Вигелемъ въ его «Запискахъ»; но портретъ видимо написанъ подъ вліяніемъ оскорбленнаго самолюбія, ибо «Записки» Вигеля, несмотря на ихъ живое и мѣстами талантливое изложеніе, были у автора еще и орудіемъ посмертной мести противъ лицъ, когда-либо недовѣрявшихъ его нравственному характеру или помѣшавшихъ ему достичь вліятельнаго поста на службѣ, котораго онъ и не заслуживалъ по милости множества закоренѣлыхъ предразсудковъ. Вотъ почему, когда онъ рисуетъ честнаго и благороднаго Инзова мрачнымъ, сосредоточеннымъ въ себѣ честолюбцемъ, человѣкомъ необузданныхъ страстей, которыя онъ старался подавить въ себѣ, по принципу мистическаго самоумерщвленія, то мы уже догадываемся, почему такія, а не иныя краски очу-

тились на его кисти. Инзовъ, между прочимъ, исповѣдывалъ, какъ и вся его партія—извѣстное ученіе о *благодати*, способной просвѣтить всякаго человѣка, какимъ бы слоемъ пороковъ и заблужденій онъ ни былъ прикрытъ, лишь бы нравственная его природа не была окончательно извращена. Вотъ почему, напримѣръ, въ распущенномъ, подъ-часъ даже безумномъ Пушкинѣ, Инзовъ видѣлъ болѣе задатковъ будущности и моральнаго развитія, чѣмъ въ иномъ изящномъ господинѣ, съ приличными манерами, серьёзномъ по наружности, но глубоко испорченнымъ въ душѣ. По свидѣтельству покойнаго Н. А. Алексѣева, онъ былъ очень искусенъ въ такомъ распознаваніи натуръ, несмотря на кажущуюся свою простоту. Вотъ что̀ писалъ самъ Пушкинъ въ 1825 г. про Инзова, придавая своей автобіографической замѣткѣ форму діалога между собой и какимъ-то воображаемымъ высокопоставленнымъ лицомъ. Изъ этого діалога мы извлекаемъ слѣдующія строки: «Инзовъ меня очень любилъ и за всякую ссору съ молдаванами объявлялъ мнѣ комнатный арестъ и присылалъ мнѣ — скуки ради — французскіе журналы... Генералъ Инзовъ—добрый, почтенный... (человѣкъ). Онъ русскій въ душѣ. Онъ не предпочитаетъ перваго англійскаго шелопая своимъ соотечественникамъ. Онъ уже не волочится, страсти въ немъ уже давно погасли; онъ довѣряетъ благородству чувствъ, потому что самъ имѣетъ ихъ; не боится насмѣшекъ, потому что выше ихъ и никогда не подвергается заслуженной колкости, потому что онъ со всѣми вѣжливъ...» Очеркъ, конечно, слабъ, такъ какъ видимо служитъ Пушкину только оттѣнкомъ для какого-то другого характера, но и эти отрицательныя черты уже много говорятъ въ пользу перваго начальника нашего поэта.

Но какъ онъ отвѣчалъ на все благорасположеніе своего ментора? Мы знаемъ, что и прежде, и послѣ этой эпохи, Пушкинъ нисколько не церемонился въ обращеніи со всякаго рода авторитетами, ему встрѣчавшимися, что онъ никогда, ни передъ кѣмъ не могъ воздержаться отъ проказы или шутки; но здѣсь, по всему, что̀ до насъ дошло, примѣшалось къ этой чертѣ нѣчто злобное и разсчитанное. Онъ какъ будто съ наслажденіемъ дразнилъ стараго генерала. Тотъ же Вигель, и на этотъ разъ со всѣми признаками достовѣрности, разсказываетъ, что обѣдая у Инзова, Пушкинъ нарочно заводилъ вольнодумный разговоръ, и зная строго религіозныя убѣжденія хозяина, старался развивать наиболѣе противоположныя имъ теоріи. Замѣчательно, что онъ никогда не могъ окончательно разсердить Инзова, такъ какъ и Карамзина прежде. Напротивъ, когда въ 1823 г. Инзовъ сдалъ

должность начальника новороссійскаго края, которую исправлялъ съ іюля 1822 г., графу М. С. Воронцову, то всего болѣе огорченъ былъ добровольнымъ переходомъ на службу къ своему преемнику—бывшаго своего чиновника, столько имъ любимаго—Пушкина. «Вѣдь онъ ко *мнѣ* былъ посланъ»—жаловался добрый старикъ.

Кромѣ этой развязности въ обращеніи съ людьми, русскій байронизмъ отличался еще и другими своеобычными чертами. Онъ, напримѣръ, никогда не отдавалъ себѣ отчета о причинахъ ненависти къ политическимъ дѣятелямъ и къ современному нравственному положенію Европы, которой отличалось это ученіе заграницей. Нашему байронизму не было никакого дѣла до того глубокаго сочувствія къ народамъ и ко всякому моральному и матеріальному страданію, которое одушевляло западный байронизмъ. Наоборотъ, вмѣсто этой основы русскій байронизмъ уже строился на странномъ, ничѣмъ неизъяснимомъ, ничѣмъ неоправдываемомъ презрѣніи къ человѣчеству вообще. Изъ источниковъ байронической поэзіи и байроническаго созерцанія добыто было нашими передовыми людьми только оправданіе безграничнаго произвола для всякой слѣпо бунтующей личности и какое-то право на всякаго рода *«демоническія»* безчинства. Все это еще переплеталось у насъ съ подражаніемъ аристократическимъ пріемамъ благороднаго лорда, основавшаго направленіе и всегда помнившаго о своемъ происхожденіи отъ шотландскихъ королей, какъ извѣстно. Мы приводимъ здѣсь разительный примѣръ именно такого пониманія байронизма. Въ бумагахъ Пушкина осталась записка по-французски, неизвѣстно кѣмъ писанная, но, вѣроятно, вызванная какимъ-либо предшествующимъ разговоромъ ея автора съ нашимъ поэтомъ. Дикое сочетаніе аристократической кичливости, съ грубостію мысли и чувства, въ ней поразительны. «Vous êtes, mon digne maître, говоритъ записка, brave, mordant, méchant—cela n'est point assez: il faut être tyran, féroce, vindicatif. C'est où je vous prie de me conduire. Les hommes ne valent pas qu'on les évaluent par les étincelles de sentiments par lesquelles je me suis imaginé de les évaluer. C'est par *berquovetz* qu'il faut les estimer. Il faut devenir aussi égoiste et aussi méchant qu'ils le sont en général, pour en venir à bout. C'est alors seulement qu'on peut assigner la place qu'il convient à chacun d'occuper. Et ce bien cela, mon très-aimable compatriote ou bien ai-je tort? Prononcez!» («Вы, мой достойный наставникъ, смѣлы, язвительны, злы—но этого еще мало: надо быть тираномъ, свирѣпымъ, мстительнымъ. Прошу васъ научить меня

этому. Люди не стоятъ того, чтобъ ихъ цѣнили по искрамъ чувства, какъ я было вздумалъ ихъ оцѣнивать. Ихъ надо вѣсить *берковцами*. Подчинить ихъ себѣ можно только тогда, когда самъ сдѣлаешься такимъ же эгоистомъ и такимъ же злымъ, каковы они. Послѣ этого уже можно приступить къ назначенію каждому его настоящаго мѣста. Такъ ли это, мой любезнѣйшій соотчичъ, или я ошибаюсь? Рѣшайте».) Такія-то записки могъ получать теперь Пушкинъ—этотъ, по природѣ своей, какъ мы знаемъ, добродушный и любящій человѣкъ. Не по дѣйствію одной случайности, какъ намъ кажется, сохранилась и самая записка въ его бумагахъ. Можетъ быть, онъ тайно гордился въ это время титуломъ мастера въ наукѣ вздорной ненависти къ человѣчеству, которымъ чествовала его записка, сама будучи произведеніемъ пустого тщеславія, распаленнаго празднымъ существованіемъ на трудахъ и потѣ того самаго человѣка, котораго она учила презирать.

Мы приведены въ необходимость оспаривать мнѣніе, довольно распространенное, по которому весь кишиневскій періодъ Пушкинской жизни со всѣми его увлеченіями, считается дѣломъ преднамѣреннымъ у поэта, напускнымъ, заимствованнымъ, какъ мода. Друзья Пушкина, а за ними и біографы, распространившіе это мнѣніе, ссылаются въ подтвержденіе его не только на тѣ просвѣты поразительно трезвыхъ сужденій, какіе почасту бывали у поэта, но и на самыя статьи его, въ которыхъ заключаются автобіографическіе намеки, въ родѣ статьи: «Анекдотъ о Байронѣ», тогда же имъ написанной. Извѣстно, что эта статья говоритъ о врожденной религіозности Байрона и проводитъ мысль, что многое въ англійскомъ поэтѣ должно приписать его страсти или его слабости—казаться не тѣмъ, худшимъ, чѣмъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ. Говоря это, Пушкинъ могъ, будто бы, разумѣть столько же Байрона, сколько и самого себя. Но состояніе его тетрадей и записокъ, въ которыхъ Пушкинъ никогда не лгалъ на себя, опровергаетъ эти предположенія, показывая, что ночь, облегавшая сознаніе поэта въ кишиневскую эпоху, была дѣйствительной ночью и что яркіе просвѣты зрѣлой мысли, которыми она прорѣзывалась, свидѣтельствуютъ только о силѣ нравственнаго творчества, не вполнѣ утерянной имъ и тогда. Мы уже сказали, что поэзія, напримѣръ, была его спасительницей и вывела его опять къ свѣту и правдѣ, при врожденной мощи и крѣпости его мысли, созрѣвавшей чрезвычайно быстро, какъ окажется изъ дальнѣйшаго изложенія нашего очерка.

Совокупное дѣйствіе извѣстій о торжествѣ враждебныхъ ему

началъ въ Петербургѣ, вызывающихъ и возбудительныхъ подробностей тогдашней кишиневской жизни, а наконецъ слуховъ о греческомъ возстаніи въ Молдавіи, которое ознаменовало себя на первыхъ порахъ неимовѣрными жестокостями и предательствами, придало особый характеръ бесѣдамъ Пушкина съ самимъ собой. Тетради его каждой своей страницей говорятъ уже о необычайномъ состояніи его фантазіи, возбужденной до крайней высочайшей степени. Рисунки, которыми онъ любилъ досказывать все недоговоренное или неудобно-высказываемое, теперь умножаются. Одной стороной они примыкаютъ къ прежнимъ упражненіямъ этого рода, представляя, на подобіе ихъ, цѣпь мужскихъ и женскихъ головокъ, вѣроятно портретовъ, иногда цѣлыя фигуры, а иногда и полныя картинки, содержаніе которымъ давали теперь или анекдоты изъ жизни самого поэта, или скандалёзная хроника города Кишинева [1]). Пушкинъ какъ будто самъ занялся приготовленіемъ «иллюстраціи» для собственной біографіи. Но въ эту иллюстрацію ведены уже были черты и элементы, не существовавшіе до Кишинева, и послѣ Кишинева никогда неповторявшіеся болѣе: они поражаютъ своимъ характеромъ. Здѣсь именно является впервые тотъ циклъ художническихъ шалостей, которому французы даютъ названіе *diableries* — чертовщины. Этотъ родъ изображеній отличается у Пушкина, однакоже, совсѣмъ не шуткой: нѣкоторые эскизы обнаруживаютъ такую дикую изобрѣтательность, такое горячечное, свирѣпое состояніе фантазіи, что пріобрѣтаютъ просто значеніе симптомовъ какой-то душевной болѣзни, несомнѣнно завладѣвшей ихъ рисовальщикомъ.

Въ одной изъ тетрадей, послѣ помѣтокъ, способствующихъ къ открытію времени ея употребленія, изъ которыхъ одна гласитъ: «18 Juillet 1821, nouvelle de la mort de Napoléon»; а другая: «bal chez l'archevêque arménien» встрѣчается весьма сложная *«сатанинская»* композиція, описаніе которой дастъ понятіе читателю и о всѣхъ прочихъ того же рода. Подъ скрипку маленькаго бѣса съ хвостикомъ танцуютъ четыре мужскихъ и жен-

---

[1]) Такъ извѣстная продѣлка Пушкина съ молдавскимъ бояриномъ Бальшъ, котораго онъ заставилъ лично отвѣчать за неосторожное или необдуманное слово жены, получила слѣдующее „иллюстрированное" толкованіе. Пушкинъ изобразилъ въ пустой комнатѣ длиннаго сухощаваго человѣка, повидимому, только-что разбуженнаго, въ курткѣ, но безъ исподняго платья, который стоитъ съ раздвинутыми руками, и съ видомъ крайняго изумленія ищетъ этой принадлежности своего туалета. Комната украшена только деревяннымъ стуломъ, да на окнѣ, спиной къ зрителямъ, помѣщается символъ лукавой робости—кошка. Внизу надпись: „Ma femme, ma cullote, et mon duel donc! Ah, ma foi, qu'elle s'en tire comme elle voudra, puisque c'est elle qui porte cullotte".

скихъ бѣсенятъ, надѣленныхъ тоже хвостиками. На поляхъ картинки, составляя рамку ея, видны двѣ висѣлицы: подъ одной изъ нихъ, съ повѣшеннымъ человѣкомъ, сидитъ задумавшись мужчина въ большой круглой шляпѣ; подъ другой видно колесо и орудія пытки. Картинка имѣетъ еще и соотвѣтствующій эпилогъ: внизу ея распростертъ скелетъ, со стоящей передъ нимъ фигурой на колѣняхъ, какъ будто старающейся отыскать признакъ жизни въ костякѣ. Черезъ страничку является и достойное «pendant» къ этой композиціи. «Pendant» изображаетъ большого бѣса, сидящаго въ тюрьмѣ, за рѣшеткой, и грѣющаго ноги у огня. Нельзя не обратить вниманія на господствующій мотивъ всѣхъ этихъ рисунковъ, постоянно вертящихся около представленій тюрьмы, казни, пытокъ и проч. Мотивъ не ослабѣваетъ, не изнашивается въ теченіи цѣлаго года. Такъ въ рисункѣ, принадлежащемъ уже къ 1821 г., мы еще видимъ чортика, распростертаго на желѣзной рѣшеткѣ, подъ которую подложенъ огонь, усердно раздуваемый другимъ, приникшимъ къ землѣ чортикомъ. Сверху, какъ-бы съ неба, летитъ на помощь паціенту какая-то крылатая женщина, по фигурѣ принадлежащая къ тому же семейству демоническихъ личностей. Для того, чтобы подолгу останавливаться на производствѣ этого цикла фантастическихъ изображеній, надобно было находиться въ особенномъ нравственномъ и патологическомъ состояніи.

Нѣтъ никакой возможности остановиться на мысли, что всѣ эти рисунки слѣдуетъ отнести къ пустымъ произведеніямъ праздныхъ минутъ Пушкина. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи оказывается, что они были предтечами и такъ сказать живописной пробой серьёзнаго литературнаго замысла—именно большой политической и общественной сатиры, которая и начинается въ средѣ ихъ, какъ въ своемъ настоящемъ источникѣ. Дѣйствіе ея должно было происходить тоже въ аду, при дворѣ сатаны. Если судить по нѣсколькимъ стихамъ или лучше по нѣкоторымъ обломкамъ стиховъ, вырваннымъ нами изъ хаоса (и то съ великимъ усиліемъ) ея перемаранныхъ строчекъ, поэма начиналась у Пушкина довольно торжественно. Нѣтъ сомнѣнія, что слѣдующія строчки отзываются чѣмъ-то торжественнымъ:

„Во тмѣ кромѣшной...
Откуда изгнаны навѣкъ
Надежда, миръ, любовь и сонъ,
Гдѣ море адское клокочетъ,
Гдѣ грѣшника внимая стонъ
Ужасный сатана хохочетъ...“

Тотъ же эпическій тонъ сохраняется и въ слѣдующемъ отрывкѣ, какъ намъ кажется:

„Одинъ (сатана) въ своихъ чертогахъ онъ,
Свободнѣй грудь его вздыхаетъ,
Живѣе мрачное чело
Волненье сердца выражаетъ:
Такъ моря зыбкое стекло“...

Пріемы эти, однако же, скоро пропадаютъ и уже въ отрывкахъ, добытыхъ нами изъ второго приступа Пушкина къ своей поэмѣ, они смѣняются ироніей и шуткой, обнаруживая гораздо бóльшую развязность кисти, чѣмъ прежде. Считаемъ нужнымъ еще разъ повторить, что стихи, которые мы приводимъ, никакъ не могутъ считаться стихами въ настоящемъ смыслѣ слова и о томъ, чтó бы вышло изъ нихъ у Пушкина, не даютъ ни малѣйшаго понятія.

„Такъ вотъ дѣтей земныхъ изгнанье!
Какой порядокъ и молчанье!
Какой огромный сводовъ рядъ!..
Но гдѣ же грѣшниковъ варятъ?..
— Тамъ, гораздо далѣ.
— Гдѣ мы теперь? — Въ парадной залѣ!“

Кто этотъ отвѣтчикъ, мы не знаемъ. Разговоръ между посѣтителемъ ада и его руководителемъ, неизвѣстнымъ Виргиліемъ поэмы, продолжается еще далѣе, въ томъ же тонѣ:

„Сегодня балъ у сатаны,
. . . На имянины всѣ званы...
Смотри какъ два бѣсенка
На кухню тащутъ поросенка...
А этотъ бѣсъ — какъ важенъ онъ!
Какъ чинно выметаетъ вонъ
Опилки, сѣру, пыль и кости...
Скажи мнѣ — скоро-ль будутъ гости?“

Мы приведемъ еще и третій отрывокъ, несмотря на безсвязность его, въ которой виноватъ опять нашъ, по необходимости, плохой разборъ. Въ немъ уже является и первый гость:

— Кто тамъ?
— Привелъ я гостя. — Ахъ, Создатель,
Вотъ докторъ Ф. [1]) нашъ пріятель! —
— Живой! — Онъ живъ, да нашъ давно.
Сегодня-ль, завтра-ль, все равно!
— Объ этомъ думаютъ двояко;

---

[1]) Не Фрикенъ-ли? извѣстный кишиневскій врачъ того времени.

Обычай требовалъ однако
Соизволенья моего... [1])“

Итакъ, вотъ всѣ осколки какого-то литературнаго замысла. По отсутствію програмы, на этотъ разъ совершенно недостающей, сверхъ обыкновенія, сатирической поэмы Пушкина, всякія догадки о ея содержаніи, конечно, становятся невозможны, но, однако же, позволительно, думаемъ, сдѣлать предположеніе, что въ числѣ грѣшниковъ, варящихся въ аду и въ сонмѣ гостей, созванныхъ на праздникъ геены, явились бы у Пушкина нѣкоторыя лица городского кишиневскаго общества и наиболѣе знаменитыя политическія имена тогдашней Россіи, пріемъ которыхъ въ подземномъ царствѣ соотвѣтствовалъ бы, разумѣется, представленію автора о ихъ бывшей или текущей земной дѣятельности. Мы уже знаемъ, что по роду своего таланта Пушкинъ не могъ долго выдерживать, несмотря на всѣ искусственныя возбужденія духа, чисто сатирическаго настроенія [2]). Вотъ почему сатанинская поэма, задуманная имъ, была брошена послѣ нѣсколькихъ пріемовъ и уступила мѣсто другой, не менѣе сатанинской, но болѣе чувственной и страстной поэмѣ. Эту поэму онъ и кончилъ, сообщивъ ей, между прочимъ, изумительную отдѣлку. Поэма нажила ему много хлопотъ впослѣдствіи, а что́ всего важнѣе, составила для него предметъ неумолкаемыхъ угрызеній совѣсти и вѣчнаго раскаянія—до конца жизни, какъ уже сказали. Въ нее, въ эту поэму именно и разрѣшилась наконецъ вся фантастическая «чертовщина», нами описанная, что́ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и короткая програма поэмы, нашедшая себѣ достойное мѣсто въ промежуткахъ между упомянутыми рисунками. По циническому и кощунскому своему характеру, она не можетъ и не заслуживаетъ быть выписанной здѣсь.

Итакъ, съ рокового 1821 г. начинается короткая полоса Пушкинскаго кощунства и крайняго отрицанія, о которой при-

---

[1]) Одинъ отрывокъ изъ того же плана поэмы,—смерть обыгрывающая посѣтителя въ карты—приведенъ въ „Сочиненіяхъ Пушкина“ 1857 г., т. VII-й, лис. 88-й.

[2]) Этому не противорѣчитъ и значительное количество эпиграммъ, оставшихся у Пушкина отъ кишиневской жизни и написанныхъ для потѣхи пріятелей. Онѣ не имѣютъ ничего общаго съ сатирой, требующей другого настроенія. Всѣ онѣ, сколько мы ихъ ни видѣли, уже потеряли отъ времени свою соль и жало. Таковы эпиграммы на К—зи, на Ѳедора Кру—го, прозваннаго Тадарашкой, на извѣстную умницу Тарсисъ (кишиневская Жанлисъ), на страстную игрицу въ банкъ m-me Богданъ и т. д. Къ тому же роду принадлежатъ эпиграммы и посланія къ Аглаѣ, обращенія къ женщинѣ, потерявшей одинъ глазъ и проч. Циническія эпистолы къ еврейкѣ, содержательницѣ одного постоялаго дома, довершаютъ этотъ рядъ застольныхъ экспромптовъ и произведеній.

нято у насъ умалчивать, какъ будто это мимолетное и случайное настроеніе способно въ глазахъ мыслящаго человѣка измѣнить или отнять хоть одну черту изъ того свѣтлаго образа его симпатической личности, постоянно выражавшей чистѣйшія стремленія человѣческой души, который сложился въ представленіи публики и ничѣмъ потрясенъ быть не можетъ. Опасенія друзей и поклонниковъ Пушкина за его образъ, на основаніи того или другого факта изъ его жизни, по крайней мѣрѣ, напрасны и доказываютъ, что они еще не усвоили себѣ полнаго пониманія типа, за который радѣютъ...

Прослѣдимъ далѣе всю эту исторію заблужденій самаго свѣтлаго ума эпохи, поучительную во многихъ отношеніяхъ и для нашихъ современниковъ.

Въ процессѣ усвоенія Пушкинымъ псевдо-байроническихъ пріемовъ и навыковъ мысли, очень видную и вліятельную роль играетъ село Каменка, Кіевской губерніи—помѣстье Давыдовыхъ, которые по матери, въ первомъ замужствѣ Раевской — приходились близкими родственниками какъ старому генералу Раевскому, ея сыну, такъ и двумъ пріятелямъ Пушкина, Александру и Николаю Раевскимъ, ея внукамъ. Зимой 1821 г., генералъ Инзовъ отпустилъ Пушкина въ Кіевъ отпраздновать свадьбу генерала М. Ѳ. Орлова, который женился на одной изъ Раевскихъ — Катеринѣ Николаевнѣ, а оттуда Пушкинъ въ февралѣ того же года проѣхалъ въ Каменку, гдѣ, между прочимъ, окончилъ «Кавказскаго Плѣнника». Тамъ-то онъ встрѣтился съ декабристомъ И. Д. Якушкинымъ, объѣзжавшимъ южный край съ цѣлью узнать мнѣнія членовъ бывшаго Союза Благоденствія и вообще либеральныхъ людей мѣстности объ упраздненіи Союза, произнесенномъ въ Москвѣ и о взглядахъ ихъ относительно тайныхъ обществъ вообще. Якушкинъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что наканунѣ его отъѣзда изъ Каменки тамъ составлено было присутствующими нѣчто въ родѣ формальнаго совѣщанія, гдѣ обсуждался вопросъ о томъ: нужны или нѣтъ тайныя общества въ Россіи; что Пушкинъ стоялъ за необходимость послѣднихъ; что при закрытіи совѣщанія, достаточно обнаружившаго мнѣнія его участниковъ, Пушкинъ, ожидавшій немедленнаго посвященія себя въ члены тайнаго общества, подошелъ къ нему, Якушкину, съ упрекомъ и сказалъ: «Я никогда не былъ такъ несчастливъ, какъ въ эту минуту: я уже видѣлъ жизнь свою облагороженной, и все это оказалось злой шуткой». Все это правдоподобно, хотя и можно сомнѣваться относительно точныхъ словъ Пушкина при этомъ случаѣ, которыя, заключая въ себѣ ту же мысль, могли

быть и иныя; но дѣло въ томъ, что произнося ихъ въ минуту воодушевленія, онъ также мало былъ заговорщикомъ и отчаяннымъ радикаломъ, какъ мало былъ атеистомъ, создавая свои поэмы и эпиграммы въ воспаленномъ состояніи ума.

Сама пресловутая «деревня Каменка» держала Пушкина подъ своимъ вліяніемъ совсѣмъ не революціонной пропагандой, которой у нея никогда и не было, несмотря на то, что при образованіи тайнаго общества на югѣ (1823 г.) въ число его членовъ попали В. Л. Давыдовъ, князь С. Г. Волконскій, В. А. Поджіо, люди, связанные близкимъ родствомъ между собой и съ хозяевами «деревни». Еще не опредѣлено доселѣ—насколько согласіе участвовать въ заговорѣ выходило у лицъ, замѣшанныхъ въ немъ, изъ твердаго политическаго убѣжденія ихъ, и насколько оно было дѣломъ случайности, уваженія и довѣрчивости къ вербовщику и даже просто фальшиваго стыда передъ смѣлымъ ораторомъ. Ни тогда, ни позднѣе Каменка не отличалась твердымъ служеніемъ какой-либо политической идеѣ или яснымъ пониманіемъ и преслѣдованіемъ какой-либо цѣли и задачи пропагандпаго свойства. Она подчиняла себѣ Пушкина совсѣмъ не общественной или революціонной стороной своей дѣятельности, а тономъ своихъ сужденій о лицахъ и предметахъ, образомъ мышленія, въ ней господствовавшимъ, способомъ относиться къ явленіямъ жизни и духовному міру человѣка, ею усвоеннымъ. Ни передъ кѣмъ такъ не хотѣлось Пушкину блеснуть либерализмомъ, свободой *отъ предразсудковъ*, смѣлостію выраженія и сужденія, какъ передъ друзьями, оставленными въ Каменкѣ. Можно сказать, что пресловутая деревня постоянно носилась передъ глазами его и служила какъ-бы орудіемъ, которое держало его на крайнихъ вершинахъ русско-байроническаго настроенія. Не подлежитъ сомнѣнію, что оттуда же получилъ онъ и созерцаніе, подсказавшее извѣстныя его «Наставленія» меньшому брату Льву Сергѣевичу при выходѣ его въ свѣтъ, писанныя по-французски въ самый разгаръ сношеній наставника съ Каменкой и помѣщенныя частію въ нашихъ «Матеріалахъ» (1855, т. I, с. 234), и полнѣе въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1859, № 1, и въ монографіи г. Бартенева. Приводимъ здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ «Наставленія» въ нашемъ переводѣ: «Тебѣ предстоятъ столкновенія съ людьми, которыхъ ты еще не знаешь. Прежде всего постарайся думать объ этихъ людяхъ какъ можно хуже: тебѣ не часто придется поправлять свое сужденіе... Презирай ихъ, какъ можно вѣжливѣе: въ этомъ заключается лучшее средство уберечься отъ ничтожныхъ предразсудковъ и ничтожныхъ страстишекъ, которыя

ждутъ тебя при появленіи въ свѣтъ... Не будь угодливъ и подавляй въ себѣ чувство доброжелательства, къ которому можешь быть склоненъ. Люди не понимаютъ его и расположены видѣть въ немъ низость, такъ какъ всегда рады судить другихъ по самимъ себѣ... Никогда не принимай благодѣяній: по большей части благодѣяніе есть не что иное, какъ предательство... Относительно женщинъ—желаю тебѣ отъ души обладать той, которую ты полюбишь» и проч.

Нѣкоторые изъ афоризмовъ, заключающихся тутъ, звучатъ совершенно одинаково, по нашему мнѣнію, съ афоризмами цинической записки, совѣтовавшей ненавидѣть человѣчество, которую уже знаемъ. Достаточно сблизить нѣсколько цитатъ изъ обоихъ мизантропическихъ кодексовъ этихъ, для того, чтобъ усмотрѣть ихъ родство и внутреннюю связь. Если бы это мрачное воззрѣніе на общество и на условія человѣческаго существованія въ средѣ его соединялось еще съ отдаленіемъ отъ забавъ и искушеній свѣта, можно бы было признать, по крайней мѣрѣ, послѣдовательность и достоинство строгой выдержки въ исповѣдникахъ такого ученія. Ничего подобнаго, однако же, у нихъ не встрѣчается, а наоборотъ, можно положительно утверждать, что они были рабами, въ полномъ смыслѣ слова, того самаго свѣта, котораго учили презирать и остерегаться. Они жаждали его одобреній, похвалъ, его удивленія. Такъ и Пушкинъ много говорилъ и дѣлалъ лишняго для вызова восторговъ и рукоплесканій у толпы, а всего болѣе у своихъ пріятелей Каменки. Онъ вернулся отъ нихъ въ Кишиневъ наканунѣ, можно сказать, бѣгства изъ города князей А. Ипсиланти и Кантакузена въ Молдавію, поднятія ими знамени возстанія и начала греческой революціи. Въ рукахъ кого-либо изъ тогдашнихъ обитателей Каменки должно храниться посланіе Пушкина къ одному изъ Давыдовыхъ, изъ котораго приводимъ здѣсь нѣсколько стиховъ, по черновому списку:

«Межъ тѣмъ, какъ генералъ Орловъ,
Обритый рекрутъ Гименея,
Подъ мѣрку подойти готовъ,
Священной страстью пламенѣя;
Межъ тѣмъ, какъ ты, проказникъ умный,
За ужиномъ съ бутылками аи,
Проводишь ночь въ бесѣдѣ шумной
. . . . . Раевскіе мои.
Когда вездѣ весна младая
Съ улыбкой распустила грязь
И съ горя на брегахъ Дуная

Бунтуетъ нашъ безрукій князь [1]—
Тебя, Раевскихъ и Орлова,
И память Каменки любя,
Хочу сказать тебѣ два слова
Про Кишиневъ и про себя»...

Строфа, слѣдующая затѣмъ, посвящена извѣстію о смерти митрополита, извѣстію, которое, между прочимъ, съ нѣкоторыми подробностями о похоронахъ этого іерарха, находится и въ печатныхъ запискахъ Пушкина, но тонъ печатной замѣтки, конечно, значительно разнится отъ тона посланія, постоянно отличающагося характеромъ развязной до неприличія шутки. Въ томъ же самомъ тонѣ слѣдуютъ строфы и далѣе:

«Говѣетъ Инзовъ и намедни
Я промѣнялъ Вольтера бредни
И лиру, грѣшный даръ судьбы,
На часословъ и на обѣдни,
Да на сушеные грибы...»

И такъ далѣе, до послѣднихъ предѣловъ глумленія. Окончаніе посланія не представляетъ уже никакой возможности для разбора, пропадая въ безконечныхъ поправкахъ. Пушкинъ вспоминаетъ тутъ, какъ Давыдовъ съ братомъ своимъ («Аристиппомъ» другихъ стихотвореній поэта) надѣвали демократическій халатъ и выпивали чашу до дна *за тѣхъ* и *за ту*, но *тѣ*, прибавляетъ авторъ, въ Неаполѣ шалятъ, а *та* едва ли воспрянетъ: народы тишины хотятъ, усталыхъ къ миру тянетъ и проч. Не трудно догадаться, что подъ *тѣми* Пушкинъ подразумѣвалъ итальянскихъ карбонаровъ, а подъ *той*—революціонную Францію, скованную реставрацiей и даже воевавшую за укрѣпленіе династіи Бурбоновъ въ Испаніи.

Здѣсь, между прочимъ, впервые упоминается *о бунтѣ А. Ипсиланти.* Вѣсть о томъ, что долго и въ тайнѣ формировавшаяся этерія начала внезапно борьбу съ Турціей у самыхъ границъ Бессарабіи, поразила кишиневское общество изумленіемъ. По прибытіи Пушкина изъ Каменки, гдѣ, какъ мы видѣли, онъ довольно долго гостилъ, возстаніе этеристовъ было уже совершившимся фактомъ: 5-го марта 1821 г. уже начались рѣзня и убійства въ Яссахъ и Галацѣ. Пушкинъ едва успѣлъ собрать первыя подробности о дѣлѣ, какъ, съ дозволенія Инзова, уѣхалъ въ Одессу (май, 1821) и уже оттуда извѣщалъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, кого-либо также изъ каменскихъ жителей, слѣдующимъ письмомъ о началѣ греческой революціи: «Увѣдомляю тебя о

[1] Князь Ипсиланти.

происшествіяхъ, которыя будутъ имѣть послѣдствія важныя не только для нашего края, но и для всей Европы.

«Греція возстала и провозгласила свою свободу. Теодоръ Владиміреско, служившій нѣкогда въ войскахъ покойнаго князя Ипсиланти, въ началѣ февраля нынѣшняго года вышелъ изъ Бухареста съ малымъ числомъ вооруженныхъ арнаутовъ и объявилъ, что греки не въ силахъ болѣе выносить притѣсненій и грабительствъ турецкихъ начальниковъ, что рѣшились освободиться отъ незаконнаго ига, что... [1]). Сія прокламація взволновала всю Молдавію. Кн. Суццо и... консулъ хотѣли удержать распространеніе бунта. Пандуры и арнауты отовсюду бѣжали къ смѣлому Владиміреско—и въ нѣсколько дней онъ уже начальствовалъ 7000 войска.

«21-го февраля генералъ князь Александръ Ипсиланти, съ двумя изъ своихъ братьевъ и съ княземъ Геор. Кантакузенъ, прибылъ въ Яссы изъ Кишинева, гдѣ оставилъ онъ мать, сестеръ и двухъ братьевъ. Онъ былъ встрѣченъ тремя стами арнаутовъ, и... и тотчасъ принялъ начальство города. Тамъ издалъ онъ прокламаціи, которыя быстро разошлись повсюду: въ нихъ сказано, что Фениксъ Греціи воспрянетъ изъ своего пепла, что часъ гибели для Турціи насталъ и проч., *и что великая держава одобряетъ подвигъ великодушный*. Греки стали стекаться толпами подъ его трое знаменъ, изъ которыхъ одно трехъ-цвѣтное, на другомъ развѣвается крестъ, обвитый лаврами, съ текстомъ: «симъ знаменемъ побѣдиши»; на третьемъ изображенъ возрождающійся фениксъ. Я видѣлъ письмо одного инсургента. Съ жаромъ описываетъ онъ обрядъ освященія знаменъ и меча князя Ипсиланти, восторгъ духовенства и народа; прекрасныя минуты надежды и свободы!

«Въ Яссахъ все спокойно. Семеро турокъ были приведены къ Ипсиланти и тотчасъ казнены,—странная новость со стороны европейскаго генерала! Турки, въ числѣ 100 человѣкъ, были перерѣзаны, 30 грековъ убиты тоже. Извѣстіе о возмущеніи дошло до Константинополя. Ожидаютъ уже... но еще ихъ нѣтъ. Трое бѣжавшихъ грековъ находятся со вчерашняго дня въ здѣшнемъ карантинѣ. Они уничтожили многіе ложные слухи. Старецъ Али принялъ христіанскую вѣру и окрещенъ именемъ Константина. 2-хъ-тысячный отрядъ его, который шелъ на соединеніе съ суліотами, уничтоженъ турецкимъ войскомъ. Восторгъ умовъ дошелъ до высочайшей степени: всѣ мысли устремлены къ одному

[1]) Письмо въ этомъ мѣстѣ прожжено два раза насквозь.

предмету—на независимость древняго отечества. Въ Одессѣ я уже не засталъ любопытнаго зрѣлища: въ лавкахъ, на улицахъ, въ трактирахъ—вездѣ собирались толпы грековъ; всѣ продавали за ничто свое имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты; всѣ говорили о Леонидѣ, объ Ѳемистоклѣ, всѣ шли въ войско счастливца Ипсиланти. Жизнь, имѣнія грековъ въ его распоряженіи! Въ началѣ имѣлъ онъ два милліона. Одинъ Паули далъ 600,000 піастровъ, съ тѣмъ, чтобы ему ихъ возвратить *по возстановленіи Греціи!* 10,000 грековъ записалось въ войско. Ипсиланти идетъ на соединеніе съ Владиміреско. Онъ называется главнокомандующимъ сѣверныхъ греческихъ войскъ и уполномоченнымъ тайнаго правительства. Должно знать, что уже 30 лѣтъ составилось и распространилось тайное общество, коего цѣлью было освобожденіе Греціи. Члены раздѣлены были на три степени. Низшую степень составляла военная (т.-е. состоявшая изъ военныхъ людей), вторую граждане: члены ихъ имѣли право каждый пріискивать себѣ товарищей, но не воиновъ, которыхъ избирала только 3-я, высшая степень. Ты видишь простой ходъ и главную мысль сего общества, котораго основатели еще неизвѣстны. Отдѣльная вѣра, отдѣльный языкъ, независимость книгопечатанія; съ одной стороны просвѣщеніе, съ другой глубокое невѣжество—все покровительствовало вольнолюбивымъ патріотамъ. Всѣ купцы, все духовенство, до послѣдняго монаха считались въ обществѣ, которое нынѣ торжествуетъ. Вотъ тебѣ подробное описаніе послѣднихъ происшествій нашего края; кинемъ пророческій взоръ на будущее и постараемся разгадать судьбу Греціи.

«Странная картина! Два народа, давно падшихъ въ презрительное ничтожество, въ одно время возстаютъ отъ долгаго усыпленія и возобновляются, являются на политическомъ поприщѣ міра [1]). Первый шагъ Ипсиланти прекрасенъ и блистателенъ! Онъ счастливо началъ!!—28 лѣтъ, оторванная рука, цѣль великодушная! отнынѣ онъ принадлежитъ исторіи: завидная участь! Кинжалъ измѣнника опаснѣе для него сабли турковъ; Константинъ [2]) не будетъ совѣстливѣе Клодовика и вліяніе молодого мстителя Греціи можетъ его встревожить. *Признаюсь, я бы посовѣтовалъ кн. Ипсиланти предупредить престарѣлаго злодѣя:* нравы той страны, гдѣ онъ теперь дѣйствуетъ, оправдываютъ политическія убійства.

---

[1]) Пушкинъ, вѣроятно, подразумѣвалъ во второмъ народѣ Италію и карбонарское движеніе ея.

[2]) То-есть Али-Паша, принявшій христіанство.

«Важный вопросъ: что́ станетъ дѣлать Россія? Займемъ ли мы Молдавію и Валахію подъ видомъ миролюбивыхъ посредниковъ; перейдемъ ли мы за Дунай союзниками грековъ и врагами ихъ враговъ? Во всякомъ случаѣ буду увѣдомлять».

Восторженный тонъ по поводу возстанія, которымъ отличается письмо — приводимое тоже съ черноваго оригинала — не долго держался у Пушкина, какъ мы увидимъ скоро. Мысль о необходимости въ иныхъ случаяхъ политическихъ убійствъ доказываетъ, что Пушкинъ старался играть роль свободномыслящаго человѣка передъ друзьями чрезвычайно тщательно, но у него была еще переписка изъ Одессы съ кишиневскими знакомыми и особенно знакомками, которая носитъ совсѣмъ другой характеръ. Она возвращаетъ насъ къ описанію самого общества, гдѣ процвѣтали его корреспонденты. Какъ элементъ броженія, возмутившій физическій и нравственный организмъ Пушкина, оно заслуживаетъ стоять на первомъ мѣстѣ въ біографическомъ описаніи.

Кишиневское общество, какъ и всякое другое, искало удовольствій и развлеченій, но благодаря своему составу изъ помѣси греко-молдаванскихъ національностей, оно имѣло забавы и наклонности, ему одному принадлежащія. Многія изъ его фамилій сохраняли еще черты и преданія турецкаго обычая, что́ въ соединеніи съ національными ихъ пороками и съ европейской испорченностію представляло такую смѣсь нравовъ, которая раздражала воображеніе и туманила разсудокъ, особенно у молодыхъ людей, попадавшихъ въ эту атмосферу любовныхъ интригъ всякаго рода. По внѣшности кишиневская жизнь ничѣмъ не отличалась отъ жизни губернскихъ городовъ нашихъ: тѣ же рауты, балы, игрецкіе дома, чопорныя прогулки въ извѣстной части города по праздникамъ, бѣготня и поздравленія начальниковъ въ торжественные дни и проч., но эта обстановка едва прикрывала своеобычныя черты домашняго и нравственнаго быта жителей, не встрѣчавшіяся нигдѣ болѣе, кромѣ этой мѣстности. Съ перваго раза бросалось въ глаза повсемѣстное отсутствіе въ туземномъ обществѣ не только моральныхъ правилъ, но и просто органа для ихъ пониманія. То, что́ повсюду принималось бы, какъ извращеніе вкусовъ или какъ тайный порокъ, составляло здѣсь простую этнографическую черту до того общую, что объ ней никто и не говорилъ, подразумѣвая ее безъ дальнѣйшихъ околичностей. Правда, что въ нѣкоторыхъ домахъ всѣ крупныя этнографическія черты подобнаго рода стояли открыто на виду, а въ другихъ таились глубоко въ нѣдрахъ семей, но отыскать ихъ тамъ находились всегда охотники, заранѣе увѣренные въ успѣхѣ. Люди

заѣзжіе изъ Россіи употребляли на поиски этихъ рѣдкостей много времени и не очень давно встрѣчались еще старожилы, которые признавали свою кишиневскую жизнь самымъ веселымъ временемъ своего существованія. Пушкинъ не отставалъ отъ другихъ. Душная, но сладострастная атмосфера города, мало-эстетическія, но своеобразныя наклонности и привычки его обитателей дѣйствовали на него, какъ вызовъ. Онъ шелъ на встрѣчу ему, какъ бы изъ «point d'honneur». Картина Кишинева, которую здѣсь представляемъ, оправдывается всѣми свидѣтельствами современниковъ, несмотря на многочисленныя ихъ умолчанія и вообще смягчающій тонъ. Мы не преувеличиваемъ ея выраженія, а скорѣе еще не уловили вполнѣ характера распущенности, какимъ отличался городъ въ самомъ дѣлѣ. Это подтверждается и фактами.

«Воспоминанія» И. П. Липранди, о которыхъ уже упоминали, напримѣръ, даютъ возможность, несмотря на свой сдержанный тонъ, бросить взглядъ на внутренній бытъ этого общества, и содержатъ много любопытныхъ откровеній и разоблаченій. Для представленія обстановки Пушкина въ Кишиневѣ не мѣшаетъ ознакомиться съ характеромъ самихъ домовъ, гдѣ онъ любилъ проводить свое время. Такъ, у вице-губернатора М. Е. Крупянскаго процвѣтала карточная игра, кончавшаяся обыкновенно ужиномъ. Пушкинъ былъ усердный посѣтитель его вечеровъ, столько же привлекаемый игрой, сколько и встрѣчами въ его семействѣ съ красавицей молдаванкой, Маріей Егоровной, по мужу Ейхвельтъ, которая получила прозваніе еврейки за воображаемое сходство съ Ревеккой Вальтеръ-Скоттовскаго романа: «Айвенго»— (не должно смѣшивать ее съ еврейкой циническихъ эпиграммъ Пушкина). Въ другомъ домѣ Кишинева, именно у члена верховнаго совѣта Е. К. Варфоломея, Пушкинъ встрѣчалъ опять красавицу, дочь хозяина, знаменитую Пульхерію Егоровну. Пѣсенка, тогда же сложенная въ ея честь и очень распространенная въ городѣ, называетъ ее «Кишиневскій нашъ божокъ». Здѣсь уже царствовали танцы подъ звуки домашняго оркестра изъ крѣпостныхъ цыганъ, прерывавшаго кадрили и мазурки болѣе или менѣе дикими пѣснями своего народа. Обѣ героини, Эйхвельтъ и Варфоломей, имѣли еще по пріятельницѣ, изъ которыхъ каждая не уступала имъ самимъ ни въ красотѣ, ни въ жаждѣ наслажденій, ни въ способности къ бойкому разговору. Между этими молодыми женщинами Пушкинъ и тогдашній его повѣренный по всѣмъ дѣламъ кишиневской жизни, Н. С. Алексѣевъ, къ которому онъ скоро и переселился на житье изъ строгаго дома ген. Инзова, и устроили перекрестную нить волокитства и любовныхъ

интригъ. Всѣ эти свѣдѣнія нужны еще и для того, чтобъ понимать намеки въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ и въ послѣдующей перепискѣ Пушкина, въ которыхъ онъ упоминаетъ о еврейкѣ, Пульхеріи и проч., присоединяя къ нимъ иногда (какъ въ письмѣ къ Алексѣеву уже отъ 1830) имена Стамо, Худобашева. Стамо и Худобашевъ были чиновниками нашего правительства, служившими Пушкину мишенью для насмѣшекъ и подъ-часъ весьма нецеремонныхъ шутокъ. Стамо онъ даже считалъ своимъ братомъ по Аполлону, такъ какъ тотъ занимался еще и поэзіей.

Не даромъ отпрашивался Пушкинъ у добродушнаго Инзова и въ Одессу такъ часто. Тамъ у него были новыя любовныя связи, не уступавшія кишиневскимъ, но никогда не заслонявшія ихъ. Нѣкоторыя имена изъ числа этихъ послѣднихъ онъ даже и популяризировалъ на Руси; какъ напримѣръ имя пресловутой «Калипсо». Мы видѣли еще черновое письмо Пушкина изъ Одессы отъ этой эпохи къ двумъ кишиневскимъ дамамъ, фамиліи которыхъ неизвѣстны. Въ посланіи своемъ, Пушкинъ преимущественно обращается къ той изъ нихъ, которую называетъ уменьшительнымъ именемъ Maïguine, aimable Maïguine, и вотъ какой рѣчью говоритъ съ ней»: Hélas, aimable Maïguine, loin de vous mes facultés s'anéantissent; j'ai perdu jusqu'au talent des carricatures, quoique la famille du pr. M-r. soit digne d'en inspirer... Mais est-il vrai que vous crûtes venir à Odessa. Venez au nom de Dieu. Nous aurons pour vous attirer bal, opéra italien, soirées, concerts, cicisbés soupirant—tout ce qu'il vous plaira. Je contreferai le singe et je vous dessinerai M-me de T.... A propos de l'Aretin — je vous dirai, que je suis devenu chaste et vertueux—c'est à dire en parole, car ma conduite a toujours été telle и т. д. Посланіе было бы просто непонятно, если бы мы не знали, что наглость обращенія съ людьми вообще входила въ систему русскаго байронизма и что она вызывалась, кромѣ всего другого, еще и моральной бѣдностью самого общества, съ которымъ поэтъ пришелъ въ соприкосновеніе. Обыкновенно случалась бѣда для кого-нибудь, если при игрѣ и самомъ ходѣ этихъ интригъ встрѣчался какой-нибудь непрошенный человѣкъ на пути, въ родѣ неизвѣстнаго француза, по имени Дегильи, котораго Пушкинъ письменно вызывалъ на дуэль, вѣроятно для отстраненія его соперничества. Чтобы покончить съ этимъ порядкомъ фактовъ приводимъ отвѣтъ Пушкина, когда Дегильи устранился отъ дуэли. Отвѣтъ сообщенъ намъ Н. С. Алексѣевымъ.

Avis à M-r Deguilly, ex-officier français.

Il ne suffit pas d'être un Jean.....; il faut encore l'être franchement.

A la veille d'un f... duel au sabre, on n'écrit pas sous les yeux de sa femme des jérémiades et son testament. On ne fabrique pas des contes à dormir debout avec les autorités de la ville, afin d'empêcher une égratignure. On ne compromet pas deux fois son second. (Выноска Пушкина: Ni un général qui daigne recevoir un piedplat dans sa maison).

Tout ce qui est arrivé, je l'ai prevu, je suis faché de n'avoir pas parié.

Maintenant tout est fini, mais prenez garde à vous. Agréez l'assurance des sentiments que vous méritez.

Pouschkine.

6 Juin, 1821.

Notez encore que maintenant en cas de besoin je saurai faire agir mes droits de gentilhomme russe, puisque vous n'entendez rien au droit des armes.

Пушкинъ не считалъ тогда унизительнымъ для себя дѣйствовать такимъ образомъ и говорить языкомъ обоихъ приведенныхъ документовъ.

За исключеніемъ двухъ-трехъ греческихъ и русскихъ домовъ, державшихся въ сторонѣ отъ общества и поставленныхъ на европейскую ногу, не съ кѣмъ было и завязывать серьёзныхъ отношеній: все остальное населеніе города, высшій классъ его, не понимали даже особеннаго привилегированнаго положенія, въ которое поставлена была Бессарабія или понимали его очень узко и своекорыстно. Кишиневъ обладалъ еще въ то время какимъ-то фальшивымъ подобіемъ конституціонной палаты, не оказывавшей никакого вліянія на нравы, обычаи и политическое его развитіе. Послѣ присоединенія Бессарабіи тамъ учрежденъ былъ верховный совѣтъ изъ мѣстныхъ почетныхъ лицъ края, который, опираясь на особый статсъ-секретаріатъ по дѣламъ области, существовавшій въ Петербургѣ, постоянно воевалъ съ генералъ-губернаторами, отстаивалъ боярскія привилегіи и мѣшалъ устройству какихъ-либо правомѣрныхъ отношеній между сословіями. Благодаря этому совѣту, управленіе краемъ было вообще слабо, а при добромъ Инзовѣ его можно сказать и совсѣмъ не существовало. Обстоятельство это, вмѣсто того, чтобъ открыть просторъ для частной дѣятельности, хотя бы и въ духѣ мѣстнаго, провинціальнаго патріотизма—открыло здѣсь только дорогу дружной оппозиціи, когда надо было обличить и искоренить злоупотребленія или помочь

странѣ освободиться отъ того или другого вопіющаго обычая. Позднѣе, когда управленіе краемъ (1823) ввѣрено было графу М. С. Воронцову, онъ приступилъ къ упраздненію совѣта, и сдѣлалъ это безъ особенныхъ затрудненій, такъ какъ учрежденіе не имѣло корней въ населеніи и ничему не служило, кромѣ собственныхъ эгоистическихъ и узкихъ интересовъ.

Неудивительно поэтому, что интеллигенцію города составляли совсѣмъ не мѣстные жители, а пришлое *военное* населеніе, именно большинство офицеровъ 16-й дивизіи, съ прикомандированными къ ней чинами генеральнаго штаба и съ общимъ ихъ начальникомъ генераломъ М. Ѳ. Орловымъ. Они-то образовали временное, но истинное передовое сословіе города.

Эта 16-я дивизія, принадлежавшая къ составу 2-й арміи гр. Витгенштейна и къ 6-му корпусу ея — испытала вскорѣ тяжкую участь: на нее упали первые удары правительства, обезпокоеннаго извѣстіями о существованіи военнаго заговора на югѣ. Правда, что дивизія и выдавалась назойливо изъ всѣхъ либеральнымъ характеромъ своего пониманія служебныхъ обязанностей. Мы не имѣемъ ни желанія, ни возможности опредѣлять степень виновности передъ дисциплиной и военными законами главныхъ дѣятелей ея. Можетъ быть, извѣстный майоръ В. Ѳ. Раевскій, посаженный въ крѣпость и сосланный затѣмъ по суду на поселеніе (1822 г.), и дѣйствительно проводилъ въ ланкастерскихъ школахъ взаимнаго обученія, которыя онъ устроивалъ для солдатъ съ согласія своего начальника, вредныя тенденціи, опасныя для духа арміи. Можетъ быть также, что обвиненія въ непозволительномъ сближеніи начальниковъ съ нижними чинами и въ поблажкѣ подчиненнымъ имѣли своего рода основанія. Точно также любимая мысль либеральныхъ начальниковъ воздерживать дурныхъ командировъ отъ излишнихъ строгостей и объяснять имъ настоящіе пріемы и условія службы, могла быть производима неосторожнымъ или мало обдуманнымъ способомъ. Все это остается для насъ дѣломъ недоступнымъ для изслѣдованія, да и совершенно постороннимъ цѣлямъ, какія имѣемъ въ виду. Позволительно только думать, основываясь на всемъ, что́ знаемъ объ эпохѣ, что 16-я дивизія сдѣлалась жертвой столько же своихъ ошибокъ, сколько и вражды направленій, существовавшей въ самомъ составѣ управленія арміей, гдѣ представители суровыхъ обычаевъ военной дисциплины сталкивались съ представителями новыхъ либеральныхъ воззрѣній на способъ служебнаго воспитанія солдатъ. Политическія необходимости, какъ го-

ворится, выдвинули старую консервативную партію впередъ изъ ея страдательнаго положенія, а первый случай ничтожнаго нарушенія дисциплины, нисколько несвязанный съ вопросами о началахъ военнаго управленія, далъ ей возможность отмстить за прежнее пренебреженіе къ ней и показать свою силу. Вообще говоря, благодаря той борьбѣ направленій, которая распространена была повсемѣстно, и неизвѣстности, какое изъ нихъ господствуетъ въ данную минуту, всякому развитому человѣку эпохи и на всѣхъ поприщахъ приходилось уже отдаваться реформаторскимъ поползновеніямъ на свой рискъ и страхъ. Никто порядочно не зналъ, находится ли онъ на настоящемъ правительственномъ пути или уже сошелъ съ него и когда? Каждому предоставлялось самому угадывать, что́ именно должно полагать, въ извѣстную минуту, дозволеннымъ и недозволеннымъ; многіе, конечно, и ошибались при этомъ, становясь преступниками вслѣдствіе только неправильной выкладки своего ума. Какъ бы то ни было, но когда буря разразилась надъ Кишиневомъ, то она унесла, кромѣ упомянутаго майора В. Ѳ. Раевскаго, еще двухъ бригадныхъ генераловъ, самого начальника дивизіи и, что́ всего печальнѣе, ознаменовалась страшными кровавыми расправами съ нижними чинами, вовлеченными въ проступки по недоразумѣнію, ошибочному пониманію приказаній, ограниченности.

Разоблаченія всего этого дѣла въ упомянутомъ уже «Дневникѣ» И. П. Липранди просто неоцѣненны по свѣту, который они бросаютъ на всю внутреннюю исторію 16-й дивизіи. Кстати заимствуемъ еще одинъ отрывокъ изъ этихъ «Записокъ». Когда В. Ѳ. Раевскій уже заключенъ былъ въ Тираспольскую крѣпость—Пушкинъ отказался отъ случая устроить съ нимъ свиданіе, во избѣжаніе непріятныхъ послѣдствій, какія это дѣло могло имѣть для самого узника, что́ еще разъ показываетъ у Пушкина обычное его натурѣ соединеніе крайняго увлеченія съ трезвостію сужденія, когда ему оставалось время подумать о своемъ рѣшеніи. Взамѣнъ, Раевскій, бывшій также и поэтомъ, успѣлъ прислать ему лирическое стихотвореніе «Пѣвецъ въ темницѣ» изъ своего заключенія. Онъ нашелъ возможность, по замѣчанію Пушкина, говорить въ этомъ стихотвореніи о *Новгородѣ*, Псковѣ, Марѳѣ Посадницѣ, *Вадимѣ*. Пушкинъ хвалилъ стихотвореніе, особенно остановился на одномъ либерально-риторическомъ четверостишіи его, прибавляя, «какъ это хорошо, какъ это сильно! Мысль эта никогда не встрѣчалась: *она давно вертѣлась въ моей головѣ, но это не въ моемъ родѣ: это въ родѣ Тирасполь-*

ской крѣпости, а хорошо». Таковъ разсказъ И. П. Липранди. Никто не подозрѣвалъ тогда, что самъ Пушкинъ втайнѣ писалъ о Новгородѣ и о Вадимѣ и что недавно еще покинулъ ихъ, признавъ въ нихъ, можетъ быть, и тогда — *не свой родъ!* Мудрено, впрочемъ, было и не писать про нихъ: они составляли тогда излюбленную тему свѣтской либеральной эрудиціи, а за ней и стихотворнаго декламаторства.

Близко и скоро сошелся Пушкинъ со всѣми, наиболѣе замѣчательными людьми этого военнаго круга, благодаря своимъ связямъ съ домомъ М. Ѳ. Орлова, гдѣ очень часто бывалъ, и благодаря еще интересу, который находилъ въ бесѣдахъ кружка. Здѣсь-то онъ набирался свѣдѣній, встрѣчаясь съ очень умными и развитыми людьми и участвуя въ жаркихъ ихъ преніяхъ о разныхъ предметахъ изъ области искусства, иностранной литературы и всеобщей исторіи, которыя иногда раздражали его, давая болѣе или менѣе замѣтнымъ образомъ чувствовать недостаточную его подготовку къ серьёзнымъ учено-литературнымъ состязаніямъ. Онъ бросался тогда на книги, запирался у себя въ дому и на время покидалъ волокитства и интриги. Между серьёзными умами, составлявшими обычное общество М. Ѳ. Орлова и генеральный штабъ его дивизіи, давшій, между прочимъ, и русской литературѣ и русскому обществу нѣсколько очень извѣстныхъ и почетныхъ именъ, частію также процвѣтали фантастическія представленія историческихъ и политическихъ вопросовъ; но фантазія была тогда вообще важной участницей въ дѣлѣ мышленія, и очень немногіе уберегали себя отъ этой примѣси. Кстати будетъ упомянуть здѣсь объ анекдотѣ, который довольно живописно рисуетъ проникновеніе фантастическаго элемента во всѣ слои общества и въ такія званія, которыя, повидимому, съ нимъ должны были бы считаться несовмѣстимыми. Въ городѣ существовала масонская ложа, подъ названіемъ «Овидіевой», которая состояла подъ непосредственнымъ управленіемъ бригаднаго генерала П. Е. Пущина, который чуть-ли не былъ и основателемъ ея. Новости никакой она не представляла: масонскія ложи плодились, и одна тайная масонская ложа «Для офицеровъ» вскорѣ образовалась и въ Петербургѣ, но Овидіева существовала почти открыто. Конечно, только убѣжденіе въ возможности найти сочувствіе къ своему учрежденію между людьми даже высшей администраціи, поддерживала генерала при осуществленіи его мысли, и конечно также ему никогда въ голову не приходило, что въ нужную минуту, пожалуй, ожидаемое сочув-

ствіе можетъ и не оказаться на лицо [1]). Весьма забавенъ фактъ, разсказываемый про нее тоже Липранди. На одно изъ засѣданій этой ложи, которое приходилось въ день Пасхи и имѣло мѣсто въ подвалѣ какого-то каменнаго дома, явился *Болгарскій архимандритъ*, пожелавшій сдѣлаться братомъ-каменьщикомъ. Слѣдуя обычному церемоніалу пріема новыхъ членовъ, онъ спустился въ подвалъ съ завязанными глазами, ведомый подъ руки, но болгаре, его соотечественники, собравшіеся у рѣшетки дома, полагая, что духовный пастырь ихъ попалъ въ западню и подвергается опасности, бросились за нимъ и торжественно вывели спасеннаго на Божій свѣтъ, прося и принимая отъ него благословенія. Мы знаемъ, что случай этотъ чрезвычайно забавлялъ Пушкина. Онъ не преминулъ помѣтить его въ своихъ тетрадяхъ особой картинкой, которая заслуживаетъ вниманія. Подъ сводами какого-то массивнаго строенія, которое должно принять за паперть церкви, передъ большимъ образомъ съ зажженной лампадой, стоятъ 7 лицъ по порядку одинъ за другимъ, представляя изъ себя самое странное и дикое смѣшеніе національностей и характеровъ: именно тутъ собраны греческій монахъ, молдаванскій бояринъ, бессарабскій мужикъ, католическій попъ, якобинецъ въ фригійской шапкѣ и съ палкой въ рукѣ и проч. Внизу красуется подпись: «12 апрѣля День Свѣтлаго Воскресенія 1821 г.» Картинка, по всѣмъ вѣроятіямъ, очень близко передавала составъ ложи, но она также можетъ служить и эмблемой того смѣшенія національностей, которое воцарилось въ городѣ, когда разыгрался послѣдній актъ революціонной драмы въ Молдавіи и Валахіи въ томъ же 1821 г.

Послѣ того, какъ мелкій, неспособный и кровожадный А. Ипсиланти былъ на-голову разбитъ турками въ Валахіи и дѣло этеристовъ окончательно погибло въ Дунайскихъ княжествахъ, возникнувъ съ новыми людьми, силами и съ бóльшей патріоти-

[1]) Къ нему-то, нѣсколько позднѣе и уже въ эпоху *Греко-Турецкой брани*, Пушкинъ обращался съ экспромтомъ, нелишеннымъ, впрочемъ, своего рода ироническаго оттѣнка, какъ можно судить по послѣднимъ его стихамъ:

„И скоро, скоро смолкнетъ брань
Средь рабскаго народа —
Ты молотокъ возьмешь во длань
И воззовешь — свобода!
Хвалю тебя, о вѣрный братъ,
О каменьщикъ почтенный!
О Кишиневъ, о темный градъ!
Ликуй — имъ просвѣщенный“!

ческой энергіей на югѣ Балканскаго полуострова, Кишиневъ представилъ рѣдкое зрѣлище. Онъ получилъ свою долю инсургентовъ, разбѣжавшихся въ разныя стороны, кто куда могъ. Кромѣ немногихъ образованныхъ греческихъ фамилій, искавшихъ въ немъ пріюта отъ внезапной политической бури, ихъ застигшей, Кишиневъ увидалъ въ стѣнахъ своихъ еще толпы фанаріотовъ, молдаванъ и бродягъ, которые принесли съ собой, вмѣстѣ съ навыкомъ къ интригамъ, коварному раболѣпству и лицемѣрію, еще свѣжія преданія своихъ полу-разбойничьихъ лагерей. Тогда-то Пушкинъ впервые познакомился съ недавними бойцами румынскаго возстанія, людьми, которые почти и не сознавали разницы между борьбой за дѣло освобожденія родины и подлымъ грабежемъ, насиліемъ и убійствомъ. Отзывъ Пушкина объ этихъ воинахъ «освобожденія» увидимъ сейчасъ. Наглость въ обращеніи была уже почти тутъ необходима, просто для того, чтобъ держать всю эту негодную эмиграцію передъ собой въ должныхъ границахъ. Къ сожалѣнію, навыкъ къ презрительному своеволію обращенія, полученный Пушкинымъ прежде и усиленный этой толпой, укоренился въ немъ на довольно-долгое время. Большая часть молдаванскихъ бояръ, съ которыми онъ ссорился и за ссоры съ которыми Инзовъ объявлялъ ему домашніе аресты, не принадлежала прямо къ эмиграціи, выброшенной греческой революціей въ Кишиневъ. Еще менѣе принадлежали къ ней наши русскіе заѣзжіе по службѣ и по дѣламъ соотечественники, тоже не избавившіеся отъ его придирокъ, вспышекъ и вызововъ. Пушкинъ уже нажилъ въ средѣ кишиневскаго туземнаго и пришлаго населенія наклонность къ самоуправству и властолюбивымъ притязаніямъ. Такъ со всѣхъ сторонъ — со стороны друзей, рукоплескавшихъ его лихимъ, наиболѣе эксцентрическимъ продѣлкамъ, со стороны женщинъ, имъ встрѣченныхъ и тѣмъ болѣе покорявшихся ему, чѣмъ рѣшительнѣе были его слова и поступки, со стороны общества, необладавшаго никакимъ моральнымъ содержаніемъ, для того, чтобы сдерживать его порывы и робко пропускавшимъ мимо себя молодого человѣка, которому вздумалось его оскорблять и попирать — все клонилось къ тому, чтобы помочь Пушкину въ дѣлѣ искаженія его природной, нравственной физіономіи, въ чемъ онъ и успѣлъ на цѣлыхъ два года.

Въ иномъ мѣстѣ («Матеріалы для біографіи Пушкина 1855 г.») мы сказали, что Пушкинъ велъ «журналъ» греческаго возстанія — и къ этимъ словамъ ничего болѣе присоединить не можемъ и теперь. Изъ трехъ отрывковъ, оставшихся отъ этого труда, очень обезображенныхъ временемъ, нельзя вывести никакого заключенія

кромѣ того, что Пушкинъ весьма интересовался сначала молдавской революціей. Приводимъ ихъ въ примѣчаніи, безъ перевода французскаго ихъ текста [1]). Гораздо понятнѣе и въ смыслѣ по-

---

[1]) I.

Notice sur la révolution d'Ipsylanti.

Le Hospodar Ipsylenti trahi la cause de l'Ethérie et fut cause de la mort de Riga et... Sons fils Alexandre fut Ethériste (probablement du choix de Capo-d'Istria et de l'aveu de l'Empereur). Ses frères, Канъ, Контогони, Софіаносъ, Тано. Michel Suzzo fut reçu Ethériste en 1820; Alexandre Suzzo, Hosp. de Valac. apprit le secret de l'Ethérie par son secrétaire (Valetto), qui se laissa pénétrer ou gagner en devenant son gendre. Alex. Ips. en janvier 1821 envoya un certain Aristide en *Servie* avec un traité d'aillance offensive et deffensive entre cette province et lui, général desarmées de la Grèçe. Aristide fut saisi par Alex. Suzzo, ses papiers et sa tête furent envoyés à Constantinople—cela fit que les plans furent changé tout de suite. Michel Suzzo ecrivit à Kichineff. On empoisona Alex. Suzzo et Ipsylanti passa à la tête de quelques Arnautes et proclama la révolution.

II.

Les *capitans* sont des indépendants, corsaires, brigands ou employés Turcs revetus d'un certain pouvoir. Tels furent Lampro etc. et en dernier lieu Formaki, Iordaki-Olimbiotti, Колокотрони, Контоганни, Anastas etc. Iordaki-Olimbiotti fut dans l'armée d'Ipsyl. Ils se retirèrent ensemble vers la frontière de la Hongrie. Alex. Ipsylanti menacé d'assasinat s'enfuit d'après son avis et fulmina sa proclamation. Iordaki à la tête de 800 h. combattit 5 fois l'armée Turcs, s'enferma enfin dans le monastère (de Scovlian). Trahi par les juifs, entouré des Turcs il mit le feu à la poudre et sauta.

Formaki, capitan, Ethériste, fut envoyé de la Morée à Ipsyl., se battit en brave et se rendit à cette dernière affaire. Decapité à Constantinople.

III.

Notice sur Penda-Déka.

Penda-Déka fut élévé à Moscou; en 1817 il servit à un évêque grec refugié... et fut remarqué de l'Empereur et de Capo-d'Istria. Lors du massacre de Galatz il s'y trouva. 200 Grecs assassinèrent 150 Turcs. 60 de ces derniers furent brulés dans une maison où ils s'étaient refugiés. P. D. vint quelque jours après à Ibraïl comme espion. Il se presenta chez le Pacha et fuma avec lui comme sujet Russe. Il rejoignit Ipsylanti à Tergovitsch; celui-ci l'envoya calmer les troubles de Jassy—il y trouva les Grecs vexés par les Boyards; sa présence d'esprit et sa fermeté les sauvèrent. Il prit de munitions pour 1500 hommes tandis qu'il n'en avait que 300. Pendant 2 mois il fut prince de Moldavie. Кантакузенъ arriva et prit le commandement. On se retira vers Stinka. Кантакузенъ envoya P. D. reconnaitre les ennemis. L'avis de P. D. fût de se fortifier à Barda (1-re station vers Jassy). K. se retira à Skovlian et demanda que P. D. fit son entrée dans la quarantaine. Panda-Déka accepta. P. D. nomma son second Papas-Ouglou-Arnaute.

Il n'y a pas de doute que le prince Ipsyl. eut pu prendre Ibraïl et Jourja. Les Turcs fuyaient de toutes parts croyant voir les Russes à leur trousse. A Boucharest

ясненія видоизмѣненій мысли Пушкина, гораздо важнѣе его сужденія о дѣятеляхъ и орудіяхъ греческаго возстанія, съ которыми такъ близко познакомился въ Кишиневѣ и въ своихъ частыхъ посѣщеніяхъ Одессы. Пушкинъ является здѣсь въ качествѣ трезваго судьи, видѣннаго и испытаннаго, и въ этой новой ролѣ своей чрезвычайно хорошо обрисовывается слѣдующимъ отрывкомъ, писаннымъ по-французски изъ Одессы уже въ 1823 г., когда пылъ байроническаго настроенія начиналъ улегаться въ его душѣ и мѣсто его заступало прямое наблюденіе жизни. Отрывокъ составлялъ часть черноваго пространнаго письма къ какому-то дальнему пріятелю о греческомъ движеніи въ княжествахъ и его герояхъ, которыхъ Пушкинъ такъ хорошо узналъ. Мы приводимъ его въ буквальномъ переводѣ, не желая обременять читателя долѣе чужестранной рѣчью, къ которой должны были уже нѣсколько разъ прибѣгать по необходимости: «Константинопольскіе нищіе, карманные воришки (coupeurs de bourses), бродяги безъ смѣлости, которые не могли выдержать перваго огня даже плохихъ турецкихъ стрѣлковъ—вотъ что̀ они. Они составили бы забавный отрядъ въ арміи графа Витгенштейна. Что касается до офицеровъ, то они еще хуже солдатъ. Мы видѣли этихъ новыхъ Леонидовъ на улицахъ Одессы и Кишинева, со многими изъ нихъ были лично знакомы, и свидѣтельствуемъ теперь о ихъ полномъ ничтожествѣ: ни малѣйшей идеи о военномъ искусствѣ, никакого понятія о чести, никакого энтузіазма. Они отыскали средство быть пошлыми въ то самое время, когда разсказы ихъ должны были бы интересовать каждаго европейца. Французы и русскіе, которые здѣсь живутъ, не скрываютъ презрѣнія къ нимъ, вполнѣ ими заслуженнаго, да они все и переносятъ, даже палочные удары съ хладнокровіемъ, по-истинѣ достойнымъ Ѳемистокла. Я не варваръ и не апостолъ Корана, дѣло Греціи меня живо трогаетъ: вотъ почему я и негодую, видя, что на долю этихъ несчастныхъ (misérable) выпала священная обязанность быть защитниками свободы».

---

les députés Bulgares (entre autre Capidgi...) proposèrent à Ips. d'insurger tout leurs pays—il n'osa!

Le massacre de Galatz fut ordonné par A. Ipsyl. en cas que les Turcs ne voulussent pas rendre les armes.

Читатель вспомнитъ, что объ одномъ изъ этихъ капитановъ, Кирджали, Пушкинъ составилъ впослѣдствіи разсказъ, вѣроятно тоже на основаніи теперь не существующихъ своихъ записокъ о греческомъ возстаніи.

Въ такомъ видѣ представляетъ намъ Пушкинъ сподвижниковъ Ипсиланти и Кантакузена послѣ двухъ лѣтъ своего знакомства съ ними. Греческое возстаніе въ княжествахъ, воспламенившее всю Европу, встрѣчало въ немъ теперь, благодаря образцамъ его дѣятелей, выброшеннымъ въ Кишиневъ и Одессу, докладчика очень строгаго. Это уже было далеко отъ того, сравнительно недавняго времени, когда онъ искренно увлекался ихъ попыткой, какъ видѣли изъ перваго его письма о революціи, и пророчилъ имъ громадный успѣхъ, какъ видно въ его «Запискахъ» (см. печатныя «Записки» Пушкина въ его сочиненіяхъ). По весьма понятному недоразумѣнію, мнѣніе его о грекахъ Валахіи и Молдавіи, поднявшихъ знамя возстанія, истолковано было петербургскими и прочими друзьями его, какъ превратное мнѣніе о дѣлѣ грековъ вообще, къ которому онъ не оставался и не могъ остаться равнодушнымъ, особенно когда оно получило тотъ героическій характеръ, который проявился уже на другомъ концѣ оттоманской имперіи. Пушкинъ былъ раздосадованъ недоразумѣніемъ. Свидѣтельствомъ тому служитъ опять сохранившійся отрывокъ изъ черновогo письма, изготовленнаго Пушкинымъ и посланнаго къ кому-то въ Петербургъ съ видимой цѣлью поправить неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное тѣмъ ложнымъ извѣстіемъ о его отпаденіи отъ партіи доброжелателей греческаго дѣла. Выдержка, прилагаемая нами, уже принадлежитъ къ эпохѣ окончательнаго переселенія Пушкина изъ Кишинева въ Одессу (1823—24 г.). Несмотря на темноту недописанныхъ фразъ ея, она достаточно ясно показываетъ, что Пушкинъ старался всемѣрно защитить себя отъ упрека въ нерасположеніи къ дѣлу грековъ, которое могло бы бросить тѣнь на его либерализмъ и на великодушіе его чувства вообще: «Съ удивленіемъ услышалъ я, что ты почитаешь меня врагомъ освобождающейся Греціи и поборникомъ турецкаго рабства. Видно слова мои были тебѣ странно перетолкованы; но чтó-бъ тебѣ ни говорили, ты не долженъ былъ вѣрить, чтобы когда-нибудь сердце мое недоброжелательствовало благороднымъ усиліямъ возрождающагося народа. Жалѣю, что принужденъ оправдываться передъ тобою и повторю здѣсь то, чтó случалось мнѣ говорить касательно грековъ». (NB. Въ этомъ мѣстѣ Пушкинъ оставилъ значительный пробѣлъ, который, вѣроятно, пополнилъ при окончательной редакціи соображеніями и фактами, въ родѣ приведенныхъ выше; затѣмъ онъ продолжаетъ:) «Люди, по большей части, самолюбивы, легкомыслены; старые — невѣжественны, упрямы: истина, которую всетаки не худо повторять. Они не терпятъ противорѣчія, никогда

не прощаютъ неуваженія. Они легко увлекаются пышными словами, охотно повторяютъ всякую новость, и однажды къ ней привыкнувъ—не могутъ съ ней разстаться.

«Когда что-нибудь дѣлается общимъ мнѣніемъ, то глупость общая вредитъ ему столько же, сколько и единодушіе».

«Греки между европейцами имѣютъ гораздо болѣе вредныхъ поборниковъ, нежели благоразумныхъ друзей. Ничто еще не было столь народно, какъ дѣло грековъ, хотя многое въ политическомъ отношеніи было важнѣе для Европы»..... На этомъ и кончается отрывокъ.

Хотя письмо имѣетъ видимую цѣль оправдаться передъ друзьями отъ незаслуженнаго подозрѣнія въ перемѣнѣ своихъ убѣжденій, но нѣкоторая сдержанность сужденія, открывающаяся даже и въ этихъ фразахъ, признаки *резонерства* и *оговорки*, въ нихъ чувствуемыя, показываютъ, что Пушкинъ уже не состоялъ въ числѣ слѣпыхъ энтузіастовъ возстанія. Происходило это, по нашему мнѣнію, совсѣмъ не отъ претензіи на политическую дальновидность, которая была бы чѣмъ-то необычайнымъ въ это время. Дѣло объясняется проще: Пушкинъ слѣдовалъ только внушеніямъ нашихъ ультра-либеральныхъ кружковъ, которые боялись, что турецко-греческая распря отвлечетъ вниманіе европейскихъ народовъ отъ собственныхъ ихъ дѣлъ и что европейскія правительства, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, направятъ мысль и одушевленіе народныхъ массъ въ такую сторону, гдѣ массы эти становятся безплодными для самихъ себя. Греція осуждена была также точно на упреки современнаго радикализма, какъ и консервативныхъ дипломатовъ «Священнаго Союза», очень косо посматривавшихъ, съ своей точки зрѣнія, на ея дѣло.

Перечисливъ всѣ элементы, участвовавшіе въ образованіи одного изъ самыхъ мятежныхъ періодовъ въ жизни Пушкина, мы уже можемъ перейти къ общимъ выводамъ относительно психическаго состоянія нашего поэта за все время его теченія. Съ самаго его начала Пушкинъ становится подверженъ частымъ вспышкамъ неудержимаго гнѣва, которыя находили на него по поводу ничтожнѣйшихъ случаевъ жизни, но особенно при малѣйшемъ подозрѣніи, что на пути къ осуществленію какой-либо, болѣе или менѣе рискованной, затѣи встрѣчается посторонній, мѣшающій человѣкъ. Самолюбіе его дѣлается болѣзненно-чуткимъ и раздражительнымъ. Онъ достигаетъ такого неумѣреннаго представленія о правахъ своей личности, о свободѣ, которая ей принадлежитъ, о чести, которую она обязана сохранять, что окружающіе, даже при самомъ добромъ желаніи, не всегда мо-

гутъ принаровиться къ этому кодексу. Столкновенія съ людьми умножаются. Чѣмъ труднѣе оказывается провести черезъ всѣ случаи жизни своевольную програму поведенія, имъ же самимъ и придуманную для себя, тѣмъ требовательнѣе еще становится ея авторъ. Подозрительность его растетъ: онъ видитъ преступленія противъ себя, противъ своихъ неотъемлемыхъ правъ въ каждомъ сопротивленіи, даже въ оборонѣ отъ его нападокъ и оскорбительныхъ притязаній. Въ такія минуты онъ уже не выбираетъ словъ, не взвѣшиваетъ поступковъ, не думаетъ о послѣдствіяхъ. Дуэли его въ Кишиневѣ пріобрѣли всеобщую извѣстность и удостоились чести быть перечислены въ нашей печати; но сколько еще ссоръ, грубыхъ расправъ, рискованныхъ предпріятій, оставшихся безъ послѣдствій и не сохраненныхъ воспоминаніями современниковъ! Пушкинъ въ это время безпрестанно ставилъ на карту не только жизнь, но и гражданское свое положеніе: по счастію карты—до поры времени—падали на его сторону, но всегда ли будутъ они такъ удачно падать для него—составляло еще вопросъ.

Самъ Пушкинъ дивился подъ-часъ этому упорному благорасположенію судьбы и давалъ зарокъ друзьямъ обходиться съ нею осторожнѣе и не посылать ей безпрестанные вызовы; но это уже было внѣ его власти. Ко всѣмъ другимъ побужденіямъ нарушать обѣтъ присоединилась у него еще одна нравственная особенность. Онъ не могъ удержаться именно отъ соблазна идти на встрѣчу опасности, какъ только она представлялась, хотя бы въ ней не были замѣшаны его честь и личное достоинство, хотя бы она даже не обѣщала ни славы, ни удовлетворенія какому-либо нравственному чувству. Ему нужно было только дать исходъ природной удали и отвагѣ, которыя, по справедливому замѣчанію И. П. Липранди, такъ преобладали у него, что давали ему видъ военнаго человѣка, не отгадавшаго своего настоящаго призванія. Онъ даже не могъ слушать разсказа о какомъ-либо подвигѣ мужества безъ того, чтобъ не разгорѣлись его глаза и не выступила краска на лицѣ, а передъ всякимъ дѣломъ, гдѣ нуженъ былъ рискъ, онъ становился тотчасъ же спокоенъ, веселъ, простъ. Къ сожалѣнію, можно предполагать, что въ описываемый нами періодъ Пушкинъ пришелъ къ заключенію, что человѣкъ, готовый платить за каждый свой поступокъ такой цѣнной наличной монетой, какова жизнь, имѣетъ право распоряжаться и жизнію другихъ по своему усмотрѣнію. Такимъ представляется намъ въ окончательномъ своемъ видѣ русскій байронизмъ, — эта замѣчательная черта эпохи,—развитый въ Пушкинѣ стеченіемъ возбуж-

дающихъ и потворствующихъ обстоятельствъ и усиленный еще молодостію и той горячей полу-африканской кровью, которая текла въ его жилахъ.

И что́ же? Были минуты, и притомъ минуты, возвращавшіяся очень часто, когда весь байронизмъ Пушкина исчезалъ безъ остатка, какъ облако, разнесенное вѣтромъ по небу. Случалось это всякій разъ, какъ онъ становился лицомъ къ лицу къ небольшому кругу друзей и хорошихъ знакомыхъ. Они имѣли постоянное счастіе видѣть простого Пушкина безъ всякихъ примѣсей, съ чарующей лаской слова и обращенія, съ неудержимой веселостію, съ честнымъ и добродушнымъ оттѣнкомъ въ каждой мысли. Чѣмъ онъ былъ тогда—хорошо обнаруживается и изъ множества глубокихъ, неизгладимыхъ привязанностей, какія онъ оставилъ послѣ себя. Замѣчательно при этомъ, что онъ всего свободнѣе раскрывалъ свою душу и сердце передъ добрыми, простыми, честными людьми, которые не мудрствовали съ нимъ о важныхъ вопросахъ, не занимались устройствомъ его образа мыслей и ничего отъ него не требовали, ничего не предлагали въ обмѣнъ или прибавку къ дружелюбному своему знакомству. Сверхъ того, въ Пушкинѣ безпрестанно сказывалась еще другая замѣчательная черта характера: онъ никакъ не могъ пропустить мимо себя безъ вниманія человѣка со скромнымъ, но дѣльнымъ трудомъ, забывая при этомъ всѣ требованія своего псевдо-байроническаго кодекса, учившемъ презирать людей, безъ послабленій и исключеній. Всякое сближеніе съ человѣкомъ серьёзнаго характера, выбравшемъ себѣ родъ дѣятельности и честно проходящемъ его, имѣло силу уничтожать въ Пушкинѣ до корня всѣ байроническія замашки и превращать его опять въ настоящаго, неподдѣльнаго Пушкина. Онъ становился тогда способнымъ понимать стремленія и завѣтныя надежды лица, какъ еще они ни были далеки отъ его собственныхъ идеаловъ, и при случаѣ давать совѣты, о которыхъ люди, ихъ получившіе, вспоминали потомъ долго и не безъ признательности. Такимъ образомъ, душевная прямота, внутренняя честность и дѣльное занятіе, встрѣчаемые имъ на своемъ пути, уже имѣли силу отрезвлять его отъ навожденій страсти; но была и еще сила, которая дѣлала то же самое, но еще съ большей энергіей—именно поэзія.

Трудно себѣ и представить, какимъ орудіемъ нравственнаго спасенія было для Пушкина—чистое творчество, обнаруживая тайну его генія и указывая ему самому настоящія качества его ума и сердца. Пушкинъ перерождался нравственно, когда приступалъ къ созданію произведеній, назначавшихся имъ для всего

читающаго русскаго міра. Духъ его какъ-то внезапно свѣтлѣлъ и устраивался по-праздничному, возвышаясь надъ всѣмъ, что́ его сдерживало, томило и угнетало. Самыя подробности жизни, тяготѣвшія надъ его умомъ, разрѣшались въ тонкія поэтическія намеки и черты, сообщавшія произведенію, такъ сказать, запахъ и окраску дѣйствительности. Онъ долженъ былъ самъ любоваться тѣмъ нравственнымъ типомъ, который вырѣзывался изъ его собственныхъ произведеній, и мы знаемъ, что задачей его жизни было походить на идеальнаго Пушкина, создаваемаго его геніемъ. Но эти два Пушкина не всегда составляли одно и то же лицо, особенно въ кишиневскій періодъ, и это еще разъ заставляетъ насъ упомянуть о промахѣ біографовъ, подмѣнивающихъ настоящую реальную жизнь поэта лучезарными абрисами, какими она свѣтится въ его сочиненіяхъ. Послѣдніе всегда содержатъ указаніе только на то, чѣмъ она *могла бы* быть, по мысли поэта, а что́ она была въ дѣйствительности,—насколько приближалась и отходила отъ его идеала, уже долженъ разсказать изслѣдователь. Если бы судить о Пушкинѣ по изящнымъ, чистымъ произведеніямъ лирическаго характера, выданнымъ имъ съ 1821 по 1823 г., то никому бы не пришло въ голову, что они написаны въ самую бурную эпоху его жизни, въ періодъ пыла и порывовъ, «Sturm und Drang», какой немногіе изживали на вѣку своемъ. Но и тогда уже чистое творчество, которымъ они были навѣяны, служило звѣздой, освѣщавшей ему выходъ изъ жизненной смуты и живительнымъ источникомъ, возобновлявшимъ его душевныя силы; въ немъ онъ давалъ спасительные уроки самому себѣ, въ немъ онъ обрѣталъ и создавалъ для себя созерцаніе жизни, далеко превосходившее то, которымъ отличался въ свѣтѣ. Чистое творчество хранило и берегло лучшую часть его нравственной природы, не позволяло ей загрубѣть, составляло прикрытіе его души, мѣшавшее ржавчинѣ порока и страстей проникнуть до нея и разложить ее. Ему—чистому творчеству, обязанъ онъ былъ благороднѣйшими ощущеніями и изящнѣйшими помыслами, которые однимъ своимъ появленіемъ упраздняютъ, если не навсегда, то, по крайней мѣрѣ, на все время бесѣды человѣка съ самимъ собой—чудовищные софизмы, животныя наклонности и дикія побужденія непосредственнаго чувства. Когда задачи чистаго творчества стали разростаться и умножаться передъ глазами Пушкина, когда онъ все чаще и чаще началъ относиться къ жизни, какъ художникъ—«демоническій» періодъ его существованія кончился. Это произошло именно съ половины 1823 года.

Возрожденіе Пушкина совпадаетъ и съ другимъ важнымъ событіемъ. Въ томъ же 1823 г. совершился переломъ и въ администраціи Новороссійскаго края, которая перешла изъ рукъ Инзова въ другія руки, указавшія совсѣмъ иныя условія для дѣятельности всѣхъ призванныхъ къ устроенію гражданскаго и политическаго существованія страны. Намѣстникомъ края назначенъ былъ графъ М. С. Воронцовъ, который, сосредоточивъ все управленіе въ выбранной имъ резиденціи—Одессѣ, составилъ еще для своего управленія общія неизмѣнныя правила, отстранявшія такъ же точно неряшливость и безпечность подчиненныхъ, какъ и своевольныя предначертанія второстепенныхъ агентовъ. Усиливъ такимъ способомъ правительственный элементъ, разбивъ и мало-по-малу уничтоживъ окончательно всѣ частныя стремленія, добивавшіяся власти и вліянія въ странѣ, онъ направилъ могущественныя административныя средства, ему предоставленныя, на возвышеніе и устройство края, по собственной своей мысли. Замѣчательныя государственныя способности графа Воронцова и услуги, оказанныя его управленіемъ Новороссійскому краю, остались въ памяти его современниковъ и оцѣнены по достоинству ближайшимъ потомствомъ. Пушкинъ, съ позволенія Инзова, находился опять въ Одессѣ (май, 1823) и вѣроятно такъ же, какъ и въ первые разы, по любовнымъ своимъ дѣламъ, когда пришло извѣстіе о назначеніи новаго начальника. Тогда возникла у него впервые мысль перейти къ нему на службу, которую онъ й не замедлилъ привести въ исполненіе. По просьбѣ Пушкина, онъ зачисленъ былъ въ штатъ намѣстника, возвратился въ Кишиневъ, чтобъ окончательно распроститься съ нимъ и въ іюлѣ 1823 г. поселился въ Одессѣ. Пушкинъ ожидалъ очень многаго отъ этой перемѣны мѣстожительства и служенія, но что̀ вышло изъ этого на дѣлѣ—увидимъ далѣе.

П. Анненковъ.

ПОРТРЕТЪ

1.

Воспоминаній рой, какъ мошекъ туча,
Вокругъ меня снуетъ съ недавнихъ поръ.
Изъ ихъ толпы цвѣтистой и летучей
Составить могъ бы цѣлый я обзоръ,
Но приведу пока одинъ лишь случай;
Разсудку онъ имѣлъ наперекоръ
На жизнь мою не малое вліянье —
Такъ пусть другимъ послужитъ въ назиданье...

2.

Извѣстно, нѣтъ событій безъ слѣда:
Прошедшее, прискорбно, или мило,
Ни личностямъ доселѣ никогда,
Ни націямъ съ рукъ даромъ не сходило.
Тому теперь, но вычислять года
Я не гораздъ—я думаю, мнѣ было
Одиннадцать, или двѣнадцать лѣтъ —
Съ тѣхъ поръ успѣлъ перемѣниться свѣтъ.

3.

Подумать можно: протекло лѣтъ со-сто,
Такъ повернулось старое вверхъ дномъ.

А въ сущности все совершилось просто,
Такъ просто, что—но дѣло не о томъ!
У самаго Аничковскаго моста
Большой тогда мы занимали домъ:
Онъ былъ—никто не усумнится въ этомъ—
Какъ прочіе, окрашенъ желтымъ цвѣтомъ.

4.

Замѣтилъ я, что желтый этотъ цвѣтъ
Особенно льститъ сердцу патріота;
Обмазать вохрой домъ, иль лазаретъ,
Неодолима русскаго охота;
Начальство также въ этомъ съ давнихъ лѣтъ
Благонамѣренное видитъ что-то,
И вохрятся въ губерніяхъ сплеча
Палаты, храмъ, острогъ и каланча.

5.

Ревенный цвѣтъ и линія прямая —
Вотъ идеалъ изящества для насъ.
Наслѣдники Батыя и Мамая,
Командовать мы пріучили глазъ,
И площади за степи принимая,
Хотимъ глядѣть изъ Тулы въ Арзамасъ.
Прекрасное искать мы любимъ въ пошломъ —
Не такъ о томъ судили въ вѣкѣ прошломъ.

6.

Въ своемъ дому любилъ аристократъ
Капризные изгибы и уступы,
Убранный медальонами фасадъ,
Съ гирляндами колоннъ ненужныхъ купы,
На крышѣ вазъ, или амуровъ рядъ,
На воротахъ причудливыя группы.
Перенимать съ недавнихъ стали поръ
У дѣдовъ мы весь этотъ милый вздоръ.

7.

Въ мои-жъ года хорошимъ было тономъ
Казарменному вкусу подражать,
И четыремъ, или осьми колоннамъ
Вмѣнялось въ долгъ на вытяжку торчать
Подъ неизбѣжнымъ греческимъ фронтономъ.
Во Франціи такую благодать
Завелъ, въ свой вѣкъ воинственныхъ плебеевъ,
Наполеонъ,—въ Россіи-жъ Аракчеевъ.

8.

Таковъ и нашъ фасадъ былъ; но внутри
Характеръ свой прошедшаго столѣтья
Домъ сохранилъ. Покоя два, иль три,
Могли-бъ восторга вызвать междометье
У знатока. Изъ бронзы фонари
Въ сѣняхъ висѣли, и любилъ смотрѣть я,
Хоть былъ тогда въ искусствѣ не толковъ,
На форму стѣнъ и лѣпку потолковъ.

9.

Родителей своихъ я видѣлъ мало;
Отецъ былъ занятъ; братьевъ и сестеръ
Я не знавалъ; мать много выѣзжала;
Ворчали вѣчно тетки; съ раннихъ поръ
Привыкъ одинъ бродить я въ залъ изъ зала
И населять мечтами ихъ просторъ.
Такъ подвиги, достойные романа,
Воображать себѣ я началъ рано.

10.

Дѣйствительность, напротивъ, мнѣ была
Отъ малыхъ лѣтъ несносна и противна.

Жизнь, какъ она вокругъ меня текла,
Все въ той же прозѣ движась безпрерывно,
Все, что́ зовутъ серьёзныя дѣла —
Я ненавидѣлъ съ дѣтства инстинктивно.
Не говорю, чтобъ въ этомъ былъ я правъ,
Но видно такъ ужъ мой сложился нравъ.

11.

Предметы тѣ-жъ, зимою какъ и лѣтомъ,
Старинный домъ являлъ моимъ глазамъ:
Учителя ходили по билетамъ
Все тѣ-жъ ко мнѣ; порхалъ по четвергамъ
Танцмейстеръ, весь пропитанный балетомъ,
Со скрипкою по залу, и мнѣ самъ
Мой гувернеръ въ назначенные сроки
Преподавалъ латинскіе уроки.

12.

Онъ нѣмецъ былъ отъ головы до ногъ,
Ученъ, серьёзенъ, очень аккуратенъ,
Всегда къ себѣ неумолимо строгъ,
И не терпѣлъ на мнѣ чернильныхъ пятенъ.
Но, признаюсь, его глубокій слогъ
Былъ для меня отчасти непонятенъ,
Особенно, когда онъ объяснялъ
Что́ разумѣть подъ словомъ: идеалъ.

13.

Любезенъ былъ ему Страбонъ и Плиній,
Горація онъ зналъ до тошноты,
И, что́ у насъ такъ рѣдко видишь нынѣ,
Высоко чтилъ художества цвѣты,
Причемъ законъ волнообразныхъ линій
Мнѣ поставлялъ условьемъ красоты,
А чтобъ система не пропала праздно,
Онъ самъ и ѣлъ и пилъ волнообразно.

14.

Достоинствомъ проникнутый всегда,
Онъ формою былъ много озабоченъ.
— «Das Formlose» — о, это есть бѣда!
Онъ повторялъ, и обижался очень,
Когда себѣ кто не давалъ труда,
Иль не умѣлъ, въ формальностяхъ быть точенъ;
А красоты классической печать
Наглядно мнѣ давалъ онъ изучать.

15.

Онъ говорилъ: — Смотрите, для примѣра
Я нѣсколько приму античныхъ позъ:
Вотъ такъ стоитъ Милосская Венера;
Такъ очертанье Вакха создалось,
Вотъ этакъ Зевсъ описанъ у Гомера;
Вотъ созданъ какъ Праксителемъ Эросъ,
А вотъ теперь я Аполлономъ стану—
И походилъ тогда на обезьяну.

16.

Я думаю, поймешь, читатель, ты,
Что врядъ-ли могъ я этимъ быть доволенъ;
Тѣмъ болѣе, что чувствомъ красоты
Я отъ природы не былъ обездѣленъ;
Но у кого всѣ средства отняты,
Тотъ слышитъ звонъ, не видя колоколенъ;
А слòва я хотя не понималъ,
Но чуялся иной мнѣ «идеалъ».

17.

И я душой искалъ его пытливо—
Но что̀ найти вокругъ себя я могъ?

Старухи тетки не были красивы,
Величественъ мой не былъ педагогъ—
И потому мнѣ кажется не диво,
Что типами ихъ лицъ я пренебрегъ,
И на одной изъ стѣнъ большого зала
Типъ красоты мечта моя искала.

18.

То молодой былъ женщины портретъ,
Въ грацьозной позѣ. Нѣсколько поблёкъ онъ,
Иль можетъ быть, показывалъ такъ свѣтъ
Сквозь кружевныя занавѣсы оконъ.
Грудь украшалъ ей розовый букетъ,
Напудренный на плечи падалъ локонъ,
И, полный розъ, передникъ изъ тафты
За кончики несли ея персты.

19.

Иные скажутъ: Живопись упадка!
Условная, пустая красота!
Быть можетъ, такъ; но каждая въ ней складка
Мнѣ нравилась, а тонкая черта
Мой юный умъ дразнила какъ загадка:
Казалось мнѣ, лукавыя уста,
На зло глазамъ, исполненнымъ печали,
Свои края чуть-чуть приподымали.

20.

И странно то, что было въ каждый часъ
Въ ея лицѣ иное выраженье;
Такихъ оттѣнковъ множество не разъ
Подсматривалъ въ одинъ и тотъ же день я:
Мѣнялся цвѣтъ неуловимый глазъ,
Мѣнялось устъ неясное значенье,
И выражалъ поочередно взоръ
Кокетство, ласку, просьбу, иль укоръ.

21.

Мнѣ жизнь ея невѣдома понынѣ:
Была-ль маркиза юная она,
Погибшая, увы, на гильотинѣ?
Иль, въ Питерѣ блестящемъ рождена,
При матушкѣ цвѣла Екатеринѣ,
Играла въ ломбръ, привѣтна и умна,
И средь огней Потемкинскаго бала
Какъ солнце всѣхъ красою побѣждала?

22.

Объ этомъ я не спрашивалъ тогда,
И важную на то имѣлъ причину:
Преодолѣть я тайнаго стыда
Никакъ не могъ — теперь его откину;
Могу, увы, признаться безъ труда,
Что по-уши влюбился я въ картину,
Такъ, что страдала нѣсколько латынь;
Ужъ кто влюбленъ, тотъ мудрость лучше кинь.

23.

Наставникъ мой былъ мною недоволенъ,
Его чело сталъ омрачать туманъ;
Онъ говорилъ, что я ничуть не боленъ,
Что это лѣнь, и что — Wer will, der kann!
На этотъ счетъ онъ былъ многоглаголенъ
И повторялъ, что намъ разсудокъ данъ,
Дабы собой мы все владѣли болѣ
И управлять учились нашей волей.

24.

Былъ, кажется, поклонникъ Канта онъ,
Но этотъ разъ забылъ его ученье,

Что «Ding an sich», лишь только воплощенъ,
Лишается свободнаго хотѣнья;
Я-жъ скоро былъ къ той вѣрѣ приведенъ,
Что наша воля плодъ предназначенья,
Зане я тщетно, сколько ни потѣлъ,
Хотѣлъ хотѣть иное, чѣмъ хотѣлъ.

25.

Въ грамматикѣ, на мѣсто скучныхъ правилъ,
Мнѣ видѣлся все тотъ же милый ликъ;
Безъ счету мнѣ нули наставникъ ставилъ,—
Ихъ получать я наконецъ привыкъ,
Прилежностью себя я не прославилъ,
И лишь позднѣй добился и постигъ
Въ чемъ состоятъ спряженія красо́ты;
О классицизмъ, даешься не легко ты!

26.

Все-жъ изъ меня не вышелъ реалистъ —
Да извинитъ мнѣ С.........ъ это!
Не даромъ свой мнѣ посвящала свистъ
Ужъ не одна реальная газета.
Я-жъ не злобивъ: пусть виноградный листъ
Прикроетъ имъ небрежность туалета,
И пусть Зевесъ, чья сила велика,
Ихъ русскаго сподобитъ языка!

27.

Да, классикъ я—но до извѣстной мѣры:
Я-бъ не хотѣлъ, чтобъ почеркомъ пера
Присуждены всѣ были землемѣры,
Механики, купцы, кондуктора,
Виргилія долбить или Гомера;
Избави Богъ! Не та теперь пора;
Для разныхъ нуждъ и выгодъ матеріальныхъ
Желаю намъ поболѣ школъ реальныхъ.

28.

Но я скажу: не паровозовъ дымъ
И не реторты движутъ просвѣщенье:
Свою къ нему способность изощримъ
Лишь строгой мы гимнастикой мышленья,
И мнѣ сдается: правъ мой омонимъ,
Что классицизму далъ онъ предпочтенье,
Котораго такъ прочно тяжкій плугъ
Взрываетъ новь подъ сѣмена наукъ.

29.

Все дѣло въ мѣрѣ. Впрочемъ, отъ предмета
Отвлекся я—вернусь къ нему опять:
Тѣ колебанья въ линіяхъ портрета
Потребностью мнѣ стало изучать.
Ребячество, конечно, было это,
Но всякій вечеръ я, ложася спать,
Все думалъ: какъ, по миновеньи ночи,
Ея смотрѣть изъ рамы будутъ очи?

30.

Меня влекла ихъ странная краса.
Какъ путника студеный ключъ въ пустынѣ.
Вставалъ я въ семь, а ровно въ два часа
Я, переставъ учиться по-латынѣ,
Благословлялъ усердно небеса.
Обѣдали въ то время въ половинѣ
Четвертаго. Въ часъ этотъ, въ январѣ,
Ужъ сумерки бываютъ на дворѣ.

31.

И всякій день, собравъ мои тетради,
Умывши руки, пыль съ воротника

Смахнувъ платкомъ, вихры свои пригладя
И совершивъ два, или три прыжка,
Я шелъ къ портрету наблюденій ради;
Само собой, я шелъ исподтишка,
Какъ будто вовсе не было мнѣ дѣла,
Ка̀къ на меня красавица глядѣла.

32.

Тогда пустой почти былъ тёменъ залъ,
Но бѣглый свѣтъ горящаго камина
На потолкѣ расписанномъ дрожалъ
И на стѣнѣ, гдѣ видѣлась картина;
Ручной органъ на улицѣ звучалъ;
То, кажется, Моцарта каватина
Всегда въ ту пору пѣла свой мотивъ,
И слушалъ я, взоръ въ живопись вперивъ.

33.

Мнѣ чудилось въ тѣхъ звукахъ толкованье
И тайный ключъ къ загадочнымъ чертамъ;
Росло души неясное желанье,
Со счастьемъ грусть мѣшалась пополамъ;
То юности платилъ, должно быть, дань я.
Чего хотѣлъ, не понималъ я самъ,
Но что-то вслухъ уста мои шептали,
Пока меня къ столу не призывали.

34.

И впечатлѣнья думъ моихъ храня,
Я нехотя глоталъ тарелку супа;
Съ усмѣшкой всѣ глядѣли на меня,
Мое лицо, должно быть, было глупо.
Застѣнчивѣй сталъ день я ото дня.
Смотрѣлъ на всѣхъ разсѣянно и тупо,
И на себя родителей упрёкъ
Не разъ своей неловкостью навлёкъ.

35.

Но было мнѣ страшнѣй всего на свѣтѣ,
Чтобъ изъ большихъ случайно кто-нибудь
Заговорить не вздумалъ о портретѣ,
Иль, хоть слегка, при мнѣ упомянуть.
Отъ мысли той (смѣшны бываютъ дѣти!)
Ужъ я краснѣлъ, моя сжималась грудь,
И казни-бъ я подвергся уголовной,
Чтобъ не открыть любви моей грѣховной.

36.

Мнѣ памятно еще до этихъ поръ,
Какія я выдумывалъ уловки,
Чтобъ измѣнить искусно разговоръ,
Когда предметы дѣлались неловки;
А прошлый вѣкъ, Екатерининъ дворъ,
Робропы, пудра, фижмы, иль шнуровки,
И даже самъ Державинъ, авторъ одъ,
Ужъ издали меня бросали въ потъ.

37.

Читатель мой, скажи, ты былъ ли молодъ?
Не всякому извѣстенъ сей недугъ.
Пора, когда любви насъ мучитъ голодъ,
Для многихъ есть не болѣе какъ звукъ;
Намъ на Руси любить мѣшаетъ холодъ,
И сверхъ того, за службой недосугъ:
Не многіе у насъ родятся наги—
Большая часть въ мундирѣ и при шпагѣ.

38.

Но если, свѣтъ увидя между насъ,
Ты рѣдкое являешь исключенье,

И не совсѣмъ огонь въ тебѣ погасъ
Тѣхъ дней, когда намъ новы впечатлѣнья,
Быть можетъ, ты поймешь, какъ въ первый разъ
Онъ озарилъ мое уединенье,
Какъ съ каждымъ днемъ онъ разгорался вновь
И какъ свою лелѣялъ я любовь.

39.

Была пора то дерзостныхъ догадокъ,
Когда кипитъ вопросами нашъ умъ;
Когда для нихъ мучителенъ и сладокъ
Бываетъ платья шолковаго шумъ;
Когда души смущенной безпорядокъ
Намъ не даетъ смирить прибоя думъ,
И безъ руля волнами ихъ несомы,
Мы взоромъ ищемъ берегъ незнакомый.

40.

О, чудное мерцанье тѣхъ временъ,
Гдѣ мы себя еще не понимаемъ!
О, дни, когда раскрывши лексиконъ,
Мы отъ иного слова замираемъ!
О, трепетъ чувствъ, случайностью рожденъ,
Душистый цвѣтъ плодомъ не замѣняемъ!
Тревожной жизни первая вѣха:
Бредъ чистоты съ предвкусіемъ грѣха!

41.

Внималъ его я голосу послушно,
Какъ лепетанью вѣющаго сна...
Въ средѣ сухой, придирчивой и душной
Мнѣ стало вдругъ казаться, что *она*
Къ моей любви не вовсе равнодушна
И безъ насмѣшки смотритъ съ полотна;
И вскорѣ я въ томъ новомъ выраженьи
Участіе прочелъ и ободренье.

42.

Мнѣ взоръ ея, казалось, говорилъ:
— Не унывай, крѣпись, настало время —
У насъ съ тобой теперь довольно силъ,
Чтобъ нашихъ путъ обоимъ скинуть бремя;
Меня къ холсту художникъ пригвоздилъ,
Ты-жъ за ребенка почитаемъ всѣми,
Тебя гнетутъ—но ты уже большой,
Давно тебя постигла я душой!

43.

Тебѣ дано мнѣ оказать услугу,
Пойми меня—на помощь я зову!
Хочу тебѣ довѣриться какъ другу:
Я не портретъ, я мыслю и живу!
Въ своихъ ты снахъ искалъ во мнѣ подругу —
Ее найти ты можешь на яву!
Меня добыть тебѣ не трудно съ бою —
Лишь доверши начатое тобою!

44.

Два цѣлыхъ дня ходилъ я какъ въ чаду
И спрашивалъ себя въ недоумѣньи:
Какъ средство я спасти ее найду?
Откуда взять возможность и умѣнье?
Такъ иногда лежащаго въ бреду
Задачи темной мучитъ разрѣшенье.
Я повторялъ: спасу ее—но какъ?
О, еслибъ дать она могла мнѣ знакъ!

45.

И въ сумерки, въ тотъ самый часъ завѣтный,
Когда шарманка пѣла подъ окномъ,

Я въ залъ пустой прокрался непримѣтно,
Чтобы мечтать о подвигѣ моемъ.
Но голову ломалъ себѣ я тщетно,
И былъ готовъ ударить въ стѣну лбомъ,
Какъ юнаго воображенья сила
Нежданно мнѣ задачу разрѣшила.

46.

При отблескѣ каминнаго огня,
Картина какъ-то задрожала въ рамѣ,
Сперва взглянула словно на меня
Молящими и влажными глазами,
Потомъ, рѣсницы медленно склоня,
Свой взоръ на шкафъ съ узорными часами
Направила. Взоръ говорилъ: смотри!
Часы тогда показывали: три.

47.

Я понялъ все. Средь шума дня не смѣла
Одѣться въ плоть и кровь ея краса,
Но ночью—о, тогда другое дѣло!
Въ ночной тѣни возможны чудеса!
И на часы затѣмъ она глядѣла,
Чтобъ этой ночью, ровно въ три часа,
Когда весь домъ покоится въ молчаньи,
Я къ ней пришелъ на тайное свиданье.

48.

Да, это такъ, сомнѣній болѣ нѣтъ!
Моей любви могущество безъ грани!
Коль захочу я вызову на свѣтъ
Что́ такъ давно мнѣ видится въ туманѣ!
Но только ночью оживетъ портретъ—
Какъ я о томъ не догадался ранѣ!?
И сладостно, и жутко стало мнѣ,
И бѣгали мурашки по спинѣ.

49.

Остатокъ дня провелъ я благонравно,
Приготовлялъ глаголы, не тужа,
Долбилъ предлоги, и зубрилъ исправно
Какого каждый проситъ падежа;
Когда ходилъ, ступалъ легко и плавно,
Расположеньемъ старшихъ дорожа,
И вообще старался въ этотъ день я
Не возбудить чье-либо подозрѣнье.

50.

Сидѣли гости вечеромъ у насъ,
Я долженъ былъ, по принятой системѣ,
Быть на лицо. Прескучная велась
Межъ нихъ бесѣда, и меня какъ бремя
Она гнела. Насталъ насилу часъ
Идти мнѣ спать. Простившися со всѣми,
Я радостно отправился домой—
Мой педагогъ послѣдовалъ за мной.

51.

Я тотчасъ легъ и, будто утомленный,
Закрылъ глаза, а онъ себѣ ходилъ
Предъ зеркаломъ, наморща лобъ ученый,
И свой вакштафъ торжественно курилъ;
Но наконецъ снялъ фракъ и панталоны,
Въ постелю влѣзъ и свѣчку погасилъ.
Должно быть, онъ заснулъ довольно сладко,
Меня-жъ трясла и била лихорадка.

52.

Но время шло, и вотъ гостямъ пора
Настала разъѣзжаться. Понялъ это

Я изъ того, что стали кучера
Возиться у подъѣзда; струйки свѣта
На потолкѣ забѣгали; съ двора
Послѣдняя отъѣхала карета,
И въ домѣ стихло все. Свиданья-жъ срокъ
Читатель помнитъ — былъ еще далекъ.

53.

Теперь я долженъ — но не знаю, право,
Какъ оправдать себя во мнѣньи дамъ?
На ихъ участье потерялъ я право,
На милость ихъ судьбу свою отдамъ!
Да, добрая моя страдаетъ слава:
Какъ вышло то — не понимаю самъ —
Но, въ ожиданьи сладостнаго срока,
Я вдругъ заснулъ постыдно и глубоко.

54.

Что́ видѣлъ я въ томъ недостойномъ снѣ,
Моя лишь смутно память сохранила,
Но что́-жъ могло иное сниться мнѣ,
Какъ не она, кѣмъ сердце полно было?
Уставшая скучать на полотнѣ,
Она меня забвеніемъ корила,
И стала совѣсть такъ моя тяжка,
Что я проснулся, словно отъ толчка.

55.

Въ раскаяньи, въ испугѣ и въ смятеньи,
Рукой невѣрной спичку я зажегъ:
Предметовъ вдругъ зашевелились тѣни,
Но къ счастью спалъ мой крѣпко педагогъ,
Я въ радостномъ увидѣлъ удивленьи,
Что не пришелъ назначенный мнѣ срокъ:
До трехъ часовъ — оно конечно мало —
Пяти минутъ еще недоставало.

56.

И поспѣшилъ скорѣй одѣться я,
Чтобъ искупить поступокъ непохвальный;
Держа свѣчу, дыханье притая,
Безшумно вышелъ я изъ нашей спальной;
Но голова кружилася моя,
И сердца стукъ мнѣ слышался буквально,
Пока я шелъ чрезъ длинный комнатъ рядъ,
На зеркала́ боясь бросить взглядъ.

57.

Зналъ хорошо я всѣ покои дома,
Но не въ привычной тишинѣ ночной
Мнѣ все теперь казалось незнакомо;
Мой шагъ звучалъ какъ будто бы чужой,
И странно такъ отъ тѣни переломы,
По сторонамъ, и прямо надо мной,
То стлалися, то на̀-стѣну всползали —
Стараясь ихъ не видѣть, шелъ я далѣ.

58.

И вотъ уже та роковая дверь —
Единый мигъ — судьба моя рѣшится —
Но что-то вдругъ нежданное теперь
Заставило меня остановиться.
Читатель — другъ — ты вѣрь, или не вѣрь —
Мнѣ слышалось: Не лучше-ль воротиться?
Ты не такимъ изъ двери выйдешь той,
Какимъ войдешь съ невинной простотой.

59.

То ангела-ль хранителя былъ голосъ?
Иль тайный страхъ мнѣ на ухо шепталъ?

Но съ опасеньемъ страсть моя боролась,
А ложный стыдъ желанье подстрекалъ.
Нѣтъ! я рѣшилъ — и на затылкѣ волосъ
Мой поднялся — придти я обѣщалъ!
Какое тамъ ни встрѣчу испытанье,
Мнѣ честь велитъ исполнить обѣщанье!

60.

И повернулъ дрожащею рукой
Замковую я ручку. Отворилась
Безъ шума дверь: былъ сумраченъ покой,
Но блѣдное сіянье въ немъ струилось;
Хрустальной люстры отблескъ голубой
Мерцалъ въ тѣни, и тихо шевелилась
Подвѣсокъ цѣпь, напоминая мнѣ
Игру росы на листьяхъ при лунѣ.

61.

И былъ ли то обманъ воображенья,
Иль истина—по залу пронеслось
Какъ свѣжести какой-то дуновенье,
И запахъ мнѣ почувствовался розъ.
Чудеснаго я понялъ приближенье,
По тѣлу легкій пробѣжалъ морозъ,
Но превозмогъ я скоро слабость эту,
И подошелъ съ рѣшимостью къ портрету.

62.

Онъ весь сіялъ, какъ будто отъ луны;
Малѣйшія подробности одежды,
Черты лица всѣ были мнѣ видны,
И томно такъ приподымались вѣжды,
И такъ глаза казалися полны
Любви и слезъ, и грусти и надежды,
Такимъ горѣли сдержаннымъ огнемъ,
Какъ я еще не видывалъ ихъ днемъ.

63.

Мой страхъ исчезъ. Мучительно пріятно
Съ томящей нѣгой жгучая тоска
Во мнѣ въ одинъ оттѣнокъ непонятный
Смѣшалася. Нѣтъ въ мірѣ языка
То ощущенье передать; невнятно
Мнѣ слышался какъ зовъ издалека,
Мнѣ словно міръ провидѣлся надзвѣздный —
И чуялась какъ будто близость бездны.

64.

И думалъ я: нѣтъ, то была не ложь
Когда любить меня ты обѣщала!
Ты для меня сегодня оживешь—
Я здѣсь—я жду—зачѣмъ же дѣло стало?
Я взоръ ея ловилъ—и снова дрожь,
Но дрожь любви, по жиламъ пробѣгала,
И ревности огонь, Богъ вѣсть къ кому,
Понятенъ сталъ безумью моему.

65.

Возможно-ль? какъ? Недвижна ты доселѣ?
Иль взоровъ я твоихъ не понималъ?
Иль, чтобы мнѣ довѣриться на дѣлѣ,
Тебѣ кажусь ничтоженъ я и малъ?
Иль мальчикъ я? О Боже! Иль ужели
Твою любовь другой себѣ стяжалъ?
Кто онъ? когда? и по какому праву?
Пускай придетъ со мною на расправу!

66.

Такъ проходилъ, средь явственнаго сна,
Всѣ муки я сердечнаго пожара...

О богъ любви! Ты молодъ, какъ весна,
Твои-жъ пути, какъ міръзданье стары!
Но вотъ какъ будто дрогнула стѣна,
Раздался шипъ—и мѣрныхъ три удара,
Въ ночной тиши отчетисто звеня,
Взглянуть назадъ заставили меня.

67.

И ихъ еще не замерло дрожанье,
Какъ измѣнился вдругъ покоя видъ:
Исчезли ночь и лунное сіянье,
Зажглися люстры; блескомъ весь облитъ,
Казалось, вновь, для бала, иль собранья,
Старинный залъ сверкаетъ и горитъ,
И было въ немъ—я видѣть могъ свободно—
Все такъ свѣжо и вмѣстѣ старомодно.

68.

Воскресшія убранство и красу
Минувшихъ дней узналъ я предъ собою;
Мой пульсъ стучалъ, какъ будто бы несу
Я кузницу въ груди; въ ушахъ съ прибою
Шумѣла кровь; такъ въ молодомъ лѣсу
Пернатыхъ гамъ намъ слышится весною;
Такъ пчелъ рои, шмелямъ, гудящимъ владъ,
Въ іюльскій зной надъ гречкою жужжатъ.

69.

Что́-жъ это? сонъ? и я лежу въ постелѣ?
Но нѣтъ, вотъ раму щупаетъ рука—
Я точно здѣсь—вотъ ясно проскрипѣли
На улицѣ полозья... Съ потолка
Посыпалася известь; вотъ въ панели
Какъ будто что-то треснуло слегка...
Вотъ словно шелкомъ вдругъ зашелестило...
Я поднялъ взоръ—и духъ мнѣ захватило.

70.

Все въ томъ же положеніи, она
Теперь почти отъ грунта отдѣлялась;
Ужъ грудь ея, свѣчьми озарена,
По временамъ замѣтно подымалась;
Но отрѣшить себя отъ полотна
Она вотще какъ будто бы старалась,
И ясно мнѣ все говорило въ ней:
О захоти, о захоти сильнѣй!

71.

Все, что́ я могъ сосредоточить воли,
Все на нее теперь я устремилъ —
Мой страстный взоръ живилъ ее все болѣ,
И видимо ей прибавлялось силъ;
Уже одежда зыблилась, какъ въ полѣ
Подъ легкимъ вѣтромъ зыблется ковыль,
И все слышнѣй ея шуршали волны,
И вздрагивалъ цвѣтовъ передникъ полный.

72.

— Еще, еще! хоти еще сильнѣй!
Такъ влажные глаза мнѣ говорили;
И я хотѣлъ всей страстію моей —
И отъ моихъ, казалося, усилій
Свободнѣе все дѣлалося ей —
И вдругъ персты передникъ упустили —
И ворохъ розъ, покоившійся въ немъ,
Къ моимъ ногамъ посыпался дождемъ.

73.

Движеньемъ плавнымъ платье расправляя,
Она сошла изъ рамы на паркетъ;

Съ террасы такъ, дышать цвѣтами мая,
Красавица въ шестнадцать сходитъ лѣтъ;
Но я стоялъ, еще не понимая,
Она ли то передо мной, иль нѣтъ,
Стоялъ нѣмой отъ счастья и испуга —
И, молча, мы смотрѣли другъ на друга.

74.

Когда бы я гвардейскій былъ гусаръ,
Иль хотя полковникъ инженерный,
Искусно-бъ мой я выразилъ ей жаръ
И комплиментъ сказалъ бы ей примѣрный;
Но чуждъ былъ мнѣ развязанности даръ,
И стало такъ неловко мнѣ и скверно,
Что я не зналъ, стоять или шагнуть,
А долгъ велѣлъ мнѣ сдѣлать что-нибудь.

75.

И мой урокъ припомня танцовальный,
Я для поклона сдѣлалъ два шага;
Потомъ взялъ въ бокъ; легко и натурально
Примкнулась къ лѣвой правая нога,
Отвисли обѣ руки вертикально,
И я впередъ нагнулся какъ дуга.
Она-жъ, какъ скоро выпрямилъ я тѣло,
Насмѣшливо мнѣ до-полу присѣла.

76.

Но между насъ, теперь я убѣжденъ,
Происходило недоразумѣнье,
И мой она классическій поклонъ,
Какъ видно, приняла за приглашенье
Съ ней танцовать. Я былъ тѣмъ удивленъ,
Но вывести ее изъ заблужденья
Мѣшала мнѣ застѣнчивость моя,
И руку ей, конфузясь, подалъ я.

77.

Тутъ тихо, тихо, словно изъ далёка,
Послышался старинный минуэтъ:
Подъ говоръ струй такъ шелоститъ осока,
Или когда вечерній меркнетъ свѣтъ,
Хрущи, кружась надъ липами высоко,
Поютъ веснѣ немолчный свой привѣтъ,
И чудятся намъ въ шумѣ ихъ полёта
И контрабаса звуки и фагота.

78.

И вотъ, держася за руки едва,
Въ приличномъ другъ отъ друга разстояньи,
Подъ музыку мы двинулись сперва,
На цыпочкахъ, въ торжественномъ молчаньѣ.
Но сдѣлавши со мною тура два,
Она вдругъ стала, словно въ ожиданьи,
И вырвался изъ свѣжихъ устъ ея
Веселый смѣхъ, какъ рокотъ соловья.

79.

Поступкомъ симъ обиженный немало,
Я взоръ склонилъ, достоинство храня.
— О, не сердись, мой другъ, она сказала,
И не кори за вѣтренность меня!
Мнѣ такъ смѣшно! Повѣрь, я не встрѣчала
Такихъ, какъ ты, до нынѣшняго дня!
Уже-ль пылалъ ты страстью неземною
Лишь для того, чтобъ танцовать со мною?

80.

Что́ отвѣчать на это я—не зналъ,
Но сдѣлалось мнѣ несказанно больно:

Чего-жъ ей надо? Въ чемъ я оплошалъ?
И отчего она мной недовольна?
Не по ея-ль я волѣ танцовалъ?
Такъ что же тутъ смѣшного? И невольно
Заплакалъ я, ища напрасно словъ,
И ненавидѣть былъ ее готовъ.

81.

Вся кровь во мнѣ кипѣла, негодуя,
Но вотъ, нежданно въ этотъ самый мигъ,
Меня коснулось пламя поцѣлуя,
Къ моей щекѣ ея примкнулся ликъ;
Мнѣ слышалось:—Не плачь, тебя люблю я!
Невѣдомый восторгъ меня проникъ,
Я задрожалъ, она же, съ лаской нѣжной,
Меня къ груди прижала бѣлоснѣжной.

82.

Мои смѣшались мысли. Но не вдругъ
Лишился я разсудка и сознанья:
Я ощущалъ объятья нѣжныхъ рукъ
И юныхъ плечъ живое прикасанье;
Мнѣ сладостенъ казался мой недугъ.
Пріятно было жизни замиранье,
И медленно, блаженствомъ опьяненъ,
Я погрузился въ обморокъ иль сонъ...

83.

Не помню ка̀къ я, въ этомъ самомъ залѣ,
Пришелъ въ себя—но было ужъ свѣтло;
Лежалъ я на диванѣ; хлопотали
Вокругъ меня родные; тяжело
Дышалось мнѣ, безсвязныя блуждали
Понятья врозь; меня—то жаромъ жгло,
То вздрагивалъ я, словно отъ морозу —
Поблекшую рука сжимала розу...

84.

Свиданья былъ то несомнѣнный слѣдъ —
Я вспомнилъ ночь—забилось сердце шибко,
И я взглянулъ украдкой на портретъ:
Вкругъ устъ какъ будто зыблилась улыбка,
Казался смятъ слегка ея букетъ,
Но станъ уже не шевелился гибкій,
И полный розъ передникъ изъ тафты
Держали вновь недвижные персты.

85.

Межъ тѣмъ родные—слышу ихъ какъ нынѣ —
Вопросъ рѣшали: чѣмъ я занемогъ?
Мать думала—то корь. На скарлатинѣ
Настаивали тетки. Педагогъ
Съ врачемъ упорно спорилъ по-латынѣ,
И въ толкахъ ихъ, какъ я разслышать могъ,
Два выраженья часто повторялись:
Somnambulus и febris cerebralis...

Гр. А. К. Толстой.

ХАРЬКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

И

Д. И. КАЧЕНОВСКІЙ

Культурный очеркъ и воспоминанія изъ 40-хъ годовъ.

I.

Въ концѣ 1872 года, харьковскій университетъ понесъ тяжелую, трудно-вознаградимую потерю въ лицѣ профессора международнаго и государственнаго права, Дмитрія Ивановича Каченовскаго, скончавшагося весьма преждевременно къ искреннему прискорбію всѣхъ друзей русской университетской науки. Уроженецъ Орловской губерніи, покойный Каченовскій весь принадлежалъ Харькову, гдѣ онъ сначала учился въ 1-й гимназіи, потомъ въ университетѣ, по юридическому факультету, и гдѣ прошла вся его слишкомъ 23-лѣтняя дѣятельность. Учебные годы Каченовскаго относятся къ концу 30-хъ и къ 40-мъ годамъ, къ лучшей, смѣемъ думать, порѣ нашихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній. Первая харьковская гимназія (въ ту пору единственная) была тогда лучшею во всемъ учебномъ округѣ. Директоромъ ея былъ Корженевскій, извѣстный польскій драматургъ, а нѣкоторые изъ преподавателей или перешли потомъ на университетскія каѳедры (какъ протоіерей Лебедевъ и г. Тихоновичъ), или же, подобно Рындовскому (Николай Семен.), впослѣдствіи главному инспектору училищъ Западной Сибири, какъ люди съ

многостороннимъ образованіемъ, оставили послѣ себя замѣтные слѣды и въ другихъ сферахъ педагогической дѣятельности. Говоря о тогдашнихъ преподавателяхъ 1-й харьковской гимназіи, нельзя умолчать объ Иноземцевѣ, братѣ московскаго профессора, учителѣ словесности, извѣстномъ въ то время стихотворцѣ, хотя и плохомъ поэтѣ. Иноземцевъ былъ энтузіатъ-литераторъ, какихъ въ ту пору было не мало, и до извѣстной степени имѣлъ полезное вліяніе на воспитанниковъ, возбуждая въ нихъ литературную самодѣятельность. Нѣкоторое время онъ, кажется, даже читалъ лекціи въ университетѣ, по крайней мѣрѣ съ лучшими профессорами тогдашняго словеснаго (историко-филологическаго) факультета онъ находился всегда въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Словомъ, 1-я харьковская гимназія давала всегда лучшихъ студентовъ университету, въ особенности отлично подготовленныхъ по древнимъ и новымъ языкамъ, исторіи и литературѣ (выпуски изъ 2-й гимназіи были уже послѣ, въ концѣ 40-хъ годовъ). Каченовскій былъ наилучшимъ изъ лучшихъ, и при самомъ своемъ вступленіи въ университетъ обратилъ на себя общее вниманіе профессоровъ и студентовъ. Послѣднихъ, на первыхъ порахъ, привлекали къ нему его необыкновенная молодость и безпредѣльная доброта; первыхъ, его умственная, необыкновенная для 15-ти-лѣтняго отрока зрѣлость и замѣчательно-рѣдкая подготовка. Каченовскій поступилъ въ университетъ въ 1843 году, годомъ меня позже, и вотъ въ какомъ положеніи засталъ онъ ту среду, подъ вліяніемъ которой ему пришлось сформировать свой умъ и свой характеръ.

Въ это время попечителемъ харьковскаго университета и учебнаго округа былъ графъ Ю. А. Головкинъ, хотя только номинально. Графъ Головкинъ, извѣстный при Александрѣ I-мъ своимъ посольствомъ въ Китай, былъ тогда дряхлымъ старикомъ, больше проживавшимъ за-границей, чѣмъ въ Харьковѣ, но съ тѣмъ либеральнымъ складомъ ума, какимъ отличались люди екатерининскаго вѣка, которому онъ вполнѣ принадлежалъ. Сдѣлалъ ли ли онъ что-нибудь существенно полезное для университета, — не знаю; но студентовъ онъ очень любилъ и весьма благодушно смотрѣлъ на проказы молодежи. Будучи старше министра Уварова чиномъ и лѣтами, онъ, кажется, былъ съ нимъ въ какой-то «контрѣ». Это обстоятельство и личное уваженіе, которое оказывалъ покойный императоръ престарѣлому вельможѣ, имѣли хорошее вліяніе на университетъ: послѣдній жилъ своею жизнію, никѣмъ незатрогиваемый. Не только мѣстная губернская администрація, но и генералъ-губернаторы малороссійскіе, переселившіеся изъ

Полтавы въ Харьковъ, изъ боязни оскорбить престарѣлаго графа, не касались университета; даже приснопамятный своею сварливостію и придирчивостію, тогдашній харьковскій епископъ Смарагдъ Крыжановскій [1]) его побаивался. Но Головкинъ пробылъ попечителемъ, кажется, только до 1844 года; по смерти его, университетъ и учебный округъ перешли въ вѣдѣніе тогдашняго генералъ-губернатора кн. Долгорукаго. Существенныхъ перемѣнъ въ университетской жизни не произошло, по крайней мѣрѣ, на молодежи генералъ-губернаторское управленіе ничѣмъ тяжелымъ не отразилось. Студенты знали своего инспектора, ректора, да въ рѣдкихъ случаяхъ помощника попечителя, кн. Цертелева. Князь Н. А. Долгорукій, бывшій прежде генералъ-губернаторомъ въ Вильнѣ, былъ человѣкъ достаточно образованный, добродушный, баринъ и вельможа 30-хъ годовъ, т.-е. облѣнившійся и отучнѣвшій до неподвижности сибаритъ. Студенты относились къ нему довольно добродушно: подсмѣивались надъ его сердечными отношеніями къ m-me Д—съ и надъ его непомѣрною толщиною, вслѣдствіе которой называли его *тушей*, писали по этому поводу забавные стишки и юмористическія сцены, въ которыхъ было много смѣшного, но въ которыхъ и тѣни не было того озлобленія и той горечи, которая встрѣчается въ посланіяхъ, надписяхъ, акаѳистахъ и т. п. студенческихъ произведеніяхъ, посыпавшихся въ концѣ 40-хъ годовъ на его преемника представителя той поры, съ прекращеніемъ которой сошелъ со сцены и этотъ новый попечитель, въ 1855 году.

Исторія харьковскаго университета менѣе всего извѣстна; въ этомъ отношеніи счастливѣе его университетъ юнѣйшій—кіевскій, не говоря уже о петербургскомъ и даже казанскомъ; поэтому позволяемъ себѣ надѣяться, что наши замѣтки, какъ воспоминанія современника, будутъ не лишними, при бѣдности матеріала, для будущаго историка университета. Въ первую четверть этого вѣка Харьковъ былъ глухой, незначительный городъ, хуже Бѣлгорода, Курска и Воронежа; все, что̀ было южнѣе его, теперешніе города Полтава, Елисаветградъ, Екатеринославъ и т. д., за исключеніемъ полу-русской Одессы, были въ буквальномъ смыслѣ деревнями. Между Украйной и Москвою тогда не было еще тѣхъ сообщеній и того общенія, которыя споконъ вѣка, какъ говорится, существовали между Москвой и Казанью; притомъ же послѣдняя, благодаря своему историческому значенію и геогра-

[1]) О немъ смотри въ „Вѣстникѣ Европы“ 1872 г. статью г. Р. С. „Петербургская Духовная Академія до графа Протасова“,—книги 7, 8 и 9-я.

фическому положенію, давно сдѣлалась какъ-бы столицею всего русскаго Поволжья. По крайней мѣрѣ, въ то время, какъ Харьковъ былъ въ глуши и неизвѣстности, мы видимъ безпрестанный приливъ и отливъ тогдашняго русскаго интеллигентнаго общества, въ лицѣ дворянства и бюрократіи, изъ столицъ въ Казань и обратно; вотъ почему казанскій университетъ, одновременно возникшій съ харьковскимъ (1805 г.), съ самаго своего основанія дѣлается какъ бы колоніей московскаго университета и пріобрѣтаетъ если не болѣе рѣзкую, то болѣе опредѣленную, всѣмъ знакомую физіономію, чѣмъ университетъ харьковскій. Это не значитъ, чтобы послѣдній былъ совершенно безличенъ; нѣтъ! Онъ получилъ свой особенный и притомъ рѣзкій отпечатокъ, объясняемый всею исторіей края, города Харькова, а наконецъ, племеннымъ, малороссійскимъ происхожденіемъ огромнаго большинства его воспитанниковъ. Городъ Харьковъ теперь послѣ столицъ одинъ изъ лучшихъ, богатѣйшихъ и многолюднѣйшихъ городовъ Россіи, съ 30-хъ годовъ, благодаря ярмаркамъ, сосредоточившимся въ немъ и осѣдавшимъ, сталъ очень быстро рости, то-есть увеличиваться и обстроиваться, но не на свои мѣстныя, а на чужія, московскія, вообще великорусскія деньги. То явленіе, которое мы теперь повсюду замѣчаемъ въ Малороссіи, созданіе городовъ великорусскаго типа, прежде всего началось именно съ Харькова, съ той поры, о которой сказано выше. Изъ деревень, изъ слободъ возникали города; являлись великорусскіе купцы и ремесленники, съ доброю примѣсью нѣмцевъ; являлась, конечно, и великорусская гражданственность, въ лицѣ тогдашнихъ своихъ представителей, но не могла точно также водвориться, какъ на востокѣ Россіи. Купцы, ремесленники, вообще торговый людъ, частію педагоги, отчасти самый университетъ, — все это было еще колоніями въ нашей малороссійской Украйнѣ, въ этомъ оригинальномъ мірѣ хуторовъ и слободъ, первичнаго сельскаго быта и еще недавнихъ историческихъ воспоминаній, міра, воспѣтаго и препрославленнаго поэтами, частію идиллическаго, располагающаго и къ сосредоточенности, и къ лѣни. Харьковскій университетъ имѣлъ на этотъ міръ громадное и еще неоцѣненное достаточно вліяніе, хотя и самъ не дешево за него поплатился, — именно тою репутаціею *безцвѣтности*, которою его постоянно, хотя и несправедливо, укоряли. Онъ прежде всего вліялъ самымъ культурнымъ образомъ на малороссійское дворянство, распространяя въ немъ общечеловѣческое образованіе и знанія, для пріобрѣтенія которыхъ на югѣ Россіи, въ эпоху прежняго кіево-польскаго вліянія, было больше подготовки, и которыя, поэтому, становились болѣе насущною по-

требностію, чѣмъ даже на сѣверѣ, или въ центрѣ. Изъ университета выходили люди замѣчательно образованные, нерѣдко ученые, которые, въ большинствѣ, прослуживъ урочное время на государственной службѣ, спѣшили въ свои хутора, гдѣ, подъ сѣнію черешенъ и бѣлыхъ акацій, наслаждались малороссійскимъ far niente, то-есть созерцаніемъ и беззаботнѣйшею лѣнью. Оцѣнить и измѣрить степень этого культурнаго, неоспоримо полезнѣйшаго вліянія не такъ легко; но университетъ, взамѣнъ его, почти ничего, или очень мало пріобрѣталъ отъ цивилизуемой имъ мѣстности. Оттого-то самые энергическія усилія даровитѣйшихъ его представителей (наприм., И. Я. Кронеберга) въ концѣ-концовъ ослабѣвали; люди способные къ труду скоро облѣнивались; даровитѣйшіе студенты, по окончаніи курса, уклонялись отъ научной дѣятельности и оканчивали свое земное поприще или въ Петербургѣ, въ положеніи средняго или мелкаго чиновничества, или по деревнямъ, какъ помѣщики. Кромѣ отдѣльныхъ сочиненій, большею частію магистерскихъ и докторскихъ диссертацій, почти всегда скромныхъ размѣровъ и еще болѣе скромныхъ по внутреннему достоинству, профессорская дѣятельность почти ничѣмъ не проявлялась. Труды профессоровъ въ современной журналистикѣ были всегда рѣдкимъ явленіемъ; мѣстнаго литературнаго органа, какъ теперь, такъ и тогда, т.-е. въ лучшую пору исторіи харьковскаго университета, не существовало; появленіе изданій, имѣвшихъ мѣстный интересъ, или обѣщавшихъ продолжительное существованіе, было рѣдкимъ и случайнымъ явленіемъ. Любопытно прочитать университетскіе отчеты того времени, именно тѣ рубрики, въ которыхъ говорится объ учено-литературной дѣятельности университетской коллегіи. Многіе изъ ея членовъ по десятку и болѣе лѣтъ все «собирали источники» для своей науки, да такъ и отошли ad patres, ничего не собравши; нѣкоторые въ своихъ ученыхъ трудахъ не пошли дальше губернскихъ вѣдомостей, т.-е. возможности только въ нихъ помѣщать свои произведенія. Все это, т.-е. эти больныя стороны университета не могли не отражаться на молодежи и дали харьковскому студенту особенный типъ, котораго не имѣли студенты другихъ русскихъ университетовъ, — московскаго, петербургскаго и казанскаго. Харьковскій студентъ являлся *идеалистомъ* попреимуществу, но съ нѣсколько сентиментальнымъ оттѣнкомъ; онъ прежде все *мечталъ* о дѣлѣ, не рѣдко весь вѣкъ оставаясь при однихъ мечтаніяхъ и не принимаясь за дѣло. Этотъ идеализмъ онъ сознавалъ въ себѣ и отчасти имъ гордился, называя петербургскаго студента чиновникомъ и подсмѣиваясь надъ практичностію москвичей и казан-

цевъ. Но, за отсутствіемъ этой осмѣиваемой практичности, идеализмъ прежняго харьковскаго студента, къ сожалѣнію, весьма часто и скоро вырождался въ какое-то сентиментальное идеальничанье, въ фразерство, въ неумѣнье взяться за серьёзную работу и довести ее до конца. Какъ ни прискорбно мнѣ, современнику Ка́ченовскаго, сознаться, но нашъ родной университетъ, много добраго давая своимъ питомцамъ, не давалъ однако имъ главнаго,— не пріучалъ ихъ къ труду, т.-е. мало, во-всякомъ случаѣ, заботился о томъ, чтобы научить ихъ прилагать къ дѣлу пріобрѣтаемыя свѣдѣнія. Оттого-то въ предубѣжденіи, нѣкогда общемъ, противъ харьковскихъ студентовъ, по поводу ихъ неприготовленности къ дѣлу, была своя и, къ сожалѣнію, значительная доля правды.

Я очерчиваю, конечно, общій, теперь, надобно думать отжившій типъ харьковскаго студента, но не говорю объ исключеніяхъ, а тѣмъ болѣе блестящихъ. Повторяю, этотъ типъ, этотъ закалъ харьковскаго университетскаго образованія объясняется украинскою, малороссійскою глушью, именно тѣми формами, въ какія она вылилась въ концѣ прошлаго и въ первую половину настоящаго вѣка. Но въ этой глуши встрѣчались и теперь еще не вымерли такіе Обломовы, такіе лежебоки, которыхъ если-бы вытолкать въ столицы или на иную, просторнѣйшую арену, то, судя по ихъ многостороннему образованію (нѣкоторые слушали курсы двухъ факультетовъ), блестящимъ способностямъ и бойкому перу, они сразу бы и вездѣ заняли мѣста передовыхъ дѣятелей. Эти чудаки, конечно, не лежали цѣлый вѣкъ на диванѣ, подобно герою Гончарова, но они во всю жизнь не брали пера въ руки, рѣдко показывались въ города и дальше Харькова почти никуда не отправлялись. Имена ихъ никому неизвѣстны; объ этой неизвѣстности они и хлопотали; вотъ почему самый урочный, обязательный срокъ службы они проходили, числясь въ какомъ-нибудь мало извѣстномъ по географіи городѣ, въ канцеляріи какого-нибудь земскаго суда, чуть не квартальнаго надзирателя. Но за то ихъ зналъ цѣлый околотокъ, какъ отличныхъ и гуманныхъ помѣщиковъ, какъ образованнѣйшихъ людей, много читающихъ, много дѣлающихъ и для крестьянъ, и для раціональнаго усовершенствованія хозяйства; безъ метафоръ, изъ такихъ хуторовъ, гдѣ повидимому прозябали эти сидни, широкими потоками лилось просвѣщеніе на обширное пространство. При воспоминаніи о покойномъ Каченовскомъ, мнѣ невольно приходитъ на память имя одного изъ такихъ малороссійскихъ Обломовыхъ, равно обоимъ намъ дорогое,—говорю о Д. Ѳ. Запарѣ, котораго называю здѣсь

потому, что это имя знакомо всѣмъ еще живущимъ харьковцамъ 40-хъ годовъ. Запара былъ чистокровный хохолъ, какъ онъ себя и называлъ, и по самой своей наружности и фигурѣ такъ и просился въ чумаки или бандуристы. Отлично подготовленный и постоянно занимающійся, онъ, будучи студентомъ, старался разыгрывать передъ профессорами роль пустого юноши, что̀ вполнѣ ему удавалось; все это онъ считалъ необходимымъ для того, чтобы не получить кандидата, ибо, по его мнѣнію, для порядочнаго студента нашего времени постыдно было называться этимъ именемъ. Сынъ достаточнаго помѣщика, Запара, вопреки принятому обычаю, поступилъ на словесный факультетъ, отлично занимался, но умышленно дурно держалъ репетиціи и экзамены и окончилъ курсъ дѣйствительнымъ студентомъ, послѣднимъ изъ своихъ товарищей, будучи всѣхъ насъ образованнѣе, ибо тогда еще свободно читалъ по-французки, по-нѣмецки, по-англійски, по-итальянски и по-польски. Нѣкоторые профессора знали хорошо этого чудака, другіе догадывались о немъ; но что̀ было дѣлать тѣмъ и другимъ на экзаменѣ, при видѣ простодушнаго и простоватаго хлопца-студента, который или несетъ чепуху, или стоитъ пнемъ и хлопаетъ глазами. Поневолѣ имъ приходилось ставить ему двойки и тройки. Необыкновенное добродушіе и неистощимый малороссійскій юморъ составляли отличительныя качества Запары и дѣлали его общимъ любимцемъ не однихъ товарищей и сокурсниковъ, но и всѣхъ знавшихъ его студентовъ. Изъ нашихъ предшественниковъ былъ нѣкто студентъ Манько̀, прославившійся своими пародіями, въ драматической формѣ, на разные случаи изъ профессорскаго быта, — напр., при избраніи ректора, причемъ представлялся процессъ сниманія съ забаллотированнаго и надѣванія на избраннаго профессора бѣлыхъ штановъ, присвоенныхъ, по тогдашней формѣ, должности ректора. Запара обезсмертилъ этого Манько̀, воспроизводя (конечно, съ своими добавленіями) его юмористическія сцены. Въ особенности доставалось отъ него Гулаку-Артемовскому, котораго онъ очень не любилъ, и профессору Метлинскому, къ которому, напротивъ, чувствовалъ особенную симпатію. Большинство товарищей, потѣшавшихся его пародіями лекцій Гулака и другихъ профессоровъ, передразниваніемъ знаменитаго Иннокентія и милѣйшаго изъ людей А. Л. Метлинскаго, усердно собиравшаго въ то время народныя пѣсни и, дѣйствительно, нѣсколько смѣшного въ своей альмавивѣ какого-то фантастическаго цвѣта,—большинство студентовъ, мы говоримъ, не подозрѣвало, сколько въ этомъ юношѣ было даровитости, энергіи, глубины мысли и чувства. Считаясь чѣмъ-то, въ

продолженіи урочнаго срока, въ Изюмскомъ уѣздномъ судѣ, Запара цѣлый вѣкъ прожилъ въ деревнѣ, ни въ комъ ненуждаясь, развелъ отличное овцеводство, о которомъ что-то писалъ, систематически подготовлялъ крестьянъ къ освобожденію, систематически накоплялъ запасъ своихъ знаній и велъ оживленную и исполненную юмора переписку съ старыми своими товарищами. Онъ рѣдко являлся даже въ Харьковѣ, гдѣ, позднѣе, развѣ немногіе изъ университетской корпораціи могли сравниться съ нимъ по солидности и многосторонности образованія. Запара, мы достовѣрно знаемъ, имѣлъ въ южно-русскомъ обществѣ предшественниковъ; остались ли теперь напоминающіе ихъ типы,—мы утвердительно сказать не можемъ, хотя и склонны думать, что ни исторія харьковскаго университета позднѣйшаго времени, ни современная дѣйствительность образовать ихъ не могутъ. Мы только возстановляемъ фактъ, далекіе отъ мысли восторгаться слегка очерченнымъ нами типомъ (хотя и любимаго человѣка), неоспоримо важнымъ для своего времени и любопытнымъ въ психологическомъ отношеніи. Типъ имѣлъ свои градаціи и отъ запаринской высоты ниспадалъ до настоящей обломовской уродливости и отупѣлости.

Не распространяемся о другихъ явленіяхъ обычныхъ, обще-русскихъ, или, пожалуй, обще-университетскихъ,—ни о томъ именно, какъ стиралось и сокрушалось университетское образованіе подъ давленіемъ среды. По отношенію къ Харькову, среду эту составляли— квартирующія и поселенныя въ южныхъ губерніяхъ войска, драгуны, уланы и гусары разныхъ наименованій, и темный лабиринтъ всевозможныхъ канцелярій, которыя надобно было проходить каждому прежде, чѣмъ стать на широкую дорогу гражданской службы, открытую только для счастливцевъ, воспитанниковъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній. По крайней мѣрѣ, общее убѣжденіе харьковскихъ студентовъ 40-хъ годовъ было таково, что человѣкъ могъ спасти себя отъ разныхъ житейскихъ крушеній —или въ деревнѣ, или на педагогическомъ поприщѣ; въ этомъ кроется причина, почему въ то время факультеты словесный, или, какъ его называли поляки, *литеральный*, математическій и вновь открытый естественный были наполнены въ ту пору не одними бѣдняками и семинаристами, но и людьми достаточными. Что касается до бѣдной молодежи, то, безъ преувеличенія можно сказать, бѣдныхъ студентовъ было не мало, но *бѣдствующихъ* не было,—по необыкновенной дешевизнѣ жизни и по легкости имѣть уроки, или кондиціи, хорошо оплачиваемыя: въ Харьковѣ въ ту пору за 10—15 р. сер. въ мѣсяцъ (или по курсу 35—52 р.) можно было не только хорошо прожить, но и одѣться; достать

уроковъ на ту же сумму не составляло ни малѣйшаго затрудненія; репетиторскія обязанности въ мужскихъ пансіонахъ, въ домахъ, гдѣ дѣти получали домашнее воспитаніе (а такихъ домовъ было тогда не мало), всегда занимались студентами; въ домахъ чиновниковъ средней руки и купцовъ студенты были преподавателями всѣхъ предметовъ начальнаго гимназическаго курса. И такъ, еще разъ повторяемъ, идеализмъ, переходившій въ идеальничанье, фразерство, въ отвлеченный складъ мышленія, легъ въ основаніе образованія, которое давалъ харьковскій университетъ своимъ питомцамъ. Лучшими профессорами 40-хъ годовъ былъ понятъ этотъ характеръ и всѣ, проистекающіе отсюда, недостатки; лучшіе изъ профессоровъ тогда же взялись энергически этому противодѣйствовать и хотя, какъ сейчасъ увидимъ, не совсѣмъ успѣшно, но ихъ усилія остались далеко не безплодными.

Въ 40-хъ годахъ, во все время пребыванія нашего въ харьковскомъ университетѣ, ректоромъ былъ Петръ Петровичъ Артемовскій-Гулакъ, авторъ «Пана Твардовскаго» и нѣкоторыхъ другихъ стихотвореній, писанныхъ на малорусскомъ нарѣчіи. Знатоки и любители послѣдняго всегда ихъ очень цѣнили; эти же любители позднѣйшаго времени превознесли и препрославили автора до небесъ, — до высоты, на которой никто бы изъ нашихъ современниковъ не подумалъ поставить Гулака (этимъ именемъ всегда его называли). Артемовскій-Гулакъ, воспитанникъ харьковскаго университета, былъ человѣкъ неоспоримо даровитый, недюжинный, можетъ быть поэтъ, частію ораторъ, т.-е. хорошій говорунъ; онъ отлично владѣлъ языками, латинскимъ, французскимъ и польскимъ, по крайней мѣрѣ, любилъ говорить на нихъ, даже съ нѣкоторымъ кокетствомъ; въ немъ, какъ въ малороссѣ, была сильно замѣтна юмористическая жилка, сообщавшая живость его рѣчи и дѣлавшая его пріятнымъ собесѣдникомъ. Но профессоръ былъ онъ плохой во всѣхъ отношеніяхъ, а какъ ректоръ—и того хуже. Артемовскій читалъ русскую исторію по Карамзину, но самъ ровно ничего не сдѣлалъ для этой науки. Обыкновенно бо́льшую половину перваго года читалъ онъ объ источникахъ своей науки, которые всю жизнь собиралъ (а когда-то и очень тщательно выбиралъ изъ печатныхъ книгъ и журналовъ, русскихъ и польскихъ); затѣмъ чтеніе продолжалось по Карамзину и Устрялову (курсъ былъ 2-хъ-лѣтній). Студенты ничего не записывали, да и нечего было записать изъ шумихи фразъ и ничтожнѣйшей болтовни. Напускной паѳосъ лектора сначала занималъ, потомъ смѣшилъ, а напослѣдокъ надоѣдалъ и возбуждалъ отвращеніе въ слушателяхъ. Готовились къ экзамену обыкновенно по учебнику

Устрялова. Профессоръ пропускалъ половину лекцій, а на экзаменахъ былъ щедръ на хорошіе баллы; тройки получали только тѣ, кому онъ хотѣлъ насолить, кто имѣлъ несчастіе ему не понравиться. Изъ учениковъ Артемовскаго не только не вышло ни одного профессора, но даже споснаго учителя гимназіи. Источники по русской исторіи составляли единственную дѣловую часть его лекцій, но и она занимала студентовъ только своею юмористическою стороною. Я говорю о разборѣ имъ *Исторіи русскаго народа* Полеваго, котораго Гулакъ терпѣть не могъ за помѣщеніе въ «Телеграфѣ» рецензіи на какое-то его стихотвореніе съ слѣдующимъ четверостишіемъ:

Пускай въ Зоилѣ сердце ноетъ;
Онъ Артемовскому вреда не принесетъ:
Сирко хвостомъ его прикроетъ
И въ храмъ безсмертья унесетъ.

Лекторъ не щадилъ выраженій, чтобы представить во всемъ ужасѣ дерзость «какого-нибудь купца и пришлеца», осмѣлившагося поднять руку противъ «нашего безсмертнаго исторіографа». Лекціи Артемовскаго въ подобномъ родѣ только возбуждали смѣхъ и служили пищею для остроумныхъ пародій, на манеръ Манька или Запары; вреда онѣ не приносили и вредно не вліяли, потому что тогдашняя молодежь, имѣвшая уже лучшихъ, благороднѣйшихъ руководителей, переросла кругозоръ Артемовскаго, его холодную, напускную фразу; въ ту пору, сверхъ того, уже начали появляться труды молодыхъ ученыхъ, Соловьева и Кавелина, которыхъ онъ игнорировалъ. Артемовскій-Гулакъ былъ вреденъ не своими невинными лекціями, а какъ представитель чиновной, казенной учености, которою онъ импонировалъ вездѣ и повсюду, — и на студентовъ, и на даровитыхъ профессоровъ, и на администрацію, и на все тогдашнее харьковское общество. Чтобы дѣйствовать такимъ образомъ, конечно, мало было одной ловкости и сметки: мы не отказываемъ Артемовскому въ живомъ и бойкомъ умѣ, въ образованіи и начитанности; но онъ не былъ ученымъ и на профессуру смотрѣлъ какъ на карьеру къ отличіямъ и почестямъ. На лекціи онъ являлся весь увѣшенный орденами и сіяющій перстнями, полученными имъ за службу въ харьковскомъ и полтавскомъ институтахъ, которыхъ онъ считался какимъ-то членомъ. Этотъ сановитый, но бодрый и красивый старикъ, казался не отъ университетскаго міра, а пришелъ въ него если не изъ модной гостиной, то изъ департамента, въ образѣ его директора, или начальника отдѣленія, съ торжествомъ возвращающагося послѣ пріятнаго доклада у министра. Для рек-

тора Артемовскаго такими министрами были кн. Цертелевъ, кн. Долгорукій и потомъ Кокошкинъ, расположеніемъ которыхъ онъ дѣйствительно пользовался, но въ ущербъ своей профессорской и ректорской репутаціи: разсказывали даже, что у кого-то изъ нихъ онъ, ректоръ университета, добивался чести давать уроки 12-тилѣтнему сыну. На языкѣ, на словахъ Артемовскій показывалъ всегда особенную нѣжность къ университету и студентамъ; но рѣчь его была холодна и до крайности вычурна, а потому ему не вѣрили и его не любили. Но эта холодная рѣчь, это вычурное краснорѣчіе было божескимъ наказаніемъ для провинившихся студентовъ, въ одиночку и въ массѣ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ собиралъ всѣхъ студентовъ въ актовую залу и болѣе часа держалъ ихъ подъ градомъ своихъ словоизверженій, гдѣ цитаты изъ рѣчей Цицерона смѣшивались съ переводами ихъ по риторикѣ Кошанскаго, въ родѣ слѣдующаго изреченія, буквально каждый разъ имъ повторяемаго: «Юноши! Вы видите передъ собою старца, которому внимали старцы, когда онъ былъ юношей!» Но юноши очень хорошо понимали, что этотъ старецъ, прожившій потомъ еще болѣе 20-ти лѣтъ и напоминавшій тогда во многомъ Пушкинскаго Мазепу, даже «серебромъ его кудрей», ровно ничего старческаго и благодушнаго въ себѣ не имѣлъ; что многихъ изъ нихъ, въ одиночку, холодомъ, грубостью и язвительностью своей рѣчи онъ пропекалъ до боли, оскорблялъ до слезъ, издѣваясь и надъ бѣдностью, и надъ низменностью общественнаго положенія, изъ котораго самъ вышелъ; что блестящій ректоръ и краснорѣчивый ораторъ былъ только ловкій актеръ въ жизни, въ службѣ, на профессорской каѳедрѣ. Студенты расходились изъ зала,—одни съ искреннимъ смѣхомъ, другіе съ чувствомъ глубокаго негодованія. Быть можетъ, въ интимномъ литературномъ кружкѣ Артемовскій переставалъ играть роль, былъ даже натураленъ и могъ блистать своимъ остроуміемъ; но съ этой стороны въ 40-хъ годахъ онъ не былъ никому извѣстенъ, — ни студентамъ, ни лучшимъ изъ профессоровъ. Будь онъ личностью заурядною, память о немъ не окрасилась бы въ темный цвѣтъ, котораго не изгладить никакимъ дарованіемъ.

Артемовскій не былъ учредителемъ, но поддерживалъ систему пансіонерства, сдѣлавшуюся истинною язвою харьковскаго университета. Большинство профессоровъ юридическаго, словеснаго и математическаго факультетовъ держали цѣлыя массы студентовъ-пансіонеровъ, принадлежащихъ, впрочемъ, къ разнымъ факультетамъ. Пансіонеры были изъ дѣтей богатыхъ украинскихъ помѣщиковъ и донскихъ казаковъ, а также изъ богатыхъ куп-

цовъ и разбогатѣвшихъ откупщиковъ, жаждавшихъ нобилизаціи, уроженцевъ губерній, составлявшихъ Харьковскій учебный округъ; въ числѣ пансіонеровъ всегда находилось не мало «чающихъ», т.-е. готовящихся къ поступленію въ университетъ. Образованіе студенческихъ пансіоновъ, съ одной стороны, обусловливалось спросомъ на такія учрежденія,—спросомъ на спокойныя, «приличныя» и удобныя для занятій квартиры, которыя родители отыскивали для своихъ сыновей-студентовъ. Такія квартиры предлагались учителями гимназій, предлагались и нѣкоторыми профессорами; другихъ профессоровъ (мы знаемъ положительно) сами родители, по знакомству, убѣждали принять на квартиру ихъ дѣтей. Такое пансіонерство не было, конечно, злокачественнымъ; но между массами студентовъ, живущихъ у профессоровъ, его трудно было отличить отъ злокачественнаго, обязывавшаго содержателей пансіоновъ, во что бы ни стало, переводить ежегодно изъ курса въ курсъ своихъ квартирантовъ, а по выходѣ изъ университета надѣлять ихъ степенью кандидата. Злокачественное пансіонерство, которымъ запятнало себя большинство харьковскихъ профессоровъ и противъ котораго не могло, безсильно было бороться меньшинство, стало выгоднымъ промысломъ, вслѣдствіе котораго нѣкоторые изъ профессоровъ спорили съ тогдашнимъ харьковскимъ богачемъ Кузинымъ въ украшеніи гор. Харькова каменными домами. Артемовскій, правда, домовъ не строилъ, но пансіонеровъ постоянно держалъ, а въ прежнее время, когда онъ еще не встрѣчалъ сильнѣйшей противъ этого оппозиціи (о которой будетъ ниже), очень многихъ; но онъ отличался отъ другихъ своихъ товарищей по ремеслу особенною тактикою. У тѣхъ пансіонеры такъ и назывались *пансіонерами*; и помочь пансіонеру такого-то профессора въ переводѣ въ слѣдующій курсъ или въ постановкѣ лишняго балла, для полученія кандидата, было обязательнымъ для каждаго профессора, имѣвшаго своихъ пансіонеровъ, по пословицѣ — «рука руку моетъ». У Петра Петровича Артемовскаго, по его словамъ, пансіонеровъ не было, а были все его «воспитанники», — то просто «сироты», неимѣющіе отца или матери, которыхъ онъ взялъ къ себѣ изъ жалости, то «круглые сироты», то «несчастные сиротки», за которыхъ онъ упрашивалъ жестокосердыхъ профессоровъ, враговъ пансіонерства по принципу. И остроумный Петръ Петровичъ часто бывалъ правымъ: дѣйствительно, у него живали и простые, круглые сироты, за которыхъ онъ получалъ по двѣ и по три тысячи за каждаго; живали у него, опять-таки по его словамъ, «прекрасные и даровитые молодые люди, страдающіе только однимъ страшнымъ по-

рокомъ нашего времени,—бѣдностью», противъ которой онъ, по мѣрѣ силъ, ратоборствовалъ, т.-е. яко бы помогалъ этимъ мнимымъ бѣднякамъ. Живали, правда, у него (какъ, впрочемъ, у всѣхъ его товарищей по ремеслу) студенты изъ бѣдняковъ дѣйствительныхъ, въ качествѣ репетиторовъ и учителей пансіона; но ихъ менѣе всего можно причислить къ людямъ «облагодѣтельствованнымъ». Плохой магистръ и еще худшій профессоръ, Артемовскій былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ въ ординарные профессора и потомъ въ ректоры своей институтской службѣ и еще болѣе своей житейской ловкости. Назначенный ректоромъ университета, Артемовскій собралъ профессоровъ и произнесъ предъ ними пышную рѣчь, въ которой давалъ разумѣть, что онъ не *имъ* обязанъ своимъ назначеніемъ и что онъ намѣренъ уничтожить злоупотребленія, вкравшіяся въ университетѣ. «Да! злоупотребленія большія, воскликнулъ одинъ изъ профессоровъ (Лунинъ); но вы, г. ректоръ, первый ихъ виновникъ». Полтавскіе старожилы передавали намъ, что, посѣщая здѣшній институтъ и проживая для этого по нѣскольку дней въ Полтавѣ, при Кокошкинѣ, Артемовскій очень часто посѣщалъ классы въ кадетскомъ корпусѣ, не стѣсняясь выражаться, что онъ, ректоръ университета, находитъ для себя такія посѣщенія «не только пріятными, но и полезными». «Я бы вамъ, г. Д—ій, совѣтовалъ выдти изъ университета», говорилъ Артемовскій одному изъ нашихъ товарищей, уроженцу западныхъ губерній, весьма некрасивому молодому человѣку, съ лицомъ изрытымъ оспой. «За что же, ваше п-ство?» спросилъ бѣднякъ, ободренный иронической улыбкой, освѣщавшей величественный, хотя и грозный ликъ ректора. «Да, помилуйте! — у васъ физіономія совсѣмъ неприличная для студента», пояснилъ внушительно ректоръ. Мудрено ли, что подобныя отношенія къ студентамъ, напоминавшія полицію добраго стараго времени, ранѣе или позже должны были окончиться для Гулака самымъ плачевнымъ образомъ, чтó и воспослѣдовало въ 1848-мъ году послѣ громкой исторіи съ однимъ студентомъ-грузиномъ; даже духъ времени не спасъ его отъ позорнаго паденія. Онъ оставилъ университетъ и послѣ того еще лѣтъ 20 прожилъ въ Харьковѣ, до самой смерти, всѣми забытый, даже тѣми, которые дѣйствительно ему были многимъ обязаны. Нельзя не пожалѣть, что человѣкъ съ такими недюжинными способностями, какими обладалъ Артемовскій-Гулакъ, оставилъ по себѣ въ исторіи харьковскаго университета столь печальную память. Онъ не съумѣлъ или не хотѣлъ быть полезнымъ для студентовъ даже въ той сферѣ дѣятельности, которую понималъ и которой былъ искренно преданъ;—

я говорю о литературѣ, которою, по разсказамъ, онъ занимался до самой смерти, оставивъ послѣ себя много стихотвореній на малороссійскомъ нарѣчіи, преимущественно переводовъ.

Въ 40-хъ годахъ словесные факультеты, т.-е. первыя отдѣленія философскихъ, играли въ университетахъ преобладающія роли, какъ по общезанимательности предметовъ, доступныхъ почти всѣмъ студентамъ, такъ и по складу тогдашняго общественнаго образованія и по характеру литературы. Въ Харьковѣ было то же, и едва ли не болѣе, чѣмъ въ другихъ университетахъ, какъ потому что самъ блестящій ректоръ принадлежалъ къ этому факультету и отчасти вербовалъ въ него, такъ и по даровитости нѣкоторыхъ его профессоровъ. Звѣздами первой величины на небосклонѣ харьковскаго университета были тогда два профессора словеснаго факультета,—Лунинъ и Валицкій, оба вышедшіе изъ профессорскаго института и докончившіе свое ученое образованіе за-границей, гдѣ они пріобрѣли и ученыя степени. Лунинъ (Михаилъ Михайл.), профессоръ всеобщей исторіи, былъ замѣчательнымъ полиглотомъ. Ему знакомы были всѣ литературы, древняя, европейскія и азіатскія, кромѣ, кажется, славянскихъ. Эрудиція его была громадна, какъ это обнаруживалось на лекціяхъ и особенно на диспутахъ и какъ это доказываютъ наброски его лекцій, случайно попавшіе въ наши руки. Лунинъ задался мыслью составить на русскомъ языкѣ обширный курсъ всеобщей исторіи, древней, средней и новой; по крайней мѣрѣ, каждую изъ этихъ частей онъ обработывалъ въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, которые совсѣмъ выходили изъ рамокъ студенческаго курса. Трудился онъ неутомимо во все время своего профессорства, продолжавшагося до 1844 г., но успѣлъ окончить, сколько помнится, изъ древней исторіи до Пуническихъ войнъ, изъ средней Крестовыми походами, а изъ новой — Вестфальскимъ миромъ. Лекціи свои профессоръ читалъ по тетрадкѣ, читалъ довольно монотонно и нѣсколько искусственно, слабымъ голосомъ чахоточнаго человѣка; но этотъ голосъ повышался и привлекалъ къ себѣ вниманіе слушателей, по мѣрѣ того какъ оживлялся самъ лекторъ. Лунинъ принадлежалъ къ школѣ живописцевъ-историковъ, возникшей подъ вліяніемъ романовъ Вальтеръ-Скотта, котораго онъ называлъ «аббостворскимъ чародѣемъ» и котораго, кажется, принималъ за образецъ при изображеніи феодальной жизни и рыцарства, блистательнѣйшія изъ его лекцій, на которыя собирались толпы слушателей. Но крайности школы, представителемъ которой во Франціи былъ баронъ де-Барантъ, Лунинъ умѣлъ избѣжать, а потому и являлся столь же искуснымъ прагматикомъ,

какъ и живописцемъ. Изложеніе его лекцій было блестящее, языкъ ихъ отличался тѣмъ изяществомъ, которое уже послѣ Лунина проявилось въ нашей литературѣ,—въ произведеніяхъ И. С. Тургенева и писателей его школы, а въ историческихъ сочиненіяхъ у Н. И. Костомарова, его ученика. Содержаніе лунинскихъ лекцій до такой степени было полно, что историческія произведенія московскихъ ученыхъ, явившіеся позднѣе, для учениковъ Лунина не представляли ничего особеннаго. Все написанное Лунинымъ могло бы составить 3—4 большихъ тома, листовъ въ 40 каждый. Эти лекціи, по смерти Лунина, взялся привести въ порядокъ и издать одинъ изъ даровитыхъ его учениковъ, но который, по безконечной лѣности, такъ и умеръ, ничего не сдѣлавъ и растерявъ записки Лунина. Мы съ Каченовскимъ застали этого профессора уже въ концѣ его жизненнаго и ученаго поприща, когда онъ рѣдко являлся на лекціи, мало сближался съ студентами и еще меньше съ обществомъ; но и тогда популярность его была громадна, и имя его неразрывно связывалось съ именемъ харьковскаго университета, какъ имя Грановскаго съ московскимъ. Чистотою и высотою своихъ нравственныхъ достоинствъ Лунинъ напоминалъ собою знаменитаго московскаго профессора, позже его вступившаго на профессорское поприще и слабѣе его подготовленнаго. Лунинъ не носилъ въ себѣ болѣзней и язвъ современной ему харьковской университетской корпораціи, а потому и служилъ идеаломъ для молодежи, предметомъ укора и худо скрываемой вражды для большинства своихъ товарищей: одни его безпредѣльно уважали, другіе ненавидѣли отъ искренняго сердца.

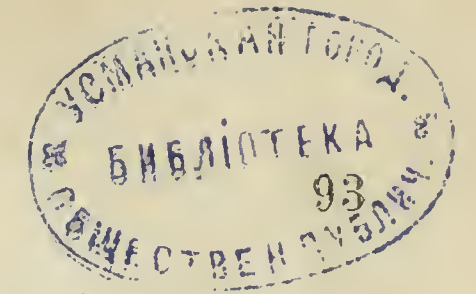
Одною изъ язвъ, которой поражена была тогдашняя университетская корпорація, я сказалъ, было пансіонерство, составлявшее очень прибыльный промыселъ, которымъ, къ сожалѣнію, занимались достойные въ другихъ отношеніяхъ и даровитые профессоры. Такіе господа поналживали себѣ каменные дома и дачи, обзавелись экипажами, жили баричами, и если не обращали своей профессіи въ ремесло, то скоро погружались въ непробудную лѣнь, которая и безъ того, впрочемъ, заѣдала всегда наше провинціальное общество. Лунинъ, труженикъ и бѣднякъ, вѣчно ходившій пѣшкомъ, былъ живымъ протестомъ противъ окружающей его дѣйствительности, разумности которой онъ не признавалъ и своего презрѣнія къ ней не скрывалъ ни отъ кого, тѣмъ менѣе отъ студентовъ. Онъ, подобно Артемовскому, только въ обратномъ смыслѣ, былъ также не отъ міра сего, человѣкъ не тогдашней русской дѣйствительности. Студентамъ онъ казался англичаниномъ,

нѣмецкимъ ученымъ, — и въ самомъ дѣлѣ, онъ смотрѣлъ совершеннымъ джентльменомъ и составлялъ рѣзкую противуположность съ типомъ бурсака-профессора изъ школы Сперанскаго, т.-е. изъ образованныхъ имъ юристовъ, и тѣхъ профессоровъ, которыми надѣлялъ университеты бывшій педагогическій институтъ. По трудолюбію и скромности въ жизни, Лунинъ дѣйствительно напоминалъ нѣмца, можетъ быть потому, что онъ былъ воспитанникомъ дерптскаго университета и, если неошибаемся, уроженцемъ Прибалтійскаго края. Но въ тогдашнюю пору никакихъ еще химическихъ разложеній народностей не знали и о доброкачественности и зловредности оныхъ не толковали; въ тогдашнюю пору въ университетѣ самымъ добродушнѣйшимъ образомъ уживались русскіе, поляки и нѣмцы, а потому и Лунина не только не называли нѣмцемъ, въ позднѣйшемъ укорительномъ смыслѣ, но и не изумлялись его западничеству, его — сказали бы нынче — нигилизму, доходившему до того, что онъ не признавалъ наукой русской исторіи, въ чемъ отчасти былъ правъ, если вспомнимъ, что это было назадъ тому болѣе 30-ти лѣтъ и что онъ имѣлъ дѣло съ псевдо-учеными, подобными Гулаку-Артемовскому. Славянофильство въ Харьковѣ, какъ и вообще на нашемъ югѣ и западѣ, явленіе немыслимое, да оно въ ту пору только-что проявлялось въ самой Москвѣ; южное украйнофильство явилось также въ позднѣйшую, не нашу пору: вотъ почему Лунинъ былъ и остается глубоко живымъ, цѣльнымъ и замѣчательнымъ типомъ передового русскаго человѣка 30—40-хъ годовъ. Въ исторіи харьковскаго университета, которой пока нѣтъ, имя его должно занять передовыя страницы, вмѣстѣ съ именемъ И. Я. Кронеберга. Но и за всѣмъ тѣмъ, украинское положеніе харьковскаго университета положило и на Лунина свою неотразимую печать. Уже не говоря о столицахъ, въ Казани или Кіевѣ вліяніе его и самая дѣятельность его, кажется, имѣли бы болѣе активный, хотя, можетъ быть, и менѣе художественный характеръ; тамъ, быть можетъ, онъ самъ бы приступилъ къ изданію своего превосходнаго труда, тамъ могла успѣшнѣе пойти и самая работа. Лунинъ не былъ нѣмецкимъ гелертеромъ, но идеалистомъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова: въ ученой работѣ, въ своемъ трудѣ онъ находилъ отраду и вдохновеніе, которыхъ не давала ему жизнь.

Своимъ образомъ жизни, своею пуританскою честностію и обширною ученостію Лунинъ поражалъ студентовъ и имѣлъ на нихъ громадное вліяніе; мы говоримъ о студентахъ всѣхъ факультетовъ, для которыхъ этотъ ученый казался идеаломъ профес-

сора, чѣмъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ. Лунинъ, будучи тогда семейнымъ человѣкомъ, всегда занималъ самыя скромныя, если не самыя бѣдныя квартиры,—гдѣ-нибудь или въ глухой улицѣ, или во дворѣ, въ небольшомъ флигелькѣ, въ 3—4 комнаты, въ какомъ-нибудь мезонинѣ надъ амбарами или сараями. Вѣчно путешествовавшій пѣшкомъ по грязнымъ харьковскимъ улицамъ во всякую погоду, онъ составлялъ рѣзкій контрастъ не только съ большинствомъ своихъ товарищей, но даже многихъ и студентовъ, изъ породы «несчастныхъ сиротъ», рыскавшихъ, однако же, по городу на рысакахъ и всячески заискивавшихъ въ гордомъ и неподкупномъ профессорѣ, который отворачивался отъ нихъ съ рѣзкимъ презрѣніемъ. Съ самаго поступленія своего въ харьковскій университетъ, съ 1834 г., Лунинъ объявилъ ожесточенную войну пансіонерству, которое преслѣдовалъ неумолимо и изъ-за котораго нажилъ себѣ множество враговъ. По природѣ ли, или же вслѣдствіе непосильной борьбы съ тогдашнею дѣйствительностію, разбившей его здоровье, Лунинъ былъ человѣкъ очень желчный, нестѣснявшійся въ словахъ и выраженіяхъ. Съ Артемовскимъ онъ былъ въ ожесточенной враждѣ, и тотъ его ненавидѣлъ всѣми силами души. Надобно замѣтить, что до своего ректорства, еще при Кронебергѣ и потомъ Куницынѣ (А. В.), Артемовскій, какъ только магистръ, и притомъ очень плохой, былъ на самомъ дѣлѣ не болѣе, какъ адъюнктомъ Лунина, доктора философіи и исторіи берлинскаго или гейдельбергскаго университета (хорошенько не помнимъ), поступившаго въ Харьковъ прямо ординарнымъ профессоромъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, сталъ смотрѣть на Артемовскаго Лунинъ, поражавшій «сиротокъ» перваго двойками и единицами и недававшій ему покоя даже тогда, когда онъ сталъ сановитымъ лицомъ и ректоромъ университета. «Я бы вамъ, г. Артемовскій, не стѣсняясь говаривалъ Лунинъ въ совѣтѣ, рекомендовалъ серьёзнѣе заняться своимъ предметомъ, — обратиться къ лѣтописямъ, изучать Карамзина и самого Полеваго, котораго вы только браните...»—«Нѣтъ ужъ, г. Лунинъ, восклицалъ выведенный изъ себя маститый магистръ, — Полеваго возьмите себѣ, отдаю его вамъ обѣими руками!» — «Помилуйте, продолжалъ безпощадный Лунинъ,—развѣ это наука, всѣ ваши лекціи!..»—«Вы, г. Лунинъ, прерывалъ его Гулакъ, мой непримиримый врагъ; вы не даете мнѣ жить покойно ни на семъ, не дадите и на томъ свѣтѣ!» — «Утѣшьтесь, саркастически прерывалъ краснорѣчіе своего противника Лунинъ, — на томъ свѣтѣ мы съ вами не встрѣтимся». Не ручаемся за достовѣрность, но въ такомъ видѣ воспроизводились тогда между нами пренія пред-

ставителей харьковской оффиціальной и истинной учености. Эти воспроизведенія, въ устахъ Манько́ и Запары, часто принимали глубоко-комическій характеръ: въ этихъ разсказахъ Артемовскій рисовался то въ видѣ лисицы, покушающейся, хотя и неудачно, опутать сѣтями неподкупнаго Лунина, въ интересѣ своихъ «питомцевъ», то въ образѣ зайца, за невѣжествомъ котораго гоняется ученый Лунинъ. Борьба Лунина противъ пансіонерства не осталась безплодной: въ словесномъ факультетѣ мы уже не застали злокачественнаго пансіонерства, хотя оно еще было въ полной силѣ на другихъ. Весь преданный наукѣ, очень плохой знатокъ житейской мудрости, пламенный поборникъ добра и непримиримый врагъ зла во всѣхъ его видахъ, больной и раздражительный, Лунинъ не всегда былъ ровенъ и со студентами и всего менѣе могъ назваться «популярнѣйшимъ» профессоромъ, какими были Валицкій на словесномъ и Степановъ на юридическомъ факультетѣ. Порою онъ обращался къ студентамъ съ горькимъ и даже суровымъ словомъ,—и не всегда бывалъ онъ правъ въ подобномъ обращеніи. Но, странное дѣло! — молодежь извиняла ему эти неровности и нѣкоторыя, хотя рѣдкія, капризныя выходки. Мы встрѣчали не разъ первыхъ учениковъ Лунина уже, какъ говорится, подъ вечеръ ихъ жизни. При имени этого профессора самое суровое лицо оживлялось, самыя молчаливыя уста высказывали благодарныя, теплыя рѣчи, — такова была нравственная высота этого замѣчательнаго ученаго, этого *учителя*, идеальный образъ котораго набросалъ Гоголь, рисуя Тентетникова. Каждый трудящійся, каждый занимающійся студентъ находилъ въ скромной квартирѣ Лунина дружескій пріемъ, а въ самомъ немъ—опытнаго и разумнаго помощника и совѣтника, предлагавшаго къ его услугамъ и свою библіотеку, и всѣ свои обширныя ученыя средства. Но Лунинъ косился на студенческій дилеттантизмъ и преслѣдовалъ въ студентахъ шарлатанское отношеніе къ знанію, преслѣдовалъ откровенно, хотя и не ожесточенно, не съ тою неумолимостію, какъ это онъ дѣлалъ по отношенію къ нѣкоторымъ профессорамъ, напр., Артемовскому и Лукьяновичу (Семену Семеновичу), бездарному и жалкому профессору, питомцу педагогическаго института, занявшему каѳедру знаменитаго Кронеберга римскихъ древностей и языка. По этой причинѣ, всякая бездарность и всѣхъ видовъ шарлатанство ненавидѣло Лунина, какъ живое воплощеніе совершенно противоположныхъ свойствъ. Студентовъ боящихся его было не мало, но ненавидѣвшихъ — ни одного. Студенты, даже не бойко занимавшіеся, хранили и собирали его записки, какъ такой ученый

трудъ, который составитъ эпоху въ исторіи русской науки; таково было, можетъ быть ошибочное, но общее убѣжденіе. «Слушать» Лунина, «быть ученикомъ его» для кончившихъ курсъ стало предметомъ гордости, хвастовства. Хотя такое отношеніе къ профессору могло выработаться только на почвѣ харьковскаго университета, располагавшей, какъ мы замѣтили, къ идеализаціи; но оно, во всякомъ случаѣ, весьма много говоритъ въ пользу профессора и не менѣе въ пользу обучавшагося тогда юношества, съ уваженіемъ относившагося къ наукѣ и къ достойнымъ ея представителямъ. Много знавшій, много трудившійся, хотя очень мало печатавшійся, профессоръ Лунинъ былъ бы изъ первыхъ въ любомъ русскомъ университетѣ; но нигдѣ, кромѣ Харькова, не могъ онъ имѣть такого громаднаго и притомъ болѣе непосредственнаго вліянія: въ другомъ мѣстѣ (напр., въ Москвѣ) его обширные ученые планы скорѣе могли бы осуществиться, хотя, можетъ быть, и въ ущербъ ихъ размѣровъ; въ Харьковѣ прежде всего поражали именно эти обширные размѣры, «идеальные замыслы» ученаго. На Украйнѣ, въ губерніяхъ, составляющихъ харьковскій учебный округъ, и даже въ Новороссіи и теперь еще, то-есть 30 лѣтъ спустя послѣ смерти Лунина, не въ одномъ семействѣ можно встрѣтить его записки, хотя и разрозненныя: едва ли слава русскаго профессора когда-нибудь шла дальше этихъ предѣловъ.

Товарищъ Лунина по профессорскому институту, частію раздѣлявшій съ нимъ и славу, профессоръ Валицкій (Альфонсъ Осиповичъ) во многихъ отношеніяхъ, однако, представлялъ совершенную противоположность Михаилу Михайловичу. Валицкій былъ воспитанникъ виленскаго университета и уроженецъ Виленской губерніи; въ 1866 г. въ виленской гимназіи я засталъ еще его племянниковъ. Въ противоположность сосредоточенности Лунина, натура Валицкаго была въ высшей степени экспансивная, страстная, если угодно, — широко-славянская, ибо онъ любилъ и общество, и живую бесѣду съ людьми, любилъ, кажется, и хорошо пожить. На его вечеринкахъ, которыя обыкновенно бывали во дни семейныхъ праздниковъ, бывало множество студентовъ всѣхъ факультетовъ, безъ малѣйшаго національнаго и вѣроисповѣднаго различія. Въ эти дни обыкновенно молодежь, въ шумныхъ манифестаціяхъ, высказывала свою преданность любимому профессору. Популярность Валицкаго была очень велика и вполнѣ заслуженна, но онъ ее не искалъ и не популярничалъ: онъ заслужилъ ее своими дарованіями, лекціями, симпатичностію своего характера и возвышеннымъ образомъ своихъ мыслей. Валицкій былъ едва ли не даровитѣй Лунина, хотя и уступалъ

ему въ эрудиціи, въ средствахъ, которыми онъ располагалъ, какъ профессоръ, и въ трудолюбіи; впрочемъ, научныя средства Валицкаго были все еще замѣчательно велики. Въ университетѣ читалъ онъ греческій языкъ, литературу и древности, которые зналъ онъ превосходно; но также зналъ онъ языкъ и литературу римскіе и большинство факультетскихъ предметовъ. Словомъ, Лунинъ и Валицкій были ученѣйшіе изъ всѣхъ профессоровъ харьковскаго университета и принадлежали къ числу образованнѣйшихъ людей эпохи; но Валицкій владѣлъ даромъ, котораго совершенно лишенъ былъ Лунинъ. Онъ былъ замѣчательнымъ, прирожденнымъ ораторомъ; лекціи его не рѣдко бывали импровизаціями, потрясавшими слушателей. При очень маломъ ростѣ, Валицкій былъ отлично сложенъ, красивъ собою и владѣлъ необычайно сильнымъ и симпатичнымъ голосомъ, переходившимъ отъ мягкихъ звуковъ альта въ густой баритонъ; во всей его маленькой фигурѣ замѣчателенъ былъ лобъ и хотя небольшіе, но бросающіе искры глаза. По-русски онъ говорилъ, въ обыденной рѣчи, совершенно правильно, но въ употребленіи нашего литературнаго языка онъ нѣсколько затруднялся; а потому-то его русская литературная рѣчь, въ письмѣ и въ изложеніи лекцій, была тяжеловата, хотя увлеченные слушатели этого не замѣчали. Но самъ профессоръ зналъ это, а потому охотнѣе читалъ по-латинѣ, что́ тогда не затрудняло студентовъ. Валицкій стоялъ на высотѣ тогдашнихъ филологическихъ требованій по изученію классической древности; но на бѣду, онъ читалъ такой предметъ, къ которому слушатели его нисколько не были приготовлены: говорю о греческомъ языкѣ, который преподавался сносно въ одной только харьковской гимназіи, изъ другихъ же гимназій округа воспитанники выходили, едва научившись читать по-гречески. Съ такими филологами что́ могъ сдѣлать профессоръ самый даровитый и ученый! Валицкому и дѣйствительно ничего не удавалось подѣлать: слушатели его выходили изъ университета такими же плохими эллинистами, какими были и при поступленіи. Впрочемъ, на педагогическомъ курсѣ, который онъ читалъ для казенно-коштныхъ студентовъ и который былъ открытъ всѣмъ желающимъ, Валицкій приносилъ существенную пользу по обоимъ древнимъ языкамъ, которые онъ тамъ читалъ (профессоръ латинскаго языка и древностей былъ изъ *жалкихъ*), и успѣлъ подготовить нѣсколько хорошихъ учителей для гимназій. Но въ недостаточности результатовъ былъ виноватъ и самъ даровитый профессоръ, особенности его таланта и все та же, присущая издавна университетской коллегіи, малая научная производитель-

ность. Валицкій былъ не только ораторъ, но и поэтъ. Онъ, говорили, переводилъ на польскій языкъ Шекспира, и переводилъ превосходно; но не знаю, появился ли въ печати этотъ переводъ или остался въ бумагахъ профессора, умершаго въ Харьковѣ въ концѣ 50-хъ годовъ. На студентовъ профессоръ Валицкій вліялъ не какъ ученый, но какъ поэтъ и ораторъ, своими переводами, по-русски и по-латынѣ, греческихъ поэтовъ, въ особенности трагиковъ и Гомера, вліялъ эстетически, — стало быть, опять-таки художественно, подобно Лунину, даже менѣе, чѣмъ Лунинъ; потому что громадный ученый трудъ послѣдняго былъ у всѣхъ на виду, объ ученыхъ же трудахъ Валицкаго не было и рѣчи. Намъ не извѣстно, пережилъ ли потомъ Валицкій свою славу и чѣмъ сталъ онъ 10—15 годами позже; но въ 40-хъ годахъ нравственное его вліяніе было очень велико и безупречно во всѣхъ отношеніяхъ, несмотря даже на то, что онъ держалъ пансіонеровъ и *чающихъ* [1]), чтó однако нисколько не спасало ихъ отъ опасности *объюхаться* [2]) на экзаменѣ. По крайней мѣрѣ, это пансіонерство не «шокировало» студентовъ-словесниковъ, можетъ быть, потому именно, что никто изъ нихъ не жилъ у Валицкаго. Какъ бы то ни было, но Валицкій былъ болѣе любимъ, чѣмъ Лунинъ. Его постоянно окружали толпы студентовъ, съ которыми онъ привѣтливо разговаривалъ и кланялся, между тѣмъ какъ съ Лунинымъ студенты встрѣчались неохотно, — и по причинѣ, нелишенной оригинальности: Лунинъ не любилъ, чтобы ему кланялись, и самъ никогда не снималъ своей круглой черной шляпы, отвѣчая кивкомъ головы на поклоны студентовъ, несмотря на просьбы профессора, продолжавшихъ, по русскому обычаю, снимать передъ нимъ свои фуражки. Валицкій всегда являлся самымъ дѣятельнымъ помощникомъ въ нуждахъ студентовъ, самымъ энергическимъ заступникомъ въ ихъ бѣдахъ и напастяхъ передъ совѣтомъ, передъ блестящимъ и юнымъ въ своей старости [3]), но старымъ въ сердцѣ ректоромъ. Больного, умиравшаго Лунина съ этой гуманной стороны мы, повторяемъ, знать не могли. Валицкій въ продолженіи своей профессорской дѣятельности имѣлъ не одинъ тріумфъ. Разсказываютъ объ одномъ изъ нихъ, имѣвшемъ мѣсто въ 30-хъ годахъ, до поступленія нашего въ университетъ, въ проѣздъ черезъ Харьковъ извѣстнаго французскаго ученаго, если не ошибаемся, барона де-Баранта. Обозрѣвая университетъ,

---

[1]) Этимъ именемъ называли всѣхъ, желающихъ поступить въ студенты.

[2]) Техническій харьковскій терминъ,—т.-е., провалиться, не выдержать экзамена.

[3]) Артемовскому-Гулаку было въ это время лѣтъ 55, если не болѣе.

путешественникъ пожелалъ присутствовать на такой лекціи, которая ему была бы понятна. Ректоръ повелъ его къ Валицкому, которому не могло быть извѣстно желаніе путешественника. По прибытіи его въ аудиторію, прервавъ прежнее чтеніе, профессоръ началъ читать на латинскомъ языкѣ о заслугахъ французскихъ ученыхъ для классическихъ древностей. Изъ этого чтенія вышла блестящая импровизація, очаровавшая французскаго ученаго. Позднѣе, въ половинѣ 40-хъ годовъ, разсказывали о посѣщеніи Харькова Бѣлинскимъ и о знакомствѣ его съ Валицкимъ. Знаменитому критику приписывали изреченіе, что Валицкій — «звѣзда первой величины». Еще позже, въ половинѣ 50-хъ годовъ, будучи однимъ изъ депутатовъ отъ университета во время празднованія 100-лѣтняго юбилея университетомъ московскимъ, Валицкій произнесъ при этомъ торжествѣ самую блестящую рѣчь, начинавшуюся словами: «Charcovia nos mittit». Слушавшимъ этого человѣка въ тѣсной залѣ аудиторіи № 1-й невольно приходило на мысль, что ему здѣсь тѣсно, что мѣсто его не на профессорской каѳедрѣ, а на трибунѣ; съ нимъ невольно сравнивался другой замѣчательный ораторскій талантъ, занимавшій тогда въ Харьковѣ другую каѳедру,—церковную: я говорю объ архіепископѣ Иннокентіѣ. По необыкновенно симпатичному голосу, способному въ то же время гремѣть перунами, по страстности, вообще по внѣшнимъ средствамъ, профессоръ Валицкій, по нашему мнѣнію, былъ даже выше Иннокентія, хотя и уступалъ ему въ самообладаніи, глубинѣ и силѣ таланта. Но, повторяемъ, вліяніе его на студентовъ и ограничивалось одною художественною стороною,—какъ блестящаго оратора и первокласснаго декламатора, отличнаго истолкователя великихъ литературныхъ произведеній греческаго генія, языкъ котораго былъ однако же нѣмымъ для его слушателей. Валицкій, какъ ораторъ и писатель, не оставилъ никакихъ слѣдовъ въ литературѣ; поэтому, несмотря на свои блестящія дарованія и научныя средства, въ исторіи харьковскаго университета онъ оставилъ менѣе замѣтный слѣдъ, чѣмъ И. Я. Кронебергъ, котораго мы уже не застали, и М. М. Лунинъ, при насъ умершій.

Я умалчиваю о *посредственностяхъ*, о тѣхъ жалкихъ профессорахъ, которые не приносили никакой пользы; но въ моихъ воспоминаніяхъ, посвященныхъ преимущественно словесному факультету, нельзя пройти молчаніемъ тогдашняго профессора русской словесности въ харьковскомъ университетѣ Якимова (Василія Алексѣев.). Онъ былъ не безъ извѣстности въ литературѣ, какъ первый переводчикъ Шекспира прозою; замѣчательно, что

лучшіе переводы Шекспира принадлежатъ также харьковцу, А. И. Кронебергу, сыну знаменитаго профессора. Якимовъ принадлежалъ къ числу литераторовъ 20—30-хъ годовъ; на тогдашнемъ міросозерцаніи онъ остановился и не пошелъ далѣе; съ тогдашними воззрѣніями на литературу онъ и остался. Онъ писалъ для актовъ торжественныя рѣчи, былъ убѣжденъ въ необходимости писать такія же стихотворенія и даже *пѣснопѣнія*, требовалъ отъ студентовъ того же, хотѣлъ, чтобы они изучали Россіаду; но, къ счастію, требовалъ и хотѣлъ онъ всего этого какъ-то сонно и апатично. Якимовъ читалъ словесникамъ эстетику довольно сносно и исторію русской литературу уже совсѣмъ плохо. Якимовъ былъ человѣкъ добрый, а главное, какой-то забитый или надломанный, а потому и дѣломъ своимъ занимался спустя рукава: случалось, что по приходѣ онъ тотчасъ же уходилъ съ лекціи, сознаваясь, что не приготовился къ чтенію,—а между тѣмъ этотъ человѣкъ былъ и образованнѣе, и ученѣе современныхъ ему профессоровъ-словесниковъ въ другихъ университетахъ. Мы застали Якимова еще не старымъ. Онъ опустился отъ разстройства своихъ экономическихъ и семейныхъ дѣлъ. Онъ содержалъ нѣсколько лѣтъ мужской пансіонъ (въ Харьковѣ такихъ было еще два—Зимницкаго и Сливицкаго), ничего, кромѣ полнѣйшаго разоренія, ему не принесшій; семейныя несчастія его были весьма серьёзны. Къ чести Якимова надобно сказать, что онъ, не принося пользы, никому не дѣлалъ ни малѣйшаго и вреда,—достоинство, конечно, отрицательное, но все же достоинство, сравнительно съ тѣми мелочными, нерѣдко злобными придирками къ учащейся молодежи, которыми любятъ выказываться люди, подобные Артемовскому, или невѣжественная посредственность и тупая бездарность, которой не мало тогда было въ харьковскомъ университетѣ. Къ счастью, къ людямъ послѣдней категоріи въ словесномъ факультетѣ принадлежалъ только одинъ—профессоръ римской словесности и древностей, питомецъ пресловутаго педагогическаго института. Къ одной категоріи съ Якимовымъ принадлежалъ профессоръ философіи Протопоповъ (Матвѣй Никол.), воспитанникъ харьковскаго университета по двумъ факультетамъ, почему-то доканчивавшій свое образованіе въ Англіи, по крайней мѣрѣ въ совершенствѣ владѣвшій языкомъ этой страны, что́ однако не мѣшало ему ничего не дѣлать, быть плохимъ профессоромъ и мучить студентовъ своими записками, переходящими изъ рода въ родъ, въ которыхъ опредѣленіе логики и психологіи излагалось на нѣсколькихъ страницахъ, и притомъ языкомъ убійственнымъ. Протопоповъ въ наше время былъ деканомъ, на студентовъ не имѣлъ никакого вліянія

и въ литературѣ ровно ничѣмъ не заявилъ о своей дѣятельности. Изъ молодыхъ профессоровъ-адъюнктовъ, воспитанниковъ харьковскаго университета, я остановлю вниманіе читателя на двухъ, также уже умершихъ,—на Рославскомъ-Петровскомъ и Метлинскомъ.

Я засталъ Рославскаго (Александръ Петр.) въ 1842 г. преподавателемъ статистики. Онъ уже извѣстенъ былъ, какъ авторъ „*Лекцій Статистики*", сочиненія по тому времени замѣчательнаго, обратившаго на себя общее вниманіе. Эта книга, подъ другимъ названіемъ („*Руководство къ Статистикѣ*"), имѣла потомъ еще два изданія [1]) и до сихъ поръ не потеряла своего достоинства, особенно въ теоретической ея части. Что касается до харьковскаго университета, то, смѣло можно сказать, Рославскій создалъ для него статистику: ни прежде, ни послѣ него предметъ этотъ не стоялъ на такой высотѣ. По смерти Лунина, Рославскому поручено было чтеніе всеобщей исторіи, которое онъ продолжалъ, съ нѣкоторыми перерывами, до самой своей смерти, послѣдовавшей въ концѣ 1871 г. Онъ былъ потомъ, если не ошибаемся, два раза ректоромъ университета, и умеръ, находясь въ этомъ званіи. По всеобщей исторіи имъ изданы слѣдующія сочиненія, свидѣтельствующія о знакомствѣ автора съ литературою своего предмета и очень полезныя, въ смыслѣ конспектовъ и руководствъ, для университетской молодежи: 1) „*Обозрѣніе исторіи древняго міра*", два выпуска 1851—52 г. г.; 2) „*Введеніе въ курсъ Исторіи цивилизаціи*", 1865 г.; 3) *Руководство къ исторіи главныхъ народовъ древняго востока и ихъ цивилизаціи*", 1865 и 1868 г., два изданія. Сверхъ того, въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ не мало найдется статей, принадлежавшихъ Рославскому и имѣвшихъ или общій научный, или мѣстный, южно-русскій интересъ. Такъ, имя Рославскаго не можетъ быть забыто въ исторіи нашихъ желѣзно-дорожныхъ сооруженій: онъ горячо ратовалъ за необходимость проведенія желѣзной линіи отъ Москвы къ Черному морю, черезъ Харьковъ, ратовалъ еще въ началѣ 50-хъ годовъ, когда объ этомъ предметѣ можно было говорить только съ нѣкоторымъ рискомъ. Профессоръ Рославскій собиралъ также матеріалы для исторіи харьковскаго университета, изъ которыхъ успѣлъ напечатать, сколько помнится, двѣ или три статьи. Списокъ послѣднихъ вообще не малъ, что̀, вмѣстѣ съ крупными

---

[1]) Въ Базуновскомъ каталогѣ, составленномъ Межовымъ, показано одно 1-е изданіе, вѣроятно потому, что всѣ сочиненія Рославскаго печатались въ Харьковѣ, стало быть не всѣ доходили до Петербурга.

его сочиненіями, даетъ автору право на названіе одного изъ почтенныхъ русскихъ ученыхъ и одного изъ лучшихъ русскихъ профессоровъ, хотя и не первоклассныхъ. Такимъ заявилъ себя Рославскій-Петровскій при самомъ началѣ своего профессорскаго поприща, и въ этомъ отношеніи вліяніе его на студентовъ было очень благотворно. Къ этому надобно прибавить, что онъ держался Лунинскихъ воззрѣній на профессорскую дѣятельность, принадлежалъ къ молодому профессорскому поколѣнію, гнушавшемуся пансіонерства. Но читатель ошибется, если на основаніи сказаннаго нами сдѣлаетъ такое заключеніе, что Рославскій былъ большой труженикъ, но мало даровитый, если только и совсѣмъ не бездарный профессоръ. Напротивъ, человѣкъ этотъ былъ замѣчательно-даровитый, замѣчательно-способный къ научной, литературной работѣ. Онъ не мало написалъ, но могъ бы написать въ десять разъ больше, если бы не былъ лѣнивъ до безконечности, или точнѣе, если бы могъ долго и усидчиво работать. Въ наше время, въ началѣ 40-хъ годовъ, когда онъ выступилъ съ прекраснымъ курсомъ своихъ лекцій по теоріи и исторіи статистики и съ такими же записками по статистикѣ главнѣйшихъ европейскихъ государствъ, къ сожалѣнію, имъ не напечатанными,—все свое свободное время онъ убивалъ на карты, предаваясь игрѣ въ преферансъ съ несвойственнымъ ему энтузіазмомъ. Занявъ мѣсто Лунина, онъ все время мучилъ насъ убійственнѣйшими лекціями, которыя, въ концѣ-концовъ, заставляли студентовъ браться за Лоренца и Смарагдова, но чаще за послѣдняго, потому что сочиненіе перваго въ то время еще не доведено было до конца. Педантъ во всѣхъ отношеніяхъ, въ данномъ случаѣ почтенный Александръ Петровичъ, очень хорошо понимавшій пустоту своихъ лекцій, смотрѣлъ сквозь пальцы. Наши преемники, конечно, терпѣли ту же участь и не малое время, пока профессоръ самъ не овладѣлъ предметомъ; но настоящимъ историкомъ онъ никогда не былъ, а преемника по статистикѣ себѣ не подготовилъ. Рославскій, по предложенію университета, взялся издать записки своего учителя Лунина,—и не издалъ; собирался написать исторію харьковскаго университета,—и не написалъ! Послѣднее въ особенности жаль, потому что самъ А. П. Рославскій былъ живою лѣтописью университета, лѣтъ за 40 передъ симъ, а память у него была изумительная. За смертію его, вѣроятно, погибнутъ собранные имъ матеріалы, какъ на-вѣки погибъ богатый запасъ его воспоминаній и исторія Лунина. Какъ профессоръ и лекторъ, Рославскій не только не пользовался популярностію, но былъ даже нелюбимъ за свой педантизмъ и

весьма дурное чтеніе. Не шутя и безъ всякой ироніи, неумѣстной по отношенію къ личности, все же почтенной, чтеніе Рославскаго походило на какое-то рычаніе,—конечно, по скудости его голосовыхъ средствъ; но что̀ всего непріятнѣе въ немъ было, такъ это зубреніе своихъ собственныхъ лекцій, рукописныхъ или печатныхъ. Профессоръ говорилъ по нимъ слово въ слово, буква въ букву, не позволяя себѣ даже измѣненія союза, и въ случаѣ какого нечаяннаго измѣненія тутъ же, на каѳедрѣ, себя поправляя возстановленіемъ измѣненнаго, сопровождаемымъ трясеніемъ головы. Все прочитанное на лекціи, какъ-бы для вящшей вразумительности студентовъ, повторялось вновь на слѣдующей лекціи, но съ такою быстротою, что попавшему въ аудиторію въ первый разъ понять профессора не было никакой возможности. Понятно, что ни записывать, ни слушать такихъ, хотя и весьма серьёзныхъ, лекцій не было ни малѣйшей надобности. На экзаменахъ педантизмъ Рославскаго переходилъ въ школьный, уѣздно-училищный. Онъ нѐ только требовалъ отъ студентовъ зубренія своихъ лекцій, но тутъ же, на экзаменѣ, каждому поправлялъ нарушенный имъ текстъ, иногда, конечно, нарушаемый съ умысломъ,—поправлялъ даже такія метафорическія выраженія, какъ слѣдующія, вотъ уже 30 лѣтъ прочно засѣвшія въ моей памяти: «Статистика есть посредница между математикой и поэзіей, между алгебраическими выкладками и высокимъ лиризмомъ»; или изъ рукописныхъ лекцій по статистикѣ Англіи: «все въ этой странѣ является въ колоссальныхъ размѣрахъ,—отъ Шекспира и до послѣдняго борова». Со стороны юношей было нужно большое самообладаніе терпѣливо высиживать такія лекціи, выдерживать такія *пытанія* на экзаменахъ и, надобно правду сказать, выносить такого профессора. Студенты выносили все это потому, что Рославскій, какъ личность, какъ ученый, вполнѣ этого заслуживалъ: держалъ онъ себя независимо, зналъ отлично свой предметъ (статистику), правда, игралъ въ карты, но былъ бѣденъ и жилъ неразлучно съ своей матерью; при этихъ достоинствахъ, мало общительный и лѣнивый профессоръ въ немъ какъ-то стушевывался. Правда, возбуждать студентовъ къ умственной работѣ, къ которой самъ былъ столько способенъ, онъ особенно не старался; но благожелательство къ молодежи въ немъ было несомнѣнно, хотя, по своей угловатости, онъ не умѣлъ его обнаруживать. Сначала воспитанникъ нѣжинскаго лицея, Александръ Петровичъ докончилъ свое образованіе въ Харьковѣ; а поэтому весь принадлежалъ харьковскому университету, въ

исторіи котораго оставилъ все же замѣтный и почтенный слѣдъ, какъ дѣловитѣйшій изъ сыновъ его.

Амвросій Лукьяновичъ Метлинскій былъ уже вполнѣ питомцемъ харьковскаго университета, ученикомъ Кронеберга, Лунина, Валицкаго и Артемовскаго-Гулака. Въ литературѣ онъ заявилъ сея прежде всего, какъ южно-русскій поэтъ, подъ псевдонимомъ *Амвросія Могилы*, выступивъ въ 1839 г. съ книжкой малороссійскихъ стихотвореній, подъ названіемъ «*Думки и пѣсни та ще де що*», изданной въ Харьковѣ; годомъ раньше тамъ же вышло сочиненіе другого малороссійскаго писателя, также питомца харьковскаго университета, *Іеремія Галки* (псевдонимъ Н. И. Костомарова), — «*Савва Чалый*», драматическія сцены. Метлинскій былъ адъюнктомъ *Якимова* и читалъ словесникамъ теорію прозы и поэзіи, а студентамъ перваго курса остальныхъ факультетовъ — исторію русской литературы. Магистръ по русской филологіи и литературѣ, а въ концѣ 40-хъ годовъ докторъ, Метлинскій собственно ученымъ никогда не былъ и не могъ быть, ни по своей натурѣ, ни по состоянію своего здоровья, весьма хилаго, недопускавшаго возможности усидчивыхъ занятій. Студенты называли Метлинскаго олицетвореніемъ смерти, а въ одной изъ пародій Манько́ даже изрекалась анаѳема тому, кто въ Долгорукомъ признавалъ «духъ, а не одно тѣло», а въ Метлинскомъ «тѣло, а не одинъ только духъ». Пародія была остроумна, а по отношенію къ Амвросію Лукьяновичу даже благодушна. Онъ былъ идеалистъ и литераторъ въ лучшемъ и полномъ смыслѣ этого слова, конечно, съ провинціальнымъ, харьковскимъ закаломъ. Своею некрасивою, чахоточною внѣшностію, своимъ слабымъ голосомъ съ сильнымъ малороссійскимъ акцентомъ, своею походкою, какъ-то въ прискачку и припрыжку, самымъ костюмомъ своимъ, какъ уже упомянутою классическою альмавивою какого-то песочнаго цвѣта съ искрой, Метлинскій возбуждалъ въ университетской молодежи неистощимый смѣхъ: шуткамъ и остротамъ надъ нимъ юношей, только-что оставившихъ гимназическія скамейки, не было конца. Но замѣчательно, чѣмъ болѣе зрѣлыми становились юноши, тѣмъ серьёзнѣе относились они къ дѣятельности Метлинскаго, тѣмъ свѣтлѣе рисовался потомъ въ ихъ воспоминаніи его нравственный образъ. Плохой, по слабости легкихъ, чтецъ, профессоръ не болѣе, какъ только *удовлетворительный*, Метлинскій своими лекціями, въ особенности же требованіями отъ слушателей сочиненій, былъ весьма полезенъ всѣмъ студентамъ первыхъ курсовъ, потому что въ это время въ гимназіяхъ еще дѣйствовали педагоги изъ литератур-

ной школы 20-хъ годовъ, писавшіе и заставлявшіе учениковъ писать разныя пѣснопѣнія и непризнававшіе еще права гражданства въ литературѣ не только Гоголя, но даже самого Пушкина. Другой типъ педагоговъ-словесниковъ представляли такія личности, какъ Иноземцевъ въ Харьковѣ и Петровъ въ Курскѣ и Воронежѣ, дѣйствительно литераторы по натурѣ, но *забубенные*, строчившіе гладкіе и звучные стихи, писавшіе поэмы и *восторгавшіеся* Пушкинымъ, не понимая его, но болѣе обожавшіе Бенедиктова, Марлинскаго и Нестора Кукольника. Большинство студентовъ изъ *чающихъ* въ началѣ 40-хъ годовъ вышло изъ-подъ ферулы педагоговъ этого послѣдняго типа, но еще не мало находилось и воспитавшихся въ литературныхъ понятіяхъ добраго стараго времени. Весь этотъ литературный сумбуръ Метлинскому предстояло регулировать, надобно было отъучить молодежь отъ дикихъ понятій, вычурности въ изложеніи мыслей, отъ самонадѣяннаго и черезчуръ легкаго отношенія къ литературѣ и пріучить ее къ простотѣ изложенія и трезвости взгляда; и Метлинскій вполнѣ этого достигалъ не лекціями, повторяю, а разборомъ студенческихъ сочиненій. Взгляды самого Метлинскаго на литературу не многимъ отличались отъ взглядовъ Бѣлинскаго; профессоръ былъ знатокъ и почитатель тогдашнихъ корифеевъ нѣмецкой литературы и эстетики. Еще бо́льшую, хотя и не вдругъ замѣчаемую, пользу приносилъ Метлинскій студентамъ словесникамъ, которымъ онъ читалъ два года, по возможности вознаграждая ихъ за безплодность лекцій Якимова по эстетикѣ и въ особенности по исторіи литературы. Но всего благотворнѣе было вліяніе Метлинскаго, какъ человѣка. Онъ былъ образцомъ труда, простоты, честности, добродушія, по истинѣ рѣдкаго. Жилъ онъ бобылемъ, одинъ съ братомъ-студентомъ и слугою, какимъ-то Грицко или Остапомъ. Жилъ онъ философомъ, т.-е. бѣднякомъ, употребляя бо́льшую часть своихъ скудныхъ средствъ на вспомоществованіе своимъ роднымъ, матери, братьямъ и сестрамъ, проживавшимъ въ какомъ-то хуторѣ Черниговской губерніи. Дверь его квартиры была всегда открыта для студентовъ, — да, впрочемъ, она едва ли и вообще запиралась: Метлинскій, съ портфелью книгъ и тетрадей бѣгущій на лекцію, былъ вправѣ сказать о себѣ: omnia mecum porto. Близость его къ студентамъ, смѣло можно сказать, была идеальная, товарищеская. Не знаю, такъ ли это было въ концѣ 40-хъ годовъ, въ эпоху всякаго рода страховъ, и въ началѣ 50-хъ, когда онъ былъ въ Кіевѣ; но такъ было въ мое время. Пріобрѣсти дружеское, товарищеское расположеніе Метлинскаго легко

было тому, кто писалъ не дурно, кто имѣлъ страстишку пописывать стишки, кто собиралъ или любилъ народныя пѣсни, кто даже, по его украинскому мнѣнію, отличался чистотою великорусскаго говора, какъ, напримѣръ, тамбовцы, къ которымъ и я принадлежалъ по мѣсту моего рожденія. Самъ Амвросій Лукьяновичъ писалъ только стихи украинскіе, да и то изрѣдка, и стихотворства вообще не поощрялъ, но онъ поощрялъ всякаго рода литературное направленіе, а въ томъ числѣ и проблески несомнѣннаго поэтическаго дарованія. Между студентами нашего времени было такихъ двое, — Щеголевъ, изрѣдка и тогда появлявшійся въ «Отечествен. Запискахъ», но потомъ неизвѣстно гдѣ исчезнувшій, и Н. Ѳ. Щербина, впослѣдствіи извѣстный лирикъ, одесситъ. Оставивъ замѣтный слѣдъ въ южнорусской литературѣ, Метлинскій еще болѣе сдѣлалъ для русской этнографіи своими изданіями народныхъ пѣсенъ. Онъ издалъ, въ Кіевѣ, «*Байки* (басни)» Боровиковскаго въ 1852 г. и тамъ же, въ 1854 году, *Народныя южнорусскія пѣсни,* одинъ изъ лучшихъ сборниковъ въ этомъ родѣ. Онъ записывалъ не только пѣсни, но и народныя мелодіи; не рѣдкіе тогда въ Харьковѣ, но теперь почти исчезнувшіе въ болѣе глубокой Малороссіи, бандуристы, эти истые рапсоды казачества, были обычными гостями Метлинскаго. Студенты-малороссы, знатоки пѣнія и пѣсенъ украинскихъ, чаще другихъ навѣщали его квартиру, услаждая душу звуками родныхъ мелодій; Запара, едва ли не болѣе другихъ любившій Метлинскаго, хотя и потѣшавшійся надъ нимъ, былъ въ числѣ первыхъ. Тогда украйнофильство, столько же крайнее, какъ и славянофильство, еще не возникало, а потому изъ этихъ собраній не исключались, по принципу, ни студенты-коцапы, ни студенты-ляхи. Благодушный профессоръ помогалъ каждому, чѣмъ могъ, — всѣми своими скромными средствами, матеріальными, научными, основанными на служебномъ положеніи и житейскихъ отношеніяхъ. Я хорошо зналъ Метлинскаго, какъ человѣка, сблизившись съ нимъ въ 1849 г. въ Воронежѣ, гдѣ онъ провелъ всѣ каникулы, привлеченный туда тяжкой болѣзнію брата, поразившей этого послѣдняго во время пути его въ Тамбовъ, куда онъ былъ посланъ учителемъ гимназіи. Мы коротали съ Амвросіемъ Лукьяновичемъ длинные лѣтніе дни и просиживали короткія ночи въ бесѣдахъ о томъ-о-семъ, о томъ, что̀ творилось въ тогдашнюю всѣмъ памятную пору, когда самое существованіе университетовъ держалось на волоскѣ, когда, казалось, русская мысль осуждалась на продолжительный застой. Меня, тогда еще юношу, дружески успокоивалъ и ободрялъ на житейскій трудо-

вой путь этотъ странный для всѣхъ человѣкъ, такъ непохожій на университетскаго профессора, во мнѣніи большинства, и самъ едва ли сознававшій ту степень добра, которую онъ вокругъ себя распространялъ. Съ того времени, въ продолженіи нѣскольких лѣтъ, мы съ нимъ переписывались. Онъ писалъ ко мнѣ изъ Харькова и Кіева, куда онъ перешелъ ординарнымъ профессоромъ, о своихъ занятіяхъ, объ университетскихъ новостяхъ, о старыхъ знакомыхъ и товарищахъ. Переписка эта прекратилась, кажется, въ половинѣ 50-хъ годовъ, однимъ, къ сожалѣнію, утраченнымъ мною письмомъ Метлинскаго, показавшимся мнѣ очень страннымъ. Онъ писалъ, что прекращаетъ и просилъ меня, чтобы я прекратилъ съ нимъ переписку, что онъ порываетъ связь съ людьми и удаляется отъ свѣта и т. п., въ этомъ родѣ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ исчезъ изъ литературы и изъ общества своихъ знакомыхъ. Онъ вышелъ въ отставку и поселился на южномъ берегу Крыма, въ Ялтѣ, влачивъ, какъ ходили слухи, самую несчастную жизнь, прекращенную имъ въ 1869 г. самоубійствомъ. Къ характеристикѣ Метлинскаго считаю нелишнимъ привести слѣдующую выдержку изъ одного его письма ко мнѣ: — «Не называйте меня скупымъ въ мнѣніяхъ о наукѣ и искусствѣ; назовите лучше—бѣднымъ. Это будетъ, быть можетъ, правильнѣе; потому что я въ этомъ отношеніи чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ со всякимъ дѣлиться, насколько достанетъ силъ... Да и бьюсь изъ-за чего вѣкъ свой, какъ не изъ этого! А ежели я не всегда говорю объ наукѣ и искусствѣ, такъ это оттого, что надобно и жизни дань отдать, а вѣчно говорить объ отвлеченныхъ и возвышенныхъ предметахъ не значитъ участвовать въ дѣлѣ ихъ. Есть, правда, люди, у которыхъ на языкѣ вѣчно искусство и наука, люди-книги; но это или геніи, или педанты-пустословы, а я, не будучи въ силахъ попасть въ первые, всего менѣе желаю быть между послѣдними и считаю за лучшее имѣть кусокъ хлѣба, нежели большое количество вѣтру». Это — отвѣтныя слова на мой тогдашній вопросъ, характеризующій и духъ времени вообще и, пожалуй, особенность настроенія питомцевъ харьковскаго университета.

Перехожу къ характеристикѣ профессора, дѣятельность котораго еще продолжается; я хочу сказать нѣсколько словъ о нашемъ извѣстномъ славистѣ и академикѣ Срезневскомъ (Измаилѣ Ивановичѣ), какимъ онъ былъ прежде, именно въ ту эпоху. Г. Срезневскій выступилъ на литературное поприще назадъ тому ровно 40 лѣтъ съ своимъ историческимъ сборникомъ, «Запорожская Старина» (1833—1838, 6 №№»), напоминающимъ позднѣйшія изданія гг.

Бартенева и Семевскаго. Въ университетѣ онъ читалъ, до своего путешествія за-границу, статистику и политическую экономію, былъ извѣстенъ, какъ даровитый профессоръ и въ 1839 г. успѣлъ издать сочиненіе, по своему времени недюжинное, — «Опытъ о предметѣ и объ элементахъ статистики и политической экономіи сравнительно». Но пока молодой ученый изучалъ славянскія нарѣчія, Рославскій-Петровскій успѣлъ составить себѣ репутацію отличнаго профессора статистики и затмилъ извѣстность своего предшественника. И. И. Срезневскій открылъ чтеніе славянскихъ нарѣчій (т.-е. политической и литературной исторіи и языка славянскихъ племенъ) въ 1843 г. Успѣхъ его былъ громадный. Студенты всѣхъ факультетовъ, особенно въ первый годъ курса, толпами стекались слушать краснорѣчиваго профессора; самая большая университетская аудиторія, № 1-й, не вмѣщала всѣхъ желающихъ. Новость предмета, бойкость изложенія, то восторженнаго и приправленнаго цитатами изъ Коляра, Пушкина и Мицкевича, то строго-критическаго, не лишеннаго юмора и ироніи, все это дѣйствовало на учащуюся молодежь самымъ возбуждающимъ образомъ, все это было такъ своеобычно и еще ни разу не случалось, какъ гласило преданіе, на университетской каѳедрѣ. Направленіе профессора было панславистское; стихи Коляра не сходили, можно сказать, съ его устъ, а «славянское братство и единеніе, въ духѣ мира и любви» едва ли въ другомъ русскомъ университетѣ нашло бы для себя болѣе благопріятную почву, чѣмъ въ харьковскомъ. Въ 40-ыхъ годахъ въ харьковскомъ университетѣ число студентовъ колебалось всегда между цифрами 450 и 500; изъ этого числа отъ 150 до 200 было поляковъ. На медицинскомъ факультетѣ мы еще застали студентовъ бывшей виленской медицинской академіи. Были профессора поляки, и такіе даровитые, какъ Валицкій; изъ другихъ назову Александра Мицкевича, читавшаго римское право, брата знаменитаго поэта Адама, угрюмаго литвина, плохо говорившаго по-русски, но совсѣмъ не раздѣлявшаго тенденцій автора *Дзядовъ*, котораго, какъ гласила молва, профессоръ харьковскій называлъ «дурнемъ». Были литераторы польскіе, какъ Корженевскій и Валицкій; было и общество польское, для губернскаго города въ 40 тысячъ жителей (тогдашнее народонаселеніе Харькова) не малое. Общеніе между русскими и польскими студентами было полное, вполнѣ теплое и искреннее со стороны первыхъ, простое и безхитростное со стороны послѣднихъ: жгучая взаимная непріязнь, начавшаяся съ послѣдняго мятежа и до сихъ поръ еще не потухшая, тогда была положительно немыслима. Исключеніе составляли сту-

денты-аристократы, изъ сынковъ богатыхъ пановъ, вообще очень спѣсивые и державшіеся особнякомъ; но ихъ было не много, да притомъ они ничѣмъ не отличались отъ аристократовъ-студентовъ русскихъ, ѣздившихъ на лекціи въ своихъ экипажахъ и носившихъ золотые очки и лорнеты. Между ними было очень много близкаго и родственнаго; но остальные студенты и лучшіе изъ профессоровъ надъ ними смѣялись, хотя люди, подобные Артемовскому, не стыдились публично пожимать имъ руки. Изученіе польскаго языка между харьковскими студентами 40-ыхъ годовъ было такимъ же обычнымъ явленіемъ, какъ изученіе языковъ французскаго и нѣмецкаго. Послѣ всего сказаннаго становится очевиднымъ та громадная польза, которую приносилъ профессоръ Срезневскій своими панславистскими лекціями первымъ своимъ слушателямъ, въ особенности полякамъ. Независимо отъ этого, молодой профессоръ, какъ никто тогда, съумѣлъ пріохотить студентовъ къ научной дѣятельности, просто—научить ея производству, о чемъ, увы! кажется и теперь лишь немногіе изъ университетскихъ преподавателей думаютъ. Онъ завалилъ студентовъ работами по исторіи русскаго языка, литературы, этнографіи, сравнительнаго славянства и проч. Онъ на лекціяхъ показывалъ, какъ надобно обращаться съ научнымъ сырьемъ,—лѣтописью, пѣснью, вообще со всякимъ источникомъ. Не менѣе полезна была его критика, весьма оригинальная и, сколько думаемъ, не безъ предвзятой мысли. Выставлялъ, напримѣръ, профессоръ *великими* авторитетами науки Востокова, Павскаго, Добровскаго, Шафарика и проч.; затѣмъ эти авторитеты умалялись, указывались ихъ слабыя стороны и нерѣдко изъ восторженнаго профессоръ переходилъ въ ироническое къ нимъ отношеніе, но, спѣшимъ прибавить, не разбивая въ конецъ ихъ авторитета. И. И. Срезневскій пробылъ въ Харьковѣ до 1847 года. Намъ пришлось быть слушателемъ его прощальной рѣчи, которую, конечно, забылъ почтенный академикъ, но которую едвали забыли изъ живущихъ еще его слушателей, приходившихъ тогда къ нему проститься. Въ этой рѣчи профессоръ прежде всего отнесся безпощадно къ самому себѣ, къ своимъ лекціямъ, называя ихъ слабыми, *литературными*, а не научными; затѣмъ онъ напалъ на литературное направленіе товарищей, причемъ въ особенности досталось Метлинскому и Валицкому, на обуявшую ихъ провинціальную лѣнь (Рославскій-Петровскій); досталось, въ заключеніе, и харьковскимъ студентамъ, ихъ литературничанью, любви къ фразамъ, причемъ высшимъ типомъ русскаго студента выставлялся тогдашній студентъ московскій. Рѣчь эта, произнесенная въ интимной домашней бесѣдѣ, не имѣла въ

себѣ ничего обиднаго, ѣдкаго; горечь ея смягчалась легкой ироніей, надъ всѣми и каждымъ, начиная съ самого себя, а потому вліяніе ея было весьма сильно, а содержаніе стало извѣстнымъ даже тѣмъ, которые ея не слушали. Не совсѣмъ соглашаясь съ хозяиномъ, въ особенности въ указаніяхъ его на образцы ученой дѣятельности въ Харьковѣ и внѣ его, неоправдавшіе, дѣйствительно, ничѣмъ такой рекомендаціи, каждый изъ слушателей однако же сознавалъ, что покидавшій свой родной университетъ профессоръ мѣтко попадалъ въ больныя мѣста его.

Къ тогдашнему словесному факультету харьковскаго университета можно причислить ученаго только-что начинавшаго, но впослѣдствіи занявшаго одно изъ первыхъ мѣстъ въ рядахъ дѣятелей русской науки: говорю о нашемъ историкѣ Н. И. Костомаровѣ, отъ котораго исторія харьковскаго университета конца 30-хъ и начала 40-хъ годовъ въ правѣ ожидать для себя хотя нѣкотораго вклада. Г. Костомаровъ занималъ въ университетѣ въ это время одну изъ должностей, для которой онъ не имѣлъ ни малѣйшихъ способностей: онъ былъ тогда субъ-инспекторомъ. Извѣстный уже любителямъ малороссійской литературы, подъ псевдонимомъ Іеремія Галки, онъ пріобрѣлъ въ это время общую извѣстность въ Харьковѣ и особенное сочувствіе студентовъ своею диссертаціею «Объ Уніи», которая была одобрена университетомъ, но уничтожена, по приказанію министерства. Исторія съ этой магистерской диссертаціей Н. И. Костомарова случилась до 1842 г., до времени поступленія нашего въ университетъ. Въ 1843 г. молодой ученый написалъ и блистательно защищалъ другую диссертацію, до сихъ поръ непотерявшую своей научной цѣнности, а для того времени весьма замѣчательную, — «Объ историческомъ значеніи Русской Народной Поэзіи». Затѣмъ дѣятельность г. Костомарова переносится въ Кіевъ и дальнѣйшій ходъ ея всѣмъ извѣстенъ; но, какъ бы то ни было, на характеръ этой дѣятельности, на самый талантъ нашего историка юношескія впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ родного университета, наложили свою печать.

Въ катастрофѣ, постигшей магистерскую диссертацію г. Костомарова объ Уніи, общее тогдашнее мнѣніе обвиняло Иннокентія (Борисова), епископа, а потомъ архіепископа харьковскаго. До какой степени это вѣрно, — не знаемъ; но Иннокентій съ университетомъ, съ профессорами и студентами, если не любезничалъ, то былъ очень любезенъ. Въ служеніи и послѣ служенія его постоянно окружали профессора и студенты. Уже не говоря о первыхъ, послѣдніе десятками къ нему ходили, конечно, по приглашенію и въ назначенные дни, по вечерамъ. Къ сожалѣнію,

я не воспользовался въ то время подобными приглашеніями, и потому ничего не могу сказать о бесѣдахъ знаменитаго и многосторонне-образованнаго іерарха съ университетской молодежью. Замѣчу только, что и тогда мнѣ казался не совсѣмъ удачнымъ его выборъ, хотя я и не знаю—кѣмъ и какъ онъ дѣлался: бывали у него студенты не изъ лучшихъ. На всѣхъ университетскихъ собраніяхъ, актахъ и диспутахъ, Иннокентій былъ почетнымъ гостемъ не столько какъ духовное лицо, но болѣе, какъ первоклассная знаменитость церкви, науки и слова. За почетъ отъ университета онъ отплачивалъ ему также и своимъ краснорѣчивымъ словомъ; такъ извѣстна его рѣчь при погребеніи профессора медицинскаго факультета П. А. Бутковскаго, сказанная 23-го ноября 1844 г., гдѣ, между прочимъ, слѣдующія слова относятся къ Лунину, умершему въ томъ же году въ Кіевѣ, по возвращеніи изъ-за границы:

«Ахъ, я вижу тамъ,—вдали,—еще свѣжую могилу собрата вашего, который не имѣлъ и того утѣшенія, чтобы вѣжды его были сомкнуты рукою не чуждою, и чтобы на могилу его упала хотя одна слеза изъ очей тѣхъ, для коихъ столько лѣтъ билось чистое и благородное сердце его. Да пріиметъ безсмертный и не ограниченный теперь нашимъ узническимъ пространствомъ духъ его, хотя здѣсь, въ этомъ столь знакомомъ ему храмѣ, отъ всѣхъ насъ дань молитвъ о вѣчномъ успокоеніи его въ царствіи Бога духовъ и разумовъ!»

Нѣкоторые студенты плакали, слушая эти слова. Если не ошибаемся, Иннокентій лично совсѣмъ не былъ знакомъ съ Лунинымъ. Находясь во цвѣтѣ лѣтъ, Иннокентій Борисовъ былъ въ ту пору въ апогеѣ своей ораторской славы [1]). Печатныя его проповѣди далеко не похожи на тѣ, которыя онъ произносилъ (а послѣднихъ я выслушалъ не одинъ десятокъ): печатныя подвергались имъ особой редакціи, соображавшей, конечно, разныя условія. Устныя рѣчи, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ, были живыми, поэтическими импровизаціями, полными образовъ и картинъ, и тѣмъ болѣе замѣчательными, что, при говореніи ихъ, слушателю казался видимымъ и самый процессъ ораторскаго творчества: казалось, что произносимая рѣчь тутъ же и слагалась въ окончательную форму! Если это былъ только одинъ ораторскій пріемъ, то, надобно сознаться, что онъ былъ изумительный

[1]) О немъ смотри также выше названную статью г. Р. С., „Петербур. Духовн. Академія“. Авторъ, не зная Иннокентія, какъ церковнаго оратора, едва ли дѣлаетъ вѣрное заключеніе, отдавая предпочтеніе его профессорской дѣятельности и краснорѣчію академическому.

по своей необычайной ловкости; во всякомъ случаѣ, произносимая рѣчь никогда не была буквальнымъ воспроизведеніемъ написанной, какъ это дѣлалось позднѣйшими его подражателями. Иннокентій, подобно Валицкому, былъ небольшого роста, съ короткой шеей, некрасивъ собою и говорилъ нѣсколько въ носъ (по мнѣнію нѣкоторыхъ, не безъ аффектаціи); но онъ имѣлъ прекрасные сѣрые глаза, блистающіе огнемъ. Само собою разумѣется, что при говореніи этотъ человѣкъ казался гигантомъ, а слова его громами, потрясавшими слушателей. Рѣчи Иннокентія, особенно въ страстную недѣлю, преимущественно въ пятницу, ходили толпами слушать иновѣрцы, лютеране и католики, поляки и нѣмцы. Кромѣ возможности слушать знаменитаго оратора, очень часто въ ту пору говорившаго, всѣхъ и каждаго влекла къ Иннокентію великолѣпнѣйшая обстановка,—два хора чудеснѣйшихъ пѣвчихъ, какія только можно составить изъ украинскихъ голосовъ. Харьковскій городской каѳедральный соборъ стоитъ на университетской улицѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ аудиторій; не рѣдко случалось, особенно когда предстояло слушать плохого профессора, студенты покидали аудиторіи и уходили въ соборъ слушать оратора и пѣвчихъ. Было много пародій на рѣчи Иннокентія, собственно на манеру его говоренія и нѣкоторую гнусливость въ произношеніи послѣднихъ слоговъ. Въ особенности доставалось въ этомъ отношеніи рѣчи, сказанной имъ въ 1842 г. по поводу представленія какого-то фокусника Марра (Marras) подъ праздникъ Троицы; рѣчь эта начиналась слѣдующими словами, ненаходившимися въ печатной редакціи: «Кто этотъ Маррасъ?—самъ сатана! Кто его помощники?—бѣсы».

Съ лекцій Лунина, Валицкаго, Метлинскаго и нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ тогда не страненъ былъ переходъ въ болѣе обширную аудиторію Иннокентія Борисова; не странно было, и возвратившись отъ послѣдняго, слушать первыхъ: вѣянія, вліянія были почти тѣ же, родственны,—все тѣ же художественно-литературныя, возбуждавшія идеализмъ, идеальничанье и мечтательность, считавшіяся болѣзнію харьковцевъ! Но кромѣ университетской, собственно литературная дѣятельность въ Харьковѣ была весьма скромныхъ размѣровъ. Правда, еще жилъ тогда на своей прелестной дачѣ *Основѣ* Г. Ѳ. Квитка, умершій въ августѣ 1843 г., издававшій еще свои повѣсти и «Лысты до любезнихъ землякивъ»; но ни повѣстей этихъ, ни листовъ изъ студентовъ никто не читалъ. Издавалъ въ Харьковѣ въ ту пору, 1843—1844 г., г. Бецкій «Молодикъ», украинскій литературный сборникъ, но его всего вышло 4 выпуска и на студентовъ

онъ не произвелъ вліянія. «Харьковъ,—писалъ Бѣлинскій—(т. VII, стр. 280—282), по своему многолюдству и красотѣ, сравнительно съ другими губернскими городами, есть нѣкоторымъ образомъ столица Украйны, а слѣдовательно и столица украинской литературы, украинской прозы и въ особенности украинскихъ стиховъ». Но надъ этой литературой, которой въ сущности не было, и особенно надъ стихами, за исключеніемъ переводовъ изъ Шекспира А. И. Кронеберга, онъ подсмѣивается. Стихами, дѣйствительно, былъ переполненъ «Молодикъ», но изъ студентовъ было тамъ только двое, Щеголевъ и Щербина, два записныхъ поэта; другихъ, завѣдомыхъ стихотворцевъ между студентами не было: въ большинствѣ они раздѣляли воззрѣнія Бѣлинскаго и восторгались тогда Пушкинымъ, Лермонтовымъ и Кольцовымъ, но всего болѣе Гоголемъ. «Молодикъ» былъ ниже уровня студенческихъ требованій: переполненный вкладами иногородныхъ авторовъ, онъ не имѣлъ ничего мѣстнаго, харьковскаго, чего однако же, какъ справедливо и уже серьёзно говоритъ Бѣлинскій, вполнѣ заслуживаетъ Харьковъ, «этотъ замѣчательный городъ въ Россіи, въ торговомъ, промышленномъ и ученомъ отношеніи», «Молодикъ» погасъ именно по своему узко-литературному направленію,—т.-е., по мѣстнымъ же харьковскимъ причинамъ, которымъ, однако же, студенты 40-хъ годовъ не симпатизировали. Дѣло прошлое,—но не могу не сознаться, что единственный поэтъ-студентъ Щербина по меньшей мѣрѣ не пользовался сочувствіемъ товарищей, а Щеголевъ, куда-то исчезнувшій, и того менѣе. Недостатки «Молодика», указанные Бѣлинскимъ, еще въ то время могли быть пополнены вкладами тогдашнихъ профессоровъ; но замѣчательно, что они не пополнились до сихъ поръ никѣмъ, если не считать дѣйствительно полезные, подготовительные труды въ этомъ родѣ Рославскаго: ни исторіи города, ни исторіи университета, ни сборника даже въ родѣ «Молодика», ни порядочной газеты, въ родѣ одесскихъ, кіевскихъ и даже воронежскихъ, въ Харьковѣ до сихъ поръ не появлялось! Гдѣ же оно, литературное направленіе, и справедливы ли рѣзкіе на него нападки?... Не менѣе замѣчательно, что вмѣстѣ съ «Молодикомъ» исчезаетъ изъ литературы и его издатель. О немъ мы узнали только въ 1870 г. отъ Каченовскаго. И. И. Бецкій, кажется, съ давняго времени живетъ за-границей, откуда онъ прислалъ въ даръ родному университету прекрасную коллекцію картинъ, которою очень дорожилъ покойный Дмитрій Ивановичъ, и которая тщательно хранилась имъ въ маленькомъ музеѣ, устроенномъ при университетѣ.

Были въ то время въ Харьковѣ нѣкоторые, впрочемъ весьма немногіе, литераторы, непринадлежащіе къ университету, но знакомые съ профессорами словеснаго факультета, хотя и не со студентами; помнимъ между ними братьевъ Сементовскихъ, пріобрѣвшихъ впослѣдствіи нѣкоторую извѣстность своими трудами по этнографіи и археологіи. Даровитѣйшій изъ тогдашнихъ харьковскихъ литераторовъ, А. И. Кронебергъ, сколько помнится, стоялъ тогда одиноко, но пользовался уваженіемъ студентовъ, чего уже никакъ нельзя было сказать объ Иноземцевѣ, куда-то и непримѣтно для студентовъ исчезнувшемъ.

Но кромѣ этихъ разрозненныхъ литературныхъ силъ, конечно бóльшихъ, чѣмъ въ десяти губернскихъ городахъ взятыхъ вмѣстѣ, кромѣ общаго склада тогдашняго университетскаго образованія, на литературное направленіе тогдашнихъ харьковскихъ студентовъ, если уже на немъ настаивать, имѣли нѣкоторое вліяніе литературные вечера въ домѣ помощника попечителя, князя Цертелева (Никол. Андреев.), которые были открыты въ 1843 и 1844 гг. Князь Цертелевъ, при лѣнивомъ Долгорукомъ, былъ настоящимъ попечителемъ университета, и о времени попечительства его, по отношенію къ студентамъ, ничего дурного сказать нельзя, — отрицательное, конечно, достоинство, но и имъ тогдашній ректоръ Артемовскій - Гулакъ не могъ похвастаться. Князь Цертелевъ причислялъ себя и еще болѣе былъ причисляемъ тогдашними нашими университетскими словесниками къ разряду литераторовъ. Онъ, пожалуй, и былъ имъ, но съ извѣстностью уже увядшею, относившеюся къ 20-мъ годамъ; прочнаго изъ его трудовъ остались народныя пѣсни, которыхъ онъ считается первымъ собирателемъ и издателемъ. Любовь свою къ литературѣ кн. Цертелевъ выражалъ тогда аккуратнымъ посѣщеніемъ экзаменовъ по словесности, не безъ надежды, конечно, услышать и свое имя, и литературными вечерами. На эти послѣдніе собирались студенты первыхъ двухъ курсовъ словеснаго и юридическаго факультетовъ, по выбору профессоровъ, и приглашались ректоръ, деканы и нѣкоторые профессора названныхъ факультетовъ. Студенты читали свои сочиненія; за чтеніемъ слѣдовали толки о прочитанномъ, безобидная критика юныхъ авторовъ, вообще литературная бесѣда, душею которой были проф. Срезневскій и Метлинскій: послѣдній всѣхъ искреннѣе и живѣе относился къ этимъ вечерамъ, возбуждая то же и въ тогдашнихъ студентахъ—своихъ слушателяхъ. Но Лунинъ пересталъ на нихъ бывать послѣ перваго раза, когда увидѣлъ, что большинство гостей и хозяинъ охотнѣе говорили о приготовленіи рыжиковъ, по-

дававшихся къ закускѣ, чѣмъ о литературныхъ трудахъ молодежи, даже не намекая о необходимости для нея въ приготовлени другихъ серьёзнѣйшихъ трудовъ.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о профессорахъ юридическаго факультета, пользовавшихся тогда особеннымъ вліяніемъ; но такихъ, сколько помню и знаю, какъ не юристъ, было всего двое, Степановъ и Гордѣенко. Были профессора весьма ученые (какъ Куницынъ и Платоновъ), но безъ вліянія; изъ адъюнктовъ самый популярный былъ Палюмбецкій (Александръ Ив., теперешній ректоръ харьковскаго университета), читавшій тогда основные законы имперіи и русскія государственныя учрежденія, слушаніе которыхъ было обязательно для студентовъ всѣхъ факультетовъ; не-юристы были въ восторгѣ отъ непритязательности почтеннаго профессора. Гордѣенко (Гавр. Степан.), криминалистъ, былъ для юридическаго факультета, въ своемъ родѣ, то же что Лунинъ для словеснаго, — образцомъ учености и честности; къ сожалѣнію, этотъ достойный профессоръ, подобно Лунину, не имѣлъ на студентовъ прямого, непосредственнаго вліянія, такой же былъ идеалистъ, чуждавшійся современной дѣйствительности, но, подобно Лунину, оставшійся навсегда для своихъ слушателей идеаломъ нравственной высоты, такъ благотворно вліяющей на юность. Степановъ отчасти напоминалъ собою другую знаменитость словеснаго факультета,—Валицкаго: напоминалъ и жгучимъ краснорѣчіемъ, и — но, въ оправданіе его, скажемъ, не одинъ онъ имѣлъ пансіонеровъ, не одинъ онъ соорудилъ себѣ каменный домъ. Степановъ собственно былъ энциклопедистомъ, эклектикомъ, и по эрудиціи его не только нельзя было сравнить съ Валицкимъ, но даже и съ другими его товарищами по факультету, съ Куницынымъ и Платоновымъ. Читалъ онъ международное право, которое онъ зналъ поверхностно, считаясь, по справедливости, лучшимъ знатокомъ политической экономіи въ харьковскомъ университетѣ,—предмета, поставленнаго тогда самымъ жалкимъ, самымъ несчастнымъ образомъ. Степановъ былъ по натурѣ публицистъ, но весьма замѣчательный и даровитый. Какъ истый харьковецъ стараго закала, Степановъ жилъ и дѣйствовалъ въ словѣ: въ немъ онъ былъ глубоко искрененъ и честенъ (какъ это не рѣдко встрѣчается въ русской натурѣ), а потому и производилъ вліяніе громадное,—не художественное, подобно Валицкому, а реальное, прямо относящееся къ тогдашней современности, къ соціальному безобразію и попираемому праву, противъ чего краснорѣчивый профессоръ возставалъ самымъ пламеннымъ, самымъ смѣлымъ образомъ. Лекціи его, въ которыхъ онъ говорилъ о

всемъ и всего менѣе о своемъ предметѣ, немного и о политической экономіи,—тѣмъ не менѣе, однако же, были очень полезны по своему критическому отношенію къ тогдашней дѣйствительности, какъ противувѣсъ тому позитивизму, оффиціальнымъ проводникомъ котораго, въ словѣ и дѣлѣ, являлся Артемовскій-Гулакъ; но этотъ позитивизмъ въ 40-хъ годахъ, если не въ цѣлой массѣ студентовъ, то въ передовыхъ ея людяхъ, тѣхъ, что́ потомъ, какъ говорится, вынесли на плечахъ своихъ уничтоженіе крѣпостного права, и съ восторгомъ отозвались на призывъ къ реформамъ,—этотъ позитивизмъ возбуждалъ въ нихъ глубокое отвращеніе.

Сведемъ результаты всего сказаннаго нами. *Идеализмъ*, объясняемый историческими и мѣстными причинами, легъ въ основу образованія, которое получалось въ харьковскомъ университетѣ; лекціи даже наилучшихъ профессоровъ, какъ Кронеберга, Лунина, Валицкаго, Гордѣенко, частію Степанова, его развивали. Лучшая сторона харьковскаго идеализма выразилась въ *литературномъ направленіи* науки и въ литературномъ настроеніи студентовъ, на которое, какъ, надѣемся, доказываетъ нашъ очеркъ, все вліяло,—не только лекціи названныхъ профессоровъ, но и Метлинскій, даже Иннокентій, даже такіе литераторы, какъ Артемовскій-Гулакъ и князь Цертелевъ. Но *литературное направленіе*, отъучая отъ усидчиваго труда и не имѣя органа для выраженія, *вырождалось въ идеальничанье и мечтательность.* Только въ 40-хъ годахъ начинается противодѣйствіе, реакція противъ этихъ недостатковъ, такъ рѣзко, но правдиво высказанныхъ профессоромъ Срезневскимъ при отъѣздѣ его изъ Харькова; но реакція эта возникла сама собою, а не пропагандировалась. Лунинъ былъ и остался до конца человѣкомъ науки, человѣкомъ терпѣнія и труда не русскаго, тѣмъ менѣе—украинскаго: онъ былъ не ораторъ, подобно Валицкому и Степанову, не литераторъ, подобно Метлинскому, наконецъ, не ученый критикъ, чѣмъ тогда былъ Срезневскій, а самостоятельный, даровитый дѣятель, всю жизнь посвятившій труду, къ несчастію, отъ небрежности или недобросовѣстности другихъ, погибшему, но о которомъ зналъ, которымъ интересовался и даже гордился всякій студентъ не одного словеснаго факультета, какъ вещью замѣчательною, капитальною: можетъ быть безсознательно, но студенты понимали, что Лунинъ обѣщалъ и сдѣлался бы непремѣнно вторымъ Карамзинымъ (по всеобщей исторіи), еслибы не умеръ такъ рано. Почти 30 лѣтъ прошло по смерти харьковскаго профессора, и ничего подобнаго его

труду не появилось въ нашей литературѣ. Гордѣенко, Рославскій-Петровскій, Срезневскій были уже ученые, а не ораторы (о профессорахъ другихъ факультетовъ и ихъ несомнѣнномъ вліяніи не только на своихъ слушателей, но частію и на всѣхъ студентовъ, я не говорю) или краснорѣчивые говоруны. То, что̀ такъ прямо высказалъ И. И. Срезневскій, гораздо раньше носилось въ умахъ студентовъ, хотя, можетъ быть, и не ясно: это доказывалось ихъ антипатіей къ лекціямъ Артемовскаго, зѣвотой на лекціяхъ Якимова и неудачей «Молодика», не нашедшаго себѣ поддержки между студентами; это доказывается, наконецъ, тѣмъ, что наше мнѣніе о Метлинскомъ, основанное на позднѣйшихъ личныхъ отношеніяхъ, далеко не было общимъ: Рославскій, авторъ извѣстной «Статистики», въ общемъ мнѣніи студентовъ стоялъ неизмѣримо его выше. Всякое обличеніе, по самой природѣ своей, неразлучно съ крайностями: таково было обличеніе И. И. Срезневскаго, какъ общее,—таково же, конечно, и наше, какъ частное, высказанное на первыхъ страницахъ настоящаго очерка, посвященнаго характеристикѣ одного изъ русскихъ университетовъ. Дѣло въ томъ, что въ общей экономіи русскаго просвѣщенія и русской науки харьковскій университетъ игралъ важную роль, и что особенности его, даже недостатки, имѣли болѣе полезное, чѣмъ вредное вліяніе, какъ полезно вездѣ разнообразіе видовъ и какъ вредно тождество особей, какъ бы выкроенныхъ по одному шаблону. Дѣло въ томъ, что въ харьковскомъ университетѣ, въ 40-хъ годахъ, незримо, конечно, отъ обличителей, слагался и сложился особый типъ русскаго человѣка, иная особь типа московскаго, порожденнаго Грановскимъ и его школой, такъ много и такъ долго обработываемаго нашей литературой, въ лицѣ талантливѣйшаго изъ ея представителей И. С. Тургенева. Но подъ этотъ харьковскій типъ не подходитъ ни Рудинъ, ни Лаврецкій, а всего менѣе грубыя созданія автора «Людей сороковыхъ годовъ». Это не значитъ, что харьковскій типъ выше московскаго: пусть онъ и ниже, слабѣе; но онъ—иного по̀шиба. Харьковскій типъ русскаго человѣка 40-хъ годовъ вымираетъ, подобно типу московскому, родственному ему, конечно, но не тождественному. На университетскихъ каѳедрахъ полнѣйшими его выразителями были: нѣсколько раньше — Н. И. Костомаровъ; позднѣе — Дмитрій Ивановичъ Каченовскій; на хуторѣ — Дмитрій Ѳеодоровичъ Запара, извѣстный только однимъ друзьямъ. Но Каченовскій, чуть не родившійся въ Харьковѣ, питомецъ его университета и воспитатель цѣлаго поколѣнія харьковскихъ студентовъ, по преимуществу можетъ быть названъ—живою, типичною личностью, вы-

росшею на харьковской почвѣ, составлявшею особую фазу въ ея развитіи, и потому въ высшей степени любопытною для историка нашей культуры. Каченовскій и Запара—крайнія видовыя особи одного и того же типа; между ними стояло множество другихъ, всего менѣе похожихъ на Тентетниковыхъ, Обломовыхъ, Верховскихъ и tutti quanti. Гдѣ же еще онѣ, эти именно харьковскія особи типа людей 40-хъ годовъ? насъ спросятъ. Но въ экономіи просвѣщенія и гражданственности, какъ и въ экономіи природы, творческая сила принадлежитъ всему организму, а не однимъ лишь выдающимся особямъ. Если кому понадобятся имена, то мы отвѣтимъ — онѣ есть и были. Укажемъ на А. Ѳ. Тюрина, автора замѣчательнаго сочиненія «Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Россіи», недавно умершаго въ званіи сенатора, на петербургскаго профессора М. И. Сухомлинова. Вообще же можно сказать, что лучшіе люди 40-хъ годовъ, московскіе, харьковскіе и всякіе, конечно, передовые, а не grex imitatorum, были именно людьми дѣла, жажды дѣла, не для себя одного, а для общества, нужды и потребности котораго ими первыми были поняты. Ихъ можно упрекнуть въ крайностяхъ идеализма, пожалуй, идеальничанья, но не въ лежебочничествѣ и пустословіи, какъ несправедливо упрекаетъ ихъ до сихъ поръ наша литература: когда нельзя было дѣлать всего, что̀ хотѣлось, они не ложились на бокъ, подобно Обломову, не опускались, какъ Тентетниковъ, но работали и копошились, какъ муравьи, часто въ мелочахъ, большею же частью въ накопленіи образованія, которое у нихъ было серьёзно и глубоко и которое, нельзя не сознаться, тѣмъ стало у́же, чѣмъ на бо́льшее пространство начало оно разливаться.

М. Де-Пуле.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ДЕВЯТЫЙ ВАЛЪ

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Новый Одиссей.

— «Чтó сталось съ моимъ отцомъ?» думалъ Антонъ Львовичъ Ветлугинъ, вновь подъѣзжая изъ-за Урала къ роднымъ мѣстамъ.

— «Странное дѣло... Отецъ былъ такъ скупъ на письма за эти годы. А тутъ вдругъ написалъ о желаніи видѣть меня—да еще по нужнымъ и безотлагательнымъ дѣламъ... И какія тамъ дѣла могутъ быть у него, затворника и мечтателя-добряка?.. Ужъ здоровъ ли онъ?.. А вотъ и граница родины... За этимъ пригоркомъ лѣсъ, за нимъ село и рѣка, а у рѣки и предпослѣдняя станція... Я оставилъ родину пятнадцати-лѣтнимъ юношей. Возвращаюсь въ нее двадцати-семилѣтнимъ, многоопытнымъ Одиссемъ... Посмотримъ же, чтó сталось съ нею, за эти долгія двѣнадцать лѣтъ? Въ ту пору въ ней все было по старинѣ. То была до-реформенная, такъ сказать, до-потопная губернія. Теперь она озарена свѣтомъ преобразованій...»

Такъ думалъ Антонъ Львовичъ Ветлугинъ, въ первыхъ числахъ мая 1868 года, приближаясь къ знакомой почтовой станціи. Пять дней пути на перекладныхъ, по желѣзной дорогѣ и опять на перекладныхъ, утомили его. Былъ уже вечеръ. Солнце скрылось за горой.

Родина впрочемъ, на первыхъ же порахъ, не очень гостепріимно встрѣтила Ветлугина.

Какъ онъ ни торопился, смотритель ему объявилъ, что лошадей нѣтъ и что ему придется прождать часъ-другой, а то, пожалуй, и до утра.

Изъ трехъ комнатъ станціи, одна была занята купцами, другая — помѣщикомъ того уѣзда, а третья — двумя проѣзжими дамами. Ветлугину предложили помѣститься за перегородкой, въ собственной комнатѣ смотрителя. Онъ заглянулъ туда, заказалъ самоваръ, а самъ, заслыша пѣсни хороводовъ, пока не стемнѣло, ушелъ побродить по селу.

Смотритель велѣлъ внести поклажу проѣзжаго. Но у послѣдняго, кромѣ потертаго дорожнаго мѣшка, не оказалось другихъ вещей.

— «Столько верстъ и такъ на легкѣ!» подумалъ смотритель, глядя въ его подорожную: «то и дѣло толкуютъ о бѣгствѣ ссыльныхъ. А этотъ какъ разъ изъ Сибири... Охъ, ужъ эти зауральскіе... А казна еще замышляетъ туда желѣзную дорогу».

Во дворѣ, тѣмъ временемъ, шла толкотня.

Кузнецы налаживали осѣвшую рессору кареты проѣзжихъ дамъ, занявшихъ комнату, смежную съ смотрительскою. А возлѣ кареты, въ досадѣ покрикивая на старосту и не боясь, какъ видно, мирового, въ сѣромъ люстриновомъ сюртучкѣ, такихъ же брюкахъ и жилетѣ и въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ и съ кокардой, куря сигару, стоялъ щеголеватый, толстый и недовольный съ виду помѣщикъ. Колесо его коляски, по милости рытвинъ на большой дорогѣ, также потребовало значительной починки. Вслѣдствіе этого, его комнату, какъ Ноевъ ковчегъ, франтоватый слуга и ямщики загрузили всякою путевою всячиной: сундукомъ съ запятокъ, чемоданомъ съ ко́зелъ, шкатулкой, подушками, погребцомъ съ провизіей и еще двумя биткомъ набитыми саквояжами, съ самыми необходимыми подручными вещами.

У крыльца на улицу, съ папироской и съ хлыстомъ въ рукѣ, прохаживался гимназистъ, семнадцатилѣтній сынъ помѣщика; а въ комнатѣ, привязанный на цѣпь, изрѣдка подавалъ голосъ долговязый и глупый, гдѣ-то по пути купленный этимъ сыномъ, лягавый щенокъ. Отказывая Ветлугину въ лошадяхъ, смотритель не преминулъ объяснить, что вонъ на что́ ужъ баринъ Талищевъ, да и тотъ ждетъ; что у Талищева столько-то тысячъ десятинъ земли, да конскій и винный заводы, и что онъ, почитай, первый богачъ въ уѣздѣ.

Ветлугинъ на это, однако, не обратилъ никакого вниманія,

а только сказалъ:—Нѣтъ лошадей, что же дѣлать!.. буду ждать, хоть пять ночей не спалъ и спѣшу...

— Ну-съ, кого еще намъ Богъ послалъ? спросилъ Талищевъ, входя къ смотрителю: не изъ нашихъ ли гласныхъ?

— Посторонній.

— Жаль... А то бы можно было, отъ скуки, и въ карты... Откуда ѣдетъ?

— Изъ Сибири.

— Вотъ какъ... Чиновникъ, что ли?

— Не думаю. Былъ бы чиновникъ, непремѣнно бы ругался... А то сказалъ только—время дорого... пять дней не спалъ... спѣшу...

— Ну, и пусть его спѣшитъ, рѣшилъ Талищевъ, лѣниво усаживаясь къ окну.

На дворѣ, между тѣмъ, стемнѣло. Въ окна комнаты сверкнули звѣзды. Изъ-за окутанныхъ сумерками крестьянскихъ садовъ сталъ вырѣзываться мѣсяцъ. Хороводы не умолкали. А тутъ въ дверяхъ показался и самъ Ветлугинъ.

Это былъ средняго роста, сильно загорѣлый и широкоплечій человѣкъ. Темнорусый, съ коротко-подстриженной бородкой, въ сѣрой фуражкѣ и въ синемъ, поношенномъ пальто, онъ походилъ на прикащика или на небогатаго хлѣбнаго торговца. Руки его были крѣпкія, жилистыя. Лицо сухощавое, строгое. Въ карихъ, ласковыхъ глазахъ выражалась усталость отъ долгаго пути. Ему и спать хотѣлось, и манилъ его пыхтѣвшій самоваръ.

Привыкнувъ къ счастливой долѣ простого и обыкновеннаго смертнаго, на котораго никто и никогда, въ пути и въ жизни, не обращалъ особаго вниманія, онъ молча подсѣлъ къ столу.

— Изъ Сибири изволите ѣхать? съ легкимъ поклономъ спросилъ, подходя къ нему, Талищевъ.

— Изъ Сибири.

— Служите тамъ?

— Нѣтъ, не служу.

— Такъ видно по торговой части?

— Да, по торговой... А вы?

— Здѣшній помѣщикъ.

— Что... если не ошибаюсь, у васъ ужъ введена и судебная реформа? спросилъ Ветлугинъ.

— Введена.

— Кто же здѣсь предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей?

— Въ обоихъ съѣздахъ — судей и посредниковъ — предсѣдатель я, равно и въ земскомъ собраніи, такъ какъ состою предводителемъ здѣшняго уѣзда.

— Три главныхъ, три лучшихъ реформы, — съ искреннимъ сочувствіемъ сказалъ Ветлугинъ: крестьянская, земская и судебная — и въ каждой изъ нихъ вы впереди другихъ... Завидная участь...

— Да-съ, несу эти тяготы, съ новымъ поклономъ и съ легкимъ вздохомъ отвѣтилъ Талищевъ.

Ветлугинъ поднялъ брови.

— Любопытно бы знать, продолжалъ онъ: какъ идутъ ваши общественныя дѣла?

— Охъ, и не говорите. Вы торговый, слѣдовательно, дѣловой человѣкъ... Знаете ли вы, что̀ мы терпимъ? Ни надежныхъ рабочихъ, ни вѣрной прислуги нѣтъ... Все грубіяны, да лѣнтяи... Большинство лучшихъ, устроенныхъ имѣній начинаетъ пустѣть въ арендѣ, либо продается съ молотка. Вѣрите ли, ѣдешь теперь въ деревню, какъ на каторгу... Налоги растутъ... Господа же гласные все новые расходы вымышляютъ... А чѣмъ, я васъ спрашиваю, ихъ покрыть, чѣмъ?

— Но вы же сами предсѣдатель, слѣдовательно, руководитель земскаго собранія...

— Полноте... все это хорошо на словахъ, на бумагѣ... Но между словомъ и дѣломъ большая разница. А все оттого, что нынче власти настоящей нѣтъ ни у кого, ни у губернатора, ни у исправника, ни у предводителя... Правитъ всѣмъ теперь волостной писарь, а писаремъ кабакъ... Больше скажу, прибавилъ, понижая голосъ, Талищевъ: вездѣ идетъ подземная работа тайныхъ разрушителей... Ну, да что̀ и толковать... Не цвѣты растутъ въ нашемъ вертоградѣ, не цвѣты... Пепломъ главу приходится посыпать, во вретище одѣваться...

— «Батюшки! Что я слышу?» подумалъ, глядя на собесѣдника, Ветлугинъ: «вотъ такъ родина... И это заявляетъ выборный, стало быть, лучшій человѣкъ изъ уѣзда? Что же остальные? И неужели, въ самомъ дѣлѣ, эта голотурія, эта улитка-овощь такое значительное и вліятельное здѣсь лицо?»

А Талищевъ не унимался. Отъ грубіяновъ рабочихъ и непокорныхъ дѣтей перешелъ къ отсутствію дисциплины въ канцеляріяхъ, въ войскѣ и даже во флотѣ.

— Проснулся бы Суворовъ, снова въ землю бы легъ... Я служилъ нѣкогда въ кавалеріи. Но развѣ у насъ теперь войско? Армія лавочниковъ, да акробатовъ... Башлыки выдумали, гимнастику, гласные военные суды...

Выручилъ Ветлугина сынъ Талищева, гимназистъ Николушка. Войдя въ фуражкѣ и слегка поклонившись Ветлугину онъ

сказалъ:—Ты здѣсь, отецъ, по обычаю, ораторствуешь... а тамъ—во-первыхъ, краснорядцы уступаютъ жеребца, совѣтую купить, отличныхъ статей; а во-вторыхъ, намъ грозитъ новая бѣда... Въ коляскѣ, кромѣ сломаннаго колеса, оказалась еще и треснувшая ось...»

— Вотъ они наши новые порядки и наши нынѣшніе общественныя дороги и мосты, побагровѣвъ, съ приливомъ новой злобы, вскрикнулъ Талищевъ: треклятое самоуправленіе... Нѣтъ, воля ваша, при единовластіи становыхъ не въ примѣръ было лучше...

Когда они ушли, Ветлугинъ только развелъ руками.

Нахмурившись и потирая лобъ, онъ нѣкоторое время, въ совершенномъ недоумѣніи, постоялъ среди комнаты, раскрылъ для освѣженія воздуха окно и, съ чувствомъ невольной брезгливости, даже помахалъ вокругъ себя платкомъ. Немного погодя, онъ попросилъ у смотрителя почтовой бумаги, конвертовъ и чернильницу, присѣлъ къ столу и принялся писать.

Черезъ часъ онъ вышелъ попросить старосту, чтобы его разбудили на зарѣ.

Было уже нерано. Ночь перевалила за половину. Ямщики ужинали въ сборной. Толкотня во дворѣ затихла. Только чавканье подходившихъ съ разгона троекъ раздавалось подъ пахнувшими свѣжимъ сѣномъ и навозомъ навѣсами, да гдѣ-то за сараями, вѣроятно надъ осью коляски Талищева, стучалъ кузнечный молотъ, слышался споръ, прибаутки и смѣхъ заѣзжей прислуги, да съ огорода, отъ села, неслись громкія пѣсни: «Заплетися, плетень, заплетися» и «Яромъ, яромъ, кума моя, а я за тобою».

Пока Ветлугинъ искалъ старосту, Талищевъ вновь зашелъ къ нему въ комнату и съ удивленіемъ увидѣлъ на его столѣ нѣсколько готовыхъ и уже запечатанныхъ писемъ.

— «Вотъ такъ скорый! экъ настрочилъ», подумалъ онъ, просматривая обложки писемъ.

На одномъ былъ адресъ—въ купеческую контору, въ Орскъ; другое было адрессовано къ нѣкоему Аввакуму Столѣшникову—въ Архангельскъ; на третьемъ была надпись—въ редакцію одной распространенной газеты, въ Петербургѣ.

Возлѣ чернильницы лежалъ клочекъ бумаги и на немъ, очевидно для памяти, карандашемъ были набросаны слова: 1) Нѣтъ ли читальни? 2) Наружный осмотръ... 3) Цѣлъ ли дневникъ? 4) Нѣтъ ли Лассаля? 5) Надежды общества... 6) Передъ отъѣздомъ побывать...

Въ сѣняхъ послышались шаги.

— «Ума не приложу, что онъ за человѣкъ?» терялся въ догадкахъ Талищевъ: «о надеждахъ общества заботится; съ подозрительной газетой въ сношеніяхъ; иностранца, какого-то Лассаля, отыскиваетъ... Или онъ просто пустельга,—собиратель травъ, книгопродавецъ, а не то журнальный корреспондентъ?.. Ишь ты, бестія, какъ распредѣляетъ занятія...»

— Извините за нескромный вопросъ, обратился онъ къ вошедшему Ветлугину: въ городъ нашъ изволите ѣхать съ какимъ-либо торговымъ порученіемъ? Складъ открываете?..

— Я ѣду повидаться съ отцомъ и отдохнуть... Давно не былъ на родинѣ... А родина да воля, вы знаете, лучшія блага на землѣ... Съ волей человѣкъ—крылатое существо...

— Я другое слышалъ.

— Что же именно?

— Денежки-крылышки...

— Ну, не всегда, улыбнулся Ветлугинъ.

— Ну, ужъ извините, напротивъ всегда,—улыбнулся и Талищевъ: слышали, вѣроятно, когда деньги говорятъ, то и правда молчитъ... И, какъ вѣра безъ дѣлъ, такъ и воля безъ средствъ мертва есть... Только деньги нынче туго наживаются. Дѣтей у меня двое только, одинъ гусаръ, другой еще учится... Денегъ подавай... Вотъ тоже надо было купить у сосѣда лѣсъ, — дровъ на заводъ не хватило. Нечего дѣлать, обратился я въ банкъ. Кое-какъ раздѣлаюсь. А каковы за то проценты? и чѣмъ ихъ наверстать?...

— Да-съ, продолжалъ Талищевъ, не цвѣточки на нашей нивѣ... Денежный курсъ шатокъ. То тамъ слышишь банкротства, то здѣсь. Одна надежда на желѣзную дорогу. И нашъ уѣздъ наконецъ задумалъ. У меня вскорѣ назначенъ съѣздъ предпринимателей. Если любопытствуете и будете въ нашихъ краяхъ, милости просимъ ко мнѣ. Да что! врядъ-ли вступите въ дѣло,—все скоро сведутъ на одни убытки.

Долго еще говорилъ Талищевъ.—Ветлугинъ сталъ дремать.

— «Пой, пой! думалъ онъ, глядя на сытыя губы, сердитые глазки и сквозившее жиркомъ, недовольное и чванливое лицо Талищева: на то ты и земская кукушка, чтобъ плакаться... Только какъ тебѣ не надоѣла эта заунывная, никого неспособная увѣрить пѣсня?»

— Знаете что? сказалъ онъ, смигивая дремоту и усиливаясь улыбнуться: хотите быть спокойнымъ и счастливымъ?

— Хочу...

— Берите примѣръ съ меня... У меня нѣтъ ровно ничего... Я былинка, я перекати-поле, такъ сказать россійскій Мельмотъ-скиталецъ; о собственномъ достаткѣ не думаю... Ну, и вы бы... я вамъ тоже совѣтую... Богатому сладко ѣстся, да плохо спится... Охъ, извините, совсѣмъ разоспался...

— «Помѣшанный!» рѣшилъ Талищевъ, со вздохомъ уходя въ свою комнату: «а можетъ, и еще хуже, можетъ, членъ интернаціоналки»...

Узнавъ отъ слуги, что Николушка съ кѣмъ-то изъ ямщиковъ отправился къ хороводамъ на село, Талищевъ тяжело опустился въ приготовленную для него постель, но долго еще возился и ворчалъ.

Заснулъ онъ, мечтая о затѣвавшейся въ уѣздѣ концессіи и разсуждая: «Экъ ихъ, въ самомъ дѣлѣ, прощелыгъ, шляется теперь вездѣ по Россіи. О собственномъ, видите ли, благосостояніи еще не помышлялъ... Да и на что ему, голяку, благосостояніе? На счетъ ближнихъ легче жить. Поклевалъ чужого зерна, гдѣ попалось, свернулъ крылья, вздремнулъ на воробьиный носъ, да опять и далѣе... А куда, спрашивается, откуда и зачѣмъ?.. И при такихъ-то обстоятельствахъ еще паспорты хотятъ отмѣнить. Того и гляди, что этакой-то россійскій Мельмотъ-скиталецъ втянетъ тебя въ опасное предпріятіе, либо взбунтуетъ твоихъ же рабочихъ... Нѣтъ, подальше отъ этой братіи. И вѣдь какъ расписываетъ... Часы всѣ заранѣе обозначилъ. О надеждахъ общества, о читальнѣ, сухопутный Кукъ, заботится... Эхъ, рано имъ волю дали...»

А кому «имъ»? Талищевъ этого не опредѣлялъ. Воли же онъ вообще не долюбливалъ во всѣхъ родахъ.

II.

Четьи-Минеи.

Крѣпко заснулъ послѣ ухода Талищева Ветлугинъ, и спалъ онъ, какъ убитый, болѣе трехъ часовъ.

Ему сперва казалось, что Талищевъ изъ его комнаты не уходилъ и что тутъ было много Талищевыхъ: большіе и маленькіе, лысые и вихрастые, толстые и тощіе, статскіе, военные и всякіе. Они ссорились, шумѣли и, какъ рой слѣпней, или мухъ въ лѣтнюю жару, кружились надъ его головой.

Потомъ ему приснилось что-то необъяснимое и странное:

будто облако ярко-сверкавшихъ блёстокъ поднялось, закружилось вдали и, наступая на него, стало понемногу его застилать.

Незадолго до разсвѣта, Ветлугинъ очнулся какъ-то самъ собой и сталъ соображать, гдѣ онъ и какъ сюда попалъ?

Ему сначала померещился шорохъ, потомъ послышались какіе-то плывущіе, то вблизи звенящіе, то будто вдаль улетающіе голоса... Въ воздухѣ комнаты произошла перемѣна. Посвѣжѣло. Дышать стало легче. А тѣмъ временемъ, какъ переливы таинственныхъ звуковъ трепетали, таяли и волновались надъ нимъ, откуда-то сталъ распространяться тонкій, нѣжный запахъ, будто съ поля или съ близкихъ садовъ потянуло ароматомъ ландышей и фіалокъ, или по сосѣдству курили дорогимъ пасхальнымъ ладаномъ...

— «Что за притча?» — подумалъ Ветлугинъ и привсталъ на локтѣ.

За дверью въ сосѣдней комнатѣ Антонъ Львовичъ разслышалъ сперва неопредѣленные, а потомъ все болѣе и болѣе ясные звуки двухъ женскихъ голосовъ. Одинъ изъ нихъ былъ старческій и спокойный, другой молодой и порывистый. Голоса о чемъ-то спорили.

Въ то же время, на потолкѣ своей комнаты, Ветлугинъ разглядѣлъ узенькую полоску свѣта.

— «Ужъ не покойникъ ли?» — подумалъ опять Антонъ Львовичъ.

Онъ всталъ, не зажигая свѣчи, обошелъ комнату, увидѣлъ, что свѣтъ на потолокъ проникалъ въ щель неплотно-припертой двери и, досадуя на смотрителя, что тотъ его на всякій случай не предупредилъ, наставилъ къ этой двери глазъ.

Онъ разглядѣлъ часть сосѣдней комнаты, занавѣску, столъ, на столѣ небольшой, въ золотой оправѣ, походный образокъ, — передъ нимъ кадильничку, — далѣе уголъ постели и обшитую кружевами подушку.

На постели, прислонясь головой и спиной къ подушкѣ, въ ночной кофтѣ, лежала сухощавая красивая дѣвушка, съ большими черными глазами и съ черными, остриженными до плечъ волосами. Передъ нею, также въ ночной кофтѣ и въ чепцѣ на сѣдыхъ волосахъ, стояла, покачиваясь, еще болѣе сухощавая, добродушная съ виду, но чѣмъ-то недовольная и взволнованная старушка.

Закинувъ за голову полуобнаженныя худенькія руки, тоненькая черноглазая дѣвушка, казалось, спокойно слушала говорившую передъ нею старушку. Но вдругъ, точно не стерпѣвъ

ея рѣчи, она вскакивала, садилась на постели, горячо и укоризненно, подавляя слезы, сыпала полными горечи словами и вопросительно и гнѣвно, съ скрещенными на груди руками, смолкала, какъ-бы торжествуя надъ переспоренною и въ прахъ разбитою старушкой.

— «Что же это я, однако?» подумалъ, опомнившись, Ветлугинъ: «подглядываю, точно школьникъ...»

Онъ возвратился къ дивану. Голоса за стѣной не умолкали.

— Не поѣду я туда, не поѣду! слышался обрывавшійся и опять уносившійся голосъ дѣвушки: чтó мнѣ за дѣло, что она больна! Родная она намъ, чтó ли? Ну вотъ, такъ-таки вдругъ возьму, да къ вашимъ мухамъ и не поѣду... Чтó возьмете тогда?

— «Къ мухамъ!» подумалъ Ветлугинъ: «что за оказія?»

— Капризница! Полно тебѣ, чтò толкуешь! тихо упрекала старушка: и отъ тебя ли я слышу эти слова? Ну, подумай только; бабушка померла, за то поблизости у насъ тоже спасеніе... И ужъ это ли не тихая жизнь, безъ соблазновъ, чисто въ раю? А въ свѣтѣ, другъ ты мой, чтó ни шагъ, то грѣхъ. Грѣхъ одесную и грѣхъ ошуйцу... И чтó ты отвѣтишь на страшномъ судѣ? Помнишь великія слова: все да презрятъ, все да отринутъ? А ты чтó?.. Сказано: не любите міра, ни яже въ мірѣ... а ты внимаешь ли этимъ словамъ?

Дѣвушка вскочила.

— Хотите, чтобъ я покорилась? Хотите, чтобъ я васъ слушалась? звонко отчеканивала она: вы мнѣ мать, это правда. Но зачѣмъ вы сами себѣ противорѣчите? Отвѣчайте... Я хочу знать истину... истины добиваюсь я... А чтó оказывается? Разберемъ, ну, разберемъ... Вы говорите: кто оставитъ жену, или отца, или брата, и послѣдуетъ за Христомъ, удостоится спасенія... А вы забыли другія слова: не держите свѣчи подъ спудомъ, не зарывайте таланта въ землю?.. Что? Не вы ли ихъ мнѣ приводили? Эти слова чтó говорятъ? Живой-то въ гробъ ложиться, что-ли? Ну, ужъ извините. Этого въ святыхъ книгахъ не написано...

— Перестань, богохульница! не срами ты меня... Про спасеніе забыла? забыла про гибель души? Молиться бы тебѣ, да говорить: увы, мнѣ, грѣшницѣ, увы! Вотъ возьму я тебя, да домой совсѣмъ и отвезу, и живи тамъ; либо такъ выброшу, непокорную, на дорогѣ, и навѣки отъ тебя отрекусь... Или это опять совѣты дядюшки? Нашла кого слушать! Развѣ о такихъ совѣтникахъ сказано въ писаніи? Избери наставника мудра; по качеству страстей твоихъ,—избери руководителя помысловъ...

Голоса на время стихаютъ. Старушка ходитъ по комнатѣ.

— Ну, извольте; ѣду, такъ и быть! съ горечью восклицаетъ дѣвушка: только слушайте мой завѣтъ... Не прямо, а перегодя... Побываемъ, хоть недѣльку, на прощаньи, — погостимъ дома у отца... Страсть, какъ я по немъ, по старенькомъ, соскучилась... Столько времени ѣздимъ... Въ саду нагуляемся... По брату справимъ поминки... Скоро ему годовщина... И что значитъ недѣля-двѣ ранѣе, или позже?

— А какъ опять отложишь!? Владыка извѣщенъ. Самъ, сказалъ, готовъ быть къ тому времени...

— Не отложу, мамочка, слово даю. Только прежде домой, а потомъ туда... Такъ согласны? Ну, отвѣчайте же. Хотите, почитаю вамъ за то Лѣствицу, или какое житіе? Завтра, кстати, праздникъ.

— Читай житіе.

— Какое?

— Изъ майскихъ, Пахомія, что ли, или Тимоѳея-чтеца... Какое нынче число?

Шорохъ шаговъ стихаетъ. Раздается стукъ придвинутаго стула и мѣрное, плавное чтеніе, съ остановками, протягиваніями и даже, какъ послышалось Ветлугину, съ небольшими зѣвками. И опять порывистый возгласъ: — «Да нѣтъ же, не поѣду я туда! вотъ вамъ и сказъ».

Книга съ шумомъ захлопывается.

— Не поѣду; да и теперь вотъ возьму и стану читать не это скучнѣйшее житіе, а Монте-Кристо... Хотите, мамочка? ха-ха... Хотите Монте-Кристо? Вонъ, не вѣрите? подъ подушкой у меня и лежитъ; премиленькое изданіе, съ рисунками и въ дорогомъ переплетѣ... Что? Вы не позволяли читать свѣтскихъ книгъ, а я тайкомъ и взяла у Фросиньки... Вы сердитесь? Да нѣтъ же, я шучу, шучу... И никакого Монте-Кристо у меня нѣтъ, хоть обыщите... Пропадать, видно, мнѣ отъ скуки, погибать моей головѣ...

Раздаются горькія, глухія рыданія, поцѣлуи, мольбы о прощеніи...

Книга развертывается. Въ тишинѣ снова слышится мѣрное чтеніе дѣвушки:

«И ту повелѣ игемонъ Адріянъ Тимоѳея и Мавру на крестѣхъ распяти. Матерь же Маврина воззва, глаголя: дщи моя! кто носити будетъ украшенія твоя? Отвѣща Мавра: злато и сребро погибаютъ, и одежды поядаютъ моліе, и лѣпота младаго лица временемъ увядаетъ...»

— Что? видишь? перебиваетъ голосъ старухи: мірское счастіе — матерь вожделѣнія, діаволу соименникъ. Одно спасеніе — молитва...

Листы поворачиваются:

«И воины распяша ихъ. И тако совершися мученіе ихъ добрымъ подвигомъ...»

— Вотъ, мой другъ, продолжаетъ голосъ матери: всякому примѣръ и указъ, какъ спасались въ тѣ времена. Тогда безмолвіе пустыни поучало. Тамъ человѣкъ бодрствовалъ надъ малѣйшими движеніями помысловъ... А у насъ что́? малодушіе одно... Ты истины добиваешься, истину хочешь знать. Вдали отъ свѣта— истина. Въ мірѣ—одинъ соблазнъ... Не вѣрь никому... Вотъ хоть бы мужчина,—полюбитъ онъ тебя, да и броситъ, промѣняетъ на первую встрѣчную... И таковы-то всѣ они... всѣ... Да! безъ смиренія, молитвы и поста не спасешь души, а загубишь ее навѣки...

Долго Антонъ Львовичъ, противъ желанія своего, былъ слушателемъ этой бесѣды.

Запахъ ладана сталъ ослабѣвать. Дѣвушка, какъ видно, окончательно вникла въ наставленіе матери и углубилась въ книгу. Перерывовъ чтенія уже не было.

Тихо и внятно раздавались изъ сосѣдней комнаты слова:

«Во едину же нощь, ходя великій Пахомій во обители, видѣ бѣса, во образѣ прекрасныя жены, къ обители грядущаго... Бѣсъ рѣче: почто всуе трудистеся?.. Глагола святый: лжеши на главу твою... Рѣче же бѣсъ...»

Ветлугинъ далѣе уже не слышалъ. Онъ опять задремалъ. А когда онъ вновь очнулся, свѣтъ на потолкѣ его комнаты погасъ, и не было изъ-за двери болѣе слышно ни голоса дѣвушки, ни укоризнъ и внушеній старушки. Кругомъ была полная тишина.

Антонъ Львовичъ вспомнилъ о лошадяхъ. Онъ вышелъ въ сѣни. Весеннее темное небо ярко мерцало звѣздами. Откуда-то сильно пахло цвѣтущими сиренями. За конюшнями былъ большой, съ вербами надъ рѣкой, огородъ. Съ той стороны тянуло прохладой. Тамъ раздавались звуки соловьевъ. А отъ дальнихъ дворовъ села, длинными переливами, то замирая, то опять громко отдаваясь, доносились пѣсни дѣвушекъ и парней. По ближнимъ клѣтушамъ, сарайчикамъ и сѣнникамъ, въ прохладѣ и тишинѣ, дружно перекликались пѣтухи. Одинъ крикнетъ звонко-звонко въ наставшей тишинѣ, и крикъ его подхватятъ другіе. Лошади подъ навѣсами сараевъ перестали жевать. На станціонномъ дворѣ все, до послѣдней кухонной собачёнки, угомонилось. Экипажей передъ крыльцомъ уже не было. Ветлугинъ съ трудомъ отыскалъ очередного ямщика, разбудилъ его и велѣлъ запрягать.

— А гдѣ карета тѣхъ барынь, что тутъ ночевали? — спросилъ онъ ямщика.

— Уѣхала.

— Въ какую сторону?

— Что-то не примѣтилъ.

— Давно?

— Вслѣдъ за краснорядцами.

— Не знаешь ли, кто эти барыни?

— А Богъ ихъ знаетъ. Мало ли въ ночь-то всякаго народа перебываетъ... Може городскія, а може и дальнія... Я, сказать тебѣ, не тутошній, вновѣ... Да и не наше это дѣло... Экъ, мря-то, сударь, мря, темень какая, — мѣсяцъ зашелъ...

Ветлугинъ хотѣлъ справиться по книгѣ. Но для того надо было будить смотрителя. Онъ возвратился въ комнату, зажегъ опять свѣчу, вскрылъ одно изъ писемъ, приписалъ въ немъ нѣсколько строкъ, отыскалъ у подъѣзда почтовый ящикъ, бросилъ туда заготовленныя письма, поднялъ воротникъ пальто, плотнѣе застегнулся и усѣлся въ телѣжку.

Подкормленная тройка, похрапывая, подхватила, и Антонъ Львовичъ, покачиваясь въ дремотѣ, понесся по мягкому выгону, а вслѣдъ затѣмъ и по большой дорогѣ.

Долго думалъ онъ о станціи и о черноглазой, съ худенькими руками, дѣвушкѣ за дверью; о Талищевѣ и о его богатой бѣдности, о чтеніи душеспасительныхъ Миней и о предразсвѣтныхъ соловьяхъ, съ такимъ увлеченіемъ надрывавшихъ нѣжныя горла въ росистыхъ тайникахъ надрѣчныхъ вербъ и сиреней.

— «Однако, что же, въ самомъ дѣлѣ, сталось съ моимъ отцомъ?» думалъ Ветлугинъ, какъ нѣкогда Одиссей къ берегамъ родного поморья, подъѣзжая на зарѣ къ губернскому городу, гдѣ жилъ его отецъ и гдѣ самъ онъ такъ давно не бывалъ.

И Ветлугину ясно припомнился этотъ возвратъ Одиссея въ родную Итаку, какъ тотъ плылъ на чуждомъ кораблѣ...

> Проснулся, и милой отчизны своей не узналъ...
> Такъ былъ отсутственъ давно; да и сторону всю ту покрыла
> Мглою туманною дочь громовержца, Аѳина...

Утро еще не начиналось.

Подгородныя деревушки тонули въ сумеркахъ. Ветлугинъ съ жадностью сталъ всматриваться въ знакомыя, столько лѣтъ невиданныя окрестности.

Тамъ-и-сямъ, въ блѣдныхъ лучахъ разсвѣта, проглядывали синѣющія, въ даль уходящія равнины, съ темными стѣнами лѣсовъ и съ одинокими, головастыми стволами старыхъ, придорожныхъ вербъ; фабрики, постоялые дворы, мосты, окрестныя дачи и сады, съ чуть видными за ними маковками городскихъ церквей.

Стало всходить солнце.

Влѣво сверкнула голубая излучина рѣки съ рядомъ почернѣлыхъ водяныхъ мельницъ и съ длинною топкою гатью. Потянулись кузницы, заборы, кабаки и лавчёнки предмѣстья. Мелькнули вывѣски колесника, столяра и портного. На гребнѣ ярко-размалеваннаго, зажиточнаго купеческаго дома показалась знакомая, на длинномъ шестѣ, съ оконцемъ и дверкой, сѣрая скворешница. Пріятно запахло раннимъ дымкомъ и городскими булками. Гдѣ-то раздался благовѣстъ. Сбоку въ переулкѣ послышалась бойкая дробь мѣщанскихъ голосовъ...

Ветлугинъ чувствовалъ, какъ шибко и радостно забилось его сердце.

— «Въ этомъ же концѣ города,—размышлялъ онъ,—скоро выглянетъ знакомая съ дѣтства, пустынная и поросшая травой улица. За досчатымъ высокимъ заборомъ покажутся верхушки яблонь и развѣсистый шатёръ старой, любимой отцовской груши. А за ними—красная, заштопанная кое-гдѣ новымъ тёсомъ, кровля отцовскаго домика; завѣтная вышка мезонина, съ бѣлыми занавѣсками и геранями въ двухъ окошкахъ на улицу; голуби надъ фронтонами дома и кухни; невдали отъ отцовскихъ воротъ, полицейская будка и въ ней будочникъ, едва таскавшій ноги, державшій голосистаго перепела и ходившій къ сосѣдямъ подрѣзывать курамъ типуны. А у воротъ, на неизмѣнной, вытертой долгими годами лавочкѣ, въ картузѣ и въ халатѣ, въ туфляхъ и съ трубкой, подпоясанный носовымъ платкомъ, и самъ отставной учитель и пенсіонеръ,— Левъ Саввичъ Ветлугинъ...»

Антонъ Львовичъ вспоминалъ разныхъ сортовъ куръ, кудахтавшихъ когда-то по отцовскому двору: хохлатыхъ, хвостатыхъ, ногатыхъ, безхвостыхъ и всякихъ; а между ними длинноногаго и бѣлаго дылду, сердитаго пѣтуха Петьку, съ гребешкомъ на бекрень, съ багровыми щеками, въ рыжемъ плюмажѣ и съ генеральскою осанкой, подававшаго голосъ всякій разъ, какъ у сосѣдей отзывалось нѣжное кудахтанье посторонней насѣдки или кто-нибудь хлопалъ калиткой. Антону Львовичу вспоминалась всякая всячина: ручныя куропатки, павлины; у конуры болѣе рѣзвая, чѣмъ злая, сторожевая собака Дружокъ; чуланчикъ въ

сѣняхъ, къ зимѣ превращаемый въ тепличку для цвѣтовъ; въ саду—выводокъ бѣлыхъ кроликовъ; а въ огородѣ, надъ кустами смородины и грядками фасоли и гороха, соломенное чучело, съ распластанными руками, въ старомъ жилетѣ и въ старой учительской треуголкѣ Льва Саввича, — словомъ, все то, что̀ такъ любилъ и чѣмъ такъ беззаботно жилъ отставной учитель русской словесности и общей исторіи, старый романтикъ и губернскій Цинциннатъ, Левъ Саввичъ.

III.

Губернскій Цинциннатъ.

— «Кто въ родномъ городѣ не зналъ Льва Саввича Ветлугина и кто его здѣсь не любилъ?» думалъ, минуя послѣдніе передъ отцовскимъ домомъ переулки, Антонъ Львовичъ.

Встрѣчая въ садикѣ, подъ грушей, заходившихъ къ нему былыхъ учениковъ, Левъ Саввичъ говорилъ: «Тамъ, на вышкѣ,—идеалы, сударики мои; тамъ моя библіотека, мои любимые философы, поэты и историки. Здѣсь же внизу, — природа въ миніатюрѣ, мое хозяйство и, такъ сказать, мой рай, хотя онъ и не на берегахъ Тигра и Евфрата... Какъ видите, я счастливъ и, какъ нѣкогда на покоѣ властитель Діоклетіанъ, сажу капусту въ этомъ тихомъ пріютѣ ничего не желающей старости...»

Левъ Саввичъ былъ женатъ на собственной ученицѣ, на дѣвушкѣ изъ купеческаго званія.

Небогатая и добрая жена озолотила его вѣкъ несказаннымъ, хотя кратковременнымъ счастьемъ. Умерла она отъ чахотки, когда Антону Львовичу пошелъ девятый годъ. Болѣзнь жены, а съ нею лишнія траты, запущеніе уроковъ и домашняго хозяйства сильно подсѣкли средства Льва Саввича. Ему предстояло трудиться день и ночь, чтобы спасти отъ продажи съ молотка скромный женинъ домишко, гдѣ родился и подросъ Антонушка и гдѣ самъ Левъ Саввичъ, сынъ такого же учителя, зашедшаго нѣкогда въ эту губернію, провелъ лучшіе годы жизни. Онъ, наконецъ, его выкупилъ и долго считалъ себя за высокимъ заборомъ, подъ старою грушей, счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Онъ опять занялся уроками, сталъ перечитывать свои книги, копаться въ саду и вести съ такими же бѣдняками-учителями, какъ самъ, пылкія бесѣды о пересозданіи общества и всего міра.

Но надъ Львомъ Саввичемъ стряслась новая, тяжелая бѣда.

Антонушкѣ пошелъ пятнадцатый годъ и онъ былъ уже въ шестомъ классѣ родной гимназіи. Наступили переходные экзамены. Во время испытанія изъ латинскаго языка, въ залу вошелъ недавно назначенный изъ столицы директоръ гимназіи. Хотѣлъ ли экзаменаторъ-учитель отличиться передъ нимъ, или произошло это случайно, только онъ, ни съ того ни съ сего, сталъ особенно-трудными вопросами допекать одного болѣзненнаго, робкаго, хотя трудолюбиваго ученика. Ужъ онъ его и такъ, и этакъ. И изъ неправильныхъ глаголовъ спросилъ, и прокатилъ по всѣмъ тонкостямъ въ разборѣ какой-то древней басни; потомъ подхватилъ его въ когти мудренѣйшей римской поговорки, потрепалъ надъ выдержкой изъ рѣчи Цицерона, и наконецъ, безъ всякаго милосердія, швырнулъ въ пучину метаморфозъ Овидія, откуда тотъ уже и не вынырнулъ...

По классу прошелъ трепетъ. Директоръ, самодовольно щурясь на помертвѣлаго юношу, что-то укоризненное шепталъ о немъ учителю.—«Извольте садиться; вы ничего не знаете!» сказалъ послѣдній, и поставилъ ученику единицу. Юноша зашатался, слезы сдавили ему горло. Ему вспомнилась родная конура, хворая мать, голодныя, маленькія сестры.—«Позвольте мнѣ перемѣнить билетъ!» съ усиліемъ проговорилъ ученикъ, забывъ, что его совсѣмъ не по билету и спрашивали... — «Садитесь на свое мѣсто!» сухо раскланиваясь, объявилъ ему вѣжливый учитель.— «Это подлость!» не громко, и какъ-бы въ сторону, раздалось съ одной изъ заднихъ скамеекъ, гдѣ сидѣли скромнѣйшіе изъ класса. Директоръ взглянулъ туда. Учитель вспыхнулъ.—«Надо спрашивать, какъ заведено, какъ положено—по билету!» повторилъ тотъ же голосъ громче. Всѣ обернулись и увидѣли, что эти слова послышались съ того мѣста, гдѣ сидѣлъ добродушный, но нервическій и пасмурный съ виду, гимназистъ Антонъ Ветлугинъ. Онъ былъ блѣденъ, глаза смотрѣли въ землю, а въ рукахъ была стиснута истрепанная, точно собаками травленная, латинская грамматика. Директоръ всталъ, а за нимъ, съ сдержаннымъ гуломъ, всталъ и весь классъ.—«Вы должны выдать зачинщика», объявилъ директоръ: «подумайте; черезъ четверть часа я возвращусь». Товарищи, однако, Ветлугина не выдали. Оставшись наединѣ съ учителемъ, классъ вышелъ изъ повиновенія. Съ невѣроятнымъ гамомъ и крикомъ, швыряя въ отступавшаго и струсившаго учителя, чѣмъ попало,—линейками, книгами и чернильницами, гимназисты выскочили въ корридоръ и всею гурьбой окружили Антонушку. Дѣло, впрочемъ, этимъ не кончилось. Было назначено строгое слѣдствіе. Ветлугина исключили. Плохо пришлось съ этой

исторіей и его отцу: онъ также чуть не потерялъ мѣста въ гимназіи. Послѣ недолгаго раздумья, Левъ Саввичъ списался съ знакомыми и отослалъ сына въ Москву, гдѣ тотъ при помощи бѣдняка-студента, нѣкоего Аввакума Столешникова, приготовился къ университету и, черезъ два года, выдержалъ въ него экзаменъ. Но не повезло ему и въ университетѣ.

Онъ выдержалъ послѣдній, выпускной экзаменъ и принялся дописывать диссертацію на степень кандидата правъ, чтобы получить дипломъ и ѣхать служить на родину. Жилъ онъ въ ту пору, прячась отъ знакомыхъ и отъ товарищей, на одной изъ запущенныхъ дачъ столичнаго предмѣстья. Любимыми науками Ветлугина въ университетѣ были политическая экономія и теорія финансовъ, а потому его диссертація писалась по вопросу объ ассоціаціяхъ рабочихъ въ западной Европѣ и о русскихъ артеляхъ. До срока подачи диссертаціи оставалось всего два дня. Ветлугинъ третьи сутки питался чуть не однимъ хлѣбомъ, не имѣя времени сходить въ городъ, въ ближайшую кухмистерскую. Помѣщеніе его состояло изъ крошечной комнатки, на чердакѣ полуразвалившагося, нѣкогда красиваго лѣтняго домика, торчавшаго среди необозримаго огорода. Нѣкоторые изъ его богатыхъ товарищей, непомышлявшіе ни о диссертаціяхъ, ни о кандидатскихъ дипломахъ, въ это время предавались беззаботнѣйшимъ кутежамъ, тщетно зазывая съ собой и Ветлугина. Одинъ изъ такихъ кружковъ случайно набрелъ на пустынный огородъ, гдѣ обиталъ Ветлугинъ. Дѣло было подъ вечеръ.—«А! вотъ онъ, зубрило!» возгласила веселая гурьба: «вытащимъ его, подлипалу, и насильно съ собой увеземъ...»

И не совсѣмъ трезвая толпа, черезъ грядки, направилась къ домику.—Выписывая ссылку на Росси и раздумывая, не сослаться ли ужъ, кстати, и на Луи-Блана, Ветлугинъ заслышалъ снизу топотъ шаговъ, узналъ знакомые, нестройные голоса, и съ досадой захлопнулъ тетрадь. Но его въ особенности взорвало то обстоятельство, что впереди раскраснѣвшихся гулякъ, какъ онъ разглядѣлъ въ окно, шелъ давно ему надоѣвшій, самодовольный, дерзкій и вѣчно-толковавшій о собственномъ благѣ нахалъ, сынъ кавалерійскаго генерала, состоявшаго при одномъ изъ военныхъ учрежденій столицы. Этотъ господинъ учился плохо, за то славился, какъ практическій жуиръ, лихачъ и охотникъ до всякой попойки, особенно, гдѣ была игра въ карты.—Бросай, Ветлугинъ, глупыя книги и тетради, крикнулъ ему, появляясь на его порогѣ, предводитель гулякъ: охота ли сидѣть надъ подобной дребеденью?.. Съ этими словами, свободный въ обращеніи шутникъ подошелъ къ его столу, съ презрительной усмѣшкой развернулъ

диссертацію Ветлугина и, пока остальные толпились снизу по лѣстницѣ, вслухъ сталъ читать: «Но, пока бѣдность и голодъ не найдутъ своихъ правъ, человѣчество не выйдетъ изъ дикости...» —«Ахъ ты, копѣечный либералъ!» расхохотался чтецъ: «бери лучше шапку и гряди во-слѣдъ за нами; а иначе — не прогнѣвайся... Ты вѣдь знаешь насъ, и особенно меня...» Кровь бросилась въ голову Ветлугина. Онъ смертельно поблѣднѣлъ, смѣрялъ глазами обидчика, съ руками въ жилетѣ и съ нахальной усмѣшкой стоявшаго спиной къ дверямъ, рванулся къ нему, — и не успѣли другіе товарищи вскрикнуть, какъ дерзкій щеголь взмахнулъ фалдочками пиджака и стремглавъ полетѣлъ по лѣстницѣ на головы остальныхъ. Прочіе кинулись-было на Ветлугина, но онъ смѣло выдержалъ ихъ нападеніе. На шумъ сбѣжались огородники; повѣсы увидѣли, что новый натискъ имъ не подъ силу, и, пользуясь темнотой, скрылись.

Антонъ Львовичъ успокоился, къ утру дописалъ диссертацію, и кандидатскій дипломъ ему вскорѣ выдали. Товарищи, однако же, предложили Ветлугину стрѣляться съ обиженнымъ. Скрѣпя сердце, онъ принялъ вызовъ и первый, съ своимъ секундантомъ Столешниковымъ, явился на мѣсто. Но начальство ли случайно провѣдало о вызовѣ, или свѣтскій шаркунъ струсилъ и сообщилъ заботливому папашѣ о предстоящей ему грозѣ, только дуэль не состоялась. Ветлугинъ и его секундантъ, съ поличнымъ, были арестованы. При обыскѣ, въ бумагахъ Антона Львовича отыскались запрещенныя книги и нѣсколько писемъ какого-то господина, который передъ тѣмъ мирно проживалъ въ Россіи, но вскорѣ уѣхалъ за-границу и тамъ совершенно неожиданно объявилъ себя эмигрантомъ. «Что за чепуха!» подумалъ Ветлугинъ, третью недѣлю сидя подъ арестомъ и видя, что глупая исторія съ проученнымъ кутилой запутываетъ его болѣе и болѣе: «жить здѣсь, какъ вижу, окончательно невозможно! не лучше ли и мнѣ бѣжать за-границу?»

Въ часы горькаго раздумья и тревоги, томимый неизвѣстностью, мелочными допросами и скукой заключенія, Ветлугинъ дѣйствительно замыслилъ бѣжать. Въ первый же разъ, какъ его, по холоду и слякоти, ночью привезли изъ слѣдственной коммиссіи, онъ въ тюремный дворъ не вошелъ, а у воротъ, послѣ недолгой, отчаянной борьбы, вырвался изъ-подъ караула озадаченныхъ городовыхъ, бросился въ сосѣдній темный переулокъ, сѣлъ на извощика, домчался до загороднаго парка, оттуда пробрался въ ближайшій лѣсъ и скрывался здѣсь болѣе сутокъ. Наконецъ, томимый жаждой и голодомъ, онъ вышелъ, въ ближайшемъ ка-

бакѣ заложилъ часы, подарокъ отца, наскоро закусилъ, убѣдился, что за нимъ болѣе не слѣдятъ и пѣшкомъ отправился на станцію желѣзной дороги, съ цѣлью уйти за-границу и остаться тамъ, разумѣется, навсегда. На станціи его, однако, ждали тѣ же городовые. Онъ былъ узнанъ и, послѣ новой, безуспѣшной борьбы, опять отвезенъ подъ арестъ. Слѣдствіе на этотъ разъ кончилось весьма скоро. Ветлугинъ очутился на жительствѣ за Ураломъ. Начались годы тяжелыхъ испытаній, новыхъ ударовъ судьбы и упорнаго, однихъ умудряющаго, а другихъ еще болѣе ожесточающаго труда...

Антонъ Львовичъ ясно помнилъ свое послѣднее прощанье съ отцомъ: какъ онъ, исключенный гимназистъ, плача навзрыдъ, садился въ кибитку съ попутчикомъ-купцомъ, а отецъ, грустно улыбаясь и утѣшая его, стоялъ несокрушимый и бодрый. Мысли объ отцѣ, какъ въ студенческіе годы, такъ и въ ссылкѣ, составляли лучшее утѣшеніе для Ветлугина. Онъ съ любовью представлялъ себѣ его здоровый, статный видъ, твердую, смѣлую поступь, румянецъ свѣжаго, умнаго лица, добрый, ласковый взоръ и всю пылкость юношескаго негодованія при словѣ о людской неправдѣ, и беззавѣтную радость, когда рѣчь заходила тамъ, на вышкѣ, о лучшихъ, вѣчныхъ идеалахъ жизни.

Многое припоминалось ему на чужбинѣ. Городскіе балагуры, напримѣръ, утверждали, что когда тотъ край, еще въ дѣтствѣ Антона Львовича, какъ-то проѣздомъ, посѣтилъ уже неизлечимо-больной одинъ извѣстный русскій критикъ, — отецъ Ветлугина пришелъ въ неописанный восторгъ и трепетъ. «Свѣточъ въ нашемъ мракѣ! воскрешеніе мертвой земли!» восклицалъ онъ, передавая эту радостную вѣсть въ тѣсномъ кругу такихъ же, какъ онъ, бѣдняковъ, учителей-товарищей. И, какъ ни трудны и ни опасны были въ то время всякія попытки даже къ безвиннымъ и мирнымъ манифестаціямъ, онъ бросился, съ избранными изъ преданнѣйшихъ коллегъ, отыскивать знаменитаго критика. Онъ его нашелъ въ трактирѣ возлѣ станціи, вызвалъ на крыльцо и, тутъ же на улицѣ, сказалъ ему, отъ лица мѣстныхъ, не менѣе его взволнованныхъ педагоговъ, страстную и пылкую, хотя нѣсколько туманную и напыщенную рѣчь, причемъ билъ себя въ грудь и отъ избытка восторга чуть не разрыдался. И когда, смущенный этимъ неожиданнымъ почетомъ, скромный писатель всѣмъ пожалъ руки, отъ души поблагодарилъ ихъ за вниманіе, сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ, Левъ Саввичъ въ узелокъ платка взялъ на память изъ-подъ колесъ его тарантаса горсть песку. Этотъ песокъ долго потомъ, какъ помнилъ Антонъ Львовичъ, висѣлъ у

отца въ узелкѣ, рядомъ съ портретами Новикова, Гоголя и Пушкина, надъ столомъ кабинета, служа для Льва Саввича памятникомъ сладчайшихъ воспоминаній, хотя въ то же время для городскихъ зубоскаловъ составляя предметъ нескончаемыхъ, пропитанныхъ желчью и злобой насмѣшекъ.

При арестѣ сына и обыскѣ его жилища, между прочимъ студенческимъ хламомъ нашли пачку отцовскихъ писемъ. Старый либералъ, въ непринужденной письменной бесѣдѣ съ сыномъ, не стѣснялся ничѣмъ: ни обсужденіемъ текущихъ отечественныхъ событій, ни анекдотами о мѣстныхъ властяхъ. И если эти конфискованные манускрипты когда-нибудь изъ полицейскаго архива попадутъ въ руки будущаго бытописателя страны,—изъ нихъ выкроится не одна, полная горечи и ѣдкаго остроумія, страница. Объ этихъ письмахъ, съ приложеніемъ выдержекъ изъ нихъ, изъ слѣдственной коммиссіи было доведено до свѣдѣнія начальства Льва Саввича. Его лишили мѣста учителя, хотя за долговременную службу онъ и былъ уволенъ, какъ бы по собственному желанію, съ пенсіономъ. Опала властей отозвалась и на частныхъ урокахъ Льва Саввича. Средства его стали окончательно оскудѣвать. О переѣздѣ въ другую губернію нечего было и думать: онъ уже былъ въ лѣтахъ и обсидѣлся на мѣстѣ. Жизненные припасы, между тѣмъ, въ городѣ сильно вздорожали. Какъ Льву Саввичу, такъ и другимъ, подобнымъ ему, отставнымъ бѣднякамъ, приходилось не разъ бывать и на пищѣ святого Антонія, или пробавляться безконечными толками о неблагодарности судьбы вообще и грознаго начальства въ особенности.

Прежде, при покойницѣ женѣ, Левъ Саввичъ держалъ у себя пансіонеровъ. Онъ вздумалъ было и теперь заняться тѣмъ же. Но разрѣшенія на это ему, какъ опальному, не дали. Друзья совѣтовали ему обратиться съ просьбой о пособіи къ богатымъ помѣщикамъ и къ купцамъ, которыхъ онъ когда-то обучалъ и которые сами теперь имѣли на возрастѣ дѣтей. Но перо падало изъ рукъ Льва Саввича. «Для чего? думалъ онъ: не всегда же Антонушка будетъ за тридевять земель! въ люди выйдетъ, станетъ и мнѣ помогать!»

Лишившись мѣста въ гимназіи, Левъ Саввичъ сталъ такъ рѣдко писать сыну, что Антонъ Львовичъ почти ничего не зналъ, какъ о подробностяхъ домашней жизни, такъ и вообще о дѣлахъ отца. За то письма, писанныя сыну до этого событія, дышали такимъ избыткомъ любви къ человѣчеству, къ борьбѣ съ темными сторонами жизни, съ грубой жаждой любостяжанія и вообще съ наклонностями къ обыденнымъ сдѣлкамъ съ совѣстью,

что сынъ, еще юношей, получая эти письма, долго носилъ ихъ при себѣ какъ святыню, чувствовалъ себя съ ними бодрѣе, гордо выпрямлялся передъ натисками разныхъ неправдъ и, терпя нужду, среди чужихъ и вдали отъ родного угла, упорно и безъ устали трудился. «Будь не Маѳою, искавшею счастья въ жалкой и суетной хлопотливости о домѣ, о теплѣ и о кускѣ хлѣба», писалъ старикъ: «будь любящей Маріей, плакавшей у ногъ гонимаго Учителя вѣчной правды и добра!»

Года черезъ два послѣ ссылки сына, Левъ Саввичъ вскользь извѣстилъ послѣдняго, что имъ выпадаетъ отъ какой-то дальней родственницы небольшое наслѣдство и что для того онъ намѣренъ куда-то съѣздить и что-то получить. Но съѣздилъ ли отецъ и оставилъ ли за собой полученное достояніе, или продалъ его, и куда употребилъ вырученныя деньги, сынъ этого не зналъ. Да и не до того ему было тогда...

Очнувшись на жительствѣ въ холодной и неприглядной глуши, Антонъ Львовичъ, еще неопытный и восторженный юноша, занялся-было для своего пропитанія переписываніемъ бумагъ въ канцеляріи какого-то присутствія и обученіемъ дѣтей у туземныхъ чиновниковъ и купцовъ. Составлялъ онъ также торговыя и промышленныя обозрѣнія для мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей. Но редактора этой газеты перемѣнили, а вслѣдствіе непомѣрно-дешевой платы за учительство и за переписку бумагъ, онъ эти занятія бросилъ и поступилъ въ контору на чьи-то пріиски. Здѣсь сразу онъ попалъ въ такую жестокую передѣлку, что, находясь со ввѣренной ему артелью на работахъ, въ тайгѣ, чуть не умеръ отъ сырости, холода и голода. Потомъ онъ былъ на чьемъ-то стеклянномъ, а спустя нѣкоторое время — на чугунно-литейномъ заводѣ. Но хозяинъ перваго вскорѣ разорился, а владѣлецъ второго, принявшій Ветлугина въ долю и сулившій ему горы барышей, такъ въ концѣ-концовъ его поднадулъ, что Антонъ Львовичъ, разсчитавшись съ нимъ, остался не только безъ барышей, но и безъ копѣйки денегъ.

Въ эти-то дни невзгодъ и тяжелаго труда, мысленно переносясь на родину, онъ благословлялъ судьбу, что отецъ не терпитъ такихъ лишеній, какъ онъ; что у отца есть, хоть весьма скромный, но собственный уголъ, и что обстановка этого угла, съ наслѣдствомъ отъ родственницы, должна была улучшиться. Теперь, думалъ онъ, родителю, завзятому идеалисту и романтику, хотя подъ старость, выпала возможность кое-чѣмъ желаннымъ пополнить свой домашній обиходъ. Напримѣръ, Левъ Саввичъ, какъ предполагалъ сынъ, могъ расширить свою библіотеку, вы-

писывать на собственный счетъ какой-либо любимый журналъ, а быть можетъ, черезъ покупку, прирѣзать и часть сосѣдняго, чьего-то заброшеннаго сада, съ большущими, какъ помнилъ Антонъ Львовичъ, клёнами и съ такою развѣсистою рощей сиреней и акацій, что отъ ихъ дружнаго цвѣтенія весной въ кабинетѣ Льва Саввича пахло, какъ въ роскошномъ будуарѣ первѣйшей свѣтской красавицы. Наконецъ, черезъ это же наслѣдство, родитель могъ увеличить и подборъ любимыхъ куръ, кроликовъ и павлиновъ. А тамъ, улучшатся собственныя дѣла Антона Львовича, онъ разсчитывалъ и окончательно обезпечить судьбу отца.

Ветлугинъ надѣялся, что отецъ ему подробно сообщитъ о томъ, какъ онъ распорядился съ наслѣдствомъ. Не тутъ-то было. Отецъ либо молчалъ, либо изрѣдка присылалъ коротенькія записки, съ тѣми же совѣтами терпѣть, не падать духомъ и трудиться. Срокъ ссылки подходилъ къ концу. Антону Львовичу разрѣшили избрать мѣсто жительства, гдѣ онъ пожелаетъ. Благодаря молвѣ о его занятіяхъ на заводахъ, онъ попалъ въ кружокъ бойкихъ сибиряковъ, на московскій кредитъ пробивавшихъ пути къ торговлѣ съ Средней Азіей. Антонъ Львовичъ писалъ отцу, что онъ уже два раза ѣздилъ съ караваномъ въ Бухару и что съ новыми хозяевами, въ близкомъ будущемъ, думаетъ, коли все устроится хорошо, открыть товарные склады по Сыръ-Дарьѣ. Получая столь радостныя вѣсти отъ сына, Левъ Саввичъ окончательно успокоился и сталъ еще рѣже ему писать.

Такъ тянулось время разлуки,—когда въ маѣ 1868 года, неожиданно узнавъ, что сынъ по дѣламъ хозяевъ очутился не вдали отъ Урала, Ветлугинъ написалъ сыну, что дни стариковъ вообще сочтены, что онъ скучаетъ и былъ бы радъ отъ души, если бы тотъ его навѣстилъ, особенно въ виду нѣкоторыхъ нужныхъ и притомъ безотлагательныхъ дѣлъ.

Антонъ Львовичъ и безъ всякихъ дѣлъ давно выжидалъ случая побывать у отца. А потому снесся депешей съ хозяевами, получилъ отъ нихъ охотное разрѣшеніе на побывку домой, немедленно пустился въ путь и, не помня себя отъ радости, подъѣхалъ наконецъ къ родному городу, высматривая знакомую, глухую улицу, кровлю отцовскаго дома, садъ съ яблонями и грушей, голубей и павлиновъ, а у воротъ, на лавочкѣ, въ картузѣ и въ халатѣ, старика отца.

IV.

Старое гнѣздо.

Ожиданія Антона Львовича не сбылись.

Лавочка была пуста, а на пыльной, шумной и уже значительно застроенной улицѣ не было видно травы. Многое измѣнилось кругомъ. Дырявые деревянные тротуары уступили мѣсто кирпичнымъ и даже каменнымъ. Ветхая полицейская будка исчезла; а вмѣсто добродушнаго подрѣзывателя куриныхъ типуновъ, престарѣлаго и безногаго будочника, на перекресткѣ, съ свисткомъ на снуркѣ, прохаживался бойкій, поворотливый и строгій на видъ городовой. Преобразованіе чувствовалось во всемъ: въ надписяхъ на углахъ улицъ, въ нумераціи домовъ, въ увеличеніи магазиновъ и питейныхъ и въ уменьшеніи навозныхъ кучъ, собакъ и галокъ. Даже, какъ показалось Антону Львовичу, одна изъ собакъ гдѣ-то прошмыгнула въ намордникѣ.

Ветлугинъ всталъ съ перекладной. Онъ отворилъ калитку, оглядѣлся по сторонамъ, прошелъ дворъ, заглянулъ въ садъ и быстро, какъ въ оны дни, по ветхому крыльцу вбѣжалъ въ домъ: никого не было видно.

— «Куда же дѣлся такъ рано отецъ? Неужели успѣлъ встать и ужъ копается въ огородѣ? Или отецъ на вышкѣ, въ библіотекѣ? Оттуда съ крылечка видѣнъ и огородъ».

Войдя въ родительскій кабинетъ, Ветлугинъ удивился еще болѣе: передъ кресломъ, на рабочемъ столѣ, вмѣсто старыхъ, любимыхъ отцомъ поэтовъ, критиковъ и философовъ, лежало недавно изданное иностранное ученое руководство къ торговымъ и промышленнымъ предпріятіямъ, рядомъ съ вексельнымъ уставомъ и справочникомъ для тяжущихся. И тутъ же, возлѣ сочиненія: «Задѣльная плата и кооперативныя ассоціаціи» — красовалась кучка книгъ отечественной компиляціи, съ рисунками, вычисленіями и трактатами, разомъ по части всего: домоводства, счетоводства, овцеводства и куроводства, плотничьихъ дѣлъ, тайнъ биржевой игры, высшей коммерціи и эксплуатаціи. У одной изъ стѣнъ кабинета тянулся шкафъ съ картонами, въ какихъ обыкновенно хранятся дѣла. За перегородкой помѣщались высокая письменная конторка, нѣсколько этажерокъ съ бумагами и несгараемый денежный сундукъ.

Антонъ Львовичъ подумалъ: «Понимаю! Отецъ отдалъ домъ

въ наймы адвокату, нотаріусу, или подъ какую-нибудь торговую контору».

Онъ мелькомъ взглянулъ на простѣнки между окнами и увидѣлъ здѣсь, рядомъ съ знакомыми, пожелтѣлыми портретами Новикова, Пушкина и Гоголя, очевидно вырѣзанные изъ модныхъ иллюстрацій, портреты Ротшильда, Стефенсона и Оффенбаха, и одной отечественной знаменитости, успѣвшей, незадолго передъ тѣмъ, не только прогремѣть геніемъ высшихъ коммерческихъ предпріятій, но даже—посредствомъ огромнаго проворства—нажить милліоны.

Ветлугинъ по знакомой скрипучей лѣсенкѣ поднялся на мезонинъ и, съ сильно забившимся сердцемъ, вышелъ на крылечко, откуда былъ видъ на зарѣчную часть города и на окрестныя, синѣющія поля. Шкафы съ отцовскими книгами, вдоль стѣнъ; его дѣтскій, обрызганный чернилами, письменный столикъ; пузатый березовый комодъ, стулья и кровать, а надъ кроватью картинки, изображавшія бѣгство Ломоносова изъ Холмогоръ и прибытіе Колумба въ Америку,—все оказывалось на мѣстѣ. Но отца не было и здѣсь.

Антонъ Львовичъ снова спустился внизъ. Его удивило полное отсутствіе во дворѣ какъ пернатыхъ, такъ и четвероногихъ. Одинъ состарѣвшійся песъ Дружокъ, безъ малѣйшихъ признаковъ былого добродушія и рѣзвости, со сбившейся колтунами ветхой шерстью, метался на привязи и безсильно и злобно ревѣлъ изъ своей дыры на выглядывавшаго съ улицы ямщика. Ветлугинъ подумалъ:—«Отецъ въ саду», и только-что сдѣлалъ нѣсколько шаговъ съ крыльца, какъ за угломъ дома столкнулся съ толстою, сѣдою, рослою и румяною старухой, въ платкѣ на затылкѣ и съ лоханкой какой-то стряпни, спѣшившею изъ палисадника въ кухню.

— Власьевна! няня! вскрикнулъ Антонъ Львовичъ.

Старуха, опустивъ лоханку на земь, растерянно и испуганно уставилась въ него глазами.

— Да кто же это? Постой-ка, постой!... Антошенька! соколъ ты мой!.. Ахъ! да какой же ты сталъ большой! вскрикнула Власьевна.

Они обнялись.

—А я, няня, представь—принялъ тебя за городскую торговку.

—Какая я торговка! выдумалъ!—съ гордостью усмѣхнулась старуха.

— Да, именно,—не сглазить бы; ты раздобрѣла и франтоватая такая стала.

— Что же, не вѣкъ стряпухой быть.

— А гдѣ же папенька? я его все ищу...

— Видно, на биржѣ.

— На какой?

— Извѣстно, на какой,—одна и есть, гдѣ собираются купцы.

— Гулять, что-ли, пошелъ?

— Гулять! У тебя, пострѣлъ, все гулять. Все еще вѣтеръ въ головѣ. Дѣло, стало, есть, коли пошелъ, а не гулять... Не добро за людьми,—люди за добромъ.

— «Что за чепуха! подумалъ Ветлугинъ: отецъ на биржу ходитъ... И что онъ тамъ смыслитъ!»

— А это кто? спросилъ онъ, указывая на бѣлобрысаго малаго, съ объемистой портфелью подъ мышкой, уходившаго въ калитку.

— Нашъ разсыльный.

— Куда же его посылаютъ?

— Мало ли куда. Точно у твоего отца дѣлъ нѣту!

— У папеньки-то? Да ты, няня, шутишь, что-ли? Или тутъ и впрямь живетъ кто-нибудь другой?..

— Не другой, а онъ самъ.

— Но какія же у отца дѣла, скажи ты мнѣ?

— Какія дѣла! Всякія... Тому купи, другому продай. Рядчики тоже къ намъ ходятъ... Да и мало ли другого чего? Что даромъ-то такъ сидѣть? Даромъ никто не накормитъ. Подъ лежачь камень и вода не течетъ. А голодный, сказываютъ, и архимандритъ украдетъ...

— «Вотъ тебѣ и тихая пристань романтика! вотъ тебѣ и мирный пенсіонеръ на покоѣ!» подумалъ Ветлугинъ: «Отецъ торговлей занимается, съ рядчиками водится! разсыльныхъ держитъ! Что за чудеса...»

Онъ глянулъ сбоку на крыльцо и тутъ только увидѣлъ на его, нѣсколько покосившемся, фронтонѣ большую новую вывѣску, съ надписью: *«Агентство и коммиссіонерство по торговымъ и промышленнымъ предпріятіямъ»*.

Подъ невыразимый ревъ неузнавшаго его Дружка, Антонъ Львовичъ прошелъ въ калитку, отпустилъ ямщика, попросилъ у Власьевны воды, умылся, возвратился въ домъ, не безъ удивленія еще разъ окинулъ взглядомъ преобразованный родной уголъ, увидѣлъ нѣкую долгополую чуйку, которая отъ кухни косо посматривала на окно, у котораго онъ стоялъ; и когда нянька, со

словами: «ну, теперь скоро явится!» ушла готовить чай, еще разъ прошелся по комнатамъ и въ слухъ произнесъ: «Поклонникъ эстетики съ чуйками водится! Почитатель Шиллера и Байрона затѣялъ агентство для торговыхъ спекуляцій».

На улицѣ раздался стукъ извощичьихъ дрожекъ. Въ калиткѣ показался Левъ Саввичъ.

Но онъ ли это былъ? Сынъ не вѣрилъ своимъ глазамъ.

Вмѣсто бодраго, прямого и свѣжаго человѣка, какимъ Антонъ Львовичъ оставилъ отца двѣнадцать лѣтъ назадъ, у воротъ стоялъ нахмуренный, сгорбленный и худой, хотя довольно еще подвижной старикъ. Годы, очевидно, взяли свое; волосы его были сѣды; лопатки худыхъ плечъ значительно выдвигались надъ спиной.

Не подозрѣвая пріѣзда сына, Левъ Саввичъ выслушалъ человѣка въ чуйкѣ, склонилъ голову, развелъ руками, въ родѣ того, что «дескать, что же дѣлать!» снялъ шляпу, отеръ платкомъ вспотѣвшую лысину и въ раздумьи направился къ крыльцу. Онъ прошелъ въ кабинетъ, порылся на столѣ въ бумагахъ, загремѣлъ ключами, со вздохомъ нагнулся къ стоявшему за перегородкой сундуку, заслышалъ сзади шорохъ сдержанныхъ, незнакомыхъ шаговъ, обернулся и остолбенѣлъ.

— Ахъ, ахъ!.. Кто это?.. кто?.. Да неужели?.. Антоша! Другъ ты мой!..

Отецъ и сынъ кинулись въ объятія другъ друга.

— Да какъ же ты выросъ, возмужалъ, похорошѣлъ! а голосъ, а борода! нѣтъ, ты вышелъ еще лучше, чѣмъ я ожидалъ... Садись же, милый странникъ, разсказывай. Дай тебя послушать и на тебя посмотрѣть...

Послѣ первыхъ, взаимныхъ привѣтствій, новыхъ объятій и разспросовъ, Левъ Саввичъ объявилъ сыну, что отдаетъ ему ту же вышку, гдѣ тотъ помѣщался съ дѣтства, и спросилъ, надолго ли онъ къ нему пріѣхалъ?

— Дней на пять, на шесть, а то и на недѣлю... Хозяева, какъ видите, не отказали.

Левъ Саввичъ покачалъ головой.

— Что ты, что ты, вѣтеръ-голова, помилуй! Столько лѣтъ не видались, а думаешь отдѣлаться недѣлей. Нѣтъ, другъ сердечный, у отца надо погостить долѣе. Сегодня же телеграфируй хозяевамъ. Отдохнешь. Посовѣтуемся. Тутъ я затѣялъ одно выгодное дѣло. Ты вѣдь практикъ... А? а? вѣдь практикъ? Ну, взглянешь, посудимъ... Ахъ, какъ же я радъ, какъ радъ! Впрочемъ, о дѣлѣ послѣ... Еще успѣемъ... Ты погостишь у меня, погостишь?

— Что-же, отвѣтилъ сынъ, можетъ быть и долѣе побуду у васъ; хозяева добрые.

Левъ Саввичъ взялъ сына подъ руку и пошелъ съ нимъ по комнатамъ.

— Узнаёшь? узнаёшь старый улей? спрашивалъ онъ: вылетѣлъ ты изъ него на собственный трудъ, вольная, рабочая пчелка... Вотъ моя спальня, а это дѣловая конура; а вотъ и наши старыя любимыя книги...

— Дорогіе знакомцы, съ отраднымъ вздохомъ сказалъ сынъ: Жуковскій, Пушкинъ, Куперъ, Вальтеръ-Скоттъ... Такъ! они на прежнемъ мѣстѣ. А я ужъ было думалъ, что вы отдали домъ въ наймы другому...

— Это почему? И не воображалъ... А каково застроилась наша улица? Видѣлъ? Три магазина теперь у насъ подъ бокомъ; аптека въ ста шагахъ; французъ портной, нѣмецъ булочникъ; а на перекресткѣ отличный трактиръ, съ органомъ и съ газетами. Дума затѣваетъ газъ, водопроводы,—о желѣзной дорогѣ городъ съ земствомъ толкуетъ...

— Ну, какъ же я радъ! какъ радъ! продолжалъ старикъ; а теперь пойдемъ подъ нашу старую грушу... Помнишь ее? Тамъ напьемся чаю и еще поговоримъ... Впрочемъ, что же это я? ахъ-ахъ! совсѣмъ и забылъ: человѣкъ меня ждетъ... Надо съ нимъ въ одно мѣсто съѣздить. Нынче праздникъ; завтра будетъ некогда... Что, милый, оторопѣлъ?... Удивляешься?.. Не удивляйся. Не тѣ нынче времена настали; иная злоба довлѣетъ дню. Люди, другъ сердечный, видно, поумнѣли. А прежде, по правдѣ сказать, мы-таки всѣ—и въ томъ числѣ, разумѣется, я первый—были порядочной размазней и трухой.

— Вы ли это, папенька, говорите? и какія же это настали особыя времена? недовольнымъ голосомъ замѣтилъ сынъ.

Старикъ какъ-будто не разслышалъ этихъ словъ. Онъ молча вышелъ на крыльцо, надѣлъ шляпу, взялъ сына за руку, улыбнулся и сказалъ:

— Эхъ-эхъ, Антонушка, долго объяснять и надо мнѣ ѣхать. Но, такъ ужъ и быть, изволь; я тебѣ кое-что передамъ вкратцѣ...

Нѣсколько померкшіе, добрые и ласковые глаза старика задумчиво и строго устремились куда-то вдаль. Брови насупились. Онъ какъ будто что-то видѣлъ, на что-то въ нерѣшимости хотѣлъ указать. Краска выступила на его умномъ, старчески-красивомъ лицѣ.

— Польза, вотъ знаменіе нашего времени! началъ онъ, слегка пожимая руку сына: польза себѣ и другимъ... Что́ смотришь?

Удивляешься?.. Человѣкъ нынче позитивистомъ сталъ и въ значительное число старыхъ идеаловъ утерялъ вѣру. Прежде говорили: будь отшельникъ; теперь же говорятъ: хлопочи о достаткѣ, о всемогущей деньгѣ... Тяжело сознаться, но немалая доля правды на сторонѣ упорныхъ въ наживѣ, бойкихъ и смѣлыхъ дѣльцовъ. Они дѣйствительно могущество, хотя зачастую это могущество— безъ души... Разбогатѣлъ ты, тогда ты и силенъ, и уменъ, и правъ во всемъ. Богатство, другъ ты мой, это не кража и не преступленіе; это, милый мой, сила, двигающая горами... И глупы были всѣ мы, простофили и колпаки, погубившіе столько десятковъ лѣтъ на игру въ невинныя гулюшки, въ поэзію и въ дорогихъ когда-то мечтателей... Что и говорить: искусство вещь хорошая, святая. Но ты, чай, знакомъ съ новѣйшими учителями міра? Они говорятъ, что замерзающій бѣднякъ изъ образовъ Гомера ни дровъ, ни теплаго угла себѣ не добудетъ; а слава безсребренника-философа не прокормитъ голодающей на мякинѣ и сосновой корѣ не только деревушки, а даже и одной убогой семьи... Вотъ истины! вотъ горькая правда...

— Что вы, папенька, что вы! Да вѣдь это вещи несовмѣстимыя. Кто же и двигалъ общество къ развитію, къ нравственному и къ вещественному богатству, какъ не наука и не искусство? А съ другой стороны, кто же, какъ не себялюбивые искатели и наживатели огромныхъ богатствъ усилили людской пролетаріатъ, а съ нимъ и всѣ бѣдствія міра?

— Ну, хорошо, хорошо!.. снисходительно улыбнулся старикъ: это предметъ спорный. Пока до свиданія; пей чай одинъ, да распорядись съ обѣдомъ. Я же буду черезъ часъ, черезъ два; тогда и поговоримъ подробнѣе обо всемъ...

Левъ Саввичъ обнялъ сына, еще разъ ласково поглядѣлъ на него, простился, сѣлъ на извощика и уѣхалъ.

Антонъ Львовичъ бросился отыскивать Власьевну.

— Нѣтъ, няня, теперь я отъ тебя не отстану: разсказывай, что́ сталось съ отцомъ?

— Ничего не сталося,—какой былъ, такой и есть, отвѣтила Власьевна, возясь у кухонной печи.

— Полно шутить. Я его совсѣмъ не узнаю...

— Да я и не шучу! Одумался онъ только, да и все тутъ.

— Но давно ли онъ такъ одумался?

— Постой, дай вспомнить. Лѣтъ шесть, али семь все хлопоталъ о дѣлахъ. А какъ съѣздилъ это за вашимъ наслѣдіемъ, да сбылъ эту вашу землю, такъ куда тебѣ и старость дѣвалася... Я и матери твоей служила, и тебя послѣ нея досмотрѣла, и его

на старости кажется бы не бросила... Ну, а теперь можетъ еще и брошу...

— Что ты, развѣ отецъ тебя обижаетъ?

— Какъ тебѣ сказать? не все у насъ ладно...

— Да что́ же именно? говори, говори...

— Нешто самъ не примѣтилъ? все какъ есть перевелъ: и птицу, и огородъ... Ну, да самъ увидишь, и ужъ лучше ты не томи меня этими разспросами, иди; вонъ кофій перегорѣлъ, да и самъ-отъ онъ какъ бы еще не наѣхалъ да не увидѣлъ бы, что мы тутъ шепчемся съ тобой...

Ветлугинъ побродилъ по двору и опять поднялся на вышку. Только здѣсь все было по старинѣ. — Онъ вынесъ на крылечко стулъ, присѣлъ, любуясь на синѣющую даль, гдѣ по чуть видной дорогѣ шли путники и тянулись обозы, всею грудью вздохнулъ и самъ себѣ сказалъ: «Какъ здѣсь привольно и отрадно... Какія мирныя картины, просторъ и тишина... И какъ бы, кажется, здѣсь уютно и сладко жилось... Нѣтъ, отцу не живется— контору завелъ, хотя въ эту контору, гдѣ и касса стоитъ, всякъ можетъ войти, не встрѣтивъ даже сторожа...»

Онъ бросилъ взглядъ и въ сосѣдніе огороды и сады. Чириканье птицъ оглашало зеленыя, полныя весенняго запаха затишья. Солнце начало припекать. Антонъ Львовичъ оставилъ крыльцо. Онъ перебрался въ комнату, окнами во дворъ; взялъ съ полки шкафа пожелтѣлый томъ Веверлёя, развернулъ его истрёпанныя, слежавшіяся страницы, сѣлъ въ кресло и сталъ читать.

Читалъ онъ долго, останавливаясь въ раздумьи и медленно пробѣгая дорогія по воспоминаніямъ мѣста книги.

Бѣлая спущенная занавѣска въ полураскрытомъ окнѣ вышки заколыхалась. Съ откоса крыши въ комнату просунулась голова сѣрой кошечки, съ воробьемъ въ зубахъ. Ветлугинъ сидѣлъ такъ тихо, а молодой и глупый воробей, придержанный за крылья въ осторожныхъ зубахъ кошки, дышалъ такъ спокойно, что его похитительница скользнула на подоконникъ, мягкими лапками спрыгнула на полъ, и знакомою дорожкой, не спѣша и сладко мурлыча, прошла мимо Ветлугина къ лѣстницѣ, на чердакъ.

Антонъ Львовичъ вспомнилъ, какъ здѣсь же на вышкѣ сидѣлъ онъ, бывало, гимназистомъ, въ такой же тишинѣ и также беззаботно читалъ, развернувъ на колѣняхъ «Кларису Гарло́», «Путеводителя въ пустынѣ» или жизнь Ломоносова. И казалось ему тогда, что на полкахъ передъ нимъ не корешки перечитанныхъ и почти выученныхъ наизусть книжекъ, а дверцы и окна въ какой-то невѣдомый, волшебный и особый міръ...

И спускались къ нему, въ тѣ дорогіе дни, по лѣсенкамъ изъ этихъ дверецъ и оконъ, въ разноцвѣтныхъ кафтанахъ, при шпагахъ и въ парикахъ, Ловеласы и Грандиссоны, въ черныхъ рясахъ іезуиты, въ мушкахъ и въ пудрѣ статныя и гордыя красавицы, въ пернатыхъ шлемахъ крестоносцы, и въ лаптяхъ, съ котомкой за плечами, будущій рыбакъ-академикъ. И ждетъ онъ, бывало, что вотъ-вотъ одна изъ этихъ красавицъ возьметъ его за руку и скажетъ: «Пойдемъ со мною, другъ мой, по этой лѣсенкѣ, туда, въ сказочный міръ рыцарей и любви... Тамъ я отдамъ тебѣ мое сердце и буду твоею навѣки».

Теперь ему слышались изъ этихъ дверецъ и оконъ другія слова: «Не поѣду я туда, не поѣду... Истины я добиваюсь, истину хочу знать... А что́ истина?... Все да презрять, все да отринуть... читай житіе!»

V.

Новыя птицы—новыя пѣсни.

Лѣстница заскрипѣла. На порогѣ раздался знакомый голосъ:

— Что, странникъ, замечтался? А вотъ я ужъ и обратно. Пойдемъ обѣдать. Все готово...

Отецъ съ сыномъ сошли внизъ. На столѣ уже дымилась чаша съ супомъ. Прислуживалъ разсыльный.

— Ну, какъ же твои дѣла? спросилъ, утоливъ первый голодъ, отецъ: что́ думаешь далѣе предпринять?

— Какъ вамъ объяснить? Я пока, по примѣру Жерома Патюро́, все еще отыскиваю лучшее изъ общественныхъ положеній. Нѣтъ еще по мнѣ настоящаго дѣла. Занялся торговлей, но до сихъ поръ не выучился сберегать нажитого. А безъ этого говорятъ нельзя...

— А сколько получаешь жалованья отъ хозяевъ?

Сынъ объяснилъ. Левъ Саввичъ посвисталъ.

— Маловато, дружокъ, маловато. Вотъ и разница — между работой на жалованьи и въ качествѣ товарища.

— Но мнѣ не грозятъ случайности, отвѣтилъ сынъ: меньше риску, за то болѣе вѣрнаго.

— Меньше риску? И ты, ходившій съ караванами по Азіи, противъ этого волшебнаго словца?

Отецъ покачалъ головой.

— Рискомъ, продолжалъ онъ, великая Америка заселилась и стала государствомъ...

— Великая? спросилъ Антонъ Львовичъ: вотъ вы ее какъ теперь! Прежде вы не такъ честили эту страну, у которой нѣтъ своихъ первостепенныхъ поэтовъ и музыкантовъ.

— Она намъ примѣръ во многомъ, начиная съ бойкаго, неугомоннаго, колонизаторскаго труда... Вотъ поговори о ней съ моимъ компаньономъ?

— Съ какимъ?

— Какъ, съ какимъ? Да, впрочемъ, хорошъ я! спохватился отецъ; я и забылъ тебѣ написать, что когда участокъ нашей покойной родственницы я продалъ, и деньги рѣшился пустить въ оборотъ, то нашелъ себѣ и товарища...

— Напрасно; вамъ бы съ этихъ денегъ, на склонѣ вашихъ дней, жить процентами.

— Ну, ужъ нѣтъ, извини; всякому тоже и пріобрѣсти что-нибудь хочется, увеличить достатокъ, особенно, коли еще есть силы...

Сказавъ это, Левъ Саввичъ слегка смѣшался и даже покраснѣлъ. Смѣшался и Антонъ Львовичъ. Обоимъ совѣстно стало другъ друга. Сынъ подумалъ: «значитъ, отецъ на меня не надѣется». Отецъ подумалъ: «Этакъ, однако, сынъ еще приметъ меня за кулака».

— Скажите, папенька, началъ Антонъ Львовичъ, развѣ вамъ мало того, что̀ у васъ есть и что̀ прибавилось съ этимъ наслѣдствомъ? Я самъ дѣловой человѣкъ, самъ живу личнымъ трудомъ и не противъ честной наживы. Но всему есть время и мѣра. И меня вонъ судьба изъ-за хорошаго заработка бросаетъ чуть не къ границамъ Китая. Но мои годы и силы... и ваши,—кажется, разница немалая...

— Э, полно. Другіе же на склонѣ дней, какъ ты говоришь, наживаютъ, да еще какъ! Люди, посмотришь, дюжинные, такъ себѣ, не стоющіе, казалось бы, и вниманія; а глядишь, десятками, сотнями тысячъ вскорѣ ворочаютъ. Силачи міра, богатыри становятся. И все передъ ними уступаетъ дорогу. Отчего же и мнѣ не рискнуть, а особенно при помощи того же, какъ ты упомянулъ, честнаго труда? Или ты скажешь: фантазёръ-отецъ, старый романтикъ или, какъ еще тамъ у васъ привыкли называть нашего брата—человѣкъ сороковыхъ годовъ...

— Помилуйте, папенька... Да вѣдь съ рисковыми оборотами связаны потери, а нерѣдко и полное разореніе. Зачѣмъ же вамъ, на старости, подвергаться лишеніямъ? Вы хотите играть въ карты, никогда въ нихъ не заглядывавши. У васъ есть сынъ...

Я всегда думалъ: лично мнѣ не нужно многаго... Заботы же о васъ меня не покидали никогда...

— Оно такъ, Антоша; и спасибо тебѣ за все. Только ты мнѣ этого не пой, хоть такъ пѣло и поетъ отцамъ всякое молодое, наростающее поколѣніе. Я, другъ ты мой, пришелъ вотъ къ какому ученію... И ты на это не обижайся... Хороши ли, нѣтъ ли птенцы, но родителямъ не слѣдъ на нихъ надѣяться. Есть у тебя состояніе, пока живъ, не раздѣляй его дѣтямъ; а вырости ихъ, воспитай по чести, и пусть идутъ работать. Нѣтъ состоянія, самъ наживи и на птенцовъ не надѣйся. Да чтобъ дупло-то на старость у тебя было устроено поуютнѣе и всѣмъ полно, какъ слѣдуетъ; чтобъ вѣтеръ на него не дулъ и ничья бы шальная рука его не разорила. Стукнулъ срокъ, запирайся туда, беззубая бѣлка, и лежи въ теплѣ, на постелькѣ изъ листьевъ и мховъ, до самаго твоего послѣдняго жизненнаго вздоха. Ты самъ по себѣ и дѣти сами по себѣ. Такъ я рѣшилъ поступить; такъ совѣтую и тебѣ, Антонушка, сдѣлать, коли будетъ у тебя когда-нибудь потомство...

Сказа́въ это, Левъ Саввичъ, съ торжествующею улыбкой, даже отодвинулся со стуломъ, точно желая получше разсмотрѣть, какое впечатлѣніе произвела эта рѣчь на сына.

— Ушамъ своимъ, папенька, не вѣрю. Да развѣ одно богатство вело когда-нибудь къ путному?... Опять же, вы упомянули о дѣтяхъ. Согласенъ съ вами, не о богатствѣ для нихъ надо думать. Но вѣдь дѣти-же наслѣдуютъ имѣніе отцовъ. А взгляните, что́ вышло и что́ выходитъ изъ сынковъ нашихъ богачей? Развратники безъ воли и удержу, и больше ничего. Себялюбивые тупицы, словомъ, вреднѣйшій народъ. Да что! Наслѣдственное и благопріобрѣтенное богатство портитъ даже хорошихъ людей... И я полагаю, что вы нарочно, ради шутки, прибираете такія слова о достаткѣ... И что́ вамъ, говоря по совѣсти, нужно? Вы прежде любили садъ, держали птицъ и огородъ. Матушкинъ домикъ выкупили изъ долговъ, поправили его и отдѣлали. Жили пенсіономъ и всѣмъ, кажется, были довольны... А теперь?... Вѣдь это скупость въ васъ, извините, говоритъ,—зависть...

Въ глазахъ отца сверкнули горечь и обида.

— Ты упомянулъ о пенсіонѣ, сказалъ онъ, понизивъ голосъ: да знаешь ли, что я вонъ этому разсыльному больше жалованья плачу́, чѣмъ получаю пенсіона; а онъ еще у меня на готовой пищѣ и не обучалъ житейской мудрости столько юныхъ головъ, какъ твой покорнѣйшій слуга...

Сынъ помолчалъ. Разговорились о прошломъ.

— Что̀ это у васъ тамъ въ узелкѣ? песокъ изъ-подъ колесъ великаго критика?

Отецъ нагнулся къ тарелкѣ.

— Не песокъ, а образцы съ хлѣбомъ Петра Иваныча, отвѣтилъ онъ, слегка покраснѣвъ.

— Какого Петра Иваныча?

— Клочкова... Это мой компаньонъ. Вотъ человѣкъ... Мозги, братецъ мой, чисто организаторскіе. Создать что-либо, вдунуть во что̀ душу живу, — его дѣло. Ты его долженъ знать. Онъ здѣшній помѣщикъ и тоже изъ университета, гдѣ ты учился, — чуть ли даже съ тобой не однокурсникъ.

Что-то далекое, смутное, давно забытое отозвалось въ мысляхъ Антона Львовича. «Неужели? подумалъ онъ: нѣтъ, не можетъ быть... тотъ былъ сынъ служащаго, предсѣдателя военно-судной коммиссіи»...

— Сынъ здѣшняго помѣщика, Клочковъ! такого, кажется, не было, сказалъ Антонъ Львовичъ.

— Былъ, былъ... Теперь и я вспомнилъ... Онъ именно твой соученикъ и только не кончилъ университета; что-то съ третьяго, или даже чуть не со второго курса вышелъ. Унесла его иная, болѣе черствая, но за то и болѣе близкая человѣчеству практика жизни. Если хочешь, оно и правда: не всѣмъ же быть и учеными... Ну, словомъ, онъ дѣловой человѣкъ. И ему-то, надо признаться, я и обязанъ тѣмъ, что попалъ на настоящій путь. И какъ это все живо у насъ дѣлается, ты себѣ представить не можешь, — какъ по маслу... Вчера положилъ въ предпріятіе рубль, завтра берешь изъ него два, а не то и три...

— Клочковъ, здѣшняго помѣщика сынъ! повторялъ въ раздумьи Антонъ Львовичъ: право, такого, кажется, не было... Притомъ я держался своего, особаго кружка̀...

— Ну-да, ну-да! снисходительно согласился Левъ Саввичъ: ты въ университетѣ жилъ одной наукой, трудился надъ книгами. А Клочковъ былъ не изъ особенно-усердныхъ посѣтителей лекцій. Онъ и тогда ужъ, бѣдовая голова, чуть-ли торговлей не пробавлялся, хоть и генеральскій сынъ...

— Генеральскій сынъ? вскрикнулъ и чуть со стула не вскочилъ Антонъ Львовичъ, соображая, что по всѣмъ даннымъ онъ именно этого Клочкова нѣкогда спустилъ съ лѣстницы.

— Что же ты удивляешься? спросилъ Левъ Саввичъ: а хоть бы и генеральскій сынъ... Отецъ его умеръ, онъ увидалъ, какъ запущены дѣла, возвратился на родину и принялся за черную работу.

— Говорите, говорите, перебилъ сынъ, это очень любопытно...

— Да что же говорить? Клочковъ здѣсь, прямо надо сказать, душа всякаго дѣльнаго начинанія. Онъ общій совѣтчикъ, пособникъ и опекунъ. Кто у насъ устроилъ общество взаимнаго кредита? Онъ... Кто содѣйствовалъ къ открытію общества потребителей, товарныхъ складовъ, ссудо-сберегательныхъ кассъ приказчиковъ и чиновниковъ? Онъ же... Кому торговый и городской банки обязаны послѣдними перемѣнами директоровъ?... Все онъ и онъ. Въ деревнѣ у себя Клочковъ почти сѣрый землепашецъ; здѣсь же, въ городѣ, ораторъ, публицистъ, и банкиръ банкиромъ смотритъ: отлично обставленъ, отлично живетъ. Его городская квартира не вдалекѣ отъ нашего дома. И представь, повторяю, онъ съ хорошими средствами, но въ разъѣздахъ по дѣламъ, въ губерніи, какъ истый піонеръ, спитъ зачастую на голой доскѣ, ѣстъ, что судьба пошлетъ, день на ногахъ, ночь на почтовыхъ... Людей, говорятъ, нѣтъ... Вотъ, братецъ, люди; вотъ носители нашихъ будущихъ судебъ.

Слушая отца, Антонъ Львовичъ искоса на него посматривалъ и мыслилъ: «Такъ, такъ, тотъ самый Клочковъ. Изъ кутилы и уличнаго шаркуна наживателемъ денегъ сдѣлался. Что же, мудренаго нѣтъ ничего. Мотовство и кулачество сродни другъ другу. Но какъ съ нимъ сблизился отецъ? Тутъ произошло что-нибудь особенное. Или Клочковъ дѣйствительно сталъ замѣчательнымъ въ своемъ родѣ человѣкомъ, или онъ ловко надуваетъ отца. Кажется, придется у хозяевъ брать отсрочку и подолѣе здѣсь побыть. Надо лучше все это разузнать, а то какъ-бы старика не впутали тутъ въ такую бѣду, что послѣ и не поможешь»...

Обѣдъ кончился. Отецъ и сынъ съ папиросками вышли въ садъ.

Левъ Саввичъ, послѣ двухъ-трехъ незначительныхъ вопросовъ сыну, вскользь замѣтилъ:

— Разумѣется, я не сразу оборвалъ съ прошлымъ... Силъ не хватило; нѣкоторыя прежнія, дорогія симпатіи еще остались: вожусь иной разъ и съ цвѣтами, въ театръ хожу и отъ литературы не отстаю. Но за то все остальное время отдаю новому, дѣловому труду. Одна только бѣда, Антонушка, всѣ деньги я затратилъ на послѣднее дѣло, а именно — на устройство нашей конторы... Предложенія сыплются, — а извернуться, начать, понимаешь-ли, какъ слѣдуетъ, и нечѣмъ. И гдѣ взять денегъ для этого, ума не приложу.

— А вы вашему товарищу, папенька, такъ прямо и скажите,

что нѣтъ, молъ, денегъ. Онъ и отчалитъ. Другого товарища найдете; будете дѣйствовать тише, но вѣрнѣе. Что церемониться!

— Что ты, голубчикъ, помилуй... Самъ практикъ, самъ эту науку проходишь,—а говоришь такія вещи... Этого нельзя. Кредитъ потеряешь; да притомъ и соблазнительно.

— Ну, вы, папенька, вотъ какъ устройте, — такъ нашелся практическій сынъ: заложите кому-нибудь этотъ нашъ домикъ. Вотъ вамъ и деньги. Что его въ самомъ дѣлѣ жалѣть, коли выгодное дѣло сулитъ такіе барыши!

— Ужъ заложенъ, съ соболѣзнованіемъ отвѣтилъ отецъ.

— Такъ вы къ дому-то и всю усадебную землю кстати бы заложили, какъ садъ, такъ и огородъ.

— Заложено, братецъ ты мой, все, какъ есть, дворовое мѣсто...

— Такъ какъ же быть? спросилъ озадаченный сынъ.

— Э, какъ быть! въ этомъ-то вся теперь и сила. Ты дѣлецъ, много перевидѣлъ видовъ и людей; имѣешь и связи... Ты и рѣшай... Что? попался?.. Вотъ тебѣ и первая отъ меня жизненная проба... Такъ подумай же объ этомъ получше и выручи меня, какъ совѣтомъ, такъ и дѣломъ. О подробностяхъ переговоримъ послѣ...

— Куда же вы?

— Не засталъ давеча нужнаго человѣка, такъ опять надо къ нему. Предлагаютъ деньги въ ростъ — да условія тяжелы. Къ чаю непремѣнно буду обратно и тогда наговоримся.

— А отдохнуть послѣ обѣда, съ газетой? подремать по былому? Я новостей вамъ кучу навезъ... Востокъ шевелится и пробуждается къ новой жизни...

— Отъ души радъ тебя послушать. Только не до Востока мнѣ теперь. У насъ тутъ свой Востокъ... Каждый часъ дорогъ. Бѣлкино дупло еще не оснащено... Что? Все еще удивляешься? Не удивляйся, вѣкъ такой насталъ... Въ мурью, въ норку каждаго зоветъ желѣзная практика жизни. А вечеромъ, за чаемъ, изволь, отъ всей души перенесусь съ тобой въ царство идеаловъ... Ты, вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ, изъ такихъ любопытныхъ, сказочно-бойкихъ мѣстъ... оттуда, гдѣ солнца восходъ...

Старикъ и шутилъ, и былъ озабоченъ. Онъ отдалъ кое-какія приказанія Власьевнѣ, послалъ за извощикомъ, ласково махнулъ сыну рукой и опять уѣхалъ.

Къ вечернему чаю, однакоже, Левъ Саввичъ не возвратился, а пріѣхалъ уже далеко за полночь.

Не зажигая свѣчи, онъ на цыпочкахъ прошелъ прямо въ

спальню, тихо раздѣлся и легъ. Но сынъ съ вышки, въ ночной тишинѣ, слышалъ, какъ отецъ долго не могъ заснуть, какъ онъ тяжело поворачивался въ постелѣ, вздыхалъ и даже стоналъ. Заснулъ старикъ уже почти на разсвѣтѣ, когда въ огородахъ и садахъ смолкло дружное кваканье лягушекъ и стрекотня кузнечиковъ, а въ предмѣстьяхъ лай собакъ и оклики часовыхъ, и когда въ раскрытыя окна вышки, изъ-подъ качнувшейся занавѣски, дохнуло свѣжестью ранняго утра.

На другой день Левъ Саввичъ опять повеселѣлъ и чуть не до вечера съ сыномъ ѣздилъ по городу. Онъ показалъ ему биржу, нѣсколько банковъ, помѣщенія управы и новаго суда; кѣмъ-то открытую, въ новѣйшемъ вкусѣ, гостинницу, на порогѣ которой, впрочемъ, сидѣлъ и штопалъ нижнее платье совершенно растрепанный нумерной; а наконецъ и недавно учрежденную, при чьей-то книжной лавкѣ, читальню, гдѣ Антону Львовичу весьма красивая, хотя не очень вѣжливая и суровая дѣвица-конторщица, ворча, отобрала для прочтенія нѣкоторыя необходимыя ученыя книги, еще не проникавшія за Уралъ. Она недовольна была тѣмъ, что онъ отбиралъ книги, по ея мнѣнію, давно вышедшія изъ моды.

Левъ Саввичъ видимо уклонялся отъ продолженія съ сыномъ вчерашняго разговора.

— Кто у васъ, папенька, скажите, — какъ бы это выразиться? — дѣятели, или иначе, такъ-называемыя надежды общества? спросилъ, между прочимъ, Антонъ Львовичъ: кто наши вожаки, носители общественныхъ задачъ? Помните стихи поэта:

Народамъ милъ и дорогъ тотъ,
Кто спать ихъ мысли не даетъ?..

— Чтó за вопросъ? Я тебя не понимаю! сказалъ, глядя въ сторону, отецъ.

— Не услышу ли знакомыхъ именъ? продолжалъ сынъ: назовите здѣшнихъ вождей, порадуйте. Если это старые знакомые, я посѣтилъ бы кого-нибудь, поговорилъ бы по душѣ. Если же изъ новыхъ, я при случаѣ не отказался бы отъ знакомства съ ними... Вѣдь я уѣхалъ почти въ тѣ еще дни, —

Когда свободно рыскалъ звѣрь,
А человѣкъ бродилъ пугливо...

— Я уже тебѣ назвалъ одного, отвѣтилъ старикъ: за этого ручаюсь; истинно дѣловая голова...

— Но неужто въ обществѣ, въ земствѣ, въ учебномъ мірѣ — никого нѣтъ?

— Не помню что́-то...

— Вѣрить не хочется...

— Виноватъ, виноватъ; вспомнилъ Милунчикова — предсѣдателя одной изъ здѣшнихъ управъ... Такъ, такъ — совсѣмъ-было забылъ... Вотъ честный человѣкъ, и я случайно тебѣ его не назвалъ. Именно Милунчиковъ... Онъ на отличномъ счету у всѣхъ порядочныхъ людей. Только... не могу не прибавить—хвали сонъ, коли сбудется онъ...

— Что вы хотите этимъ сказать?

— А то, что у этого вождя и этого подвижника добра весьма мало средствъ для его подвиговъ... Улита ѣдетъ, да скоро ли будетъ?—У меня руки связаны; а ужъ у него и хуже того... Вѣришь ли, онъ весь въ долгахъ, какъ журавль въ тинѣ: носъ вытащитъ,—хвостъ завязитъ; хвостъ вытащитъ,—носъ завязитъ... Для подвиговъ въ наши дни, повторяю тебѣ, не однѣ дарованія и добрыя намѣренія нужны, а еще нѣчто другое...

— Папенька! не вытерпѣлъ наконецъ Антонъ Львовичъ: чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе дивлюсь я вамъ и недоумѣваю... Какой неожиданный случай обратилъ васъ, отшельника и мечтателя, въ слугу Мамона? Не вѣрится мнѣ, чтобы какой ни на есть дѣлецъ и практикъ, Клочковъ тамъ, или кто другой, ни съ того, ни съ сего, могъ произвести въ васъ такую рѣзкую, такую невѣроятную перемѣну. То ли вы говорили и проповѣдывали прежде?

— Ну, что́ же я, однако, проповѣдывалъ?

— Не вы ли приводили мнѣ совѣтъ Спасителя юношѣ-богачу: раздать все бѣднымъ и идти вслѣдъ за Учителемъ правды, равенства и добра?

— То былъ вѣкъ одинъ, теперь другой, — перебилъ отецъ: тогда вѣра горы двигала, нынче—деньги... Не рыбаки-апостолы теперь ведутъ человѣчество, а Лессепсы, да Стефенсоны; не проповѣдь на пустынной горѣ, а акціи съ вѣрными купонами... вотъ что́!..

Новое время — новыя птицы,
Новыя птицы — новыя пѣсни...

VI.

Держи носъ по вѣтру!

Находилъ иной разъ Левъ Саввичъ, будто случайно забытые сыномъ на его столѣ, рядомъ съ новѣйшимъ руководствомъ къ устройству промышленныхъ предпріятій, романы Диккенса и Бульвера, а возлѣ тайнъ по части биржевой игры и овцеводства — пѣсни Гейне, или трактатъ Дизраэли о геніѣ. Этихъ книгъ старикъ какъ-бы не замѣчалъ. Разъ Антонъ Львовичъ, въ послѣобѣденный отдыхъ, сталъ даже читать отцу отрывки изъ «Наля и Дамаянти» Жуковскаго. Отецъ вздыхалъ, кряхтѣлъ, чесалъ въ затылкѣ, съ видимымъ удовольствіемъ прохаживался по комнатѣ, даже вслухъ подхватывалъ нѣкоторые стихи, но вслѣдъ затѣмъ принимался за свое.

Однажды, за завтракомъ, въ бесѣдѣ съ сыномъ о прошломъ, о покойницѣ женѣ и о томъ, какъ бы она радовалась теперь на Антонушку, Левъ Саввичъ задумался и сказалъ:

— Какая досада! Не ѣдетъ Клочковъ. Я ему два письма писалъ... А какія дѣла подвертываются... Достань мнѣ, говорю тебѣ, десятокъ-другой тысячъ въ займы, у своихъ ли хозяевъ, или тамъ у кого самъ знаешь, и ты меня окончательно осчастливишь. Я разбогатѣю, понимаешь ли ты, разбогатѣю...

— Но какъ же вы разбогатѣете? Какой для того найденъ вами волшебный способъ?

— А вотъ, пріѣдетъ Клочковъ. Его спрашивай. Онъ тебѣ скажетъ. И самъ ты увидишь, какой это, поистинѣ, дѣловой человѣкъ.

— «Клочковъ! именно онъ! другому некому быть! Но что же наконецъ за сила здѣсь этотъ Клочковъ?» размышлялъ Ветлугинъ, возвращаясь въ тотъ же вечеръ съ прогулки по городу. По словамъ отца, онъ ожидалъ это новѣйшее свѣтило родной губерніи увидѣть въ городѣ, при случаѣ, не иначе, какъ въ блистательной обстановкѣ, напримѣръ, въ каретѣ съ гербами и даже, пожалуй, съ ливрейнымъ лакеемъ. Но каково же было его изумленіе, когда при немъ къ крыльцу квартиры Клочкова подъѣхала почтовая телѣжка, съ болтавшеюся на ней, въ старой фуражкѣ, запыленною и всклоченною головой спавшаго рядчика, и когда въ этомъ рядчикѣ онъ узналъ дѣйствительно того самаго студента-товарища, изъ-за стычки съ которымъ онъ вынесъ когда-то столько непріятностей?

Ветлугинъ смѣшался и хотѣлъ пройти мимо. Но разбуженный ямщикомъ Клочковъ стряхнулъ съ себя ворохъ сѣна и пыли, спрыгнулъ съ телѣжки, оправился, протеръ заспанные, сѣрые глаза, взглянулъ на Ветлугина и вскрикнулъ: — Антонъ Львовичъ, камрадъ! Да куда же вы? Не пущу... И не думайте мимо... Сейчасъ же сюда, вотъ на эту ступеньку.

Съ такими дружескими восклицаніями Клочковъ обнялъ Ветлугина, нѣкоторое время, держа его за руку, внимательно и ласково смотрѣлъ ему въ лицо и потащилъ его по лѣстницѣ, вслѣдствіе чего озадаченный этимъ радушіемъ Антонъ Львовичъ чуть не упалъ.

— Подарокъ, истинный подарокъ! хлопалъ въ ладоши, поднимаясь по лѣстницѣ, Петръ Ивановичъ: Иванъ Кузьмичъ, Романъ Кузьмичъ, дяденьки! мыться, бриться! Это мои слуги — мальчики, сыновья повара... Я подростковъ, камрадъ, держу; вѣрнѣе и безопаснѣе — взыщешь, къ мировому не такъ скоро угодишь.

Привыкшіе къ шуткамъ барина, слуги-мальчики распахнули двери и, хихикая подъ носъ, заметались по комнатамъ. Клочковъ ввелъ гостя въ кабинетъ, еще разъ пожалъ ему руку, усадилъ на диванъ и предложилъ сигару. И когда Ветлугинъ, вспоминая прошлое, сталъ было что-то говорить въ свое оправданіе, Клочковъ перебилъ его словами: — Стыдно, милѣйшій, стыдно такъ забывать старыхъ товарищей; хоть бы строку когда-нибудь, этакій вы заяцъ-Иванычъ, перебросили... О быломъ же ни слова! Я его не помню, и васъ прошу забыть. Мы повздорили на политической экономіи. Теперь, другъ вы мой, иная экономія у насъ на умѣ, — не политическая, а житейская... И потому будемъ опять друзьями.

Клочковъ протянулъ Ветлугину загорѣлую, жесткую руку, которую тотъ искренно пожалъ.

Было принесено умыванье. Съ головы и съ обнаженной шеи Петра Иваныча побѣжали черные потоки. Одного рукомойника оказалось мало. Краснощекій и въ веснушкахъ Иванъ Кузьмичъ, прыская со смѣху, принесъ другой. Остриженный до невозможности коротко, съ лицомъ испуганнаго цыпленка, Романъ Кузьмичъ, силясь, притащилъ третій. «Гопъ, гопъ, карапузики! лейте, лейте! Какова пыль! бормоталъ, плескаясь, Клочковъ: тутъ всякая, дяденька, всякая — полевая, городская и по крайней мѣрѣ съ пяти деревенскихъ базаровъ!»

Умывшись и побрившись, Клочковъ вышелъ гораздо моложе чѣмъ былъ съ дороги. У него оказалось весьма пріятное, подвижное лицо, носъ луковичкой, ласковые, наигранные глазки, длин-

ная пушистая борода, мягкая поступь и безпрестанно улыбавшійся ротъ. Онъ старательно, англійскимъ проборомъ расчесалъ чисто вымытую макушку головы и плотный, загорѣлый затылокъ; надѣлъ свѣжую, тонкую рубашку; подъ воротничками повязалъ степенный, темный галстукъ; облекся въ щегольской сюртучокъ и досталъ изъ картонки черную городскую шляпу, а изъ комода пару новыхъ перчатокъ.

— Знаете ли вы лучшую и геніальнѣйшую изъ современныхъ народныхъ пословицъ?—спросилъ Клочковъ.

— Какую?

— Держи носъ по вѣтру, и все пойдетъ какъ по маслу...

— Но развѣ это народная пословица? улыбнулся Ветлугинъ.

— Если еще не народная, то станетъ ею. Въ ней вся мудрость міра... Вотъ хоть бы я... университету я предпочелъ базаръ житейской суеты, сталъ ремесломъ янки, и не раскаеваюсь. Да и какъ раскаеваться!

Съ этими словами Клочковъ потребовалъ чаю, усадилъ гостя къ столу и воркующимъ, нѣжнымъ голосомъ сталъ ему объяснять нѣсколько такихъ величавыхъ, чужихъ и собственныхъ, торговыхъ предпріятій, что у Ветлугина даже голова закружилась. При этомъ Петръ Иванычъ такъ и сыпалъ, не то что десятками, а сотнями тысячъ рублей; клялся, протягивая объ закладъ свою руку, что мертвечина и фельетонный щелкопёръ онъ будетъ, если самъ не сочтетъ у себя въ карманѣ, да притомъ не далѣе, какъ черезъ пять-шесть лѣтъ, если не полмилліона, то ужъ никакъ не менѣе двухсотъ-трехсотъ тысячъ чистоганомъ...

— И старой курочкѣ дадимъ носъ помочить въ золотой водицѣ!.. ласково подмигнувъ, присмакнулъ гостю Клочковъ.

— Какой курочкѣ? удивился Ветлугинъ, которому это увлеченіе и этотъ задоръ самодовольнаго сластуна становились весьма приторны и гадки.

— Ахъ, извините—я вѣдь всегда на распашку... папа́хену вашему, папа́хену!—хлопая ладонью по ладонѣ Ветлугина, сказалъ Клочковъ: просвѣтителю-то здѣшнему. Вы, какъ практикъ, меня оцѣните. Я первый надоумилъ этого невиннаго воробышка взяться за настоящее дѣло. Безъ меня онъ, простота, такъ и заглохъ бы въ эмпиреяхъ, на эстетической размазнѣ... Теперь же, повторяю, и ему удастся вкусить отъ благоуханныхъ земныхъ брашенъ. Что́ ни толкуйте, а всякому пожить хочется, потому что тамъ, на небѣ, будетъ ли еще хорошо, — философы не рѣшили, вонъ что Гартманнъ говоритъ! — за то здѣсь, на землѣ, мы поживемъ въ волюшку...

— Меня удивляютъ ваши слова, сказалъ Ветлугинъ.

— Въ чемъ?

— Вы говорите о моемъ отцѣ, но кажется, вы забываете о его лѣтахъ.

— О лѣтахъ? Но вашъ отецъ семерыхъ молодыхъ заткнетъ за поясъ. А чтобы достигнуть дѣла, задуманнаго нами, такъ онъ способенъ, кажется, выполнить всѣ двѣнадцать подвиговъ Геркулеса... Онъ еще не вполнѣ усвоилъ себѣ великую пословицу—«держи носъ по вѣтру»—но уже начинаетъ ее понимать... Пойдемте же, милѣйшій, къ нему... потолкуемъ съ нимъ. А какъ стемнѣетъ, поѣдемъ въ клубъ. Я вамъ покажу, если хотите, здѣшнихъ губернскихъ тузовъ. По правдѣ сказать,—порядочные сурки... Только объѣдаются, да въ карты играютъ. Никакой предпріимчивости... Если же и склонишь ихъ на какое дѣло, то прежде хуже всякаго телёнка вываляешься въ грязи.

— Вотъ онъ, вотъ нашъ многострадальный Васко-ди-Гама отъ границъ Монголіи явился! восклицалъ Клочковъ, завидя изъ калитки Льва Саввича: и ужъ какъ я ему обрадовался... Подъѣхалъ, гляжу съ просонковъ—онъ самый и есть...

Левъ Саввичъ земли подъ собой не чувствовалъ при видѣ своего компаньона. Онъ безъ шляпы сбѣжалъ съ крыльца, привѣтствуя его и спрашивая:

— Что́? познакомились? познакомились? узналъ чай, Антонушка, и пословицу—держи носъ... ха-ха! узналъ?

Антонъ Львовичъ, однако же, не смѣялся. Онъ былъ снова и еще болѣе смущенъ при видѣ того, съ какою небрежностью коренастый и юркій Клочковъ обнялъ бренный, шатавшійся станъ Льва Саввича, и какъ, подхвативъ старика подъ руку, потащилъ его обратно къ крыльцу. Антонъ Львовичъ невольно припомнилъ при этомъ видѣнную имъ, въ первый день пріѣзда къ отцу, на вышкѣ, сѣрую кошку, съ добродушнымъ воробьемъ въ зубахъ.

Послѣ общей бесѣды въ кабинетѣ о деревенскихъ и городскихъ новостяхъ, о торговлѣ и о хозяйствѣ, причемъ Клочковъ такъ и сыпалъ изысканными выраженіями привычнаго, хотя гдѣ нужно сдержаннаго и вѣжливаго говоруна,—Левъ Саввичъ, нагнувшись къ сыну, шепнулъ: «Ну, что, Антонушка, видишь теперь, какіе люди у насъ родятся? Вотъ мой совѣтникъ и сотрудникъ... Люби его и цѣни!»—Вслухъ онъ прибавилъ: «Теперь мы съ Петромъ Иванычемъ въ нѣкоторомъ родѣ Орестъ и Пиладъ. Не такъ ли, достойнѣйшій?»

Петръ Ивановичъ, какъ оказалось, не былъ охотникъ до сер-

дечныхъ изліяній. Онъ неопредѣленно повелъ въ сторону сѣрыми, слегка улыбающимися глазами, промычалъ какую-то любезность, всталъ и, приторно-ласково извиняясь передъ Антономъ Львовичемъ, что оставитъ его на минуту одного, пригласилъ Льва Саввича на пару нужныхъ словъ въ сосѣднюю комнату. Разговоръ, очевидно, былъ дѣловой и секретный, такъ какъ даже и за порогомъ Клочковъ, для предосторожности, шепталъ Льву Саввичу на ухо, хотя, кромѣ ихъ двухъ, въ сосѣдней комнатѣ не было ни души. О чемъ они говорили—осталось неизвѣстнымъ. Но Антону Львовичу Клочковъ становился болѣе и болѣе подозрительнымъ.

Послѣдствіемъ этой таинственной бесѣды была въ ту же ночь новая безсонница Льва Саввича.

Антону Львовичу также не спалось. Онъ дочиталъ газету и только-что погасилъ лампу, какъ снизу по лѣстницѣ послышались шаги. На порогѣ вышки, съ книгой въ одной рукѣ и со свѣчей въ другой, въ очкахъ на лбу, показался Левъ Саввичъ.

— Ты не спишь, Антонушка? тихо спросилъ онъ.

— Не сплю. Чтó съ вами, папенька?

— Ничего. Не спится и мнѣ что-то; видно, отъ духоты. Наступаютъ жаркіе дни. Такъ пришелъ съ тобою отъ скуки потолковать. Я сяду...

— Вотъ и отлично, потолкуемъ. Садитесь, папенька.

Антонъ Львовичъ придвинулъ отцу стулъ.

— Скажи мнѣ, Антонушка, по правдѣ: ты еще не торопишься ѣхать отсюда?

— Не тороплюсь. Если нужно, я ужъ вамъ далъ слово у васъ погостить нѣсколько долѣе.

— Ну, такъ вотъ что... Впрочемъ, нѣтъ, позволь... Скажи мнѣ еще одно слово... Ты не связанъ этакъ особымъ ничѣмъ?

— То-есть, какъ не связанъ?

— Ну, понимаешь; въ жизни бываютъ разнаго рода обстоятельства. Иной разъ и не думаешь, а случится.

— Все-таки я васъ, папенька, не понимаю...

— Ну, хорошо... Выражусь яснѣе... Скажи мнѣ совершенно откровенно: ты, напримѣръ, не влюбленъ?.. Или нѣтъ, все еще не такъ: ты не думаешь жениться?

— Я свободенъ, отвѣтилъ Антонъ Львовичъ: совершенно свободенъ и не собираюсь жениться. Женитьба — роскошь для трудового человѣка, — даже не роскошь, а все, если жена станетъ помогать мужу идти далѣе въ его трудахъ, чѣмъ онъ

могъ бы безъ нея пойти одинъ... Такой подруги я еще не нашелъ, да врядъ ли и найду такую. И потому я пока вѣренъ старымъ идеаламъ: до сихъ поръ влюбленъ... въ Кларису Гарло... Помните, какъ я, украдкой отъ васъ, прочелъ этотъ романъ и потерялъ-было отъ него голову?..

— Помню, помню...

— Женщины въ книгахъ только хороши, сказалъ Антонъ Львовичъ: въ жизни отъ нихъ лучше быть подалѣе.

— Разумѣется, ты воленъ въ своихъ дѣлахъ, сказалъ отецъ: хоть всякому родителю пріятно было бы видѣть сына въ счастливой парѣ и няньчить внучатъ... И тутъ въ городѣ есть отличныя невѣсты. Ну, да дѣло пока не въ томъ... Скажи,—что̀ это у тебя за рукопись?

Левъ Саввичъ указалъ на столъ.

— Такъ, замѣтки, — кое-какія выписки изъ книгъ, которыя я добылъ въ здѣшней библіотекѣ.

— Зачѣмъ тебѣ онѣ?

— Пользуюсь случаемъ прочесть болѣе любопытныя изъ новинокъ, пока опять не уѣхалъ за Уралъ.

— А не лучше ли тебѣ и совсѣмъ туда не ѣхать?

— То-есть, какъ не ѣхать?

— Зачѣмъ тебѣ Азія и твои купцы, когда на родинѣ ты также можешь съ пользой трудиться?

— Объ этомъ я подумаю и, если будутъ подходящія занятія, отчего же и не остаться здѣсь? Только тамъ ужъ у меня все налажено и въ будущемъ предстоитъ столько утѣшительнаго и выгоднаго труда.

— Ну, хорошо, оставимъ и это пока нерѣшеннымъ. А теперь займемся другимъ, моимъ собственнымъ дѣломъ. Буду говорить откровенно. Мнѣ нужна помощь... Ты у меня находчивъ, даровитъ, и отцу пособить, — не правда ли?—съумѣешь... Такъ слушай же... Я по тебѣ сильно соскучился, и это было главной причиной, что я хотѣлъ тебя видѣть... Втайнѣ же я думалъ: не пойдешь ли и ты въ долю со мной?.. Постой, постой! не горячись... Это, я уже тебѣ сказалъ, надо теперь отложить въ сторону. Я вижу самъ, что ты еще пока безъ особыхъ денежныхъ средствъ. Такъ вотъ что...

Левъ Саввичъ смолкъ. Дыханіе его спиралось въ груди. Онъ переставилъ свѣчку съ окна, у котораго они сидѣли, на столъ, и растворилъ окно.

— Мы сегодня придумали, началъ онъ съ разстановкой: то-есть Петръ Ивановичъ это придумалъ... Ты получишь подорожную

и маршрутъ... И такъ какъ отъ твоихъ хозяевъ, вопреки моему ожиданію, тебѣ еще трудно надѣяться на ссуду денегъ, то ты безъ замедленія... прошу тебя... поѣзжай... хоть завтра или послѣзавтра... Видишь-ли, я просилъ взаймы денегъ и звалъ въ долю тутъ еще одного господина, Вечерѣева... Поѣзжай къ нему... Что́? удивился такому скорому рѣшенію?

— Къ Вечерѣеву? Какой же это Вечерѣевъ? спросилъ Антонъ Львовичъ.

— Помѣщикъ здѣшній, родственникъ того Милунчикова, о которомъ я тебѣ, помнишь, говорилъ. Я Вечерѣеву писалъ нѣсколько писемъ, но онъ на одно отвѣтилъ, да вдругъ и замолчалъ.

— Но какъ же я, не будучи знакомъ съ этимъ Вечерѣевымъ, обращусь къ нему съ такимъ порученіемъ? Отчего этого не сдѣлать вамъ самимъ, или хоть бы тому же Клочкову?

— Тутъ есть нѣкоторыя обстоятельства. Ихъ тебѣ объяснитъ Клочковъ. Я же прошу тебя пока объ одномъ: не говорить Вечерѣеву, что я въ долѣ съ Клочковымъ. Объ этомъ тебя проситъ и Петръ Иванычъ... Видишь ли какое собственно дѣло... Вечерѣевъ недавно продалъ своему сосѣду, Талищеву, лѣсъ и теперь, какъ говорятъ, при значительныхъ деньгахъ. Все равно, отдастъ ихъ на проценты другому. Такъ, понимаешь ли... Какъ бы тебѣ это сказать?.. Впрочемъ, погоди... Начну нѣсколько издалека.

Антонъ Львовичъ приготовился слушать.

— Я у Вечерѣева училъ, лѣтъ восемь назадъ, его единственнаго, теперь уже покойнаго, сына,—готовилъ его здѣсь къ поступленію въ гимназію, и тогда жилъ цѣлое лѣто у него и въ деревнѣ. Ты въ тѣ поры былъ уже далеко и, разумѣется, этого знать не могъ. Старикъ меня полюбилъ и часто потомъ навѣщалъ; даже не разъ останавливался у меня, увѣряя, что у насъ много общаго. Ѣхать къ нему мнѣ бы не хотѣлось. Во-первыхъ — старъ, а во-вторыхъ, и контора теперь на рукахъ. Онъ, разумѣется,—напомни я ему новымъ, болѣе толковымъ и откровеннымъ письмомъ,—вѣроятно, не откажетъ въ моей просьбѣ... Но чрезъ тебя это, понимаешь-ли? какъ-то будетъ и вѣжливѣе, да и вѣрнѣе... Откровенность на бумагѣ, притомъ еще по случаю займа денегъ, выйдетъ невольно чѣмъ-то въ родѣ напоминанія о прошлыхъ заслугахъ. Да я, по правдѣ, и не съумѣлъ бы написать новаго въ этомъ же родѣ письма. Онъ же, наконецъ, о тебѣ знаетъ, слышалъ какъ о твоихъ литературныхъ трудахъ, такъ и о ссылкѣ, а наконецъ, и о твоихъ торговыхъ подвигахъ за Ураломъ... Даже, представь себѣ, присылалъ мнѣ

вырѣзки изъ газетъ, гдѣ упоминалось твое имя... Человѣкъ онъ достойнѣйшій, съ сердцемъ, и въ окончательной помощи мнѣ, при твоемъ посредствѣ, не откажетъ. А не то вступитъ и въ долю со мной... Все дѣло, понимаешь-ли, въ томъ, чтобъ напомнить и поддержать разъ уже высказанное имъ согласіе...

— Но, еще разъ, папенька,—нетерпѣливо перебилъ Антонъ Львовичъ: скажите мнѣ, для чего вамъ эти спекуляціи, желаніе обогащенія? Я рѣшительно этого не понимаю... Вы жили мирно, безъ хлопотъ; а теперь, на старости лѣтъ, пускаетесь въ рисковыя предпріятія...

— А! такъ ты спрашиваешь опять? Ну, слушай же, рѣзко сказалъ Левъ Саввичъ.

Но тутъ же, будто застыдясь своей досады и рѣшимости, онъ отвернулся въ сторону и, точно въ таинственное будущее, пристально сталъ смотрѣть въ темное раскрытое окно, откуда то-и-дѣло на блескъ свѣчи налетали жучки и бабочки и доносились неясные звуки ночного гула, стоявшаго надъ городомъ.

— Ни о чемъ-то я, простота, началъ опять Левъ Саввичъ: ни о чемъ, повторяю тебѣ, не мечталъ, живя здѣсь столько лѣтъ и, какъ старая, слѣпая сова, сидя вонъ тамъ, за воротами. Улица наша, между тѣмъ, стала въ послѣднее время застраиваться. Знакомые и сосѣди начали втягиваться въ обороты, богатѣть... Но никому я, клянусь тебѣ, не завидовалъ! Только случилось... и вовѣки я этого не забуду!.. Случилось, Антонушка... Какъ бы тебѣ это получше разсказать?.. Зашелъ я разъ, по близости, въ переулкѣ въ новооткрытую здѣшнюю мѣщанскую школу, и увидѣлъ тамъ, въ рубищахъ и босикомъ, толпу посинѣвшихъ отъ холода дѣтей, а среди нихъ оборваннаго, грубаго и пьянаго учителя изъ отставныхъ солдатъ... Боже мой! то былъ не учитель, а жалкій нищій. Кое-какъ онъ вязалъ глупыя слова, и не вѣрилось, чтобы кто-нибудь у него учился. Но холодная, тѣсная и закоптѣлая школа была биткомъ набита. Ну, что́, подумалъ я: коли бы этой толпѣ ребятишекъ да свѣтлую, обширную храмину, дѣльнаго, обезпеченнаго учителя и толковыя книги? Сколько хорошихъ людей вышло бы изъ народа? Однако же, гдѣ взять на все на это денегъ? гдѣ взять?..

Левъ Саввичъ помолчалъ.

— Былъ я уже тогда въ отставкѣ, слѣдовательно безъ занятій. Подумалъ я, погадалъ, да и пошелъ, другъ ты мой, съ съ подписнымъ листомъ по чиновному дворянству, а тамъ и по зажиточнымъ купцамъ. И истомили, осмѣяли меня эти господа порядкомъ; и ничего-то я по тому листу не собралъ. Нѣтъ,

вру,—собралъ я три рубля, да чьихъ-то два истертыхъ пятиалтынныхъ... А будь свои деньги, Боже ты мой! сейчасъ-бы, кажется, бросилъ на это не одну тысячу... Да нѣту ихъ, милые вы мои, нѣту! думалъ я... Такъ-то... Богатому житье, а бѣдному вытье... И шевельнулась у меня тогда, Антонушка, впервое,—сознаюсь тебѣ,—зависть къ богачамъ... А тутъ ударилъ неурожайный годъ... Ты помнишь его. Самъ ты собиралъ тогда и присылалъ въ здѣшній комитетъ изъ Сибири гроши. И спозналъ я, въ тѣ поры, въ конецъ все свое житейское, жалкое ничтожество. Червь червякомъ, безформенный слизнякъ, послѣдняя въ лѣстницѣ созданій—животная личинка... На глазахъ моихъ выходили новыя книги. Купилъ бы ихъ для себя и для школы; но изъ пенсіи не хватало. Слышу, между тѣмъ, другіе успѣшно обдѣлываютъ свои дѣла. И вездѣ-то деньги, и вездѣ эта роковая сила; и все-то она ломитъ и, какъ нѣкогда римскій тріумфаторъ, празднуетъ тысячи побѣдъ... Сказано въ пословицѣ: у богатаго и чортъ дѣтей качаетъ. А я, какъ то чучело, что́ у меня же въ ту пору стояло надъ грядками, сижу безъ дѣла, да грѣюсь на солнышкѣ, да вывожу павлиновъ и кроликовъ. И опротивѣлъ мнѣ, Антонушка, нашъ домъ, опротивѣла моя старость и праздность, мои птицы, цвѣты и эта улица. Много тяжелыхъ часовъ провелъ я съ тѣхъ поръ въ этой конурѣ: меня томила моя безпомощность и непригодность... И вдругъ подоспѣло это наше наслѣдство... Извѣщенный о немъ, я ходилъ, какъ шальной. И тутъ-то, въ новооткрытой нашей читальнѣ, я столкнулся съ Клочковымъ... Сошелся я съ нимъ почти невзначай. Я читалъ газету. Онъ съ кѣмъ-то спорилъ о политикѣ. Заговорилъ онъ и со мной, сперва объ Англіи, потомъ о Россіи. Да такъ-то все это вѣжливо, толково и умно. Наконецъ, рѣчь зашла о торговыхъ оборотахъ. Вопросъ этотъ живо меня занималъ. Я нѣсколько дней передъ тѣмъ все обдумывалъ, что́ предпринять съ нашимъ наслѣдственнымъ участкомъ? Онъ и посовѣтовалъ его продать. Да и какъ было поступить иначе? Посмотрѣлъ я на себя: руки, ноги и голова еще крѣпки, поработать могутъ. А тутъ Клочковъ сталъ предлагать такія прибыльныя дѣла... Я и подумалъ: да неужто-же честь и нажива, апостольство правды и богатство не могутъ нынче ужиться вмѣстѣ?..

Левъ Саввичъ замолчалъ. Антонъ Львовичъ вздохнулъ.

Тихая весенняя ночь ласково съ надворья глядѣла въ раскрытое окно вышки, обдавая собесѣдниковъ прохладой и запахомъ цвѣтовъ. Трескотня кузнечиковъ въ окрестныхъ садахъ затихла. Звенѣлъ въ комнатѣ, у двери на лѣстницу, одинъ только

сверчокъ. Левъ Саввичъ скажетъ слово, и сверчокъ откликнется. Левъ Савичъ перестанетъ говорить, и онъ замолчитъ, точно слушаетъ въ тишинѣ,—чтó же будетъ, наконецъ, далѣе?

— Ну такъ вотъ, продолжалъ Левъ Саввичъ: я и сошелся съ Клочковымъ. Онъ, какъ другъ, какъ братъ, вникъ въ мое положеніе, оцѣнилъ мои обстоятельства и намѣренія и сталъ меня надѣлять совѣтами. И чтó это были за совѣты! Вѣришь ли? То былъ не человѣкъ, а магъ... Съ его одобренія я, для опыта, предпринялъ одно дѣло и сразу, однимъ, такъ сказать, махомъ, положилъ въ карманъ такой кушъ, что если бы не самъ считалъ заработанныя деньги, подумалъ бы, что это во снѣ. Кто устоялъ бы передъ такимъ соблазномъ? кто? Переходя отъ одного дѣла къ другому, мы наконецъ затѣяли и почти, какъ ты видишь, устроили контору агентства... Только съ моей стороны не хватаетъ достаточно денегъ для вклада въ это дѣло. Ну, вотъ ты и достань... Посуди самъ... Или намъ вѣкъ съ тобой такъ и оставаться бѣдняками? И неужели честно и умно задуманное дѣло никогда не обратитъ этого домишка въ храмину силы, для подвиговъ правды и добра?

— Смотря, какъ посчастливится.

— А голова, а честныя убѣжденія зачѣмъ? Нѣтъ, Антонушка, станемъ работать. Къ нашему агентству, не теперь, такъ потомъ, примкнешь и ты... И счастливая затѣя принесетъ желанный плодъ...

— Такъ какъ же, Антонушка, спросилъ, перегодя, отецъ.

Сынъ медлилъ съ отвѣтомъ. Сердце его тревожно билось.— «Бѣдный, бѣдный, думалъ онъ: увлекли его, запутаютъ... какъ быть?»—За рѣкой начинало бѣлѣть. Антонъ Львовичъ прошелся по комнатѣ, остановился у окна, выпрямился, нѣсколько мгновеній, впившись глазами въ загоравшій востокъ, помолчалъ и обратился къ отцу.

— Пожалуй, въ раздумьи отвѣтилъ онъ: только смотрите,— съ однимъ условіемъ... Я готовъ разъяснить это дѣло и такъ или иначе устроить вамъ помощь со стороны Вечерѣева... Но вы позвольте мнѣ прежде взглянуть на ваши счеты съ Клочковымъ...

— Это зачѣмъ?

— Да такъ ужъ нужно. И предупреждаю васъ,—если я въ этихъ счетахъ найду хоть что-либо неправильное, или подозрительное, не прогнѣвайтесь,—вы должны себѣ искать другого компаньона...

Старикъ задумался, но тутъ же улыбнулся и отвѣтилъ:—О,

будь спокоенъ; я за Клочкова не боюсь... И завтра же тебѣ вручу всѣ наши конторскія книги.

Антонъ Львовичъ засѣлъ за провѣрку счетовъ отца съ Клочковымъ и работалъ надъ ними нѣсколько дней. Онъ даже съѣздилъ для сличенія цѣнъ въ другія конторы, лавки и складочные дворы. Пока онъ сидѣлъ за этой работой, Левъ Саввичъ на цыпочкахъ ходилъ мимо его комнаты и даже не заглядывалъ къ нему. Какъ книги, такъ и прочіе къ нимъ документы, оказались впрочемъ въ исправности. Ветлугинъ, скрѣпя сердце, сказалъ объ этомъ отцу.

— Ну, вотъ, ну, вотъ,—обрадовался старикъ: я же тебѣ говорилъ... Стало быть, ты ѣдешь?

— Обѣщалъ, дѣлать нечего.

— Когда же?

— Вотъ, снесусь съ хозяевами, и къ вашимъ услугамъ.

Ветлугинъ далъ отцу слово ѣхать къ Вечерѣеву, а самъ разсуждалъ:—«Книги въ порядкѣ, это правда, хоть не настолько, разумѣется, простъ Клочковъ, чтобъ не принять съ этой стороны должныхъ мѣръ. Домъ заложенъ; въ остальномъ же отецъ и Клочковъ почти квиты. Но нѣтъ! здѣсь кроется что-то недоброе, я въ томъ убѣжденъ. А что́? не могу пока угадать. Клочковъ, по всей вѣроятности, затѣялъ это агентство на чужое имя, для того, чтобы въ немъ изъ-за угла играть роль властелина-кота, а прочему человѣчеству оставить долю готовыхъ ему на потребу мышей. Не даромъ же у этого сластуна такія широкія надежды на скорую наживу. Какъ бросить въ такомъ положеніи отца? Весь этотъ его торговый, дѣловой задоръ, несмотря на его краснорѣчіе, очевидно—мыльный пузырь, невинная, хоть и искренняя затѣя сбитаго съ толку мечтателя... Онъ на старости лѣтъ нежданно увидѣлъ въ рукахъ значительную сумму денегъ и вздумалъ увеличить ее оборотами. Нашелся, разумѣется, и благовидный предлогъ—школа для бѣдныхъ... Задалъ бы ему эту школу Клочковъ, еслибы я во́-время не подъѣхалъ! Нѣтъ, немедленно пошлю хозяевамъ депешу и поѣду къ Вечерѣеву...»

Въ тотъ же день Ветлугинъ телеграфировалъ хозяевамъ объ отсрочкѣ его пребыванія у отца, а самъ, въ ожиданіи отвѣта, сталъ читать добытаго въ библіотекѣ Спенсера и бродить по городу.

— «Нѣтъ сомнѣнія, Вечерѣевъ многое мнѣ поможетъ объяснить, разсуждалъ Ветлугинъ: онъ любитъ отца, давно съ нимъ знакомъ

и даже дружень, да и меня, какъ видно, знаетъ по слухамъ. Клочковъ обрисовалъ его не очень красиво. Но отчего онъ юлитъ и желаетъ скрыть передъ Вечерѣевымъ свое участіе въ дѣлахъ отца? И Вечерѣевъ тоже отвѣтилъ на одно изъ писемъ отца, да вдругъ и замолчалъ... Ѣду—только ужъ, разумѣется, не для поддержки ребяческой затѣи отца... Иное надо устроить, пока я въ этихъ мѣстахъ... Если Вечерѣевъ дѣйствительно, какъ говоритъ отецъ, человѣкъ съ сердцемъ, я ему все объясню и при его пособіи поступлю такимъ образомъ: отцовскій пай въ агентствѣ сбуду кому-нибудь иному, договоръ Клочкова съ отцомъ постараюсь, во что-бы то ни стало, разрушить, а Вечерѣеву, за его ссуду для уплаты отцовскихъ долговъ, предложу въ залогъ этотъ самый дворъ и домъ, который теперь подъ залогомъ въ другихъ рукахъ. При такомъ условіи не совѣстно будетъ принять помощь отъ кого угодно. Современемъ эту закладную мы выкупимъ. И все у отца пойдетъ по старому, если только онъ былъ со мной откровененъ и если, кромѣ обязательства по закладной, нѣтъ у него болѣе долговъ».

VII.

Ормуздъ и Ариманъ.

Отвѣтъ отъ хозяевъ былъ полученъ, и Ветлугинъ зашелъ къ Клочкову сообщить ему, что завтра ѣдетъ. Ему хотѣлось также ближе ознакомиться съ подробностями о дорогѣ къ Вечерѣеву. Бесѣдуя, они вышли прогуляться и завернули на почту, гдѣ Клочкову нужно было справиться, нѣтъ ли на его имя писемъ? Это случилось въ концѣ присутствія. Пріемная была почти пуста. Они справились и сѣли отдохнуть.

— Времена плохія, ой, какія плохія!—вкрадчивымъ, въ душу лившимся голосомъ продолжалъ начатую рѣчь Клочковъ: вотъ хоть бы я, предсѣдатель коммиссіи пользъ и нуждъ нашего уѣзда. Но если бы вы знали, другъ сердечный... что́ за ученія начинаютъ всплывать въ здѣшнемъ обществѣ. Охранительныя силы гибнутъ... Поднимаютъ голову самыя разрушительныя... Дисциплина повсюду ослабѣла...

«И этотъ о дисциплинѣ плачется!» помыслилъ Ветлугинъ: «благо бы въ арміи служилъ, какъ Талицевъ; тому еще простительно... А этотъ»?...

— Молодежь подъ вліяніемъ опаснѣйшихъ проходимцевъ,

продолжалъ Клочковъ: да и что́ вы сдѣлаете, коли общая распущенность окружаетъ молодое поколѣніе? Что́ оно видитъ въ свѣтѣ? Какихъ проповѣдниковъ слышитъ?

Клочковъ замолчалъ. Съ улицы послышался негромкій звонъ колокольчиковъ и бубенцовъ и стукъ подъѣхавшаго тарантаса.

Клочковъ взглянулъ въ окно.

— Да вотъ вамъ, кстати, одинъ изъ здѣшнихъ новѣйшихъ проповѣдниковъ, сказалъ онъ, отворачиваясь отъ окна.

— Кто такой?

— Милунчиковъ.

«А! отецъ его хвалилъ!» подумалъ Ветлугинъ: «онъ родственникъ Вечерѣева—отъ него кстати тоже можно кое-что узнать».

— Не слыхали? продолжалъ Клочковъ: явленіе любопытное. Вѣроятно за письмами да за газетами заѣхалъ. Ихъ два брата. Одинъ еще въ университетѣ, въ медики готовится—уроками живетъ. А этотъ—такъ мое почтеніе... Напичкался дрянными книжонками... Имѣніе на волоскѣ отъ продажи за долги, а его, этакого-то санкюлота и головорѣза, выбрали — куда бы вы думали?—въ предсѣдатели земской управы, въ хозяева, такъ сказать, цѣлаго уѣзда... Ну гдѣ, я васъ спрашиваю, ручательства въ спокойствіи общества? Гдѣ охрана собственности? Впрочемъ, мы съ нимъ родня и даже, если хотите, пріятели, — добавилъ Клочковъ: и я васъ могу съ нимъ познакомить...

Въ комнату вошелъ и обратился къ дежурному чиновнику высокій, нервическій, съ исхудалымъ добродушнымъ лицомъ и сильно близорукій господинъ. Длинныя, тощія руки его болтались, какъ-бы не находя себѣ мѣста. Походка его была порывистая и вмѣстѣ надменная. Черная клинообразная бородка его плохо росла. Онъ былъ на видъ лѣтъ тридцати двухъ-трехъ и съ перваго же раза внушалъ къ себѣ сочувствіе. Особенно привлекали его кроткіе, синіе и какъ-то странно, изъ-подъ густыхъ темныхъ бровей, то лаской, то строгимъ вниманіемъ, то какъ-бы испугомъ и жалостью блиставшіе глаза. На немъ были—черный бархатный жакетъ, модные клѣтчатые брюки и лаковые, поверхъ цвѣтныхъ чулковъ, полусапожки. Въ рукахъ онъ держалъ сѣрую, довольно помятую пуховую шляпу.

— Предсѣдатель здѣшней управы и мой пріятель, Николай Ильичъ Милунчиковъ, — сказалъ Клочковъ, подходя къ нему съ Ветлугинымъ: благодаря его трудамъ, какъ вы знаете, мы по старому ломаемъ на земскихъ дорогахъ колеса и по суткамъ, какъ вы тоже на дняхъ убѣдились, сидимъ на станціяхъ безъ

лошадей... А тебѣ рекомендую — г. Ветлугинъ... Прибылъ изъ далека...

— Не Антонъ ли по имени? спросилъ, пожимая руку Ветлугина, Милунчиковъ.

— Антонъ...

— Не вы ли авторъ статей: «Въ чемъ наше будущее?»

— Я,—не совсѣмъ охотно отвѣтилъ Ветлугинъ.

— А книги: «Русскія артели»?

— Я же... все это грѣхи юности...

Губы Милунчикова дрогнули. Густыя, темныя брови его сдвинулись. Онъ отвернулся къ окну и съ кроткой, несмѣлой улыбкой, слегка потирая грудь, точно сдерживая въ ней нежданно занывшую пріятную боль, проговорилъ:

— Послушайте... Эти вещи... Да знаете ли? Это такая прелесть... Вы меня извините... Въ этой неприглядной глуши невольно и самъ сдѣлаешься дикаремъ... Какое рѣдкое знаніе жизни и какая сильная, искренняя любовь къ народу! Это не кабинетное писаніе; это крикъ живой и любящей души... Васъ не умѣли, да и не могли оцѣнить...

Милунчиковъ еще разъ пожалъ руку Ветлугину, сѣлъ къ окну, принялъ отъ дежурнаго чиновника кучу отобранныхъ для него журналовъ и газетъ, и, еще не глядя въ нихъ, насмѣшливо обернулся къ Клочкову.

— А ты? отнесся онъ къ нему: такъ я и зналъ, такъ и предчувствовалъ. Ну, возможно ли это? Уѣхать, не подписавъ даже протоколовъ... А еще состоишь предсѣдателемъ коммиссіи пользъ и нуждъ...

— Пустяки. Я изъ уѣзда отлучился какихъ-нибудь на двое сутокъ. Не бросать же собственныхъ дѣлъ. Останься я, акціи торговаго банка мимо носа прошли бы. Да и взаимнаго кредита —вѣдь я тамъ директоръ... Но развѣ собраніе уже кончилось?

— А проектъ учительской семинаріи? А школа повивальныхъ бабокъ? А губернскій сборникъ? Вѣдь всего день бы ты пережкдалъ, день одинъ... Ты вотъ скрылся, а за тобою ускользнули другіе, и чрезвычайное собраніе вчера, разумѣется, за недостаткомъ гласныхъ закрыли...

Клочковъ на это промолчалъ.

— Да-съ, Антонъ Львовичъ, продолжалъ онъ, указывая глазами на Милунчикова, много здѣсь увидите любопытнаго; только смотрите, еще не опишите насъ...

— Есть что описывать, — презрительно пожалъ плечами Милунчиковъ, близорукими, мигающими глазами жадно вгляды-

ваясь въ развернутыя газеты: развѣ тó, какими средствами вы, господа охранители, оттираете изъ вашихъ собраній гласныхъ изъ крестьянъ?...

— Печальная комедія! обратился Милунчиковъ къ Ветлугину: было задумано хорошо и съ пользой для всѣхъ; а превратилось, по милости вотъ такихъ господъ, во чтó?... Въ себялюбивые и надутые собственнымъ ничтожествомъ и пустотой, сеймики поземельныхъ и капитальныхъ тузовъ... Земство, это — пѣшеходъ, съ пудовыми гирями на ногахъ; человѣкъ совершеннолѣтній — на бумагѣ, а на дѣлѣ — отданный подъ безсрочный надзоръ квартальнаго...

«Однако, онъ не стѣсняется!» подумалъ Ветлугинъ.

— Ну, заиграли бабушкины куранты, — сказалъ вставая и усиливаясь зѣвнуть, Клочковъ: пойдемте... Нашелъ цивическій зудъ... Теперь два битыхъ часа будетъ о насъ расписывать... Богатъ мельникъ шумомъ; только слушайте его...

Милунчиковъ вскочилъ. Газеты и журналы съ шумомъ посыпались съ его колѣнъ.

— Какъ? вскрикнулъ онъ, неловко подбирая ихъ и принимаясь съ ними ходить по комнатѣ: какъ? И ты еще скажешь, что это неправда? Неправда, что всѣ ваши подвиги разсчитаны на карманъ однихъ крестьянъ? Неправда, что вы берете у нихъ все и не даете имъ ровно ничего? Фарисеи! Что ты еще на-дняхъ проповѣдывалъ? Какія предположенія хоронилъ въ слѣпо-вѣрящей тебѣ коммиссіи пользъ и нуждъ?

— А тысячу рублей для кого ты, сердобольный мытарь, выпросилъ у насъ?—сытымъ, хотя несмѣлымъ баскомъ, изъ другого угла комнаты, спросилъ посмѣиваясь Клочковъ.

— На всѣ-то школы въ уѣздѣ! Полно! это даже не смѣшно, а прóсто гадко! плюнулъ Милунчиковъ: чѣмъ чванится!... Да ты своему свинопасу больше платишь жалованья, чѣмъ учителямъ народнымъ назначилъ... Упорные слѣпцы! Тупая, полинялая и жалкая толпа...

— Вотъ, какъ видите! хихикая указалъ на Милунчикова Клочковъ: мы плохи;—самъ онъ за то, въ слѣпомъ царствѣ, — кривой король... Однако слушай: будешь ли ты у Талищева на съѣздѣ?

— Собственнаго, честнаго контроля надъ земствомъ нѣтъ! продолжалъ, не слушая Клочкова, Милунчиковъ: вотъ главная всему причина!... Чтó вы дѣлаете въ собраніяхъ? Съѣдетесь, усядетесь на день, на два, — издали понюхаете итоги, да обертки приходорасходныхъ книгъ, — справите въ клубѣ общій обѣдъ, да

скорѣе на радости и по норамъ... Шутка ли, собранія закрываются за недостаткомъ гласныхъ!... Сознанія долга въ васъ нѣтъ... Впередъ вы не глядите... О будущемъ не думаете... И не только дальнія губерніи,—смѣшно сказать! —смежные уѣзды, подъ часъ, потребностей другъ друга не знаютъ... Печатные ваши отчеты валяются на полкахъ управъ, неразрѣзанные никѣмъ... Вы, господа, выдохлись, выдохлись въ первые же три года; истрепались, какъ старыя кредитки... Не успѣли сказать вступительныхъ напыщенныхъ рѣчей, и уже стали рутиной, громкою кличкой, безъ всякаго содержанія и смысла....

— Да! еще бы читать стенограммы хоть бы твоихъ, положимъ, словоизверженій,—вклеилъ, еще ехидно подсмѣиваясь, но уже чувствуя себя значительно разбитымъ, Клочковъ: лучше бы ты работалъ, а не витійствовалъ... Дороги и мосты вонъ такъ запустилъ, что мы только колеса ломаемъ...

— Университеты, гимназіи—на чей счетъ заведены и содержатся? а? на чей?—болѣе и болѣе напирая на Клочкова, продолжалъ Милунчиковъ: на милліоны, собранные съ народа! А самъ народъ у васъ безграмотенъ, тонетъ въ невѣжествѣ... Для кого ваши банки, училища, книги, театры и суды? А?...—Представьте, съ горькой усмѣшкой и съ дрожавшей отъ негодованія, нижней челюстью обратился Милунчиковъ къ Ветлугину: вы посторонній, заѣзжій, слѣдовательно, лучше оцѣните нашихъ общественныхъ дѣятелей. Знаете ли вы, что въ здѣшнемъ городѣ нѣтъ сносной воды для питья, нѣтъ освѣщенія и почти нѣтъ просвѣщенія, за то, въ эти пять-шесть лѣтъ, ровнехонько десять банковъ открыто... Десять банковъ!... И все труды вотъ этого господина... Памятникъ ему!... Адресъ!... Почетное гражданство, съ брантмейстеромъ совмѣстно!... Горожане, разумѣется, довольны... А крестьянинъ занялъ у сосѣда-кулака рубль, отдавай—два, а не то и три... Трущобные кроты! совы!... И еще думаютъ, что это такъ имъ даромъ и пройдетъ... Ошибаетесь... Ну, что смѣешься? обратился Милунчиковъ къ Клочкову: отвѣчай, развѣ это не такъ? не такъ?...

Милунчиковъ до того наконецъ налегъ на Клочкова, что тотъ пересѣлъ ближе къ Ветлугину и даже руками на него замахалъ.

— Извините, въ заключеніе обратился Милунчиковъ къ Ветлугину: не могу хладнокровно смотрѣть на это общее наше жалкое прыганье, въ видѣ бѣлки, въ колесѣ. Васъ же, гдѣ-бъ вы ни были, прошу вѣрить, что есть люди, которые вамъ горячо и

искренно сочувствуютъ... Если вспомните меня и захотите видѣть— вотъ вамъ мой адресъ.

Онъ подалъ карточку.

— Долго-ли пробудете въ городѣ? спросилъ Ветлугинъ.

— До вечера, завтра уѣду.

Милунчиковъ вышелъ. Черезъ минуту опять зазвенѣлъ его колокольчикъ и загремѣли его бубенцы.

— Что? видѣли? каковъ гусь? спросилъ, выходя изъ почтовой конторы, Клочковъ (на немъ лица не было отъ огорченія): а вѣдь избранъ чуть не единогласно... Ну, да я же ему это все вспомню... Не долго ждать... Вотъ вамъ и нашъ земскій рай... Что, согласились бы вы жить среди такихъ господъ?

Ветлугинъ на это не отвѣчалъ. Не легко было у него на душѣ. И весь тотъ день передъ нимъ свѣтились добрые и полные грусти глаза Милунчикова, а въ ушахъ отдавался его надтреснутый, звучавшій безсильнымъ негодованіемъ и злостью голосъ.

— «Ормуздъ и Ариманъ, думалъ Антонъ Львовичъ: бѣлбогъ и чернобогъ, добро и зло, идеалъ и практика... Какъ все это старо и какъ, въ то же время, неизмѣнно... Хорошій, повидимому, человѣкъ; но изъ-за чего такъ нерасчетливъ и несдержанъ? Тутъ не съ Клочковымъ надо спорить, не на вѣтеръ силы терять, а дѣлать... Дороги и мосты у него, дѣйствительно, кажется, въ плохомъ видѣ—да и однѣ ли дороги и мосты?»

Вечеръ, наканунѣ отъѣзда, Антонъ Львовичъ провелъ въ прогулкѣ по городу. Кончались вечерни. Народъ расходился изъ церквей. Ветлугинъ все приглядывался: не мелькнутъ ли гдѣ, у паперти лица странницъ, читавшихъ на станціи Четьи-Минеи?... Но ихъ не было видно.

Не выходилъ у него изъ головы и Клочковъ... «Разумѣется, мыслилъ онъ: найди отецъ иного товарища, другое дѣло. Но ему понадобилась практика, Ариманъ... А на этомъ пути гдѣ же взять Ормуздовъ, гдѣ найти идеальныхъ людей? Поневолѣ подвернулся ему этотъ чернобогъ, Клочковъ... Ну, да я постараюсь обратить его къ прежнимъ богамъ...»

Возвратился Антонъ Львовичъ домой уже поздно ночью. Онъ прошелъ въ кухню къ Власьевнѣ, съ цѣлью разбудить ее и узнать, принесли ли ему отъ портного новое платье, и распорядиться на утро о лошадяхъ.

Власьевна однако еще не спала. Въ ночной кофтѣ и со свѣчей въ рукѣ, она копалась, надъ перекладкой разнаго хлама, въ знакомомъ ему съ дѣтства, собственномъ ея сундукѣ. При входѣ Антона Львовича, Власьевна нѣсколько смѣшалась.

— Ты, няня, еще не спишь? Ужъ такъ поздно. Скоро станетъ свѣтать.

— Дѣломъ занимаюсь, сердито крякнула старуха, тыча что-то на дно сундука.

— Какимъ дѣломъ?

— Укладываюсь... на всякій случай.

— Куда?

— Ужъ будто и некуда... Мало ли чтó... Не ровенъ часъ, живешь—живешь, а придется иной разъ и отойти...

— Это еще откуда ты взяла?

— Откуда, откуда? зарядилъ! Что я, въ самомъ дѣлѣ, у васъ богадѣлка тутъ, что-ли, какая? Точно и свѣту, что въ окнѣ... Чужіе да и тѣ цѣнятъ. Вонъ Клочковъ, Петръ Иванычъ, на кофту намедни подарилъ, а вчера прислалъ съ мальчёнками своими часы стѣнные; хоть старенькіе, говоритъ, бабушка, да съ кукушкой и съ боемъ... А у твово, стараго-то, чтó нажила?

— Няня, полно! тебя ли слышу? въ твои годы! И ты туда-жъ, за всѣми, жадничаешь наживать?

— А нéшто не съумѣю? храбро подбоченилась Власьевна: увидишь... Вонъ нашей слободы баба въ городъ сюда пришла, блинами да печенками сперва торговала; а нонѣ эвоси—булки печетъ и мнѣ лавочку на базарѣ совѣтуетъ снять. Что глаза пялишь? Али не дѣло говорю? Нешто у васъ, что-ли жизнь? Ну, а на рынкѣ и съ человѣкомъ, съ настоящимъ поговоришь, и живая копѣйка тебѣ въ руки поминутно; на черный день пригодится.

— «Вонъ оно, человѣчество!» подумалъ Ветлугинъ: «и няньку вѣкъ соблазнилъ... И ей тѣсно показалось старое, пригрѣтое мѣсто въ кухнѣ. И ее увлекаетъ нѣкій подозрительный Ариманъ»...

Въ полдень Антонъ Львовичъ получилъ послѣднія наставленія отъ отца и отъ Клочкова, и послалъ за почтовыми... Пока Власьевна хлопотала съ завтракомъ, а отецъ съ Клочковымъ просматривали текущую конторскую корреспонденцію, Ветлугинъ на извощикѣ съѣздилъ навѣстить Милунчикова. Но послѣдняго въ городѣ уже не было. Онъ уѣхалъ рано на зарѣ.

— Не знаете-ли, куда онъ уѣхалъ? спросилъ Ветлугинъ квартирную хозяйку Милунчикова: не въ свою ли деревню?

— Къ родственнику своему, къ Вечерѣеву хотѣлъ, кажется, заѣхать, отвѣтила хозяйка.

«И отлично! подумалъ Ветлугинъ: обоихъ увижу разомъ...»

Онъ возвратился домой, закусилъ и вышелъ на крыльцо, у подъѣзда котораго стояла запряженная перекладная.

— Я бы и самъ, другъ вы мой, съѣздилъ занять денегъ у Вечерѣева,—голубинымъ, воркующимъ басомъ умасливалъ Клочковъ, провожая Антона Львовича: да мы съ Вечерѣевымъ нѣсколько не въ ладахъ. Поссорились тамъ за одно дѣло...

— За какое?

— Пустячное! Знаете стариковъ... Онъ былъ не правъ,— обидѣлъ меня и не хотѣлъ раскаяться. Ну, да я смотрю на это вотъ какъ—(Клочковъ растопырилъ пальцы и ухмыляясь поглядѣлъ сквозь нихъ на Ветлугина)... Мы съ Вечерѣевымъ, если хотите, даже нѣсколько свои. Но никогда не были дружны. Между нами будь сказано, онъ порядочная копилка, или по просту— стоячая вода. Я такихъ не люблю. Да и вы, я думаю, до такихъ не охотникъ. Слушайте, камрадъ. Если онъ сразу не войдетъ въ дѣло, вы не торопитесь уѣзжать. О! не уѣзжайте! Расшевелите его, заговорите ему зубы. Денегъ у него теперь довольно. Кромѣ участка лѣса, онъ, кажется, продалъ Талищеву еще и большой запасъ старыхъ дровъ. Но, какъ собака, самъ лежитъ на сѣнѣ и другимъ не даетъ.

— Ужъ эти мнѣ наши рыцари-спячки, продолжалъ Петръ Иванычъ: достались бы намъ съ вами его средства; встала бы у насъ на ноги эта мертвая земля...

Лошади тронулись. Клочковъ даже на подножку телѣжки вскочилъ и выѣхалъ съ Антономъ Львовичемъ за ворота.

— Хлопочите же, камрадъ, хлопочите, говорилъ онъ, заглядывая въ лицо Ветлугину: главное, вездѣ и всегда помните великое изреченіе: держи носъ по вѣтру, и все пойдетъ, какъ по маслу...

Левъ Саввичъ стоялъ на крыльцѣ, добродушно махалъ оттуда сыну платкомъ и также покрикивалъ:

— Смотри-же, Антонушка, не ударь лицомъ въ грязь, и возвращайся съ побѣдой. Со щитомъ, иль на щитѣ... Помни... твое посольство для насъ—торжество, или полнѣйшее пораженіе... На тебя, въ эту минуту, такъ сказать, вся губернія смотритъ... ждетъ отъ тебя!.. Помнишь Наполеона у пирамидъ?

VIII.

Дубки.

— «Отличился мой отецъ!... И нужно же было ему столкнуться съ этимъ героемъ вѣка, съ этимъ россійскимъ хищникомъ, Клочковымъ!».

Такъ размышлялъ Ветлугинъ, очутившись опять за городомъ, на просторѣ цвѣтущихъ полей.

— «Да и я-то хорошъ! думалъ онъ: и какъ все это вышло неожиданно. Ѣхалъ навѣстить старика, отдохнуть въ родномъ углу, а попалъ въ такое дѣло... Что же, работалъ для другихъ, постараюсь и для него».

Недѣля жизни въ родномъ гнѣздѣ, несмотря на всѣ тревоги, оживила Ветлугина. Предстоявшія заботы казались ему легкими. Предположенія спасти отца и затѣмъ счастливо и прочно устроить его дальнѣйшій бытъ раскинулись заманчивою картиной.

Отъ мыслей о будущемъ отца Ветлугинъ перешелъ къ мыслямъ о будущемъ родины.

Много испытавшій, но не потерявшій вѣры въ людей, Антонъ Львовичъ, ни въ годы ученья въ столицѣ, ни въ тайгахъ и пескахъ Сибири, не переставалъ, въ золотыхъ снахъ о развитіи силъ общества, уноситься туда, въ это сверкавшее и манившее его будущее, гдѣ ему, днемъ и ночью, въ радости и въ печали, грезился теплый и радостный свѣточъ гражданскихъ побѣдъ и улучшеній—все оживляющій и все обновляющій. Видя людскія страданія, видя безумную роскошь счастливцевъ и рядомъ съ нею жалкое ничтожество бѣдняковъ,—онъ вѣрилъ въ одно, въ торжество разума на землѣ, и никакія горести не могли надломить его крѣпкихъ надеждъ. «Счастье придетъ! думалъ онъ: рано-ли, поздно-ли, солнце освѣтитъ непроглядную тьму... Талищевы и Клочковы не будутъ силой, рядомъ съ которой честные Милунчиковы пока поневолѣ играютъ роль жалкихъ Донъ-Кихотовъ... Но мы-то, мы-то согрѣемся ли въ лучахъ грядущаго свѣтила?»

— Далеко-ли до Дубковъ? спросилъ Ветлугинъ на послѣдней станціи.

— Верстъ пятнадцать, — рукой подать,—отвѣтилъ староста: тутъ за лѣсомъ будетъ табѣ колдобинка, за колдобинкой табѣ взволочокъ, а внизу его сейчасъ и Дубки...

Ветлугинъ поѣхалъ. Къ сумеркамъ стало прохладнѣе. Ни колдобинки, ни взволочка однако не было видно.

Узкая проселочная дорога, не вдали за поворотомъ съ почтоваго пути, пошла сплошнымъ кряжемъ лѣсистыхъ холмовъ, съ свѣжими, прохладными полянами и рощами орѣшника, кленовъ и вязовъ. Внизу крутыхъ, то глинистыхъ, то песчаныхъ обрывовъ, направо отъ дороги, мелькали пылающія въ лучахъ заката плесы рѣки, надъ которыми въ вечерней тишинѣ раздавались крики коростелей и стоны горлинокъ, да перелетали проворныя стайки куликовъ.

Ямщикъ на одномъ изъ перекрестковъ видно сбился съ пути. Лошади притомились. Ветлугинъ проѣхалъ часъ и другой, а деревни Вечерѣева не было видно. Тянулась березовая роща. Колёса стучали по старымъ корнямъ.

Наконецъ уже поздно вечеромъ, когда высоко выплылъ въ небо полный мѣсяцъ, роща стала рѣдѣть, опять пахнуло воздухомъ полей и Антонъ Львовичъ по косогору сталъ спускаться къ какому то посёлку, съ каменною церковью на выгонѣ и съ обширною усадьбой, и догадался, что это Дубки. На селѣ, расположенномъ поодаль, влѣво отъ усадьбы, не было слышно ни людского говора, ни пѣсенъ, ни даже лая собакъ. — «Эге-ге! да это ужъ выходитъ за полночь!» подумалъ Ветлугинъ: «какая досада; на первый разъ, и такъ опоздать! Пожалуй, этотъ баринъ еще и не приметъ.»

Дворъ, среди котораго остановились притомленные кони, былъ окруженъ красивыми каменными, подъ желѣзомъ, службами. Прямо противъ воротъ бѣлѣлъ высокій двухъэтажный домъ. Изъ-за его крыши выглядывали вершины еще болѣе высокихъ деревъ сада. Въ окнахъ было темно. Во дворѣ никто не отзывался на звукъ колокольчика, изрѣдка бряцавшаго на дугѣ усталой коренной. Но гдѣ-то влѣво послышался раскатистый смѣхъ, а еще лѣвѣе, за большимъ флигелемъ, выглядывавшимъ изъ другого запаснаго двора, раздалось нѣчто въ родѣ треньканья балалайки — и вслѣдъ затѣмъ къ телѣгѣ, на которой продолжалъ, толкуя съ ямщикомъ, сидѣть Ветлугинъ, подошелъ пожилой, съ виду полный, съ кустоватыми, сѣдыми бровями и зоркими, глубоко-сидѣвшими глазками — слуга, явно на-веселѣ. Узнавъ фамилію пріѣзжаго, а также и то обстоятельство, что онъ изъ губернскаго города, да еще по дѣлу, слуга, прикрывая ладонью ротъ и слегка покачиваясь на короткихъ, вздрагивавшихъ отъ привычнаго усердія и почтенія ножкахъ, сталъ низко кланяться и просить гостя слѣзть съ телѣги.

— Кирило Григорьичъ... господинъ Вечерѣевъ дома? спросилъ Ветлугинъ.

— Никакъ нѣтъ-съ... Да вы что-же? Да вы пожалуйте-съ; время позднее... Милости просимъ переночевать съ дороги...

Ветлугинъ съ досадой отвернулся.

— Гдѣ-же баринъ-то вашъ?

— Только вчера и уѣхалъ.

— Далеко-ли и на долго-ли?

— Верстъ за пятьдесятъ и—предположительно — на цѣлую недѣлю...

— Вотъ досада! А мнѣ сказали, что онъ здѣсь безвыѣздно живетъ.

— Точно такъ, сударь. Ужъ куда-же имъ ноньче и ѣздить! Баринъ старый; имъ бы только покой. Изрѣдка только ѣздятъ въ другую вотчину. Но въ эту пору они завсегда отлучаются на именины къ одному тутъ старому своему сослуживцу и благопріятелю. Слѣзайте, ваша милость, переночуйте у насъ, отдохните. Время позднее; вы, можетъ, служащій. Баринъ будетъ недоволенъ...

— Надо же такое горе! не могъ успокоиться Ветлугинъ: никуда круглый годъ не ѣздитъ и вдругъ, какъ нарочно, выѣхалъ... А Милунчиковъ, Николай Ильичъ? онъ сюда ѣхалъ...

— Тоже не застали барина и проѣхали въ свою вотчину.

— Далеко отсюда?

— Верстъ двадцать.

Ветлугинъ понурился.

— Да вы не сумлевайтесь, ваше благородіе, сказалъ Филатъ: а мы, извините, маленечко тутъ безъ барина, того-съ, какъ-бы сказать, подгуляли. Но все вамъ будетъ мигомъ-съ: и постель, и закусочка-съ... Баринъ нашъ добрѣющій... ланбартъ-человѣкъ-съ... Всѣ имъ довольны... И всякому у насъ чиновнику такъ ужъ заведено-съ, по препорціи, кому что́ и куда... Вашему почтарю и конямъ тоже всего предоставимъ. Я теперь за буфетчика-съ... Время позднее... видите...

— Ну, что́, переночуемъ? — спросилъ Ветлугинъ ямщика.

Тотъ, на всѣ лады божившійся дорогой, что подпадетъ подъ отвѣтъ и штрафъ «хучь на часъ припоздаетъ», и что «казенному ямщику не полагается ночевать въ сторонѣ», — услыша про ужинъ, не оборачиваясь, отвѣтилъ: «Совѣтую и я, ваша милость, переждать. Мѣсто глухое; а какъ я уѣду, такъ вы, хоша разоспитесь, врядъ ли безъ барина тутъ и за деньги добудете

лошадей; теперь рабочая пора.» — «Рабочая!» прибавилъ со вздохомъ слуга.

— Дѣлать нечего; остаюсь... Гдѣ же вы мнѣ дадите переночевать?

— Въ саду, сударь, въ банькѣ-съ... Тамъ у насъ на этотъ счетъ такая бесѣдочка лѣтомъ; а зимой въ ней баня. Въ домѣ же безъ барина нельзя. Онъ у насъ на это строгъ и порядокъ любитъ. Заѣзжіе же, чиновники, али нонѣшніе земскіе, все въ банѣ у насъ ночуютъ...

Ветлугинъ слѣзъ съ телѣги, а слуга ушелъ и скоро снова возвратился съ постельнымъ бѣльемъ. Перебросивъ бѣлье черезъ плечо, онъ у калитки въ садъ зажегъ свѣчу и, бережно заслоняя ее нѣсколько дрожащей, пухлой рукой, сказалъ: «Пожалуйте, сударь; да осторожнѣе, не зацѣпитесь. У насъ не садъ, а дебрь; а цвѣтовъ столько, что хоть лошадямъ коси на кормъ...»

— Какъ тебя звать? спросилъ Ветлугинъ.

— Филатъ Иванычъ нынче, а прежде Филькой звали; мы, сударь, стараго лѣса кочерга, и хоть Богу мы не нужны, да и чортъ насъ не беретъ, — одначе своихъ господъ любимъ и не бросаемъ...

Гость и слуга окунулись въ темныя, полныя прохлады и лиственнаго запаха, развѣсистыя чащи сада. Отъ звука ихъ шаговъ, то здѣсь, то тамъ, просыпались птицы и, съ тревожнымъ шорохомъ толкаясь въ вѣтвяхъ, налетали на блескъ свѣчи. Скоро пахнуло сыростью, такъ какъ дорожка, казалось, подошла къ водѣ. Деревья стали рѣже. Скользнувшій лучъ свѣчи освѣтилъ уголъ невысокаго, съ виду значительно запущеннаго зданія, съ готическими окнами, лѣпными карнизами и чугуннымъ, проросшимъ травою, крыльцомъ.

— Вотъ и банька-съ, доложилъ, сѣменя проворными ножками, слуга.

— Что́ это? рѣка?

— Отъ самаго выгона течётъ-съ, и какъ есть, вдоль всего сада. Такъ пришлося. Камыши по ней большущіе. А дичи! И, отцы мои родные! Такъ и пырскаетъ тебѣ изъ-подъ ногъ... У меня есть и свое ружье... А-а-тличное ружье!.. Баринъ подарилъ; говоритъ: охоться, Филатъ Иванычъ... Ахъ, извините, кажись, въ замкѣ не тотъ ключъ...

Филатъ присѣлъ. Невѣрными, дрожащими руками онъ долго старался отворить дверь; наконецъ, онъ отперъ ее, но тутъ же нечаянно задулъ свѣчу и сказалъ опять: «Ахъ, извините...»

— «Однако, въ этомъ курятникѣ, надо полагать, не очень-то

разоспишься!» подумалъ Ветлугинъ, въ то время, какъ Филатъ изъ кожи лѣзъ, на корточкахъ изловчаясь снова зажечь свѣчу: «зимой здѣсь баня, а лѣтомъ бесѣдка... Старье какое-нибудь, гниль; лягушки, улитки и пауки; а то, пожалуй, и летучія мыши... Запахомъ погреба, вѣроятно, отдаетъ, какъ всякое заброшенное жилье... Въ одномъ углу, ужъ это извѣстно,—распатанная, ситцевая кушетка; въ другомъ безногій столъ, дождевыя пятна на чуть-живой штукатуркѣ потолка... Печальные остатки прежнихъ, барскихъ затѣй...»

Каково же было удивленіе Ветлугипа, когда, ступивъ изъ сѣней, онъ въ первой же комнатѣ, еще въ потемкахъ, подъ ногами почувствовалъ мягкій коверъ; а при блескѣ вновь зажженной свѣчи разглядѣлъ уютный, изящно-отдѣланный и всѣмъ наполненный покой, гдѣ не слышалось ни гнили, ни запаха заброшеннаго жилья.

Пока слуга покрывалъ простыней и синимъ стёганымъ одѣяломъ красный штофный диванъ, Ветлугинъ сталъ разсматривать мебель, драпировку и гравюры комнаты, и остановился, какъ-бы чѣмъ-то озадаченный...

Ему въ этой комнатѣ померещилось присутствіе тонкаго и чуть слышнаго пріятнаго запаха, и онъ подумалъ, что вѣроятно здѣсь гдѣ-нибудь, по близости, стоятъ тропическіе цвѣты.

— А теперь, сударь, и закусочку-съ, — сказалъ Филатъ: только вы ужъ сами извольте приказъ отдать, — какой? Бѣлой очищенной, али настоечки, съ зеленцой? У насъ всякая есть; только скомандуйте... Не думайте, что мы ужъ здѣсь совсѣмъ на краю свѣта... Оно точно, были мы въ кольяхъ и въ мяльяхъ, а дѣло свое знаемъ... Все предоставимъ...

Послѣднія слова Филатъ произнесъ, отъ пріятности даже зажмуриваясь и слегка присѣдая, точно перепелъ, ночью во ржи заслышавшій робкій топотъ перепелицы и готовый стремглавъ къ ней полетѣть и показать, каковъ онъ молодецъ.

— Умыться мнѣ, дружокъ, вотъ что нужно; а тамъ, пожалуй, дай хоть и закусить. Но гдѣ же здѣсь, ты говорилъ, баня?

— Банька на лѣво-съ; тутъ сейчасъ изъ сѣней. Ноньче тамъ садовые инструменты, да сѣмена для цвѣтовъ...

Филатъ ушелъ. А Ветлугинъ снова вопросительно поглядѣлъ вокругъ себя. Ему въ воздухѣ опять почудился тонкій, пріятный запахъ, но уже нѣсколько съ другимъ оттѣнкомъ: точно здѣсь набрызгали нѣжнѣйшими духами, или кто-нибудь пронесъ кадило съ дорогимъ, пасхальнымъ ладономъ.

— «Что за странность!» подумалъ Ветлугинъ. Обойдя ком-

нату, онъ замѣтилъ въ углу, возлѣ печи, рѣзную лаковую дверку. Сперва онъ рѣшилъ, что это, вѣроятно, другой, чистый ходъ въ баню. Но дверь оказалась въ маленькую божницу, гдѣ передъ стекляннымъ съ образами кіотомъ, на старенькомъ аналоѣ, лежалъ молитвенникъ и теплилась серебряная лампадка. На полу былъ постланъ, закапанный воскомъ, коврикъ.

Недоумѣвая, что̀ это за молельня, Антонъ Львовичъ возвратился въ первую комнату, взялъ свѣчу и отъ нечего дѣлать сталъ внимательно разсматривать висѣвшія по стѣнамъ старинныя, раскрашенныя гравюры. На нихъ изображалась охота въ голубыхъ горахъ Шотландіи, виды скалъ и озеръ, а между скалами—вереницы скачущихъ за сернами бѣлокурыхъ красавицъ и въ красныхъ плащахъ охотниковъ.

Между тѣмъ возвратился Филатъ. Онъ внесъ умыванье, а вскорѣ затѣмъ большой серебряный подносъ, уставленный флягами и соленьями.

— Кто это здѣсь у васъ молится? спросилъ Ветлугинъ, умывшись и садясь за закуску.

— Наша барыня.

— Развѣ у васъ есть и барыня? Мнѣ о ней ничего не говорили.

— Какъ бы вамъ доложить? Она не то, что въ разводѣ, а почти что не живетъ сумѣстно съ бариномъ, и уже нѣсколько годовъ. Посвятила себя, какъ есть, Богу и больше все ѣздитъ по богомольямъ...

— Почему же такъ?

— А Господь ихъ знаетъ; по какой-нибудь оказіи, видать, не сошлись съ бариномъ. Многое сказываютъ. Одни, что сонъ такой попритчился барынѣ: не живи, молъ, съ нимъ, а ѣзди по церквамъ, да проводи время съ монашенками... А другіе говорятъ, что барыня быдто-бы... въ прежніе годы... пошаливать, что-ли, стала; а потомъ и покаялась...

— Ну, ужъ это, я думаю, ты слишкомъ...

Филатъ съ достоинствомъ оправился, облокотился о-косякъ двери и даже ногу на ногу закинулъ.

— Не наше, разумѣется, сударь, дѣло; а господа у насъ, сказать, добрые, — настоящіе баре. При томъ же вы, можетъ, думаете, что Филя повсегда пойдетъ въ церковь, а попадетъ въ кабакъ... Извините...

— Позволь, однако, — перебилъ разсказчика Ветлугинъ: ты говоришь, что ваша барыня тутъ молится, а между тѣмъ, что она здѣсь почти не живетъ...

— Точно такъ-съ; она больше теперь въ другой ихней вотчинѣ, въ Пряхиномъ, проживаетъ. А здѣсь, видите ли, въ саду могила ихъ сына, что готовился когда-то въ гимназію и померъ, коли слышали. Я въ тѣ поры жилъ далече, у кандитера нанимался. Эту бесѣдку барыня особенно любятъ. Онѣ здѣсь молятся. А прежде тутъ у господъ садовые концерты справлялись, фейверки жгли надъ рѣкой...

— Красивая, однако же, ваша барыня была! замѣтилъ Ветлугинъ.

— Вы почемъ, сударь, знаете? Нешто во младости ихъ гдѣ видывали? спросилъ Филатъ, и самъ тутъ же спохватился, что сказалъ не впопадъ, разглядѣвъ еще вполнѣ молодое лицо гостя.

— Я по портрету сужу. Это, видно, ея портретъ? спросилъ Антонъ Львовичъ.

Онъ оставилъ закуску и со свѣчей поднялся къ стѣнѣ, гдѣ, между скачущихъ за сернами шотландскихъ красавицъ, надъ диваномъ, въ круглой дубовой рамкѣ, висѣло акварельное изображеніе двѣнадцати или тринадцатилѣтней дѣвушки, съ восточнымъ типомъ смуглаго, худощаваго лица. Большіе, черные глаза и пряди пышно вьющихся, до плечъ обрѣзанныхъ волосъ — что-то вдругъ, хотя неясно, напомнили Ветлугину.—«Неужели?» — подумалъ онъ и замеръ со свѣчей въ рукѣ.

— Да это, сударь, не барыня, а наша барышня, отвѣтилъ, щурясь изъ-подъ ладони на портретъ, Филатъ.

— Такъ у вашего барина и дочка есть? спросилъ, помолчавъ, Ветлугинъ.

— Есть, отвѣтилъ, становясь опять у двери, Филатъ: только, видно, то же... какъ бы вамъ сказать?.. по матери ей написано пойти...

— Почему такъ?

— Съ малыхъ лѣтъ съ ней барышня ѣздитъ по церквамъ, да по монастырямъ. То на одно богомолье, то на другое. Недѣли полторы назадъ, слышно, изъ Пряхина опять куда-то отъѣхали...

— Одна только у господъ вашихъ дочка?

— Вотъ какъ перстъ. И всего-то въ ней, сердешной, нонѣ и поколѣнія господскаго Вечерѣевыхъ состоитъ. Эхъ, коли бы не барышня, а барченокъ покойный!.. Хозяиномъ былъ бы здѣсь. Меня бы поставилъ въ егеря...

— И какая, сударь, добрая наша барышня, да красавица, вотъ какъ писанная, — вздохнулъ Филатъ: и всего пошелъ ей восемнадцатый годокъ...

Ветлугинъ болѣе не прикасался къ закускѣ. Онъ сталъ прохаживаться по комнатѣ. Филатъ принялся убирать со стола.

— Странно! не утерпѣлъ, какъ-бы про себя замѣтить Ветлугинъ: такая молоденькая и такъ рано стала наклонна къ молитвамъ...

— И Боже, какъ наклонна! даже зажмурился Филатъ: все святыя книги съ родительницей читаетъ, и мнѣ одинъ разъ про мириканскихъ проповѣдниковъ читала, какъ ихъ дикари пожарили, да, анаѳемы, и поѣли. Я ихней кормилицѣ Егоровнѣ племянникъ.

— Но кто же это, однако, безъ нихъ накурилъ здѣсь ладономъ? спросилъ Ветлугинъ: и лампадка передъ кіотомъ зажжена... Ты говоришь, что барыня съ дочерью куда-то уѣхала?..

Филатъ поводилъ носомъ по воздуху, пожалъ плечами и заглянулъ въ образную.

— У меня, сударь, насморкъ; ничего, какъ есть, не слышу. Такъ временами заляжетъ, что хоть отруби. Здѣшняго попа дочка, Афросинья Андріяновна, безъ барыни за всѣмъ тутъ ходитъ и наблюдаетъ. Это она, видно, и накурила. Послѣзавтра, кажись, какого-то святого... Счастливо, сударь, оставаться.

Филатъ ушелъ. Ветлугинъ раздѣлся и легъ.

— «Странное стеченіе обстоятельствъ! непостижимо!» думалось ему въ тишинѣ: «это она! она! никакого нѣтъ сомнѣнія... Но что́ творится въ мірѣ! Тамъ—мой отецъ покидаетъ старческій покой и съ пыломъ юноши бросается въ торговыя предпріятія, въ коловоротъ непосильнаго труда... Здѣсь же единственная, молодая дочь богатаго человѣка проводитъ дни по богомольямъ и, какъ отшельница далекой старины, думаетъ объ одномъ, — о загробной жизни...»

Ветлугинъ задулъ свѣчу. Въ рѣзное окно бесѣдки свѣтилъ сквозь чащу сада мѣсяцъ. Вскорѣ и онъ закатился за темныя кущи деревъ. Въ щель лаковой дверки пробивался только чуть видный свѣтъ лампадки.

— «А что, если это не дочь священника тутъ была, а сами хозяйки возвратились?» пришло на мысль Ветлугину.

Онъ плотнѣе завернулся въ одѣяло и закрылъ глаза. Но сонъ отъ него бѣжалъ. Въ тѣлѣ чувствовалась дрожь. Кровь стучала въ вискахъ. Ему грезились черные большіе глаза, пышные, вьющіеся волосы и блѣдныя, ладономъ прокуренныя руки...

Долго Ветлугинъ не могъ заснуть. Онъ думалъ: «Гдѣ она? и она ли именно обитаетъ въ этихъ мѣстахъ, ходитъ по этому

полу и молится здѣсь, за этой дверью? Нѣтъ, не можетъ быть. Это случайное сходство... Я ошибаюсь...»

Передъ разсвѣтомъ, смуглое, сверкающее лаской и красотой лицо откуда-то будто склонилось къ нему, блѣдная рука въ темнотѣ какъ-бы тронула его за голову, тихо и нѣжно прикрыла его усталые глаза и ему шепнула: «Спи, еще вдоволь испытаній впереди... И не одну безсонную ночь ты будешь метаться въ постели и ломать голову надъ бѣдной, жалкой и грустной загадкой земли.»

IX.

Въ библіотекѣ.

Утро давно загорѣлось. На зарѣ перепалъ дождь и въ раскрытыя окна бесѣдки весело смотрѣли росистыя вѣтви черемухъ, акацій и жимолости. За ними, влѣво, въ перемежку съ полянами виднѣлись рощицы липъ и клеповъ, съ просвѣтами садовыхъ дорожекъ; вправо—голубая излучина рѣки, а за нею—картинные холмы, съ зелеными оврагами, кустами и одиноко стоящими дубами. Все дышало свѣжестью; все было полно блеска и запаха цвѣтовъ. Въ прибрежныхъ вербахъ перекликались иволги. Въ полѣ гремѣли перепела... На крышѣ бесѣдки, шумно взлетывая, ворковали голуби.

Ветлугинъ вышелъ на крыльцо, увидѣлъ, что на рѣкѣ, недалеко отъ бесѣдки, устроена купальня, и желая освѣжиться, отправился туда. Съ берега къ купальнѣ вела небольшая лѣсенка. Долго плескался онъ въ прозрачной, студеной водѣ, мысленно хваля за это удовольствіе незнакомаго хозяина и разсуждая о вчерашнемъ разговорѣ со слугой. Онъ одѣлся и только-что взялся за ручку дверецъ, какъ за камышами, съ другой стороны рѣки, послышались негромкіе голоса. Ближе и ближе, точно кто собирался съ выгона проникнуть въ садъ, отыскивая мостокъ или бродъ. Антонъ Львовичъ пріостановился и началъ слушать.

— Ой, да тише же! говорилъ одинъ голосъ: не столкни ты меня, Фросинька... Видишь, какъ дрожатъ жердочки: мостокъ такъ и ходитъ. А ты все толкаешься, шалишь.

— Упадешь, одной невѣстой на свѣтѣ будетъ меньше, отвѣтилъ другой, веселый и звонкій голосокъ.

— Во-первыхъ, ты уже знаешь мои мысли, возразилъ пер-

вый голосъ: да чтó ты, противная, смѣешься?.. Говорю тебѣ, не быть этому... А во-вторыхъ, если бы я и утонула...

Съ этими словами, обгоняя дружка дружку, говорившія миновали мостокъ, и не успѣлъ Ветлугинъ опомниться, какъ дверь въ купальню распахнулась и на ея порогѣ, въ утреннихъ, бѣлыхъ блузахъ и въ платочкахъ на головахъ, показались двѣ молоденькія особы: одна полная, невысокаго роста, веселая блондинка, со вздернутымъ носикомъ, съ голубыми, быстрыми глазками и съ красными, какъ яблоки, щеками; другая—сухощавая, съ лицомъ строгимъ и смуглымъ, точно опаленнымъ лучами жаркаго, южнаго солнца, стройная и гордая брюнетка.

При видѣ незнакомаго, бородатаго мужчины, такъ нежданно забравшагося въ купальню и съ открытымъ ртомъ и съ фуражкой въ рукѣ неподвижно стоявшаго у двери, обѣ дѣвушки вскрикнули, отступили и на мгновеніе оторопѣли.

Блондинка едва удерживалась отъ смѣха. Нагнувшись и зажимая ротъ, она первая взбѣжала на берегъ. Брюнетка медлила долѣе. Пораженная присутствіемъ незнакомца, она поблѣднѣла, въ упоръ ему метнула молнію быстраго и вмѣстѣ негодующаго взгляда, хотѣла что-то сказать и не могла: только нижняя губа ея нервически дрогнула, да сердито сдвинулись черныя брови.— «Алинька, да иди же!» хохотала тѣмъ временемъ изъ-за спины подруги блондинка. — «Иду!» отвѣтила, медленно подымаясь по лѣстницѣ, брюнетка.

Ветлугинъ опомнился тогда уже, какъ обѣ дѣвушки скрылись въ чащѣ деревъ. Онъ въ брюнеткѣ безъ труда узналъ ту особу, которую въ ночь передъ пріѣздомъ къ отцу увидѣлъ на станціи, за чтеніемъ Миней.

— «Вотъ тебѣ и на!» разсуждалъ Ветлугинъ, выйдя изъ купальни на дорожку: «что ни часъ, то новая путаница. Невпопадъ не засталъ хозяина; а тутъ, въ его отсутствіе, наѣхали его жена и дочка. Чтó подумаютъ они теперь обо мнѣ?»

Въ досадѣ и въ тревогѣ онъ принялся ходить по берегу, поджидая слугу и боясь отъ бесѣдки двинуться далѣе въ глубь сада. Оглашаемыя птичьими криками и свистами, темныя развѣсистыя аллеи теперь смущали, волновали и пугали его.

— Такъ и есть... Подъѣхали-съ, — раздался изъ-за деревъ веселый голосъ Филата.

— Кто? и баринъ?

— Никакъ нѣтъ-съ; только барыня и барышня.

— Кто же съ барышней приходилъ сюда изъ-за рѣки купаться? Ихъ было двѣ.

— Именно, именно,—подхватилъ, хихикая, Филатъ: мы вчера, сударь, проглядѣли... Ну-съ, а барыня съ барышней, поздно въ сумеречки, и подъѣхали на почтовыхъ къ священнику. Узнали, что барина нѣтъ дома, да и просидѣли тамъ въ бесѣдѣ за полночь. Меня не будили; встрѣтила ихъ Егоровна-садовница... Барышня съ поповной вчера, одначе, гуляли, да и приходили сюда посидѣть; онѣ же прибѣгали это и купаться.

— Ну, Филатъ, сказалъ Ветлугинъ: скорѣй же отыскивай ямщика и вели запрягать. Еще рано, и я сегодня же успѣю воротиться домой.

— Помилуйте, сударь, что вы! не обѣдавши-то, да опять за столько верстъ? Барыня узнаетъ, прогнѣвается.

— Я не къ барынѣ, а къ барину пріѣхалъ, — притомъ за дѣломъ,—отвѣтилъ Ветлугинъ: барина нѣтъ; а потому и вели мнѣ запрягать.

Филатъ искоса глянулъ ему на сапоги, потоптался на мѣстѣ и, раздумывая: «Строгій какой! Видно, недоимку пріѣхалъ собирать!» неохотно побрелъ ко двору, гдѣ вскорѣ брякнулъ колокольчикъ, тоже, какъ видно, не совсѣмъ охотно прилаживаемый отдохнувшимъ въ веселой компаніи ямщикомъ.

Филатъ возвратился опять.

— Къ барынѣ сейчасъ иду, сказалъ онъ: завтракъ велѣли подавать; и вы бы, сударь, къ нимъ въ такомъ разѣ!

Онъ былъ уже во всѣхъ принадлежностяхъ стараго слуги, въ черномъ фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ и въ перчаткахъ.

— Туда изволите къ чаю пожаловать? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, голубчикъ, принеси, если можно, чаю сюда, отвѣтилъ Ветлугинъ, садясь на крыльцо бесѣдки: я по дорожному; не разсчитывалъ видѣть хозяекъ, и идти къ нимъ не могу.

— Помилуйте-съ... Пенжачекъ у васъ, какъ есть, по модѣ; а ужъ на счетъ нашихъ господъ, такъ они, примѣромъ, совсѣмъ невзыскательны...

— Спасибо; я не могу. Надо къ ночи возвратиться въ городъ.

— Припоздаете; да и ямщикъ вашъ, тово-съ, какъ-будто не ладенъ; не ровенъ часъ, какъ-бы еще и въ яму не завезъ...

Но Ветлугинъ былъ непреклоненъ. Ссылаясь на безотложность и спѣшность дѣлъ, онъ повторилъ просьбу—принести ему чаю въ бесѣдку и барынѣ о его пріѣздѣ не сообщать. Филатъ исполнилъ его желаніе въ точности.—Ну-съ, лошади вамъ, сударь, готовы, сказалъ онъ: счастливаго пути,—а я теперь къ барынѣ. На почту посылаютъ... — Ветлугинъ окольными дорож-

ками выбрался изъ саду, сѣлъ въ телѣжку и велѣлъ ямщику ѣхать какъ можно скорѣе, боясь, какъ-бы хозяйка, изъ любезности, не пригласила его и тѣмъ не задержала бы его на пути домой.

На взгорьѣ, за церковью, однако же, его догнали двое верховыхъ: тотъ же, во фракѣ и безъ картуза, Филатъ, и какой-то широкоплечій, молодцоватый парень, въ красной рубашкѣ, плисовыхъ шароварахъ и въ серьгѣ.

— Что вамъ? спросилъ озадаченный Ветлугинъ.

— Неравно, сударь, вашъ ямщикъ не заблудился бы! началъ запыхавшійся Филатъ: такъ сударыня велѣли вамъ дать въ провожатые вотъ этого нашего другого кучера, Самсонку. Онъ кстати со станціи привезетъ, коли есть, для господъ письма, али газеты...

Рослаго каретнаго коня тутъ же пристегнули къ парѣ почтовыхъ. Молодцоватый Самсонъ, съ развѣвающимися красными ластовицами, молча усѣлся рядомъ съ ямщикомъ, принялъ отъ него на время возжи, а ему поручилъ набить собственную свою трубку, и тройка дружно побѣжала въ гору.

— Дорожка, сударь, скатертью! не забывайте насъ!—кричалъ Филатъ, издали помахивая рукой и въ силу сдерживая, неумѣлыми колѣнями, вертѣвшагося по выгону раскормленнаго и рѣзваго барскаго коня.

—«Ну, наконецъ-то выбрался!» отрадно вздохнулъ Ветлугинъ, когда усадьба, церковь, выгонъ и весь поселокъ Дубковъ остались далеко за его спиной: «съ порученіемъ отца чуть не вышелъ цѣлый коробъ приключеній. Впрочемъ, благодаря судьбѣ, еще легко отдѣлался... И хорошъ бы я былъ, сибирскій дикарь, въ таинственномъ пріютѣ этихъ отшельницъ... Что подумали бы онѣ обо мнѣ, если бы я, послѣ глупой исторіи съ купальней, ни съ того, ни съ сего, вздумалъ еще проникнуть въ ихъ ладономъ накуренный монастырь?»

Солнце начало сильно припекать затылки молча и безъ устали куривших возницъ. Лошади бѣжали лѣниво. Ветлугинъ распустилъ зонтикъ и, въ тѣни его, продолжалъ размышлять о томъ, какъ въ сущности все это вышло хорошо: какъ онъ будетъ имѣть окончательно предлогъ удержать отца отъ опасныхъ торговыхъ затрать вообще и отъ дальнѣйшихъ дѣлъ съ Клочковымъ въ особенности,—и какъ, покончивъ все, опять вольной птицей понесется за Уралъ...

Жаль ему было одного: изъ-за чего Вечерѣева возила по

богомольямъ свою дочь? Эта мысль неотвязчиво стала его преслѣдовать и занимать.

— Станція! сказалъ ямщикъ.

Ветлугинъ очнулся, открылъ глаза. Онъ дремалъ и не замѣтилъ, какъ проѣхалъ болѣе двухъ часовъ.

Телѣжка выбралась изъ рощи и крутымъ скатомъ медленно спускалась въ лѣсистую долину, къ станціонному двору. Самсонъ отпрегъ своего коня и сзади, нѣсколько поодаль, велъ его въ поводу. А съ противоположнаго края долины, другимъ, болѣе пологимъ скатомъ, пересѣкая пыльный почтовый путь, также къ станціи, шестерикомъ спускался обширный дормёзъ.

— Какъ бы намъ его опередить? сказалъ Ветлугинъ, понукая ямщика: а то заберутъ прежде меня почтовыхъ, и тогда какъ-разъ здѣсь просидишь до поздней ночи...

Ямщикъ пріударилъ. Телѣжка, пыля, быстро подкатила къ крыльцу. Карета, между тѣмъ, также миновала подошву холма, но не доѣхала до станціи и остановилась нѣсколько поодаль.

«Ну, на этотъ разъ удалось... Замѣтили, видно, что ихъ опередили, и сами уступили мнѣ очередь!» обрадовался Ветлугинъ, всходя на крыльцо и подавая смотрителю подорожную.

— А вѣдь это наши! воскликнулъ подоспѣвшій Самсонъ, разглядывая противъ солнца бѣлый шестерикъ знакомыхъ взмыленныхъ лошадей, изъ которыхъ одна уже радостно перекликалась съ его конемъ.

— Кто ваши?

— Баринъ возвратился...

Зеленая штофная занавѣска каретнаго окна поднялась. Оттуда выглянула сѣдая скулистая голова, съ смуглыми, тщательно-выбритыми щеками и съ черными, какъ-бы подернутыми желтизной, глазами, и раздался голосъ: «Самсонъ, ты здѣсь зачѣмъ?»

Самсонъ подбѣжалъ къ каретѣ, снялъ картузъ, объяснилъ, что провожаетъ такого-то господина, и сейчасъ-же возвратился къ Ветлугину.

— Баринъ просятъ вашу милость къ себѣ, сказалъ онъ.

«Не судьба! помыслилъ Ветлугинъ: и надо-же было ввязаться этому провожатому и его бѣлому коню! не будь ихъ,—мы бы окончательно разминулись»...

«Да, положительно бы разминулись!» повторялъ потомъ въ жизни много разъ Ветлугинъ, вспоминая этотъ вечеръ, станцію въ лѣсистой, прохладной долинѣ, карету съ сѣдымъ старикомъ, и все то, чтó безъ этого осталось бы для него навсегда чуждымъ и позабытымъ.

— Какъ? вы сынъ Льва Саввича Ветлугина, учителя моего покойнаго Володи? Вы — Антонъ Львовичъ?.. И, заѣхавъ такъ далеко, не захотѣли меня подождать?.. Стыдно, молодой человѣкъ, стыдно!—внушительно и вмѣстѣ ласково отозвался костлявый и рослый, хотя нѣсколько сгорбленный старикъ, одѣтый въ бѣлую пикейную пару и съ бѣлою пикейною фуражкой на плотно остриженной сѣдой головѣ.

Вечерѣевъ вышелъ изъ кареты, бросилъ туда раскрытую книжку французскаго романа, медленно снялъ бѣлыя, вязаныя перчатки, дружески протянулъ руки Ветлугину и сказалъ: «Дайте-же я на васъ получше погляжу, и васъ, отважный русскій піонеръ и юный мой другъ,—позвольте мнѣ васъ такъ звать,—покрѣпче обниму».

Они обнялись.

— Вылитый Левъ Саввичъ! съ ласковой улыбкой, взявъ Антона Львовича за обѣ руки и любуясь имъ, продолжалъ Вечерѣевъ: точь-въ-точь вашъ батюшка былъ такой же въ тѣ годы, какъ поступилъ учителемъ въ здѣшнюю гимназію... Да, я познакомился съ нимъ именно въ то время. Былъ на актѣ, а онъ читалъ рѣчь о вліяніи сатиры на общество. Васъ, разумѣется, тогда еще не было на свѣтѣ. О! это былъ восторженный и пылкій человѣкъ. Увы! годы и многое другое взяли свое. Онъ измѣнился; но я его по прежнему люблю. Мы давно не видались; письмами же перекидываемся... больше все бесѣдовали о васъ. Да признаться, я-таки за вами слѣдилъ съ особымъ сочувствіемъ. Вы вѣдь развѣдчикъ, начинатель,—въ глубь Бухары проникали, въ Кашгаръ... Ваше имя мы даже въ газетахъ встрѣчали. Читалъ я наконецъ и разборъ изданный вами книги о рабочихъ... Будь живъ мой Володя, и онъ со временемъ, можетъ, сталъ бы такимъ же дѣльнымъ, предпріимчивымъ и работящимъ человѣкомъ, какъ и вы! — грустно заключилъ Вечерѣевъ, трепля Ветлугина по плечу..

«А глаза-то, глаза! точно у дочери!» думалъ тѣмъ временемъ, глядя на Вечерѣева, Ветлугинъ: «большіе и полные грусти и огня; сухи, но будто недавно плакали... И смуглый такой же, и гордое выраженіе лица»...

— Чему же я обязанъ вашимъ заѣздомъ? Изъ какихъ вы странъ и какъ поживаетъ, что подѣлываетъ милый и почтенный отшельникъ, Левъ Саввичъ? Что его куры, кролики и павлины?

Ветлугинъ, нѣсколько путаясь и съ оговорками, сообщилъ Вечерѣеву о порученіи отца, сказалъ, что не смѣлъ бы поддерживать дѣтской его затѣи, но счелъ долгомъ навѣстить добраго зна-

комаго своего отца, и что если Кирило Григорьичъ не прочь отъ добрыхъ дѣлъ, то онъ готовъ съ нимъ обсудить, на что́ именно можетъ быть употреблена эта помощь?—Ветлугинъ ожидалъ, что Вечерѣевъ поморщится, или снисходительно улыбнется и, подъ благовиднымъ предлогомъ, сразу откажетъ ему въ просьбѣ отца. Вышло, однако, иначе. Вечерѣевъ задумался, еще крѣпче пожалъ руку Ветлугину и, глядя вдаль, къ синѣющимъ окраинамъ долины, сказалъ:

— Такъ, такъ... Что́ дѣлать, знаю. Кое-что до меня дошло... Еще потеря, еще уходитъ одинъ... Время ужъ, видно, такое наступило... Вербуетъ оно, вербуетъ свои полки... Впрочемъ, обсудимъ... Кажется, можно ему пособить. Во всякомъ же разѣ, и прежде всего, я отмѣнно радъ тому, что нѣкоторое промедленіе мое съ окончательнымъ отвѣтомъ дало мнѣ случай познакомиться съ хорошимъ человѣкомъ, а кольми паче съ такимъ, какъ вы. И потому, надѣюсь, вы теперь, Антонъ Львовичъ, не откажетесь возвратиться ко мнѣ?

Ветлугинъ медлилъ согласіемъ.

— Полноте, полноте, молодой дѣлецъ. Уступите намъ себя хоть на время... Самсонъ, ты оставайся, заберешь почту... А вещи ваши мы положимъ въ карету, и маршъ ко мнѣ. Небо какъ-будто заволакиваетъ. Видно, на завтра дождь. Намъ за то будетъ прохладнѣе ѣхать. Мои кони отдохнули и теперь побѣгутъ хорошо. Я ихъ, кстати, не вдали отсюда, на постояломъ дворѣ, подкормилъ и напоилъ...

Нечего было дѣлать. Ветлугинъ согласился; разсчитался со смотрителемъ, сѣлъ въ карету къ Вечерѣеву, и сѣрый шестерикъ опять выбрался на бугоръ, звякнулъ бляхами и цѣпочками наборныхъ хомутовъ и дружной рысью понесся обратно въ Дубки.

— Но вы, Кирило Григорьевичъ, уѣхали изъ дому, кажется, не менѣе какъ на недѣлю? спросилъ Ветлугинъ.

— Такъ... только, увы! мой пріятель и сослуживецъ Ченшинъ, къ которому я постоянно, разъ въ годъ, ѣзжу въ эту пору на именины, тоже увлекся приманками торговыхъ оборотовъ. Онъ принялъ долю въ устройствѣ желѣзной дороги черезъ сосѣдніе уѣзды и, не дождавшись меня, выѣхалъ за сто верстъ, на какой-то съѣздъ инженеровъ, землевладѣльцевъ и капиталистовъ. Все предпріятія нынче, съѣзды, прожекты, да ассоціаціи. Одинъ я ни къ кому не пристаю и болѣе всего люблю покой и тишину...

Карета неслась.

Вечерѣевъ сталъ припоминать ту пору, когда отецъ Ветлу-

гина готовилъ его сына въ гимназію. Онъ въ подробности разсказалъ, какъ проводилъ съ нимъ время и какъ Левъ Саввичъ плѣнялъ его чистотой убѣжденій и рѣдкой честностью восторженной души.

— Но каковъ, однако же, философъ! воскликнулъ Кирило Григорьичъ: да и годы-то,—повторяю,—какъ бѣгутъ! Кто могъ бы думать, ожидать? Прошло какихъ-нибудь семь-восемь лѣтъ, и какъ онъ измѣнился! Да... Новый вѣкъ и новыя идеи... Дай Богъ вашему отцу успѣха... Я охотно ему помогу, охотно, тѣмъ болѣе, что вѣроятно вы же будете руководить его предпріятіями. Да и кому-жъ больше? Вы практикъ, съ вами не опасно никому. Ну, а безъ васъ онъ, недавній затворникъ и мечтатель, того и гляди, еще попадетъ въ-руки къ темнымъ личностямъ, какихъ теперь не мало. Вотъ хоть бы мой сосѣдъ...

— Кто такой? спросилъ Ветлугинъ.

— А мало ли ихъ теперь у меня, да и у каждаго изъ насъ. Вѣрите ли, жажда къ обогащенію у нѣкоторыхъ изъ этихъ господъ пріобрѣтателей такова, что, кажется, отца родного не пожалѣютъ, если это будетъ выгодно для какой-нибудь ихъ спекуляціи...

«Клочковъ! пробѣжало въ умѣ Ветлугина: и здѣсь видно не на шутку насолилъ.»

Вечерѣевъ съ презрѣніемъ откинулся въ уголъ кареты и замолчалъ.

— За то, мой добрый другъ, началъ онъ, перегодя: я теперь живу какимъ-то выродкомъ среди другихъ... Хозяйствомъ почти не занимаюсь... Вотъ хоть бы этотъ лѣсъ. Вы думаете, что я продалъ его для барышей? Ничуть не бывало. Этотъ лѣсъ былъ въ черезполосномъ владѣніи; а здѣшнему предводителю Талищеву понадобились дрова для завода, такъ я съ моимъ порубежникомъ и кончилъ дѣло купчею...

— Но почему же вы, Кирило Григорьевичъ, разлюбили хозяйство?

Вечерѣевъ, казалось, не разслышалъ этого вопроса. Онъ глядѣлъ вдаль, къ зеленымъ, убѣгающимъ холмамъ, и молчалъ.

Ветлугинъ повторилъ вопросъ.

— Не къ тому, съ нѣкотораго времени, стремятся помыслы мои, началъ тихо и какъ-бы въ раздумьи Вечерѣевъ: я послѣдній изъ могиканъ... Да, цвѣты, картины, музыка и книги,—вотъ моя отрада, хотя прежде, говорю вамъ, и я былъ однимъ изъ неутомимѣйшихъ хозяевъ... И не новѣйшія реформы измѣнили меня... О, нѣтъ! Я не черствый и не жадный человѣкъ... Не

новые порядки отняли у меня рабочій пылъ. Не о томъ, ахъ! не о томъ теперь болитъ моя душа...

Вечерѣевъ опять замолчалъ. Въ голосѣ его будто что-то оборвалось; въ немъ, какъ показалось Ветлугину, дрожали слезы. Онъ закрылъ глаза, чуть слышно вздохнулъ и, съ трудомъ пересиливая себя, какъ-бы желая отогнать нѣкую, особенно томившую его мысль, заговорилъ о другомъ.

— Ну, скажите... Видѣли вы мой домъ, паркъ, цвѣты? Понравилось вамъ у меня?

— До́ма я не видѣлъ; я переночевалъ въ саду и сейчасъ же уѣхалъ обратно.

— Какъ? Вы ночевали въ бесѣдкѣ?

— Да.

— И вамъ не показали моего дома?

— Некогда было; я торопился, чтобъ еще сегодня поспѣть къ отцу... Впрочемъ, на вашу усадьбу довольно было взглянуть и снаружи; все у васъ устроено съ такимъ вкусомъ.

Вечерѣевъ оживился.

— Самъ когда-то, самъ я хлопоталъ надъ всѣмъ этимъ... Паркъ въ двадцать десятинъ разбилъ, садъ насадилъ въ пятнадцать. Церковь построилъ, домъ, службы... При богатствѣ, вы скажете, это не диво. Не диво-то, не диво. Но сколько я лично надъ этимъ потрудился, сколько было вначалѣ разочарованій и неудачъ. Плоды за то собираю теперь...

Вечерѣевъ горько усмѣхнулся. Что-то недосказанное, тяжелое снова отозвалось въ его словахъ.

Карета мчалась мѣрною рысью. Виды мѣнялись. Солнце спряталось за тучей. На поля и на ближніе лѣсистые холмы легла густая тѣнь. Стали падать крупныя капли дождя.

Прошло нѣсколько минутъ. Ветлугину показалось, что его суровый собесѣдникъ, сидя съ нимъ рядомъ, отъ усталости вздремнулъ. Но, покосясь на него, онъ увидѣлъ, что Вечерѣевъ не спитъ. Лицо его стало еще сумрачнѣе. Глаза были устремлены въ окно.

— Вы, съ усиліемъ и точно глотая подступавшія слезы, обратился онъ къ Ветлугину: вы ничего не слыхали о моихъ... о моей семьѣ?

Антонъ Львовичъ слегка смѣшался и отвѣтилъ, что не слышалъ ничего.

Вечерѣевъ вздохнулъ.

— Володя, Володя! дрожащимъ голосомъ и точно про себя,

тихо прошепталъ старикъ: — жилъ бы ты на свѣтѣ, было бы у меня для кого работать и жить...

Съ этими словами Вечерѣевъ плотно прижался къ каретному углу, закрылъ глаза и, какъ нѣкое привидѣніе, весь въ бѣломъ, молча просидѣлъ до конца пути.

Солнце выглянуло опять. За пригоркомъ блеснулъ крестъ церкви Дубковъ. Показалась крыша дома. Кони миновали выгонъ, рѣзво вбѣжали во дворъ и, фыркая, остановились у крыльца.

Нежданный возвратъ барина и давешняго гостя окончательно сбилъ съ толку Филата. Онъ въ припрыжку, придерживая фалды фрака, прибѣжалъ изъ флигеля и до того заметался у парадныхъ дверей, что еще долѣе, чѣмъ ночью въ бесѣдкѣ, не могъ отомкнуть незапертаго, впрочемъ, на этотъ разъ замка, и въ довершеніе собственнаго смущенія, споткнувшись о давно знакомый порогъ, чуть не растянулся.

— Что, Филя? ласково усмѣхнулся Вечерѣевъ: опять ручки прыгаютъ? Не утерпѣлъ въ уединеніи? А еще другомъ считаешься и притомъ—свободный гражданинъ...

— Я, Кирило Григорьевичъ, ничего-съ... Лопни глаза. Даже маковой росинки во рту не бывало... Зубъ заболѣлъ, такъ я лохманскихъ капель у попа попросилъ...

— Ну, ну, отворяй и веди... Знаю я твои, Филатъ Иванычъ, лохманскія капли...

Гость и хозяинъ черезъ маленькую переднюю вошли въ высокій, просторный, въ два свѣта залъ, съ хорами, роялемъ, каминомъ, копіями съ картинъ итальянской и испанской школы и старыми, по стѣнамъ, фамильными портретами.

Тяжело и медленно, точно бѣлая статуя коммандора, ступая по ярко-отчищенному паркету, Вечерѣевъ молча подошелъ къ окну, слегка расправилъ сгорбленный станъ; снялъ и на мраморный подоконникъ бросилъ перчатки, медленно обернулся, обѣими руками, съ улыбкой, крѣпко сжалъ руки Ветлугина и, посвѣтлѣвшими глазами показывая вокругъ себя, сказалъ:

— Вотъ и моя житейская пристань. Будьте гостемъ. Двадцать пять лѣтъ я тутъ сиднемъ сижу, съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ гвардіи. Да! сперва и я, какъ пріѣхалъ сюда и женился, велъ открытую и веселую жизнь; увлекался надеждами, строилъ планы и смѣло носился по житейскимъ волнамъ. Но скоро я подобралъ всѣ паруса и бросилъ якорь. Въ этой пристани за то я не боюсь никакихъ бурь и никакихъ валовъ... Пылкія надежды разлетѣлись; осталось воспоминаніе о прошломъ, да невозмутимый покой настоящаго... Всѣ считаютъ меня чело-

вѣкомъ отжившимъ и чудакомъ. И, дѣйствительно, съ виду я, вѣроятно, чудакъ. Начать съ того, что зимой я не отхожу вотъ отъ этого камина, любуюсь этими Мадоннами, рыцарями, да кардиналами, пишу мемуары, а лѣтомъ, съ утра и до поздней ночи, просиживаю вонъ на томъ балконѣ...

Говоря это, Вечерѣевъ ввелъ Ветлугина въ гостиную и распахнулъ изъ нея большую стекольчатую дверь на садовое крыльцо, откуда, изъ-подъ бѣлаго парусиннаго навѣса, такъ и обдало ихъ нѣжнымъ благоуханіемъ цвѣтовъ.

— Мой сераль! съ торжествующею улыбкой воскликнулъ Вечерѣевъ, указывая Ветлугину — вдоль рѣшетки балкона и на полянѣ — выставку всевозможныхъ уборныхъ растеній, какъ въ зелени, такъ и въ цвѣту, — азалей, гортензій, пеларгоній, японскихъ лилій и множества другихъ.

— Теперь въ мою библіотеку! сказалъ Вечерѣевъ, объ руку съ Ветлугинымъ возвращаясь въ гостиную: въ душѣ я хоть и энциклопедистъ, но развѣ можно не поклоняться такимъ поэтамъ, какъ Мильтонъ и Байронъ, Лессингъ и Дантъ? Я даже думаю...

Съ этими словами Вечерѣевъ отворилъ дверь въ библіотеку, глянулъ передъ собой и замеръ на ея порогѣ...

За угломъ одного изъ темныхъ дубовыхъ шкафовъ, у заслоненнаго желтой штофной занавѣсью окна, откинувшись на высокую спинку стариннаго кресла, въ чепцѣ и въ шали на плечахъ, съ полузажмуренными глазами, сидѣла жена Вечерѣева. Дочь его, въ сѣромъ платьѣ, съ бѣлой косынкой на груди, въ полусвѣтѣ сидѣла на скамеечкѣ у ногъ матери. На ея колѣняхъ была разогнута большая, въ старинномъ кожаномъ переплетѣ, библія. Дѣвушка читала вслухъ и, за пышными прядами нависшихъ на руки и на лицо волосъ, не замѣтила, какъ вошелъ отецъ.

— Жена! Аглая! вскрикнулъ Вечерѣевъ: какими судьбами?

Дочь вскочила, уронила книгу и радостно повисла на груди отца.

X.

Іуда Маккавей.

Не выпуская дочери изъ объятій и обращаясь къ молча вставшей женѣ, Вечерѣевъ спросилъ:

— Какими судьбами? вотъ не ожидалъ! ужъ кончили вояжъ?

— Мы часть дороги сдѣлали на пароходѣ, а тамъ пробыли не долго... оттого такъ скоро...

— И прямо сюда?

— Нѣтъ, по пути гостили еще у матушки Измарагды—она была нездорова.

— Вечерѣевъ поморщился.

— Рекомендую, сказалъ онъ: Антонъ Львовичъ Ветлугинъ, сынъ Льва Саввича; помнишь?.. А вамъ рекомендую — моя жена, — Ульяна Андреевна... Въ Парасковеевскій скитъ ѣздили. Можетъ, слышали, тамъ крестная мать моей жены, инокиня Сусанна, теперь уже покойница, игуменьей была. Ѣздили поклониться ея праху, да завернули и въ другія мѣста. А я-то ихъ жду...

— Очень рада, очень... оправляя шаль и привѣтливо вглядываясь въ нѣсколько-озадаченное лицо гостя, въ смущеніи сказала хозяйка: какъ-же... Вашего батюшку мы знаемъ, помнимъ и уважаемъ...

— Не добрая ты, плутовка! цѣлуя и обнимая дочь, сказалъ Вечерѣевъ: такъ долго меня не навѣщала... Рекомендую,—Аглая Кириловна, моя дочь...

Ветлугинъ поклонился.

— Неожиданность, чистая неожиданность! продолжалъ женѣ и дочери Вечерѣевъ; но, какъ-бы вы тамъ и какимъ путемъ ни ѣздили, я очень радъ. А теперь и васъ, Антонъ Львовичъ, мы подольше удержимъ. Не окончить же вамъ дѣла, да сей часъ и ѣхать. Деревенскіе обычаи, вѣроятно, знаете? Притомъ-же вы такой любопытный для насъ, домосѣдовъ, человѣкъ. Столько видѣли, испытали... Проси, жена. Въ нѣкоторомъ родѣ россійскій Ливингстонъ... Я такъ, извините, васъ и вашему батюшкѣ назвалъ... Представь, Антонъ Львовичъ съ караваномъ ходилъ къ Небеснымъ горамъ и, какъ видишь, — живъ... Проси...

— О, разумѣется! поддержала, окончательно приходя въ себя, Вечерѣева: для чего вамъ спѣшить! побудьте здѣсь денекъ-другой; разскажете намъ о добромъ Львѣ Саввичѣ... Онъ такъ любилъ и такъ хвалилъ нашего Володю...

Вечерѣевъ съ увлеченіемъ сталъ разсказывать, какъ онъ впервые встрѣтилъ имя Антона Львовича въ журнальной статьѣ о попыткѣ нѣсколькихъ сибирскихъ торговцевъ проникнуть въ Кашгаръ.

Дочь съ любопытствомъ покосилась на господина, который отъ Небесныхъ-горъ, за какимъ-то дѣломъ, явился къ ея отцу и утромъ такъ неожиданно забрался въ ихъ купальню.

Полусвѣтъ ли комнаты препятствовалъ, или ужъ очень Ветлугинъ смѣшался, только въ первыя мгновенія новой встрѣчи съ

Аглаей онъ ее недостаточно разсмотрѣлъ. Но когда Аглая, откинувъ за плечи волосы, молча обмѣнялась съ матерью быстрымъ и недоумѣвающимъ взглядомъ, какъ-бы говоря: «Каковъ! опять пріѣхалъ! опять насъ съ тобою, родная, смутилъ!» и медленно, съ библіей въ рукѣ, отошла къ просвѣту окна,—Ветлугину показалось, что по паркету полуосвѣщенной, обставленной книжными шкафами, библіотеки прошла развѣнчанная царица, или случайно слѣтѣвшая на землю, печальная и гордая фея.

Молодого странника, такъ еще недавно жившаго въ глуши, среди грубыхъ дикарей, приковало на мѣстѣ. Онъ слушалъ Вечерѣева, что-то ему отвѣчалъ и что-то объяснялъ, а между тѣмъ, раздумывалъ: «такъ вотъ она, затворница! вотъ это странное, загадочное существо!» Онъ не могъ отвести взгляда отъ этого строгаго и выразительнаго лица, на которомъ,—пока длилась бесѣда родителя съ гостемъ,—быстро смѣнялись то напряженное любопытство, то ласковое, дѣтское изумленіе, нетерпѣливость и робость, и рядомъ съ ними молніи лукавой и чуть замѣтной улыбки. Эта подвижность и чуткость молодости ясно говорили о томъ, сколько скрытой и сильной жажды къ жизни билось въ этой дѣвушкѣ. Но тутъ-же, на это полное блеска, силъ и красоты, налитое пылкой кровью существо вдругъ, точно изъ какого-то невѣдомаго, рокового и темнаго міра, набѣгала тѣнь,—и ясность его померкала... Глаза пугливо и пристально устремлялись въ сторону, какъ-бы ожидая оттуда иныхъ велѣній и завѣтовъ. И, точно по мановенію чьего-то грознаго, блѣднаго перста, эта стройная, худощавая дѣвушка, казалось, была готова немедленно опустить руки, склониться покорной головой и безповоротно, отъ жизни и свѣта, пойти на встрѣчу мраку, полному призраковъ, печали и могильной тишины...

— Милости-же просимъ, сказалъ Вечерѣевъ, отворяя дверь библіотеки и снова провожая гостя, жену и дочь въ гостинную, а оттуда на крыльцо въ садъ: очень радъ, побесѣдуемъ...

— Извините меня... Я сегодня утромъ васъ невольно испугалъ, сказалъ Ветлугинъ, идя съ Аглаей впереди другихъ.

— Ничуть, отвѣтила спокойно Аглая: я просто была удивлена. Мы никакъ не ожидали.

— Полюбуйтесь, молодой человѣкъ, началъ Вечерѣевъ, взявъ подъ руку гостя: посмотрите на мои тюльпаны, примулы, или на это море петуній...

Аглая сошла на цвѣтникъ, отыскала лейку и стала поливать грядку ночныхъ фіалокъ.

— Аглая, нарви намъ этихъ цвѣтовъ, крикнулъ съ крыльца Вечерѣевъ: полюбуйтесь, Антонъ Львовичъ... А? каковъ запахъ?

— Отсюда-бы не ушелъ, отвѣтилъ Ветлугинъ, принимая отъ дѣвушки цвѣтокъ: фіалка-жъ... я лучше не знаю цвѣтовъ... Народъ ее зоветъ Ночной Красавицей...

Аглая сорвала и подала гостю еще нѣсколько цвѣтковъ. «Такъ и вы любитель сада?» спросила она.

— Я наслѣдовалъ эту любовь, сказалъ, спускаясь къ грядкамъ, Антонъ Львовичъ: отъ отца и отъ покойницы моей матери.

— Какъ? вы лишились матери?—сочувственнымъ, робкимъ взглядомъ окидывая гостя, спросила Аглая.

— Я лишился матери почти ребенкомъ. Мнѣ тогда было не болѣе девяти лѣтъ.

— Она теперь далеко,—какъ-бы про себя, взглянувъ къ вершинамъ деревъ, сказала Аглая: за то она теперь молится за васъ...

Что-то чарующее и нѣжное, какъ золотой, несбыточный сонъ, отъ звука этихъ словъ отозвалось въ душѣ Ветлугина. Ему показалось, что онъ въ это мгновеніе стоитъ не здѣсь, въ саду, а гдѣ-то далеко, у стѣны какого-то монастыря, въ Испаніи, или въ Италіи; что сквозь рѣшетку монастырской ограды на него глядятъ темные мирты и кипарисы, а между нихъ мелькаютъ бѣлыя покрывала затворницъ.

Гость и Аглая обошли поляну и стали за чащей вязовъ у рѣки.

— Иной разъ такъ завидна смерть, сказала Аглая: молодость, счастье, надежды,—все это такъ недолговѣчно...

— Вы неправы, отвѣтилъ Ветлугинъ: выше жизни нѣтъ ничего; и все, что̀ внѣ жизни, мракъ и запустѣніе безъ конца.

Сказавъ это, онъ невольно смѣшался и замолчалъ.

Такъ прошло нѣсколько мгновеній. Чуть замѣтный вѣтеръ колебалъ вѣтви деревъ. Душистой прохладой тянуло отъ рѣки.

— Да гдѣ-же это вы, господа? изъ-подъ навѣса крыльца раздался голосъ Вечерѣева: я васъ зову, зову, а вы и не слышите.

Аглая отозвалась, вбѣжала на балконъ и съ новыми поцѣлуями бросилась на шею къ отцу. Ульяны Андреевны не было здѣсь. Она хлопотала объ обѣдѣ.

За обѣдомъ Кирило Григорьичъ оживился и почти неумолкалъ.

— Меня упрекаютъ, говорилъ онъ: что я не ѣзжу въ сто-

лицы, безвыѣздно живу въ деревнѣ. А на что́ тамъ, я васъ спрашиваю, и смотрѣть? Что́ въ нихъ, въ этихъ столицахъ, скажите по правдѣ, хорошаго. Развѣ тамъ чтутъ Моцарта, Гайдна, любятъ Рафаэля? Кромѣ водевилей, фальшивыхъ косъ и зубовъ, да пародій на всѣхъ и все,—нѣтъ у современнаго человѣка ровно никакихъ идеаловъ... Рыцари желтаго шиньона, воля ваша, такъ и просятся въ желтый домъ...

— Нѣтъ, Кирило Григорьичъ, перебилъ Ветлугинъ: теперь вездѣ и во всемъ болѣе здороваго и полезнаго труда...

— Въ чемъ-же этотъ трудъ? гдѣ наши великіе лю́ди? гдѣ геніи страны? Кто представляетъ нынче у насъ Пушкина, Брюлова? гдѣ преемники Глинки, фонъ-Визина?

— Въ переходныя времена геній какъ-бы скрывается, отвѣтилъ Ветлугинъ: но это только такъ кажется: онъ нисходитъ въ чернорабочія силы, переселяется въ толпу...

— Великій народъ? народъ-геній? рѣзкимъ голосомъ захохоталъ Вечерѣевъ: ну-ка, чѣмъ помянетъ наши времена? Не рядомъ-ли неслыханныхъ общественныхъ скандаловъ, съ племянниками, отравителями богачей-дядюшекъ, и съ Маратами — изъ гимназистовъ четвертаго класса? Что-же, что́ у васъ хорошаго?..

— Зданіе общества — выражусь сравненіемъ — за-ново перестраивается, отвѣтилъ Ветлугинъ: лѣса еще закрываютъ его снизу до верху. Рабочіе лѣпятся вдоль стѣнъ и на крышѣ, висятъ въ качалкахъ подъ карнизами, снуютъ по временнымъ подмосткамъ и лѣстницамъ... Стучатъ молотки, визжатъ пилы, сыплется пыльный мусоръ и кирпичи изъ рукъ въ руки перебрасываются отъ земли до пятаго этажа... Что́ будетъ изъ всего этого, трудно еще сказать. Но геній вѣка, сила вещей,—этотъ главный архитекторъ,—работаетъ безъ устали надъ всѣмъ... Больше свѣта окнамъ, больше простора и чистаго воздуха жилью! думается, глядя на эти лѣса: да иначе и быть не можетъ... Время возьметъ свое... Вѣдь тамъ жить будутъ, жить, отъ верхняго яруса до нижняго, до подвала и до собачьей конуры...

— Вашими-бы устами медъ пить! вашими! — вставая изъ-за стола и съ улыбкой поглядывая на молодого гостя, сказалъ Вечерѣевъ.

Аглая слушала ихъ молча и тотчасъ послѣ обѣда, накинувъ на голову платокъ, равнодушно и ни на кого не глядя, ушла. Явилась она опять уже въ сумерки.

Вечеръ хозяева и гость опять провели въ бесѣдѣ на садовомъ крыльцѣ. Здѣсь они пили чай, разливаемый Аглаей, здѣсь ихъ настигла и темная, оглашаемая соловьиными пѣснями и зво-

номъ кузнечиковъ, ночь. Надъ садомъ выплылъ мѣсяцъ. Стало прохладнѣе. Всѣ перешли въ залъ и, долго еще бесѣдуя, ходили здѣсь при лунномъ свѣтѣ... Аглая разспрашивала Ветлугина о Сибири, о ссыльныхъ, о пути въ эти далекіе края. Потомъ заговорили о Петербургѣ, о Москвѣ. Аглая вела рѣчь умно, хотя жизнь столицъ была ей незнакома и мало ее занимала.

— Ты-бы, Кирило Григорьичъ, что-нибудь гостю съигралъ! остановившись и мысленно уносясь въ прошлое тихой, полуосвѣщенной залы, сказала Ульяна Андреевна.

— А вы и музыкантъ? спросилъ Ветлугинъ.

— Да, такъ себѣ; остатки молодости... Игралъ прежде на фортепіано, въ четыре руки съ женой. Теперь-же, иной разъ, одинъ играю на віолончели.

— Сдѣлайте одолженіе, съиграйте, подхватилъ Антонъ Львовичъ.

— Что-же бы вамъ сыграть? И не потребовать-ли огня?

— Для чего-же? сказалъ Ветлугинъ: такъ, въ полу-мракѣ, лучше...

— Генделя! чуть слышно шепнула матери, стоя въ темномъ простѣнкѣ за колоннами, Аглая.

Ветлугинъ вздрогнулъ. Ему снова почудилось, что онъ гдѣ-то далеко: надъ нимъ громоздятся террасы, балконы и виноградники; и вдругъ съ одного изъ балконовъ надъ нимъ раздался шопотъ: «ты ли это? стой! я давно жду тебя!» Онъ невольно обернулъ голову... Аглаи за колоннами уже не было. Она съ матерью ходила по залѣ.

— Не играете-ли что-нибудь изъ Генделя? спросилъ, подходя къ Вечерѣеву, Ветлугинъ.

Кирило Григорьичъ сначала поморщился, точно сомнѣваясь, ужъ не смѣются-ли гость и его ближнія надъ нимъ, неуклюжимъ и отжившимъ старикомъ? Но потомъ онъ ободрился, выпрямился и отвѣтилъ: «Съ удовольствіемъ! съиграю вамъ, если хотите, фантазію на мотивъ изъ ораторіи этого композитора — Іуда Маккавей... Музыка строгая, въ родѣ средневѣковыхъ монашескихъ хораловъ... Гендель здѣсь особенно торжественъ и возвышенъ. Но можетъ быть, Антонъ Львовичъ, это не въ вашемъ вкусѣ?»

— О, помилуйте... Кто-же не увлекался рыцарскими преданіями? Крестъ и мечъ, и битвы за милыхъ сердцу... Что̀ можетъ быть дороже! Это меня волновало съ дѣтства...

Аглая съ сочувствіемъ взглянула на гостя. Ей припомнились легенды о крестоносцахъ, какъ тѣ, съ шарфами обожаемыхъ красавицъ черезъ плечо, шли на гибель за вѣру. Съ своей сто-

роны и Ульяна Андреевна снисходительно встрѣтила слова Ветлугина и, глядя на него, шепнула дочери: «Какъ онъ напоминаетъ своего отца... Такъ молодъ, а столько души!»

Кирило Григорьичъ, кряхтя вполголоса, вынесъ изъ кабинета потертый, китообразный футляръ, досталъ изъ него старый, потертый віолончель, сѣлъ съ нимъ у колоннъ, въ темной сторонѣ залы подъ хорами, осѣдлалъ его длинными, костлявыми ногами и, сказавъ: «Извольте... я буду играть; а вы себѣ ходите... только не соскучьтесь меня слушать!» крякнулъ, расправилъ руку и взялъ смычкомъ нѣсколько несмѣлыхъ, дрожащихъ и не совсѣмъ-то вѣрныхъ звуковъ.

Ветлугинъ помѣстился въ другомъ углу, близъ оконъ. Онъ до того при этихъ вступительныхъ нотахъ смѣшался, что подумалъ: «Какая, однако, жалость... И зачѣмъ я попросилъ старика играть? Хорошъ выйдетъ у него этотъ бѣдный Гендель»...

Звуки, между тѣмъ, стали крѣпчать. Смычекъ началъ брать тверже и смѣлѣе, и гулкая струна, въ потемкахъ высокой залы, сверхъ всякаго ожиданія, передавая торжественный хоралъ, запѣла не только правильно, но и съ неподдѣльнымъ чувствомъ.

Мать и дочь, обнявшись и изрѣдка перешептываясь, точно тѣни, подъ музыку двигались по залѣ. Онѣ то исчезали въ ея неосвѣщенной сторонѣ, то снова выходили на блѣдныя полосы мѣсяца, въ которыхъ чуть трепетали вѣтви глядѣвшихъ въ окна деревъ.

Ветлугину стало казаться, что Аглая и ея мать были тѣми-же звуками віолончеля; что онѣ, слетая со смычка и то здѣсь, то тамъ, плавая по залѣ, сливались съ ея чарующей и полной звуковъ темнотой.

«Видно не разъ,» подумалъ Ветлугинъ: «одинокій и угрюмый старикъ, въ такія-же лунныя ночи, оживлялъ своей игрой эту пустынную залу. Сколько хорошаго завезъ онъ въ эту глушь и дичь, гдѣ изъ другихъ выходили одни плотоядные звѣри, либо грубые, самодовольные и безсердечные пошляки»...

Ульяна Андреевна ушла во внутреннія комнаты. Разстроенная воспоминаніями о прошломъ, она украдкой утирала слезы. Многое вспомнилось Вечерѣевой: молодость и свѣжесть чувствъ, теплота непорванныхъ надеждъ и ничѣмъ неомраченная вѣра въ счастье.

Ветлугинъ также перенесся мыслями къ своему прошлому. Но онъ могъ думать только объ одномъ... Точно околдованный, изъ темнаго угла слѣдилъ онъ, какъ Аглая, заложа руки за

спину и не поднимая глазъ,—упиваясь игрой отца,—медленно ходила взадъ и впередъ по залѣ.

«Какъ? думалъ онъ: и этой дѣвушкѣ суждено заглохнуть? Ей,—единственной дочери этого старика? И все, чтó сулитъ жизнь и чѣмъ она дорога для мыслящаго существа, пройдетъ мимо, не коснувшись ее?»

Антонъ Львовичъ всталъ, подошелъ къ Аглаѣ и рядомъ съ нею сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. Разговоръ не вязался. Все, чтó ни говорилъ гость и чтó ни отвѣчала ему Аглая, казалось такимъ обыденнымъ, блѣднымъ. Они замолчали, слушая музыку и продолжая ходить.

— Какіе звуки! какъ-бы про себя сказалъ Ветлугинъ.

Аглая, казалось, не разслышала его словъ.

— Гдѣ вы? спросилъ ее Ветлугинъ.

Аглая замедлила шаги.

— Извините, продолжалъ онъ: ваши мысли вѣроятно не здѣсь... вы далеко, не въ этихъ мѣстахъ...

— Да,—чуть слышно отвѣтила Аглая.

— Гдѣ-же вы?

— На верху высокой-высокой горы,—полузажмурясь, точно дѣйствительно въ ту минуту она стояла надъ крутизной,—сказала Аглая.

— Что-же тамъ, на верху этой горы?

— Лѣсъ, свѣжій воздухъ, скалы... да мало ли еще чтó! И тишина, такая тишина... Ахъ, какое чудное, синее, далекое небо... А въ небѣ свѣтлые, съ голубыми крыльями и съ огненными мечами, ангелы...

— А земля оттуда видна?

— Земли не видно... Да, впрочемъ, на землю нечего и смотрѣть. Нѣтъ на ней ничего утѣшительнаго...

— Кто вамъ это сказалъ?

— Обманъ, предательство, алчность сильныхъ и безпріютное горе голодныхъ и бѣдныхъ, сказала Аглая: вотъ чтó... Или вы скажете, я неправа? Что-же хорошаго тамъ, у васъ на землѣ?— обращаясь къ гостю, спросила она.

— Все есть, и хорошое и дурное, отвѣтилъ Ветлугинъ. Жизнь—какъ жизнь... Она разнообразна. Для хорошихъ и чест-ныхъ—это отрадный, хоть подъ часъ и тяжелый подвигъ. Чт изъ того, что иногда весь вѣкъ—борьба безъ конца за все,—з кровъ и за пищу, за самыя первыя потребности? Въ этой-т борьбѣ и въ ея побѣдахъ надъ жизненнымъ зломъ и заключаетс счастье...

Аглая, не глядя на Ветлугина, думала:

«Ну, продолжайте; чтó далѣе? я васъ слушаю»...

— Міръ отшельниковъ, міръ созерцательный, продолжалъ Антонъ Львовичъ: это не искренній отвѣтъ на призывъ матери—природы; это измѣна и смерть. Кому, скажите, нуженъ жалкій, безумный подвигъ добровольнаго самоубійства? Мы рождаемся для счастья, для блага своего и другихъ. Кто говоритъ противное, тотъ либо достойный сожалѣнія слѣпецъ, либо недобрый человѣкъ.

Ничего не отвѣтила на это Аглая, хотя словъ, только-что произнесенныхъ передъ нею, она никогда не слыхала. Сердце ея тревожно билось. Въ широко-раскрытыхъ глазахъ выражались изумленіе и испугъ. Гость ее страшилъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ей дорого было его вниманіе. И она думала: «Какъ жаль, что во мнѣ, дикой, несвѣтской и неумной, онъ не найдетъ того, чтó быть можетъ хотѣлъ-бы найти?»

Вечерѣевъ пріостановился играть.

— Что? я еще вамъ не надоѣлъ? отозвался онъ изъ-за колоннъ.

— О, нѣтъ, играйте, музыка превосходная! поторопился ему отвѣтить Ветлугинъ.

— Не правда-ли, какъ она отвѣчаетъ поэтической легендѣ о Маккавеяхъ? спросилъ Вечерѣевъ: помните, какъ это поэтически? Горсть храбрыхъ поразила полчища враговъ и возвратила своему отечеству независимость и свободу...

— Притомъ-же вы такъ исполняете, сказалъ Ветлугинъ: віолончель у васъ поетъ, какъ канторъ въ средневѣковой капеллѣ... Мнѣ такъ и видится мрачный, готическій соборъ, разноцвѣтныя, узкія окна, густые клубы дыма, высокія свѣчи и балконъ проповѣдника...

Вечерѣевъ сталъ играть опять.

Аглая прошла нѣсколько шаговъ и обратилась къ Ветлугину.

— Скажите мнѣ, спросила она: вы читали библію?

— Читалъ...

— Это моя любимая книга, продолжала она: помните ли вы то мѣсто, какъ родные братья измѣной продали въ рабство Іосифа?

— Помню...

— Не правда ли, какая низость? Было давно, а поражаетъ и теперь. Вѣрите ли?.. Однажды, еще ребенкомъ, проѣздомъ въ монастырь къ покойной бабушкѣ, я ночевала съ матерью на бѣд-

номъ постояломъ дворѣ... Было лѣто... Свѣтилъ, какъ вотъ и теперь, яркій полный мѣсяцъ. Меня положили у окна... Спать мнѣ не хотѣлось. Лежать — надоѣло. Передъ тѣмъ мы ѣхали лѣсомъ... Птичьи крики, свѣтлыя поляны и цвѣты не выходили у меня изъ головы... Я встала, взяла со стола отъ матери эту книгу и, при свѣтѣ мѣсяца, стала ее читать на окнѣ... И съ той поры братъ, проданный родными братьями, не покидаетъ моихъ мыслей... Чуть стемнѣетъ, во мракѣ мнѣ такъ и чудится бѣдный, предательски брошенный въ темницу Іосифъ... И я молюсь... Да и какъ не молиться? Люди въ первые вѣка для молитвы бросали все и уходили въ пустыню...

— Я съ вами несогласенъ, возразилъ Ветлугинъ: есть книги лучше упомянутой вами...

Аглая остановилась.

— Какія? спросила она.

— Раскройте Евангеліе... Его, разумѣется, вы читали. Но — извините — вдумывались ли вы въ него? Тамъ говорится, что были на свѣтѣ простые рыбаки... Бросили они сѣти и, вслѣдъ за Учителемъ вѣчной правды и любви, пошли проповѣдывать людямъ прощеніе обидѣвшимъ насъ и трудъ на пользу ненавидящихъ, преслѣдующихъ насъ... Вотъ гдѣ задача жизни; и вотъ гдѣ ея вѣнецъ... Не въ пустыню современному человѣку надо идти, а въ самую глубь житейскаго моря. Надо прислушаться къ нуждамъ бѣдныхъ, узнать ихъ горести, помогать имъ, и они насъ благославятъ... Въ Евангеліи сказано — я помню эти великія слова: «Отдай богатство твое неимущимъ его, и имѣти имаше сокровище на небеси...»

Приливъ новыхъ, нежданно нахлынувшихъ ощущеній охватилъ и взволновалъ Аглаю. Многое вдругъ стало казаться ей въ иномъ свѣтѣ. Но она и виду не подала, что была увлечена словами гостя. Только бѣлая косынка на сѣромъ ея платьѣ подымалась высоко, да пальцы рукъ судорожно сжимались. Она обрадовалась, когда изъ корридора блеснулъ свѣтъ лампы и возвратилась Ульяна Андреевна. Ей даже стало чудиться, что кто-то незримый и крылатый парилъ надъ нею и она, замирая, въ испугѣ слушала его шопотъ, ждала его прикосновенія...

Филатъ доложилъ, что подали ужинъ.

Вечерѣевъ взялъ еще нѣсколько звуковъ, кончилъ фіоритурой собственнаго изобрѣтенія, всталъ и началъ прятать віолончель въ тотъ же китообразный футляръ.

— А теперь, милости просимъ подкрѣпиться на сонъ грядущій! сказалъ Вечерѣевъ: мы по старинѣ—ужинаемъ.

За ужиномъ онъ разговорился о своихъ дамахъ.

— Не понимаю, сказалъ онъ: изъ-за чего онѣ странствуютъ? Что́ можетъ быть выше тихой домашней жизни?

— И вы не скучаете? спросилъ Ветлугинъ.

— Помилуйте, гдѣ тутъ скучать: я играю, читаю и изучаю Беранжѐ, Руссо; перевожу безсмертнаго Мильтона... О, это великій поэтъ... Кисть огненная...

— Прозой переводите? спросилъ Ветлугинъ.

— Какой вамъ прозой, стихами, да еще какими. Одна бѣда: некому слушать. Вѣрите ли, даже забавно... Разъ повезъ я прочесть отрывокъ изъ перевода одному здѣсь сосѣду. А онъ извиняется: некогда, братецъ, проектъ перевода натуральныхъ повинностей въ денежныя прислали, пишу протестъ. Я къ другому; этотъ говоритъ, да такъ искренно: не лучше ли въ преферансикъ?.. Ну, съ тѣхъ поръ я, разумѣется, ни къ кому ужъ и не ѣзжу...

— Ты, Кирило Григорьичъ, напрасно, однако, всѣхъ коришь, — вмѣшалась Ульяна Андреевна: пріятель твой Ченшинъ, къ которому ты теперь ѣздилъ... онъ всегда былъ тебѣ по сердцу...

— Былъ, матушка, дѣйствительно, одинъ, да и тотъ вонъ сплылъ... Въ спекуляціи пустился и ужъ, разумѣется, моихъ переводовъ, какъ и другіе, слушать теперь не станетъ...

Аглая сидѣла молча, не поднимая глазъ отъ тарелки.

— Что́ задумалась? спросилъ, бросая въ нее хлѣбнымъ шарикомъ, старикъ.

Она дѣтски-ласково улыбнулась отцу, налила себѣ въ стаканъ воды, чуть коснулась его губами и молча опять поставила на столъ.

— Какая тишина, сказалъ Вечерѣевъ, глядя въ раскрытое окно: даже мотыльки не летятъ на блескъ лампы. А кстати, Аглая, давно ли ты видѣла своихъ пчелъ?

— Давно... съ прошлой осени не видала...

— Ну, и отлично. Завтра же утромъ не худо бы всѣмъ намъ съѣздить взглянуть на твой пчельникъ. Славное мѣстечко, Антонъ Львовичъ, на взгорьѣ, у ручья. Доходъ съ пчелъ моя дочка прежде отдавала здѣшнимъ сиротамъ и бѣднымъ; а нынче все куда-то копитъ. Что́ краснѣешь?.. Или и ты тоже собираешься на какія-нибудь аферы?.. Я, разумѣется, совѣтовалъ ей лучше тратить деньги на наряды; такъ куда! не слушаетъ... Ну, что, господа, ѣдемъ взглянуть на дочкино хозяйство?

Ветлугинъ молчалъ. Аглая вопросительно взглянула на мать.

— Нѣтъ, Кирило Григорьевичъ, утромъ намъ нельзя, отвѣтила Ульяна Андреевна: завтра мы заняты.

— Ну, такъ вечеромъ; это будетъ еще лучше.

Отъ пчелъ разговоръ перешелъ къ столичнымъ и другимъ новостямъ. Коснулись и недавнихъ событій за Ураломъ.

— Все ширятся и ширятся, сказалъ Вечерѣевъ: и что̀ тамъ нашли привлекательнаго?

— Кто не былъ въ тѣхъ краяхъ, не пойметъ, отвѣтилъ Ветлугинъ: страна ссылки скоро станетъ лучшею русскою колоніей.

Антонъ Львовичъ, вспомнивъ разспросы Аглаи, увлекся похвалами Азіи вообще и сталъ описывать широкія и многоводныя сибирскія рѣки, тамошнія, полныя драгоцѣнныхъ металловъ горы и долины, — и, какъ о чемъ-то волшебномъ, заговорилъ о сибирской веснѣ, о фазанахъ, дикихъ кабанахъ и оленяхъ, о древовидныхъ можжевельникахъ и рощахъ боярышника, съ душистымъ багульникомъ, дикими анемонами и богородицыными слезками...

Аглая раскраснѣлась. Ветлугинъ не глядѣлъ на нее. Но онъ ощущалъ на себѣ ея внимательный, съ робкимъ любопытствомъ устремленный на него взоръ.

«Что̀ со мной?» пронеслось въ головѣ Антона Львовича, когда, послѣ ужина, простившись съ хозяевами, онъ вышелъ въ садъ и темными росистыми дорожками вновь направился на ночлегъ въ знакомую бесѣдку.

«Что со мной?» повторилъ самъ себѣ Ветлугинъ: «и неужели вся моя жизнь клонилась именно къ тому, чтобы нечаянно на перепутьи, здѣсь въ глуши, встрѣтить эту полную загадокъ, странную и чудную дѣвушку?..»

XI.

Потерянный рай.

Ветлугинъ взошелъ на крыльцо бесѣдки и остановился. Его невольно манило опять туда, къ этимъ сумрачнымъ и полнымъ дремоты дорожкамъ. Мѣсяцъ закатился за садомъ. Кругомъ было тихо. Кое-гдѣ только позванивалъ неугомонный кузнечикъ. Въ воздухѣ, то здѣсь, то тамъ, раздавался шорохъ летучихъ мышей. Слышался плескъ разыгравшейся въ сонныхъ омутахъ рыбы. Надъ рѣкой шелестѣли крылья возвращавшихся съ полевой кормежки дикихъ утокъ.

Ветлугинъ прошелъ нѣсколько дорожекъ. Передъ нимъ опять поляна, дворъ и домъ. Окна вездѣ темны. Свѣтится только одно вверху.

«Видно, это ея комната», подумалъ Антонъ Львовичъ. Сердце его сильно забилось. Малѣйшій звукъ кидалъ его въ холодъ и въ жаръ. Онъ хотѣлъ уйти и до мелочей принимался вспоминать, какъ все это съ нимъ случилось? Чтó случилось? Да и произошло ли что-нибудь особенное съ нимъ и вокругъ него?

Какъ онъ возвратился въ бесѣдку, какъ раздѣлся и заснулъ, этого онъ припомнить не могъ. Всталъ онъ довольно поздно. Утро давно наступило.

Нà-скоро одѣвшись, Ветлугинъ прошелъ къ дому и остановился. Со двора несся гулъ множества голосовъ. То были мѣстные крестьяне, кое-кто изъ сосѣднихъ деревень и духовенство. Справлялись поминки по хозяйскому сыну. Панихида отошла. Народъ кончалъ ранній заупокойный обѣдъ. Ульяна Андреевна съ церковнымъ причтомъ бесѣдовала на переднемъ крыльцѣ. Здѣсь же, нѣсколько поодаль, стояло нѣсколько монахинь. Аглая ходила между поминальщиками, подсаживалась къ знакомымъ крестьянкамъ, ласкала и цѣловала дѣтей и обносила водкой стариковъ.

— Много лѣтъ и счастія тебѣ, красавица ты наша! сказала, подходя къ ней съ другими дворовыми бабами, худенькая, въ темномъ каленкоровомъ шугайчикѣ, кормилица ея Егоровна: и отчего тебѣ все ѣздить, да ѣздить? Жила бы здѣсь... А мы тебѣ нашли бы хорошаго жениха, богатаго и вотъ какого красавца.

— Не придется мнѣ, кормилица, по душѣ никакой! отвѣтила, краснѣя, Аглая.

— Отчего же не придется, пташка ты наша поднебесная? подхватили другія бабы.

— Ужъ такая, видно, я народилася...

— Плетешь, матушка, путы путаешь, ненаглядная! приставали къ Аглаѣ подгулявшія бабы: знаемъ мы васъ, молодокъ-то. Ну-ка, глазкомъ сюда-туда метни... Али вѣкъ въ дѣвонькахъ быть?

Со стороны сада раздались знакомые мѣрные шаги. Дребезжащій, обрывавшійся голосъ напѣвалъ пѣсенку:

„Lorsque l'ennui pénètre dans mon fort,
„Priez pour moi, je suis mort, je suis mort...
„Quand le plaisir, à grands coups m'abreuvant,
„Gaiment m'assiège et derrière et devant,
„Je suis vivant, bien vivant, très vivant...“

Изъ-за деревъ, съ простыней въ рукѣ, показался Вечерѣевъ. Онъ былъ не въ духѣ.

— Три бабы—базаръ, семь—ярмарка!.. Охъ, ужъ эти мнѣ поминки! съ досадой, поморщившись, кивнулъ онъ ко двору: все ладанъ, да рясы, да заупокойныя молитвы. Какъ наѣдутъ—монастырь монастыремъ. Матушка Сусанна годъ ужъ какъ скончалась, сынъ — семь лѣтъ. А онѣ все панихиды справляютъ... Жить не умѣютъ, и другимъ не даютъ... Ну, какъ же вамъ спалось?

— Ничего, благодарю васъ. Кто эти монахини? спросилъ Ветлугинъ, указывая на крыльцо

Вечерѣевъ бережно развѣсилъ на кустахъ простыню и съ презрительною усмѣшкой подмигивая на инокинь, стоявшихъ возлѣ Ульяны Андреевны, отвѣтилъ:

— Какъ видите! любимое препровожденіе времени моей благовѣрной. Когда-нибудь вамъ разскажу. Предметъ, во всякомъ случаѣ, въ нашъ вѣкъ, любопытный... А знаете ли, какъ эту братію честитъ народъ?.. усмѣхнулся злобно Вечерѣевъ.

— Не знаю.

— На что, говоритъ, прытокъ чортъ, да и тотъ монаху не попутчикъ; и потомъ: чернѣй монаха, говоритъ, не будешь...

Поминальщики разошлись. Кирило Григорьичъ съ прикащикомъ толковалъ въ кабинетѣ. Ульяна Андреевна въ комнатѣ изъ корридора бесѣдовала съ старшею изъ инокинь. Аглая вышла на балконъ. Не заставъ здѣсь отца, она возвратилась въ залъ и подошла къ зеркалу. Глаза ея были заплаканы. Щеки горѣли. — «Противная, противная», сказала она себѣ, глядя въ зеркало и утирая лицо: «всѣ спрашиваютъ... Когда бы ужъ скорѣе конецъ!»

Она обернулась, вздрогнула. Къ ней изъ гостиной подошелъ Ветлугинъ. Они поклонились другъ другу. Аглая сняла съ окна пачку новыхъ газетъ и предложила ихъ гостю.

— У васъ, кажется, хорошая библіотека? спросилъ Ветлугинъ.

— Старинная. Нѣкоторые находятъ, что въ ней мало новыхъ книгъ.

— Чтó вы изъ нее читали?

— Очень мало, или почти ничего... Боссюэта, Массильона, Шатобріана... кое-кого изъ русскихъ... Дядя мой, Николай Ильичъ

Милунчиковъ, привозилъ кое-что изъ своихъ книгъ — но мы съ нимъ рѣдко видимся...

— Хотите, я вамъ что-нибудь отберу въ вашей библіотекѣ?

Аглая смахнула платкомъ пыль съ фортепьяно, переставила на подзеркальникѣ канделябръ, подумала и отвѣтила:

— Благодарю... Мнѣ совѣтовали... не знаю, есть ли здѣсь... говорятъ, что это хорошо... «Освобожденный Іерусалимъ»...

— Кто вамъ это совѣтовалъ?

— Одна моя подруга.

— Дочь здѣшняго священника?

— О, нѣтъ, сказала Аглая: она такихъ книгъ не читаетъ; больше любитъ романы. Я упомянула о другой, — объ одной изъ послушницъ, жившихъ въ бабушкиномъ монастырѣ.

Аглая провела гостя въ библіотеку. «Освобожденнаго Іерусалима» не нашли. За то Ветлугинъ отобралъ для нея кое-что ей незнакомое изъ Жуковскаго и Пушкина, а для себя нѣсколько томовъ Шиллера и изданіе Лермонтова. Принимая отъ Ветлугина выбранныя для нея книги, Аглая попросила у него на время и тѣ, которыя онъ отложилъ для себя.

— Зачѣмъ вамъ разомъ столько? спросилъ Ветлугинъ.

— Я ничего не люблю дѣлать на половину отвѣтила Аглая: и все это я прочитаю вмѣстѣ. Дядя говорилъ объ одной вещи... Послѣ, пожалуй, еще не удастся...

Обѣдали подъ навѣсомъ балкона, на воздухѣ. Аглая къ столу не вышла.

— «Неужели она такъ усердно занялась чтеніемъ?» спросилъ себя послѣ обѣда Ветлугинъ.

Всѣ разошлись по своимъ угламъ. Уходя въ бесѣдку, Ветлугинъ невольно взглянулъ на верхнее окно, гдѣ прошлой ночью свѣтился огонекъ. Это окно было теперь раскрыто и на немъ, возлѣ соломенной шляпки, стоялъ въ стаканѣ воды свѣже-нарванный пучокъ ночныхъ фіалокъ. Ветлугинъ сошелъ въ садъ и самъ не понималъ, куда идетъ. Онъ исколесилъ нѣсколько дорожекъ, спустился къ рѣкѣ, прилегъ за пригорокъ и сталъ оттуда смотрѣть на то же окно. «Ея ли это комната?» думалъ Ветлугинъ: «и что значатъ эти фіалки?» Долго здѣсь сидѣлъ Антонъ Львовичъ. Крохотная сѣрая птичка, что-то высматривая, чирикала и прыгала передъ нимъ въ тростникѣ. Пчела звенѣла и вилась надъ алой чашечкой лугового цвѣтка. Въ травѣ прошмыгнула и вверхъ хвостомъ на какомъ-то стеблѣ, дыша зеленой грудью, усѣлась рѣзвая ящерица. «Придетъ зима», размышлялъ Ветлугинъ: «ударитъ вьюга и все это замететъ. Не

будетъ ни пчелы, ни ящерицы, ни птицы». Ему вспомнилось его далекое дѣтство, кроткій ликъ и русая, большимъ узломъ повязанная, коса покойной матери; сказки няни, игры съ прочими дѣтьми... «Нирвана, смерть, небытіе!» сказалъ онъ самъ себѣ: «откуда бы эта печальная истина ни приходила, оттого не легче. Правы великіе мыслители, счастье—дикая, неосуществимая мечта. Смерть поглощаетъ все: любовь, дружбу, славу, семейную жизнь, науку и всякое могущество. Чѣмъ болѣе побѣдъ ума, тѣмъ сознательнѣе безпомощность и злополучіе человѣка. Начало его — страданіе; конецъ — разлука со всѣмъ... И зачѣмъ люди любятъ, привязываются другъ къ другу, женятся?.. Нирвана, смерть!.. Подальше отъ этого всего...»

Ветлугинъ возвратился на балконъ. Тамъ не было никого. Онъ заглянулъ въ гостиную, въ библіотеку и въ залу, и вышелъ на переднее крыльцо. Здѣсь была вся семья.

У подъѣзда, гремя бубенчиками, стоялъ запряженный парой небольшой фаэтонъ. Коляска четверней стояла возлѣ. Вечерѣевъ съ женой сидѣлъ въ фаэтонѣ; въ коляскѣ сидѣла Аглая и дочь священника, Фросинька.

— Вотъ онъ, воскликнулъ, завидя гостя, Вечерѣевъ: а мы-то васъ ждемъ... Чуть не отложили поѣздки... Искали васъ вездѣ, по саду и даже за рѣкой. Я ужъ думалъ, не пошли-ль вы охотиться?

— Куда же вы это собрались? спросилъ, точно просыпаясь, Ветлугинъ.

— Вотъ они, молодые-то дѣльцы... Ай-ай! Ужъ вы и забыли наше давешнее условіе о поѣздкѣ на пчельникъ? Надо же и хозяйкамъ доставить удовольствіе. Садитесь. Но, позвольте, однако... Куда васъ посадить? Съ нами тѣсно... Садитесь съ дѣвицами... Вамъ, кстати, будетъ и веселѣе. Рекомендую — Афросинья Адріяновна, дочь нашего священника.

Ветлугинъ поклонился.

— Антонъ Львовичъ, можетъ быть, знатокъ въ агрономіи, сказала Ульяна Андреевна: и въ такомъ случаѣ не откажетъ сообщить дѣвицамъ что-нибудь о пчеловодствѣ... Въ древности покровителями пчелъ были святые Зосима и Савватій...

— Ну, ты опять за свое, перебилъ Вечерѣевъ: это ужъ никакъ не изъ агрономіи.

Ветлугинъ сѣлъ въ коляску. Загремѣли бубенчики, закурилась пыль. Оба экипажа выѣхали за ворота.

Аглая молчала. Лицо ея было спокойно, но блѣдно. Коляска выбралась въ поле.

— Вы прочли что-нибудь изъ взятыхъ вами книгъ? началъ Ветлугинъ.

— Прочла.

— Что̀ же именно?

— «Демона» и «Каменнаго Гостя». Я вамъ говорила — дядя мнѣ совѣтовалъ прочесть...

— Какъ же вамъ эти вещи понравились?

Аглая медлила отвѣтомъ.

— Не слѣдовало мнѣ ихъ читать, сказала она.

— Почему? спросилъ съ удивленіемъ Ветлугинъ.

— Странныя книги... увлекательно и вмѣстѣ страшно... Особенно «Демонъ», — какъ хорошъ! Нѣтъ, этого быть не могло...

— Но почему же не могло быть?

— Развѣ это допускается свыше? Развѣ такъ возможно?

— Чудные стихи! перебила ее Фросинька:

Я врагъ небесъ, я зло природы —
И видишь, я у ногъ твоихъ...

И далѣе:

Святымъ захочетъ ли молиться,
А сердце молится ему...

— Да; это хорошо, но какъ грустно — какой поразительный конецъ! сказала Аглая.

Она закрыла рукой глаза и, какъ показалось Ветлугину, даже вздрогнула...

Обыкновенно веселая и разговорчивая Фросинька, тѣмъ временемъ, поглядывая на подругу, сидѣла нахмуренная и недовольная. Коляска отстала отъ фаэтона. Поле покрывалось сумерками. Перепела и жаворонки смолкали. Бѣлыя косынки развѣвались на головахъ дѣвицъ.

— Вы любите сельскую жизнь? спросилъ Ветлугинъ Фросиньку.

— Не очень-то, отвѣтила она: впрочемъ, гдѣ жить? И въ деревнѣ бываетъ хорошо. Я, напримѣръ, теперь сердита, — да, сердита, — потому что не постигаю людей... Изъ-за чего иные печалятся? изъ-за чего пасмурныя мысли? Для меня жизнь — праздникъ... И еслибы отъ меня зависѣло, еслибы только зависѣло... Ну, да что̀ тутъ! Отобранныя вами книги мы вотъ съ нею читали вмѣстѣ... Не мигай мнѣ, Алинька, не мигай!.. Я скажу правду: почаще бы вамъ, Антонъ Львовичъ, къ намъ ѣздить. Право, съ вами точно свѣтъ насталъ... Вотъ и поѣздки, и книги, и живая рѣчь... А здѣсь, въ этомъ скучномъ углу, развѣ

жизнь? съ тоски умрешь. Заѣдетъ иной разъ Милунчиковъ Николай Ильичь... Но и онъ такой всё хмурйла, недовольный...

Аглая съ укоромъ взглянула на откровенную подругу; даже завела-было посторонній разговоръ. Но та не хотѣла угомониться.

— Полно, Алечка, не лукавь, продолжала краснощекая Фрося: какъ будто это не правда? Вотъ ужъ я не люблю политики и пустяковъ. Что твоя мамаша — святая, всякъ знаетъ; что твой папаша постоянно вздыхаетъ или декламируетъ, какъ нѣмецкій пасторъ, и въ своемъ бѣломъ балахонѣ похожъ иной разъ на выходца съ того свѣта, тоже не секретъ... Мой родитель день-деньской въ хлопотахъ по требамъ и по хозяйству. Ну, какъ тутъ откровенно не радоваться живой посторонней душѣ? Я же, хоть и дочь священника, или, какъ тамъ попросту насъ зовутъ, поповна,—ну, а ни одной скучной святоши не пускала бы къ себѣ и на порогъ. Отворила бы двери для всѣхъ добрыхъ и умныхъ людей, веселилась бы, оживила бы цѣлый околотокъ, и добро дѣлала бы, только по-своему, а не такъ, какъ иныя... Ты вонъ все упрашиваешь меня: научи, Фросинька, какъ мнѣ жить, какъ сдѣлаться хорошею... Вотъ я тебя и учу...

Аглая съ возрастающимъ изумленіемъ слушала смѣлыя рѣчи Фросиньки и не знала, куда глядѣть.

— Былъ, годъ назадъ, здѣсь еще одинъ человѣкъ, продолжала Фросинька: бывшій землемѣръ, теперь управитель имѣнія Талищева, Фокинъ. Попалъ онъ въ наши мѣста случайно. По просьбѣ Кирилы Григорьича, межевалъ прошлымъ лѣтомъ его черезполосный лѣсъ, и тоже намъ отъ скуки читалъ и разсказывалъ. Только, нѣтъ... онъ какой-то странный...

Фросинька нахмурилась, а потомъ весело разсмѣялась.

— Бредитъ перестроить все человѣчество, продолжала она: а самъ цѣлые дни, какъ выпадетъ, бывало, отдыхъ, пролеживаетъ съ газетой и порваннаго локтя не соберется отдать въ починку...

Шесть-семь верстъ путники проѣхали скоро. Экипажи остановились на взгорьѣ, у небольшой тѣнистой рощицы, спадавшей къ ручью. Здѣсь-то, подъ липами и ольхами, бѣлѣли ряды чистенькихъ, покрытыхъ глиняными мисками ульевъ, а среди нихъ стояла, поросшая травою, землянка пчелинца.

Всѣ вышли изъ экипажей.

— Какой видъ, какое очаровательное затишье! сказалъ Вечерѣевъ: не правда ли?

Ветлугинъ подошелъ къ нему.

— Здѣсь только бы читать Мильтона, воскликнулъ Вечерѣевъ: знаете ли вы, мой другъ, сколько дивныхъ мѣстъ въ его «Потерянномъ Раѣ»?

Старикъ прошелъ между ульевъ, сталъ на краю взгорья, подъ деревомъ, поднялъ руку, и какъ древній бардъ, освѣщенный отблескомъ зари, съ чувствомъ, хотя отъ волненія обрываясь, произнесъ:

«Ты, все проклявши, убѣжала...
«О, Ева, гдѣ же нашъ Эдемъ?
«Твердь неба заревомъ сіяла,
«Когда по ней ты пролетала —
«И мракомъ путь мой застилала,
«А сатана былъ глухъ и нѣмъ...»

— Нѣтъ! нынѣшніе поэты не сравнятся съ прежними, вздохнулъ, отходя къ дамамъ, старикъ: гдѣ же отецъ Адріянъ?

— Папенька будетъ позднѣе, отвѣтила Фросинька.

Хозяева занялись осмотромъ пчелъ. Гость бесѣдовалъ съ пчелинцомъ. Затѣмъ все общество взобралось на вершину холма, гдѣ подъ старѣйшей изъ липъ слуги разостлали коверъ и поставили самоваръ. Когда былъ розлитъ чай, подъѣхалъ на повозкѣ и священникъ. Вечерѣевъ ему и дѣду-пчелинцу объявилъ отмѣнную благодарность за наблюденіе надъ хозяйствомъ Аглаи и подарилъ отцу Адріяну, для его пѣгашки, нѣсколько десятинъ овса, а пчелинцу—лѣсу, внукамъ на избу. Всѣ, начиная съ Вечерѣева, были въ духѣ.

Солнце догорѣло. Внизу, по кочковатымъ берегамъ ручья, поднялось многоголосое, далеко-слышное кваканье лягушекъ. Вдали къ деревнѣ тянулось стадо овецъ. Бесѣда гостей и хозяевъ смолкла. Всѣ встали, любуясь пышнымъ закатомъ зари.

— Не понимаю я людей, закрывая глаза, шептала Фросинька.

Аглая, трогая зонтикомъ траву, молча стояла поодаль. Вечерѣевъ что-то ласковое припоминалъ женѣ.

— Правъ Кирило Григорьичъ, сказалъ Ветлугинъ: рѣшительно бы отсюда не уѣхалъ...

— Да и не уѣзжайте, вполголоса обратилась къ нему Фросинька: я вамъ, если вы любопытны... если вы добрый человѣкъ... послѣ что́-то сообщу...

— Что же именно? спросилъ, подходя къ ней, Ветлугинъ.

Фросинька оглянулась.

— Есть люди, которыхъ нельзя не жалѣть, начала она и

остановилась: вы скоро, вѣроятно, услышите объ одной драмѣ... печальной и непостижимой... Только молчите, заклинаю васъ, до времени... послѣ объясню...

— Однако, пора и ѣхать, сказалъ Вечерѣевъ; подавайте лошадей.

Стали садиться въ экипажи. Фаэтонъ съ стариками Вечерѣевыми двинулся впередъ. Аглая сѣла въ коляску. Фросинька не подходила.

— А ты? спросила подругу Аглая.

— Папенька беретъ меня съ собой въ слободку къ дядюшкѣ; давно ему далъ слово. Не бойся, доѣдешь и сама.

Подошелъ священникъ.

— Да-съ, Аглая Кириловна, ужъ извините, поддержалъ онъ, завтра мой братъ имянинникъ; такъ надо его навѣстить. А моя лошаденка притомилась. Весь день ѣздилъ по требамъ... Знаете — труда не мало, хоть и толкуютъ про насъ, что попъ да пѣтухъ и не ѣвши—поютъ.

Аглая растерялась, взглянула на дорогу. Но фаэтонъ родителей въ сумеркахъ погромыхивалъ уже далеко, и она, по неволѣ, поѣхала одна съ Ветлугинымъ.

При спускѣ съ одного изъ косогоровъ, лошади чего-то испугались и было понесли. Кучеръ въ попыхахъ чуть не выронилъ возжей.

Аглая бросилась на подножку коляски.

— Куда вы, куда? вскрикнулъ, хватая ее за руку, Ветлугинъ.

— Ахъ, позвольте... Какъ быстро мчатся лошади!—впиваясь глазами въ темное, летѣвшее на встрѣчу пространство, шептала Аглая.

— Умоляю васъ, Аглая Кириловна, сядьте.

— Нѣтъ, нѣтъ! погодите... Такъ хорошо.

Волосы Аглаи развѣвались. Рука была холодна. Замелькали кусты. Запахло сыростью. Коляска врѣзалась во что-то мягкое.

— Сбились мы? спросилъ Антонъ Львовичъ кучера.

— Маленечко взяли въ сторону; да оно и лучше: по песку лошади одумаются.

И точно, коляска поѣхала тише. Начался сосновый боръ. Гдѣ-то, въ глубинѣ его, слышалось журчанье ручья. Откуда-то доносился лай собакъ. А вдали, сквозь чащу деревъ, какъ голова привидѣнія, поднимался красный шаръ мѣсяца.

Аглая сѣла на прежнее мѣсто.

— Не понимаю, сказала она, изъ-за чего беречь жизнь, когда всѣмъ и всему одинъ конецъ...

«Погашеніе всего въ небытіи!» пробѣжало въ умѣ Ветлугина; «натуръ-философы и отшельники сходятся на одномъ...»

— Жизнь коротка, сказалъ онъ: и подъ часъ тяжела; но великіе міра, геніи искусствъ и наукъ, повелители царствъ, умершіе давно, дорого бы дали, чтобы промѣнять свои славныя могилы на жизнь послѣдняго нищаго на землѣ.

— Весь міръ единой души не стóитъ, отвѣтила Аглая: міръ не вѣченъ; только душа нетлѣнна... Небо и земля мимо идутъ, словеса же Господни не идутъ мимо...

— Вы мало знаете жизнь, возразилъ Ветлугинъ: если бы вы ее узнали болѣе, вы убѣдились бы, что въ ней мигъ одинъ иногда стóитъ цѣлой вѣчности...

Аглая хотѣла отвѣтить и не находила словъ. Ей казалось, что между нею и ея сопутникомъ въ это мгновеніе сидѣло третье существо: то была другая Аглая, новая, непохожая на первую. «Слушай его, слушай! шептала ей эта вторая Аглая: онъ ласковый, добрый, умный такой, и не даромъ ты его встрѣтила...»

Вся помертвѣвъ, съ холодными руками, сидѣла Аглая, боясь глядѣть въ обступившую ее темноту. Лошади неслись быстро.

Коляска стала спускаться къ усадьбѣ.

Сославшись на усталость, Ветлугинъ отказался отъ ужина. При прощаньи съ хозяевами, онъ мелькомъ взглянулъ на Аглаю: глаза ея свѣтились страннымъ, тревожнымъ огнемъ. Въ лицѣ выражалась рѣшимость. Въ первый разъ, отвѣчая поклономъ на поклонъ гостя, она крѣпче обыкновеннаго, по-мужски пожала ему протянутую руку и сказала ему:

— Мы говорили о вѣчности; можетъ быть вы и правы—жизнь иногда ставитъ такія неразрѣшимыя загадки...

— Смотрите проще на жизнь, отвѣтилъ Ветлугинъ: въ ея простотѣ—лучшее счастье.

— Счастье, сказали вы?... Да если оно недолговѣчно, если все оно — мигъ одинъ... стóитъ ли думать о такомъ счастьѣ?

«Что она хотѣла сказать?» войдя въ свою комнату, точно опаленный искрами нежданнаго блаженства, терялся въ догадкахъ Ветлугинъ: «чтó на умѣ у этой чудной дѣвушки?... О! ей суждено счастье, и она его достигнетъ!»—«Вотъ съ кѣмъ трудиться, вотъ съ кѣмъ жить!» повторялъ онъ, замирая отъ страха за свои безумныя, сладкія, дерзкія мечты.

Антонъ Львовичъ долго сидѣлъ на диванѣ, наконецъ сталъ раздѣваться и уже собирался задуть свѣчу, какъ къ нему постучались.

— Войдите, сказалъ онъ, дверь не заперта.

Вошелъ Кирило Григорьичъ.

— Вы меня извините, началъ черезъ силу, усаживаясь у постели гостя, старикъ: я пришелъ къ вамъ за совѣтомъ,—пришелъ съ посѣтившей меня тяжкой бѣдой...

— Что́ съ вами? вы такъ блѣдны? спросилъ Ветлугинъ.

— Я затрудняюсь... Но вѣрьте мнѣ, — я бы васъ не безпокоилъ...

— Говорите, говорите.

— Моя жена... сказалъ Вечерѣевъ: я этого только не замѣчалъ... сошла, кажется, съ ума...

— Что вы! можетъ ли это быть! Когда?

— Да, да; она положительно и окончательно помѣшалась... И я вамъ это докажу... О, пожалѣйте меня, надѣлите совѣтомъ. Вы... вы такъ напоминаете мнѣ моего сына...

Голосъ старика задрожалъ. Слезы подступили къ его горлу.

— Мало того, продолжалъ онъ: что моя жена, ни съ того, ни съ сего, начала ѣздить по монастырямъ да по церквамъ... Нѣтъ, она... простите меня, старика, за откровенность!... Она, безумная, и единственную нашу дочь... стала съ собой всюду возить... И всегда я, всегда ждалъ, что она ее погубитъ... А теперь, сегодня... О! зачѣмъ я ранѣе не принялъ мѣръ, ранѣе, слѣпой и негодный старикъ?

— Что́ же такое у васъ случилось? Не стѣсняйтесь, откройте мнѣ все по душѣ.

— Открыть? Вонъ кого спросите! тамъ! вскрикнулъ Вечерѣевъ, указывая торжественно рукой вверхъ.

Черные глаза его были тусклы. Въ каждой чертѣ лица выражалось смятеніе, горечь и страхъ за нѣчто, ожидавшее его впереди.

— Тамъ! еще громче закричалъ, дергая за руку Ветлугина, старикъ: въ небѣ пишутся приговоры всему... Здѣсь же мы — жалкая мелочь и прахъ... Я потерялъ жену; потеряю, кажется, и дочь...

— Но что́ за причина подобному настроенію вашихъ близкихъ?

— У жены потеря сына; печаль, чтеніе отшельническихъ книгъ; у дочери, разумѣется, примѣръ матери. Пока Алинька училась здѣсь, съ дочерью священника, все было хорошо... Но

я отпустилъ ихъ однажды въ скитъ къ крестной матери моей жены... Съ тѣхъ поръ и пошло...

— И давно это случилось съ вашей женой?

— Семь лѣтъ куралеситъ, семь лѣтъ! задыхаясь и съ силой ударяя себя въ грудь, сказалъ Вечерѣевъ: вѣрите-ли? Какъ тутъ было дѣвочкѣ не сойти съ ума? Домъ у меня большой; помѣстье устроено отлично. Тутъ бы только жить, да жить. Такъ нѣтъ. Эта безумная, эта причудница, моя жена, всѣмъ пренебрегла. Началось съ того, что она стала запираться въ дальнихъ комнатахъ, окружать себя захожими монашенками и всякими попрошайками... Срамъ, бывало: ходитъ простоволосая, неодѣтая; зажжетъ свѣчи передъ образами, накуритъ по дому ладаномъ. И вся эта компанія, на моихъ глазахъ, ночь на пролетъ читаетъ подвижническія молитвы, либо канты поетъ про мучениковъ. Я васъ спрашиваю, каковъ былъ примѣръ для Аглаи?

— Да, согласился Ветлугинъ: но отчего же вы не пробовали развлекать вашей дочери? Отчего не удалили отъ матери?

— О! простоналъ Вечерѣевъ, отчаянно замотавъ головой и смаргивая покатившіяся по лицу слезы: все было испробовано, все... Я предлагалъ женѣ отдать дочь куда-нибудь въ лучшій пансіонъ. Она отдала ее, но — не прошло и года — отъ разлуки съ нею заболѣла. Я три зимы сряду совѣтовалъ везти Аглаю въ Москву или въ Петербургъ; а она повезетъ ее и опять очутится гдѣ-нибудь въ монастырѣ. И всякій разъ накупитъ ей новыхъ священныхъ книгъ: житія первыхъ мучениковъ, Ѳому Кемпійскаго, Ефрема Сирина и другихъ... Этой зимой я разсчитывалъ прямо отнять у нея Аглаю и, съ племянницами одного знакомаго, отправить ее подалѣе въ чужіе края. Но она опять, изъ другой вотчины, гдѣ онѣ обѣ тогда гостили, уѣхала съ Аглаей на богомолье въ Кіевъ... Теперь, какъ вы знаете, онѣ снова ѣздили... Все сдѣлано и все испробовано: игрушки, наряды, веселыя сверстницы, опытныя наставницы, ничто не помогло... ничто...

Вечерѣевъ откинулся въ кресло и закрылъ лицо руками.

— Успокойтесь, бросился утѣшать его Ветлугинъ: напрасно вы такъ отчаяваетесь... Мнѣ кажется... я давеча ѣхалъ съ Аглаей Кириловной... я ничего въ ней такого не замѣтилъ...

— Ничего? закричалъ опять, блуждающими глазами уставясь въ гостя, Вечерѣевъ: ничего? — повторилъ онъ, дёргая его за руку: такъ слушайте-же... Нынче, послѣ ужина, — за которымъ ни жена моя, ни Аглая ничего, какъ у какого врага, не ѣли, — всѣ разошлись по своимъ комнатамъ. Вдругъ меня зовутъ на верхъ... Тамъ съ дѣтства комната дочери. Я пошелъ туда. Смотрю, Аглая

плачетъ. — «Что съ тобой?» — Молчитъ. — Оглядываюсь, у нея жена. — «Что все это значитъ?» спрашиваю у жены. Та подходитъ, ломаетъ руки. — «Заклинаю тебя, говоритъ: не откажи, сдѣлай Аглаю счастливой».

Вечерѣевъ помолчалъ.

— Вы понимаете, продолжалъ онъ: счастье дочери... Какъ отозвались во мнѣ эти дорогія слова? Чтó отвѣтили бы вы на моемъ мѣстѣ?

— Я спросилъ бы, въ чемъ это счастье?

— Такъ сдѣлалъ и я... Скажи, говорю, прежде, въ чемъ дѣло?—«Въ чемъ дѣло?» говоритъ жена: вотъ въ чемъ—помоги Аглаѣ; продай или заложи нашу другую вотчину и дай ей выдѣлъ.»—«Но зачѣмъ ей, спрашиваю, эти деньги? Развѣ она не единственная наслѣдница всего нашего состоянія?»—«Отпусти ее,— говоритъ,—въ монастырь... Она внесетъ эту сумму на келью и, коли сподобитъ Господь, останется тамъ навсегда... Не лишай ее ангельскаго чина... Не бери на душу грѣха...» Обращаюсь къ Аглаѣ—та не возражаетъ.

Ветлугинъ остолбенѣлъ. Сердце его упало. Надъ головой потянуло холодомъ.

— Чтó скажете на это? спросилъ его Вечерѣевъ.

Ветлугинъ молчалъ. Онъ, казалось, не понималъ обращеннаго къ нему вопроса. Все въ душѣ его сразу будто умерло, погасло, куда-то улетѣло.

Вечерѣевъ не спускалъ съ него померкшаго взора.

И вдругъ, съ силой, снова задёргавъ Ветлугина за руку, онъ закричалъ:

— Жалости въ людяхъ нѣтъ, жалости. Все пропало; все проглядѣла эта сѣдая, глупая голова... Куда мнѣ ѣхать, кого просить? Все состояніе отдалъ бы я, чтобъ этого не случилось... И если она... если Аглая... дѣйствительно пойдетъ въ монастырь... слушайте... жизнь моя тогда кончена... Я либо брошусь въ омутъ, либо застрѣлюсь...

— Вы хотите, сказалъ Ветлугинъ: сдѣлать вашу дочь счастливою? Въ вашей власти не соглашаться на просьбу жены...

— Не соглашаться? О! вы не знаете моей жены, не знаете... Она... Да что тутъ...

Старикъ не договорилъ. Онъ упалъ головой на столъ и повторяя: «Вы не знаете моей жены», зарыдалъ, какъ ребенокъ.

XII.

Дѣдъ Лукашка.

Вѣсть о намѣреніи дочери поступить въ монастырь сильно сразила Вечерѣева. Онъ провелъ ночь безъ сна, а къ утру заболѣлъ. Черезъ день ему стало хуже.

Всѣ въ домѣ повѣсили головы. Прислуга ходила па цыпочкахъ. У двери въ кабинетъ, гдѣ лежалъ больной, сторожилъ Филатъ. Ветлугинъ хотѣлъ навѣстить Кирилу Григорьича, но его къ нему не пустили.—«Барыня вторую ночь тамъ сидятъ, шепнулъ ему многозначительно Филатъ: за докторомъ послали...»

Аглая, не замѣчая гостя, нѣсколько разъ проходила въ кабинетъ и возвращалась оттуда съ заплаканными глазами.

Передъ обѣдомъ, по приглашенію Вечерѣевой, на верху, въ комнатѣ Аглаи, отецъ Адріянъ отслужилъ молебенъ о здравіи болящаго. А къ вечеру, когда уже пріѣхалъ докторъ, за кѣмъ-то ускакалъ новый верховой.

— Что это, за другимъ докторомъ поѣхали? спросилъ Ветлугинъ Филата, который съ блюдомъ льда отъ погреба спѣшилъ на крыльцо.

— Никакъ нѣтъ-съ; барышня за дяденькой за своимъ послали, отвѣтилъ на ходу Филатъ: оченно ихъ любятъ; такъ, видно, посовѣтоваться...

— Развѣ барину хуже?

— И не говорите; какъ пластъ, лежитъ, охаетъ...

Хозяйкамъ, въ такомъ положеніи, разумѣется, было не до гостя. Тѣмъ не менѣе, Ульяна Андреевна, посылая Ветлугину обѣдъ и чай въ бесѣдку, нѣсколько разъ поручала освѣдомляться, не нужно ли ему чего, и извинялась, что оставляетъ его пока одного.

Докторъ переночевалъ, прописалъ на утро новое лекарство и рано уѣхалъ.

Ветлугинъ рѣшился навѣстить священника. Ему хотѣлось повидаться съ Фросинькой.

Проходя по саду, онъ увидѣлъ, что съ балкона, какъ-бы отыскивая кого-то, сошелъ какой-то господинъ. Въ немъ Ветлугинъ, приглядѣвшись, узналъ Милунчикова.

Въ концѣ поляны показалась Аглая. Она увидѣла дядю и радостно бросилась къ нему на встрѣчу.

Домикъ, гдѣ жилъ отецъ Адріянъ, стоялъ влѣво отъ церкви, на скатѣ выгона, подходившаго къ рѣкѣ. Комнаты его были такъ не высоки, что отецъ Адріянъ, вводя гостей въ пріемную, обыкновенно говорилъ: «Не ударьтесь; съ непривычки тутъ какъ разъ получишь шишку.»—Такъ отецъ Адріянъ Верхоустинскій встрѣтилъ и Ветлугина.

Самъ отецъ Адріянъ, однако, давно привыкъ къ своему жилью. Ростомъ въ сажень, коренастый, бѣлотѣлый и широкобородый, — онъ, какъ великанъ Минотавръ въ миѳическомъ лабиринтѣ, совершенно свободно вращался въ своемъ обиталищѣ, отнюдь не стѣсняясь его размѣрами. Изъ-подъ его полтёртаго, темнозеленаго подрясника выглядывали опойковые сапоги. На шеѣ былъ повязанъ желтый фуляровый платокъ. На груди болталась цѣпочка отъ часовъ. А книги и газеты на столѣ и портреты свѣтскихъ дѣятелей по стѣнамъ показывали, что міръ и многое «яже въ мірѣ» не чужды ему. Онъ почти безпрестанно курилъ небольшую, на длинномъ чубукѣ, трубку, табакъ для которой, впрочемъ, былъ у него припрятанъ на поставцѣ, въ смежной дочерниной комнатѣ. Дверь въ послѣднюю была еще ниже сѣнныхъ дверей. А потому отецъ Адріянъ, проникая туда, то-и-дѣло долженъ былъ склонять свою мощную выю.

— Очень радъ васъ видѣть, очень,—сказалъ онъ Ветлугину: а что вы остались и не уѣхали, это даже весьма похвально; болящаго человѣка не слѣдъ бросать. Какъ познакомились съ Кириломъ Григорьичемъ?

Ветлугинъ объяснилъ.

— Такъ-съ, такъ-съ, вздохнулъ священникъ: ну, а о горѣ его изволили слышать? о намѣреніи единородной дочери-съ его, Аглаи Кириловны? Каковъ случай и каково, можно сказать, произволеніе судьбы-съ?

— Я это слышалъ, сказалъ Ветлугинъ: отъ самого Кирилы Григорьича. Скажите, неужели это вопіющее дѣло можетъ осуществиться?

— Вы на счетъ формальностей, что-ли-съ?—уходя за табакомъ въ смежную комнату, усмѣхнулся отецъ Адріянъ.

— Да, я полагаю, что и возрастъ давшей обѣтъ и воля родителя будутъ сильной помѣхой въ этомъ случаѣ.

— Ошибаетесь, государь мой, ошибаетесь,—точно съ амвона, изъ дочерниной комнаты крикнулъ священникъ: вселенское правило гласитъ, что обѣты для монашеской жизни должны даваться твердо и въ полномъ раскрытіи разума. А развѣ Аглая Кириловна не тверда въ рѣшеніяхъ и лишена разума?...

— Но вѣдь здѣсь постороннее вліяніе, козни, перебилъ Ветлугинъ.

— Потомъ, милостивый государь мой,—продолжалъ священникъ, не слушая его и опять показываясь въ первой комнатѣ: для ради поступленія въ монастырь уставами и закономъ требуется что-съ? Чтó требуется, отвѣчайте мнѣ? Собственное, непринужденное желаніе, свобода отъ прочихъ обязанностей, сему роду жизни препятствующихъ, и дозволеніе начальства... Только-съ и требуется!.. Ну-съ, такъ позвольте-же васъ, однако, допросить: развѣ Аглаю Кириловну кто, въ данномъ случаѣ, принуждаетъ? или родъ ея жизни тому препятствуетъ? или, наконецъ, у этой благорожденной дѣвицы есть какое-либо начальство? отвѣчайте мнѣ...

— Но возрастъ, перебилъ Ветлугинъ.

— Возрастъ? ха-ха! извольте!—неестественно махнувъ кудрявой головой, снова заходилъ по горенкѣ священникъ: законы церковные и гражданскіе требуютъ велико-возрастія лишь для полнаго, такъ сказать, постриженія,—а есть и полу-постригъ, въ рясофоръ... И не все ли это едино для того, кто твердо и непреклонно рѣшился? Да-съ, государь мой, постриженіе власовъ совершается и при облеченіи въ новоначальнаго монаха... Постризаемому въ эту степень вручается крестъ и возженная свѣча, хотя изъ одеждъ монашескихъ таковому дается лишь иноческая ряса, да клобучецъ безъ мантіи.

— Возмутительно, возмутительно! — хватаясь за голову, проговорилъ Ветлугинъ: вчужѣ сердце разрывается... Такая молодая, такъ одаренная дѣвушка! И неужели здѣсь ничѣмъ уже нельзя помочь?

— Помочь? какимъ-то страннымъ, бабьимъ голосомъ взвизгнулъ отецъ Адріянъ: вы спрашиваете, нельзя-ли тутъ помочь?...

Онъ отвернулся, даже трубку поставилъ въ уголъ и, грузнымъ станомъ нагнувшись къ низенькому, раскрытому окну, будто высматривая въ него что-нибудь, нѣсколько мгновеній помолчалъ. Только ряса на мощныхъ раменахъ его, отъ мѣрныхъ, тяжелыхъ вздоховъ, поднималась высоко.

— Да знаете ли вы, государь мой,—съ дрожавшей бородой и ударяя себя въ грудь, рѣзко обратился священникъ къ Ветлугину: знаете-ли вы, что если-бы моя, вотъ тоже единая дочь, Евфросинья — вы ее изволили видѣть и слышать — её въ эту минуту нѣтъ дома—еслибы она, говорю, на моихъ глазахъ, затѣяла постричься, а это все едино, что и въ гробъ живой лечь,—такъ я не столько бы, кажется, печаловался, какъ теперь... Потому Евфро-

синья моя — дѣвка душевная и не такого складу... Увидѣла бы она тамъ эту подноготную, одумалась бы и черезъ полгода, а не то и ранѣе, пятками бы заковыляла изъ этого, какъ выражаются, тихаго пристанища... Ну, а Аглая Кириловна — иная статья-съ. Я ее знаю съ измальства; эта поступитъ по обѣту, такъ уже все одно, что въ омутъ кинется, — изъ одной гордости вовѣки не воротится вспять...

— Вы меня извините за эти рѣчи, — отвернулся, помолчавъ и опять начиная ходить по горенкѣ, священникъ: вы посторонній, заѣзжій человѣкъ; и моему сану передъ вами не подобало бы такъ суесловить. Ну, да ужъ я таковъ: чту и храню догматы вѣры и имъ николи-же и ни въ чемъ не измѣняю; а ужъ пустосвятства иныхъ, хоть-бы черноризцевъ, — каюсь предъ тобою, Господи, каюсь! — выносить не могу и не умѣю, особливо-же, коли еще они надъ нами, рабочимъ, бѣлымъ поповствомъ, такъ высоко и, сказать-бы, не по заслугамъ, несутъ свою гордую главу... Вотъ хоть бы и наше положеніе...

Отецъ Адріянъ присѣлъ и заговорилъ о дѣлахъ мѣстнаго прихода, о неудачахъ по устройству больницы, школы, о своемъ раннемъ вдовствѣ и о воспитаніи дочери. Онъ коснулся и той поры, когда въ Дубкахъ гостилъ отецъ Ветлугина.

— Какъ-же-съ, мы познакомились съ вашимъ батюшкой, сказалъ священникъ: познакомились... Человѣкъ онъ почтенный и разумный; великій эмпирикъ и обо всемъ, надо сказать, своимъ разумомъ старается дойти, а на васъ вотъ какія надежды возлагалъ... Пріятно-съ такихъ людей знакомство... Да, не думали мы, въ тѣ поры, что этому углу и дому грозитъ такое, можно сказать, запустѣніе...

На порогѣ появился Филатъ.

— Поохотиться, сударь, не желаете-ли? спросилъ онъ Ветлугина: и я пошелъ бы съ вами, да у насъ гость. Утокъ гибель летаетъ. Дикіе гуси сѣли за деревней въ камышахъ.

— Пожалуй, отвѣтилъ Ветлугинъ! давай свое ружье. Пройдусь, что-то голова разболѣлась.

— Съ нашимъ вамъ удовольствіемъ-съ. Не вѣрите, у ихъ преподобія спросите-съ: такихъ мѣстовъ поискать-съ...

Ветлугинъ взялъ ружье у Филата и вышелъ въ садъ.

«Какая досада, разсуждалъ онъ: неужели Фросинька все еще у дяди въ слободкѣ? Одна она могла бы здѣсь многое разъяснить, тѣмъ болѣе, что, кажется, и сама она вызывалась... Развѣ пойти туда, какъ-бы охотясь, по пути?»

Проходя къ вербамъ, гдѣ былъ мостокъ, Ветлугинъ очутился въ незнакомой ему части сада. Влѣво шла липовая роща, вправо разсадникъ ягодныхъ кустовъ. Здѣсь-то, у опушки рощи, онъ увидѣлъ издали невысокую, женскую особу. Пристально глядя на какой-то предметъ, она съ поднятой головой и съ протянутыми, какъ бы для молитвы, руками, точно привидѣніе, покачиваясь съ боку на бокъ, что-то шептала и кланялась. Ветлугинъ узналъ въ ней Ульяну Андреевну. Но какъ она измѣнилась!

Это была не ласковая, тихая съ виду старушка, какою онъ ее видѣлъ на станціи и въ первое время по пріѣздѣ сюда, а какая-то мрачная и грозная Пиѳія. Она стояла предъ могильнымъ крестомъ, но, казалось, не молилась, а точно, одержавъ нѣкую побѣду и безпощадно укоряя побѣжденнаго, изрекала ему роковой приговоръ. Гнѣвные и вмѣстѣ радостные глаза ея пылали; сѣдые волосы въ безпорядкѣ развѣвались изъ-подъ чернаго, на-скоро наброшеннаго платка. И тихо раздавались изступленные, точно шипящіе возгласы: «Боже мой! Господи! Да ты ли это? Ты ли, царь небесъ? И мнѣ ли? За что такія милости? Господи! за что?..»

Ветлугинъ недоумѣвая, что́ выражалъ этотъ, обдававшій холодомъ, молитвенный восторгъ Вечерѣевой, долго слѣдилъ за ней. Она еще нѣсколько разъ склонилась до земли, постояла и ушла. Ветлугинъ также выбрался за рѣку. Ему теперь становились понятнѣе и недавнее отчаяніе старика, и это радостное моленіе старухи. «Все, видно, кончено, думалъ онъ: событіе, зрѣвшее столько лѣтъ, увидѣло наконецъ свою развязку...»

Ветлугинъ поднялся на косогоръ. Передъ нимъ, вдоль рѣки, открылись луга, холмы, дальніе поселки и лѣса. Здѣсь, на взгорьѣ, подъ тѣнью нѣсколькихъ, одиноко стоявшихъ дубковъ, Ветлугинъ увидѣлъ рядъ рытвинъ, какъ-бы остатки былого жилья, сторожевой, соломенный шалашъ, а возлѣ него бѣлаго, какъ лунь, крестьянина. Старикъ сидѣлъ, у входа въ шалашъ, на травѣ и строгалъ тычинки, повидимому для подвязки хмѣля или бобовъ. Ветлугинъ освѣдомился отъ него, какъ пройти къ слободкѣ, гдѣ отца Адріяна братъ дьякономъ состоитъ?

Дѣдъ объяснилъ.

— А чьими лугами идетъ дорога до той слободки?

— Куда глазъ твой, батюшка, глянетъ, все нашего барина, все Вечерѣева. Все нажили его дѣды, да отцы, да и онъ самъ кормилецъ нажилъ! отвѣтилъ, шамкая губами и снимая дырявую шапку, старикъ: вся эта уйма, и тѣ вонъ лѣсочки, и эти озе-

ра—все его, милаго... Дай ему Господь много лѣтъ жить... дай ему счастья и радостей...

Ветлугинъ остановился. Тихая и ласковая рѣчь семидесятилѣтняго дѣда заняла его.

— Чтó ты, дѣдушка, самъ тутъ дѣлаешь?

— Я-то? Какъ что?—усмѣхнулся, подслѣповатыми глазками добродушно глядя снизу на Вѐтлугина, старикъ: поле берегу, покосы, барскую тоже усадьбу. Мы у нашего барина договоренные, прошенные. Безъ насъ ему худо... Да и намъ безъ него. Мы съ нимъ, какъ односемейники...

— Давно-жъ ты здѣсь, дѣдушка, сторожемъ?

— Я-то? Лукашка-то?

Дѣдъ опять усмѣхнулся.

— Сорокъ, а може и больше того годовъ, милый, этта при господскомъ добрѣ. Шутникъ ты, одначе, баринъ, балагуръ какой... Сколько дёнъ въ саду у насъ гостишь, а моей землянки и не запримѣтилъ. А дѣдко Лукашка, почитай, рядомъ-тó съ твоей банькой—въ ракитникѣ, и живетъ. Ну, да Богъ съ тобой. Нонѣ все какъ-то, словно, рѣзвѣе, безтолковѣе-ча стало... Ишь, солнышко-то паритъ, паритъ.

Дѣдъ наставилъ ладонь и глянулъ изъ-подъ нее.

— Вёдро Господь даетъ. Птички давеча на зарѣ такъ это шилохвостыя разрѣзвились, пѣли въ саду... Охъ-хо-хо... Этакъ лежишь въ землянкѣ, отъ скуки обойдешь садъ, отгонишь воробьевъ, али галочье съ ягодъ, да и взберешься сюда на гору, поглядѣть: не подбиваютъ-ли гдѣ хлѣба, али травы? Да, много годовъ, милый, много такъ-то стерегу... Еще при тятенькѣ нашего барина тута жилъ... Сколько времени ушло... Вонъ тоже двое зайчатъ намедни разыгрались тутъ около, по бугру. Вышли изъ овсовъ—махонькіе, вислоухіе, да шустрые, треклятые такіе; да какъ зачали это кубаремъ, въ чуфарду играть... индо кишки со смѣху надорвалъ, на ихъ прыганье глядючи...

Дѣдъ такъ весело разсмѣялся, что улыбнулся и Ветлугинъ.

— Прощай, старикъ.

— Прощайте, милый.

— А что это съ вашей барыней? спросилъ, уходя, Ветлугинъ: отчего это она у васъ все молится?

— А ты нешто видѣлъ?

— Невзначай, только что наткнулся въ саду.

— Видно въ липахъ?

— Да, возлѣ поляны, гдѣ кусты.

— Что-жъ, братецъ ты мой... Ты пріѣхалъ, занялъ бесѣд-

ку, а въ ней ея молельничка; ну, она сердечная и мается по куткамъ... А подъ липами, милый, могилка барченка, ейнаго сына...

— Но изъ-за чего она все молится?

Дѣдъ понурился, точно не разслышалъ этого вопроса, и, какъ-бы съ кѣмъ мысленно бесѣдуя о далекомъ прошломъ, молча задвигалъ губами и бровями.

Ветлугинъ перекинулъ ружье за плечо, далъ дѣду на чай, за указаніе пути, и пошелъ.

Ходилъ онъ долго. Слободку нашелъ. Но Фросиньку оттуда еще рано утромъ увезли на Вечерѣевскихъ лошадяхъ. «Гдѣ же она?» разсуждалъ онъ, возвращаясь въ Дубки: «какъ жаль, что я получше о ней не разспросилъ...»—Дѣда Лукашку онъ увидѣлъ на томъ-же мѣстѣ. Только дѣдъ сидѣлъ теперь на корточкахъ, покачивался и, улыбаясь, тщетно силился набить себѣ трубку: онъ былъ уже нѣсколько на веселѣ. Руки его не слушались. Голова кружилась.

— Ты постой, баринъ, крикнулъ дѣдъ вслѣдъ Ветлугину.

— А что тебѣ?

— Подойди.

Ветлугинъ подошелъ.

— Сядь тутъ.

Ветлугинъ сѣлъ.

— Законы знаешь?

— Знаю.

— Напиши мнѣ прошеніе...

— Какое?

Дѣдъ замялся. Ему и говорить хотѣлось, и что-то его сдерживало.

— Сирота я, братецъ ты мой, круглая, всхлипнулъ онъ вдругъ: и некому мнѣ, не то-что одеженку иной разъ починить, а и глазъ закрыть, какъ помру. Нѣтъ, вру: есть у меня внучка... Только лучше бы ее и не вспоминать... Охъ, люди — люди! свѣтъ—горе...

Старикъ снялъ шапку, глянулъ въ ея дырявое дно, замоталъ головой и, вздохнувъ, прибавилъ: «Такъ-то, милый; молодое горе тяжко, а старое и пуще того...»

— Что же у тебя за горе, дѣдушка?

— Да ты не судейскій?

— Не судейскій.

— Ну, ладно. Про Антропку слышалъ тутъ? чай, сказывали тебѣ?

— Не слыхалъ.

Дѣдъ помолчалъ, жуя губами, глянулъ по сторонамъ, сѣлъ и началъ:

— Ну, не выдай же, а я все тебѣ разскажу, все... Охъ! Десять, а може и больше годовъ тому, милый, противъ саду и, какъ разъ на этомъ вотъ на самомъ мѣстѣ, гдѣ мы теперича съ тобой сидимъ, стоялъ дворъ, и жилъ тутъ, братецъ ты мой, кузнецъ Антропка. Ухъ, да и кузнецъ-же былъ. На весь, какъ есть тебѣ, околотокъ. Чернявый, кудрявый, да рослый, а ужъ въ работѣ горячій былъ. И взялъ Антропка за себя Машку; мнѣ она дѣвка внучкой-то и приходится: здоровая этакая, русая, да высокая. Покорница мужу была. И за хозяйство взялась хорошо. Антропка въ кузницѣ день-деньской. Её управляющій приставилъ къ огороду, въ садъ. И долго этакъ-то въ огородъ она хаживала; а оттолѣ бабёнка стала, какъ слухъ прошелъ, и въ эту самую твою бесѣдку, что-ли, къ барину навѣдываться. Я — сказать по правдѣ — не замѣчалъ. Да онѣ, бабы-то, на это ловки. Ну, только Антропка былъ не таковъ. Его не проведешь... Сперва этта молчкомъ, потомъ попрёки, а тамъ и бить... Брось, говоритъ, барина, ладомъ; прощу въ такомъ разѣ. Какой онъ тебѣ полюбовникъ? На стараго, да женатаго — меня, молодого-то мужа, безпутная ты этакая, промѣняла... А не бросишь, говоритъ, либо тебя изведу, либо никого не пощажу... Охъ, и не забуду же я во вѣки того, чтó вскорости увидѣлъ...

Дѣдъ помолчалъ.

— Маша, сказать, видно изъ баловства, по охотѣ все это дѣлала. Баринъ же Антропу всякія милости клалъ: хлѣба ли, скота ли, лѣсу, всего ему было вдоволь. А тамъ послалъ его и прикащикомъ въ свою другую вотчину. Только этого, видно, мало стало Антропу. Съ зависти ли, съ горя ли, началъ онъ погуливать, куражиться. Не хочу, говоритъ, въ той вотчинѣ; сюда переводите въ прикащики. Ну, а здѣшнему-то управляющему это не по душѣ пришлось. Понятно, Антропу отказали. Только тѣмъ дѣло не кончилось...

— Чтó же случилось? спросилъ Ветлугинъ.

— Охъ, и не спрашивай. Сижу я разъ въ саду, починяю бредень... Барыни дома не было, къ роднымъ уѣхала. Я же въ тѣ поры кажинъ день рыбу на ужинъ господамъ вершами ловилъ. Было уже поздно вечеромъ. Зорька такъ это разыгралась красно. Глядь, изъ бесѣдки выскочила Марья. Стала на крылечкѣ; волосы выбились изъ-подъ платка; да такая-то веселая. И шмыгнула подъ вербы, да черезъ мостокъ, сюда-то, къ своей избѣ.

А за нею, погодя, на дорожку вышелъ и баринъ. Куритъ, поглядываетъ по сторонамъ. Постоялъ онъ, братецъ, на крылечкѣ, покурилъ и пошелъ дорожкой къ усадьбѣ. Тутъ на встрѣчу ему вышелъ и здѣшній, прежній прикащикъ, Нефёдычемъ звали. Говоритъ, такъ и такъ: — а я подъ ракитой, по близости, надъ вершой сижу:—что Антропъ, молъ, явился изъ той вотчины, да видно выпилъ и буйствуетъ на селѣ... Что-жъ, отвѣтилъ ему баринъ: поберегите его, чтобъ чего не сдѣлалъ худого; проспится, скажетъ, чего ему нужно. Разошлись они. И только что Нефёдычъ поравнялся съ дорожкой, гдѣ опосля въ кустахъ баринова сына схоронили, да какъ вскрикнетъ не своимъ голосомъ: «Ой, Антропъ, что же это ты со мной?» застоналъ и упалъ...

— Что же? онъ убилъ его?

— Я къ нему... Добѣжалъ, милый ты мой, и самъ чуть со страху не упалъ. Вижу, Нефёдычъ лежитъ на травѣ, а кровь по кафтану такъ и бѣжитъ; а возлѣ Антропъ съ ножемъ хмѣльной стоитъ, шатается. «Иди, дѣдко, объяви!» говоритъ: «пусть меня вяжутъ... Я его порѣшилъ!» — Сбѣжался народъ; въ волость дали знать. Становой Антропа связалъ и увезъ; а въ скорости его по суду и сослали.

— Нефедычъ живъ остался?

— Куда! Антропъ добре-таки его доѣхалъ. Выскочилъ изъ кустовъ, обнялъ его на дорожкѣ, — будто здоровается, — да снизу-то вверхъ ножемъ по животу его и черконулъ... Видно, думалъ барина подстеречь; да въ хмѣлю-то на другого и наскочилъ... Не прожилъ Нефёдычъ и до ночи... померъ...

Дѣдъ замолчалъ. Надвинулась туча; сталъ накрапывать дождь.

— Войди въ мою мурью, сказалъ Лукашка: посиди тутъ, пока пройдетъ...

Антонъ Львовичъ присѣлъ въ шалашѣ.

— Что же сталось съ женой Антропа? спросилъ онъ.

— Съ Машкой-то?

— Да.

— А что ей? Тутъ осталася... Долго барыня не знала настоящаго дѣла; а тамъ, видно, ей кто и сплёлъ, что баринъ-то къ Машкѣ, не токма прежде, а и опосля быдто въ избу хаживалъ—и что у Маши отъ барина и дитя, мальчикъ годовъ пяти, былъ. И опять, милый ты мой... Охъ, индо страшно и вспомнить... На моихъ глазахъ опять недоброе дѣло случилося...

Дѣдъ замоталъ головой. Покраснѣвшіе глаза его тревожно мигали изъ-подъ нависшихъ бровей.

— Такое дѣло, братецъ, такое, что лучше бы и не вспоминать... Лѣтомъ мальчика Машинаго нашли въ камышахъ; видно, игралъ и утонулъ... А вскорѣ... Сплю я это въ землянкѣ въ саду... Была, сказать тебѣ, поздняя осень. Настали вѣтры, да такіе-то холода. Всю ночь буря была, стонъ стоялъ на дворѣ... Тутъ-то, въ самую, какъ есть, глухую полночь, слышу я, загудѣло что-то по саду еще болѣе; да этакъ-то трещитъ, ну, точно въ жарко-растопленной печи; а тамъ и освѣтило весь садъ... Вылѣзъ я изъ землянки—и ахнулъ... Антропкина изба, тутъ на бугрѣ, весь его дворъ и кузница горятъ; вѣтромъ разноситъ поломя... На церкви ударили въ набатъ, и народъ вижу, отъ села бѣжитъ на пожаръ. Я заковылялъ берегомъ, запутался отъ страху въ осокѣ; сюда-туда мыкаюсь, и никакъ не найду мостика... Смотрю, а по тотъ бокъ рѣки тоже кто-то будто сломяется, ходитъ подъ косогоромъ въ темнотѣ.—«Кто тутъ?» окликнулъ я; молчитъ.—«Кто ты, человѣче, отзовись!»—Смотрю, наша барыня.—«Помоги, говоритъ, Лукьянушка; я выскочила на пожаръ поглядѣть, сбилась и никакъ не найду назадъ дороги.»—Я ее, сердечную, и провелъ... Да какъ велъ ее за руку-то по жердочкамъ мостика, сердце такъ и замерло... Думаю: неужто—прости Господи!—она это Антропкину-то избу?..

Старикъ вздохнулъ. Хмѣль, очевидно, сталъ уже выходить у него изъ головы.

— Охъ, что же это я? сказалъ онъ, оглядываясь и почесывая въ головѣ: ты, баринъ, забудь, что́ я мололъ... Такъ, съ хмѣлю, да съ дуру, языкъ-то болталъ... Не она, убей Богъ, не она: мужъ Машинъ изъ ссылки бѣгалъ, онъ видно и поджегъ...

Небо опять прояснилось. Антонъ Львовичъ и дѣдъ вышли изъ шалаша.

— Не томи меня, дѣдушка, сказалъ Ветлугинъ: неужели Марья сгорѣла?

Дѣдъ медленно перекрестился большимъ крестомъ.

— Нѣтъ, другъ ты мой, Богъ спасъ... Поднялъ я утромъ на мосту барынинъ платокъ и самъ его къ ней снёсъ. Смотрю, въ одну ночь сударыня наша сѣдая стала; трясется, завидѣвши меня, какъ осиновый листокъ... Мучилась, полагать должно, она долго не знамши, сгорѣлъ ли кто въ Марьиной избѣ? Съ той поры у нихъ съ бариномъ вышло такое, что они сумѣстно, почитай, уже и не живутъ. Опосля пожару, какъ Марья въ одной-то сорочкѣ изъ огня въ окно выскочила, баринъ Машу сперва подъ спудомъ держалъ въ разныхъ мѣстахъ; все опасался за нее. А какъ въ скорости наша барыня въ дру-

гую ихнюю вотчину на житье съѣхала, а потомъ у своей крестной стала подолгу гащивать,—Машка Марьей Титовной объявилась, отселева выбралась. Люди брешутъ, что её спервоначалу тутошній тоже баринъ Клочковъ подманилъ и держалъ у себя въ усадьбѣ; ну, а потомъ вышла она за купца, въ городъ переѣхала, да овдовѣла. Будешь въ городѣ, спроси: всякъ тебѣ ея домъ покажетъ. Сказываютъ, она и по нонѣ лавку держитъ и заѣзжій дворъ. Можетъ, и правда... Мнѣ баранковъ сколько разъ присылала, да не раскушу... Да и впрямъ: нешто они мнѣ нужны? Она у меня одна сродственница и есть, сына мово Тита дочка... Такъ нѣтъ, о дѣдѣ Лукашкѣ и думать безстыжая забыла... Коли бы не господа, куда и голову преклонить, не зналъ бы. Такъ я къ твоей милости... нельзя ли на Машку прошеніе въ судъ написать, чтобъ содержала меня?

Ветлугинъ посовѣтовалъ дѣду сперва написать къ внучкѣ письмо, а потомъ, пожалуй, думать и о судѣ.

— Черезъ нее непутящую и наша барыня, вонъ, какъ страждетъ, молится, сказалъ старикъ: мало ли что́ люди брехали, и о пожарѣ, и что сынишку Маши будто кто утопилъ. Все пустяки... Такой барыни, какъ у насъ, поискать — добрая, тихая, молитвенная...

— Хорошо, дѣдушка... Это ты о барынѣ... А свою... дочку... зачѣмъ же она съ собой... по богомольямъ возитъ?

Лукашка неопредѣленно глянулъ предъ собой и развелъ руками.

— Ужъ это, милый ты мой, не знаю... Видно на то ихъ родительская воля. Надо думать, старая-то, навидѣвшись святого, тихаго житья у своей крестной, что ли, боится, какъ бы и барышнинъ муженёкъ, какой опосля попадется, не повернулъ бы когда оглоблей къ чужому двору... Такъ-то... Ну, а возлѣ Бога-то, согласись, оно спокойнѣе... Ты грѣшишь, а Богъ — нѣтъ, погоди; ты воровать, а онъ—нѣтъ, почтенный, стой... Такъ ужъ ты, милый, напиши письмецо... По гробъ жизни буду помнить... Экъ, паритъ-то, опять паритъ! вёдро-то каково.

Старикъ сталъ глядѣть на небо. Хмѣль окончательно исчезъ. Глаза свѣтились прежней лаской и добротой.

— Тучка нашла, да не съ той стороны, сказалъ дѣдъ: а галочье... Ишь ты, подъ самымъ небомъ треклятыя рѣютъ, точно вихремъ ихъ мететъ... Ишь разыгралися... А гдѣ гнѣзда вывели? гдѣ? — у меня же въ ракитахъ... А куда за ягодами летаете?—ко мнѣ же... Такъ-то... Слава тебѣ, Господи, слава тебѣ... А письма́, пожалуй, баринъ, и не пиши... Богъ съ нею... Тако-ста

жили, такъ безъ нея и помремъ... Теплынь-то какова, поди, теплынь, да тишина... Слава тебѣ... слава...

XIII.

Загадка.

Ветлугинъ спустился въ садъ, но, не заходя въ бесѣдку, взялъ влѣво.

Онъ шелъ и самъ не сознавалъ, куда идетъ. У окраины поляны, окаймленной тѣнистыми, высокими вязами, онъ остановился, прилегъ подъ дерево. Небо убиралось бѣлыми, кудрявыми облаками. Птицы смолкли. Чуть замѣтный, теплый вѣтерокъ перепархивалъ по верхамъ травъ. Запахомъ меда и смолы тянуло съ ихъ колебавшихся нарядныхъ головокъ и сочныхъ стеблей. Тутъ были всякіе цвѣты: бѣлые звѣздочками, синіе стаканчиками, красные и желтые султанами и кистями. Одни сплошнымъ ковромъ застилали садовыя поляны, другіе, точно стая пестрыхъ бабочекъ, кучей усѣвшись на гибкихъ, высокихъ стебляхъ, при малѣйшемъ движеніи вѣтра качались, сквозя на солнцѣ всѣмъ разнообразіемъ весеннихъ красокъ...

Издали виднѣлись зарѣчные холмы, поля и луга...

«Вотъ она, вотъ спящая царевна-Русь!» съ приливомъ щемящей тоски, поднявшись на локтѣ, мыслилъ Ветлугинъ: «вотъ эти тихо цвѣтущія нивы, сады, необозримые луга и холмы... Все будто счастливо и спокойно. Ничто, кажется, не мутитъ этой поверхности общественнаго моря. А здѣсь же, въ этомъ же, повидимому, мирномъ затишьѣ, губятъ дѣвушку и никто ее не спасаетъ и не спасетъ. Кто губитъ, за что́ и почему? спросите... Праздный вопросъ!.. Общество равнодушно: и нѣтъ человѣка, нѣтъ живого, сильнаго слова, чтобы ихъ образумить, остановить и переубѣдить... Кого переубѣдить? и кто станетъ слушать?... А мы, слѣпцы, мечтаемъ о всеобщемъ счастьи, о пересозданіи народа... Ребенка спасти не можемъ... Восьмнадцатилѣтнюю дѣвушку отдаютъ на жертву кучкѣ темныхъ святошъ,—и эти поля, холмы и луга остаются также тихи и спокойны, какъ спокойны были и будутъ всегда...»

Ветлугинъ сѣлъ. Слезы подступали къ его горлу. Обхвативъ колѣни и склонясь на нихъ головой, онъ мыслилъ: «Нѣтъ, надо отсюда ѣхать, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Что́ я могу сдѣлать? Для нея я — ничто, послѣдняя песчинка, которую она топчетъ

подъ ногами... Эта сила ни передъ чѣмъ, какъ видно, не отступитъ. Когда человѣкъ умеръ—всѣмъ, кому онъ дорогъ, остается только оплакать его и отойти отъ его могилы...»

До слуха Ветлугина долетѣлъ неясный шорохъ медленныхъ шаговъ. Онъ поднялъ голову. Вѣтви заслоняли его. Вдоль деревьевъ, за которыми онъ лежалъ, объ руку другъ съ другомъ, аллеей, шли мужчина и женщина. То были Милунчиковъ и Аглая.

— Ахъ, Боже Господи! да что-же это? говорилъ первый: ты вѣдь согласилась... Пережди хоть день рожденія твоего отца... смотри, какой гость у васъ—умный, честный, столько видѣлъ, испыталъ—не соскучишься...

— Но я должна, наконецъ,—перебила Аглая: такъ нельзя; долѣе медлить нѣтъ силъ... Это мученіе, поймите, мученіе!..

— А болѣзнь отца?

— Не могу, не могу! отвѣтила Аглая.

Слезы прервали ея слова.

— Притомъ же именно то, что вы мнѣ сказали—это-то самое и страшитъ меня...

— Но ты выслушай меня — ахъ! да какъ же мнѣ тебя убѣдить?.. какъ убѣдить?

Далѣе Ветлугинъ не разслышалъ. Говорившіе скрылись за гущиной сосѣднихъ деревъ. Онъ взглянулъ на часы, всталъ и отправился въ бесѣдку. Туда вскорѣ явился Филатъ.

— Кушать васъ, сударь, просятъ. Барину лучше какъ-будто стало, хотя они еще и въ постели. И Николай Ильичъ, г. Милунчиковъ, васъ спрашивали; я сказалъ, что вы на охоту отправились. Ну, что? убили что-нибудь?

— Плохо, не знаючи мѣстъ: прогулялся, а стрѣлять не пришлось. Съ тобой когда-нибудь пойдемъ.

— Это можно-съ... вотъ баринъ оправится...

Умывшись и пріодѣвшись, Ветлугинъ поспѣшилъ въ домъ. На балконѣ его встрѣтилъ Милунчиковъ.

— Очень, очень радъ васъ видѣть! сказалъ Милунчиковъ, здороваясь съ Ветлугинымъ: но подъ какими грустными впечатлѣніями встрѣчаемся мы снова!

— Да, жаль Кирилы Григорьича—онъ такъ нездоровъ.

— А его дочь, вы, разумѣется, знаете? какое горе и какой ударъ для отца!

— Слышалъ я и это, отвѣтилъ Ветлугинъ.

Милунчиковъ отвелъ его въ сторону.

— Сама судьба посылаетъ васъ сюда, сказалъ онъ, оглядываясь и понижая голосъ: умоляю васъ, не уѣзжайте отсюда, по-

будьте здѣсь. Вы живой, съ душою человѣкъ... Вы хоть каплю утѣшенія прольете въ душу бѣднаго старика...

— Но какъ же, началъ-было Ветлугинъ: у меня дѣла, надо ѣхать...

— О, ничего, ничего,—заговорилъ, пожимая ему руку, Милунчиковъ: Кирило Григорьичъ радъ будетъ. Онъ даже черезъ меня и просьбу вамъ одну передаетъ... Разборъ его фамильныхъ бумагъ, просмотръ его мемуаровъ; ну, и переводъ Мильтона... Онъ давно задумалъ кое-что издать... Ну, знаете—старикъ, домосѣдъ; притомъ-же вѣритъ вашему вкусу. Не откажите просмотрѣть его переводъ, посравнить съ подлинникомъ, и гдѣ нужно, знаете, отмѣтить, чтó вы найдете слабымъ... Согласны?

— Я, право, не знаю, сказалъ Ветлугинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, безъ колебаній, уважьте просьбу старика. Вы займетесь, утѣшите его. А тамъ и я опять заѣду сюда. У меня завтра съѣздъ сельскихъ учителей, потомъ въ городъ нужно, въ управу... Ну, рѣшайтесь: согласны?

Ветлугинъ затруднялся отвѣтомъ.

— Кушать, братецъ, просите гостя, сказала въ это время Ульяна Андреевна, показываясь на балконѣ: здравствуйте, Антонъ Львовичъ! извините... за хлопотами съ больнымъ мы о васъ совсѣмъ и позабыли...

— Какъ здоровье Кирилы Григорьича? спросилъ, раскланиваясь съ нею, Ветлугинъ.

— Благодаря Бога, сегодня легче. Чтó дѣлать! Не бережется. Ѣздилъ въ поле, — тогда вѣроятно и простудился. Меня же вы снова извините: кушайте съ Николаемъ Ильичемъ одни, а мнѣ что-то также нездоровится.

Милунчиковъ сходилъ въ кабинетъ и сѣлъ съ Ветлугинымъ за столъ, накрытый на три прибора въ залѣ. Къ третьему прибору однако-же никто не являлся. Въ концѣ обѣда изъ кабинета вышла Аглая. Лицо ея было спокойно. Глаза смотрѣли холодно и строго. Только взглядъ ея, упавшій вскользъ на Милунчикова, на мгновеніе прояснился и въ немъ мелькнуло что-то похожее на нѣжную, ласковую улыбку.

Отвѣчая на поклонъ Ветлугина, она сказала:

— Отецъ проситъ васъ къ нему зайти послѣ обѣда...

— Вѣрно, на счетъ Мильтона? спросилъ Милунчиковъ.

Глаза Аглаи опять засвѣтились. Но она ни словомъ не отозвалась на замѣчаніе дяди, молча налила себѣ воды, отпила глотокъ и небрежно ушла во внутреннія комнаты.

— Дорого бы я далъ, клянусь, чтобы узнать настоящія

мысли этой дѣвочки,—сказалъ Милунчиковъ, поднося къ своимъ губамъ ея стаканъ: говорятъ, допьешь чужую воду, узнаешь... Эхъ, не будь она мнѣ племянница... Меня, по правдѣ, она только и слушается.

— Въ настоящемъ случаѣ, замѣтилъ Ветлугинъ, кажется, и вамъ что-то не совсѣмъ удается...

— Ну, нѣтъ, успѣлъ. Представьте, дала слово повременить,—шепнулъ Милунчиковъ: и это ужъ великая побѣда! Идите же къ старику, а я къ сестрѣ. Подозрѣваю, что нездоровье ея только предлогъ. Кажется, она теперь не одна: какая-то карета опять давеча подъѣхала сюда съ чернаго двора. Должно быть, снова монастырскіе послы... А, Антонъ Львовичъ? думали вы встрѣтить что нибудь подобное въ нашемъ вѣкѣ?..

Ветлугинъ вошелъ въ кабинетъ. На диванѣ, спиной къ занавѣшенному окну, лежалъ укрытый фланелевымъ одѣяломъ, блѣдный и съ небритой бородой, Вечерѣевъ.

— Дайте мнѣ васъ поблагодарить, мой добрый молодой другъ! костлявою рукой пожимая руку Ветлугина, сказалъ старикъ.

— Помилуйте, за что-же?

— Вы не отказались просмотрѣть мои бесѣды съ старымъ другомъ,—сказалъ, указывая на полку шкафа, Вечерѣевъ:—дайте мнѣ его сюда.

Ветлугинъ подалъ старику туго набитый портфель.

— Вы пріѣхали ко мнѣ за дѣломъ. Но видите, я нездоровъ. Двинуться изъ дому нѣсколько дней, вѣроятно, не смогу для выполненія просьбы вашего батюшки. А чтобъ вы не скучали,— вотъ вамъ и дѣло... Что?.. не ожидали?.. вѣдь вы дѣловой человѣкъ. Не откажите же, между прогулками, такъ, во время отдыха, просмотрѣть и исправить, что́ нужно...

— А это, указалъ рукой Вечерѣевъ: въ томъ вонъ, лѣвомъ ящикѣ, въ столѣ, мои записки. Я вамъ о нихъ говорилъ. Умру,— не откажите ихъ издать. Я такъ и ближнимъ моимъ завѣщаю... Что? надѣюсь, не откажете? Здѣсь некому, некому-съ, мой другъ, поручить... Ужъ извините на томъ. Земля клиномъ у насъ сошлась: не люди, а людишки кругомъ. И пробираю же я ихъ въ моихъ мемуарахъ. По смерти моей увидятъ свои изображенія...

Старикъ трунилъ и былъ раздраженъ. Вошелъ Милунчиковъ. Онъ тоже былъ не вдухѣ и опять, какъ въ почтовой конторѣ, болѣзненно и робко потирая плоскую свою грудь, тревожно мигалъ глазами.

— Прощайте, сказалъ онъ, подходя къ постели больного: ѣду; мнѣ пора...

— Что? опять? — многозначительно подмигнулъ, какъ бы указывая за стѣной на нѣчто роковое и тяжелое, Вечерѣевъ.

— Опять, мрачно отвѣтилъ Милунчиковъ.

Старикъ сдернулъ съ себя одѣяло. Въ красной фланелей фуфайкѣ и въ бѣломъ ночномъ колпакѣ, онъ сбросилъ необутыя, жилистыя ноги на коверъ, усѣлся на постелѣ и спросилъ:

— Келейница?

— Да.

— Сидидомница?

— Да.

— Рангомъ?

— Мать казначея...

Старикъ нервически захохоталъ.

— Слышали? спросилъ онъ, обращаясь къ Ветлугину: напишите-ка въ ваши газеты,—хотя они этому и не повѣрятъ!—напишите, что ко мнѣ, къ постороннему, свободному человѣку врываются въ домъ эти проходимицы, попрошайки...

— Вонъ ее, Николай Ильичъ!—побагровѣвъ и задыхаясь, крикнулъ Вечерѣевъ: вонъ сейчасъ же и безъ всякаго снисхожденія!—продолжалъ онъ, дрожащей рукой повелительно указывая на дверь: чтобъ духу ея не пахло въ моемъ домѣ, духу... Пусть Клочковы съ нею возятся, пусть Талищевы съ нею любезничаютъ,—я ее знать не хочу... Смерть, видно, мою почуяли; какъ воронье слетаются. Зачѣмъ мнѣ она? Не звалъ я ее, не звалъ!..

— Полноте, полноте,—бросились утѣшать старика Ветлугинъ и Милунчиковъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не успокоюсь, пока отсюда, слышите? изъ-подъ моей кровли не уберется эта чернорясница... Божья затворница!... въ каретѣ четверней разъѣзжаетъ!.. Въ шелку, въ бархатѣ... въ батистовые платки сморкается... Антонъ Львовичъ, вѣдь это насиліе, разбой...

— Полноте, Кирило Григорьичъ, успокойтесь. Стóитъ-ли?... вамъ это вредно...

— Николай Ильичъ! развѣ не правъ народъ? закричалъ еще громче, въ изступленіи размахивая руками, старикъ: всякъ крестится, да не всякъ молится... А? вѣдь вѣрно? И потомъ: иной двѣ обѣдни слушаетъ, да и по двѣ души кушаетъ... Что? правда?.. Не мѣшай, Николай Ильичъ, не мѣшай... А это: читаетъ—да будетъ воля твоя, а думаетъ—кабы то моя? Вѣдь и Богу-то они норовятъ угодить на чужой счетъ... Смирны духомъ, да гор-

ды брюхомъ... ха-ха!.. А по-моему, не строй семи церквей, а пристрой семерыхъ дѣтей... По-моему...

Силы старику измѣнили. Онъ смертельно поблѣднѣлъ, покачнулся и тяжело рухнулъ на постель.

— Дурно ему, воды, воды,—позвоните!— засуетился Милунчиковъ.

По отъѣздѣ Николая Ильича, Ветлугинъ пробылъ нѣкоторое время возлѣ больного, взялъ переданныя ему бумаги и отправился въ бесѣдку. Въ саду онъ встрѣтился съ Фросинькой.

— Гдѣ вы были все это время? спросила она, входя съ нимъ въ одну изъ боковыхъ дорожекъ и садясь на скамью.

— Утромъ навѣщалъ вашего батюшку, думалъ видѣться тамъ и съ вами.

— Ну, не будемъ же терять времени, сказала Фросинька: за мной сейчасъ прислали... Есть у васъ чтó мнѣ сказать?

— Афросинья Адріяновна, началъ Ветлугинъ, объясните мнѣ, чтó здѣсь творится? Вы мнѣ обѣщали что-то сказать... Я теряюсь въ загадкахъ... Или это тайна?.. Неужели въ самомъ дѣлѣ Аглая Кириловна рѣшилась идти въ монастырь?

Фросинька пристально взглянула на Ветлугина, вся вспыхнула, покачала головой, погрозила ему пальцемъ и вздохнула. Измученный двухдневною неизвѣстностью, волненіемъ и безсонницей, блѣдный и усталый, Ветлугинъ былъ ей въ эту минуту жалокъ. Она сама прошла рядъ сердечныхъ испытаній и невзгодъ. «Что я такое? поповна и больше ничего!» говорила она себѣ. А между тѣмъ мечтала выдти замужъ не иначе, какъ за героя, напримѣръ, за ученаго, или за общественнаго, всѣми чтимаго дѣятеля,—и вслѣдствіе того, не обращая ни малѣйшаго вниманія на мѣстныхъ искателей ея руки, сочувственно относилась ко всякой, мало-мальски порядочной, влюбленной душѣ. Зоркій глазъ ея сразу, еще два дня назадъ, во время поѣздки Вечерѣевыхъ къ пчельнику, замѣтилъ настроеніе Ветлугина. А потому и теперь, сидя съ нимъ рядомъ, она потупилась, еще болѣе покраснѣла и, едва преодолѣвая собственное волненіе, сказала:

— Вы спрашиваете, идетъ ли Алинька въ монастырь? Ахъ! Антонъ Львовичъ... Зачѣмъ вы мнѣ сказали эти слова? Вы честный человѣкъ; это видно по всему... Отвѣтьте мнѣ одно,—только по истинной совѣсти: дѣйствительно ли дорога вамъ стала Алинька? Или это такъ, одно пустое волокитство мужчины, праздныя слова и больше ничего?

— Не знаю, какъ другіе, — сказалъ Ветлугинъ, а я жизнь свою готовъ отдать, лишь бы спасти Аглаю Кириловну.

Въ глазахъ Фросиньки засвѣтился кроткій огонекъ. Она глянула передъ собой на деревья, на кусты, хотѣла что-то сказать и остановилась.

— Да, именно такъ, вы правы!—сказала она, утирая покатившіяся слезы: Алинька достойная, добрая такая... Ахъ! если бы она это знала, еслибы сама слышала эти слова!.. О! вы еще не вполнѣ узнали Алиньку, хоть она вамъ, кажется, и понравилась... Это драгоцѣнный кладъ; только кладъ этотъ лежитъ,— какъ бы вамъ вѣрнѣе сказать?—на днѣ темнаго и глубокаго колодезя. Достать его трудно... А то, пожалуй, и вовсе не достанешь; ка̀къ и кто возьмется за дѣло...

— Но скажите, однако,— хватался за соломенку Ветлугинъ: неужели рѣшеніе Аглаи Кириловны идти въ монастырь такъ непреклонно и безповоротно?

Фросинька утвердительно качнула головой.

—Но какая же этому причина? Сказать-бы: личное горе, бѣдность или недостатокъ развитія... Ничего этого здѣсь нѣтъ...

— Много и долго надо разсказывать, отвѣтила Фросинька: да теперь и не время... А дѣло простое: сперва горе матери и удаленіе отъ отца; какое горе—послѣ отъ кого-нибудь узнаете — потомъ уговариванія со стороны; частыя гощенія въ разныхъ обителяхъ, заискиванья монахинь; ну, можетъ быть и еще отъ чего-нибудь душа болитъ...

— Отчего-же? Не вѣрится все мнѣ... Какая душевная боль можетъ быть у такой молодой, не видѣвшей свѣта и неопытной дѣвушки?

— Слишкомъ много думала она, вотъ еще отчего. Отъ нѣкоторыхъ писаній, да отъ разсказовъ объ ужасахъ въ первыя христіанскія времена—хоть чья голова помутится. Какія ей книги, въ самомъ дѣлѣ, давали читать?—точно на клиросъ въ начётницы Ульяна Андреевна ее готовила... Со мной была она въ пансіонѣ недолго, и сейчасъ ее оттуда взяли... Все, что̀ знаетъ она, пріобрѣла собственнымъ, врожденнымъ умомъ, да сметкой... Притомъ же она такая скрытная... И, какъ бы вамъ это сказать,— она вся внутри себя... Горюетъ, не горюетъ, никому не скажетъ. Да что тутъ толковать. Она уже нѣсколько лѣтъ назадъ, тайно отъ отца, дала обѣтъ постриженія, на евангеліи, матери и подставленному отъ здѣшней, сосѣдней игуменьи духовнику, поклялася...

— Какія вещи вы мнѣ разсказываете! И такого духовника

терпятъ? Да хороша и мать... Афросинья Адріяновна, посовѣтуйте, что́ тутъ дѣлать? Я на все готовъ, лишь бы спасти Аглаю Кириловну... Съ матерью ли ея переговорить, постараться убѣдить ее, съ отцомъ ли условиться, ѣхать ли куда. Я все брошу и поѣду, куда скажете.

Ветлугинъ всталъ.

Фросинька оглянулась, пошарила въ карманѣ и торопливо проговорила:

— Если такъ, то надо спѣшить... Вы не выдадите меня?

— О, будьте спокойны.

Дѣвушка еще разъ помедлила, вынула изъ кармана мелкоисписанную бумажку, и сказала:

— Читайте, только поскорѣе... Алинька присылала вчера на слободку за моимъ отцомъ и написала мнѣ вотъ это письмо...

Въ письмѣ было написано: «Другъ ты мой, Фросинька! Поздравь. Маменька все сказала отцу. Надо было бы еще подождать, но она не выдержала. Такъ, видно, было рѣшено свыше. Сперва отецъ сильно противорѣчилъ, а потомъ, кажется, поколебался. Жаль мнѣ его, бѣднаго, вотъ какъ жаль! Да иначе невозможно. Онъ заболѣлъ. Пріѣзжай, утѣшь насъ, хоть знаю, что ты въ этомъ случаѣ противъ меня. Маменька вчера написала матушкѣ Измарагдѣ, и я знаю, что это письмо ее утѣшитъ. Дивная и высокаго разума особа. Ей не игуменьей, царицей быть. Впрочемъ, что́ же я? вѣдь ты не наша... Пожалуй, смѣешься теперь, читая это... Однако постой, еще слово. Ты, нераскаянная, наговорила мнѣ, будто я, въ нѣкоторомъ родѣ, царевна-Несмѣяна, произвела впечатлѣніе на этого нашего гостя. Если это правда, грѣхъ будетъ великій, и ляжетъ этотъ смертный грѣхъ не на одной моей душѣ, потому что...»

Ветлугинъ не дочиталъ. Фросиньку стали кликать. Она шепнула: — «Ну, Антонъ Львовичъ, не выдайте-же меня. Видите, каковы дѣла. Это къ ней меня зовутъ... Послѣ поговоримъ...» сунула письмо обратно въ карманъ и убѣжала.

Г. Данилевскій.

ВОЗРАСТЪ
ВСТУПЛЕНІЯ ВЪ БРАКЪ

Антропологическій очеркъ.

I.

Возрасты и отношенія ихъ къ развитію.—Высшія и низшія человѣческія расы.— Общій выводъ о возрастахъ человѣка.

Основной темой для соображеній, которыя я намѣренъ развить въ этомъ очеркѣ, я выбралъ положеніе, являющееся простымъ выводомъ изъ суммы фактовъ и гласящее, что если какой-нибудь видъ или индивидуумъ животнаго дѣлаетъ шагъ впередъ противъ своихъ собратій, то отношенія возрастовъ у него мѣняются и тѣмъ самымъ являются причиной различныхъ, иногда довольно сложныхъ измѣненій. Положеніе это всего лучше поясняется примѣрами. Возьмемъ двухъ обыкновеннѣйшихъ въ нашихъ водахъ амфибій, тритона и лягушку, животныхъ, стоящихъ близко другъ къ другу въ зоологической системѣ. Изъ этихъ двухъ видовъ лягушка занимаетъ высшее мѣсто въ системѣ, слѣдовательно дѣлаетъ нѣкоторымъ образомъ шагъ впередъ противъ своего собрата, тритона. Въ то время какъ послѣдній всю свою жизнь сохраняетъ форму удлиненнаго, похожаго на ящерицу животнаго съ короткими ногами и длиннымъ хвостомъ, лягушка только въ теченіе нѣкотораго времени является въ видѣ тритонообразнаго хвостатаго существа; при дальнѣйшемъ развитіи она теряетъ признаки, дѣлающіе ее столь похожею на тритона и пріобрѣтаетъ

свойства, характеризующія ее какъ настоящую лягушку. Другими словами, взрослая лягушка несравненно менѣе похожа на себя въ личиночномъ состояніи, нежели тритонъ, который какъ-бы соотвѣтствуетъ лягушкѣ въ ея хвостатомъ, личиночномъ возрастѣ. Отсюда явно слѣдуетъ, что у лягушки развитіе будетъ болѣе сложное и болѣе длинное чѣмъ у тритона; у нея совершается такъ-наз. полное превращеніе, тогда какъ развитіе тритона подойдетъ подъ категорію простой метаморфозы. Другой примѣръ мы возьмемъ изъ области такъ-наз. ракообразныхъ животныхъ. Личинки, выходящія изъ яицъ гомара хотя и похожи общимъ видомъ на взрослую форму, но отличаются отъ нея главнымъ образомъ раздвоенными ногами, приближаясь въ этомъ отношеніи къ нѣкоторымъ мелкимъ морскимъ ракамъ, сходнымъ съ креветками и извѣстнымъ подъ названіемъ раздвоенно-ногихъ (Shizopoda). У послѣднихъ та особенность, которая характеризуетъ молодой возрастъ гомара, остается на всю жизнь, подобно тому какъ и у тритона хвостъ является органомъ постояннымъ, а не кратковременнымъ, какъ у лягушки. Можно бы было привести еще цѣлый рядъ аналогичныхъ примѣровъ, но въ нихъ, собственно говоря, нѣтъ никакой надобности, такъ какъ выводъ во всѣхъ случаяхъ будетъ одинъ и тотъ же, т.-е. что прогрессируя въ развитіи, животное претерпѣваетъ измѣненіе въ распредѣленіи и отношеніи возрастовъ.

Теперь посмотримъ, можно ли въ средѣ рода человѣческаго отыскать явленія, подходящія подъ выведенное только-что правило, слѣдовательно явленія, которыя напоминали бы намъ развитіе амфибій и раковъ. Не выходя даже за предѣлы чистой зоологіи, мы можемъ отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно. Не всѣ виды человѣческаго рода представляютъ намъ одинаковую степень физическаго развитія: есть расы высшія и низшія; изъ нихъ послѣднія отличаются именно такими особенностями, которыя у первыхъ являются въ видѣ переходныхъ, кратковременныхъ признаковъ. Я не стану разбирать здѣсь этого предмета во всей подробности, такъ какъ въ этомъ для нашей цѣли нѣтъ никакой надобности, тѣмъ болѣе что я намѣренъ посвятить вопросу о группировкѣ человѣческихъ расъ особую статью. Для нашей цѣли достаточно указать въ общихъ чертахъ, безъ числовыхъ данныхъ, на тѣ признаки, которые извѣстны конечно всякому изъ моихъ читателей. Изъ представителей низшихъ расъ въ Европѣ всего болѣе распространены негры. Кто не знаетъ ихъ характернаго лица съ совершенно плоскимъ переносьемъ, широкимъ, какъ-бы придавленнымъ носомъ, еще болѣе широкими и

выдающимися губами и проч.? Всѣ эти особенности представляютъ прямую противуположность красиваго кавказскаго лица, отличающагося возвышеннымъ переносьемъ, длиннымъ тонкимъ носомъ, тонкимъ «пропорціональнымъ» ртомъ и проч. Но сравните двѣ только-что описанныя физіономіи съ лицомъ очень маленькаго дитяти любого европейскаго народа. Всѣмъ извѣстно, что лицо новорожденныхъ дѣтей сравнительно съ взрослыми крайне безобразно, и что безобразіе это главнымъ образомъ обусловливается необычайно широкимъ лицомъ, отсутствіемъ переносья, вздернутымъ широкимъ носомъ и большими губами, т.-е. именно тѣми признаками, которые отличаютъ лицо негра отъ взрослаго европейца. Отсюда явно слѣдуетъ, что представители высшей человѣческой расы рождаются съ лицомъ характеризующимъ низшія расы, подобно тому какъ гомаръ рождается съ раздвоенными ногами Shizopoda, а лягушка—съ хвостомъ, составляющимъ одну изъ главнѣйшихъ особенностей тритона. Въ то время, какъ головастикъ при дальнѣйшемъ своемъ развитіи теряетъ жабры и хвостъ, новорожденный европеецъ претерпѣваетъ рядъ измѣненій, переводящихъ его безобразное негрообразное лицо въ красивое европейское. Все лицо значительно удлиняется, что́ главнымъ образомъ совершается насчетъ удлиненія носа, который изъ широкаго раздавленнаго переходитъ въ прямой или загнутый и притомъ болѣе выдающійся; ротъ и губы принимаютъ нормальные размѣры и проч.

Низшія въ физическомъ отношеніи человѣческія расы и въ умственномъ отношеніи значительно отстаютъ отъ высшихъ, главнымъ представителемъ которыхъ для насъ будутъ всегда служить европейскіе народы. Что́ бы ни говорили объ умственныхъ способностяхъ негровъ и другихъ низшихъ расъ, высказанное только-что положеніе все-таки останется непреложнымъ фактомъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что между неграми выдаются отдѣльныя личности, но это столь же мало измѣняетъ общій выводъ, какъ и то обстоятельство, что у негровъ иногда попадаются совершенно европейскія физіономіи. Этимъ также отнюдь не отвергается возможность совершенствованія негровъ, потому что при данныхъ условіяхъ всякое низшее существо можетъ быть переведено на болѣе высокую степень развитія, хотя само собою понятно, что это совершенствованіе при обыкновенныхъ условіяхъ есть дѣло величайшей трудности, часто же и вовсе невозможное. Поэтому, напр., меня нисколько не удивляютъ накопляющіеся съ каждымъ годомъ факты объ одичаніи негровъ въ Либеріи, на

Гаити и въ Америкѣ, гдѣ они постепенно переходятъ къ язычеству и подъ-часъ даже вводятъ у себя людоѣдскіе обычаи [1]).

Подобно тому какъ дѣти наши въ ранней молодости напоминаютъ своими физіономіями лица низшихъ рассъ, и въ умственномъ отношеніи они являются чрезвычайно похожими на «дикарей». Это обстоятельство до такой степени рѣзко бросается въ глаза, что на него не разъ указывали какъ путешественники, такъ и кабинетные ученые. Имѣя въ виду большое значеніе этого факта для нашихъ дальнѣйшихъ соображеній, я считаю нужнымъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Кто не знаетъ «дикихъ» выходокъ нашихъ мальчиковъ, главныя развлеченія которыхъ заключаются въ борьбѣ, войнѣ, шумѣ и гвалтѣ; кого не поражалъ ихъ неровный, пылкій характеръ, на который такъ сильно и такъ кратковременно дѣйствуютъ внѣшнія впечатлѣнія? Безграничная удаль, щеголяніе выносливостью боли и другихъ непріятныхъ ощущеній одинаково характеризуетъ какъ нашего юношу въ гимназическомъ возрастѣ, такъ и индіанца, считающаго крайне постыднымъ выказать страданіе, до какихъ бы предѣловъ оно ни дошло. У *Леббока* [2]) собрано довольно много фактовъ изъ отчетовъ различныхъ путешественниковъ, фактовъ, указывающихъ на поразительное сходство между поступками дѣтей и дикарей; особенный же интересъ представляютъ данныя, приведенныя *Тэйлоромъ* [3]) въ пользу того мнѣнія, что дѣтскія игры составляютъ остатокъ обычаевъ, бывшихъ въ употребленіи у взрослыхъ въ давнопрошедшія времена, и сохранившіяся до нынѣ у различныхъ дикихъ народовъ. Первый изъ названныхъ авторовъ сообщаетъ также весьма важные факты, доказывающіе основное сходство многихъ языковъ первобытныхъ народовъ съ языкомъ нашихъ дѣтей, заключающееся въ стремленіи къ повторенію слоговъ. Въ то время, какъ въ европейскихъ языкахъ подобныя слова являются какъ рѣдкія исключенія (напр. въ англійскомъ: adscititions, adventitions), у дѣтей они составляютъ главнѣйшую часть лексикона (папа, мама, дядя, няня, ляля, вава и проч.) и также весьма распространены въ языкахъ негритянскихъ народовъ, полинезійцевъ, австралійцевъ и другихъ «дикарей» (напр., kamehameha, kivikivi, susu, papah и проч.).

Мысль о сходствѣ дѣтей съ первобытными дикарями далеко еще не разработана въ той мѣрѣ, какъ она того заслуживаетъ,

---

[1]) Послѣднія извѣстія въ этомъ родѣ см. Globus. 1873. T. XXIX, № 3, стр. 48 и № 11, стр. 176.

[2]) Origin of Civilisation. 1870. Стр. 402—409.

[3]) Первобытная культура. Томъ I, глава третья.

хотя на нее уже съ давнихъ поръ было обращено вниманіе ученыхъ. Въ сущности то же самое выражаетъ мнѣніе *Огюста Конта* [1]) и многихъ другихъ писателей, что въ развитіи отдѣльнаго индивидуума какъ-бы вкратцѣ повторяется исторія всего человѣчества. Раннее дѣтство *Контъ* сравниваетъ съ періодомъ фетишизма въ развитіи человѣчества; слѣдующій затѣмъ возрастъ онъ какъ для отдѣльнаго индивидуума, такъ и для цѣлаго общества называетъ политеистическимъ періодомъ. Юность отдѣльнаго человѣка, съ ея мечтами и идеалами, онъ приравниваетъ метафизической стадіи развитія и т. под.

Итакъ, въ человѣческомъ родѣ, также какъ и вообще въ органическомъ мірѣ, развитіе, начинаясь отъ одной исходной точки, идетъ впередъ, но останавливается въ одномъ мѣстѣ на такомъ пунктѣ, который въ другомъ случаѣ составляетъ только кратковременную переходную ступень. Съ этой точки зрѣнія низшія расы какъ-бы задерживаются на опредѣленной стадіи развитія, подобно тому какъ у тритона задерживается его длинный хвостъ, а у Shizopoda—ихъ раздвоенныя ноги.

Изъ всего сказаннаго неизбѣжно вытекаетъ тотъ простой выводъ, что между отдѣльными возрастами дикаря существуетъ несравненно большее сходство, чѣмъ между возрастами цивилизованнаго человѣка, подобно тому какъ хвостатая личинка тритона гораздо болѣе похожа на взрослую форму, чѣмъ головастикъ—на лягушку. Личинка тритона, съ того момента, когда она потеряла жабры и пріобрѣла четыре ноги, есть уже по всѣмъ признакамъ настоящій молодой тритонъ; соотвѣтствующая же стадія развитія лягушки будетъ еще головастикомъ, личинкой. То же самое и у человѣка. На низшихъ ступеняхъ юноша становится взрослымъ, начиная съ того момента, когда у него появились физическіе признаки взрослаго человѣка, когда онъ достаточно силенъ для того, чтобы собственными руками обезпечивать жизнь свою и своего семейства. На высшихъ же ступеняхъ развитіе продолжается несравненно дольше, такъ какъ цѣль, которую оно должно достигнуть, шире и глубже.

---

[1]) Philosophie positive. Томы IV—VI, въ различныхъ мѣстахъ; напр.: „Le developpement individuel reproduit sous nos yeux, dans une succession plus rapide et plus familière, dont l'ensemble est alors mieux appréciable, quoique moins prononçé, les principales phases du developpement social“. IV, стр. 447, Для животныхъ та же мысль была всѣхъ лучше формулирована *Фр. Мюллеромъ* въ сочиненіи: *Für Darwin*. 1864 г.

II.

Распространеніе возраста вступленія въ бракъ у различныхъ народовъ.—Существованіе дисгармоніи въ развитіи человѣка.

Въ первой главѣ выставленъ принципъ, на которомъ будутъ основаны послѣдующія соображенія; цѣль же этихъ соображеній заключается въ томъ, чтобы уяснить отношеніе возрастовъ у народовъ, «остановившихся» на различныхъ ступеняхъ развитія. Для того, чтобы по возможности точно и подробно разработать этотъ вопросъ, имѣющій важное значеніе для общей Антропологіи, я избралъ возрастъ вступленія въ бракъ, какъ наиболѣе подходящій къ нашей цѣли. Вступленіе въ брачную жизнь составляетъ довольно естественную переходную ступень отъ юношескаго къ зрѣлому возрасту, и образуетъ рѣзкую черту, вліяющую на всю жизнь человѣка. Именно по этой причинѣ объ этомъ возрастѣ имѣется всего болѣе фактическихъ данныхъ, значительный запасъ которыхъ необходимъ для основательнаго изученія занимающаго насъ вопроса. Собственно статистическія свѣдѣнія находятся только для вполнѣ цивилизованныхъ народовъ, для первобытныхъ же приходится ограничиться фактами, собранными путешественниками въ различныя времена.

Мы начнемъ нашъ обзоръ съ первобытныхъ народовъ Африки, какъ съ племенъ, занимающихъ одну изъ низшихъ ступеней на лѣстницѣ человѣческаго рода. У готтентотовъ браки совершаются обыкновенно черезъ посредство родителей, причемъ случается, что невѣсту сговариваютъ въ то время, когда она еще не вышла изъ дѣтскаго возраста [1]). Не рѣдко бываетъ, что дѣвушекъ отдаютъ замужъ, когда имъ только-что минуло восемь или девять лѣтъ [2]). Сходные обычаи встрѣчаемъ мы и у кафровъ. У нихъ выдаваніе замужъ есть родъ коммерческаго предпріятія, которое обыкновенно обдѣлываютъ между собою отцы; въ случаѣ нужды и тутъ сговариваютъ малолѣтныхъ дѣтей [3]). Появленіе половой зрѣлости у дѣвочекъ сопровождается обыкновенно празднествами, причемъ пирующіе предаются всевозможнаго рода эксцессамъ. На слѣдующее утро дѣвушка публично принимается въ число зрѣлыхъ женщинъ, и съ того момента уже считается

---

1) *Fritsch.* Die Eingeborenen Süd-Africas. 1872. Стр. 331.

2) *Reich.* Geschichte, Natur und Gesundheitslehre des ehelichen Lebens. 1864. Стр. 324. Единственное достоинство этого сочиненія заключается въ томъ, что въ немъ приведено очень много интересныхъ выписокъ изъ различныхъ авторовъ.

3) *Reich,* l. c. стр. 321.

годной къ вступленію въ бракъ [1]). У негровъ мы видимъ то же самое, только въ еще болѣе рѣзкихъ размѣрахъ. Они гордятся полигаміей и стремятся получить елико-возможно болѣе женъ. Король Ашанти можетъ имѣть 3,333 жены, для чего ему не рѣдко приходится жениться на маленькихъ, даже еще не отнятыхъ отъ груди дѣвочкахъ. Вообще у негровъ въ большомъ употребленіи ранніе сговоры, такъ что не рѣдко родители условливаются уже относительно браковъ еще неродившихся дѣтей [2]). Для насъ всѣ эти факты имѣютъ потому особенное значеніе, что они показываютъ, во-первыхъ, простоту взгляда на брачныя отношенія, во-вторыхъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что и фактическій бракъ, т.-е. половое сожитіе должно начинаться у негровъ сравнительно очень рано. Относительно послѣдняго пункта мы имѣемъ и болѣе прямыя указанія. По свидѣтельству многихъ путешественниковъ, наступленіе половой зрѣлости у мальчиковъ, также какъ и у дѣвочекъ, ознаменовывается процессіоннымъ шествіемъ, причемъ разряженная дѣвочка объявляется зрѣлой и готовой къ выходу замужъ [3]). Условія для вступленія въ бракъ негровъ-юношей также чрезвычайно легки и просты. Для этого стóитъ только быть собственникомъ нѣсколькихъ трубокъ, стула, сундука, выстроить избу и поймать плѣннаго. Дѣвочки же выходятъ замужъ между десяти и двѣнадцатилѣтнимъ возрастомъ [4]) (на сѣверо-гвинейскомъ берегу) или же, какъ напр. у негровъ племени Кичъ (по Бѣлому Нилу), въ четырнадцать лѣтъ [5]). Ранніе браки свойственны и другимъ народамъ Африки, принадлежащимъ къ кавказскому племени. Такъ, въ Абиссиніи дѣвочекъ отдаютъ замужъ необыкновенно молодыми [6]); въ Массауа юноши начинаютъ вступать въ бракъ съ семнадцати, а дѣвушки—съ двѣнадцати лѣтъ (по показанію *Мунцингера* [6]). То же сообщаетъ *Рольфсъ* [7]) и относительно марокканскихъ марабутовъ; онъ видѣлъ восьмилѣтнюю жену и тринадцатилѣтняго мужа.

Такъ какъ читателю легко можетъ показаться съ перваго взгляда, что на брачную жизнь только-что перечисленныхъ народовъ имѣетъ преобладающее вліяніе жаркій климатъ цѣлой Африки, то я считаю необходимымъ тотчасъ же перейти къ обзору

---

[1]) *Fritsch*, l. c. стр. 112.

[2]) *Reich*, стр. 301—302.

[3]) *Waitz*: Anthropologie des Naturvölkes. II. стр. 110.

[4]) *Reich*, 306.

[5]) Globus. 1871. T. XIX, стр. 181.

[6]) Zeitschrift für allgemeine Erdkunde, 1859, стр. 99.

[7]) Reise durch Marokko etc. Bremen, 1868. стр. 88.

возраста вступленія въ бракъ у первобытныхъ народовъ, живущихъ въ холодномъ поясѣ земного шара. Относительно атхинцовъ (т.-е. обитателей Алеутскихъ острововъ, ближайшихъ къ Камчаткѣ) отецъ *Веніаминъ* [1]) сообщаетъ слѣдующее: «Вступать въ бракъ позволялось съ 10-ти лѣтъ возраста, какъ время, въ которое мальчикъ могъ и долженъ былъ умѣть владѣть байдаркою и стрѣлами и слѣдовательно числиться въ числѣ промышленниковъ, а дѣвица—шить. Родители еще въ дѣтствѣ дѣлали сватовство другъ съ другомъ и назначали дѣтей своихъ супругами». Въ Аляскѣ (бывшей русской Америкѣ) браки заключаются также довольно рано; по словамъ американскаго путешественника *Уимпера*, у туземцевъ Аляски (Ко-Юконсъ) «пятнадцатилѣтняя дѣвушка или уже имѣетъ мужа, или же распускаетъ сѣти для подысканія таковаго» [2]). О раннихъ бракахъ туземцевъ Камчатки упоминаетъ *Эрманъ* [3]). *Гумбольдтъ* говоритъ въ своемъ путешествіи по Южной Америкѣ [4]), что между эскимосками, камчадалками и корячками не рѣдки матери десятилѣтняго возраста. У *Клемма* [5]) мы также находимъ, что эскимоски, остячки и самоѣдки часто рожаютъ, когда имъ только-что исполнится пятнадцать лѣтъ. Къ сожалѣнію, ни *Гумбольдтъ*, ни *Клеммъ* не ссылаются на источники, вслѣдствіе чего сообщаемыя ими свѣдѣнія не могутъ быть подвергнуты критикѣ.

О тунгузахъ, принадлежащихъ также къ числу первобытныхъ народовъ холоднаго климата, мы имѣемъ свѣдѣнія, сообщенныя *Георги*. Въ его путешествіи по Россіи мы находимъ слѣдующее [6]): «для того чтобы сберечь плату за невѣсту, родители охотно мѣняютъ своихъ дѣтей, такимъ образомъ, что сынъ однихъ беретъ дочь другихъ, и наоборотъ». «Между ними встрѣчаются пятнадцатилѣтніе мужья и двѣнадцатилѣтнія жены. Богатые сторговываютъ часто восьмилѣтнихъ дѣтей, которые остаются у родителей невѣсты и спятъ вмѣстѣ. Послѣ рожденія перваго ребенка молодые отдѣляются».

Наиболѣе подробныя свѣдѣнія о возрастѣ вступленія въ бракъ первобытнаго народа, мнѣ удалось добыть относительно волжскихъ калмыковъ. Благодаря обязательности г. главнаго попечителя калмыцкаго народа К. И. Костенкова, я получилъ для изученія со-

---

[1]) Записки объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла, 1840. Т. III, стр. 9.
[2]) Globus. 1869. T. XVI, стр. 58.
[3]) Zeitschrift für Ethnologie. T. III. 1871. Стр. 162.
[4]) Voyage aux régions équinoxiales du nouveau continent. T. III. 1817. Стр. 293.
[5]) Allgemeine Kulturgeschichte. T. II. 1843. Стр. 207.
[6]) Bemerkungen einer Reise im russischen Reich. 1775. T. I, стр. 265.

ставленные ламаитскимъ духовенствомъ списки движенія народонаселенія калмыцкой степи; изъ всѣхъ данныхъ я однакоже могъ воспользоваться только возрастомъ вступленія въ бракъ, такъ какъ у калмыковъ вообще (какъ еще было замѣчено Палласомъ) обращается большое вниманіе не только на годъ рожденія, но даже на мѣсяцъ, день и проч. Абсолютныя же цифры числа бракосочетаній, рожденій и проч. вслѣдствіе неточности никуда негодны. Тотъ фактъ, что калмыки вступаютъ въ бракъ довольно рано, былъ уже замѣченъ сарептскимъ миссіонеромъ *Веньяминомъ Бергманномъ* [1]), написавшимъ извѣстное сочиненіе о калмыцкой степи. Болѣе же убѣдительны въ этомъ отношеніи слѣдующія числовыя данныя: изъ 279 дѣвушекъ, вышедшихъ замужъ (въ 1870 и 1871 годахъ):

8	находилось	въ возрастѣ	14	лѣтъ	18	находилось	въ возрастѣ	21	года
5	»	» »	15	»	6	»	» »	22	лѣтъ
30	»	» »	16	»	6	»	» »	23	»
65	»	» »	17	»	4	»	» »	24	»
53	»	» »	18	»	1	»	» »	26	»
54	»	» »	19	»	1	»	» »	27	»
28	»	» »	20	»					

Maximum падаетъ слѣдовательно на семнадцатилѣтній возрастъ. Двадцатилѣтнихъ невѣстъ еще меньше чѣмъ шестнадцатилѣтнихъ, послѣ же двадцати лѣтъ числа быстро спускаются до минимальныхъ; въ двадцать пять лѣтъ не было ни одной невѣсты; послѣ этого возраста было только два случая, да и тѣ можетъ быть означаютъ вступленіе во второй бракъ. Свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ относительно женившихся мужчинъ, менѣе точны на томъ основаніи, что въ спискахъ для нихъ не обозначено, вступаютъ они въ первый или во второй бракъ. Вслѣдствіе этого общій показанный возрастъ будетъ нѣсколько больше истиннаго. Вотъ полученныя мною числа. Изъ 301 мужчины, вступившихъ въ бракъ, было:

2	въ	возрастѣ	16	лѣтъ	15	въ	возрастѣ	26	лѣтъ
14	»	»	17	»	14	»	»	27	»
20	»	»	18	»	20	»	»	28	»
28	»	»	19	»	7	»	»	29	»
32	»	»	20	»	1	»	»	30	»
37	»	»	21	года	3	»	»	31	»
19	»	»	22	лѣтъ	3	»	»	32	»
35	»	»	23	»	2	»	»	33	»
23	»	»	24	»	2	»	»	38	»
23	»	»	25	»	1	»	»	51	»

[1]) Nomadische Streifereien unter den Kalmucken.

На maximum (37) здѣсь приходится возрастъ 21 года; приблизительно столько же женившихся было однакоже и въ возрастѣ 20 (32) и 23 лѣтъ (35). Вообще у мужчинъ мы замѣчаемъ гораздо болѣе постепенный ходъ чиселъ, чѣмъ у невѣстъ, что̀ отчасти обусловливается именно примѣшиваніемъ браковъ вдовцовъ. Съ семнадцати лѣтъ цифры начинаютъ сразу увеличиваться и точно также быстро падаютъ послѣ 28 лѣтъ, такъ что брачными возрастами главнымъ образомъ слѣдуетъ считать двѣнадцатилѣтній періодъ между двумя указанными предѣлами. Обсуждая приведенныя числа, необходимо имѣть въ виду общія условія населенія калмыцкой степи и главнымъ образомъ то обстоятельство, что въ немъ общая сумма мужского населенія значительно превышаетъ женское,—обстоятельство, замедляющее совершеніе браковъ.

На основаніи приведенныхъ чиселъ, средній возрастъ вступленія въ бракъ выходитъ для жениховъ—22,8 лѣтъ, а для невѣстъ—18,3. О томъ, насколько эти возрасты ниже соотвѣтствующихъ цифръ для собственно европейскихъ народовъ, будетъ рѣчь впереди. Покамѣстъ же мы снова возвращаемся къ показанію возрастовъ для различныхъ первобытныхъ или полуцивилизованныхъ народовъ, основываясь на отчетахъ путешественниковъ.

Отъ монгольскаго племени мы переходимъ къ малайскимъ и полинезійскимъ народамъ, причемъ намъ придется ограничиться лишь очень немногими фактами, такъ какъ о возрастѣ вступленія въ бракъ у этихъ народовъ, столь интересныхъ съ точки зрѣнія семейной жизни, къ сожалѣнію имѣется очень мало свѣдѣній. О малайскомъ народѣ острова Борнео—даякахъ, знаменитый натуралистъ *Уэллесъ* [1]) сообщаетъ слѣдующее: «браки совершаются рано (но не слишкомъ рано), и старые холостяки и дѣвушки здѣсь тоже неизвѣстны». Замѣчательно рано вступаютъ въ бракъ жители Мадагаскара (принадлежащіе также къ малайскому семейству). По свидѣтельству путешественника семнадцатаго столѣтія, *Мегизеруса* [2]), мальчики женятся въ возрастѣ отъ 10 до 12, дѣвочки—въ возрастѣ 10 лѣтъ. О раннихъ бракахъ маорисовъ (туземцевъ Новой Зеландіи), жителей маленькаго острова Пуйнипетъ (принадлежащаго къ Каролинскому архипелагу) и Никобарскихъ острововъ упоминается въ путешествіи фрегата «Новары» [3]).

---

[1]) Малайскій архипелагъ. Русскій переводъ, стр. 99.

[2]) *Reich*, стр. 328.

[3]) Reise der österreichischen Fregatte Novara. Beschreibende Theil. T. III, стр. 111; T. II, стр. 418, 86.

У меланезійцевъ, нравы которыхъ вообще гораздо строже чѣмъ въ Полинезіи, въ большомъ употребленіи обрученіе маленькихъ, новорожденныхъ или даже еще неродившихся дѣтей. Нерѣдко выдаютъ молодыхъ, еле-еле достигшихъ половой зрѣлости дѣвушекъ за шестидесятилѣтнихъ стариковъ,—обычай, часто встрѣчающійся у полигамическихъ народовъ [1]). У меланезійскихъ туземцевъ Новой Каледоніи мужчины женятся между 17 и 18, а дѣвушки вступаютъ въ бракъ между 13 и 14 годами [2]). Туземцы островов Фиджи, отличающіеся поздно наступающей половой зрѣлостью, вступаютъ въ бракъ позже прочихъ меланезійцевъ; у нихъ прямо запрещается сожительство ранѣе 18 или 20 лѣтъ, т.-е. возраста, когда у мужчинъ отростаетъ густая борода [3]). Совершенно тоже встрѣчаемъ мы и у нѣкоторыхъ племенъ юго-западной Австраліи [4]), такъ что нерѣдко мужчины не женятся до тридцатилѣтняго возраста. Этотъ обычай отчасти объясняется недостаткомъ женщинъ, отчасти же онъ обусловленъ и религіозными мотивами.

Америка представляетъ намъ цѣлый рядъ интересныхъ фактовъ. У большей части индіанскихъ народовъ мы встрѣчаемъ ранніе браки; у южно-американскихъ индіанцевъ они заключаются нѣсколько ранѣе, чѣмъ у сѣверо- и средне-американскихъ народовъ. Наступленіе половой зрѣлости считается моментомъ, съ котораго можетъ быть начинаема брачная жизнь. Такимъ образомъ, лаплатскимъ индіанцамъ разрѣшается вступленіе въ бракъ съ 12-ти лѣтъ для дѣвушекъ и съ 14-ти для мальчиковъ, т.-е. именно въ то время, около котораго у нихъ наступаетъ половая зрѣлость [5]). Нѣкоторыя индіанскія дѣвушки (народаВаррау, нѣкоторыхъ бразильскихъ народовъ и проч.) выходятъ замужъ уже въ 10 лѣтъ. *Бурмейстеръ*, описывая бразильскій народъ *Короадосовъ*, упоминаетъ объ обрядахъ, совершаемыхъ при наступленіи первой менструаціи у дѣвушекъ, и прибавляетъ, что съ этого времени онѣ считаются способными къ вступленію въ бракъ, что̀ онѣ и выполняютъ обыкновенно примѣрно въ четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ. То же самое сообщаютъ и относительно перуанскихъ дикарей. Дѣвушки гуарановъ (парагвайскихъ индіанцевъ) вступаютъ

---

[1]) См. *Герланда.* Продолженіе сочиненія *Вайца*, Anthropologie der Naturvölker. T. VI, стр. 631, 632.

[2]) Ausland 1866, стр. 450.

[3]) *Gerland* въ *Waitz*, Anthropologie. T. VI, стр. 630.

[4]) *Gerland*, l. c. стр. 715, 778.

[5]) *Reich.* l. c. О вступленіи въ бракъ индіанцевъ стр. 365, 371, 374, 380, 404, 410, 420, 425, 430, 432, 433, 435, 436, 445, 447, 455, 460.

въ бракъ между 10-ти 12-ти годами, а юноши—нѣсколько позже и проч. и проч. Исключеніе изъ общаго правила раннихъ браковъ составляютъ между нынѣшними индіанцами только парагвайскіе абипоны, народъ, подробнымъ описаніемъ котораго наука обязана аббату *Добрицгоферу*. У нихъ дѣвушки въ рѣдкихъ случаяхъ выходятъ замужъ ранѣе 19-ти или 20-ти лѣтъ, юноши же почти никогда не женятся ранѣе достиженія двадцатипятилѣтняго возраста.

Въ противоположность нынѣшнимъ „дикимъ" индіанцамъ, цивилизованные обитатели древней Мехики и Перу вступали въ бракъ значительно позже. Судя по словамъ историка *Клавигера*, юношамъ въ Мехикѣ разрѣшалось вступать въ бракъ отъ 20-ти до 22-хъ-лѣтняго возраста, подходящій же возрастъ для дѣвушки полагался между 16-ти и 18-ми годами. Еще болѣе поздній возрастъ назначался въ царствѣ Инковъ, гдѣ брачный возрастъ начинался съ 24-хъ лѣтъ для мужчинъ и отъ 18-ти до 20-ти лѣтъ для дѣвушекъ. И у нынѣшнихъ индіанцевъ, живущихъ къ западу отъ Миссисипи, сохранилось воспоминаніе о томъ, что въ прежнее время браки совершались позже чѣмъ теперь [1]).

Тотъ выводъ, который неизбѣжно вытекаетъ изъ только-что указанныхъ фактовъ относительно Америки, еще съ большею рѣзкостью обнаруживается при обзорѣ народовъ индо-кавказскаго племени. И здѣсь низшимъ степенямъ культурнаго развитія соотвѣтствуетъ болѣе ранній возрастъ вступленія въ бракъ. Индусы и родственные имъ цыгане занимаютъ въ этомъ отношеніи одно изъ первыхъ мѣстъ. У индусовъ также существуетъ обычай обрученія въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ, но и самый бракъ у нихъ совершается, когда обрученные только-что вступаютъ въ юношество. Дѣвушки выходятъ замужъ по достиженіи двѣнадцати или тринадцатилѣтняго возраста [2]). То же встрѣчаемъ мы у цыганъ, разсѣянныхъ по странамъ, климатъ которыхъ не имѣетъ ничего общаго съ тропическимъ климатомъ ихъ первоначальной родины. О раннихъ бракахъ этого народа мы имѣемъ нѣсколько указаній. Вотъ, напр., одно изъ нихъ, заимствованное мною изъ сочиненія *Грелльманна* [3]): «по достиженіи 13-ти или 14-ти лѣтъ, цыганскій юноша замѣчаетъ уже, что ему недостаетъ еще чего-то, кромѣ пищи и питья; а такъ какъ онъ также мало озабоченъ дальнѣйшей судьбой, какъ и птицы небесныя, да притомъ еще

[1]) *Reich*. l. c. стр. 375, 405, 443, 458.

[2]) Reise der Fregatte Novara, томъ I, стр. 356. *Reich*.—стр. 207.

[3]) Historischer Versuch über die Zigeuner. Göttingen. 1787, стр. 118. Также *Reich*, стр. 247.

пользуется неограниченной свободой дѣйствій, то онъ тотчасъ же приступаетъ къ дѣлу и женится на первой понравившейся дѣвушкѣ двѣнадцати, а въ крайнихъ случаяхъ тринадцатилѣтняго возраста". Сингалезцы (обитатели острова Цейлона, столь извѣстные своей поліандріей) вступаютъ въ бракъ столь же рано и при тѣхъ же условіяхъ (обрученіе въ дѣтствѣ), какъ и индусы [1]). Интересныя свѣдѣнія сообщаетъ французскій путешественникъ *дю-Перронъ* о бракахъ парсовъ Гусураты, небольшого иранскаго народа Остъ-индіи [2]). Родители сговариваютъ дѣтей, когда послѣднимъ исполнилось три года; по достиженіи шестилѣтняго возраста ихъ уже поселяютъ вмѣстѣ, хотя бракосочетаніе совершается не ранѣе наступленія половой зрѣлости у невѣсты. Въ Кирманѣ парсы сговариваютъ девятилѣтнихъ дѣтей, въ бракъ же дозволяютъ вступать не ранѣе двѣнадцати лѣтъ, а истинный бракъ, т.-е. сожитіе совершается тотчасъ послѣ наступленія менструацій. Сходные обычаи по отношенію къ возрасту вступленія въ бракъ встрѣчаемъ мы и у нѣкоторыхъ другихъ народовъ иранскаго семейства, какъ-то у персіянъ, курдовъ и армянъ [3]). Позже другихъ совершаются браки у афганцевъ, у которыхъ обыкновенно юноши женятся на двадцатомъ, дѣвушки же выходятъ замужъ на пятнадцатомъ или шестнадцатомъ году. Такъ какъ однакоже пріобрѣтеніе жены стóитъ довольно большихъ денегъ, то нерѣдко случается, что мужчины до 40 лѣтъ остаются холостыми; двадцатипятилѣтнія дѣвы въ Афганистанѣ также не составляютъ рѣдкости [4]).

Между народами Кавказа нѣкоторые, какъ напр. грузины, вступаютъ въ бракъ чрезвычайно рано. Обрученіе у нихъ совершается часто еще въ то время, когда дѣти не вышли изъ колыбели, самый же бракъ нерѣдко совершается въ 15 лѣтъ (для мальчика) и въ 12 лѣтъ (для дѣвочки) [5]). У другихъ же кавказскихъ народовъ, какъ напр. у хевзуровъ, дѣвушекъ выдаютъ замужъ на двадцатомъ году, хотя ихъ и обручаютъ еще въ дѣтствѣ [6]).

Мы уже видѣли выше, что нѣкоторые изъ принадлежащихъ къ кавказскому племени народовъ Африки вступаютъ въ бракъ въ весьма раннемъ возрастѣ. То же мы должны теперь сказать о нынѣш-

---

1) *Reich*, стр. 213.

2) Ibid. стр. 227.

3) Ibid., стр. 253, 257, 260.

4) Ibid., стр. 240.

5) Ibid., стр. 267.

6) Записки Кавказскаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества. III. Тифлисъ, 1855.

нихъ египтянкахъ и объ африканскихъ арабскихъ дѣвушкахъ, которыя выходятъ замужъ иногда въ 10, большею же частью въ 12 или 13 лѣтъ. Дѣвушки алжирскихъ евреевъ также довольно рано вступаютъ въ бракъ (между 13-ти и 16-ти годами); мужчинамъ же иногда приходится ждать до тридцатилѣтняго возраста. Алжирскіе мавры вступаютъ въ бракъ раньше (богатые юноши въ 18 лѣтъ, бѣдные—позже). Тунисскіе мавры женятся въ 16 или 18, иногда даже въ 14 лѣтъ, дѣвочки же выходятъ замужъ иногда ранѣе полнаго десятилѣтняго возраста. Тунисскіе евреи женятся между 16-ти и 20-ти годами, еврейки выходятъ между 12-ти и 15-ти годами [1]).

Обратимся теперь къ болѣе подробнымъ свѣдѣніямъ, которыя представляетъ намъ статистика относительно европейскихъ народовъ. Изъ всѣхъ извѣстныхъ въ этомъ отношеніи странъ, первое мѣсто по раннему вступленію въ бракъ занимаетъ Россія, какъ это недавно было показано проф. *Янсономъ*, интересный этюдъ котораго [2]) послужитъ намъ источникомъ для слѣдующихъ данныхъ.—«Въ Россіи браки заключаются ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо», говоритъ названный ученый, сравнивая возрастъ вступленія въ бракъ въ Россіи и въ одиннадцати европейскихъ государствахъ. «На возрастъ до 20 лѣтъ (въ Россіи) приходится около 47% всѣхъ браковъ, въ то время, какъ въ западной Европѣ % такихъ браковъ колеблется между 10 и 2%. Наоборотъ, несвоевременныхъ и позднихъ браковъ у насъ гораздо менѣе, особенно позднихъ: у насъ они даютъ около 1% всѣхъ браковъ, на западѣ Европы отъ 3 до 2%» (стр. 237).

Разсматривая возрастъ вступленія въ бракъ по поламъ, г. *Янсонъ* приходитъ къ слѣдующему выводу: «въ возрастѣ до 20-ти лѣтъ въ западной Европѣ женится 1,5% мужчинъ, въ Россіи 36,9%, т.-е. въ 24 раза больше; на 11,6% женщинъ, выходящихъ замужъ до 20-ти лѣтъ, въ Россіи приходится 56,6%, т.-е. почти въ пять разъ больше; слѣдовательно, для женщины ранніе браки у насъ не представляютъ такого характернаго явленія, какъ ранніе браки для мужчины. На 1 мужчину, вступающаго въ бракъ до 20-ти лѣтъ, приходится на западѣ Европы 8, у насъ 1,5 женщинъ той же возрастной группы» (стр. 241).

Губерніи, въ которыхъ мужчины женятся всего позже (абсолютный брачный возрастъ въ 25-35 лѣтъ) суть: Петербургская, Ревельская, Рижская, Митавская и Ковенская, т.-е. пять губер-

---

[1]) *Reich*, стр. 283, 291—293, 296.

[2]) Сравнительно-статистическіе Этюды, III. Знаніе, 1873. Августъ, стр. 199 и слѣд.

ній, принадлежащихъ къ числу наиболѣе цивилизованныхъ въ Россіи. Губерніи же, въ которыхъ браки мужчинъ совершаются всего ранѣе, составляютъ центръ Россіи, по преимуществу губерніи Рязанская (63°/o браковъ отъ 20 до 25 лѣтъ), Тамбовская, Тульская, Донская область, Воронежская, Калужская, Нижегородская, Пензенская, Орловская и Владимірская (51°/o).—Абсолютный брачный возрастъ женщины представляетъ въ общемъ тѣ же данныя, какъ и возрастъ мужчины.

Весьма интересны слѣдующіе факты относительно распредѣленія брачнаго возраста мужчины и женщины по вѣроисповѣданіямъ.

Для мужчины возрастъ вступленія въ бракъ:	Православные.	Раскольники.	Католики.	Протестанты.	Евреи.	Магометане.	Средн. выв.
Отъ — до 20 лѣтъ . .	3,974	4,208	824	667	4,342	1,618	3,689
» 20 » 25 » . .	3,170	3,062	3,161	3,180	2,637	3,837	3,183
» 25 » 35 » . .	1,613	2,153	4,197	4,061	1,779	1,708	1,806
» 35 » 50 » . .	1,087	733	1,910	1,578	908	1,429	1,140
Послѣ 50 » . .	166	42	307	434	234	408	257

Для женщины:	Православные.	Раскольники.	Катол.	Протестанты.	Евреи.	Магометане.	Средн. выв.
Отъ — до 20 лѣтъ . .	5,868	5,453	3,864	2,664	6,089	4,529	5,665
» 20 » 25 » . .	2,571	2,579	3,262	3,724	2,121	3,108	2,636
» 25 » 35 » . .	1,035	1,399	2,017	2,656	1,218	1,651	1,142
» 35 » 50 » . .	500	376	811	881	526	617	524
Послѣ 50 » . .	26	5	45	76	45	95	31

Замѣтимъ еще послѣдній выводъ г. *Янсона*: «въ городскомъ населеніи Россіи возрастъ брачущихся замѣтно отличается отъ возраста въ остальномъ населеніи. Въ городахъ браки заключаются вообще позже, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Для мужчинъ абсолютный возрастъ приходится на періодъ 25—35 лѣтъ»; «женщинъ относительно менѣе выходитъ замужъ до 20 лѣтъ и значительно болѣе отъ 25 до 35 лѣтъ, чѣмъ въ остальномъ населеніи» (стр. 248).

Эти данныя имѣютъ самое непосредственное значеніе для нашего общаго вывода. Городское населеніе вообще стоитъ на болѣе высокой степени развитія, чѣмъ сельское, и вступаетъ въ бракъ позже, нежели послѣднее. То же замѣчаемъ мы и при разсмотрѣніи распредѣленія браковъ по вѣроисповѣданіямъ. Изъ заимствованной у г. *Янсона* таблички мы видимъ, что изъ всего населенія Россіи всего позже вступаютъ въ бракъ протестанты, затѣмъ католики, т.-е. именно лица, принадлежащія къ народамъ западно-европейской культуры. Всѣхъ раньше напротивъ вступаютъ въ бракъ евреи, семейные обычаи которыхъ, какъ

извѣстно, стоятъ еще на очень примитивной ступени. Почти столь же рано совершаются браки у православныхъ и раскольниковъ; лица, принадлежащія къ этимъ двумъ исповѣданіямъ, принадлежатъ въ то же время и одному общему культурному слою, вслѣдствіе чего совершенно понятно, что по отношенію возраста вступленія въ бракъ они представляютъ между собою самое значительное сходство (см. табличку). Аномальнѣе всѣхъ другихъ оказываются числа по отношенію магометанъ (очевидно большею частью татаръ), такъ какъ сравнительно съ степенью культуры браки ихъ совершаются недостаточно рано. Но за то это единственный пародоксальный фактъ во всей табличкѣ.

Обратимся теперь къ западной Европѣ.—Браки до двадцатилѣтняго возраста, которые у насъ составляютъ почти половину всѣхъ браковъ (47⁰/₀), а у калмыковъ больше половины (53,63⁰/₀) въ Европѣ называются «преждевременными» и составляютъ самую ничтожную долю всѣхъ браковъ.—Такихъ браковъ приходится всего больше (15,74⁰/₀) въ Сардиніи, всего же меньше (1,91⁰/₀) въ Баваріи; между этими крайностями находится Франція (10,71⁰/₀), Англія (7,30⁰/₀), Бельгія (5,60⁰/₀), Нидерланды (4,44⁰/₀) и Норвегія (2,69⁰/₀) [1]. Эти колебанія, сравнительно говоря, не настолько значительны, чтобы ихъ можно было солиднымъ образомъ поставить въ зависимость отъ культуры, да и вообще ихъ покамѣстъ невозможно объяснить научнымъ образомъ. Для нашей цѣли въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ и надобности, такъ какъ мы можемъ вращаться только въ сферѣ крупныхъ явленій, и потому-то намъ важнѣе всего знать общія данныя для западной Европы, какъ большого центра высшей культуры.—Ничтожное число «преждевременныхъ» браковъ есть первый фактъ, имѣющій для насъ тѣмъ большее значеніе, что смыслъ его до крайности ясенъ. «Браки ранѣе 20 лѣтъ,—говоритъ *Ваппеусъ* (II, 270),—въ цивилизованныхъ государствахъ слѣдуетъ считать вообще *преждевременными* или черезчуръ ранними, такъ какъ въ нашихъ государствахъ ни мужъ, ни жена, или во всякомъ случаѣ первый изъ нихъ, не достигаютъ въ то время той физической и нравственной зрѣлости, которая потребна для выполненія различныхъ обязанностей, налагаемыхъ бракомъ».—Браки, заключенные между 20 и 25 годами, въ Европѣ еще считаются ранними, своевременными же называютъ браки, заключенные между 25 и 35 годами. Такихъ браковъ въ десяти государствахъ западной Европы (Англія, Сардинія, Франція, Норвегія, Нидер-

---

[1]) *Wappäus*. Allgemeine Bevölkerungsstatistik. Томъ II, 1861. Стр. 269.

ланды, Бельгія, Швеція, Голштинія, Шлезвигъ и Данія) заключается 47,91%, въ Россіи же только 14,78%.

Особенный интересъ представляютъ для насъ данныя относительнаго средняго возраста, и притомъ первыхъ браковъ, данныя, которыя мы заимствуемъ у *Ваппеуса* (Томъ II, стр. 285).— Такимъ образомъ, средній возрастъ будетъ:

	Для жениховъ:	Для невѣстъ:
Въ Англіи	25,94 года	24,69 года
» Франціи	28,41 »	25,32 »
» Норвегіи	28,51 »	26,98 »
» Нидерландахъ . . .	29,15 »	27,78 »
» Бельгіи	29,94 »	28,19 »

Я не хочу утомлять читателя дальнѣйшимъ перечисленіемъ фактовъ, сходныхъ съ тѣми, которыя я уже сообщилъ. Если ему однакоже захочется имѣть ихъ большее количество, пусть онъ самъ обратится къ цитированнымъ мною источникамъ, по преимуществу же къ сочиненіямъ *Вайца*, *Рейха* и *Ваппеуса*. Я же попробую обобщить полученные результаты и затѣмъ указать на ихъ разнообразное значеніе.

Изъ всего выше сказаннаго прежде всего вытекаетъ, что браки заключаются тѣмъ позже, чѣмъ выше стоитъ культурное развитіе народа или, другими словами, что развитіе, цивилизація влечетъ за собою большее или меньшее запаздываніе возраста вступленія въ бракъ.—Этотъ выводъ настолько рѣзокъ, что намъ не предстоитъ выгораживать его противъ какихъ-либо возможныхъ возраженій. Я этимъ ничуть не хочу сказать, чтобы у всѣхъ перечисленныхъ народовъ приведенная цифра возраста была во всѣхъ случаяхъ одинаково соизмѣримой, то-есть чтобы пятнадцатилѣтній возрастъ гдѣ-нибудь въ Индостанѣ соотвѣтствовалъ пятнадцатилѣтнему возрасту въ Европѣ и т. под.; я утверждаю только, что отвлекаясь даже отъ всѣхъ отличій въ большей или меньшей быстротѣ физическаго созрѣванія, все-таки возрастъ вступленія въ бракъ у первобытныхъ народовъ несравненно болѣе ранній, чѣмъ у цивилизованныхъ. — Многіе дикіе народы сговариваютъ своихъ дѣтей, когда тѣ еще не успѣли выдти изъ дѣтскаго возраста и ждутъ появленія половой зрѣлости какъ момента, опредѣляющаго начало истинной брачной жизни. Поэтому-то у такихъ народовъ первое появленіе менструаціи считается дѣломъ особенной важности и сопровождается торжественными процессіями и пиршествомъ. — У цивилизованныхъ народовъ мы видимъ совершенно иное; у нихъ появленіе половой зрѣлости и возрастъ вступленія въ бракъ не только не

являются синхронически совпадающими моментами, но раздѣляются всегда значительнымъ промежуткомъ времени. Такъ, напр., у англичанокъ, у которыхъ средній возрастъ вступленія въ бракъ равняется приблизительно 24 годамъ и восьми съ половиною мѣсяцамъ, половая зрѣлость наступаетъ среднимъ числомъ въ 15 съ половиною лѣтъ, по свидѣтельству *Гога*[1]), у нихъ слѣдовательно промежутокъ между обоими моментами, котораго у дикихъ народовъ не существуетъ вовсе, равняется девяти годамъ и двумъ съ половиною мѣсяцамъ. У француженокъ этотъ промежутокъ еще больше. Средній возрастъ вступленія въ (первый) бракъ у нихъ составляетъ 25 лѣтъ и 4 мѣсяца, моментъ же появленія первой менструаціи у нихъ падаетъ примѣрно на возрастъ 14 лѣтъ и 4 мѣсяцевъ, слѣдовательно разница равняется одиннадцати годамъ.

Важное значеніе указанныхъ фактовъ не можетъ не броситься въ глаза, и потому мы должны остановиться на нихъ нѣсколько долѣе. Всѣмъ извѣстно, что наступленіе половой зрѣлости ни у одного европейскаго цивилизованнаго народа не считается признакомъ годности для вступленія въ бракъ и, слѣдовательно, признакомъ полной зрѣлости. «Совершеннолѣтіе» по нашимъ законамъ начинается съ 21 года, т.-е. по крайней мѣрѣ лѣтъ на пять позже наступленія зрѣлости у мальчиковъ. Тотъ же возрастъ опредѣляется и французскими законами; въ Пруссіи и Австріи совершеннолѣтній возрастъ начинается съ 24 лѣтъ. Хотя по законамъ и можно вступать въ бракъ до наступленія совершеннолѣтія, тѣмъ не менѣе понятно, что браки, совершенные въ этомъ періодѣ, будутъ больше или меньше браками преждевременными. — Но, чтó гораздо важнѣе, и съ точки зрѣнія физіологическихъ законовъ, моментъ появленія половой зрѣлости (у европейцевъ, по крайней мѣрѣ) наступаетъ ранѣе общей зрѣлости организма, того чтó называется nubilitas. — Въ каждомъ учебникѣ физіологіи можно найти указаніе на то, что истинная способность къ размноженію наступаетъ позже половой зрѣлости, хотя нигдѣ не опредѣляется въ точности моментъ наступленія этой способности. Всего больше занимались этимъ предметомъ медики, причемъ на общую зрѣлость они смотрѣли какъ на моментъ, съ котораго начинаются наиболѣе правильные роды, т.-е. роды, сопряженные съ наименьшими шансами смертности и безплодія. *Дёнканъ*[2]), болѣе другихъ занимавшійся этимъ вопросомъ,

---

[1]) Medical Times Gazette. November, 4. 1871.

[2]) Jahresbericht über die Leistungen und Fortschritte in der gesammten Medicin für 1866. T. II, 1867, стр. 516.

опредѣляетъ наступленіе общей зрѣлости для дѣвушекъ въ 20 лѣтъ. Въ доказательство своего мнѣнія онъ приводитъ то, что возрастъ отъ 20—24 лѣтъ подверженъ наименьшей послѣ-родовой смертности и представляется наиболѣе плодороднымъ, а также и то, что ростъ тазовыхъ костей завершается только около двадцатилѣтняго возраста. — Если мы, слѣдуя этому мнѣнію, скажемъ, что возрастъ вступленія въ бракъ, положенный физическою природою, будетъ для европейскихъ дѣвушекъ равняться 20 годамъ, то все же должны будемъ признать, что цивилизація отодвигаетъ и его на нѣсколько лѣтъ. Для англичанокъ этотъ промежутокъ между наступленіемъ общей зрѣлости и среднимъ возрастомъ вступленія въ бракъ составитъ 4,69 года, для француженокъ — 5,32, для норвежекъ — 6,98, для голландокъ — 7,78, для бельгійскихъ невѣстъ — 8,19 года.

Причины подобнаго запаздыванія противъ всѣхъ нормъ, указанныхъ природою, могутъ быть отчасти указаны теперь же, хотя болѣе подробно онѣ будутъ разсмотрѣны ниже. На первомъ планѣ должно быть поставлено умственное развитіе, неизбѣжно вносимое цивилизаціей. Тазовыя кости могутъ кончить свой ростъ въ 20 лѣтъ и наилучшимъ образомъ приспособиться къ рожанію дѣтей, тѣмъ не менѣе это обстоятельство ни мало не будетъ опредѣляющимъ моментомъ при вступленіи въ бракъ большинства цивилизованныхъ дѣвушекъ, которыя руководствуются при этомъ иными мотивами, какъ, напр., общественнымъ положеніемъ, репутаціей, богатствомъ и проч.

Опредѣленіе общей зрѣлости для мужского пола подвержено еще несравненно бóльшимъ затрудненіямъ чѣмъ для дѣвушекъ; во всякомъ случаѣ не подлежитъ однако же сомнѣнію, что физическая бракоспособность юноши не можетъ подчиняться тѣмъ сложнымъ требованіямъ, какія налагаютъ на женскій полъ условія дѣторожденія. Если мы, для того, чтобы опредѣлить наступленіе общей зрѣлости, обратимся къ распредѣленію смертности по возрастамъ и по семейному состоянію, то опять получимъ въ результатѣ двадцатилѣтній возрастъ, какъ первый предѣлъ, положенный природою для вступленія юношей въ бракъ. Изъ изслѣдованій д-ра *Фарра* [1]) оказывается, что смертность женатыхъ мужчинъ (во Франціи) очень велика до двадцатилѣтняго возраста; начиная же отъ этого предѣла и вплоть до 80-ти лѣтъ холостые подвержены гораздо большей смертности, чѣмъ женатые. Между

[1]) Статья этого ученаго извѣстна мнѣ изъ книги *Дарвина* «О происхожденіи человѣка». Т. I, глава 5.

тѣмъ въ Европѣ браки отъ 20 — 25 лѣтъ еще считаются ранними и составляютъ менѣе трети [30,25% среднимъ числомъ для Англіи, Франціи, Норвегіи, Нидерландовъ и Бельгіи взятыхъ вмѣстѣ [1])] всего числа женившихся. Если мы, подобно тому, какъ это сдѣлали для дѣвушекъ, вычтемъ моментъ наступленія общей зрѣлости (полагая его также въ 20 лѣтъ) изъ средняго возраста вступленія въ бракъ, то получимъ слѣдующія числа: для англичанъ — 5,94 года, для французовъ — 8,41, для норвежцевъ—8,51, для голландцевъ—9,15, для бельгійцевъ—9,94 года.

Общій нашъ выводъ можетъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ. *Половая зрѣлость (pubertas), общая физическая зрѣлость (nubilitas) и брачная зрѣлость (возрастъ вступленія въ бракъ) составляютъ три важныхъ момента въ жизни человѣка, имѣющихъ одну и ту же цѣль: удовлетвореніе стремленій къ поддержанію вида (размноженіе). Въ однихъ случаяхъ (большинство первобытныхъ народовъ) эти три момента совпадаютъ или почти совпадаютъ другъ съ другомъ; въ другихъ же случаяхъ они раздвигаются, между ними появляются промежутки, тѣмъ болѣе длинные, чѣмъ дольше совершается развитіе и потому наиболѣе ощутительные у наиболѣе цивилизованныхъ народовъ. Эти промежутки, означающіе неравномѣрное и слѣдовательно неодновременное развитіе аппаратовъ, служащихъ для одной и той же и цѣли, составляютъ доказательство существованія дисгармоніи въ развитіи человѣка.* На это обстоятельство мною уже было указано въ статьѣ: «Воспитаніе съ антропологической точки зрѣнія» [2]), въ которой я именно пытался доказать, что въ теченіе всего внѣ-маточнаго періода «существуютъ несоразмѣрности въ развитіи отдѣльныхъ аппаратовъ», несоразмѣрности, имѣющія большое значеніе въ дѣлѣ воспитанія въ смыслѣ препятствій послѣднему. Настоящій очеркъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ продолженіе той же статьи, такъ какъ основа въ немъ та же самая; различіе же заключается, во-первыхъ, въ томъ, что мною теперь взятъ не дѣтскій возрастъ, а юношескій; во-вторыхъ же, и это гораздо важнѣе, въ томъ, что для изученія дисгармоническихъ моментовъ брачной жизни мы имѣемъ гораздо болѣе данныхъ, чѣмъ для воспитательныхъ дисгармоній. Въ моей прежней статьѣ мнѣ, поэтому, приходилось ограничиваться общими замѣчаніями, здѣсь же весь вопросъ мо-

---

[1]) Выводъ сдѣланъ по числамъ *Ваппеуса*: «Bevölkerungs Statistik». II, стр. 283.

[2]) „Вѣстникъ Европы", 1871. Январь, стр. 105.

жетъ быть разсмотрѣнъ съ помощью обстоятельныхъ, чисто числовыхъ статистическихъ данныхъ.

Въ настоящей главѣ брачный возрастъ былъ разсмотрѣнъ исключительно, съ такъ сказать географико-этнологической точки зрѣнія. Такъ какъ однако же для насъ весьма важно исключить участіе чисто этническихъ моментовъ, выдвигая напередъ вліяніе развитія, цивилизаціи, то намъ неизбѣжно приступить къ обзору фактовъ относительно возраста вступленія въ бракъ въ сферѣ одного народа, или по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ близкихъ другъ къ другу этнологическихъ группъ.

III.

Возрастъ вступленія въ бракъ въ различныхъ культурныхъ слояхъ.— Дисгармоническіе періоды.—Отношеніе ихъ у мужчинъ и женщинъ.

Въ сферѣ каждаго народа существуетъ нѣсколько общественныхъ слоевъ, болѣе или менѣе рѣзко отличающихся другъ отъ друга въ культурномъ отношеніи. Этимъ отличіямъ соотвѣтствуютъ и возрасты вступленія въ бракъ, представляющіе среди одного и того же народа иногда довольно значительныя измѣненія. Вотъ почему намъ невозможно удовлетвориться тѣми суммарными данными о возрастахъ, которыя приводятся въ статистическихъ сочиненіяхъ и которыя являются поэтому весьма сложными величинами. Въ статистикахъ говорится о Франціи, Англіи и т. п., какъ о чемъ-то цѣльномъ и единомъ; между тѣмъ населеніе этихъ странъ состоитъ изъ многихъ группъ, стоящихъ на совершенно различной степени развитія. Въ самомъ дѣлѣ, что́ можетъ быть поразительнѣе отличія между французомъ-позитивистомъ, отыскивающимъ научные законы психическихъ явленій, и нормандскимъ рыбакомъ, приносящимъ жертвы и совѣтующимся съ знахарями о болѣзняхъ и проч.? Изучая вліяніе культуры на семейную и общественную жизнь, невозможно игнорировать подобныя отличія.

На измѣненіе возраста вступленія въ бракъ въ сферѣ одного и того же народа вліяютъ, во-первыхъ, колебанія матеріальнаго благосостоянія, а во-вторыхъ— измѣненіе въ степени общаго культурнаго развитія. Еще со временъ *Мальтуса* стало извѣстнымъ, что въ неурожайные годы заключается меньше браковъ, чѣмъ въ урожайные, изъ чего слѣдуетъ, что первые, задерживая на нѣкоторое время вступленіе въ бракъ, дѣлаютъ брачный возрастъ нѣсколько болѣе позднимъ. У первобытныхъ народовъ подобнаго

рода факты составляютъ почти исключительную причину измѣненія этого возраста, что особенно замѣтно въ тѣхъ случаяхъ, когда жена пріобрѣтается за деньги и притомъ стоитъ довольно дорого. Такъ, напр., въ Кохинхинѣ «мужчины низшихъ классовъ рѣдко женятся ранѣе двадцати, многіе же принуждены ждать и до 30-ти лѣтъ; богатые же вступаютъ въ бракъ уже въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ [1])». То же самое относится къ афганцамъ и маврамъ, какъ это уже было сказано въ предыдущей главѣ. Всѣмъ извѣстно также, что и въ цивилизованныхъ европейскихъ государствахъ степень матеріальнаго благосостоянія играетъ немаловажную роль въ дѣлѣ возраста вступленія въ бракъ. Для того, чтобы жениться, юноша долженъ обзавестись извѣстнымъ добромъ, пріобрѣтеніе котораго требуетъ времени; въ нѣкоторыхъ государствахъ даже существуетъ законъ, требующій отъ вступающаго въ бракъ доказательствъ обладанія опредѣленнымъ имуществомъ. Въ Шотландіи существуетъ поговорка: «нѣтъ сельдей, нѣтъ и браковъ», происшедшая вслѣдствіе того, что количество браковъ у береговыхъ жителей этой страны опредѣляется бо́льшимъ или меньшимъ уловомъ сельдей. Въ 1871 году уловъ былъ неслыханный, и число браковъ возрасло до небывалой въ прежнія времена степени.

У первобытныхъ или въ низшихъ слояхъ цивилизованныхъ народовъ такого рода матеріальные мотивы составляютъ главнѣйшую и, какъ я сказалъ уже, почти единственную причину, обусловливающую запаздываніе браковъ. На болѣе же высокихъ степеняхъ культурнаго развитія въ томъ же направленіи дѣйствуютъ другія причины, и дѣйствуютъ притомъ съ несравненно бо́льшею силою. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, намъ необходимо нѣсколько обстоятельнѣе ознакомиться съ измѣненіями брачнаго возраста въ различныхъ культурныхъ слояхъ одного и того же народа. Возьмемъ, напримѣръ, англичанъ, у которыхъ среднiй возрастъ вступленія въ бракъ есть самый раннiй изъ пяти извѣстныхъ въ этомъ отношеніи европейскихъ государствъ. Для мужчинъ онъ равняется, какъ было сказано выше, 25,94, а для женщинъ —24,69 года. Статистическаго матеріала для опредѣленія брачнаго возраста по культурному состоянію не имѣется, поэтому я прибѣгнулъ къ слѣдующему способу. Я выбралъ сословіе пэровъ, епископовъ, бароновъ и пр., какъ представителей одного изъ высшихъ культурныхъ слоевъ, стоящаго на высокой ступени матеріальнаго благосостоянія и въ то же время такого слоя, о

---

[1]) *Reich*, стр. 233. Составлено по *Крауфурду*.

которомъ можно получить наибольшее число фактическихъ данныхъ. По моей просьбѣ, одинъ изъ моихъ друзей выписалъ [1]) для меня возрастъ вступленія въ первый бракъ 690 мужчинъ и 112 женщинъ изъ названнаго сословія, причемъ получились слѣдующія числа:

Для мужчинъ:

Въ возрастѣ:	17,	19,	20,	21,	22,	23,	24,	25,	26,	27,	28,	29,	30	лѣтъ.
Число браковъ:	1,	2,	7,	34,	29,	44,	54,	51,	49,	39,	52,	33,	32	
Въ возрастѣ:	31,	32,	33,	34,	35,	36,	37,	38,	39,	40,	41,	42,	43	»
Число браковъ:	44,	25,	38,	24,	20,	21,	12,	10,	9,	9,	7,	3,	4	
Въ возрастѣ:	44,	45,	46,	47,	48,	49,	50,	51,	52,	53,	57,	68,	70	»
Число браковъ:	7,	4,	3,	4,	3,	5,	2,	2,	1,	3,	1,	1,	1	

Для женщинъ:

Въ возрастѣ:	17,	18,	19,	20,	21,	22,	23,	24,	25,	26,	27,	28,	29,	30,	31,	33,	37 л.
Число браковъ:	2,	9,	6,	11,	18,	9,	14,	13,	2,	10,	4,	3,	2,	3,	4,	1,	1

Судя по этимъ даннымъ, средній возрастъ вступленія въ бракъ будетъ для мужчинъ равняться 29,63 года, т.-е. на 3,69 года позже чѣмъ для англичанъ вообще; для женщинъ же онъ составитъ только 23,07 года, т.-е. на 1,62 года раньше чѣмъ для англичанокъ вообще. Для того чтобы лучше сравнивать приведенныя мною данныя, я сопоставляю здѣсь процентныя отношенія для пэровъ, епископовъ и проч., съ числами, заимствованными мною у *Эттингена* [2]), причемъ считаю нужнымъ замѣтить, что я беру только мужчинъ (такъ какъ число фактовъ для женщинъ черезчуръ незначительно), и вмѣсто пермильныхъ разсчетовъ дерптскаго профессора ограничиваюсь процентами:

Возрасты:	Для англичанъ вообще:	Для пэровъ, епископовъ, и проч.	Возрасты:	Для англичанъ вообще:	Для пэровъ, епископовъ и проч.
15—16	0,0007	0,	40—45	3,45	4,34
16—17	0,0023	0,	45—50	2,12	2,75
17—18	0,044	0,14	50—55	1,53	1,0
18—19	0,42	0,	55—60	0,93	0,43 (55—70)
19—20	1,96	0,28	60—65	0,62	
20—25	46,18	24,49	65—70	0,26	
25—30	26,36	32,46	70—75	0,11	
30—35	10,55	23,62	75—80	0,026	0.
35—40	5,45	10,43	80 и т. д.	0,007	0.

Въ первомъ столбцѣ maximum приходится на возрастъ отъ

[1]) По сочиненію Dod. Peerage, Baronetage and Knightage of Gr. Britain and Ireland for 1872. London. Part. I. Peers, Peeresses, Bishops, Lords of session, Privi-Councillers, Baronets and Knights of the British Empire. A—E.

[2]) Moralstatistik. 1868, стр. 411.

20—25 лѣтъ, во второмъ же онъ спускается на возрастъ 25—30 лѣтъ. Въ первомъ до 25 лѣтъ заключается вообще 48,63%, т.-е. почти половина всѣхъ браковъ, во второмъ же столбцѣ до 25 лѣтъ женятся только 24,91%, т.-е. почти четверть общаго числа браковъ. Результаты получились бы однакоже еще несравненно болѣе рѣзкіе, если бы въ таблицѣ *Эттингена* были приведены только числа для первыхъ браковъ, и еслибы изъ нихъ были исключены тѣ самые пэры, лорды и проч., которые столь явно замедляютъ возрастъ вступленія въ бракъ.

Для низшихъ слоевъ англійскаго населенія у меня нѣтъ подробныхъ данныхъ, поэтому я ограничиваюсь только цитатой изъ статьи проф. *Пешеля*, человѣка вообще весьма добросовѣстнаго и компетентнаго. «Въ фабричныхъ областяхъ Англіи», говоритъ этотъ ученый въ своей статьѣ: «Sorgen des modernen Gesellschaft» [1]), «юноши женятся уже въ возрастѣ отъ 17 до 19 лѣтъ, дѣвушки же выходятъ замужъ отъ 16 до 18 лѣтъ». Хотя эти числа очевидно преувеличены, такъ какъ всѣхъ мужскихъ браковъ отъ 17 до 19 лѣтъ приходится для всей Англіи не болѣе 0,46%, тѣмъ неменѣе справедливо то, что фабричные рабочіе вступаютъ въ бракъ довольно рано сравнительно съ остальными англичанами.

Обратимся теперь къ нѣмецкимъ странамъ. Распредѣленіе браковъ по возрастамъ и поламъ мнѣ извѣстно для общаго населенія Баваріи, Пруссіи и Австріи, для которыхъ получены слѣдующія числа [2]):

для мужчинъ въ %

въ возрастѣ:	Баварія.	Пруссія.	Австрія.
до 20 лѣтъ	0,29	1,27	
отъ 20 » 30 »	44,21	62,38	58,32
» 30 » 40 »	38,36	25,65	27,23
» 40 » 50 »	} 17,14	7,70	8,85
выше 50		3,09	5,60

для женщинъ:

въ возрастѣ:	Баварія.	Пруссія.	Австрія.
до 20 лѣтъ	3,53	8,42	15,70
отъ 20 » 30 »	57,82	7,90	57,10
» 30 » 40 »	29,27	17,17	19,37
» 40 » 50 »	} 9,38	4,61	6,39
выше 50 »		0,90	1,05

[1]) Ausland, 1866, стр. 330.

[2]) Числа для Баваріи взяты у *Ваппеуса*. II, стр. 276; для Австріи и Пруссіи у *Янсона*, стр. 241.

Изъ общей массы населенія я могъ выдѣлить только нѣмецкихъ принцевъ и принцессъ, браки которыхъ записаны въ готскомъ календарѣ [1]); я поступалъ при этомъ также точно, какъ и относительно англійскихъ перовъ, т.-е. бралъ только вступленіе въ первый бракъ, какъ единственное вѣрное выраженіе дѣйствительнаго брачнаго возраста. Мною было выписано 270 принцевъ (сіятельныхъ и свѣтлѣйшихъ) и 272 принцессы, причемъ получились слѣдующія числа:

Для мужчинъ:

въ возрастѣ:	19,	20,	21,	22,	23,	24,	25,	26,	27,	28,	29,	30,	31 года,
число браковъ:	1,	1,	5,	7,	8,	15,	15,	15,	27,	23,	16,	19,	14,
въ возрастѣ:	32,	33,	34,	35,	36,	37,	38,	39,	40,	41,	42	—	48 лѣтъ,
число браковъ:	12,	13,	14,	17.	10,	6,	5,	6,	5,	5,			11.

Для женщинъ:

въ возрастѣ	16,	17,	18,	19,	20,	21,	22,	23,	24,	25,	26,	27,	28 лѣтъ,
число браковъ:	1,	10,	24,	23,	28,	38,	21,	21,	20,	20,	17,	17,	7,
въ возрастѣ:	29,	30,	31,	32,	33,	34,	35,	36,	37,	38,	39,	41,	42 лѣтъ,
число браковъ:	4,	5,	3,	5,	1,	0,	2,	2,	1,	0,	0,	1,	1.

Среднiй возрастъ, высчитанный на основаніи этихъ чиселъ, равняется для принцевъ 30,5 года, а для принцессъ 22,6 года. Для первыхъ слѣдовательно онъ выше чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, для послѣднихъ же онъ напротивъ отодвигается назадъ. Самое большое число браковъ падаетъ для мужчинъ на двадцатисемилѣтній возрастъ, для принцессъ же оно соотвѣтствуетъ возрасту 21 года. Если мы высчитаемъ процентное отношеніе возрастовъ, соединяя послѣдніе въ такія же группы, какія были приняты вообще для трехъ нѣмецкихъ государствъ, то получимъ:

	Для мужчинъ:	Для женщинъ:
въ возрастѣ: до 20 лѣтъ	0,37%	21,32
отъ 20 » 30 »	48,88 »	70.96
» 30 » 40 »	42,96 »	6,99
» 40 » 50 »	7,77 »	0.73.

Сравнивая полученные результаты, мы никоимъ образомъ не должны упускать изъ виду, что числа для Баваріи, Пруссіи и Австріи относятся къ возрасту всѣхъ браковъ, тогда какъ наши данныя для принцевъ составлены только для перваго брака; отсюда ясно, что въ первыхъ процентныя отношенія должны

[1]) Hofkalender. Gotha, 1871, стр. 89—278.

выходить бо́льшими чѣмъ для первыхъ браковъ, такъ какъ позднѣе всего заключаются вторые и третьи браки. Несмотря однакоже на это, полученныя числа для принцевъ указываютъ на болѣе поздній брачный возрастъ ихъ сравнительно съ общимъ населеніемъ Австріи и Пруссіи. Такъ, въ Пруссіи до тридцатилѣтняго женится 63,65%, въ Австріи 58,32% мужчинъ, принцевъ того же возраста въ этотъ періодъ женится 49,25%. Только Баварія представляетъ исключеніе, такъ какъ въ ней сумма браковъ до 30 лѣтъ составляетъ 44,5%, что́ впрочемъ въ значительной мѣрѣ можетъ зависѣть именно отъ присоединенія вторыхъ и третьихъ браковъ.—Для женщинъ у насъ, подобно тому что́ мы видѣли для англичанокъ, получается обратное правило. Принцессы выходятъ замужъ вообще раньше чѣмъ въ трехъ нѣмецкихъ государствахъ, но мы именно вслѣдствіе только-что указанной причины не можемъ опредѣлить разницы.

Для того, чтобы получить нѣкоторое представленіе о возрастѣ вступленія въ бракъ низшихъ слоевъ населенія Европы, я собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія относительно русскихъ и малорусскихъ крестьянъ, вѣнчавшихся въ Верхнедуванской церкви Купянскаго уѣзда (Харьковской губерніи). Въ моемъ распоряженіи находились церковныя книги за 1805 — 1814 и за 1861—1870 годы. Я, какъ и въ другихъ случаяхъ, бралъ только вступленіе въ первый бракъ и получилъ слѣдующія абсолютныя числа:

Для крестьянъ мужского пола:

Возрастъ въ періодѣ:	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	39	Сумма.
1805 — 1814:	16	39	47	20	43	4	9	1	2	2	0	0	0	0	1	0	184.
1861 — 1870:	0	0	17	58	36	36	22	12	2	11	5	1	0	2	0	1	203.

Для крестьянокъ:

Возрастъ въ періодѣ:	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	33	Сумма.
1805 — 1814:	18	48	36	48	16	19	1	2	1	0	3	0	0	0	0	0	0	192.
1861 — 1870:	0	18	55	58	50	33	6	5	2	1	4	1	1	1	1	1	1	238.

Средній возрастъ вступленія въ бракъ выходитъ для мужчинъ равнымъ 19,7 года (въ періодѣ 1805—1814 гг. онъ составляетъ 18,71 года; въ періодѣ 1861—1870 гг.—20,79 года); для женщинъ же онъ составляетъ 18,11 года (1805—1814 г.—17,5, въ 1861 — 1870 г. — 18,72).—Если мы возьмемъ процентное отношеніе возрастныхъ группъ, то получимъ:

	Для мужчинъ:	Для женщинъ:
Въ возрастѣ до 20 лѣтъ	51,29	80,7
отъ 20 » 25 »	43,15	16,28
отъ 25 » 40 »	5,56	3,03

Какъ ни рано слѣдовательно заключаются браки въ Россіи вообще, тѣмъ не менѣе низшія сословія и здѣсь значительно раньше вступаютъ въ брачную жизнь, чѣмъ остальныя. Хотя сравненіе затрудняется тѣмъ, что у меня взяты только первые браки, цифры же г. *Янсона* соотвѣтствуютъ всѣмъ тремъ бракамъ, однакоже не подлежитъ сомнѣнію, что различіе въ процентномъ отношеніи такъ-назыв. «преждевременныхъ» браковъ, равняющееся 14,40% для мужчинъ и 24,05% для женщинъ, прямо указываетъ на болѣе ранній брачный возрастъ означенныхъ крестьянъ.

Если мы станемъ брать отдѣльно періоды 1805 — 1814 и 1861—1870 годовъ, то увидимъ, что брачный возрастъ во второмъ періодѣ нѣсколько позже чѣмъ въ первомъ. — Мы уже видѣли, что средній возрастъ вступленія въ бракъ отъ 1805 — 1814 равенъ для мужчинъ 18,71 г., въ періодѣ же 1861 — 1870 онъ уже составляетъ 20,79 г., т.-е. на 2,08 года позже; для женщинъ онъ въ первомъ періодѣ равенъ 17,5 г., во второмъ — 18,72, т.-е. на 1,67 года позже. Если возьмемъ процентное отношеніе возрастныхъ группъ въ оба періода, то получимъ:

	1805—1814.	1861—1870.
Для мужчинъ:		
до двадцати лѣтъ	66,3	36,89
отъ 20 до 25 »	32,06	53,21
» 25 » 39 »	1,64	9.85
Для женщинъ:		
до двадцати лѣтъ	86,46	76,05
отъ 20 до 25 »	11,98	19,75
» 25 » 33 »	1,61	4,20

Такимъ образомъ, во второмъ періодѣ мы замѣчаемъ правильное опаздываніе брачнаго возраста, для мужчинъ значительно болѣе рѣзкое чѣмъ для женщинъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что оно обусловлено чисто внѣшней причиной, именно тѣмъ, что законодательство наше измѣнило законный возрастъ вступленія въ бракъ. Въ первомъ періодѣ юноши имѣли право жениться 16-ти лѣтъ, а дѣвушка — выходить замужъ начиная съ 15-ти лѣтъ; во второмъ же періодѣ законный возрастъ спустился на 18 и 16 лѣтъ. Между тѣмъ факты, собранные на приведенныхъ мною табличкахъ, говорятъ противное. Въ первомъ періодѣ, въ возрастѣ 18-ти лѣтъ женилось 47 юношей, т.-е. болѣе четверти всѣхъ браковъ (именно 25,5%), во второмъ же періодѣ, въ которомъ не было ни одного брака въ

16 и 17 лѣтъ, женилось въ 18 лѣтъ всего 17 юношей, т.-е. 8,6% всѣхъ браковъ за соотвѣтствующее время. Примѣрно то же самое замѣчается и для дѣвушекъ. Дѣлая эти сравненія, необходимо припомнить, что въ теченіе перваго періода крестьяне находились въ крѣпостной зависимости и что на этотъ періодъ выпадаютъ одни изъ самыхъ тяжелыхъ годовъ русской жизни, тогда какъ во второмъ періодѣ, послѣ освобожденія, они (по крайней мѣрѣ въ той мѣстности, о которой идетъ рѣчь) достигли довольно значительной степени благосостоянія. Запаздываніе брачнаго возраста въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, произошло совершенно помимо элементарныхъ экономическихъ причинъ.

Есть примѣры, прямо показывающіе процессъ измѣненія брачнаго возраста. — Во время моего пребыванія въ калмыцкой степи, Астраханской губерніи, я имѣлъ случай бесѣдовать долго съ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ калмыковъ, человѣкомъ простого званія, употребившимъ свое состояніе на введеніе земледѣлія въ своемъ околоткѣ, что̀ ему стоило не мало труда при неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ того края (засуха, недостатокъ рабочихъ силъ и пр.). Калмыкъ этотъ, живя въ 12 верстахъ отъ Сарепты, имѣлъ случай не разъ сталкиваться съ цивилизованными нѣмцами и переняль отъ нихъ любовь къ труду и улучшенію быта. Познакомивъ меня съ своимъ семействомъ, онъ сообщилъ мнѣ, что хотя ему не стоило бы ни малѣйшаго труда выдать тотчасъ же взрослую дочь и сына (онъ человѣкъ по калмыцкимъ понятіямъ богатый), но что онъ считаетъ нелѣпымъ калмыцкій обычай раннихъ браковъ; сыновей женить слѣдуетъ не ранѣе 25 лѣтъ (средній возрастъ вступленія въ бракъ калмыковъ равняется, какъ мы уже видѣли, 22,8 года, а самый ранній возрастъ—16 годамъ; иначе они не успѣваютъ выучиться чему бы то ни было и проч. — Возьмемъ другой примѣръ изъ современной исторіи Индіи. Что̀ бы ни говорили о дѣйствіяхъ англичанъ въ Индостанѣ, не подлежитъ однакоже сомнѣнію, что они заботятся о просвѣщеніи своихъ азіятскихъ подданныхъ. Индусы много пишутъ, читаютъ и между прочимъ посѣщаютъ учебныя заведенія. Все это значительно вліяетъ на измѣненіе прежнихъ нравовъ. Недавно вышло на бенгальскомъ языкѣ сочиненіе одного индусскаго ученаго по имени *Сомъ-Натъ-Макардшя*, профессора санскрита, въ которомъ онъ ратуетъ противъ вступленія въ бракъ въ раннемъ возрастѣ. «Двѣ трети юношей, вступающихъ въ университетъ, въ шестнадцать лѣтъ уже женаты», говоритъ онъ. «Есть мальчики семи или восьми лѣтъ, уже имѣющіе жену. Можетъ ли

юноша заниматься должнымъ образомъ науками, когда ему приходится заботиться о содержаніи семьи? Крайне необходима по этому реформа, которая бы измѣнила подобное положеніе дѣлъ».

Было бы въ высшей степени интересно, въ связи съ тѣмъ, что́ было сказано относительно этнологическаго и такъ сказать соціологическаго распредѣленія брачнаго возраста, познакомиться съ измѣненіями того же возраста въ историческомъ отношеніи. Мы только-что видѣли образчикъ подобныхъ измѣненій у русскихъ крестьянъ, въ первой же главѣ было сказано нѣсколько словъ объ измѣненіи брачнаго возраста во времени у американцевъ. Послѣдніе, вмѣстѣ съ потерей цивилизаціи, стали раньше вступать въ бракъ, у первыхъ же мы видимъ обратное явленіе. Вообще, послѣ всего сказаннаго, весьма вѣроятно, что историческое измѣненіе брачнаго возраста шло въ томъ же направленіи, какъ и географическое, но у меня къ сожалѣнію недостаетъ свѣдѣній, чтобы представить читателю отчетъ объ этомъ предметѣ. Что народы въ первобытномъ состояніи ранѣе вступаютъ въ бракъ чѣмъ въ цивилизованномъ, это фактъ, мало подлежащій сомнѣнію; важнѣе однакоже знать, въ какомъ именно возрастѣ совершалось наибольшее количество браковъ въ различные историческіе періоды.

Относительно древнихъ, первобытныхъ германцевъ существуетъ замѣчаніе *Тацита*, который хвалитъ ихъ за то, что они не рано вступаютъ въ бракъ, не торопятся выдавать дѣвушекъ замужъ, ожидая ихъ равномѣрнаго и полнаго возраста [1]). *Цезарь* опредѣляетъ послѣдній въ 20 лѣтъ и позже [2]). Я, къ сожалѣнію, не имѣю свѣдѣній о ходѣ брачнаго возраста въ дальнѣйшія времена, но знаю, что нынче браки нѣмцевъ заключаются позже, чѣмъ въ прежнее недавнопрошедшее время. Извѣстный нѣмецкій писатель *Риль* [3]), оплакивая упадокъ патріархальныхъ семейныхъ нравовъ и отношеній въ современной Германіи, говоритъ между прочимъ: «Berechtigtes frühes Heirathen wird bei unseren Erwerbsverhältnissen immer seltener. Wie soll aber der Vater die Sitte des Hauses fest in die Kinder pflanzen, wenn ihn diese erst als einen Mann mit greisen Haaren kennen lernen, wenn er stirbt, bevor sie zur Vernunft und Einsicht gekommen sind? Dass der Grossvater oder gar der Urgrossvater den Enkeln und Urenkeln die Ueberlieferungen des Hauses erzählt, das wird bei dem späten Heirathen

---

1) *Tacitus*. Germania, C. XX.

2) *Unger*. Die Ehe in ihrer welthistorischen Entwickelung. Wien. 1850, стр. 110.

3) Die Familie. Шестое изданіе 1862, стр. 234.

bald nur noch in Gutlichten vorkommen. Es ist eine Calamität geworden, wenn die Leute früh heirathen, eine Calamität, wenn sie spät heirathen, und wenn sie ehelos bleiben, so ist dies auch eine Calamität».

Факты, сообщенные въ этой главѣ, указываютъ не менѣе тѣхъ, которые были перечислены въ предыдущей, на цивилизацію, какъ на главный моментъ, замедляющій возрастъ вступленія въ бракъ. Если изъ этого правила и были замѣтны нѣкоторыя исключенія, то они касались исключительно женскаго пола (ранніе браки пэрессъ, принцессъ и проч.). Это обстоятельство заставляетъ насъ обозрѣть полученныя данныя для обоихъ половъ въ отдѣльности. Общій результатъ получается тотъ, что *въ ходѣ брачнаго возраста невѣстъ мы замѣчаемъ менѣе рѣзкія измѣненія, чѣмъ въ соотвѣтствующемъ возрастѣ мужчинъ, на вступленіе въ бракъ которыхъ культурное развитіе оказываетъ болѣе сильное и болѣе правильное вліяніе.* Подкладка, лежащая въ основаніи этого правила, совершенно понятна и заключается въ томъ, что женщина во всѣхъ случаяхъ, которые у насъ имѣлись въ виду, способна вообще менѣе отдаляться отъ первобытнаго состоянія чѣмъ мужчина. Для того, чтобы удобнѣе было обозрѣть распредѣленіе брачнаго возраста по поламъ въ связи съ культурнымъ развитіемъ, я собралъ разсѣянныя въ этой главѣ данныя на прилагаемой табличкѣ (см. ниже), къ которой приложилъ также предполагаемый средній возрастъ появленія половой зрѣлости. Такъ какъ для насъ однакоже въ настоящую минуту представляетъ существенное значеніе хотя бы приблизительное опредѣленіе момента появленія половой зрѣлости, то (по неимѣнію прямыхъ указаній) для Норвегіи я взялъ цифру, извѣстную для Швеціи, а для Голландіи и Бельгіи я воспользовался цифрой, показанной для Даніи извѣстнымъ медикомъ и натуралистомъ *Ганноверомъ* [1]). Для половой зрѣлости мальчиковъ я увеличивалъ соотвѣтственную цифру дѣвочекъ на два. Для бо́льшаго удобства я отмѣтилъ также и возрастъ наступленія общей физической зрѣлости, но, по неимѣнію данныхъ для различныхъ народовъ, я для всѣхъ вообще опредѣлилъ этотъ моментъ въ 20 лѣтъ для женскаго пола и въ 23 для мужского. Для англійскихъ пэровъ и пэрессъ я взялъ среднее число изъ цифръ, извѣстныхъ для Лондона и Манчестера.

---

[1]) Statistike Undersogelser. Kjobnhavn. 1858, стр. 92.

Національность и положеніе.	14-15	15-16	16-17	17-18	18-19	19-20	20-21	21-22	22-23	23-24	24-25	25-26	26-27	27-28	28-29
						ВОЗРАСТЫ.									
Русскія крестьянки 1805—1814.	15	=	=	17,5		Моментъ наступленія общей физ. зрѣлости.									
Онѣ-же 1861—1870.	15	=	=	=	18,72										
Англичанки		15,5	=	=	=		—	—	—	—	24,69				
Францу-женки....	14,33	=	=	=	=		—	—	—	—	—	25,35			
Норвежки.		15,58	=	=	=		—	—	—	—	—	—	26,98		
Голландки.		15,7	=	=	=		—	—	—	—	—	—	—	27,78	
Бельгійки.		15,7	=	=	=		—	—	—	—	—	—	—	—	28,19
Англійскія пэрессы и проч.....	14,41	=	=	=	=		—	—	—	23,07					
Нѣмецкія принцессы.	15	=	=	=	=		—	—	22,6						

Національн. и общественное положеніе.	16-18	18-19	19-20	20-21	21-22	22-23	23-24	24-25	25-26	26-27	27-28	28-29	29-30	30-31
						ВОЗРАСТЫ.								
Русскіе крестьяне 1805—1814.	17	18,71				Моментъ наст. общей физ. зрѣлости.								
Они-же 1861—1870...	17	=	=	20,79										
Англичане.....	17,5	=	=	=	=		—	—	25,94					
Французы......	16,33	=	=	=	=		—	—	—	—	—	28,41		
Норвежцы.....	17,58	=	=	=	=		—	—	—	—	—	28,51		
Голландцы.....	17,7	=	=	=	=		—	—	—	—	—	—	29,15	
Бельгійцы.....	17,7	=	=	=	=		—	—	—	—	—	—	29,94	
Англійскіе пэры, барон. и пр....	16,41	=	=	=	=		—	—	—	—	—	—	29,63	
Нѣмецкіе принцы............	17	=	=	=	=		—	—	—	—	—	—	—	30,5

Первая цифра для каждой группы означаетъ возрастъ появленія половой зрѣлости, вторая же соотвѣтствуетъ возрасту вступленія въ бракъ. Мѣста, выполненныя черточками, означаютъ время продолжительности дисгармоническихъ періодовъ, причемъ двойныя черты соотвѣтствуютъ первому дисгармоническому періоду человѣческаго развитія, который продолжается отъ наступленія половой до наступленія общей физической зрѣлости; второй же періодъ, означенный одинокими черточками соотвѣтствуетъ времени отъ наступленія общей физической зрѣлости до возраста вступленія въ бракъ.

Таблички эти понадобятся намъ для нѣсколькихъ цѣлей. Во-первыхъ, онѣ показываютъ намъ, что ходъ брачнаго возраста идетъ неравномѣрно для обоихъ половъ — обстоятельство, на которое я уже мелькомъ указалъ выше. Такъ какъ оно

имѣетъ большое значеніе въ разбираемомъ нами вопросѣ, то я считаю нужнымъ указать здѣсь на законъ, которому оно подчинено. Законъ этотъ, поскольку онъ касается статистически изслѣдованныхъ европейскихъ народовъ, формулированъ *Ваппеусомъ* слѣдующимъ образомъ [1]). «Мужчины самой ранней возрастной группы всюду женятся вообще на болѣе взрослыхъ женщинахъ; въ возрастной группѣ отъ 20 до 25 л. (въ Нидерландахъ и Бельгіи отъ 21 до 25 л.) замѣчается наименьшая разница въ возрастѣ между мужемъ и женою; начиная же отъ этого времени, она быстро ростетъ вмѣстѣ съ возрастомъ мужчины, что́ продолжается до самаго стараго возраста мужчины.» «Въ результатѣ получается, что, *вообще чѣмъ позже заключаются браки, тѣмъ возрастъ мужа болѣе превышаетъ возрастъ жены*». Переводя это правило на общій антропологическій языкъ и подставляя полученный изъ вышеуказанныхъ фактовъ общій выводъ, оказывается, что съ усиленіемъ культурнаго развитія, замедляющимъ брачный возрастъ, разница между мужчиной и женщиной по отношенію къ этому возрасту становится все болѣе рѣзкой. Этотъ выводъ составляетъ, собственно говоря, только частный случай болѣе общаго антропологическаго закона, по которому развитіе усиливаетъ контрастъ между обоими полами. Этотъ законъ проявляется отъ крупныхъ фактовъ до мелочей. Извѣстный анатомъ *Гушке* пришелъ къ заключенію [2]), которое потомъ было подтверждено *Велькеромъ* [3]), что «по мѣрѣ увеличенія совершенства расы, увеличивается и разница между полами по отношенію къ вмѣстимости черепной полости; особенно же сильно превосходитъ въ этомъ отношеніи европеецъ европейку, сравнительно съ негромъ и негритянкой». Внѣшніе признаки, наиболѣе рѣзко отличающіе мужчину отъ женщины, какъ-то усы, борода и проч. сильнѣе всего развиты у самой совершенной кавказской расы. Негритянскіе, монгольскіе, американскіе и малайскіе народы въ этомъ отношеніи представляются несравненно болѣе женоподобными. Къ числу мелочныхъ признаковъ мы можемъ отнести, напр., одежду. Обиліе украшеній, серьги ожерелья и т. под., перья, яркіе цвѣта одежды, суть вещи, немыслимыя для цивилизованнаго европейскаго мужчины въ здравомъ умѣ. Для мужчинъ же первобытныхъ или полуцивилизованныхъ народовъ всѣ эти принадлеж-

---

[1]) Allgemeine Bevölkerungsstatistik. T. II. стр. 305 и 305.

[2]) Schädel, Hirn und Seele. Iena. 1854, стр. 48.

[3]) Untersuchungen über Wachsthum und Bau des menschlichen Schädels. 1862, стр. 69.

ности столь же неизбѣжны, какъ и для нашихъ женщинъ. Консерватизмъ, патріархальныя и семейныя наклонности, вообще говоря, у женщинъ гораздо болѣе развиты чѣмъ у мужчинъ, и у первобытныхъ народовъ болѣе чѣмъ у цивилизованныхъ. Всѣмъ извѣстно, какую роль играютъ въ настоящую минуту эти наклонности у клерикально настроенныхъ французскихъ женщинъ, и *Гербертъ Спенсеръ* справедливо замѣтилъ, что предоставленіе женщинамъ права избирательнаго голоса значительно усилило бы консервативную партію парламента. Причина всѣхъ этихъ явленій кроется въ значеніи женщины по отношенію къ поддержанію вида, т.-е. размноженію. Это послѣднее отправленіе, требуя затраты бóльшаго количества матеріи и дѣятельности, неизбѣжно задерживаетъ личное индивидуальное развитіе женщины. Многими натуралистами вполнѣ сознанъ тотъ фактъ, что женщина представляется какъ-бы соотвѣтствующей мужчинѣ въ юношескомъ возрастѣ, слѣдовательно задерживается на извѣстной ступени развитія, подобно тому какъ задерживается развитіе личинкоподобной самки многихъ насѣкомыхъ (Strepsiptera, Psyche, Lampyris), самцы которыхъ являются въ видѣ гораздо болѣе развитыхъ крылатыхъ существъ. Никто конечно не выведетъ изъ моихъ словъ, чтобы я утверждалъ, будто женщина неспособна къ развитію и должна во всѣхъ случаяхъ и вѣчно оставаться на личинкоподобной стадіи развитія. Я утверждаю только, что прогрессивное развитіе женщины должно совершаться въ ущербъ ея способности размножаться, выкармливать и воспитывать дѣтей, совершенно подобно тому, какъ усиленная дѣятельность рабочихъ пчелъ, муравьевъ и термитовъ могла явиться не иначе, какъ вмѣстѣ съ появленіемъ безплодія или же плодовитости въ экстренныхъ исключительныхъ случаяхъ. Фактическое доказательство этого мнѣнія представляютъ намъ Соединенные Штаты. Женщины-янки съ давнихъ поръ заботятся о собственномъ развитіи и сдѣлали въ этомъ отношеніи огромные успѣхи, но они совершились видимо на счетъ способности размноженія и семейной жизни. Такимъ образомъ, всѣмъ извѣстно, до чего между американскими женщинами распространено вытравленіе плода и употребленіе другихъ средствъ къ уменьшенію плодовитости. Результаты всего этого до того рѣзки, что общее «размноженіе живущихъ въ Америкѣ нѣмцевъ совершается среднимъ числомъ отъ четырехъ до пяти разъ скорѣе чѣмъ настоящихъ американцевъ.» Послѣдній цензъ (1870 года) показалъ, что изъ всего населенія Соединенныхъ Штатовъ (38,555,983), почти половина (16,458,561), или произошла отъ родителей, родившихся внѣ Америки (10,892,015),

или же состоитъ изъ настоящихъ иностранцевъ (5,556,546), т.-е. родившихся внѣ Америки.

Развитіе, съ помощью искусственныхъ мѣръ уменьшающее плодовитость, неизбѣжно ведетъ къ большему приравниванію женщины мужчинѣ. Поэтому совершенно понятно отвращеніе, питаемое развитыми женщинами къ тѣмъ особенностямъ женскаго костюма, которыя приближаютъ его къ одѣянію дикарей, а также и къ первобытной патріархальности и консерватизму.

На приложенныхъ табличкахъ изображено самымъ нагляднымъ образомъ увеличеніе дисгармоническихъ періодовъ, результаты котораго будутъ разсмотрѣны нами по возможности обстоятельно. Здѣсь же я долженъ указать на то, что удлиненіе этихъ періодовъ имѣетъ, вообще говоря, вліяніе на уменьшеніе общей продолжительности брачныхъ союзовъ. Что во всемъ этомъ лежитъ завязка «ненормальная», это, я думаю, каждому кидается въ глаза. Иначе какъ же объяснить тотъ фактъ, что физическое развитіе организма не идетъ въ рядъ съ развитіемъ культурнымъ, производя между обоими все увеличивающуюся пропасть, грозящую всему существованію человѣка?..

Я считаю необходимымъ предупредить читателя, что всѣ мои соображенія и сопоставленія направлены для разрѣшенія теоретическихъ вопросовъ общей антропологіи. У меня нигдѣ ни прямымъ, ни косвеннымъ путемъ не высказываются и не затрогиваются практическіе вопросы, какъ-бы тѣсно они ни находились въ связи съ тѣмъ предметомъ, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящей статьѣ. Я не даю совѣтовъ относительно возраста вступленія въ бракъ, не порицаю позднихъ браковъ и пр. Все дѣло ограничивается у меня желаніемъ указать на связь культурнаго развитія съ измѣненіями семейной жизни и на результаты этихъ отношеній. При этомъ слѣдуетъ имѣть также въ виду, что я говорю только о данныхъ формахъ развитія, не позволяя себѣ дѣлать болѣе обширныхъ обобщеній. Изъ того, что европейскія цивилизаціи сопровождаются опредѣленными видоизмѣненіями семейной жизни, еще не слѣдуетъ, чтобы всякое вообще развитіе представляло тотъ же характеръ. Примѣромъ народа, ставшаго сравнительно на довольно высокую ступень культурнаго развитія и въ то же время сохранившаго патріархальный семейный бытъ, могутъ намъ служить доблестные сыны Небесной Имперіи. Читая описаніе ихъ брачныхъ обычаевъ и отношеній, вы легко подумаете, что имѣете дѣло съ первобытнѣйшимъ наро-

домъ, не только никогда не думавшемъ объ изобрѣтеніи книгопечатанія, но считающимъ подобную вещь дьявольщиной, придуманной для гибели человѣческаго рода. Такимъ образомъ, у нихъ встрѣчается обрученіе малолѣтныхъ дѣтей, и вообще китайскіе юноши и дѣвицы не вступаютъ въ бракъ, а выдаются родителями, причемъ на собственный выборъ первыхъ не обращается ни малѣйшаго вниманія. У китайцевъ дѣти вообще строжайшимъ образомъ подчинены родителямъ и во всемъ должны безусловно повиноваться послѣднимъ...

IV.

Частость браковъ и связь ея съ возрастомъ вступленія въ бракъ.

Разсмотрѣніе явленій, находящихся въ тѣснѣйшей связи или же въ прямой зависимости отъ возраста вступленія въ бракъ, мы начнемъ съ «частости» браковъ. Естественно, что тамъ, гдѣ брачный союзъ составляетъ простое сожительство, начинающееся съ того времени, когда супруги только-что пріобрѣли физическую способность къ брачной жизни, гдѣ выборъ жениха или невѣсты не составляетъ ни малѣйшаго затрудненія, браки должны составлять явленіе несравненно болѣе общее, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда выборъ представляется дѣломъ весьма сложнымъ, какъ, напр., въ цивилизованномъ обществѣ. Этимъ достаточно обозначается связь брачнаго возраста съ частостью браковъ, на которой мы намѣрены теперь остановиться.

Первобытные народы, вообще столь рано вступающіе въ бракъ, представляютъ намъ и наибольшую частость браковъ. *Дарвинъ* [1]) ссылается на *Бёрчелля*, который говоритъ, что между дикарями южной Африки никогда не встрѣчается холостыхъ, и на *Асару*, утверждающаго то же самое объ индіанцахъ южной Америки. Подобнаго рода замѣчанія мы встрѣчаемъ у очень многихъ путешественниковъ. Относительно даяковъ мы уже привели выше цитату изъ *Уэллеса*, говорящую объ отсутствіи холостяковъ. *Пёппигъ* и *Бурмейстеръ* говорятъ то же относительно американскихъ дикарей [2]). Многіе первобытные народы считаютъ за великое безчестіе, если кому-нибудь между ними не удастся во-время вступить въ бракъ, другіе же вовсе не могутъ себѣ представить, чтобы человѣкъ могъ всю жизнь вести холостой образъ жизни.

---

[1]) Происхожденіе человѣка и половой подборъ. Томъ II. Стр. 408. Прим. 14.

[2]) *Reich*, стр. 447, 336.

Одинъ бедуинскій начальникъ говорилъ путешественнику *Зеетцену*, что «ему совершенно непонятно, какъ тотъ можетъ проводить всю свою жизнь холостымъ. У насъ, прибавилъ онъ, каждый долженъ имѣть жену, и еслибы кому-нибудь вздумалось не послѣдовать этому правилу, того бы навѣрно сочли негодяемъ». *Бартъ* совѣтуетъ путешественникамъ по внутренней Африкѣ брать съ собою жену, такъ какъ туземцы относятся къ холостымъ съ величайшимъ презрѣніемъ.—Капитанъ *Джонъ Россъ* говоритъ объ эскимосахъ слѣдующее: «Безбрачное состояніе имъ вовсе неизвѣстно. Одна мысль о немъ имъ кажется безсмыслицей, и они совершенно не въ состояніи понять, какимъ образомъ у насъ могутъ обходиться безъ жены» [1]).

У сингалезовъ и у китайцевъ безбрачіе свѣтскихъ составляетъ нѣчто исключительное. У волжскихъ калмыковъ частость браковъ, несмотря на значительную неравномѣрность въ численномъ отношеніи обоихъ половъ, весьма велика, какъ я показалъ въ другомъ мѣстѣ. Въ древнія времена въ Спартѣ и на Критѣ холостяки подвергались общему презрѣнію и наказывались закономъ, причемъ подобное наказаніе считалось особенно позорнымъ [2]).

Переходя теперь къ европейскимъ народамъ, относительно которыхъ имѣются статистическія данныя, мы прежде всего замѣтимъ, что по частости браковъ между ними первое мѣсто занимаютъ русскіе, которые, какъ мы видѣли выше, отличаются и особенно раннимъ брачнымъ возрастомъ. Въ цитированной выше статьѣ г. *Янсона* мы находимъ слѣдующіе важные выводы. Въ 1867 г. въ европейской Россіи (за исключеніемъ Финляндіи, Привислинскаго края и Саратовской губ.) приходился одинъ бракъ на 99,4 человѣка. «Ни одно европейское государство не даетъ такой большой частости браковъ. Maximum браковъ по отношенію къ населенію въ западной Европѣ имѣетъ цислейтанская Австрія, но и тотъ равняется отъ 1 на 104; въ другихъ государствахъ относительная цифра браковъ гораздо менѣе». Г. *Янсонъ* прибавляетъ далѣе, что 1867 годъ былъ неблагопріятенъ для заключенія браковъ и что поэтому правильнѣе принять одинъ бракъ на 96 человѣкъ. «Если принять среднюю для западно-европейскихъ государствъ равную 1 браку на 140, то у насъ частость браковъ будетъ на 45% сильнѣе». При распредѣленіи частости браковъ по губерніямъ мы видимъ, что тѣ же пять губерній, принадлежащихъ къ наиболѣе цивилизованнымъ

---

[1]) Всѣ три цитаты у *Рейха*, стр. 289, 313, 360.

[2]) *Рейхъ*, стр. 24.

въ Россіи, которыя представляли сравнительно самый поздній брачный возрастъ, отличаются и наименьшей частостью браковъ. Такимъ образомъ, въ Ревельской 1 бракъ приходится на 150 человѣкъ, въ Рижской и Митавской 1 на 146, въ Ковенской 1 на 142. Изъ 10-ти же губерній, въ которыхъ мужчины всего ранѣе вступаютъ въ бракъ, семь принадлежатъ къ категоріи, гдѣ 1 бракъ приходится на 100 жителей и менѣе, а три—къ категоріи, гдѣ одинъ бракъ приходится на 100—110 жит. [1]). Если мы обратимся къ распредѣленію частости браковъ по вѣроисповѣданію и возьмемъ только тѣ цифры, которыя г. *Янсонъ* считаетъ «внушающими къ себѣ достаточное довѣріе», то получимъ для православныхъ 1 бракъ на 96 чел., для католиковъ 1 на 122, для протестантовъ 1 на 144 [2]), т.-е. увидимъ тотъ же самый порядокъ, который замѣчается и при распредѣленіи браковъ по возрастамъ и вѣроисповѣданіямъ, что́ весьма сильно доказываетъ связь между частостью браковъ и брачнымъ возрастомъ. То же подтверждается и распредѣленіемъ браковъ въ городахъ и селахъ. Въ послѣднихъ, какъ мы видѣли, браки заключаются вообще раньше, чѣмъ въ городахъ, и число браковъ въ нихъ значительно превышаетъ частость городскихъ браковъ. Г. *Янсонъ* констатируетъ общій фактъ, «что въ городахъ у насъ меньше браковъ, чѣмъ въ остальномъ населеніи почти на 30%,—фактъ діаметрально противоположный тому, что́ даетъ статистика западно-европейскихъ государствъ», гдѣ число браковъ въ городскомъ населеніи почти на 10% превышаетъ число браковъ въ деревняхъ [3]).

Въ западной Европѣ, гдѣ частость браковъ значительно меньше, чѣмъ въ Россіи, приходится [4]):

въ Англіи и Уэльсѣ	1	бракъ	на	115	жителей	(1863—1866)
» Шотландіи	»	»	»	135	»	(1863—1866)
» Ирландіи	»	»	»	191	»	(1864—1866)
» Франціи	»	»	»	126	»	(1863—1866)
» Бельгіи	»	»	»	134	»	(1863—1866)
» Пруссіи	»	»	»	115	»	(1865—1867)
» Баваріи	»	»	»	116	»	(1863—1866)
» Италіи	»	»	»	142	»	(1865—1869)
» Швеціи	»	»	»	168	»	(1866—1870)
» Австріи Цислейт.	»	»	»	104	»	(1867—1869)
» Австріи Трансл.	»	»	»	110	»	(1867—1869)

1) Сравнительно-статистическіе этюды. III. Стр. 224, 225.

2) Ibid. стр. 228.

3) Ibid. стр. 227.

4) Ibid. стр. 224.

Частныя отличія между частостью браковъ въ этихъ государствахъ нами не могутъ и не должны быть подробно разсматриваемы, такъ какъ они очевидно зависятъ отъ различныхъ причинъ, обусловливающихъ и измѣненія того же отношенія въ одной и той же странѣ, смотря по времени. Для насъ, однакоже, весьма важно обратить вниманіе на связь между частостью и возрастомъ вступленія въ бракъ, поскольку она выражается приведенными числами. Такимъ образомъ, Англія, имѣющая самый ранній брачный возрастъ (изъ пяти государствъ, для которыхъ выше былъ приведенъ средній возрастъ вступленія въ бракъ) имѣетъ и отношеніе, равное 1: 115. Франція, стоящая на второмъ мѣстѣ по брачному возрасту, отличается и меньшей противъ Англіи частостью браковъ (1: 126); еще рѣзче отличается Бельгія, имѣющая болѣе поздній брачный возрастъ и отношеніе частости, равное 1: 134. Для Норвегіи и Нидерландовъ въ приведенной табличкѣ, взятой мною у г. *Янсона*, не существуетъ данныхъ; поэтому я считаю нужнымъ воспользоваться менѣе новыми данными *Вappeуса*, въ которыхъ приведены цифры и для обоихъ названныхъ государствъ, тѣмъ болѣе, что числа для средняго брачнаго возраста были также заимствованы у этого автора и относятся къ одновременнымъ даннымъ. Мы возьмемъ средній брачный возрастъ для обоихъ половъ вмѣстѣ и сопоставимъ полученныя числа съ отношеніемъ частости браковъ по *Вappeусу* (т. II, стр. 246).

Средній возрастъ вступленія въ бракъ:		На 1 вѣнчаніе приходится жителей:	
въ Англіи . . .	25,31 года	118,13	(1845—1854)
» Франціи . . .	26,86 »	126,92	(1844—1853)
» Норвегіи . . .	27,75 »	129,29	(1846—1855)
» Нидерландахъ .	28,47 »	130,27	(1845—1854)
» Бельгіи . . .	29,06 »	145,11	(1847—1856).

Въ результатѣ между обоими моментами получается полнѣйшее соотвѣтствіе.

Для того, чтобы еще лучше оцѣнить вліяніе культуры на брачную жизнь, можно привести то обстоятельство, что въ населеніи Европы, способномъ къ бракосочетанію (начиная съ 18 лѣтъ) около двухъ-третей находится или находилось въ бракѣ (именно 65,98%), цѣлая же треть (34,01%) находится въ безбрачномъ состояніи (*Вappeусъ* II, стр. 223). Я не привожу здѣсь данныхъ для распредѣленія населенія въ отдѣльныхъ государствахъ, такъ какъ для насъ важны общія цифры для всей западной Европы.

Обратимся теперь къ распредѣленію частости браковъ въ городахъ и деревняхъ, на аномальное отношеніе котораго было уже указано выше. Въ то время, какъ въ русскихъ деревняхъ браковъ заключается на 30% больше чѣмъ въ городахъ, въ западной Европѣ мы встрѣчаемъ обратное явленіе; тамъ перевѣсъ числа городскихъ браковъ составляетъ приблизительно 10%. Такой фактъ легко можетъ быть приведенъ какъ доказательство, того, что частость браковъ не находится въ зависимости отъ культурнаго развитія, предполагая конечно, что послѣднее стоитъ въ городахъ на болѣе высокой степени чѣмъ въ деревняхъ. — Присмотримся нѣсколько ближе къ этому вопросу. Изъ 10 государствъ, приведенныхъ *Ваппеусомъ*, только въ трехъ (Шлезвигѣ, Саксоніи и Пруссіи), частость браковъ въ деревняхъ нѣсколько превышаетъ городскую; остальные же семь (Франція, Нидерланды, Бельгія, Швеція, Данія, Голштинія и Ганноверъ) представляютъ обратный примѣръ. Всѣхъ рѣзче оказываются въ этомъ отношеніи Бельгія, Франція и Нидерланды[1]). Такъ, напр., въ Парижѣ одно бракосочетаніе приходится на 99,8 жителей, во Франціи же вообще — на 129,29 жит. — Съ нашей точки зрѣнія подобные факты, съ перваго взгляда парадоксальные, объясняются весьма просто, если мы примемъ въ соображеніе, что бракъ можетъ получать различное содержаніе, смотря по условіямъ. Въ первоначальной и наиболѣе распространенной формѣ бракъ есть не только сожительство супруговъ, но и главное условіе произведенія потомства; отымите отъ него этотъ послѣдній моментъ, и у васъ получатся совершенно иные результаты. — Какъ ни затруднено, вообще говоря, вступленіе въ бракъ цивилизованныхъ народовъ сравнительно съ первобытными, не подлежитъ однакоже сомнѣнію, что часть этихъ затрудненій заключается въ произведеніи дѣтей, ихъ воспитаніи, содержаніи и проч. Искусственное устраненіе этого затрудненія, болѣе доступное для городского населенія чѣмъ для сельскаго, неизбѣжно должно увеличить число браковъ, но въ новой формѣ, въ формѣ неплодовитыхъ или малоплодовитыхъ браковъ. Доказательствомъ этого служитъ именно то, что въ городахъ, несмотря на бо̀льшую частость законныхъ браковъ, плодовитость послѣднихъ значительно меньше сравнительно съ деревнями. — Такъ, напр., во Франціи на 1 бракъ приходится 3,16 дѣтей въ городахъ и 3,28 въ деревняхъ; въ Нидерландахъ — 3,91 въ городахъ, 4,32 въ де-

[1]) *Ваппеусъ*, II, стр. 481 и *Oettingen*. Moralstatistik, стр. 392.

ревняхъ; въ Бельгіи — 3,80 и 4,17; въ Швеціи — 2,99 и 4,19 и пр. [1]).

Тѣ же соображенія могутъ быть приложены и для цѣлыхъ западно-европейскихъ государствъ; такъ что, если-бы мы могли статистически отличать обѣ формы браковъ, то цифра 126 для Франціи навѣрно бы значительно увеличилась.

Статистика даетъ нѣкоторые матеріалы и для распредѣленія частости браковъ по времени,—обстоятельство тѣмъ болѣе важное, что оно хотя отчасти дѣлаетъ возможнымъ пополненіе соотвѣтствующаго пробѣла для брачнаго возраста. — У *Ваппеуса* приведены въ этомъ отношеніи числа для пяти государствъ: Франціи, Швеціи, Норвегіи, Саксоніи и Пруссіи. — Въ четырехъ послѣднихъ замѣчается вообще довольно правильное и постоянное уменьшеніе частости браковъ. Такъ, на 10,000 жителей въ Швеціи приходилось въ 1751 г.—3641 въ брачномъ состояніи, а въ 1855 г. — только 3259; въ Норвегіи съ 1769 по 1855 г. соотвѣтствующая цифра съ 3760 упала до 3221; въ Саксоніи съ 1834 по 1849 г. она упала съ 3552 на 3498 [2]). То же самое замѣчено и относительно Пруссіи, гдѣ въ періодѣ отъ 1817 до 1843 г. на 1 бракосочетаніе приходилось 109 жителей, въ періодѣ 1844—1853 г. уже 115, а въ періодѣ 1854—1860 г.—118 жителей [3]).—Франція представляетъ исключеніе, такъ какъ въ ней въ 1806 г. на 10,000 приходилось 3584, находящихся въ брачномъ состояніи, въ 1841 г. соотвѣтствующая цифра возвысилась до 3781, а въ 1851 г. она сдѣлалась равной 3894. *Ваппеусъ* видитъ въ этомъ доказательство «значительнаго прогресса этой страны», который въ сущности сводится на усиленное участіе искусственныхъ мѣръ къ уменьшенію плодовитости, чтó доказывается слѣдующими данными. Въ періодѣ 1811—1815 г. на 1 бракъ приходилось 3,49 дѣтей, въ періодѣ 1841—1845 г. соотвѣтствующая величина спустилась до 3,21, а въ періодѣ 1851—1855 г.—до 3,07 [4]).—Этотъ важный моментъ, дѣйствительный вообще въ Европѣ, преимущественно же во Франціи, объясняетъ такимъ образомъ много съ виду исключительныхъ явленій и можетъ быть также приведенъ какъ одинъ изъ факторовъ, обусловливающихъ сравнительно столь ранній брачный возрастъ французовъ.

---

[1]) *Ваппеусъ*. II, стр. 483; *Эттингенъ*, стр. 532.

[2]) *Ваппеусъ*. Т. II, стр. 229.

[3]) *Эстерленъ*. Стр. 388, примѣч. 2.

[4]) *Ваппеусъ*, Т. II, стр. 406.

Итакъ, мы видимъ, что частость браковъ идетъ вообще параллельно и въ связи съ ходомъ возраста вступленія въ бракъ и слѣдовательно усиливаетъ эффекты послѣдняго. Для пополненія нашего очерка мы неизбѣжно должны остановиться на послѣдствіяхъ этихъ двухъ моментовъ, связь которыхъ съ цивилизаціей не можетъ быть подвергнута сомнѣнію. Эти послѣдствія будутъ интересовать насъ главнымъ образомъ не по отношенію къ благосостоянію и судьбѣ цѣлыхъ народовъ, но поскольку они (эти отношенія) вліяютъ на счастье и участь отдѣльныхъ индивидуумовъ.

V.

Отношеніе брачнаго возраста и частости браковъ къ смертности, самоубійству, преступленіямъ и душевнымъ болѣзнямъ. — Общіе выводы и заключеніе.

Въ наукѣ накопился уже порядочный матеріалъ относительно вліянія брачнаго состоянія и безбрачія на смертность, наклонность къ преступленіямъ, самоубійствамъ, помѣшательству и пр. Никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что всѣ эти моменты составляютъ главнѣйшіе факторы, слагающіе сумму несчастій человѣческихъ и тѣмъ самымъ подлежащіе нашему разсмотрѣнію. Если извѣстные періоды индивидуальнаго развитія можно считать «дисгармоническими», то подобное мнѣніе можетъ быть оправдано только фактическимъ доказательствомъ, основаннымъ именно на изученіи результатовъ, обусловленныхъ большею или меньшею продолжительностью подобныхъ періодовъ.

Выше уже было упомянуто (стр. 250) объ изслѣдованіяхъ *Фарра* относительно вліянія брачнаго состоянія на смертность въ различныхъ возрастахъ. Теперь мы должны остановиться нѣсколько долѣе на этомъ предметѣ. — Говоря вообще, «смертность холостыхъ гораздо значительнѣе чѣмъ женатыхъ; такъ что брачная жизнь не только не укорачиваетъ жизни, несмотря на заботы и лишенія для содержанія семьи, но несомнѣнно оказываетъ благопріятное вліяніе на общую продолжительность существованія» (*Ваппеусъ* II, 217). Это правило провѣрено и для нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ; такъ извѣстно, что оно приложимо къ медикамъ, между которыми холостые подвержены большей смертности, чѣмъ женатые (ibid. стр. 333).

Всѣ ученые согласны съ тѣмъ, что, начиная отъ двадцатилѣтняго возраста, вообще умираетъ болѣе холостыхъ, нежели женатыхъ (то же относится и къ женскому полу). Вопросъ заключается только въ томъ, какой изъ двухъ моментовъ является въ

данномъ случаѣ причиннымъ. Большинство ученыхъ полагаетъ, что безбрачное состояніе само по себѣ уже служитъ обстоятельствомъ, значительно увеличивающимъ шансы смертности. Лица, не связанныя семейной жизнью, болѣе склонны къ эксцессамъ, слѣдовательно болѣе подвержены болѣзненности, уходъ же за ними вообще дурной и т. п. По мнѣнію же другихъ, какъ напр. *Фарра и Дарвина* [1]), усиленная смертность безбрачныхъ доказываетъ только, что въ бракъ вступаютъ наиболѣе здоровые и вообще лучшіе люди, которые поэтому и переживаютъ холостыхъ, какъ наименѣе одаренныхъ. Бракъ, по ихъ мнѣнію, есть такимъ образомъ орудіе естественнаго подбора, всегда дающаго перевѣсъ хорошимъ и устраняющаго дурное.

Положительное рѣшеніе вопроса, чье изъ двухъ мнѣній наиболѣе приближается къ истинѣ, не можетъ быть дано за неимѣніемъ достаточнаго количества точныхъ статистическихъ свѣдѣній; поэтому-то намъ придется прибѣгнуть къ различнымъ побочнымъ средствамъ, для того чтобы по крайней мѣрѣ приблизительно отвѣтить на вопросъ.—Разсмотримъ прежде всего аргументы обѣихъ сторонъ.—Д-ръ *Старкъ*, отстаивающій мнѣніе большинства, ссылается главнымъ образомъ на то, что выгодное отношеніе лицъ, находящихся въ брачномъ состояніи, продолжается до глубокой старости, слѣдовательно дѣйствительно въ такое время, когда о «брачномъ подборѣ» уже не можетъ быть рѣчи. *Дарвинъ* отвѣчаетъ на это, что усиленный контингентъ умирающихъ старцевъ можетъ быть данъ такими холостяками, которые еще въ юности были слабы и потому забракованы, но тѣмъ не менѣе дожили до болѣе или менѣе поздняго возраста. *Дарвинъ* высказываетъ впрочемъ это мнѣніе апріорически, не давая ему должнаго фактическаго подкрѣпленія. Сходнымъ образомъ относится онъ и къ другому аргументу *Старка*, именно, что смертность вдовъ и вдовцовъ во Франціи очень велика сравнительно съ женами и мужьями; онъ ссылается прямо на *Фарра*, который объясняетъ эту усиленную смертность «бѣдностью и дурными привычками, слѣдующими за разложеніемъ семьи, а также и печалью». Этотъ отвѣтъ опять является чисто апріорическимъ.

Для разъясненія недоразумѣній слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства.—Еслибы усиленная смертность безбрачныхъ зависѣла исключительно отъ «брачнаго подбора», то какъ могло бы объясниться уменьшеніе смертности тѣхъ же безбрачныхъ въ молодые годы, т.-е. до 20 лѣтъ. Вѣдь въ это время

---

[1]) *Дарвинъ*. Происхожденіе человѣка. Т. I, глава 5, стр. 198.

подборъ также долженъ существовать, и хотя юноши иногда и вступаютъ въ бракъ необдуманно, слѣдовательно наперекоръ истинному подбору, но за то они, именно въ силу своей юности, имѣютъ много времени впереди и этимъ самымъ увеличиваютъ шансы подбора. Такимъ образомъ, 18—20-тилѣтняя дѣвушка имѣетъ несравненно болѣе возможности выбирать подходящаго жениха, нежели 25-лѣтняя.—Факты показываютъ однакоже, что замужнія женщины подвержены до 20 лѣтъ значительно большей смертности нежели дѣвушки, на что́, какъ мы видѣли выше, опирается *Денканъ*, стараясь опредѣлить возрастъ наступленія общей зрѣлости. Этотъ же ученый показалъ, что въ періодѣ отъ 20—24 лѣтъ женщины подвержены наименьшей смертности отъ родовъ, обстоятельство, играющее очевидно важную роль въ дѣлѣ вопроса о смертности въ различныхъ возрастахъ женщины.

Крайне важно было бы знать, для рѣшенія нашего вопроса, какія именно болѣзни обусловливаютъ бо́льшую смертность холостыхъ. По мнѣнію *Эстерлена*, этотъ излишекъ смертей производится «прежде всего острыми болѣзнями, какъ напр., тифомъ, воспаленіемъ легкихъ и проч., а также бугорчаткой, душевными болѣзнями и пьянствомъ, сифилисомъ, несчастными случаями, самоубійствомъ» [1]).—Правда, что это мнѣніе имѣетъ видъ апріорическаго вывода, но если оно тѣмъ не менѣе справедливо, то понятно, что брачный выборъ можетъ устранять только лицъ, страдающихъ или подверженныхъ хроническимъ болѣзнямъ.

Если мы для рѣшенія вопроса прибѣгнемъ къ тому же способу, который употребилъ въ дѣло Дарвинъ,—т.-е. станемъ перебирать въ памяти знакомые примѣры, то должны будемъ придти къ заключенію, что смертность безбрачныхъ имѣетъ двоякій характеръ. Съ одной стороны несомнѣнно, что выборъ исключаетъ очень слабыхъ и хронически больныхъ индивидумовъ, но съ другой стороны не менѣе вѣрно и то, что холостая жизнь является моментомъ, крайне пагубно вліяющимъ на всю судьбу человѣка и потому обусловливающимъ много смертныхъ случаевъ. Существующія статистическія свѣдѣнія не даютъ возможности указать на количественную сторону каждаго изъ этихъ факторовъ, и потому приходится поневолѣ удовлетвориться самыми общими результатами.—Какъ бы то ни было, достаточно допустить хотя бы слабое вліяніе безбрачія на усиленіе смертности, для того чтобы видѣть, что уменьшеніе числа браковъ въ новѣйшее время должно отражаться все съ большею и большею силою

[1]) *Oesterlen*. Handbuch der medicinischen Statistik. 1865. Стр. 896.

въ общемъ итогѣ культурной жизни. Отсюда не слѣдуетъ выводить прямо, чтобы общая смертность увеличивалась съ каждымъ годомъ по мѣрѣ уменьшенія частости браковъ. Смертность есть результатъ суммъ сложныхъ условій, и безбрачіе составляетъ одно изъ нихъ.

Ежегодное увеличеніе числа самоубійствъ въ цивилизованныхъ государствахъ Европы давно уже обратило на себя вниманіе статистиковъ и моралистовъ, благодаря стараніямъ которыхъ собрано и приведено въ порядокъ много отдѣльныхъ фактовъ. Всѣ попытки умалить значеніе послѣднихъ оказались тщетны, и теперь уже никто изъ людей науки не старается доказать, что всѣ самоубійства совершаются въ состояніи безумія и помѣшательства.

Тѣсная связь между частотой самоубійствъ и рѣдкостью браковъ, а также и съ возрастомъ вступленія въ послѣдній, вытекаетъ изъ общей суммы данныхъ о самоубійствѣ. Извѣстно, напр., что дикіе народы, вообще столь рано вступающіе въ бракъ, представляютъ чрезвычайно мало примѣровъ самоубійства [1]). Между евреями и православными, ранѣе и чаще другихъ вступающими въ бракъ, замѣтно вообще менѣе самоубійствъ, чѣмъ между католиками и еще менѣе, чѣмъ между протестантами [2]).

Прямыя показанія о сравнительной частотѣ самоубійствъ между брачнымъ и безбрачнымъ населеніемъ свидѣтельствуютъ вообще о большей склонности къ самоубійству послѣдняго. Несмотря на то, что эта склонность увеличивается вмѣстѣ съ возрастомъ, «между молодыми безбрачными частота самоубійствъ значительно больше, чѣмъ между лицами, находящимися въ брачномъ состояніи» (*Эттингенъ*, стр. 936). По изслѣдованіямъ *Адольфа Вагнера* [3]) оказывается, что въ Саксоніи, Вюртембергѣ и Баденѣ бо́льшая часть самоубійствъ приходится на долю безбрачныхъ, особенно же вдовыхъ и находящихся въ разводѣ.— Еще раньше нашелъ *Леви*, что изъ трехъ самоубійцъ двое холостыхъ и одинъ женатый. [4]) По статистическимъ свѣдѣніямъ 1865 года относительно самоубійствъ во Франціи, оказывается, что на долю женатыхъ приходится 19,4 процента, холостыхъ—28,1%; вдовцовъ—52,5%. Для женщинъ было выведено иное процент-

---

[1]) *Дарвинъ*. Происхожденіе человѣка. I, стр. 102.

[2]) *Ad. Wagner.* Gesetzmässigkeit in der scheinbar willkürlichen menschlichen Handlungen. 1869. II. стр. 188.

[3]) Ibid. стр. 178, 179, 276.

[4]) *Oesterlen.* l. c. стр. 191.

ное отношеніе. Между самоубійцами было нѣсколько болѣе замужнихъ (24,9%), чѣмъ незамужнихъ (21,6), но за то особенно много вдовъ (53,5%). [1] И здѣсь, подобно тому, что̀ мы видѣли относительно браковъ, числа для женщинъ болѣе варіируются въ разныя стороны, чѣмъ для мужчинъ. Общій же результатъ относительно участія обоихъ половъ въ самоубійствахъ, т.-е., что мужчинъ приходится значительно (въ 3—4½ раза) болѣе, чѣмъ женщинъ, — сходится съ тѣмъ, что послѣднія вообще раньше и чаще вступаютъ въ бракъ, представляя новое доказательство высказаннаго выше положенія.

Статистически доказано, что самоубійства совершаются вообще чаще въ городахъ, чѣмъ въ деревняхъ (*Ад. Вагнеръ*, стр. 200 и слѣд.), обстоятельство, очевидно, стоящее въ связи съ болѣе высокимъ уровнемъ культуры и бо̀льшею сложностью городской жизни. Оно нисколько не является противорѣчіемъ общему правилу о связи самоубійствъ съ брачной жизнью, такъ какъ мы видѣли, что усиленная частота браковъ въ европейскихъ городахъ есть явленіе, такъ сказать, вторичнаго культурнаго происхожденія и что эти городскіе браки имѣютъ свой особенный характеръ. Въ Россіи же частота самоубійствъ въ городахъ находится въ самомъ незатемненномъ и простомъ отношеніи къ бо̀льшему числу безбрачныхъ и къ болѣе позднему возрасту вступленія въ бракъ городского населенія [2]).

Нѣмецкая поговорка: «Je länger Junggesell, je tiefer in der Höll», характеризующая народный взглядъ на безбрачіе, оправдывается и статистическими цифрами. Въ уголовной статистикѣ принято за правило, что холостые даютъ гораздо большій контингентъ преступниковъ, чѣмъ женатые. Такимъ образомъ, во Франціи, гдѣ безбрачные и вообще безсемейные люди составляютъ менѣе половины общаго населенія страны, бо̀льшая половина подсудимыхъ доставляется именно ими. «Въ 1847 году изъ 8,704 подсудимыхъ было 4,574 безбрачныхъ, а въ 1865 г. изъ 4,154 ихъ было 2,272. Въ Бельгіи (1856 — 1860) изъ

---

[1]) По *Легуа*, у *Эттингена*. Moralstatistik, стр. 938.

[2]) Я убѣжденъ, что статистика самоубійствъ представила бы еще болѣе рѣзкія доказательства въ пользу нашей общей мысли, если бы она строго раздѣляла настоящія намѣренныя самоубійства отъ случайныхъ самоубійствъ, какъ напр., утопленіе лицъ, одержимыхъ бѣлою горячкой и проч., и если бы она имѣла болѣе комбинированныхъ данныхъ объ участіи сословій и другихъ культурныхъ группъ въ данныхъ формахъ самоубійства.

1,384 тяжкихъ преступниковъ на долю безсемейныхъ пришлось 811, т.-е. 58,6 %. Въ Италіи (1863) изъ общей суммы 47,943 наказанныхъ за проступки было 29,129, т.-е. 60,7 % безбрачныхъ. Съ другой стороны замѣчательно, что во Франціи мелкіе земледѣльцы-собственники, составляющіе почти половину всего населенія, дали не болѣе 31 % причастныхъ къ преступленіямъ» (*Эттингенъ*, стр. 647). По даннымъ баварской уголовной статистики 1862—1866 годовъ оказывается, что преступность женатыхъ и замужнихъ составляетъ только 37 % преступности безбрачныхъ. По общему разсчету на 10,000 брачныхъ ежегодно обвиняется 17 человѣкъ, изъ такого же количества безбрачныхъ—48. Процентное отношеніе обвиненныхъ въ Баваріи (за исключеніемъ зарейнской части) было слѣдующее [1]):

Женщины, дающія меньшее число самоубійцъ, оказываются и значительно менѣе наклонными къ совершенію преступленій. Такимъ образомъ, во Франціи на 100 обвиненныхъ мужчинъ приходится только 23 женщины *(Кетле)*. Сходное отношеніе было найдено и для баварскаго населенія, гдѣ на 100 обвиненныхъ мужчинъ приходилось въ годъ (отъ 1862, 63 до 1865, 66): 19, 18, 16, 15 женщинъ *(Майръ)*.

Особенный интересъ представляетъ для общей антропологіи вопросъ объ участіи возрастовъ въ преступленіяхъ. Вотъ какимъ образомъ формируетъ *Кетле* выведенный имъ законъ: «наклонность къ преступленію возрастаетъ очень быстро по мѣрѣ приближенія къ зрѣлому возрасту; тутъ она достигаетъ maximum и начинаетъ уменьшаться, но медленно, до послѣдняго предѣла жизни. Этотъ законъ представляетъ большое постоянство и терпитъ измѣненія только по отношенію къ величинѣ и времени появленія maximum. Во Франціи maximum для преступленій вообще приходится около 24-хъ лѣтъ; въ Бельгіи эта критическая эпоха наступаетъ нѣсколько позже; въ Англіи и великомъ герцогствѣ Баденскомъ она, напротивъ, наблюдается раньше [2])». Остановимся покамѣстъ на этомъ общемъ результатѣ. Первый

---

[1]) Данныя о баварской уголовной статистикѣ взяты мною изъ статьи доктора *Майра*: Criminalistische Studien въ Прибавленіяхъ къ № 19 и 20-му „Allgemeine Zeitung" за 1872 годъ.

Въ году	Безбрачныхъ.	Брачныхъ.
1862—1863	78	22
1863 — 64	79	21
1864 — 65	80	20
1865 — 66	78	22

[2]) *Quetelet*. Physique social. 2-e édition. 1869. T. II, стр. 367

пунктъ, на который слѣдуетъ обратить вниманіе, состоитъ въ томъ, что ходъ возраста наибольшей наклонности къ преступленію совершенно совпадаетъ съ ходомъ средняго брачнаго возраста. Оба возраста (срав. выше стр. 248) наступаютъ всего ранѣе у англичанъ, затѣмъ у французовъ, всѣхъ же позже у бельгійцевъ. Это совпаденіе указываетъ на то, что возрастъ наибольшей наклонности къ преступленію выпадаетъ какъ разъ на долю того періода, который мы выше назвали дисгармоническимъ. У французовъ онъ прерывается брачнымъ возрастомъ, наступающимъ среднимъ числомъ въ 28,41 года, то-есть въ то время, когда наклонность къ преступленію начинаетъ уменьшаться. Вторая половина дисгармоническаго періода, оканчивающаяся брачнымъ возрастомъ, начинается съ момента появленія общей зрѣлости, т.-е., примѣрно, съ 23-хъ лѣтъ, того возраста, который у *Кетле* (Т. II, стр. 354) считается началомъ критическаго момента наибольшей наклонности къ преступленію. Въ Англіи эта наклонность проявляется всего рѣзче между 20-ю и 25-ю годами, причемъ послѣдняя цифра очень приближается къ среднему брачному возрасту (25,94 года).

Весьма важно знать, какого рода преступленія выпадаютъ по преимуществу на этотъ дисгармоническій періодъ наибольшей преступной наклонности. Мы отвѣтимъ на это словами *Кетле*, которыя множество разъ цитируются во всевозможныхъ сочиненіяхъ, потому именно, что онѣ всего лучше выражаютъ суть дѣла: «Il (le penchant au vol) s'exerce d'abord à la faveur de la confiance qui règne dans l'intérieur des familles, puis se manifeste au dehors et jusque sur les chemins publiques, où il finit par recourir à la violence, lorsque déjà l'homme a fait le triste essai de la plénitude de ses forces, en se livrant à tous les genres d'homicides. Ce funeste penchant est moins précoce, cependant, que celui qui vers l'adolescence naît avec le feu des passions et les désordres qui l'accompagnent et qui pousse l'homme au viol et aux attentats à la pudeur, en commençant à chercher ses victimes parmi les êtres dont la faiblesse oppose le moins de résistance» (II, 351). Далѣе идутъ преступленія зрѣлаго возраста, отличающіяся холодной обдуманностью, каковы: отравленіе и проч.

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о сумасшествіи, какъ объ одномъ изъ крупныхъ явленій, связанныхъ съ брачной жизнью и съ культурнымъ развитіемъ вообще.

У первобытныхъ народовъ помѣшательство составляетъ явле-

ніе весьма рѣдкое, и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно проявляется, оно принимаетъ бо́льшею частью форму слабоумія или идіотизма. *Д-ръ Бёрчелль*, проведшій двадцать пять лѣтъ между черокезскими индіанцами, не видѣлъ ни одного случая настоящаго сумасшествія. Между индусами душевныя болѣзни встрѣчаются рѣже, чѣмъ въ Европѣ [1]).

Со времени *Эскироля*, сказавшаго, что «les progrès de la civilisation multiplient les fous», этотъ выводъ сдѣлался общепринятымъ. Хотя обнаруживаемое статистическими изслѣдованіями численное увеличеніе душевныхъ болѣзней въ новѣйшія времена зависитъ отъ суммы различныхъ причинъ, тѣмъ не менѣе общій результатъ о связи сумасшествія съ культурой признается большинствомъ психіатровъ [2]). Въ пользу этого говоритъ, въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ много данныхъ, чтобы самый фактъ могъ быть игнорированъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что къ числу причинъ, увеличивающихъ число душевныхъ болѣзней, нужно отнести общее усложненіе жизненныхъ условій культурныхъ народовъ; для насъ важнѣе всего указать здѣсь на одно изъ этихъ условій, касающееся брачной жизни.

Въ результатѣ статистическихъ изслѣдованій получилось, что у безбрачныхъ, особенно же мужчинъ, сумасшествіе есть явленіе несравненно болѣе частое, чѣмъ у женатыхъ и замужнихъ. Такимъ образомъ, въ вюртембергскомъ королевствѣ въ 1853 на 100 сумасшедшихъ:

	мужского пола:	женскаго пола:
было безбрачныхъ	67,9	61,6
» брачныхъ	24,3	24,8
» вдовыхъ	6,6	12,1
» разведенныхъ	1,1	1,4 [3])

Сходный результатъ былъ полученъ и для другихъ странъ. По разсчетамъ извѣстнаго французскаго статистика *Легоа*, приведеннымъ *Рейхомъ* [4]), оказывается, что въ Баваріи въ 1858 было 81% безбрачныхъ и только 19% брачныхъ сумасшедшихъ; въ

---

[1]) *Griesinger*. Pathologie und Therapie der psychischen Krankheiten. 2-te Aufl. 1861. Стр. 141. Въ Сѣверной Америкѣ въ 1850 г. на 100,000 человѣкъ приходилось сумасшедшихъ бѣлыхъ и свободныхъ темнокожихъ 150, а рабовъ только 47 человѣкъ. *Oesterlen*. Med. Stat. 523.

[2]) См. *Griesinger*, Ibid. стр. 142, 143. *Maudsley*. Physiologie und Pathologie der Seele. Deutsche Uebers. 1870. Стр. 209, 210.

[3]) *Oesterlen*. Medicinische Statistik, стр. 521.

[4]) Das eheliche Leben, стр. 510.

ганноверскомъ королевствѣ по даннымъ 1856 было 78,85% безбрачныхъ, 14,72 брачныхъ, 642% вдовыхъ и т. д.

Приведенные факты пріобрѣтаютъ тѣмъ большее значеніе, что бо́льшая часть сумасшедшихъ выпадаетъ на зрѣлый возрастъ, когда относительное число вступившихъ въ бракъ весьма велико. Такъ, судя по отчету *Фааре* [1]) наибольшее число душевныхъ болѣзней приходится на возрастъ отъ 30 до 39 лѣтъ у мужчинъ и отъ 40 до 49 у женщинъ. При такомъ положеніи дѣла, невозможно въ данномъ случаѣ искать объясне́нія въ какомъ-нибудь брачномъ подборѣ. Напротивъ, изъ приведенныхъ фактовъ легко видѣть, что безбрачіе должно служить причиной развитія душевныхъ болѣзней, рѣзкое обнаруженіе которыхъ выпадаетъ, разумѣется, позже момента зарожденія недуга. Въ пользу этого говорятъ и прямыя наблюденія о связи душевныхъ болѣзней съ половой жизнью, неправильности которой отражаются болѣе или менѣе рѣзко на всемъ строѣ душевной жизни человѣка. Между 144 душевными больными женскаго пола, находившимися въ клиникѣ *Эскироля*, было не менѣе 88 случаевъ, причиной которыхъ предполагалось воздержаніе. *Маудсли* (l. c. стр. 211) считаетъ это обстоятельство одной изъ главныхъ причинъ помѣшательства у особъ женскаго пола.

На предыдущихъ страницахъ я старался привести извѣстную мнѣ сумму данныхъ, которыя бы могли самымъ нагляднымъ образомъ обнаружить по крайней мѣрѣ наиболѣе выдающіеся результаты дисгармоническихъ періодовъ человѣческой жизни. Нельзя незамѣтить, что, взятые въ цѣлости, эти результаты представляютъ довольно крупный итогъ, который долженъ или по крайней мѣрѣ можетъ оказать существенное вліяніе на всю судьбу культурной жизни народовъ. Можетъ быть тутъ-то и лежитъ корень того явленія, на которое съ особеннымъ удареніемъ указывалъ *Дрэперъ* и которое заключается въ аналогіи жизни народовъ съ жизнію отдѣльныхъ индивидуумовъ. Какъ послѣдніе, такъ и первые должны имѣть начало, возмужалость и конецъ. *Кетле* формулируетъ ту же мысль слѣдующимъ образомъ [2]): «A plusieurs égards la vie des peuples tient à la classe des phénomènes périodiques. Malgré le peu de recherches faites à ce sujet, on en reconnaît assez bien la durée; on peut établir les différentes phases de la période et

---

[1]) *Quetelet.* Physique sociale II, стр. 193.

[2]) Ibid. стр. 219, 217.

en déterminer l'ènergie»... «L'existence la plus longue de l'homme atteint, au plus, un siècle; pour une ville ou pour un peuple elle ne dépasse guère huit à dix fois cette durée. Les républiques de la Grèce, l'ancienne Rome, Venise et tous les centres principaux de la puissance et de la civilisation n'ont pas dépassé ce terme» и проч.

Цѣль настоящей статьи и заключалась между прочимъ въ въ томъ, чтобы показать, что само развитіе составляетъ источникъ періодичности съ ея концомъ. Всякое развитіе заключаетъ въ себѣ критическіе моменты, и чѣмъ дольше оно длится, тѣмъ больше такихъ моментовъ и тѣмъ рѣзче ихъ дѣйствіе. Всѣмъ извѣстно, какъ важно время прорѣзыванія зубовъ у дѣтей, составляющее именно одинъ изъ критическихъ моментовъ раннихъ степеней внѣ-маточнаго развитія. По крайней мѣрѣ одинъ процентъ всѣхъ смертей обусловливается этой причиной. По разсчетамъ, сдѣланнымъ для дѣтскаго населенія Лондона, смертность отъ прорѣзыванія зубовъ составляетъ $^1/_{38}$ общей смертности до пятилѣтняго возраста; всего бо́льшую роль она играетъ между первымъ и вторымъ годомъ, такъ что «развитіе коренныхъ зубовъ и клыковъ отнимаетъ болѣе, чѣмъ вдвое больше жизней, нежели прорѣзываніе рѣзцовъ». (*Эстерленъ*, стр. 592).

Относительно смертности дѣтей вообще можно замѣтить, что она идетъ рука объ руку съ развитіемъ. Какъ та, такъ и другое представляютъ наибольшую величину въ теченіе перваго года жизни. «Самая большая смертность выпадаетъ на первый годъ, въ томъ числѣ на первый мѣсяцъ, на первую недѣлю и на первый день послѣ рожденія. Разница въ смертности перваго и послѣдующихъ 11 мѣсяцевъ даже больше, чѣмъ между первымъ и слѣдующими за нимъ годами». (*Эстерленъ*, 140). Примѣрно то же извѣстно, напр., относительно процесса роста, который сначала идетъ очень быстро, а потомъ постепенно все болѣе и болѣе слабѣетъ.

Другое доказательство въ пользу того же общаго положенія видимъ, мы въ томъ, что у животныхъ, развитіе которыхъ длится короче, чѣмъ у человѣка, и у которыхъ, слѣдовательно, новорожденные болѣе приближаются къ состоянію взрослыхъ, смертность въ раннихъ возрастахъ значительно меньше. Для примѣра я возьму овцу, которая, какъ вообще травоядныя, рождается на свѣтъ въ сравнительно весьма развитомъ состояніи. На Гогенгейскомъ овцевомъ заводѣ смертность ягнятъ въ теченіе трехъ первыхъ мѣсяцевъ послѣ рожденія равнялась 3,6 процента [1]), слѣдовательно

[1]) Составлено по цифрамъ *Шмидта* въ его Schafzucht und Wollkunde. 1852, стр. 146, 147.

представляла цифру гораздо болѣе низкую, чѣмъ для нашихъ дѣтей. Смертность послѣднихъ въ теченіе тѣхъ же первывхъ трехъ мѣсяцевъ составляла во Франціи (1853) 9,45 процента, въ Нидерландахъ 9,08%, въ четырехъ швейцарскихъ кантонахъ (Бернъ, Цюрихъ, С.-Галленъ и Люцернъ, 1867), 12,3%, а въ Австріи (1851) она доходила до 15,47% [1]). Эти факты по всей вѣроятности составляютъ частный случай болѣе общаго правила, по которому чѣмъ длиннѣе метаморфоза, слѣдовательно, чѣмъ дольше тянется развитіе и чѣмъ больше проходится критическихъ моментовъ, тѣмъ сильнѣе и смертность развивающихся организмовъ. Въ силу этого правила животныя, совершающія длинный и сложный циклъ развитія, какъ, напр., большинство паразитовъ, подвержены огромной смертности въ личиночномъ состояніи, для пополненія которой они рождаются въ сравнительно громадномъ количествѣ. Такъ, напр., массу выходящихъ за одинъ разъ личинокъ солитера можно смѣло считать сотнями тысячъ; въ тѣлѣ одной аскариды насчитали около милліона зрѣлыхъ яицъ и т. под.

Изъ сказаннаго достаточно выяснилось, что въ культурномъ развитіи съ его удлиненными дисгармоническими періодами и вытекающими отсюда послѣдствіями можно усмотрѣть аналогію съ физическимъ развитіемъ ребенка, сопровождаемымъ такъ-наз. болѣзнями развитія (Entwickelungskrankheiten) въ родѣ прорѣзыванія зубовъ, и влекущимъ за собою значительную смертность. Отсюда понятно, что въ жизни многихъ первобытныхъ народовъ можно нерѣдко замѣтить больше гармоніи и счастія, чѣмъ въ нашей,—обстоятельство, на которое указывали многіе писатели, по преимуществу *Ж.Ж. Руссо*. Раньше послѣдняго оно поразило *Бюффона*, выразившаго свою мысль очень изящно: «Un sauvage absolument sauvage... serait un spectacle curieux pour un philosophe: il pourrait, en observant son sauvage, évaluer au juste la force des appétits de la nature; il y verrait l'âme à découvert, il en distinguerait tous les mouvements naturels, et peut-être y reconnaitrait-il plus de douceur, de tranquillité et de calme que dans la sienne; peut-être verrait-il clairement que la vertu appartient à l'homme sauvage plus qu'á l'homme civilisé et que le vice n'a pris naissance que dans la société». Мы не станемъ здѣсь разбирать подробнѣе этого съ давнихъ поръ поставленнаго на обсужденіе вопроса, по поводу котораго обѣими

---

[1]) Составлено по цифрамъ *Ваппеуса* (Bevölkerungsstatistik I, стр. 307); для Швейцаріи же по Geburten, Sterbefälle u. Trauungen in der Schweiz in 1867. Bern. 1870.

партіями было сдѣлано множество преувеличеній; но скажемъ только, что и до сихъ поръ между путешественниками нерѣдко встрѣчаются поклонники идеи *Бюффона* и *Руссо*. Наиболѣе рѣзко въ этомъ смыслѣ высказывается *Уэллесъ*. Да и какъ быть въ самомъ дѣлѣ въ виду, напр., подобнаго рода заявленія? Во время пребыванія фрегата Новары на островѣ Каръ-Никобаръ, путешественники, разспрашивая туземцевъ о ихъ бытѣ, между прочимъ, коснулись вопроса о томъ, какого рода наказанія полагаются у нихъ за различныя преступленія. Туземецъ отвѣчалъ самымъ наивнымъ образомъ: «у насъ никакихъ преступленій не совершается; мы всѣ народъ хорошій; у васъ же должно быть много злыхъ людей; иначе зачѣмъ бы у васъ было столько пушекъ и разнаго оружія». Всѣмъ извѣстенъ рѣзкій нравственный контрастъ, представляемый дикими варварами, покорившими Римъ, и ультра-цивилизованными обитателями этого замѣчательнаго государства. Пусть читатель прочитаетъ послѣднюю главу «Исторіи нравственности въ Европѣ отъ Августа до Карла Великаго» *Лекки* и тогда онъ увидитъ и значеніе возрастовъ культурнаго развитія, и ту роль, которую въ немъ играла нравственность вообще, а часть ея, связанная съ брачной жизнью—въ особенности.

Ил. Мечниковъ.

ОБЩЕГЕРМАНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПЕЧАТИ

Исторический очеркъ новѣйшихъ работъ *).

I.

Третій разъ Германія дѣлала недавно попытку отказаться отъ порядка сепаратизма въ дѣлахъ печати, третій разъ она рѣшалась создать для нихъ общегерманскій законодательный уставъ, ставя мысль всѣхъ своихъ писателей подъ опредѣленія одного и того же законодательства. Первый разъ, это движеніе имѣло военно-теологическій характеръ. Оно исходило отъ главы католицизма и

*) Ближайшіе источники, на которыхъ основывается предлагаемый очеркъ и полученіемъ которыхъ я обязанъ любезности г. директора канцеляріи Германской Имперской Думы и г. тайнаго совѣтника Ратке (въ Bundesrath'ѣ), суть:

Der sechste deutsche Journalistentag. Denkschrift über den Entwurf zu einem Reichspressgesetz. Breslau. 1872.

Der 7 deutsche Journalistentag. Denkschrift über die Aufhebung der gesetzlichen Bestimmungen. die vorläufige Beschlagnahme von Presserzeugnissen betreffend. München, 1873.

Antrag (von Windhorst und Genossen) betreffend den Erlass eines Reichspressgesetzes, представленный имперской Думѣ 12 марта 1873.

Bericht der fünften Kommission über den Antrag der Abgeordneten Windhorst und Genossen; представленъ имперской думѣ 25 апрѣля 1873; докладчикъ д-ръ Бидерманъ.

Entwurf eines Gesetzes über die Presse, представленный въ іюнѣ 1873 Германскому союзному совѣту за подписью кн. Бисмарка въ качествѣ прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Этотъ проектъ снабженъ подробными мотивами. Имя автора его

отъ всесильнаго тогда монарха священной римской имперіи. Тогда-то создалась въ Германіи и пустила въ ней свои весьма глубокія корни самая произвольная цензура, бывшая результатомъ владѣльческаго отношенія правительственныхъ элементовъ къ народному знанію и народной мысли. Тогда же знаменитая въ свое время и еще до сихъ поръ удивляющая насъ своими размѣрами книжная торговля Франкфурта-на-Майнѣ, подъ давленіемъ имперскихъ надворнаго совѣта и книжнаго коммиссаріата, оставила свою прежнюю колыбель и перекочевала въ Лейпцигъ. Къ счастью для Германіи, центральная власть священной римской имперіи не могла пустить прочныхъ корней въ государственной жизни того времени, и ежеминутно ослаблялась духомъ и дѣятелями протестантизма, на сторону которыхъ, въ виду разнообразныхъ династическихъ интересовъ, становились Landesherr'ы, правители отдѣльныхъ германскихъ государствъ. Рѣшительный конецъ этому періоду положили войны Наполеона.

Второй разъ, Германія воротилась къ попыткѣ централизаціи законодательства о печати въ видѣ обширнаго срединно-европейскаго союза правительствъ, сильнаго по виду, слабаго въ своихъ внутреннихъ основахъ и потому бывшаго въ состояніи играть лишь роль тормаза общественнаго развитія. На этотъ разъ, централистическое движеніе для умовъ Германіи было еще болѣе тяжелымъ гнетомъ. Правительства ихъ легкомысленно ввѣрили ихъ мысль, ихъ права̀ рѣчи и печати—австрійскимъ императорскимъ чиновникамъ, принимая съ унизительнымъ безмолвіемъ всѣ новыя стѣсненія, для изобрѣтенія которыхъ былъ учрежденъ союзный совѣтъ по дѣламъ печати. Вольности, которыя успѣла-было завоевать себѣ мысль въ періодъ упадка св. римской имперіи, падали одна за другой подъ перомъ изобрѣтательныхъ австрійскихъ

составляетъ еще тайну, и при сообщеніи мнѣ его съ меня взято обязательство не оглашать его въ печати; могу сказать только, что авторъ одинъ — изъ чиновниковъ прусскаго министерства внутреннихъ дѣлъ.

Antrag von Windhorst und Genossen über den Gesetz-Entwurf betreffend die Aufhebung der Zeitungs-Cautionen und der auf Presserzeugnissen lastenden Staatsabgaben, представленный имперской думѣ 10 іюня 1873.

Кромѣ того, для дополненія картины современныхъ работъ по общегерманскому законодательству печати, важны статьи Глазера и Іона въ Verhandlungen des 6 deutschen Juristentages, отчеты о прошлогоднихъ совѣщаніяхъ съѣзда германскихъ юристовъ по предложенію вѣнскаго адвоката д-ра Жака, и брошюра: Oesterreichisches Pressgesetz, изданная германскимъ съѣздомъ журналистовъ въ 1871. Изъ дѣйствующихъ сепаративныхъ законодательствъ Германіи наиболѣе интересны: прусскій законъ 1851, баварскій 1850, новобаденскій 1868, новосаксонскій (корол.) 1870, гамбургскій и любекскій.

бюрократовъ. Обязательная для всѣхъ союзныхъ государствъ цензура повременныхъ изданій и сочиненій менѣе 20-ти листовъ, во всей непривлекательности, со всѣми грустными результатами, которые вытекаютъ изъ нея для правъ и интересовъ частнаго лица, общества и государства, опоясала своимъ желѣзнымъ поясомъ всю Германію. Либеральныя стремленія отдѣльныхъ правительствъ ея разбивались о veto чиновниковъ названнаго совѣта, которые не стѣснялись попирать даже права верховенства германскихъ государей. Баденскій в. герцогъ и баденская земская дума испытали на себѣ, какъ нельзя лучше, ихъ заносчивость въ 1831 году, когда совѣтъ своею властью отмѣнилъ либеральный законъ о печати, выработанный думою и утвержденный короною. Германія, изобрѣтательница книгопечатанія, оказалась вынужденною уступать плоды своего изобрѣтенія другимъ народамъ и обогащала чужихъ типографовъ, пользовавшихся лучшею охраною своихъ правъ закономъ. Наконецъ, положеніе вещей стало нестерпимымъ. Игнорированіе правъ литературной собственности разоряло книжное производство и дѣлало невозможнымъ привлеченіе къ нему солидныхъ капиталовъ. Цензурные чиновники, зависѣвшіе отъ административныхъ органовъ, отнимали у частныхъ лицъ всякую возможность указывать правительству на злоупотребленія внутренней администраціи. Даже тѣ лица, которыя хотѣли обратить вниманіе своего правительства на больные и въ высшей степени пагубные для него пункты внѣшней политики, которыя, слѣдовательно, писали на своемъ знамени правительственный интересъ, принуждены были обращаться къ иностраннымъ станкамъ. Между тѣмъ, администрація сплошнымъ слоемъ отдѣляла правительство отъ народа, такъ какъ цензура дѣлала невозможнымъ какое бы то ни было искреннее общеніе между этими элементами государственности. Путь реформы становился все болѣе и болѣе невозможнымъ, разразилась революція. И тамъ, гдѣ грознѣе была цензура, гдѣ сплошнѣе была стѣна, поставленная ею между правительствомъ и народомъ, тамъ и удары революціи были грознѣе, ужаснѣе. На первомъ мѣстѣ стоитъ Австрія, дорого поплатившаяся за разгулъ, предоставленный ею своимъ цензурнымъ чиновникамъ. На второмъ мѣстѣ стоитъ Пруссія, которая незадолго до 48-го года объявила всю прессу въ военно-осадномъ положеніи. Только южно-германскія государства, придерживавшіяся болѣе либеральной политики, легко отдѣлались отъ наступившихъ погромовъ. Какъ бы то ни было, германскій союзъ рухнулъ; эпоха реакціи, довольно скоро послѣдовавшая за революціей, не въ состояніи была оживить его. Въ 1854 году мы видимъ послѣднюю попытку союзнаго совѣта

снова закрѣпить узду, такъ долго лежавшую на германской печати; но эта попытка была уже явленіемъ мертворожденнымъ. Законодательства отдѣльныхъ государствъ уже успѣли стать твердою ногою, порядокъ сепаративный смѣнилъ порядокъ централизаціи. Съ этихъ поръ, Германія вздохнула свободнѣе. Прусскій законъ о печати 1851 г., хотя изданный уже въ эпоху реакціи, обезпечилъ за прессой судебный порядокъ. Еще послѣдовательнѣе онъ проведенъ въ баварскомъ законѣ 1850 г. Законодательныя работы отдѣльныхъ государствъ послѣдняго времени поставили своей задачей рѣшительно отбросить постановленія, которыя еще оставались въ законахъ о печати подъ вліяніемъ отжившей эпохи и продолжали держать прессу въ зависимости отъ администраціи. Сюда принадлежатъ баденскій законъ 1868, гамбургскій 1869, ново-саксонскій (королевство) 1870, саксенъ-веймарскій 1868, любекскій 1869. Благодаря имъ, умственная работа въ Германіи получила возможность гораздо безпрепятственнѣе производить богатства и содѣйствовать общему благосостоянію своего отечества.

Кёниггрецъ и Седанъ снова соединили Германію, снова подали ей мысль объединить законодательство о печати. Но починъ на этотъ разъ взяла на себя сама германская пресса. Съѣзды германскихъ журналистовъ были поражены тою разношерстностью законодательствъ и практики, въ виду которой явленія, вызывавшія строгія преслѣдованія въ однихъ странахъ Германіи, въ другихъ оставались внѣ всякаго государственнаго вмѣшательства. Имѣя передъ глазами либеральныя постановленія сепаративныхъ законовъ о печати новаго времени, германскіе журналисты полагали, что, наконецъ, пришло время превратить ихъ изъ сепаративныхъ законовъ въ общіе и распространить на *всю* германскую печать гарантіи, которыя она уже успѣла получить во многихъ мѣстностяхъ. Подъ вліяніемъ этого убѣжденія, съѣзды германскихъ журналистовъ, тотчасъ по провозглашеніи дополнительныхъ версальскихъ статей, положившихъ подчинить прессу общегерманскому законодательству, принялись весьма серьёзно за подготовительныя къ нему работы. Уже въ 1871 году, на бреславскій съѣздъ были представлены два проекта общегерманскаго закона о печати,—одинъ, составленный лейпцигскимъ профессоромъ Бидерманомъ, другой, присланный обществомъ «Berliner Presse». Оба эти проекта воспользовались работами Глазера и Іона, еще въ 1866 году представленными съѣзду германскихъ юристовъ. Бреславскій съѣздъ журналистовъ, разсмотрѣвъ ихъ, принялъ проектъ Бидермана съ незначительными измѣненіями. Затѣмъ,

въ 1872 году, на мюнхенскомъ съѣздѣ журналистовъ положено было сдѣлать въ первопачальномъ проектѣ нѣкоторыя измѣненія по вопросу о предварительномъ арестѣ произведеній печати; и здѣсь образцомъ для германскихъ журналистовъ послужили указанія прошлогодняго съѣзда германскихъ юристовъ, который, для обсужденія названныхъ статей Глазера и Іона, поручилъ докладъ ихъ вѣнскому адвокату Жаку и имѣлъ случай условиться въ общихъ положеніяхъ относительно закона о печати. Когда эти подготовительныя работы были кончены, германскіе журналисты нашли своевременнымъ передать ихъ на дальнѣйшее обсужденіе имперскихъ законодательныхъ органовъ. Представителемъ ихъ взглядовъ въ имперской думѣ взялся быть депутатъ Виндгорстъ, представившій въ думу проектъ закона о печати, отличавшійся лишь въ немногихъ частныхъ постановленіяхъ отъ окончательной редакціи съѣзда журналистовъ; вмѣстѣ съ Виндгорстомъ, подъ проектомъ подписались еще 6 депутатовъ [1]). Имперская дума подвергла его пересмотру въ коммиссіи своихъ членовъ, работавшей подъ предсѣдательствомъ Фёлька, и уже приступила къ общему голосованію коммиссіонныхъ предложеній,—доложенныхъ д-мъ Бидерманомъ, когда имперскій канцлеръ кн. Бисмаркъ обратился къ ней съ предложеніемъ повременить обсужденіемъ проекта Виндгорста въ его первоначальной и коммиссіонной редакціяхъ, въ виду намѣренія правительства внести отъ себя проектъ по этому вопросу.

Вскорѣ за этимъ, послѣдній былъ представленъ союзному совѣту и немедленно сдѣлался извѣстнымъ германской публикѣ черезъ посредство періодическихъ изданій, перепечатавшихъ текстъ его болѣе, чѣмъ въ милліонѣ экземпляровъ. «Breslauer Zeitung» сообщила въ извлеченіи и мотивы его [2]). Пресса вскорѣ замѣ-

---

[1]) А именно: [Windthorst (Berlin)]. Herz, Dunker, Dr. Biedermann, Dr. Elben, Freiherr Schenck von Stauffenberg, Dr. Völk. Въ качествѣ поддерживающихъ проектъ подписались 73 депутата. Въ имперскую думу онъ представленъ 12-го марта 1873 г. Проектъ состоитъ изъ 10 параграфовъ.

[2]) Эти факты свидѣтельствуютъ, что проектъ Бисмарка вовсе не былъ „государственною тайной“. Между тѣмъ, когда, живя въ Лейпцигѣ, я обратился къ русскому посольству въ Берлинѣ съ просьбою оказать мнѣ содѣйствіе въ полученіи его и нѣкоторыхъ другихъ матеріаловъ по этому вопросу, такъ какъ на просьбу одного изъ моихъ друзей, жившаго въ Берлинѣ, было отвѣчено, что такое содѣйствіе необходимо,—то посольство потребовало отъ меня удостовѣреніе министерства народнаго просвѣщенія въ томъ, что я командированъ спеціально для изученія новыхъ работъ по германскому законодательству печати, и мотивировало свой образъ дѣйствій тѣмъ, что требуемые мною матеріалы составляютъ государственную тайну. Дѣлать нечего, пришлось самому ѣхать въ Берлинъ, гдѣ я и получилъ немедленно нужные матеріалы по одной моей визитной карточкѣ.

тила, что этотъ новый проектъ былъ произведеніемъ сепаративнымъ, исходя исключительно отъ прусскаго министерства, и даже кн. Бисмаркъ подписалъ его не въ качествѣ имперскаго канцлера, а въ качествѣ прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Стало извѣстно также, что далеко не всѣ члены союзнаго совѣта раздѣляютъ его тенденціи. Еще менѣе онъ могъ найти сочувствія въ средѣ имперской думы, весьма недовѣрчиво взглянувшей на произволъ, вводимый имъ въ систему государственнаго надзора за печатью. Отпоръ, встрѣченный имъ, былъ такъ силенъ, что даже кн. Бисмаркъ долженъ былъ публично заявить, что изъ него необходимо вычеркнуть § 20, составляющій его краеугольный камень. Тогда-то всѣхъ заинтересовалъ вопросъ: кто же авторъ этого любопытнаго проекта, отъ котораго отказываются еще до разсмотрѣнія его? Но тутъ-то и оказалась загадка; прусскимъ правительствомъ были приняты всѣ мѣры, чтобъ имя автора его осталось въ глубокой тайнѣ. Печать указала-было на Шеллинга, сына извѣстнаго философа, состоящаго теперь въ прусскомъ министерствѣ юстиціи. Но это оказалось ошибочнымъ, по крайней мѣрѣ отчасти: проектъ возникъ не въ министерствѣ юстиціи, а въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и самымъ ревностнымъ его защитникомъ былъ графъ Эйленбургъ, представитель этого министерства; составителемъ его, слѣдовательно, могъ быть только одинъ изъ его чиновниковъ. Какъ бы то ни было, прусскій министръ юстиціи Леонгардъ поддержалъ своего товарища по портфелю, и проектъ, разсматривавшійся въ министерствѣ юстиціи Шеллингомъ, встрѣтилъ его полное сочувствіе. Полагаютъ, что именно здѣсь § 20 получилъ ту редакцію, въ которой онъ былъ представленъ на разсмотрѣніе союзнаго совѣта.

Итакъ, передъ нами теперь два оффиціальные проекта общегерманскаго закона о печати: одинъ, разработывавшійся у всѣхъ передъ глазами, создававшійся съ постепенностью, свидѣтельствующею о серьезномъ отношеніи творцовъ его къ своему произведенію, выступаетъ на судъ общественнаго мнѣнія съ именами многихъ лицъ, гордящихся участіемъ въ выработкѣ его; другой, приготовленный канцелярскими средствами, прикрывающій канцелярскою тайною быстроту работы, стыдится даже назвать своего автора и, принятый подъ покровительство популярнѣйшимъ дѣятелемъ единой Германіи, значительно обязанной ему своимъ единствомъ, грозилъ сразу разрушить его популярность и поставить его въ положеніе, которое онъ занималъ въ глазахъ германскаго общества до 1866, если онъ не откажется отъ этого Findelkind, какъ его остроумно называлъ «National Zeitung» и другія газеты. Я

выбираю для предлагаемой статьи эти два проекта, столь различные по своему происхожденію и по пріему, встрѣченному ими со стороны Германіи, именно потому, что каждый изъ нихъ служитъ характеристическимъ представителемъ направленій, борющихся въ настоящее время за господство въ области законодательства и практики. Какова бы ни была ихъ судьба въ парламентѣ, но это ихъ значеніе всегда останется за ними. Направленія эти создались путемъ долгой, исторической работы, такъ что и проектъ Бисмарка, и проектъ Бидермана представляютъ для настоящаго времени лишь послѣднія звенья въ той цѣпи явленій, которыя характеризуютъ каждое изъ интересующихъ насъ направленій. Вотъ почему, не ограничиваясь содержаніемъ этихъ проектовъ, настоящая статья слѣдитъ развитіе защищаемыхъ ими началъ въ новѣйшей исторіи законодательныхъ работъ Германіи, съ тѣмъ чтобы дать такимъ образомъ объективный критерій для опредѣленія жизнеспособности каждаго изъ нихъ.

II.

Существо постановленій о печати опредѣляется общимъ взглядомъ законодателя на самую природу печати. На этой почвѣ въ Германіи настоящаго времени борятся два направленія. Одно, исходя изъ того факта, что типографскій станокъ можетъ служить не только на пользу, но и во вредъ государственнымъ элементамъ, имѣетъ въ виду по преимуществу этотъ возможный вредъ, объявляетъ *всю* печать возможнымъ его орудіемъ и потому относится ко всему типографскому искусству, какъ къ промыслу общеопасному. Къ печати, говоритъ это направленіе, нужно относиться точно также, какъ къ другимъ общеопаснымъ промысламъ, напр., какъ къ торговлѣ ядовитыми веществами. Администраціи должно дать такія же и даже еще болѣе сильныя мѣры для предупрежденія распространенія печатнаго яда, какъ и тѣ, которыя имѣются въ ея распоряженіи относительно мышьяка, синильной кислоты и т. п. Иначе цѣль правительства не будетъ достигнута и типографскій станокъ будетъ парализировать самыя прекрасныя мѣры, принимаемыя государствомъ для общаго блага. Такими именно соображеніями въ свое время оправдывалась цензура, когда, при распаденіи патримоніальнаго государства, гдѣ она была выраженіемъ извѣстнаго отношенія правительства къ народному знанію и народной мысли, ей понадобились болѣе широкія основы. Впослѣдствіи, эта же мысль выражалась

въ тѣхъ доводахъ, которые приводили въ защиту права администраціи разрѣшать и запрещать отправленіе промысловъ, связанныхъ съ типографскимъ искусствомъ;—права предварительнаго просмотра сочиненій по напечатаніи, но до опубликованія ихъ;—права ея арестовать и конфисковать произведенія печати, точка зрѣнія которыхъ расходилась съ ея взглядами;—права разрѣшать, пріостанавливать и запрещать періодическія изданія, запрещать государственной почтѣ разсылку ихъ, требовать отъ нихъ представленія залога и налагать на нихъ пошлины не по финансовымъ, а по административно-политическимъ соображеніямъ. Всѣ эти отдѣльныя мѣры составляютъ лишь частныя выраженія одного общаго понятія, обнимаемаго словомъ «цензура», такъ какъ всѣ онѣ исходятъ изъ предположенія общеопасности всей прессы и ложатся гнетомъ на всю печать, а не только на тѣ произведенія ея, которыя дѣйствительно оказались вредными для государства.

Защитники второго направленія утверждаютъ, напротивъ, что исходная точка ихъ противниковъ совершенно ошибочна, что потому мѣры, принимаемыя въ виду ея, не имѣютъ достаточныхъ бытовыхъ и юридическихъ основъ, не достигаютъ и не могутъ достигнуть своей цѣли, давая знать о себѣ только громадностью вреда, вызываемаго ими и для частныхъ, и для общественныхъ, и для государственныхъ интересовъ. «Вы—говорятъ они своимъ противникамъ — считаете все печатное слово ядомъ, противъ распространенія котораго нужно принимать энергическія предупредительныя мѣры. Но вы забываете, что слово есть не болѣе, какъ выраженіе мысли. Та же или другая мысль рождается у человѣка по своимъ прочнымъ законамъ, и если мысль, которая вамъ не нравится, находитъ себѣ широкое распространеніе, то это значитъ только, что въ бытовыхъ условіяхъ даннаго общества она нашла богатую почву, не замѣчаемую вами. Запрещеніемъ обнародовать мысль путемъ цензуры въ тѣсномъ и широкомъ смыслѣ вы не можете остановить ее, для этого необходимо измѣнить окружающую обстановку. Свободная печать, могущая высказывать взгляды и потребности всѣхъ членовъ общества, даетъ вамъ скорѣе возможность замѣтить условія, которыя дѣйствительно неблагопріятны для государства; замѣтивъ ихъ, вы можете бороться съ ними; порабощая же печать, вы бьете себя вашими собственными руками. Мысль, не имѣющая почвы, найдетъ себѣ самаго страшнаго противника въ самой печати, подъ условіемъ ея свободы; если послѣдняя имѣетъ привилегію открывать доступъ мыслямъ неблагонамѣреннымъ, то съ другой стороны, еще сильнѣе ея

привилегія разбивать мысли такого рода. Вспомните, что консервативная печать, сознательно пишущая на своемъ знамени охраненіе существующаго порядка, стала возможною только съ того момента, когда законодатель гарантировалъ свободу для всей печати. Такъ, въ Германіи консервативная печать появилась въ концѣ 1848 года, погибла въ эпоху реакціи, и снова заняла солидное мѣсто въ либеральные годы послѣдняго времени. Нигдѣ такъ не сильна консервативная печать, какъ въ странѣ, которая справедливо гордится своимъ титуломъ колыбели свободы печати; даже болѣе—вся англійская печать носитъ рѣзко очерченный консервативный характеръ. Въ странахъ же, гдѣ нѣтъ свободы печати, нѣтъ и консервативной печати». Уже отсюда видно, продолжаютъ защитники второго направленія,—до какой степени ошибочно исходить изъ взгляда объ общеопасности всей прессы; убійство можетъ быть совершено и столовымъ ножемъ, даже булавкой, но не считаете же вы общеопаснымъ производство столовыхъ ножей и булавокъ. Мы столько же, если еще не болѣе чѣмъ вы, не расположены давать потачку той прессѣ, которая служитъ орудіемъ преступленій; но мы возстаемъ противъ рекомендуемыхъ вами мѣръ потому, что онѣ въ высшей степени компрометтируютъ эту задачу своею несправедливостью. Какъ иначе назвать оковы, въ которыя заключаются тысячи человѣкъ только потому, что одинъ изъ нихъ можетъ совершить преступленіе? Мы возстаемъ противъ нихъ и благодаря ихъ неполитичности. Мѣры, ставящія административный произволъ на мѣсто права, страшны для государства уже потому, что онѣ подрываютъ въ обществѣ чувство права и ставятъ на его мѣсто любовь торжества силы и разгула страстей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ваши мѣры не достигаютъ своей цѣли: исторія уже доказала ихъ безполезность. Назовите намъ хоть одну мысль, которую была въ состояніи убить цензура, найдя ее расходящеюся съ интересами господствующихъ элементовъ своего времени. Монтескьё былъ запрещенъ, Руссо запрещенъ, Вольтеръ запрещенъ, Кантъ находился въ опалѣ, Шиллеръ долженъ былъ бѣжать отъ преслѣдованій,—и что же? Не стали ли теперь сочиненія, носящія на заглавномъ листѣ эти имена, нашими настольными книгами? Успѣло ли римское духовенство убить открытіе Галилея? Съ другой стороны, остановили ли хоть разъ ваши мѣры наклонность печати къ преступному образу дѣйствій? Не видимъ ли мы, напротивъ, что чѣмъ менѣе свободна печать, тѣмъ болѣе она склонна нарушать чужія права, не умѣя уважать ихъ за отсутствіемъ собственныхъ правъ? При свободномъ положеніи печати, не привыкаетъ ли

читатель искать смыслъ статьи между строкъ, и одно и то же слово не имѣетъ ли гораздо болѣе увлекающаго характера при печати несвободной, чѣмъ при печати, могущей говорить прямо и ясно? Ваши мѣры, такимъ образомъ, не достигаютъ своей цѣли и не могутъ достигнуть ее. За то вы можете, если хотите, гордиться вредомъ, который онѣ приносятъ въ избыткѣ. Предоставленіе администраціи рѣшающаго голоса по вопросамъ, связаннымъ съ типографскимъ искусствомъ, имѣетъ прежде всего своимъ послѣдствіемъ отрицаніе литературной собственности, какъ права; она ставится въ зависимость отъ доброй воли администраціи. Отсюда—книжное производство и торговля лишаются гарантій юридической прочности и не могутъ привлекать къ себѣ капиталы, которые вложились бы въ нихъ при иномъ порядкѣ вещей; отсюда—обогащеніе заграничнаго книжнаго производства, въ подрывъ мѣстной производительности. Эти результаты стѣснительныхъ мѣръ о печати могутъ быть доказаны цифрами. Но еще болѣе пагубны онѣ для правительства. Подчиненіе печати усмотрѣнію полиціи отнимаетъ у тѣхъ голосовъ ея, которые даже искренно высказываются въ смыслѣ правительственныхъ интересовъ, нравственную силу свободнаго убѣжденія; общество относится къ нимъ недовѣрчиво, такъ какъ оно помнитъ, что за спиной мнѣнія, высказаннаго гласно, можетъ стоять страхъ высказать противоположное мнѣніе. Обыкновенно защитники стѣснительныхъ законовъ о печати думаютъ, что они исключаютъ изъ прессы только тѣхъ писателей, которые настроены противъ существующаго порядка. Но это совершенно ошибочно; вслѣдствіе такихъ мѣръ, напротивъ, гораздо быстрѣе уменьшаются ряды тѣхъ писателей, которые сочувствуютъ правительству и охотно выступили бы въ защиту его, еслибы печать была свободна. «Есть много лицъ, весьма серьёзныхъ и любящихъ правительство—прекрасно замѣтилъ Мазербъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія,—которыя очень хорошо понимаютъ свѣтлыя стороны правительственной дѣятельности и не замедлили бы выступить въ защиту правительства противъ его противниковъ, еслибы ихъ не останавливало соображеніе, что ихъ защита, прикрываемая матеріальными мѣрами правительства, будетъ нарушеніемъ правила: лежачаго не бьютъ». Это въ высшей степени тонкое замѣчаніе Мазерба не замедлило подтвердиться впослѣдствіи: выше уже замѣчено, что независимая консервативная печать появлялась только съ предоставленіемъ свободы всей печати. Другое грустное послѣдствіе стѣсненій печати для правительства, указываемое защитниками разсматриваемаго направленія, состоитъ въ томъ, что

при подчиненіи печати администраціи читатель привыкаетъ смотрѣть на каждое сообщеніе ея, какъ на оффиціозное, и дѣлаетъ правительство отвѣтственнымъ за печать; особенно печаленъ этотъ порядокъ вещей во внѣшней политикѣ, гдѣ онъ уже не разъ приводилъ къ грустнымъ столкновеніямъ между кабинетами. Наконецъ, предоставленіемъ печати усмотрѣнію администраціи народъ отрѣзывается отъ правительства и между ними создается стѣна, все болѣе и болѣе затрудняющая путь реформы. Такимъ образомъ, говорятъ приверженцы юридической свободы своимъ противникамъ, ваши мѣры, будучи безсильны осуществить возлагаемыя на нихъ задачи, вредны для гражданъ, для общества и для правительства. Онѣ выгодны только для бюрократовъ, въ рукахъ которыхъ въ данную минуту находится власть, и только тѣ бюрократы настаиваютъ на нихъ и пользуются ими, которые во что бы то ни стало желаютъ удержать свою власть, несмотря на сознаваемые ими за собой недостатки. Настаивая на вашихъ мѣрахъ, вы только въ такомъ случаѣ остаетесь послѣдовательны, если вы отожествляете ваши интересы съ интересами тѣхъ бюрократовъ, которые склонны къ злоупотребленіямъ. Но въ такомъ случаѣ мы не имѣемъ ничего общаго съ вами, и наши обязанности гражданскія и общественныя, наша любовь къ отечеству и наше уваженіе правительства вынуждаютъ насъ сказать вамъ прямо и ясно: мы ничего не имѣемъ сказать въ вашу пользу. Вы считаете опасною всю печать; мы считаемъ въ ней опаснымъ только то, что́ дѣйствительно опасно, т.-е. что́ составляетъ преступленіе. Мы не желаемъ имѣть ничего общаго съ вашими мѣрами, кладущими оковы на всю печать, потому что наша задача—гарантировать за правительственною дѣятельностью уваженіе и сочувствіе общества установленіемъ юридическихъ гарантій литературной собственности и введеніемъ искренняго общенія между правительствомъ и народомъ. Вамъ принадлежитъ прошедшее; но не кладите руку на будущее.

Вотъ, что говорится въ двухъ противоположныхъ лагеряхъ въ Германіи, съ одной стороны, противъ свободы печати, съ другой—въ пользу ея.

III.

Этотъ споръ ведется не столько въ германской литературѣ сколько въ германскихъ законодательныхъ учрежденіяхъ. Покончивъ съ цензурою въ тѣсномъ смыслѣ, выставивъ общія начала для руководства будущимъ поколѣніямъ, литература предоставила обработку частностей практическимъ дѣятелямъ. Между указаніемъ и осуществленіемъ ихъ долженъ былъ лечь довольно продолжительный пластъ времени и бытовыхъ условій, такъ что проведеніе ихъ въ жизнь въ однихъ странахъ наступило раньше, въ другихъ позднѣе. Вотъ почему картина законодательствъ, дѣйствующихъ въ современной Германіи по интересующему насъ вопросу, очень пестра. Постановленія ихъ могутъ быть раздѣлены на три группы: 1) опредѣленія объ отношеніи полиціи какъ къ предпріятіямъ и промысламъ, вызваннымъ къ жизни типографскимъ искусствомъ, такъ и къ самимъ произведеніямъ печати; 2) измѣненія, дѣлаемыя ими для дѣлъ печати въ постановленіяхъ общаго матеріальнаго права, особенно же въ области уголовнаго права; и 3) постановленія, измѣняющія для дѣлъ печати общія начала судопроизводства. Хотя опредѣленія, обнимаемыя первой группой, болѣе другихъ интересуютъ печать и установляютъ ея свободу или зависимость, однако и опредѣленія двухъ остальныхъ группъ имѣютъ для нея чрезвычайно важное значеніе. Далеко не все равно, разсматриваются ли дѣла печати коммиссіями, вполнѣ зависящими отъ администраціи, или независимыми судами съ участіемъ общественныхъ элементовъ; еще менѣе безразлично для нея, прикладывается ли къ дѣйствіямъ, совершеннымъ путемъ печати, мѣрка общаго права, или же даваемыя для нея матеріальныя опредѣленія суть не болѣе, какъ переписка административныхъ предостереженій съ прибавкою лишь карательной санкціи.

Обращаясь къ дѣйствующимъ законамъ Германіи, мы видимъ, что по вопросу объ отношеніи полиціи къ праву отправленія промысловъ, связанныхъ съ типографскимъ искусствомъ (заведеніе типографій и литографій, книжной торговли, читальныхъ, библіотекъ, продажа газетъ, брошюръ, картинъ и т. под.) въ тѣхъ государствахъ, которыя продолжаютъ держаться союзнаго постановленія 1854 года [1]) и въ нѣкоторыхъ изъ государствъ, сохра-

---

[1]) Сюда относятся: Гессенъ (законъ 1 авг. 1862), Ольденбургъ (—4 февраля 1856). Брауншвейгъ (9 февр. 1855), Шварцбургъ-Рудольфштадтъ (30 марта 1858), Вальдекъ (31 дек. 1855), Шаумбургъ-Липпе (30 іюня 1858), и Липпе (1 іюля 1855).

нившихъ свои болѣе ранніе законы о печати, несмотря на названное союзное постановленіе [1]), до сихъ поръ требуется разрѣшеніе (концессія) административнаго начальства, даваемое по ея усмотрѣнію, если она найдетъ это удобнымъ, zuverlässig. Къ этой же группѣ относится прусскій законъ 1851, который хотя и предписываетъ давать требуемое имъ административное разрѣшеніе всѣмъ «незапятнаннымъ лицамъ» (unbescholtene Personen), но открываетъ полный просторъ административному усмотрѣнію, неопредѣлимостью вводимаго имъ понятія «незапятнанности» [2]). Другая система довольствуется, по примѣру англійскаго законодательства, оповѣщеніемъ надлежащаго мѣстнаго начальства о желаніи заниматься однимъ изъ такихъ промысловъ, не требуя разрѣшенія его и указывая въ самомъ законѣ личныя условія, при которыхъ запрещается отправленіе этихъ промысловъ. Виднѣйшими представителями ея служатъ баденскій законъ 2 апрѣля 1868 и саксонскій (корол.) 24 марта 1870; къ отправленію промысловъ, связанныхъ съ типографскимъ искусствомъ, они примѣняютъ общія начала имперскаго промышленнаго устава 1869, выставляя принципъ свободнаго отправленія ихъ всѣмъ желающимъ, если только они не лишены судомъ гражданскихъ правъ и объявили надлежащему начальству о своемъ желаніи; иностранцы уравнены съ туземцами; только для розничной продажи книгъ и газетъ въ нихъ остались нѣкоторыя ограниченія [3]). Средину между обѣими системами занимаютъ постановленія баварскаго закона 1850, который для отправленія типографскаго промысла довольствуется объявленіемъ надлежащему начальству, а для книжной торговли требуется «разрѣшеніе или дозволеніе» его (ст. 37, 38) [4]).

Гораздо меньше слѣдовъ порядка административнаго усмотрѣнія осталось въ сепаративныхъ законахъ Германіи о печати по вопросу о запрещеніи отправлять промыслы, связанные съ типографскимъ искусствомъ. До послѣдняго времени нѣкоторыя германскія законодательства, каковы баварское § 51, прусское и др., дозволяли администраціи по своему усмотрѣнію запрещать отправленіе этихъ промысловъ лицамъ, противъ которыхъ состоялись

---

[1]) Законы Саксенъ-Готы и баварскій 1850, art. 38.

[2]) *Thilo*, Commentar d. preussischen Gesetz über die Presse von 12 Mai 1851, а также комментаріи Шварка и Рэнне.

[3]) *Behagel*, das neue grossherzoglich Badische Pressgesetz. стр. 9 — 12. *Barth*, das königlich sächsische Pressgesetz vom 24 Marz 1870, стр. 24—29.

[4]) *Wiebelking*, die bayerische Pressgesetzgebung historisch und praktisch erörtert und erläutert. Bamberg 1866.

обвинительные судебные приговоры, ограничивавшіе ихъ гражданскія права или признававшіе ихъ виновными въ совершеніи преступленія или проступка, предусмотрѣннаго законами о печати. Но уже имперскій Промысловый Уставъ 1869 года въ видѣ общаго правила отмѣнилъ это право администраціи, которое сепаратныя законодателъства еще раньше начали отнимать у нея въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Германіи [1]).

Новѣйшія работы, происходившія въ средѣ германскихъ журналистовъ, примкнули къ постановленіямъ имперскаго промысловаго устава, лишая администрацію какъ права выдавать концессіи на отправленіе промысловъ и предпріятій, связанныхъ съ типографскимъ искусствомъ, такъ и права запрещать отправленіе ихъ. Уже проектъ Бидермана содержалъ эти опредѣленія въ §§ 1 и 2; бреславскій съѣздъ журналистовъ вполнѣ согласился съ ними. Ихъ переписываетъ и проектъ Виндгорста въ его первоначальной и коммиссіонной редакціяхъ. Только лица, желающія заниматься книжнымъ и газетнымъ торгомъ въ разносъ на улицахъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ, обязаны запастись разрѣшеніемъ мѣстной административной власти; но это разрѣшеніе дается для цѣлаго предпріятія, такъ что лица, получившія его, отъ себя, безъ особаго полицейскаго разрѣшенія, могутъ уполномочивать вести для нихъ этотъ промыселъ и другихъ лицъ, кромѣ несовершеннолѣтнихъ, моложе 16-ти-лѣтняго возраста. Послѣднее ограниченіе, встрѣтившее въ новѣйшее время много противниковъ, сдѣлано какъ изъ соображеній общественной нравственности, такъ и въ виду существующихъ въ Германіи школьныхъ обязательствъ.

Проектъ Бисмарка не содержитъ никакого постановленія по разсматриваемымъ пунктамъ, открывая такимъ образомъ всякой вспышкѣ реакціи возможность объявить общія начала имперскаго промысловаго устава непримѣнимыми для промысловъ, связанныхъ съ типографскимъ искусствомъ. Примѣры подобнаго рода уже не разъ встрѣчались въ прусской административной практикѣ [2]), и именно въ виду ихъ Германія съ бóльшимъ сочувствіемъ отнеслась къ проектамъ, внесеннымъ въ имперскую думу и отнимающимъ всякую возможность произвольнаго толкованія, чѣмъ къ проекту Бисмарка, оставляющему для него широкую дверь.

Обязанность представленія администраціи оттисковъ печатаемаго произведенія немедленно по отпечатаніи ихъ была резуль-

---

[1]) Таковы законы прусскій, баденскій, виртембергскій и мн. др.

[2]) См. *Thilo*, Commentar, стр. 8—9 введенія.

татомъ тѣхъ началъ, на которыхъ построена такъ-называемая карательная цензура, или, вѣрнѣе, предварительная цензура между отпечатаніемъ сочиненія и выходомъ его въ свѣтъ. Сначала промежутокъ времени между этими моментами былъ довольно продолжительный и позволялъ администраціи примѣнять въ самыхъ широкихъ размѣрахъ quasi-отмѣненную цензуру; но мало-по-малу онъ сокращался, такъ что даже тѣ изъ существующихъ въ современной Германіи законодательствъ, которые удерживаютъ эту обязанность, дозволяютъ распространеніе сочиненія немедленно по представленіи полиціи требуемаго оттиска; съ другой стороны, отъ этой обязанности освобождались сперва крупныя сочиненія, затѣмъ болѣе мелкія, такъ что она удержалась лишь для періодическихъ изданій политическаго содержанія и для самыхъ мелкихъ брошюръ. Изъ германскихъ законовъ новаго времени, баденское удерживаетъ ее для періодическихъ изданій и для сочиненій менѣе 5 печатныхъ листовъ (§ 6); саксонское (§ 10) ограничиваетъ ее періодическими произведеніями, за исключеніемъ изданій ученыхъ, теоретическихъ и артистическихъ; гамбургское, бременское и любекское вовсе не знаютъ ее относительно полиціи. Проектъ Виндгорста-Бидермана примыкаетъ къ послѣднимъ. Проектъ Бисмарка, напротивъ, удерживаетъ эту обязанность для періодическихъ произведеній. Обрисовка имъ способа выполненія ея напоминаетъ англійское законодательство, которое [6 und 7 Wm. IV cap. 76, т.-е. законъ 13 августа 1836] [1]), какъ извѣстно, требуетъ на представляемыхъ экземплярахъ собственноручную подпись типографа, или издателя, или уполномоченныхъ ими лицъ. Это постановленіе въ 1851 году переписано прусскимъ закономъ о печати и перешло отсюда въ проектъ Бисмарка. Но, при всей тождественности его съ англійскимъ опредѣленіемъ, тѣмъ не менѣе онъ весьма рѣзко отличается отъ него и по исторіи своего возникновенія, и по своимъ задачамъ, и по своему характеру. Въ Англіи, оно состоялось исключительно для устраненія неудобствъ черезчуръ формальныхъ процессуальныхъ началъ обычнаго права о «ляйбелѣ» [2]), согласно которымъ libel считался очевидно доказаннымъ только при представленіи суду собственноручнаго подлинника; всѣ же другія средства доказательствъ практика находила въ дѣлахъ этого рода сомнительными и не

---

[1]) An Act to reduce the Duties of Newspapers, and to amend the Laws relating to the Duties of Newspapers and Advertissements, art. 13

[2]) См. *Стифенсъ*, Уголовное право Англіи въ краткомъ очертаніи. Переводъ Спасовича.

довѣряла имъ. Поэтому-то и задачи разсматриваемой мѣры по англійскому законодательству состоятъ исключительно въ томъ, чтобы пріобрѣсти достаточное для суда доказательство участія опредѣленныхъ лицъ въ напечатаніи и распространеніи того или другого нумера періодическаго изданія, отнюдь не имѣя значенія мѣры, служащей администраціи для отправленія ею правъ цензуры. Въ самомъ дѣлѣ, характеръ ея рѣзко отличается отъ quasi-аналогичныхъ ей мѣръ проекта Бисмарка: 1) потому, что требуемый англійскимъ закономъ экземпляръ съ собственноручными подписями представляется не органамъ полиціи, а финансовымъ органамъ государства, чиновникамъ of the stampe office, единственная обязанность которыхъ относительно представленнаго экземпляра—безъ всякаго разсмотрѣнія положить его въ бережное хранилище, на случай судебнаго разбирательства; 2) англійское законодательство требуетъ представленіе такого экземпляра не до опубликованія, а послѣ опубликованія даннаго № газеты, опредѣляя между моментомъ опубликованія и представленіемъ экземпляра съ собственноручными подписями срокъ времени, доходящій иногда до 3 дней.

Въ прежнее время, полиція располагала весьма сильною властью относительно печати и связанныхъ съ нею промысловъ, прикрываясь знаменемъ судебной дѣятельности. Органамъ ея общіе уставы уголовнаго судопроизводства предоставляли власть суда наравнѣ съ судебными органами въ строгомъ смыслѣ, примѣры чего мы встрѣчаемъ даже въ законодательныхъ работахъ Германіи новѣйшаго времени; таковъ напр. § 9-й баденскаго закона 1868 г., постановленіе котораго о судебной власти полиціи отмѣнено лишь въ 1871 г.; подобныя же постановленія содержатъ въ себѣ законы прусскій, баварскій и даже новосаксонскій. Устранить это капитальное зло, составляющее одно изъ наслѣдій прежняго порядка, могутъ только общіе процессуальные уставы; проектъ имперскаго устава уголовнаго судопроизводства, разработанный въ этомъ году прусскимъ министерствомъ юстиціи, удерживаетъ существующія начала почти безъ всякаго измѣненія: онъ еще признаетъ судебную власть за полицейскими органами, хотя и ограничиваетъ размѣры ея. Подробнѣе о процессуальныхъ началахъ, нашедшихъ себѣ мѣсто въ германскихъ законахъ о печати, мы будемъ имѣть случай сказать ниже.

Какъ ни обширны тѣ полномочія, которыя приписывала себѣ администрація прежняго времени относительно произведеній печати, не имѣющихъ характера повременности, ея притязанія на періодическую печать отличались еще большею рѣшительностью.

Самая природа послѣдней, въ виду которой она составляетъ организованное предпріятіе, разсчитанное на значительный періодъ времени и потому нуждающееся въ особыхъ представителяхъ для завѣдыванія его дѣлами, открывала полиціи возможность взять ее подъ свой болѣе бдительный присмотръ и предлагало ей готовыя точки прицѣла для направленія административныхъ мѣръ. Исходя изъ предположенія объ опасности всей печати и, по преимуществу, печати періодической, полиція не поскупилась на нихъ, что легко замѣтить даже въ современныхъ германскихъ законахъ, до сихъ поръ лелѣющихъ остатки (survivals) прежняго направленія, хотя они уже окончательно утратили свой жизненный смыслъ и не въ состояніи болѣе достигать возлагавшихся на нихъ ожиданій. Историческій процессъ, пройденный германскими законодательствами по интересующему насъ вопросу, слѣдующій. Въ эпоху предварительной цензуры и въ первое время по отмѣнѣ ея, изданіе періодическаго произведенія какъ цѣльное предпріятіе разсматривалось съ полицейской точки зрѣнія—возможной опасности; ни одно предпріятіе этого рода не могло начаться безъ дозволенія администраціи, въ ея же рукахъ была и смерть его. Затѣмъ, мало-по-малу, въ этихъ предпріятіяхъ начали различать двѣ стороны: экономическую и полицейскую; первая болѣе и болѣе ставилась подъ юридическія гарантіи, вторая продолжала оставаться подъ господствомъ административнаго усмотрѣнія; первая влагалась въ предпріятіе капиталомъ денежнымъ, вторая—капиталомъ умственнымъ; представителемъ первой были типографъ и издатель; для второй администраціи также понадобилось представительство, но, за неимѣніемъ естественнаго, здѣсь создано искусственное въ лицѣ такъ-называемаго отвѣтственнаго редакторства. И вотъ, оба эти момента нашли выраженіе въ послѣдующемъ порядкѣ, созданномъ для періодической печати. Изданіе періодическихъ произведеній объявлено свободнымъ отъ администраціи, и начало концессій отмѣнено; какъ одно изъ коммерческихъ предпріятій, оно постепенно ставилось подъ общія опредѣленія промысловыхъ законовъ. Но умственное представительство изданія продолжало находиться въ зависимости отъ административнаго усмотрѣнія: каждое лицо, физическое или юридическое, желавшее издавать періодическое изданіе, обязано было найти лицо, которому оно хотѣло поручить редижированіе изданія, указать его администраціи и получить для него отъ послѣдней разрѣшеніе на редакторство. Свобода предпріятія съ концессіонированнымъ администраціею редакторомъ — такова новая форма, въ которую вступилъ этотъ вопросъ и которая нашла себѣ временную поддержку

даже въ литературѣ [1]). Но такъ какъ администрація на самомъ дѣлѣ не желала, да и по существу вещей было невозможно въ предпріятіяхъ этого рода вполнѣ оторвать умственную сторону отъ экономической, то зависимость первой отъ непосредственнаго усмотрѣнія администраціи отнимала и у послѣдней тѣ гарантіи судебной обезпеченности, которыя ему такъ громко обѣщалъ этотъ порядокъ. Система залоговъ напросилась сама собою. Вотъ почему дальнѣйшія стремленія сторонниковъ юридическаго порядка печати были направлены къ уничтоженію зависимости редактора отъ административнаго усмотрѣнія; взамѣнъ его, законодательства выста-

---

[1]) Я имѣю въ виду сочиненіе Th. *Lau*, Das moderne Schriftstellerthum, вышедшее отдѣльнымъ оттискомъ изъ австрійскаго Ллойда въ 1862 году. Ходъ его мысли слѣдующій. Злоупотребленія періодической печати велики, но могутъ быть устранены только ея собственными силами, т.-е. сотрудниками, пишущими честно, ясно и основательно. Однако, подобныя силы въ періодической печати очень рѣдки. Для участія въ ней не требуется долгихъ предварительныхъ занятій, и несмотря на это, журналистъ можетъ быстрѣе пріобрѣсти себѣ имя, чѣмъ ученый; не удивительно поэтому, что контингентъ дѣятелей современной періодической печати представляетъ очень много посредственностей. Отсюда уже оказывается, какъ важно вести за нимъ тщательный надзоръ, до какой степени необходимо контролировать силы, попадающія въ журналистику. Теперь отдѣльные писатели лишь въ весьма незначительной степени подчинены редактору, относительно же товарищей вполнѣ независимы. Институтъ отвѣтственнаго редакторства, въ свою очередь, поставленъ на такую искусственную почву, что онъ то-и-дѣло превращается въ пуфъ: «соломенные редакторы» — будничное явленіе нашего времени. Происходитъ же это оттого, что государство, уполномочивая лицо быть отвѣтственнымъ редакторомъ изданія, не требуетъ отъ него никакихъ удостовѣреній его *способности* быть редакторомъ; давая разрѣшенія всѣмъ и каждому, оно создаетъ въ области періодической печати явленіе чрезвычайно грустное— зависимость редактора отъ спекулятивныхъ интересовъ издателя и служеніе періодической прессы не интересамъ истины, а эгоистическимъ интересамъ партіи или даже отдѣльнаго лица. Помочь этой бѣдѣ можно только, установивъ опредѣленный умственный и нравственный *цензъ* для отвѣтственнаго редакторства. Тогда оно будетъ въ состояніи наблюдать за силами, принимающими участіе въ періодической прессѣ, и поставить себя въ самостоятельное отношеніе къ издательскому элементу.— Такимъ образомъ, и у Лау проходитъ идея о необходимости строгаго отдѣленія экономической и умственной стороны въ періодическихъ предпріятіяхъ. Опроверженіе его теоріи не представляетъ затрудненій. Обѣ эти стороны тѣсно связаны между собою, такъ что мѣры, направляемыя противъ одной, затрогиваютъ и другую. Сдѣлать государство опредѣлителемъ умственнаго ценза гражданъ совершенно не согласно съ идеей правового государства; какія бы внѣшнія мѣрки ни были тутъ указаны, рано или поздно онѣ окажутся непригодными и не обнимающими богатаго разнообразія жизненныхъ явленій. Цензъ нравственный еще меньше можетъ быть обозначенъ государствомъ.—Единственнымъ компетентнымъ органомъ для признанія или непризнанія его можно назвать общественное мнѣніе страны, да и то не безусловно; изысканія Милля въ его монографіи «On liberty» какъ нельзя яснѣе доказали эту истину.

вили прочныя, разъ навсегда опредѣленныя условія, признанныя ими необходимыми для лицъ, желающихъ взять на себя редакторство періодическаго изданія. Но и это, какъ вскорѣ оказалось, не было еще заключительнымъ словомъ административнаго порядка печати; напротивъ, законныя условія редакторства оказались не болѣе, какъ его остатками. Судъ отыскиваетъ виновника по обстоятельствамъ дѣла, и только администрація стремится ввести въ жизнь свои канцелярскія начала іерархической подчиненности и отвѣтственности, условленной напередъ, устраняющей вопросъ о дѣйствительной винѣ. Какъ только сознано несогласіе этой мысли съ началами судебной дѣятельности, ломка учрежденія, вызваннаго къ жизни административнымъ порядкомъ, началась сама собой.

Картина дѣйствующихъ въ Германіи законовъ о печати, какъ и слѣдовало ожидать по разновременности ихъ появленія, представляетъ смѣсь этихъ историческихъ формъ. Изданіе газетъ, журналовъ и другихъ произведеній мысли, разсматриваемое какъ предпріятіе экономическое, уже объявлено свободнымъ отъ администраціи; сепаративныя постановленія, кое-гдѣ требовавшія еще административную концессію, отмѣнены имперскимъ промысловымъ уставомъ 1869 года, къ которому примкнули всѣ новѣйшіе законы о печати [1]). Въ Баваріи, Саксоніи (корол.) Тюрингенѣ и Любекѣ, по примѣру Сѣверо-Американскаго Союза [2]), Бельгіи и Голландіи, уничтожена также система залоговъ, но въ другихъ германскихъ законахъ она еще продолжаетъ существовать; такъ, напр., прусскій законъ 1851 требуетъ залогъ отъ 1000 до 5000 тал. По вопросу о правѣ администраціи запрещать періодическія изданія, германскіе законы дѣлаютъ различіе между изданіями отечественными и заграничными. Первыя, даже по дѣйствующему прусскому закону 1851, не говоря уже о баденскомъ, баварскомъ и саксонскомъ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть пріостановлены или запрещены по усмотрѣнію ад-

---

1) Согласно § 15 промысловаго устава, объ открытіи промысла требуется лишь сообщеніе (Anzeige) администраціи, исключая особыхъ случаевъ, когда законъ требуетъ разрѣшеніе ея. § 143 прямо отмѣняетъ сепаративныя постановленія, дозволявшія административное запрещеніе періодическихъ изданій, и удерживаетъ запрещеніе только въ видѣ наказанія, при совершеніи прессою преступныхъ дѣйствій.

2) Въ Англіи, залоги въ чрезвычайно оригинальной обрисовкѣ, напоминающей тамошній институтъ представленія поручителей въ добропорядочномъ поведеніи (Sureties for good behaviour), введены закономъ 30 декабря 1819 (60 Geor. III and Geor. IV c. 9). Эти залоги, небольшіе по размѣрамъ, представляются отдѣльно издателемъ и поручителями.

министраціи; промысловый уставъ 1869 возводитъ это начало въ общее правило для всѣхъ германскихъ земель. Что же касается вторыхъ, то здѣсь между германскими законами существуетъ разногласіе. Баварское законодательство и къ нимъ примѣняетъ начало судебнаго разбирательства, дозволяя суду (а не администраціи) пріостановленіе ихъ, пока ихъ представители не исполнятъ наказанія, назначеннаго баварскими трибуналами. Прусское, баденское и новосаксонское даютъ министерству внутреннихъ дѣлъ право запретить иностранное періодическое изданіе, первое — безсрочно, вторыя—на срокъ не болѣе двухъ лѣтъ; но условія этого запрещенія по названнымъ законамъ различны. Прусскій и баденскій законы требуютъ предварительное судебное осужденіе, причемъ баденскій прибавляетъ условіе, чтобъ лица, завѣдывающія изданіемъ, уклонились отъ исполненія судебнаго приговора; саксонскій же ставитъ запрещеніе въ исключительную зависимость отъ усмотрѣнія министерства.

Проекты имперскаго закона о печати сходятся между собою, какъ относительно отмѣны административныхъ концессій и системы залоговъ, такъ и по вопросу объ отмѣнѣ права администраціи пріостанавливать или запрещать отечественныя періодическія изданія. Но относительно иностранныхъ, ихъ постановленія не одинаковы. Проектъ Виндгорста-Бидермана совершенно молчитъ по этому вопросу, предполагая, что къ иностраннымъ изданіямъ необходимо примѣнять начала, существующія для отечественныхъ. Проектъ же Бисмарка примыкаетъ къ редакціи прусскаго закона, перенося лишь власть запрещенія съ министра внутреннихъ дѣлъ на имперскаго канцлера и ограничивая ее двухъ-годичнымъ срокомъ, такъ что, слѣд., баварскій законъ, изданный 23 года тому, гораздо ближе къ судебному порядку печати, чѣмъ проектъ, утвержденіе котораго въ настоящую минуту требуется прусскимъ правительствомъ.

Система концессіи редакторовъ по административному усмотрѣнію уже окончательно расшатана германскими законами. Въ замѣнъ ея послѣдніе опредѣляютъ напередъ легальныя условія, необходимыя для занятія редакторскаго мѣста, и занятіе его, при отсутствіи этихъ условій, считаютъ наказуемымъ дѣйствіемъ. Такъ прусскій законъ 1851 требуетъ отъ редактора: 1) полную, неограниченную дѣеспособность; поэтому практика нашла, что замужнія женщины не могутъ быть отвѣтственными редакторами; 2) полное обладаніе гражданскими правами; но такъ какъ и иностранцы не исключены изъ права быть редакторами, то въ названное понятіе не входитъ eo ipso требованіе, чтобъ редак-

торъ обладалъ всѣми политическими правами; 3) личное пребываніе въ предѣлахъ прусской юрисдикціи, и 4) объявленіе администраціи. Если же редакторомъ желаетъ быть лицо, состоящее въ государственной — военной или гражданской — службѣ, то оно обязано запастись разрѣшеніемъ своего непосредственнаго начальства. Отсутствіе требуемыхъ закономъ условій не даетъ полиціи права на какое-бы то ни было вмѣшательство, но лицо, взявши на себя обязанность отвѣтственнаго редактора безъ наличности требуемыхъ закономъ условій, подвергается за это наказанію и только судъ можетъ объявить его неспособнымъ занимать редакторское мѣсто. Аналогичны этимъ постановленія саксенъ-веймарскаго закона 1868. Въ другихъ новогерманскихъ законахъ для редактора признаются достаточными общія условія, требуемыя для занятія какимъ-либо промысломъ и опредѣляемыя имперскимъ промысловымъ уставомъ 1869. — Уже отсюда видно, до какой степени далекъ институтъ отвѣтственнаго редакторства въ его современной обрисовкѣ отъ тѣхъ задачъ, которыя вызвали его къ жизни. Законодатели прежняго времени нуждались въ отвѣственномъ редакторѣ главнымъ образомъ для того, чтобы напередъ указать администраціи лицо, съ котораго можно бы было взыскивать за упущенія, могущія открыться въ области завѣдываемаго имъ предпріятія, и которое взяло бы на себя обязанность исполнять ея требованія относительно періодическаго изданія—принимать административныя сообщенія, подвергаться административнымъ карамъ за дурное поведеніе газеты и т. п.. Эта мысль очень ясно высказана въ art. 5 саксенъ-веймарскаго закона. Вотъ почему редакторомъ могло быть только лицо, заручившееся расположеніемъ, или, по крайней мѣрѣ, довѣріемъ администраціи; потому же отвѣтственнымъ редакторомъ могло быть только одно лицо, а не нѣсколько. Въ виду того же мотива, администрація должна была потребовать отвѣтственнаго редактора отъ всѣхъ періодическихъ изданій, какъ обязанныхъ залогомъ, такъ и освобожденныхъ отъ него. И дѣйствительно, всѣ эти требованія выставлялись прежними законами. Теперь, какъ замѣчено, редакторомъ можетъ быть всякое лицо, отвѣчающее общимъ законнымъ условіямъ, каковы бы ни были его особыя отношенія къ администраціи. Единичность отвѣтственнаго редактора также подкопана новѣйшими законами Германіи. Ново-саксонскій законъ, напр., дозволяетъ каждому періодическому изданію имѣть столько отвѣтственныхъ редакторовъ, сколько оно найдетъ нужнымъ; проектъ Виндгорста-Бидермана не требуетъ, чтобъ отвѣтственное редакторство было представ-

ляемо однимъ лицомъ. Проектъ Бисмарка категорически дозволяетъ имѣть двухъ отвѣтственныхъ редакторовъ, — одного для текста изданія, другого для объявленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ многія изданія вовсе освобождены отъ обязанности выставлять отвѣтственнаго редактора; сюда, напр., по прусскому закону 1851 относятся всѣ изданія ученыя, артистическія и техническія, несмотря на то, что и путемъ ихъ могутъ быть совершены закононарушенія; аналогичныя постановленія содержатся въ законахъ баварскомъ, ново-саксонскомъ и др. — И однако, признавая эти выводы изъ начала, категорически отрицающаго разумность отвѣтственнаго редакторства въ смыслѣ юридическаго института, ни сепаративные законы Германіи, ни даже представленные теперь проекты имперскаго закона о печати, не рѣшаются объявить это начало во всей его полнотѣ и сказать послѣднее «прости» институту отвѣтственнаго редакторства. Единственное исключеніе, открывающее новый путь, составляетъ баденскій законъ 1868, который обращаетъ свои постановленія лишь къ типографу и издателю; но и здѣсь начало это выдержано не вполнѣ, такъ какъ обрисовка вопроса объ отвѣтственности (см. ниже) значительно подрываетъ его. Про всѣ же другіе законы съ полнымъ правомъ можно сказать, что они принимаютъ выводы безъ исходнаго пункта. Это явленіе нерѣдко въ исторіи человѣческой культуры. Вѣтви дерева ростутъ изъ его ствола. Ростъ человѣческой мысли идетъ другимъ путемъ: нерѣдко, стволъ еще очень тонокъ, но изъ него уже пробиваются сильныя вѣтви, сообщающія затѣмъ упругость и силу самому стволу. Частное развивается прежде общаго, понятіе сперва выражается въ наиболѣе конкретныхъ формахъ, и только мало-по-малу вступаетъ на путь отвлеченія. То же и здѣсь. Въ дальнѣйшемъ изложеніи я буду имѣть случай указать, что непослѣдовательность германскихъ законовъ и проектовъ по интересующему насъ вопросу имѣетъ свой корень въ особой обрисовкѣ ими отвѣтственности за нарушенія, совершенныя путемъ періодической печати.

Когда, подъ напоромъ революціоннаго движенія, германскіе законодатели оказались вынужденными провозгласить начало независимости періодическихъ изданій отъ администраціи, они съ нетерпѣніемъ оглядывались по сторонамъ, не найдется ли возможности какъ-нибудь незамѣтно ослабить или даже вовсе парализовать это начало. Однимъ изъ наиболѣе удобныхъ для этого путей оказалась зависимость періодическихъ изданій отъ почты, въ видѣ общаго правила уже и тогда объявленной государственною регаліей. Обязанность издателей газетъ, журналовъ и

иныхъ періодическихъ произведеній — обращаться къ почтѣ для разсылки своихъ нумеровъ, зародилась не въ Германіи: ее знаетъ даже Англія, и еще болѣе она извѣстна изъ исторіи французской печати. Но обрисовка ея и характеръ послѣдствій, вытекающихъ изъ нея для періодическихъ изданій, далеко не одинаковы въ этихъ странахъ. Англійское законодательство предоставляетъ изданіямъ этого рода право удешевленной разсылки по почтѣ въ вознагражденіе за пошлины, платимыя ими въ казну, и въ виду сознанія государствомъ пользы возможно болѣе быстраго и дешеваго распространенія ихъ. Обязанность имѣетъ тутъ характеръ привилегіи; и такъ какъ почта разсылаетъ газеты по чрезвычайно дешевой цѣнѣ, то государственная казна отнюдь не заинтересована, чтобы онѣ отправлялись непремѣнно по почтѣ. Поэтому отъ этой привилегіи можно отказаться, примѣры чего весьма не-рѣдки въ послѣднее время. Дѣло въ томъ, что почтовый поѣздъ, съ удешевленными цѣнами за пересылку (такъ-называемаго parlamentary prices), уходитъ изъ Лондона довольно поздно — около 9-ти часовъ утра, — и потому представители многихъ утреннихъ ежедневныхъ газетъ, каковы: «The Times», «Daily News», «Daily Telegraph» и др., предпочли платить за пересылку дороже, лишь бы товаръ доставлялся на мѣсто раньше. Кромѣ того, путемъ вѣковой практики третированіе почты, какъ орудія для примѣненія административныхъ стѣсненій, въ этой счастливой странѣ сдѣлано окончательно невозможнымъ. Франція, напротивъ, вполнѣ подчинила государственную почту распоряженіямъ административнаго усмотрѣнія; тутъ вѣковая практика, установившаяся еще въ эпоху Ришельё и Лудовика XIV-го, всегда указывала администраціи на почту, какъ на средство ежеминутно держать прессу въ зависимости отъ себя. Почтовая обязанность, утративъ принадлежащій ей по существу финансовый характеръ, получила ложныя полицейскія краски: она стала для періодическихъ изданій обязанностью государственною, отъ которой отказаться нельзя. Путемъ ея, администрація всегда съ успѣхомъ добивалась своихъ притязаній относительно прессы; она же давала легкую возможность обложенія періодическихъ изданій налогами не въ примѣръ другимъ предпріятіямъ. Факты, опубликованные въ послѣднее время съѣздами германскихъ журналистовъ [1]), доказываютъ, что этотъ

[1]) См. брошюру: Der 7-te Deutsche Journalistentag. Denkschrift ueber die Aufhebung der gesetzlichen Bestimmungen, die vorläufige Beschlagnahme der Presserzeugnissen bettreffend. München, 1873.

порядокъ примѣняется на нашихъ глазахъ и въ Германіи, притомъ не только въ сѣверной, но и въ южной: Пруссія и Баварія наиболѣе богаты примѣрами этого рода. Администрація, даже по введеніи судебнаго порядка печати, не могла отказаться смотрѣть на государственную почту, какъ на служебный ей институтъ, и дѣлала ей распоряженія о пріостановленіи разсылки своею исключительно властью. Нельзя не замѣтить, что для подтвержденія основательности этихъ распоряженій администрація не имѣла за себя никакого легальнаго постановленія; напротивъ, законъ прямо отнималъ у нея право пріостанавливать или запрещать періодическія изданія. Она просто воспользовалась отсутствіемъ особаго запрещенія ей предписывать почтѣ задерживать разсылку, которое законодатель считалъ совершенно излишнимъ оговаривать особо, полагая его яснымъ въ виду общаго запрещенія, указаннаго выше. Предписывая же почтѣ задерживать разсылку экземпляровъ, администрація претендовала, что мѣра ея относится не къ изданію, а къ почтѣ, составляя простое частное распоряженіе одного административнаго учрежденія другому. Такова именно исторія этого вопроса въ Пруссіи, представляющая много любопытныхъ сторонъ. По изданіи закона 1851, отнявшаго, какъ извѣстно [1]), у администраціи право пріостанавливать или запрещать періодическія изданія и написавшаго на своемъ знамени установленіе для печати судебнаго порядка, администрація нисколько не сомнѣвалась въ своемъ правѣ давать государственной почтѣ предписанія задерживать разсылку періодическихъ изданій, и широко пользовалось имъ. Когда реакція сдѣлала еще нѣсколько новыхъ шаговъ впередъ, она сочла возможнымъ узаконить свои притязанія. Результатомъ былъ законъ 1852, скорѣе напоминающій мѣры іезуитовъ и австрійскаго кабинета, чѣмъ работы прусскаго правительства. Законъ 1851, говоритъ онъ, запрещаетъ администраціи пріостанавливать періодическія изданія; поэтому Beförderung durch die Post, подписка черезъ почту на газеты, журналы и т. под., должна быть совершенно независима отъ администраціи. Но иное дѣло Postdebit, раздача на мѣстѣ экземпляровъ, принятыхъ почтою; ее законъ 1851 не предусматриваетъ и потому она должна стоять въ зависимости отъ отсутствія административнаго запрещенія. Эта мѣра подтверждена впослѣдствіи закономъ 1860, который нашелъ лишь возможнымъ ограничить кругъ примѣненія ея изда-

[1]) Общія конституціонныя постановленія 1848 еще раньше провозгласили это начало, но полная обрисовка его нашла себѣ мѣсто впервые въ законѣ 1851.

ніями политическими. Само собою разумѣется, она рѣзко подкапывала начала, установляемыя закономъ 1851, и дѣлала призрачными гарантіи, даваемыя имъ печати.

Вотъ почему точное опредѣленіе полицейской компетентности по этому вопросу представляется въ высшей степени важнымъ. Одинъ изъ проектовъ, поступившихъ на обсужденіе съѣзда германскихъ журналистовъ,—именно проектъ «Berliner Presse»,—содержалъ въ § 1-мъ постановленіе, указывавшее, что «раздача экземпляровъ почтою можетъ быть отнята лишь у тѣхъ произведеній печати, распространеніе которыхъ запрещается настоящимъ закономъ». Проектъ Бидермана считалъ это постановленіе излишнимъ, такъ какъ онъ стремится точно опредѣлить условія предварительнаго задержанія произведеній печати администраціей; къ нему примкнули проекты германскихъ журналистовъ, Виндгорста и коммиссіонный. То же молчаніе мы встрѣчаемъ въ проектѣ Бисмарка, но здѣсь оно не имѣетъ за себя тѣхъ доводовъ, которые стоятъ на сторонѣ другихъ проектовъ, такъ какъ обрисовка имъ вопроса объ арестѣ произведеній печати оставляетъ весьма широкую дверь административному усмотрѣнію.

Наконецъ, произведенія печати и особенно періодическія изданія ставятся въ зависимость отъ администраціи пошлинами, налагаемыми на нихъ государствомъ. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что государство вправѣ облагать ихъ пошлинами, такъ какъ промыслы, примыкающіе къ типографскому станку, составляютъ одно изъ коммерческихъ предпріятій. Но дѣло въ томъ, что къ финансовой сторонѣ вопроса здѣсь примкнула политическая, и притомъ въ такой сильной мѣрѣ, что первая, подъ вліяніемъ ея, была совершенно забыта. Для опредѣленія цѣлесообразности этого направленія, весьма поучительна исторія страны, которая теперь справедливо считается колыбелью свободы печати, но которая въ свое время видѣла тяжкія нарушенія ея и только стойкостью въ борьбѣ съ ретроградными элементами достигла современнаго порядка вещей. Правительство Анны, провозглашая въ 1709 году принципъ литературной собственности, тогда же потребовало отъ автора, желающаго воспользоваться государственною охраною своего права, чтобъ онъ записывалъ полное заглавіе своего сочиненія въ книгу старинной Company of Stationers [1]). Актъ 1711 для этой записки назначилъ списокъ министерства государственныхъ сборовъ (Stampe Office), назначая за то небольшую пошлину и предписывая, что если сочиненіе не будетъ

---

1) Statutes of the Realm, IX, 256 стр.

внесено въ этотъ списокъ, то авторъ не можетъ претендовать на охрану государствомъ своихъ правъ въ случаѣ нарушенія ихъ контрафакторами [1]). Такимъ образомъ, взыскиваемая по этимъ актамъ пошлина, съ одной стороны, была добровольная, не безусловно обязательная, а платившаяся только потому, что ее было выгодно уплатить; съ другой—она имѣла строго-финансовый характеръ, безъ малѣйшей политической примѣси. Около того же времени введены пошлины на періодическія изданія, но тутъ характеръ ихъ былъ иной. Періодическія изданія, какъ предпріятія постоянныя, открывали возможность болѣе бдительнаго надзора; пошлина здѣсь сразу стала обязательной, и хотя исторія англійской прессы свидѣтельствуетъ, что въ первой четверти XVIII-го вѣка было множество періодическихъ изданій, уклонявшихся отъ платежа пошлинъ, но онѣ уже разсматривались, какъ контрабанда. Первоначально была назначена пошлина въ 1 пенни съ каждаго полнаго листа и въ 1/2 пенни съ полулиста; потомъ она немного понижена; въ 1756, она составляла 1 1/2 пенса съ листа, въ 1789 г. 2 пенса, въ 1804 г. 3 1/2 пенса, въ 1815 г. 4 пенса; съ 1836 г. она понижена до 1 пенни, въ 1855 г. вовсе уничтожена. Когда пошлина равнялась 4 пенсамъ, одинъ № газеты стоилъ 7 пенсовъ (двугривенный). Въ 1753 г. было потреблено 7,411,757 газетныхъ марокъ при населеніи въ 6,186,336 душъ. Въ 1853 потреблено 128,178,900 газетныхъ марокъ (стоимостью въ 534,079 фунт. стерл., считая марку по 1 пенни) при населеніи въ 27,724,849 душъ. Въ 1855, въ самый моментъ уничтоженія газетныхъ марокъ, появилось 107 новыхъ періодическихъ изданій, такъ что общее число ихъ въ Великобританіи доросло до 711. Пошлина на бумагу отмѣнена 1-го октября 1861. Еще раньше подобная же участь постигла и пошлину на объявленія, которую парламентъ, согласно доводамъ сэра Фрэнсиса, адресованнымъ Гладстону, призналъ налогомъ на образованіе, стѣсненіемъ торговли, литературы, прессы и всякаго труда, ищущаго сбыта, заклеймивъ ее именемъ «одной изъ многочисленныхъ финансовыхъ ошибокъ, совершенныхъ въ то время, когда вѣрныя начала обложенія производства пошлинами, говоря сравнительно, еще не были извѣстны [2])». Она одна

---

1) Stat. of the Realm, IX, стр. 619, §§ 123 и 124. § 126 опредѣляетъ пошлину для періодическихъ изданій, начало которой было положено въ 1701 году. Тутъ она также имѣетъ строго-финансовый характеръ.

2) Десять основаній, приведенныхъ сэромъ Фрэнсисомъ противъ пошлинъ на объявленія, читатель можетъ найти въ подлинникѣ у *Grant*'а Newspaper's Press и у *Duboc*'а, Geschichte der Englischen Presse.

приносила государственной казнѣ 160,000 фунт. стерл. въ годъ. Въ Германіи пошлина на періодическія изданія съ административнымъ характеромъ, особенно рѣзкимъ въ Пруссіи, существуетъ до настоящаго времени. Опытъ сказалъ здѣсь то же, что́ и въ Англіи: онъ окончательно убѣдилъ въ нецѣлесообразности и вредѣ этихъ пошлинъ. Поэтому-то онѣ уже уничтожены во многихъ германскихъ государствахъ, а именно въ Баваріи, Виртембергѣ, Саксоніи, Тюрингенѣ и нѣкоторыхъ другихъ. Съѣзды германскихъ журналистовъ стали на почву, расчищенную законодательными постановленіями этихъ государствъ, и потребовали отмѣны ея въ видѣ общаго правила для всей Германіи; этого начала придерживаются проекты Бидермана, Berliner Presse, Виндгорста и коммиссіонный. Къ нему же примкнулъ и проектъ кн. Бисмарка, свидѣтельствуя, что даже въ оффиціальныхъ сферахъ прусскаго правительства убѣжденіе о нецѣлесообразности и вредѣ газетныхъ пошлинъ успѣло пустить глубокіе корни.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что, благодаря сепаративнымъ законодательнымъ работамъ Германіи, самостоятельная власть администраціи относительно прессы, имѣвшая единственными границами ея собственное непосредственное усмотрѣніе, уже окончательно расшатана, такъ что даже проекты общегерманскаго закона о печати не рѣшаются возвратиться къ ней. Замѣчу, однако, что изложенныя выше постановленія относятся только къ мирнымъ періодамъ; на время же войны и отдѣльныя законодательства, и проектъ Бисмарка допускаютъ измѣненія, оставляя за военнымъ или гражданскимъ начальствомъ власть издавать тѣ мѣры, которыя будутъ найдены необходимыми по ихъ усмотрѣнію.

IV.

Но если функціи полиціи, какъ самостоятельнаго органа государственной власти, во многихъ германскихъ законодательствахъ успѣли весьма значительно съузиться, то далеко нельзя сказать того же относительно функцій, на которыя полиція объявляетъ притязанія въ качествѣ вспомогательнаго органа судебной дѣятельности. Напротивъ, это ея положеніе нерѣдко служитъ ей благовиднымъ предлогомъ, подъ прикрытіемъ котораго она выходитъ изъ предѣловъ, принадлежащихъ подчиненному органу судебной дѣятельности, и бурнымъ потокомъ вторгается въ сферу дѣятельности другого рода, право на которую въ дѣлахъ печати она

уже не можетъ болѣе отстаивать на чистомъ полѣ и безъ масокъ. Сюда относятся слѣдующія притязанія, до сихъ поръ формулируемыя въ Германіи какъ права полиціи: арестъ произведеній, признаваемыхъ ею законопротивными и совершаемый по ея непосредственному усмотрѣнію; возлагаемая ею на издателей или редакторовъ періодическихъ произведеній обязанность принимать оффиціозныя объявленія и возраженія на статьи, помѣщенныя въ прежнихъ нумерахъ; наконецъ, возложеніе на занимающихся типографскимъ и издательскимъ промысломъ обязанности отмѣчать на печатныхъ произведеніяхъ имена лицъ, берущихъ на себя отвѣтственность за нихъ.

Арестъ произведеній печати вообще и особенно періодическихъ изданій, по непосредственному усмотрѣнію администраціи въ качествѣ органа судебной дѣятельности, составляетъ одинъ изъ самыхъ жгучихъ пунктовъ спора, происходящаго въ Германіи на нашихъ глазахъ между приверженцами стараго и новаго порядка вещей, такъ что то или другое разрѣшеніе его законодателемъ дастъ возможность опредѣлить, желаетъ-ли онъ еще придерживаться традицій цензуры, или же онъ окончательно рѣшился стать на почву судебнаго порядка. Какъ извѣстно, историческій процессъ этого института показываетъ постепенное упроченіе въ немъ идеи права и освобожденіе его отъ административнаго усмотрѣнія. Первоначально, арестъ распространялся даже на экземпляры, поступившіе въ собственность частныхъ лицъ; даже неприкосновенность права собственника, пріобрѣвшаго экземпляръ съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ условій купли и т. под., еще не признавалась администраціею. Мало-по-малу, однако, оно вышло изъ-подъ ея зависимости, такъ что власть администраціи могла распространяться лишь на экземпляры, оставшіеся у издателя, типографа или книгопродавца; ихъ частное право еще не успѣло закрѣпить за собою законныхъ гарантій противъ административнаго усмотрѣнія, но сознаніе о необходимости обезпеченія его уже проникаетъ болѣе и болѣе въ опредѣленія по этому вопросу. Сепаративные законы Германіи прежняго времени признаютъ его въ гораздо меньшей степени, чѣмъ новѣйшіе; въ послѣднихъ мы нерѣдко сталкиваемся съ постановленіями, исключающими возможность административнаго усмотрѣнія и ставящими примѣненіе ареста въ зависимость отъ судебныхъ органовъ въ строгомъ смыслѣ. Законы, слѣдующіе союзному опредѣленію 1854, признаютъ полицейскій арестъ въ силѣ до тѣхъ поръ, пока это нравится полиціи, или пока не состоится судебное опредѣленіе объ отмѣнѣ его. Мекленбургскій законъ 1850 (§§ 46—48) также считаетъ без-

спорными права полиціи въ этомъ вопросѣ и даетъ имъ очень широкій объемъ; заинтересованный может обжаловать суду эту мѣру въ теченіи 14 дней, но срока для судебнаго признанія ея не назначено. Прусскій законъ 1851 дѣлаетъ шагъ впередъ, признавая за полиціей право ареста произведеній печати, но ставя дѣйствительность назначеннаго ею ареста въ зависимость отъ судебнаго утвержденія, долженствующаго состояться, безъ всякаго ходатайства со стороны заинтересованныхъ, въ теченіи 8 дней съ момента назначенія ареста; если этотъ срокъ пройдетъ безъ судебнаго утвержденія, то арестъ eo ipso считается недѣйствительнымъ. Баденскій законъ не только установляетъ послѣднее ограниченіе, но пытается также въ точности обозначить условія, при которыхъ полиція можетъ прибѣгать къ предварительному аресту; условія эти двоякаго рода, — преступность арестуемаго произведенія по неисполненію имъ формальныхъ предписаній закона (необозначеніе типографіи, времени отпечатанія и т. под.), или по содержанію; въ послѣднемъ случаѣ требуется, чтобы преступленіе, составъ котораго предлагается даннымъ произведеніемъ печати, подлежало преслѣдованію ex officio, и чтобы содержаніе его представлялось нетерпящимъ отлагательства. Саксонскій законъ 1870 (ст. 28—20), придерживаясь той же системы, даетъ ей дальнѣйшее развитіе. Онъ различаетъ сочиненія, образующія составъ преступленія, проступка или полицейскаго нарушенія; въ видѣ общаго правила, арестъ послѣднихъ назначается полиціей, и первыхъ двухъ—органами суда, полиціей же только въ случаяхъ, нетерпящихъ отлагательства. Если полицейскій арестъ обжалованъ заинтересованными лицами и судъ, въ теченіе 3 дней съ момента подачи жалобы, не утвердилъ его, то онъ eo ipso признается недѣйствительнымъ. Но еще полнѣе судебное начало проведено саксенъ-веймарскимъ закономъ 1868 года. Онъ знаетъ только судебный арестъ, полицейскій же лишь въ исключительныхъ случаяхъ и то не иначе, какъ по требованію прокуратуры; если въ теченіи 2 дней не послѣдовало утвержденія его судебной коллегіей, то онъ eo ipso объявляется недѣйствительнымъ (Art. 20).

Таковы главнѣйшія положительныя опредѣленія, дѣйствующія въ настоящую минуту. Несмотря на гарантіи, даваемыя нѣкоторыми германскими законами противъ административнаго произвола, послѣдній успѣлъ прорваться сквозь нихъ, благодаря постановленіямъ объ арестѣ, и заставилъ общество забыть, что законодатель обезпечилъ за прессою судебный порядокъ. Это доказываетъ административная практика. «Право полицейскаго предварительнаго задержанія. —говоритъ одинъ изъ отчетовъ съѣзда германскихъ

журналистовъ [1]) — открыло широкую дверь произволу, порядку административному и субъективному усмотрѣнію и вмѣшательству въ дѣла прессы изъ-за соображеній государственной необходимости или общаго блага. Тѣ немногія гарантіи, которыя кое-гдѣ встрѣчались въ законахъ, оказались совершенно безсильными и безпомощными противъ напора его. Въ печальныя времена реакціи, изданія, неудостоившіяся административнаго сочувствія, не только конфисковались изо-дня въ день, но нерѣдко подпадали даже распоряженіямъ, что впредь всѣ №№ ихъ, со всѣми дополненіями и объявленіями, будутъ задержаны въ теченіе опредѣленнаго числа дней. Въ Баваріи, напр., этотъ порядокъ очень долго составлялъ обыкновенно употребительную форму ареста. Такимъ образомъ, задержанію подвергались №№ въ полномъ ихъ объемѣ, хотя законопротивна была только часть ихъ, и арестъ назначался для №№, еще не отпечатанныхъ въ моментъ распоряженія о примѣненіи этой мѣры и содержаніе которыхъ, поэтому, еще не могло быть извѣстно чиновникамъ, постановлявшимъ ее. Нюрнбергу, гдѣ впервые стала примѣняться эта практика, принадлежитъ честь изобрѣтенія—варить супъ изъ курицы, которую еще не поймали".

„Значительная часть конфискованныхъ изданій—продолжаютъ далѣе германскіе журналисты — арестовались не за то, чтó въ нихъ было высказано, а за идею, могущую появиться въ умѣ читавшихъ ихъ полицейскихъ чиновниковъ и обыкновенно возникавшую по камертону свыше. Даже цензура, существовавшая до 1848, не считала себя вправѣ идти этимъ путемъ. Она ограничивалась тѣмъ, чтó было категорически высказано, а не читала между строкъ. Вопреки постановленіямъ большей части законовъ о печати, многія сепаративныя правительства прямо предписывали полицейскимъ чиновникамъ задерживать статьи объ опредѣленномъ кругѣ вопросовъ или опредѣленнаго направленія, хотя-бы содержаніе ихъ было не политическое и „не обращая вниманія на приговоръ суда, не обращая вниманія на то, намѣрена-ли полиція возбудить судебное преслѣдованіе, или нѣтъ". Эти любопытныя строки можно прочитать, напр., въ весеннемъ циркулярѣ баварскаго министерства 1857".

Статистическія свѣдѣнія объ отношеніи числа назначенныхъ арестовъ къ числу возбужденныхъ судебныхъ преслѣдованій и осужденій были бы самымъ прочнымъ масштабомъ для опредѣленія, насколько внимательно и законно администрація пользо-

---

[1]) Denkschrift über die Aufhebung der gesetzlichen Bestimmungen, die vorläufige Beschlagnahme von Presserzeugnissen betreffend. München, 1873, стр. 8 и слѣд.

валась своимъ правомъ задержанія. Къ сожалѣнію, правительства большей части государствъ не рѣшались оглашать этихъ данныхъ, такъ что ихъ можно найти лишь въ очень немногихъ странахъ. «Съ 1850 до конца $18^{56}/_{57}$ года, въ Баваріи по-сю сторону Рейна, изъ 2520, примѣненныхъ администраціей, арестовъ судебное преслѣдованіе возбуждено лишь въ 1375 случаяхъ; изъ этого числа, обвинительный сенатъ (камера) прекратилъ преслѣдованіе въ 1072 случаяхъ; изъ остальныхъ 303, апелляціонные суды нашли возможнымъ отослать на разсмотрѣніе судовъ присяжныхъ только 72 случая съ 86 обвиняемыми, изъ которыхъ осуждены всего 27. Такимъ образомъ, на 100 предварительныхъ задержаній приходятся неполныя 3 судебныя разсмотрѣнія и только *одно* осужденіе. Такова-то была та опасная пресса, для уничтоженія которой насиловались конституція, законъ и право.»

«Слѣдующій случай весьма поучителенъ для опредѣленія того, къ какому произволу и нарушенію матеріальныхъ интересовъ ведетъ право предварительнаго задержанія. Въ Берлинѣ, незадолго до рождественскихъ святокъ 1870, была конфискована «Vossische Zeitung» со всѣми дополнительными листками, содержавшими объявленія, чѣмъ нанесенъ вредъ не только собственникамъ газеты, но также и даже еще болѣе лицамъ, помѣстившимъ въ ней объявленія и разсчитывавшимъ, что публика прочитаетъ ихъ именно во время святокъ. Редакторъ газеты немедленно отправился къ тогдашнему президенту полиціи, ходатайствуя объ освобожденіи дополненій, но долженъ былъ возвратиться ни съ чѣмъ. На его замѣчаніе, что причиненіе вреда собственникамъ газеты есть наказаніе *до* судебнаго приговора, президентъ отвѣтилъ: такъ и должно быть, потому что опредѣляемое по закону денежное взысканіе отъ 60 до 100 тал. для газеты есть ничтожная и вовсе незамѣтная кара. Какая статья дала поводъ для ареста, редакторъ добиться не могъ. Президентъ полиціи высказалъ лишь нѣсколько общихъ замѣчаній о непатріотическомъ будто-бы направленіи «Фоссовой газеты». Редакторъ еще три раза ходилъ ходатайствовать объ освобожденіи, но снова безуспѣшно; однако, потомъ онъ получилъ дополненія съ категорическимъ заявленіемъ: если «Фоссовская газета» будетъ упорствовать въ своемъ направленіи, она будетъ задержана кряду 14 дней, со всѣми дополненіями. Нѣсколько времени спустя, полиція возвратила цѣлый №, не только не возбудивъ преслѣдованія, но даже не сообщивъ, какая именно статья подала поводъ къ аресту газеты.»

Эти злоупотребленія правомъ ареста и неравномѣрность примѣненія его администраціей съ самаго начала вызвали протестъ германскихъ журналистовъ противъ полицейскаго задержанія. Но отношеніе ихъ къ этому вопросу имѣетъ свою, въ высшей степени, любопытную исторію. Первоначально, германскіе журналисты возставали не противъ самаго права предварительнаго ареста, а лишь противъ принадлежности его органамъ администраціи. Они, такимъ образомъ, примыкали къ направленію, которое уже успѣло заручиться прочною почвою, благодаря новѣйшимъ сепаративнымъ законамъ Германіи, и требовали лишь болѣе послѣдовательнаго проведенія судебнаго начала, объявленнаго ими. Уже проектъ Бидермана постановляетъ, что арестъ можетъ назначаться только судебными органами въ строгомъ смыслѣ и не иначе, какъ по письменному опредѣленію, распространяясь притомъ лишь на тѣ части изданія, которыя содержатъ въ себѣ составъ наказуемаго дѣйствія; если арестъ назначенъ единичнымъ судьей, то его мѣра въ теченіи 2—3 дней должна быть утверждена судебной коллегіей, становясь въ противномъ случаѣ eo ipso недѣйствительной; задержаніе по истеченіи этого срока можетъ быть преслѣдовано, какъ нанесеніе имущественнаго ущерба; перепечатка заарестованнаго № безъ того мѣста, которое считается наказуемымъ, объявлена свободною. Проектъ «Berliner Presse» содержитъ аналогическія опредѣленія, постановляя, что арестъ можетъ быть назначенъ только судебнымъ слѣдователемъ, по предложенію прокурора, и назначая, для утвержденія его судебной коллегіей, двухдневный срокъ, по истеченіи котораго арестъ eo ipso считается недѣйствительнымъ. Проектъ бреславскаго съѣзда журналистовъ (§ 9) примыкаетъ къ редакціи Бидермана, заимствуя изъ редакціи «Berliner Presse» опредѣленія, что задержаніе не распространяется на экземпляры, находящіеся въ частномъ владѣніи, и что въ случаяхъ этого рода не должны быть возбуждаемы преюдиціальные вопросы о подсудности.— Но вскорѣ послѣ бреславскаго съѣзда журналистовъ, на 10-мъ (во Франкфуртѣ-на-Майнѣ) съѣздѣ юристовъ, послѣдніе, по предложенію вѣнскаго адвоката Жака, высказались противъ предварительнаго ареста въ дѣлахъ печати вообще, независимо отъ того, примѣняется-ли онъ административными или судебными органами. Мотивы, руководившіе голосомъ германскихъ юристовъ, были слѣдующіе: 1) предварительное задержаніе произведеній печати по существу своему есть не репрессивная, а превентивная мѣра, подобная цензурѣ, основанная на предположеніи общеопасности всей прессы и потому неумѣстная при новомъ порядкѣ

вещей, который признаетъ въ прессѣ опасными только преступныя части ея. Различіе между цензурой и полиціей состоитъ только въ томъ—какъ замѣтилъ проф. Іонъ, — что цензоръ вычеркивалъ писанное, новѣйшая же полиція вычеркиваетъ напечатанное. 2) Защитники предварительнаго ареста приводятъ въ его защиту соображеніе, что арестъ необходимъ для представленія на судъ наказуемой статьи; но эта цѣль можетъ быть достигнута задержаніемъ одного экземпляра, и если иногда желательно имѣть нѣсколько копій, то для полученія ихъ у судебной власти есть множество другихъ мѣръ независимо отъ ареста. Замѣчаніе, что наказуемая статья своимъ распространеніемъ продолжаетъ преступленіе, также не убѣдительно. Разбой окончился въ моментъ похищенія имущества посредствомъ насилія, хотя послѣдствія его еще продолжаются. Конечно, если въ произведеніи печати содержится подстрекательство или вызовъ на совершеніе какого-либо преступленія, то оно должно быть подвергнуто аресту; но въ этомъ случаѣ мы уже имѣемъ дѣло не съ *предварительнымъ* арестомъ, составляющимъ въ настоящее время privilegium odiosum для произведеній печати, а съ арестомъ *заключительнымъ* (definitive Beschlagnahme, въ противоположность vorläufige Beschlagnahme), назначеніе котораго вытекаетъ изъ общихъ началъ уголовнаго судопроизводства; онъ имѣетъ своею задачею задержать данное произведеніе печати не какъ corpus delicti, а лишь, какъ instrumentum delicti, т.-е. какъ одно изъ орудій для совершенія общаго преступленія, подлежащаго наказанію независимо отъ выраженія его въ печатной формѣ. Наконецъ, 3) разсматриваемое какъ преграда для дальнѣйшаго распространенія газеты, предварительное задержаніе не достигаетъ этой цѣли и потому имѣетъ лишь призрачное значеніе. Опытъ показываетъ, что оно примѣнялось за тонъ газеты; но легко измѣнить тонъ ея, легко выбирать выраженія, способныя ускользнуть отъ вниманія полицейскихъ чиновниковъ, хотя содержаніе газеты можетъ быть весьма преступнымъ. Примѣры этого рода не рѣдки. Затѣмъ, юридическая негодность предварительнаго ареста стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Арестъ есть наказаніе до производства слѣдствія, до возбужденія обвиненія, до выслушанія защиты и до приговора. Въ виду этихъ соображеній, съѣздъ германскихъ юристовъ высказался, какъ противъ административнаго, такъ и противъ судебнаго предварительнаго ареста произведеній печати. Къ ихъ голосу примкнули затѣмъ и германскіе журналисты, которые, взамѣнъ бреславской редакціи, постановили на мюнхенскомъ совѣщаніи: «предварительный арестъ произведеній печати

и т. под. произведеній мысли объявляется неумѣстнымъ» (§ 9 пересмотрѣннаго проекта германскихъ журналистовъ).

Оффиціальные проекты даютъ по этому вопросу различныя опредѣленія. Проектъ Виндгорста (§ 9) безъ измѣненія переписываетъ послѣднюю редакцію германскихъ журналистовъ; если бы онъ былъ принятъ, то по вопросу о предварительномъ арестѣ Германія достигла бы уже той ступени, на которой стоятъ законодательства Англіи [1]), Сѣверо-американскаго союза, Бельгіи и Голландіи, какъ извѣстно, не знающія этой мѣры. Но въ коммиссіи имперской думы, назначенной для пересмотра его, возбудились чрезвычайно серьёзныя разногласія, вызвавшія представленіе четырехъ редакцій по одному этому предмету. Рѣшеніемъ большинства 10-ти голосовъ изъ 15-ти, предварительный арестъ снова внесенъ въ проектъ имперскаго закона, съ оговоркою, что «примѣненіе его должно имѣть мѣсто по дѣйствующимъ общимъ законнымъ постановленіямъ». Возможными органами примѣненія его объявлены только судебные чиновники; арестъ производится по письменному опредѣленію, распространяется лишь на преступныя части изданія и не отнимаетъ отъ заинтересованныхъ лицъ права перепечатать и распространять его за выпускомъ мѣстъ, найденныхъ преступными (§ 11). Такимъ образомъ, ограничивая примѣненіе ареста судебными органами, коммиссіонный проектъ примыкаетъ къ системѣ ново-итальянскаго закона о печати (ст. 57, 58), который строго ограничиваетъ власть прокуратуры функціями публичнаго обвинителя и видитъ въ полиціи не вспомогательный органъ суда, а публичнаго обвиненія. Французско-германская система шла до сихъ поръ инымъ путемъ.

Правительственный проектъ, представленный союзному совѣту кн. Бисмаркомъ, рѣзко объявляетъ себя не только противъ началъ проекта Виндгорста, но и противъ тѣхъ, къ которымъ пришла коммиссія имперской думы. Право предварительнаго *судебнаго* ареста онъ считаетъ совершенно безспорнымъ и даже не находитъ нужнымъ опредѣлять условія, при которыхъ судъ можетъ примѣнять его. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ признаетъ это право за прокуратурой и полиціей, какъ по неисполненію даннымъ произведеніемъ печати формальныхъ требованій закона, имѣющихъ предупредительный характеръ, такъ и по преступности содержанія его. Но прокуроръ въ теченіе 24-хъ часовъ долженъ обра-

[1]) Англійское законодательство допускаетъ предварительный арестъ только для тѣхъ произведеній печати, картинъ и пр., которыя направлены противъ общественной нравственности.

титься къ надлежащему суду объ утвержденіи ареста; въ теченіе слѣдующихъ 24-хъ часовъ должно состояться судебное постановленіе. Если арестъ назначенъ по непосредственному усмотрѣнію полиціи, то она должна сообщить о томъ прокуратурѣ немедленно и никакъ не позже, чѣмъ въ теченіе 12-ти часовъ. Прокуратура можетъ или отмѣнить арестъ, или въ теченіе 12-ти часовъ потребовать судебнаго подтвержденія его. Если въ теченіе 5-ти дней съ момента назначенія ареста не состоялось судебное утвержденіе его, то арестъ eo ipso объявляется недѣйствительнымъ. Постановленіе суда объ отмѣнѣ ареста не подлежитъ обжалованію. Арестъ, утвержденный судомъ, eo ipso дѣлается недѣйствительнымъ, если въ теченіе 4-хъ недѣль съ момента утвержденія не возбуждено судебнаго преслѣдованія по существу. Распространеніе арестованнаго произведенія печати во время ареста объявлено наказуемымъ (§§ 25—29). Какъ видно изъ мотивовъ (стр. 24 и слѣд.), проектъ Бисмарка нашелъ арестъ необходимымъ, какъ средство доставленія суду вещественныхъ доказательствъ преступленія и какъ мѣру пріостановленія преступныхъ послѣдствій, возникающихъ изъ распространенія произведенія печати, которое найдено преступнымъ; слѣдовательно, онъ опирается на соображеніяхъ, которые съѣзды германскихъ юристовъ объявили не могущими служить опорою этой мѣры.

Согласно общимъ началамъ судебнаго разбирательства, характеризующимъ обвинительный порядокъ уголовнаго процесса, никто не признается обязаннымъ сознаваться въ совершенномъ имъ преступленіи, и розысканіе дѣйствительно виновныхъ составляетъ задачу особыхъ государственныхъ органовъ. Инымъ принципомъ руководится административная дѣятельность. Ей во что бы то ни стало нужно лицо, напередъ ей извѣстное, которое бы взялось принимать на себя отвѣтственность за все, что̀ ни совершится въ области отправляемаго имъ промысла. Администраціи некогда допытываться, кто дѣйствительно виноватъ; ее даже не интересуетъ, кто виноватъ; для нея достаточно имѣть лицо, съ котораго она можетъ взыскать за все, что́ совершено въ данной области, безразлично, будетъ-ли виновато это именно лицо, или кто-либо другой. Судебный принципъ индивидуализированія ей чуждъ, она болѣе склонна переносить въ жизнь свою іерархическую подчиненность и отвѣтственность по іерархическимъ ступенямъ. Въ примѣненіи къ дѣламъ печати, эти административныя традиціи вызвали для произведеній неперіодическихъ обязанность отмѣчать на сочиненіи имя типографа и издателя, для періодическихъ же изданій подъ ихъ вліяніемъ создался неизвѣстный прежде и ли-

шенный строгихъ юридическихъ основъ институтъ отвѣтственнаго редакторства. Обозначеніе имени типографа и издателя въ Германіи введено въ первую эпоху централизаціи законодательства о печати. Пока каждое производство могло представить одно опредѣленное лицо, завѣдывавшее имъ, это было весьма удобоисполнимо. Но съ теченіемъ времени, когда лицъ смѣнили общества и фамиліи должны были уступить свое мѣсто названіямъ фирмъ, у типографовъ и особенно у издателей начались постоянныя столкновенія съ администраціей. Послѣдняя требовала, чтобы на сочиненіи и т. под. подписывалось одно опредѣленное лицо, съ котораго она могла бы взыскать въ случаѣ неисполненія законныхъ требованій. Она долго не хотѣла допустить замѣны фамиліи фирмой. Тѣмъ не менѣе, однако, законодательства новѣйшаго времени признали невозможнымъ дѣлать для прессы это privilegium odiosum, устраняя изъ экономическаго участія въ ней юридическія лица, и предписали администраціи довольствоваться подписью фирмы. Таковы законы ново-саксонскій, саксенъ-веймарскій, гамбургскій и т. под. Баденскій законъ 1868, замѣтивъ, что дозволеніе подписывать въ качествѣ издателя названіе фирмы лишило эту подпись того значенія, которое она прежде имѣла для администраціи, пошелъ еще дальше и требуетъ лишь подпись типографіи. Проекты Виндгорста и коммиссіонный напоминаютъ редакцію ново-саксонскаго закона; проектъ Бисмарка (§ 5) также дозволяетъ обозначеніе фирмы, внесенной въ коммерческіе реестры. Такимъ образомъ обрисовка, къ которой пришли новѣйшія законодательства по этому вопросу, совершенно измѣнила прежнее значеніе подписи издателя и обѣщаетъ со временемъ полное устраненіе этой обязанности. То же нужно сказать объ институтѣ, такъ-называемаго, отвѣтственнаго редакторства; выше я уже имѣлъ случай привести новѣйшія законодательныя опредѣленія Германіи, все болѣе и болѣе подкапывающія его административное значеніе, вызвавшее его къ жизни; таковы, освобожденіе нѣкоторыхъ изданій отъ обязанности имѣть отвѣтственнаго редактора, дозволеніе имѣть нѣсколько отвѣтственныхъ редакторовъ одновременно и уничтоженіе административной концессіи на редакторскія мѣста.

Административныя сообщенія, помѣщеніе которыхъ обязательно для редактора газеты, получающаго ихъ, составляетъ дальнѣйшее развитіе порядка цензуры и, въ частности, системы предостереженій. Поэтому-то въ странахъ, окончательно вступившихъ на путь судебнаго порядка, обязанность напечатанія ихъ неизвѣстна. Такова, напр., Англія, гдѣ помѣщеніе газетой возра-

женій, присылаемыхъ ей лицами и учрежденіями, которыя считаютъ себя оскорбленными, можетъ значительно облегчить участь виновныхъ при судебномъ разсмотрѣніи дѣла, но не составляетъ для завѣдывающихъ газетой юридической обязанности. Въ германскихъ законахъ прежняго времени, эта обязанность признавалась безспорною, но новѣйшіе сепаративные законы иногда умалчиваютъ о ней. Такъ, любекскій не говоритъ о ней ни слова, ново-саксонскій знаетъ обязанность газетъ, принимающихъ объявленія, печатать административныя объявленія наравнѣ съ частными, и уравниваетъ обязанность помѣщенія административныхъ сообщеній съ обязанностью помѣщать исправленія, присылаемыя частными лицами. Баденскій законъ (§ 11) даетъ типографу право, въ случаѣ несогласія напечатать присланное ему сообщеніе, обратиться къ судебному разбирательству станового судьи (Amtsgericht). Проектъ Виндгорста совершенно молчалъ объ этой обязанности. Въ коммиссіи имперской думы, которой былъ порученъ пересмотръ его, былъ поднятъ вопросъ, не слѣдуетъ ли возложить ее на періодическія изданія; но послѣ долгихъ совѣщаній онъ разрѣшенъ отрицательно. Соображенія коммиссіи въ высшей степени любопытны. «Ни одна порядочная редакція газеты,—говоритъ она въ своихъ мотивахъ (стр. 20 и слѣд.),—не откажется отъ принятія фактическихъ исправленій для выясненія истины. Но иное дѣло законное принужденіе. Оно, во-первыхъ, можетъ дать поводъ для злоупотребленій къ значительному вреду для періодической прессы, если напр. (что̀ дѣйствительно бывало) чиновники, задѣтые газетами за свое поведеніе, принуждаютъ ихъ принимать (хотя бы и за частичное вознагражденіе) до того длинныя исправленія, что изъ-за нихъ страдаетъ самый текстъ газеты. Впрочемъ, это еще самое меньшее зло. Гораздо хуже, во-вторыхъ, что обязанность помѣщать административныя исправленія, установленная для выясненія истины, въ дѣйствительности гораздо чаще ведетъ къ искаженію ея и вводитъ общественное мнѣніе въ заблужденіе»... «Коммиссіи сообщенъ цѣлый рядъ случаевъ, гдѣ газеты были принуждены принять административныя исправленія, и между тѣмъ впослѣдствіи оказывалось, что вѣрна была не та обрисовка фактовъ, которая была представлена администраціей, а прежняя, исправленная ею»... «Путь, избираемый баденскимъ закономъ о печати для парализованія злоупотребленій административнаго права дѣлать сообщенія, нельзя не признать глубоко обдуманнымъ и заслуживалъ бы подражанія, если бы въ самомъ дѣлѣ было доказано, что обязанность помѣщенія администра-

тивныхъ сообщеній необходима, какъ гарантія противъ злоупотребленій печати. Но и онъ имѣетъ свои недостатки. Судъ, обязанный рѣшить, находятся ли въ наличности законныя условія для помѣщенія административнаго сообщенія, можетъ дать утвердительное рѣшеніе только въ такомъ случаѣ, когда онъ убѣдится, что факты совершились именно въ той обрисовкѣ, въ какой ихъ приводитъ администрація. Для этого же ему необходимо произвести формальное судебное разбирательство, выслушать свидѣтелей и т. д. Дѣйствія же этого рода могутъ входить въ кругъ судебныхъ обязанностей не иначе, какъ при разсмотрѣніи дѣла въ существѣ, по частной жалобѣ или по уголовному обвиненію. — Независимо отъ того, лицамъ, которыя считаютъ себя оскорбленными или потерпѣвшими въ имущественныхъ интересахъ ложнымъ сообщеніемъ фактовъ въ газетахъ, открытъ свободный путь судебнаго преслѣдованія, и законъ (угол. улож. ст. 200), обязывая осужденнаго напечатать судебный приговоръ, даетъ имъ возможность ослабить впечатлѣніе, произведенное невѣрнымъ сообщеніемъ. Наконецъ, у нихъ находится полная возможность опровергнуть сообщеніе одной газеты помощью другихъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, коммиссія не считаетъ нужнымъ высказаться за продолженіе обязанности помѣщать исправленія, какъ административныя, такъ и частныя».

И здѣсь проектъ кн. Бисмарка разошелся съ голосомъ германскихъ журналистовъ и имперской думы. § 11 у него обязываетъ отвѣтственнаго редактора всякаго періодическаго изданія въ ближайшемъ № помѣщать всякое частное и административное исправленіе искаженныхъ ею фактовъ, если исправленіе подписано присылающимъ его и не преступно по своему содержанію; причемъ исправленіе, не превышающее по объему вдвое ту статью, на которую оно дѣлается, должно быть помѣщено безплатно, въ противномъ случаѣ за излишекъ газета можетъ потребовать плату по таксѣ, существующей для объявленій. Составители этого проекта считали обязанность помѣщать исправленія до такой степени безспорною, что въ мотивахъ не нашли нужнымъ подкрѣпить ее какими бы то ни было соображеніями, говоря лишь (мотивы, стр. 19) объ установляемомъ ими размѣрѣ для безплатныхъ исправленій. Извѣстно, прусскій законъ 1851 установляетъ гораздо меньшій размѣръ, именно равный размѣру статьи, на которую прислано исправленіе. Впрочемъ, и по этому вопросу, вмѣсто всякихъ соображеній, проектъ Бисмарка ссылается на примѣры саксонскаго (корол.), австрійскаго и бельгійскаго законовъ о печати.

V.

Полицейско-административное вліяніе въ дѣлахъ печати даетъ себя чувствовать не только въ постановленіяхъ о подчиненіи печати и связанныхъ съ нею промысловъ непосредственному усмотрѣнію полиціи, но и въ той обрисовкѣ, которая дается опредѣленіямъ о юридической отвѣтственности лицъ, учинившихъ или участвовавшихъ въ совершеніи какого-либо наказуемаго дѣйствія путемъ печати. Даже долго послѣ того, какъ законодатель рѣшился согласиться, что преступленія путемъ печати входятъ въ однородныя имъ общія преступленія, и могутъ быть наказуемы только подъ этимъ условіемъ, онъ не дѣлалъ отсюда всѣхъ необходимыхъ выводовъ и полагалъ, что отвѣтственность въ случаяхъ этого рода должна опредѣляться иными началами, чѣмъ въ общихъ преступленіяхъ. Установленные полицейскимъ порядкомъ институты издателя и отвѣтственнаго редактора показались ему въ высшей степени цѣлесообразными для нормированія юридической отвѣтственности, и вотъ къ нимъ-то онъ примкнулъ свои законы о печати, построенные на началѣ судебнаго разбирательства. Только мало-по-малу кодексы освобождались отъ этой искусственной постановки вопроса, ставившей центръ тяжести не въ доказанной винѣ, а въ формальномъ отношеніи лица къ области, въ которой совершилась вина. Съ другой стороны, выработавшійся въ періодъ предупредительной цензуры взглядъ, согласно которому государство должно бороться не съ авторомъ, а съ сочиненіемъ его, также не прошелъ безслѣдно, когда печать рѣшились освободить отъ полиціи и поручить судебному разбирательству. Вмѣстѣ съ тѣмъ, общія начала уголовной отвѣтственности, примѣнявшіяся и въ дѣлахъ печати до эпохи полицейскихъ мѣръ, не были окончательно вытѣснены ими. Поэтому-то новѣйшіе германскіе законы о печати представляютъ картину въ высшей степени пеструю по вопросу объ условіяхъ отвѣтственности лицъ за содержаніе произведеній типографскаго станка. Всѣ они, однако, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ системамъ.

I. *Система объективной отвѣтственности.* Такое названіе далъ ей австрійскій законъ 1868, хотя она была извѣстна гораздо раньше: мы встрѣчаемъ ее еще въ папскихъ буллахъ XVI в.; въ Германіи, на ней съ большою любовью останавливались въ ретроградную эпоху союзнаго правительства, которое положило ее въ основу союзнаго постановленія 1819 года

(результатъ знаменитаго карлсбадскаго совѣщанія). Эта система съ перваго взгляда подкупаетъ наблюдателя своею видимою либеральностію, она какъ будто вовсе не хочетъ знать автора, а только его сочиненіе; ее интересуетъ не виновный, а орудіе его вины; свои мѣры она обращаетъ противъ сочиненія, оставляя повидимому автора, издателя, типографа и т. п. въ совершенномъ покоѣ. Мѣры ея прежде примѣнялись до напечатанія и опубликованія сочиненія, теперь—по напечатаніи его; прежде, органомъ ихъ примѣненія была церковная и государственная цензура, потомъ администрація, теперь—судъ; но въ существѣ своемъ онѣ не измѣнились и не отказались отъ своего начала—преслѣдовать сочиненіе, а не лицо, или вѣрнѣе, преслѣдовать лицо посредствомъ преслѣдованія сочиненія; имъ нѣтъ дѣла, что при такомъ порядкѣ можетъ пострадать не виновный, а другое лицо. Прокуроръ, не желающій поднимать обвиненія противъ опредѣленнаго лица, можетъ потребовать, чтобы судъ, вслѣдствіе представляемаго даннымъ сочиненіемъ состава преступленія или проступка, запретилъ дальнѣйшее его распространеніе въ виду общественнаго интереса. По этому требованію, судъ постановляетъ свой приговоръ въ закрытомъ засѣданіи; заинтересованные въ теченіи 8 дней могутъ высказать свое неудовольствіе, и въ такомъ случаѣ судъ (безъ присяжныхъ, между тѣмъ, какъ для дѣлъ печати въ Австріи введенъ институтъ присяжныхъ) долженъ пересмотрѣть дѣло въ публичномъ засѣданіи. Судебное рѣшеніе о запрещеніи дальнѣйшаго распространенія сочиненія не имѣетъ никакихъ юридическихъ послѣдствій для какого бы то ни было лица, а только для сочиненія, т.-е. оно не можетъ быть принято въ счетъ при рецидивѣ, при совокупности преступленій и т. п. Таковы постановленія австрійскаго законодательства по этому, такъ-назыв. *объективному производству.* Тамъ оно существуетъ не исключительно, а совмѣстно съ общимъ порядкомъ судопроизводства, и не отмѣняетъ, а только дополняетъ другія начала отвѣтственности. Оно понадобилось въ Австріи, благодаря тому, что это государство только въ дѣлахъ печати знаетъ институтъ присяжныхъ, который, получивъ политическую окраску, далеко не во всѣхъ областяхъ ея безпрекословно повинуется голосу прокурора. Опытъ показалъ, что это объективное производство сыплетъ свои громы почти исключительно на чешскую прессу, и австрійскіе дѣятели видятъ въ немъ политическую, а не юридическую мѣру.

Въ германской литературѣ не такъ давно заслышался голосъ, полагавшій, что система объективной отвѣтственности по дѣламъ

печати должна стать не только совмѣстно съ личною отвѣтственностью, но даже совершенно исключить послѣднюю. Онъ основывался на томъ, что государство интересуетъ не личность автора, а высказанныя имъ мысли; на сочиненіе, поэтому, должна падать и тяжесть приговора. Въ періодическихъ изданіяхъ личныя наказанія вызываютъ «соломенныхъ» редакторовъ; уже одно это явленіе, по мнѣнію его, достаточно для уничтоженія системы личной отвѣтственности и для замѣны ее такою, которая была бы обращена на самый промыселъ періодическихъ изданій, затрудняя отправленіе его и даже дѣлая его невозможнымъ путемъ усиленныхъ денежныхъ взысканій и тому подобныхъ мѣръ, если въ области его будутъ допускаться закононарушенія. Голосъ этотъ принадлежитъ вѣнскому профессору, теперь австрійскому министру юстиціи д-ру Глазеру. Однако, онъ немедленно вызвалъ горячій и солидно мотивированный протестъ профессора Іона, взгляды котораго, немного времени спустя, были приняты съѣздами германскихъ юристовъ и журналистовъ. Нельзя не согласиться, въ самомъ дѣлѣ, что Глазеръ исходитъ изъ общеопасности всей прессы; защищая объективное производство, въ свое оправданіе онъ находитъ возможнымъ выставить лишь неудовлетворительность исскуственной системы отвѣтственности, основанной на институтѣ издателей и отвѣтственныхъ редакторовъ и до такой же степени обязанной своимъ происхожденіемъ прежнимъ цензурнымъ уставамъ, какъ и рекомендуемая имъ объективная система. Будь вѣрна послѣдняя, печать должна-бы быть подчинена администраціи, а не суду: судъ уголовный не имѣетъ мѣста тамъ, гдѣ нѣтъ мѣста вопросу о винѣ; судъ гражданскій существуетъ для разрѣшенія коллизіи матеріальныхъ интересовъ и немыслимъ тамъ, гдѣ требованіе основано лишь на общихъ соображеніяхъ государственной опасности. Тотъ и другой примѣняютъ свои мѣры за прошедшее, а не за будущее. Не безъ основанія замѣтили также, что эта система въ высшей степени угрожаетъ независимости и свободѣ печати. Устраняя вопросъ о винѣ, она даетъ возможность и даже вызываетъ, какъ необходимую, оцѣнку сочиненія по субъективному впечатлѣнію тѣхъ органовъ власти, на разсмотрѣніе которыхъ оно будетъ представлено. Не только смыслъ рѣчи, но и мотивы автора, отыскиваемые между строкъ, могутъ оказаться достаточными для запрещенія распространенія. По всѣмъ этимъ причинамъ, система объективной отвѣтственности не могла найти себѣ адептовъ, и ни одно изъ германскихъ законодательствъ не послѣдовало совѣту Глазера; даже Австрія, избравшая его своимъ министромъ юстиціи, не рѣшилась сдѣлать закономъ проектъ,

представленный нѣсколько времени тому назадъ по иниціативѣ Глазера и разсчитывавшій дать этой системѣ практическое осуществленіе въ ея полномъ объемѣ.

2. *Система, неразрывно связывающая отвѣтственность съ положеніемъ лица въ области даннаго промысла*, какъ, напр., у насъ въ дѣлахъ акцизныхъ. Въ чистомъ видѣ для дѣлъ печати она не извѣстна ни одному германскому законодательству новаго времени, но память о ней еще очень свѣжа. Она считаетъ подлежащими полной отвѣтственности за содержаніе произведеній печати типографа, издателя, редактора, автора и книжнаго торговца, или нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ, уже въ силу занятій ихъ однимъ изъ этихъ промысловъ или предпріятій, и потому считаетъ совершенно излишнимъ ставить особый вопросъ о винѣ того или другого лица. Слѣды ея, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ, остались до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ германскихъ законахъ. Не говоря уже о положеніи отвѣтственнаго редактора, укажу, напр., виртембергскій законъ 1817 г. (дѣйствующій теперь), который, наказывая книгопродавца за содержаніе сочиненія только при доказанномъ соучастіи его съ издателемъ или авторомъ, прямо постановляетъ относительно издателя, «обязаннаго познакомиться съ сочиненіемъ до опубликованія его», что онъ подвергается уголовной отвѣтственности почти наравнѣ съ авторомъ, не только при умышленномъ, но и при неосторожномъ образѣ дѣйствій. Какъ бы то ни было, несостоятельность ея оказывается все болѣе и болѣе очевидной; игнорированіе ею вопроса о винѣ, замѣняемаго формальнымъ отношеніемъ лица къ области, въ которой совершена вина, не могло найти отголоска въ законахъ и практикѣ новаго времени, ставящихъ своей задачей замѣну формально-полицейскихъ началъ прежняго времени уголовно-юридическими и стремящихся къ индивидуализированію преступленія и кары.

3. *Система послѣдовательной отвѣтственности* прежде всего введена въ Бельгіи, затѣмъ принята во Франціи и Италіи, найдя также нѣкоторое сочувствіе среди германскихъ законодательствъ [1]), къ которымъ примкнулъ и проектъ Виндгорста. Она составляетъ дальнѣйшее развитіе второй системы, приковывающей юридическую отвѣтственность къ положенію лица въ области даннаго промысла, но страдаетъ еще бóльшими логическими абсурдами. Каждое изъ лицъ, стоящихъ ниже въ составленной законодательствомъ лѣстницѣ, освобождается отъ отвѣтственности,

[1]) Сюда относятся Саксенъ-Альтенбургъ, Мекленбургъ, Саксенъ-Кобургъ и Рейсъ младшей линіи, отчасти даже законы Бадена, Саксенъ-Готы и Виртемберга.

назвавъ предшествующее ему лицо: типографъ—издателя, издатель—автора; необходимо только, чтобы называемое лицо находилось въ предѣлахъ юрисдикціи государства, начавшаго преслѣдованіе. Значитъ, наказаніе назначается здѣсь не за вину, а за неназваніе лица, назвать которое требуетъ законъ. Въ область судебной дѣятельности этою системою вводится административно-полицейскій принципъ: «подай во что бы то ни стало, не то— ты самъ будешь наказанъ, потому что долженъ же кто-либо отвѣчать передъ нами». Отсюда уже видно, почему она связывалась съ обязанностью доноса, что̀, напр., очень рельефно высказано мекленбургскимъ закономъ (§ 2). Другіе законы, правда, торопятся громко провозгласить отмѣну этой обязанности въ дѣлахъ печати; но назначаемое судомъ наказаніе для лицъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ составленной законодателемъ лѣстницы, при неоткрытіи тѣхъ изъ нихъ, которые занимаютъ высшія ступени ея, опять-таки составляетъ не что иное, какъ одну изъ принудительныхъ мѣръ доноса, отъ которыхъ въ общемъ правилѣ уже давно отказался общій уголовный процессъ. Наиболѣе очевиденъ такой характеръ этой мѣры въ тѣхъ законахъ, которые, какъ, напр., прусскій и баденскій, освобождаютъ антецедентовъ отъ отвѣтственности при названіи прецедентовъ только въ такомъ случаѣ, когда они назвали ихъ *до* опредѣленнаго момента судебнаго разбирательства, напр., не позже, чѣмъ при первомъ допросѣ и т. под. Ясно само собою, до какой степени этотъ принципъ подрываетъ уваженіе общества къ судебной дѣятельности, отнимая у ней почву права. Вотъ почему и эта система начинаетъ вымирать, ряды ея приверженцевъ замѣтно рѣдѣютъ. Но прежде, чѣмъ выбраться на прямую дорогу, они нашли необходимымъ испробовать еще одну окольную, объявивъ себя за —

4) *Систему дисциплинарныхъ и особыхъ наказаній за неосторожность.* Она принята законами: прусскимъ, гессенскимъ, шварцбургъ-зондергаузенскимъ, саксонскимъ (1870) и нѣкоторыми другими; къ ней же примкнулъ проектъ Бисмарка. Она уже не рѣшается предполагать полную вину за лицомъ только, благодаря его положенію въ области даннаго промысла или по отказу назвать виновныхъ; съ другой стороны, она никого не освобождаетъ отъ отвѣтственности только за то, что имъ названы лица, стоящія на высшихъ ступеняхъ предлагаемой закономъ лѣстницы. Подвергая ихъ полному наказанію, если они заслуживаютъ его по общимъ началамъ юридической отвѣтственности, эта система, однако, не вполнѣ освобождаетъ ихъ отъ кары и въ томъ случаѣ, когда ими будетъ доказано, что по общимъ началамъ они

не виноваты въ преступленіи, совершенномъ путемъ печати. Напротивъ, уже положеніе ихъ, согласно этой системѣ, дѣлаетъ ихъ отвѣтственными за совершенное печатью преступленіе, и дѣятельность ихъ, хотя бы чисто отрицательная, разсматривается какъ дисциплинарный проступокъ или какъ наказуемая неосторожность; причемъ, условіемъ наказуемости иногда ставится отказъ ихъ назвать лицъ, дѣйствительно виновныхъ, иногда же они подвергаются такому особому наказанію независимо отъ того, названы или не названы ими виновники. Отсюда уже видно, что эта система скроена по двумъ предыдущимъ: наказаніе связывается съ положеніемъ лица въ области даннаго промысла, независимо отъ его вины,—это разъ; два—оно зависитъ отъ дѣятельности побочной, слѣдующей за преступленіемъ. Отличіе ея состоитъ только въ смягченіи тяжести наказаній для лицъ, вина которыхъ не доказана, и во введеніи параллельной отвѣтственности по общимъ началамъ уголовнаго права. Смягченіе кары, однако, здѣсь оказывается мнимымъ, если разсматривать эту систему не въ сравненіи со 2-й и 3-й, а въ сравненіи съ началами общей отвѣтственности, согласно которымъ въ случаяхъ этого рода невозможно бы было назначать никакого наказанія. Именно поэтому законодатель оказался вынужденнымъ опредѣлить караемыя здѣсь дѣйствія не иначе, какъ дисциплинарнымъ проступкомъ или наказуемою неосторожностью, т.-е., ввелъ для дѣлъ печати порядокъ исключительныхъ, экстраординарныхъ наказаній, которыя, правда, были извѣстны прежде и въ другихъ областяхъ уголовнаго права, но наука и жизнь уже выбросили ихъ тамъ, какъ остатки средневѣкового быта. Нельзя не замѣтить также, что выбранная законодателемъ квалификація для дѣлъ этого рода оказывается совершенно не согласною съ существомъ обнимаемыхъ ими отношеній. Въ дисциплинарныхъ предписаніяхъ гражданамъ, законодатель вправѣ требовать отъ нихъ лишь исполненіе того, что̀ они въ состояніи выполнить; при настоящемъ же положеніи типографскаго и издательскаго промысловъ, лица, стоящія во главѣ ихъ, лишены возможности даже бѣгло просмотрѣть тѣ сочиненія, которыя попадаютъ къ нимъ для печатанія или для распространенія. Раньше всего, неумѣстность формальнаго опредѣленія полной или уменьшенной отвѣтственности за содержаніе сочиненій, была сознана относительно книгопродавцевъ. Уже многія законодательства, объявлявшія себя за вторую или третью систему, нашли необходимымъ отступить отъ нея для лицъ этой категоріи, и рядомъ сложныхъ, нерѣдко сбивавшихъ практику постановленій, освобождали ихъ отъ всякой отвѣтственности, «если произведеніе

печати поступило къ нимъ правильнымъ путемъ, обыкновенно принятымъ въ области ихъ промысла». Таковы постановленія законовъ мекленбургскаго, прусскаго, саксонскаго и др. Отнюдь не болѣе основательно примѣненіе къ дѣламъ этого рода понятія неосторожности; оно рѣшительно расходится съ существомъ проступковъ печати, отъ которыхъ обыкновенно требуется умышленность дѣйствія. Вводя для издателей, редакторовъ и книгопродавцевъ кару за неосторожность, законодатель устанавливаетъ этимъ два различные порядка отвѣтственности для главныхъ виновниковъ и для соучастниковъ, къ рѣшительной невыгодѣ послѣднихъ.

Такимъ образомъ, всѣ разсмотрѣнныя выше системы оказываются въ высшей степени искусственными и неудачными попытками внесенія началъ административной дѣятельности въ судебное разбирательство дѣлъ печати. Самъ законъ не рѣшался настаивать, что онѣ построены на почвѣ права. Онъ допускалъ ихъ только въ уголовномъ разбирательствѣ, между тѣмъ, какъ для гражданскаго процесса существовали другія начала, примыкавшія къ общей системѣ гражданскаго права. Ими, а не этими искусственными постановленіями, разрѣшались споры о вознагражденіи за вредъ и убытки, нанесенные произведеніями печати. Подобное недовѣріе самого законодателя къ этимъ системамъ, въ связи съ развивавшимся въ литературѣ и обществѣ убѣжденіемъ въ ихъ неосновательности, все болѣе и болѣе расшатывали ихъ, такъ что ни одно германское законодательство новаго времени не представляетъ проведенія началъ любой изъ нихъ въ полномъ объемѣ, скраивая свои постановленія по нѣсколькимъ изъ нихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ послѣднее время начинаетъ пробиваться въ жизнь новая система, встрѣтившая себѣ гораздо больше сочувствія въ обществѣ и обѣщающая, благодаря своему близкому родству съ правовыми началами, вытѣснить всѣ предыдущія, именно:

5) *Юридическая система отвѣтственности*, проводимая англійскимъ, сѣверо-американскимъ и голландскимъ законодательствами, извѣстная и континентальной Европѣ до подчиненія печати административному усмотрѣнію, вытѣсненная изъ Германіи въ первую и вторую эпохи централизаціи законодательствъ печати, но теперь опять начинающая проникать въ германскіе законы. Ее проводятъ прусскій, баденскій, саксонскій, баварскій и нѣкоторые другіе законы, хотя ещё не въ чистомъ видѣ, а съ болѣе или менѣе крупною примѣсью системъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ административно-полицейскому порядку. Сущность ея очень проста и состоитъ въ слѣдующемъ. Примѣняя къ дѣламъ печати общія начала уголовнаго права, она подвергаетъ отвѣтственности за содержаніе произведеній печати всѣхъ

лицъ, которыя, согласно этимъ началамъ, виновны въ совершенiи или въ участiи совершенiя даннаго преступленiя путемъ печати, но этими лицами и ограничивается отвѣтственность, такъ что кругъ ея не подлежитъ никакимъ искусственнымъ расширенiямъ. Конечно, обязанности суда при этой системѣ нѣсколько труднѣе, чѣмъ при системахъ полицейскихъ, дающихъ ему готовыя искусственныя указанiя лицъ, долженствующихъ подвергнуться наказанiю, независимо отъ того, виноваты они или нѣтъ; но все-таки для суда эти обязанности не представляютъ ничего новаго и ничего особенно труднаго, такъ какъ исполненiе ихъ во всѣхъ другихъ дѣлахъ составляетъ постоянный предметъ его дѣятельности; маленькая же прибавка привычнаго труда обѣщаетъ весьма важныя выгоды, гарантируя за судомъ сочувствiе общественнаго мнѣнiя и доставляя уваженiе гражданъ правительству въ виду служенiя имъ началамъ справедливости, вмѣсто административнаго эгоизма [1]).

Вотъ эти-то системы въ ихъ разнообразныхъ сочетанiяхъ и нашли себѣ мѣсто въ дѣйствующихъ законодательствахъ Германiи. Проекты общегерманскаго закона о печати не представляютъ по этому вопросу никакого единодушiя. Съѣздъ германскихъ журналистовъ высказался въ пользу системы послѣдовательной отвѣтственности безъ обязанности доноса; къ ихъ голосу примкнулъ проектъ Виндгорста въ первоначальной редакцiи. Вторая же редакцiя его, составленная коммиссiей имперской думы, даетъ весьма сложныя и сбивчивыя постановленiя. Согласно § 6 ея, за содержанiе преступнаго произведенiя печати отвѣтствуютъ авторъ, редакторъ, издатель или коммиссiонеръ, типографъ и распространитель сочиненiя, изображенiя и т. под. произведенiй типографскаго станка, независимо отъ ихъ дѣйствительной вины (ohne das es eines weiteren Nachweises ihrer Mitschuld bedarf). Отсюда можно бы было заключить, что коммиссiя имперской думы желала примкнуть къ системѣ отвѣтственности по формальному положенiю лица въ области даннаго промысла (см. выше № 2); на самомъ дѣлѣ оказывается, однако, что она ближе къ системѣ послѣдовательной отвѣтственности: преслѣдованiе лицъ, стоящихъ ниже, можетъ имѣть мѣсто только въ такомъ случаѣ, если не извѣстны лица, названныя выше. Кромѣ того, коммиссiя нашла необходимымъ бросить кроху и системѣ юридической, системѣ отвѣтственности (№ 5), постановляя, а) что за опубликованiе со-

[1]) Противъ этой системы обыкновенно возражаютъ, что по ней даже наборщики, разнощики, фактора типографiй и т. под. лица могутъ быть признаны отвѣтственными за преступленiя печати; но возраженiе это — очевидное недоразумѣнiе, въ чемъ мы будемъ имѣть случай убѣдиться, говоря о юридическихъ началахъ, опредѣляющихъ составъ преступленiй печати (гл. VI и VII).

чиненія безъ воли автора отвѣтственности подвергается не онъ, а издатель или редакторъ, и б) что если названныя лица участвовали въ учиненіи преступленія печати другими дѣйствіями, «а не только изданіемъ, принятіемъ изданія на коммиссію, печатаніемъ или распространеніемъ преступнаго произведенія печати», и дѣйствія ихъ, по общимъ началамъ уголовнаго права, устанавливаютъ понятіе завѣдомаго соучастія,—то они подвергаются преслѣдованію и наказанію независимо отъ того, извѣстны или неизвѣстны лица, названныя впереди ихъ. Проектъ Бисмарка соединяетъ системы юридической и дисциплинарной отвѣтственности въ ея усложненномъ видѣ, извѣстномъ прусскому закону 1851 г. Всякое лицо, виновное по общимъ началамъ уголовнаго права въ преступленіи печати или участіи въ немъ подвергается карѣ по постановленіямъ общаго уголовнаго уложенія. Редакторъ періодическаго изданія во всякомъ случаѣ наказывается, какъ главный виновникъ, Thäter. Если преступленіе учинено не періодическимъ произведеніемъ печати, и распространитель (Verleger или коммиссіонеръ) [1]) или типографъ не могутъ быть признаны виновными по общимъ началамъ уложенія, то все-таки они не освобождаются отъ отвѣтственности, и подвергаются денежному взысканію до 300 талеровъ. Однако распространитель (Verleger) можетъ освободиться и отъ этого взысканія, назвавъ при первомъ судебномъ допросѣ автора или издателя (Herausgeber), если только называемое имъ лицо находится или находилось въ моментъ принятія имъ на себя обязанности распространять сочиненіе въ предѣлахъ юрисдикціи германскихъ судовъ. Та же льгота установлена и для типографа, если только напечатанное въ его типографіи сочиненіе не относится къ области объявленій; онъ совершенно освобождается отъ денежнаго взысканія, называя автора, издателя или распространителя. Уже изъ самой редакціи этихъ постановленій видно, что установляемое проектомъ Бисмарка денежное взысканіе въ концѣ-концовъ есть не болѣе, какъ принудительная мѣра для дачи судебнаго показанія объ опредѣленныхъ лицахъ, такъ что обязанность доноса, повидимому сбрасываемая этимъ проектомъ, на самомъ дѣлѣ поддерживается имъ весьма ревностно, но только подъ нѣкоторымъ прикрытіемъ.

Ив. Фойницкій.

---

[1]) Verleger или Kommissionsverleger называется лицо, берущее все сочиненіе для сбыта публикѣ и книгопродавцамъ. Herausgeber занимается изданіемъ сочиненій и сбытомъ ихъ распространителю (Verleger'у)

КУЙ ЖЕЛѢЗО, ПОКА ГОРЯЧО.

Новый англійскій романъ *).

Taken at the flood, by the Author of „Lady Audlay's Secret“. „Strangers and Pilgrims“ &c, &c, &c.

ГЛАВА I.

Отецъ и дочь.

Въ укромнѣйшемъ зеленомъ уголкѣ одного изъ самыхъ патріархальныхъ графствъ Англіи притаилось селеніе Гедингемъ. Мѣстность его холмистая, и Гедингемъ лежитъ на днѣ неправильной котловины. Въ цѣломъ приходѣ врядъ ли найдется нѣсколько десятинъ совсѣмъ ровной земли. Огороды—а ихъ въ Гедингемѣ много и они содержатся въ удивительномъ порядкѣ,—луга, пастбища волнистыя: подумаешь, что громадные валы расколыхавшагося отъ бури океана внезапно застыли и превратились въ твердую землю. Великіе вулканическіе перевороты долженъ былъ пережить Гедингемъ, прежде чѣмъ принялъ свой настоящій видъ. Геологи высказывали различныя теоріи по этому предмету, но населеніе Гедингема вовсе о томъ не заботилось. Покуда вишни и яблоки зрѣли въ огородахъ, на солнечномъ припекѣ, покуда все шло, какъ слѣдуетъ, на скотныхъ дворахъ и въ ригахъ, въ свиныхъ хлѣвахъ и курятникахъ, Гедингемъ былъ доволенъ.

---

*) Этотъ романъ еще приготовляется къ изданію; настоящій его переводъ сдѣланъ по корректурамъ, доставленнымъ намъ авторомъ его, миссисъ Брэддонъ.—*Ред.*

То было цвѣтущее на видъ, опрятное селеніе, и настолько значительное, что могло бы превратиться въ городъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Сэръ Обри Перріамъ, владѣвшій значительнѣйшей частью всей земли, былъ богатый человѣкъ и если не очень тароватый, то все же великодушный ландлордъ. Штукатурныя стѣны всѣхъ Гедингемскихъ коттеджей были такъ бѣлы, какъ это было возможно только при частомъ бѣленьи ихъ. Изгороди и заборы въ Гедингемѣ содержались въ порядкѣ. Въ отсутствіе сэра Обри — а онъ часто отлучался изъ обширнаго и угрюмаго зданія, котораго считался господиномъ, — зоркое око его управителя надзирало за Гедингемомъ и казалось такимъ же всевидящимъ, какъ и око самого Провидѣнія. Ничто не ускользало отъ его пытливаго взгляда, и такимъ образомъ грязь и безпорядокъ были незнакомы Гедингему.

Не было мѣстечка милѣе, какъ это селеніе въ ясный солнечный день. Вдоль деревенской улицы катился широкій, быстрый ручей, въ свѣтлыхъ струяхъ котораго усталые кони погружали свои утомленные члены; самый видъ и журчаніе его освѣжали измученнаго пѣшехода. Можно было бы написать цѣлую главу о зеленыхъ тропинкахъ, которыя вились вокругъ Гедингема и о тѣнистой прохладѣ, доставляемой старинными каштановыми деревьями и высокими вязами, придававшими видъ парка лугамъ и пастбищамъ Гедингема: его фермеры къ счастію не пришли еще къ сознанію необходимости вырубать на своей землѣ каждое порядочное дерево.

Это зеленое и плодоносное селѣніе лежало неподалеку отъ морского берега. Съ вершины одного изъ холмовъ, поросшаго дрокомъ и метлой, взоръ переносился черезъ другую прекрасную долину къ широкому простору океана. На западѣ Англіи самые морскіе берега зелены, и цвѣтущая роскошь полей тянется вплоть до самой воды.

Посмотримъ на Гедингемъ сегодня вечеромъ при слабомъ освѣщеніи заходящаго солнца, красиво закатывающагося позади густой стѣны изъ тисовъ и кипарисовъ, красующейся на кладбищѣ. Первая сцена настоящей драмы происходитъ въ саду, отдѣленномъ отъ кладбища низкой каменной оградой и густой изгородью изъ красиво-подрѣзанныхъ тисовъ, которая темной стѣной возвышается надъ сѣрой оградой: этотъ садъ принадлежитъ сельской школѣ. М-ръ Керью, школьный учитель, говоритъ, что тяжко жить въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ кладбищемъ и быть вынужденнымъ, выглянувъ въ окошко поутру, любоваться полуразрушенными могильными плитами, черепами и скелетами; но

вѣдь м-ръ Керью джентльменъ, не особенно, какъ говорятъ, склонный принимать жизнь съ ея отрадной стороны. Живописецъ съ трудомъ могъ бы вообразить что-нибудь болѣе живописное, чѣмъ эта старинная нормандская церковь, массивнымъ стѣнамъ которой и крѣпкой четыреугольной башнѣ время придало такое богатство оттѣнковъ; подумаешь, что это обширное кладбище съ его волнообразной поверхностью, его благородными старыми деревьями, его ветхими мавзолеями, вокругъ которыхъ обвивается плющъ — нѣчто зеленое и живое, пускающее корни въ скрытой обители тлѣна.

Джемсъ Керью не охотникъ до всего живописнаго; а не то, быть можетъ, красивая картина, растилающаяся у него передъ глазами, нѣсколько пріѣлась ему. Въ теченіе цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ былъ онъ школьнымъ учителемъ въ Гедингемѣ. Мальчики, которыхъ онъ училъ читать и писать, на его глазахъ выросли и поженились и воспитываютъ для него новыхъ учениковъ. Онъ прививаетъ начала знанія второму поколѣнію; но въ эти пятнадцать лѣтъ его собственная жизнь нисколько не улучшилась. Время не принесло ему даже такой радости, какъ прибавка пяти фунтовъ къ его скудному жалованью. Долгія услуги имѣютъ мало цѣны въ глазахъ Гедингемскихъ властей. Мало того: находятся люди, которые завидуютъ скуднымъ рессурсамъ Джемса Керью и поговариваютъ о томъ, что школьный учитель отжилъ свой вѣкъ.

И совсѣмъ тѣмъ въ эти пятнадцать лѣтъ совершилась перемѣна, которая могла бы украсить жизнь иныхъ людей, хотя Джемсъ Керью остался къ ней равнодушенъ. Его единственная дочь—его единственное дитя—превратилась изъ ребенка въ женщину. Она была нѣкогда пухлой, бѣлокурой, пятилѣтней дѣвочкой: тогда онъ впервые привезъ ее въ это скромное жилище. Теперь она стала женщиной и признанной красавицей Гедингема. Она можетъ царствовать, въ силу этого божественнаго права, надъ болѣе обширнымъ царствомъ, чѣмъ Гедингемъ, потому что трудно было бы найти болѣе поразительную красоту, какъ красота Сильвіи Керью.

Она стоитъ у калитки сельскаго сада во время солнечнаго заката и разговариваетъ съ отцемъ. Костюмъ ея, состоящій изъ чисто вымытаго кисейнаго платья и простой черной соломенной шляпки, болѣе чѣмъ простъ, но красотой она одарена на-диво. Быть можетъ, ея величайшая прелесть заключается въ ея крайней оригинальности. Она не похожа ни на какую другую женщину изъ живыхъ, видѣнныхъ вами, но смутно напоминаетъ вамъ лицо

на какой-то старинной венеціанской картинѣ. Черты отличаются изящной правильностью греческихъ статуй. Носъ прямой и тонко очерченный, верхняя губа короткая, ротъ прекрасный, но губы чуть-чуть тоньше, чѣмъ бы слѣдовало для полнаго совершенства, подбородокъ короткій, круглый и съ ямочкой, лобъ низкій и широкій, форма лица овальная. Это по части чертъ и линій, которыя принадлежатъ къ признанному типу красоты.

Цвѣтъ лица поразительный. Сильвія необыкновенно бѣла, бѣлизны алебастра, и щеки ея лишь слегка подернуты румянцемъ, нѣжнымъ, какъ лепестокъ розы. Уже одинъ этотъ цвѣтъ лица давалъ бы ей право считаться красавицей. Но въ придачу къ нему и какъ бы для того, чтобы придать ему больше жизни, красавица обладала темно-карими глазами, того удивительнаго цвѣта, который такъ удавался стариннымъ итальянскимъ мастерамъ—глазами чрезвычайной кротости и несравненной красоты. Волосы ея подъ тѣнь глазамъ, но чуть-чуть свѣтлѣе. Роскошный каштановый цвѣтъ отливаетъ золотомъ, и женскіе зоилы утверждаютъ, что у Сильвіи рыжіе волосы. Онѣ не отрицаютъ ея красоты. Она выше всякой критики. Онѣ просто заявляютъ фактъ: у Сильвіи рыжіе волосы!

— Миссъ Керью миловидна и кротка, говоритъ миссъ Бордокъ, дочка булочника, но я никогда не довѣряю рыжимъ. Они всегда бываютъ двуличны.

Была ли Сильвія двулична или нѣтъ, покажетъ время.

Отецъ стоялъ рядомъ съ ней у деревянной калитки, съ газетой въ рукѣ... Между ними было мало сходства и всякій могъ видѣть, что если Сильвія наслѣдовала красоту предковъ, то должно быть съ материнской стороны. У м-ра Керью былъ горбатый носъ, сдавленный подбородокъ и выцвѣтшіе сѣрые глаза, которые могли быть нѣкогда красивы. Взглядъ его потухъ, какъ у преждевременнаго старика, и всякій могъ представить себѣ, что онъ не что иное, какъ плохо-сохранившаяся руина видного мужчины. Платье его было неопрятно, но нѣжная, бѣлая рука съ тонкими пальцами, маленькая нога, общій видъ и осанка изобличали джентльмена.

— Куда ты уходишь, спросилъ онъ почти жалобнымъ тономъ. Странно, что тебѣ всегда приспичитъ гулять, когда у меня выдастся свободная минутка.

— Вы не особенно интересуетесь моимъ обществомъ, папа, когда я остаюсь дома, отвѣчала Сильвія холодно.

Отецъ и дочь не питали другъ къ другу особой нѣжности.

— А въ комнатахъ такъ душно въ такіе вечера, продолжала

она:—Ужъ лучше было бы лежать вонъ въ той старой, поросшей плющемъ могилѣ де-Боссиней, вполнѣ и навѣки покончивъ съ жизнью.

— Ты могла бы почитать мнѣ газету и поберечь мои бѣдные старые глаза. Имъ и то ужъ порядкомъ достается за день.

— Другіе почти молоды въ пятьдесятъ лѣтъ, папà. Почему вы кажетесь такимъ старымъ? спросила дѣвушка задумчивымъ тономъ, словно обсуждала какой-нибудь фактъ изъ естественной исторіи.

— Сравни мою жизнь — за послѣднія пятнадцать лѣтъ—съ жизнью другихъ людей и быть можетъ ты не повторишь своего глупаго вопроса, Сильвія. Я чувствовалъ бы себя молодымъ и казался бы молодымъ, еслибы былъ такъ же богатъ, какъ сэръ Обри Перріамъ.

Отецъ вздохнулъ и дочь отвѣтила ему тѣмъ же, словно простое упоминовеніе о туземномъ землевладѣльцѣ уже нагоняло грусть.

— Да, пріятно быть богатымъ, замѣтила Сильвія, особенно для людей, которые испытали, чтó такое бѣдность. Люди, родившіеся богатыми, повидимому не вполнѣ сознаютъ, какія радости могли бы доставить имъ деньги. Они влачатъ вялое существованіе и тратятъ свое богатство на содержаніе толпы слугъ и какого-нибудь большого, безобразнаго дома, въ которомъ они сами играютъ роль мебели. Вотъ еслибы я была богата, то міръ былъ бы недостаточно обширенъ для меня. Я бы объѣздила всѣ страны. Я бы взобралась на такія горы, на которыя никто никогда не взбирался. Я бы на сто ладовъ прославила свое имя. Я бы... она умолкла со вздохомъ... но я конечно всю жизнь буду дочерью школьнаго учителя или школьной учительницей, а потому совсѣмъ глупо толковать о счастіи или богатствѣ.

Каріе глаза просіяли, когда она заговорила о томъ, какъ бы распорядилась своимъ богатствомъ; теперь они омрачились, и она вперила мрачный взглядъ въ розовые лучи зари, потухавшей за темной кипарисной стѣной, но лицо ея, не взирая на мрачное выраженіе, было по прежнему красиво, хотя и роковой красотою.

— Ты не будешь школьной учительницей, если только ты не глупѣе, чѣмъ я тебя считаю, отвѣчалъ отецъ, ни мало не смущенный ея іеремiадами.

Говоря это, онъ развернулъ свой журналъ—«Лòндонскую газету», которая доходила до этого отдаленнаго уголка съ солнечнымъ закатомъ.

— Съ твоей красотой ты должна составить хорошую партію.

— Какъ! здѣсь, въ Гедингемѣ? вскричала Сильвія съ презрительнымъ смѣхомъ. Скажите пожалуйста, какой странствующій принцъ откопаетъ меня въ Гедингемѣ? Я боюсь, что такіе принцы водятся лишь въ сказкахъ.

— Пустяки, Сильвія. Каждая хорошенькая женщина можетъ разсчитывать на счастіе, если только съумѣетъ терпѣливо выждать его; но десять изъ двѣнадцати сами губятъ себя, выходя замужъ спозаранку за негодяевъ или за нищихъ. Я надѣюсь, Сильвія, что ты слишкомъ умна, чтобы сдѣлать такую глупость.

— Надѣюсь, отвѣчала Сильвія; я намѣрена быть воплощеннымъ благоразуміемъ и терпѣливо дожидаться принца. Развѣ я не испила чашу нищеты до дна? Повѣрьте, папà, что я не желаю всю жизнь носить полинялыя платья и прошлогоднія шляпки.

Говоря это, она презрительно оглядѣла свою полинялую кисею. Она, какъ и всѣ женщины вообще, всей душой любила яркіе цвѣта и сшитые по модѣ наряды, хотя изъ модныхъ магазиновъ знавала лишь тѣ, которые находились въ Монкгемптонѣ, сосѣднемъ торговомъ городѣ, а самыя нарядныя женщины, какихъ она видала въ своей жизни, были двѣ миссъ Тойнби, дочери удалившагося отъ дѣлъ фабриканта шерстяныхъ издѣлій, которыя, — такъ по крайней мѣрѣ гласила молва, — выписали однажды свои наряды прямо изъ Парижа.

— Кстати о хорошихъ партіяхъ, начала она послѣ минутнаго молчанія: желала бы я знать, считается ли м-ръ Стенденъ вообще хорошей партіей? Я конечно говорю не относительно себя.

— Прекрасно, возразилъ отецъ рѣзко, но не поднимая глазъ съ газеты: — Эдмондъ Стенденъ былъ бы весьма плохой партіей для тебя. Отецъ его завѣщалъ все свое состояніе до послѣдняго клочка земли и до послѣдней копѣйки своей вдовѣ, предоставивъ ей право распорядиться имъ по своему усмотрѣнію; поэтому сынъ совсѣмъ въ ея рукахъ. Онъ единственный сынъ, скажешь ты, и ей некому больше оставить свои деньги. Но она можетъ завѣщать ихъ своей замужней дочери, миссисъ Серджентъ, которая, какъ я слышалъ, всегда была ея любимицей, и будь увѣрена, что она такъ и сдѣлаетъ, если сынъ прогнѣвитъ ее.

— Напримѣръ, безразсудной женитьбой.

— Женитьбой противъ ея воли. А она—накрахмаленная барыня, и угодить ей необыкновенно трудно. Я полагаю, что она прочитъ ему въ жены эту маленькую дѣвочку, которая живетъ съ ними, миссъ... миссъ Рочдель.

Сильвія пожала плечами и сдѣлала презрительную мину, словно миссъ Рочдель была какимъ-то низшимъ созданіемъ.

— Не думаю, чтобы онъ когда-нибудь женился на ней, сказала она, хотя бы съ цѣлью угодить матери, которую онъ кажется обожаетъ. Во-первыхъ, ее зовутъ Эсѳирь. Подумайте только: развѣ можно влюбиться въ «Эсѳирь»? а во-вторыхъ она такъ неграціозна, что почти безобразна.

— Я не обращалъ на нее особеннаго вниманія, возразилъ м-ръ Керью, но полагаю, что у ней есть деньги. Отецъ ее служилъ въ Остъ-Индіи.... судьей или чѣмъ-то въ этомъ родѣ. Она родилась въ Бенгаліи и отослана была къ Стенденамъ трехъ или четырехъ лѣтъ отъ роду.... мать ея доводилась, кажется, родственницей миссисъ Стенденъ. Проработавъ лѣтъ двадцать въ Калькуттѣ и накопивъ деньжонокъ, м-ръ Рочдель умеръ наканунѣ своего возвращенія въ Англію.... обычный исходъ остиндской карьеры—оставивъ дочери хорошія средства для существованія.

— Я желала бы, папа̀, чтобы вы уѣхали въ Индію.

— Чтобы умереть тамъ. Благодарю за такое милое желаніе.

— Нѣтъ, нѣтъ, разумѣется, я не это хочу сказать, отвѣчала дѣвушка нѣсколько небрежно, какъ-бы вскользь.—Но я желала бы, чтобы вы нашли для себя положеніе, болѣе подходящее къ вашимъ талантамъ,—я вѣдь знаю, что вы очень умны—хотя бы на другомъ концѣ свѣта. Вѣдь такъ много людей пробиваютъ себѣ дорогу личными усиліями, начинаютъ карьеру съ ничего, а доходятъ до высокихъ постовъ. Я читала біографію такихъ людей и всегда удивлялась, какъ могли вы покорно вести ту жизнь, на какую вы здѣсь осуждены, и растратить свои умственныя силы въ поденномъ школьномъ трудѣ въ теченіи безплодныхъ пятнадцати лѣтъ.

Она говорила съ подавленной страстностью въ тонѣ, потому что повременамъ проникалась непочтительнымъ гнѣвомъ при мысли о безславной карьерѣ своего отца. Не такъ легко покорилась бы она темной и безвѣстной жизни, если бы была мужчиной.

— Люди, біографіи которыхъ ты читала, начинали свою карьеру при такихъ условіяхъ, какихъ у меня не было, когда я началъ здѣсь свое поприще, отвѣчалъ отецъ холодно, все не поднимая глазъ съ газеты.

— Какія же именно условія? спросила она поспѣшно.

— Оставимъ это въ сторонѣ. Достаточно, что я сталъ тѣмъ, чѣмъ ты меня видишь. Къ чему проникать тайны существованія,

лишеннаго всякой искры надежды. Ты говоришь, что я талантливый человѣкъ. Если ты въ этомъ увѣрена, то должна понять, что я не сталъ бы выносить мою настоящую жизнь, еслибы могъ найти болѣе достойное поприще для своихъ талантовъ. Я началъ свою жизнь не школьнымъ учителемъ. Жизнь, которой ты теперь свидѣтельницей, составляетъ лишь жалкій эпилогъ иного существованія.

— А прежняя жизнь была немного веселѣе, папà, неправда-ли?

— Да, она была довольно пріятна... пока длилась.

— Но какое несчастіе измѣнило ваши обстоятельства?

— Ты уже раньше, Сильвія, задавала мнѣ этотъ вопросъ, и я говорилъ тебѣ, что прошлое такой предметъ, котораго я не желаю касаться. Сдѣлай одолженіе, запомни это на будущее время.

Дѣвушка вздохнула съ недовольнымъ видомъ, но не сказала ни слова.

— Ты не отвѣчала на *мой* вопросъ, продолжалъ отецъ.— Куда ты идешь?

— Погулять съ Алисой Кукъ и Мэри Питеръ.

— Удивляюсь, какое удовольствіе находишь ты въ обществѣ пономарской дочери и портнихи.

— Развѣ у меня есть выборъ, папà? Что сказали бы молодыя Гедингемскія лэди, еслибы я вздумала искать ихъ общества? Право, можно даже сказать, онѣ ожидаютъ, что я при встрѣчѣ съ ними стану присѣдать имъ, какъ ученица.

Она выпрямилась во весь ростъ и стала похожа на разгнѣванную королеву при воспоминаніи о дерзости этихъ людей. Затѣмъ прибавила болѣе спокойнымъ тономъ:

— Вы не воображаете, надѣюсь, что я дорожу обществомъ Алисы или Мэри. Но все же ихъ общество лучше, чѣмъ никакое; къ тому же онѣ очень высокаго о мнѣ мнѣнія. Вы говорили мнѣ, что Цезарь находилъ, — лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ вторымъ въ Римѣ. Я предпочитаю водиться съ тѣми, кто считаетъ себя ниже меня, чѣмъ получать свысока приглашенія на чашку чая отъ дочерей викарія, которыя цѣлый вечеръ трубятъ мнѣ про школу. Мэри сообщаетъ мнѣ о модахъ и помогаетъ мнѣ, когда я шью себѣ новое платье. Я не часто безпокою ее. А Алиса смирнѣйшее существо и не позволяетъ себѣ никакихъ вольностей. Кромѣ того, мнѣ нельзя гулять одной.

— Нѣтъ, отвѣчалъ отецъ, взглянувъ на ея красивое лицо.— Это было бы неприлично. Быть можетъ, ты права. Лучше онѣ, чѣмъ никто. Только смотри, не запоздай.

— Постараюсь, папà. Мы хотимъ переговорить о приготовленіяхъ къ завтрашнему дню.

— Къ завтрашнему дню?

— Завтра школьный праздникъ, папà. Надѣюсь, что вы не позабыли о немъ.

— Да, да. Дѣтей будутъ угощать чаемъ, и на полѣ Гартро устроится базаръ. Большая, полагаю, суматоха ожидаетъ насъ.

— Изъ Монкгемптона выписываютъ оркестръ музыки и говорятъ, что ожидаютъ много гостей—изъ графства, прибавила дѣвушка. Намъ не часто доводится видѣть свѣтъ въ Гедингемѣ, и затѣмъ промолвила съ глубокимъ вздохомъ: — всѣ будутъ, полагаю, очень разряжены. И подумать только, что мнѣ придется надѣть прошлогоднее кисейное платье, которое стало для меня коротко!

— Ты должно быть выросла изъ него, отвѣчалъ отецъ. Тебѣ нечего объ этомъ печалиться. Новое платье не дѣлаетъ красавицей, и ни одинъ мужчина, мнѣніе котораго заслуживаетъ вниманія, не судитъ о женщинѣ по платью. Это только вы, женщины, придаете такую цѣну платьямъ, да шляпкамъ.

— Такъ, папà, но тяжко переносить презрительные взгляды и чувствовать клеймо нищеты на своей особѣ. Я готова жаться и терпѣть всякія лишенія дома, готова питаться хлѣбомъ съ водой, лишь бы имѣть возможность прилично одѣться.

— Вотъ чисто женскія понятія о комфортѣ, проговорилъ м-ръ Керью презрительно.

Онъ любилъ хорошо покушать; его вкусный въ шесть часовъ обѣдъ былъ единственнымъ свѣтлымъ моментомъ въ теченіи всего дня. Школьный шумъ и гвалтъ къ этому времени прекращались, дверь запиралась за этими несносными мальчишками, которыхъ онъ невыразимо ненавидѣлъ, столъ опрятно накрывался въ прохладной пріемной. Котлета или цыпленокъ, небольшое блюдо овощей, саладъ и рюмка дешеваго клерета удовлетворяли его; но даже и это скромное *menu* стоило денегъ, которыя моглибы идти на туалетъ Сильвіи, если-бы школьный учитель согласился питаться вареной ветчиной и бобами, какъ его сосѣди.

Два громкихъ голоса зазвенѣли въ воздухѣ, и двѣ дѣвушки показались изъ-за тѣни, бросаемой кипарисами и тисами; онѣ направились по узкой кладбищенской тропинкѣ къ калиткѣ сада м-ра Керью. То были, надо сознаться, довольно вульгарныя по виду дѣвушки, но ихъ свѣжія и открытыя лица были симпатичны и носили отпечатокъ сельской простоты.

— Ну, Сильвія! закричала Мэри Питеръ, старшая изъ двухъ, ты, я думаю, заждалась насъ.

— Не могу сказать; я разговаривала съ папà... и поэтому не замѣтила, какъ прошло время.

— Мнѣ нужно было кончить платья для обѣихъ миссъ Тойнби. Мнѣ бы очень хотѣлось задержать ихъ у себя, чтобы показать тебѣ, но горничная такъ торопилась. Она три раза прибѣгала послѣ обѣда, такъ что я отослала платья, какъ только докончила послѣдній стежокъ. Ахъ! что за душки платья, Сильвія! Но все-равно, ты увидишь ихъ завтра. Прозрачный бѣлый гренадинъ съ голубой атласной отдѣлкой и такими чудными кружевами... настоящими валансьеннъ, по семи шиллинговъ за аршинъ. Горничная боялась какъ будто, что я проглочу ихъ, такъ и глядѣла въ оба. Я думаю, что они вымѣрятъ ихъ аршиномъ.

Эта болтовня о тряпкахъ обратила м-ра Керью въ бѣгство. Онъ даже не потрудился отвѣтить на застѣнчивые поклоны обѣихъ дѣвушекъ. Но за такую невѣжливость Гедингемъ давно прославилъ его гордымъ и неласковымъ человѣкомъ. Онъ считался хорошимъ учителемъ для грубыхъ мальчишекъ, дрожавшихъ когда онъ нахмуривалъ брови, но никто не искалъ его общества. Совсѣмъ тѣмъ всѣ признавали, что хотя онъ и невѣжливъ, но осанкой и манерой изобличаетъ джентльмена, и невѣжливость его объясняли зачастую просто разсѣянностью. Онъ видалъ лучшіе дни, говаривали Гедингемскіе обыватели, и нравъ его озлобился отъ неудачъ. Придя къ этому заключенію, его простодушные сосѣди жалѣли о немъ и старались, насколько умѣли, ласкать его хорошенькую дочку.

— Идемъ, Сильвія, сказала Алиса Кукъ, скоро стемнѣетъ и мы не успѣемъ погулять.

ГЛАВА II.

Эдмондъ Стенденъ.

Дѣло происходило въ самый разгаръ лѣта, въ жаркій, роскошный іюль мѣсяцъ. Послѣднее сѣно было свезено, но тамъ-и-сямъ пучки душистой травы запутались въ терніяхъ шиповника, вдоль узкихъ дорожекъ, по которымъ проѣзжали телѣги съ сѣномъ между роскошными изгородями изъ терновника, ежевики, дикой розы и жимолости. Въ этомъ году іюль мѣсяцъ отличался почти тропической жарой. Термометръ (кстати, въ селеніи имѣлось всего

два термометра, въ почтовомъ бюро и аптекѣ), показывалъ восемьдесятъ за послѣднюю недѣлю, и даже по захожденіи солнца жаръ не спадалъ и атмосфера была тепличная. Воздухъ пропитанъ былъ острымъ запахомъ елей, гвоздики, къ которому примѣшивался болѣе нѣжный запахъ душистаго горошка, украшавшаго сады коттеджей. Для существъ вполнѣ праздныхъ,—какъ напримѣръ, для свиней, которыя, растянувшись на травѣ передъ воротами скотныхъ дворовъ, грѣлись на солнышкѣ, — Гедингемъ лѣтомъ могъ казаться самымъ прелестнымъ убѣжищемъ, настоящей обителью райскихъ наслажденій. Но для большинства людей, которымъ приходилось безъ устали работать, было через-чуръ жарко на дворѣ. Фермеры глядѣли на поля съ золотистыми колосьями и благодарили Бога за солнечный припекъ. Фермерскіе поденьщики отирали капли пота съ загорѣлаго лба и молили о двойной порціи сидра. Счастливы были тѣ, кому приходилось работать на холмахъ, откуда они могли видѣть обширное, прохладное море. Еще счастливѣе—такъ по крайней мѣрѣ казалось поселянамъ — были рыбаки, виднѣвшіеся вдали на голубой водной поверхности, въ лодкахъ, темные паруса которыхъ лѣниво хлопали, колеблемые легкимъ лѣтнимъ вѣтеркомъ.

Три дѣвушки шли по одной изъ дорожекъ, пока не дошли до луга, раскинувшагося по скату холма, и на которомъ росло нѣсколько прекраснѣйшихъ деревьевъ. Здѣсь онѣ усѣлись на дерновой скамейкѣ, подъ тѣнью громаднаго каштановаго дерева, причемъ дѣло не обошлось безъ шутливыхъ замѣчаній со стороны подругъ Сильвіи.

— Мы знаемъ, почему Сильвія такъ любитъ эту поляну, не правда ли Алиса? замѣтила Мэри шутливо, между тѣмъ какъ Алиса, которая была неговорлива, кивнула головой и чуть слышно разсмѣялась.

— Она для меня нисколько не милѣе всякаго другого луга, отвѣчала Сильвія съ равнодушнымъ видомъ. Если я предпочитаю ее, то потому, что здѣсь есть тѣнь отъ этого каштана, да еще потому, что отсюда видно море.

— Для меня новость, что ты интересуешься лѣсомъ, или моремъ или чѣмъ бы ни было въ Гедингемѣ, отвѣчала Мэри.

— Да я и не особенно интересуюсь ими. Все это мнѣ порядкомъ надоѣло — деревья и цвѣты все однѣ и тѣ же, а лѣса и море не измѣнились со временъ Вильгельма-Завоевателя. Но разъ мы гуляемъ, то не все ли равно, что́ здѣсь, что́ въ другомъ мѣстѣ.

— А мы знаемъ, кто можетъ всегда найти насъ здѣсь, про-

говорила Мэри; и послѣ этого замѣчанія подруги миссъ Керью захихикали.

Она почувствовала, что отецъ ея правъ и что ей не слѣдовало бы водиться съ этими дѣвушками.

— Я желала бы, Мэри Питеръ, чтобы ты не была такою пошлою, сердито вскричала она. Вы знаете, это—мило... Полагаю, что вы подразумѣваете м-ра Стендена, такъ какъ онъ единственный человѣкъ, котораго мы здѣсь встрѣчаемъ.

— Я не знала, что пошло говорить о поклонникѣ своей пріятельницы, отвѣчала Мэри, задѣтая за-живо. Но у васъ такія возвышенныя чувства, миссъ Керью. Я часто думаю, что напрасно вы водитесь со мной и Алисой.

— Я сама часто это думаю, возразила Сильвія, ни мало не тронутая.

Ей ничего не стоило бы порвать сношенія съ подругами ея дѣтства. Она не особенно дорожила женской дружбой.

Она привыкла дерзко обращаться съ этими дѣвушками и не придавать этому никакого значенія, точно это было ея право, а онѣ, преклоняясь предъ ея необыкновенной красотой и высшимъ образованіемъ — она сама главнымъ образомъ образовала себя, но знала гораздо больше, чѣмъ большинство дѣвушекъ ея возраста—чрезвычайно терпѣливо переносили ея высокомѣрное и презрительное обращеніе. Въ ихъ присутствіи она бывала всегда очень разсѣянна, что не могло особенно льстить ихъ самолюбію. Она прислонилась къ широкому стволу каштана, съ полузакрытыми глазами и лишь изрѣдка небрежно вставляла свое слово, пока ея подруги толковали о программѣ завтрашняго праздника.

Завтра великое торжество предстояло Гедингему. Завтра устраивалось угощеніе для дѣтей, чай съ сладкимъ печеньемъ и сельскія забавы въ родѣ жмурокъ, кошки-мышки, происходившія на огородѣ м-ра Гоплинга, который владѣлъ однимъ изъ красивѣйшихъ огородовъ въ Гедингемѣ. Это празднество происходило ежегодно, но оно не утрачивало оттого своей цѣны. А въ нынѣшнемъ году имѣлось въ виду нѣчто новое, кромѣ угощенія дѣтей чаемъ. Домъ, гдѣ помѣщалась школа, былъ старъ, малъ и неудобенъ, и м-ръ Ванкортъ, викарій, старался собрать фондъ на постройку новаго зданія въ готическомъ вкусѣ. Съ этой цѣлью измышлялось уже многое, и теперь двѣ миссъ Ванкортъ и ихъ безчисленныя пріятельницы и подруги устраивали базаръ, на который были приглашены жители всего околотка. Всѣ благовоспитанныя молодыя лэди околотка, то-есть, всѣ тѣ, отцы которыхъ были богаты или занимали извѣстное положеніе въ обществѣ,

должны были играть роль продавщицъ. Различныя произведенія изъ берлинской шерсти, восковые цвѣты, вышитыя подушечки для булавокъ, экраны, подкладки подъ чайники, туфли, восковыя куклы, дѣтскіе башмачки, кофточки, рабочіе ящички, спичечницы, передники и папиросницы, изготовленныя искусными ручками гедингемскихъ и монкгемптонскихъ молодыхъ лэди приняли величественный видъ теперь, когда ихъ сложили въ одну груду въ приходскомъ домѣ. Базаръ долженствовалъ происходить на полѣ м-ра Гарпера, прилегавшемъ къ огороду м-ра Гоплинга, такъ что благотворительные люди, истративъ деньги въ полосатыхъ шатрахъ, могли пройти на огородъ и поглядѣть на будущихъ посѣтителей зданія, сооружаемаго ихъ щедротами. Они узрятъ школьниковъ въ наилучшемъ свѣтѣ, краснощекими, радостными, сіяющими отъ бутербродовъ и печеній, и это поощритъ ихъ щедрость. Такъ безъ сомнѣнія разсуждали хитрые распорядители увеселенія.

— Говорятъ, что нѣкоторые гости прибудутъ изъ-за двадцати миль, сказала Мэри Питеръ послѣ обстоятельныхъ толковъ о событіяхъ завтрашняго дня; — ожидаются многія семейства изъ графства. Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, еще не бывало такого торжества въ Гедингемѣ.

— А ты помнишь себя добрыхъ тридцать лѣтъ, замѣтила Сильвія, не открывая глазъ.

Замѣчаніе это было очень нелюбезное, такъ какъ Мэри Питеръ молодилась. Между тѣмъ всякій зналъ, что она уже лѣтъ девять или десять, какъ окончила свое ученіе у миссъ Спидуэль въ Монкгемптонѣ.

— Отецъ слыхалъ, будто сэръ Обри будетъ присутствовать на праздникѣ, проговорила Алиса Кукъ не безъ важности.

Не бездѣлица имѣть отца, который узнаётъ новости прямо отъ викарія, послѣ службы.

Сильвія открыла глаза. Сэръ Обри интересовалъ всякаго въ околоткѣ, хотя и былъ тихій, пожилой джентльменъ, проживавшій бóльшую часть времени за-границей; а когда и бывалъ дома, то велъ монотонную жизнь въ Перріамскомъ зàмкѣ, въ обществѣ своего брата, хилаго буквоѣда. Сэра Обри видали время отъ времени въ Гедингемѣ, когда онъ проживалъ въ зàмкѣ, но младшаго брата врядъ ли кто видѣлъ. Между тѣмъ, судя по слухамъ, этотъ младшій братъ, м-ръ Перріамъ, никогда не уѣзжалъ изъ зàмка, и цѣлые годы корпѣлъ за книгами. Никто въ Гедингемѣ не думалъ и не говорилъ о м-рѣ Перріамѣ. Сэръ

Обри былъ солнцемъ, лучи котораго затмѣвали всѣ меньшія свѣтила.

— Я думала, что сэръ Обри находится въ Парижѣ, проговорила Сильвія.

— Онъ и былъ тамъ на прошлой недѣлѣ, возразила Алиса. Отецъ слышалъ это отъ экономки въ Перріамѣ, но его ожидали въ скоромъ времени домой, и сегодня утромъ м-ръ Ванкортъ, говоря о своемъ стихарѣ, сообщилъ отцу, что сэръ Обри пріѣхалъ и обѣщалъ быть завтра на базарѣ.

— Я бы желала его видѣть, замѣтила Сильвія.

— Развѣ ты никогда его не *у*видала? спросила Алиса съ бо́льшей выразительностью, чѣмъ грамматической правильностью.

— Никогда.

— О, я много разъ видала его, произнесла Мэри Питеръ съ энтузіазмомъ. Онъ благороднаго вида старый джентльменъ. Я думаю, всякій догадается, что онъ баронетъ, хотя бы ему этого и не говорили. Онъ одѣвается великолѣпно... съ такимъ вкусомъ... держитъ себя такъ прямо, говоритъ такъ тихо и мягко... не то, что наши деревенскіе дворяне, которые такъ громко орутъ, какъ будто бы ихъ собесѣдникъ стоялъ на другомъ концѣ улицы... и у него такіе красивые сѣдые усы, точь-въ-точь такого цвѣта, какъ платье, которое я шила для миссисъ Бекеръ, къ свадьбѣ миссъ Бекеръ.

— А каковъ на видъ его братъ, м-ръ Перріамъ? освѣдомилась Сильвія.

— О, никто никогда не видалъ м-ра Перріама, кромѣ слугъ въ за̀мкѣ, и они говорятъ, что онъ эксцентриченъ и неряшливъ въ своихъ привычкахъ... никогда не носитъ ни сапогъ, ни сюртуковъ и ненавидитъ новыя платья. Но я слыхала, какъ миссисъ Тидуэль, экономка, говорила—она вѣдь троюродная сестра женѣ брата мужа моей тётушки Сусанны, такъ что доводится намъ сродни, — что м-ръ Перріамъ и его братъ были похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды, еслибы м-ръ Перріамъ одѣвался приличнѣе.

Сильвія вздрогнула. Ее пересталъ интересовать разговоръ. Какое ей было дѣло до этихъ Перріамовъ? Она могла лишь позавидовать богатству этихъ двухъ старыхъ холостяковъ, когда вспоминала про нихъ. Пурпуровый шаръ, за которымъ она наблюдала, готовъ былъ закатиться за черту голубого моря, а она обѣщала отцу, что вернется домой до сумерекъ. Сумерки скоро наступятъ послѣ того, какъ потухнетъ красная полоса на гори-

зонтѣ, а миссъ Керью пришла сегодня сюда не затѣмъ только, чтобы наслаждаться бесѣдой Алисы Кукъ и Мэри Питеръ.

— Пойдемъ, Мэри, сказала она разсѣянно, пора, полагаю, домой.

— Что ты такъ торопишься? возразила Мэри.

— Папа велѣлъ мнѣ вернуться домой до сумерекъ.

— И-и, полно, съ какихъ поръ ты стала такъ послушна волѣ отца. Кромѣ того, въ настоящее время года сумерекъ настоящихъ не бываетъ раньше десяти часовъ; да и кто знаетъ, можетъ быть сюда придетъ кое-кто, кому будетъ очень грустно, если онъ не застанетъ тебя.

— Совершенно справедливо, миссъ Питеръ, и очень любезно сказано, проговорилъ пріятный, мужской голосъ по ту сторону скамейки. Вѣтки зашуршали, двѣ сильныя руки раздвинули ихъ, и молодой человѣкъ выступилъ изъ чащи, росшей позади каштановаго дерева.

Сильвія вскочила съ мѣста, яркій румянецъ залилъ ея лицо, чудные глаза ея засверкали и вся она преобразилась, одушевленная внезапной радостью, надеждой и торжествомъ. Однако она не промолвила ни слова и только протянула свою маленькую ручку, безъ перчатки, въ видѣ привѣтствія.

Вновь прибывшій пожалъ руки всѣмъ дѣвушкамъ поочереди, причемъ Сильвіи послѣдней и задержалъ ея руку въ своей, какъ бы въ разсѣянности.

— Я думала, м-ръ Стенденъ, что быть можетъ вы пройдете мимо, совершая свою вечернюю прогулку, проговорила Мэри Питеръ, побуждаемая чувствомъ приличія, такъ какъ всѣ молчали. Алиса Кукъ умѣла только хихикать, а Сильвія и м-ръ Стенденъ стояли и глядѣли другъ на друга, не намѣреваясь по-видимому рта разинуть. Но еслибы всѣ глаза были такъ краснорѣчивы, то въ словахъ не было бы никакой надобности.

— Съ вашей стороны очень любезно, что вы вспомнили обо мнѣ, отвѣчалъ м-ръ Стенденъ, не отводя глазъ отъ Сильвіи. Они стояли лицомъ къ лицу подъ раскидистымъ каштаномъ, и глядѣли другъ на друга, какъ-будто позабывъ о времени и пространствѣ.

— Я всегда прихожу сюда, когда гуляю вечеромъ, и порою нахожу этотъ лугъ очень скучнымъ, порою же онъ мнѣ кажется уголкомъ Эдема, какъ сегодня вечеромъ, напримѣръ, прибавилъ онъ тихимъ тономъ, крѣпко сжимая маленькую ручку Сильвіи.

— Вотъ что, Сильвія, начала Мэри дѣловымъ тономъ: я думаю, что матушкѣ пора ужинать—она ужинаетъ кусочкомъ сыра

и латукомъ, но любитъ, чтобы все было хорошо подано — поэтому я побѣгу домой. Ты можешь идти со мной, Алиса, а м-ръ Стенденъ проводитъ Сильвію. Прощай, Сильвія, мы зайдемъ къ тебѣ завтра до двѣнадцати часовъ.

Обѣ дѣвушки присѣли, пожелали спокойной ночи джентльмену и убѣжали, точно это было заранѣе условлено.

Не успѣли онѣ повернуться спиной, какъ Сильвія очутилась въ объятіяхъ своего возлюбленнаго. Хорошенькая головка ея спокойно отдыхала на его плечѣ, мягкіе, каріе глаза глядѣли на него съ нѣжностью. Всякій, глядя на нихъ, вывелъ бы заключеніе, что они женихъ и невѣста, судя — по его спокойному, покровительственному виду и по ея довѣрчивому взгляду.

— Моя Сильвія! произнесъ онъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто цѣлый міръ смысла заключался въ этихъ двухъ словахъ.

— Ты очень опоздалъ сегодня вечеромъ, Эдмондъ, сказала она съ жалобой.

— У насъ были гости за обѣдомъ, дорогая моя, я не могъ уйти. Даже и теперь я оставилъ мужчинъ курить сигары, рискуя обидѣть ихъ, чтобы выгадать минутку свиданія съ тобой. Какъ ты мила сегодня, Сильвія, какъ красивъ отблескъ солнца на твоихъ волосахъ.

— Тебѣ нравятся мои волосы? — спросила она, довольная его похвалой. Дѣвушки называютъ ихъ рыжими.

Градъ поцѣлуевъ послужилъ отвѣтомъ со стороны влюбленнаго.

— Но мнѣ жаль, что ты такъ опоздалъ, Эдмондъ, потому что папà велѣлъ мнѣ пораньше придти домой.

— Пусть папà твой подождетъ изъ-за меня полчаса, Сильвія. Мнѣ нужно тебѣ кое-что сказать.

— Что такое! вскричала она поспѣшно и съ испуганнымъ взглядомъ; — ты, вѣрно, сказалъ обо всемъ миссисъ Стенденъ.

— Да, Сильвія, отвѣчалъ онъ серьёзно, я сказалъ моей матери.

— О! вскричала дѣвушка съ конвульсивнымъ вздохомъ, словно ей сказали самую ужасную вѣсть въ мірѣ. — Какъ же она это приняла?

— Не такъ хорошо, какъ бы я этого желалъ. Сядемъ здѣсь, подъ нашимъ старымъ каштаномъ, и я все разскажу тебѣ.

Онъ выпустилъ ее изъ объятій и они усѣлись рядомъ, причемъ голова ея продолжала лежать на его плечѣ, а рука сжимала его руку, какъ будто это нѣжное пожатіе должно было смягчить угрюмый приговоръ судьбы, олицетворяемой миссисъ

Стенденъ, отъ рѣшенія которой зависѣло главнымъ образомъ будущая жизнь нашихъ двухъ героевъ.

— Она очень разсердилась? спросила Сильвія, запинаясь.

Молодой человѣкъ помолчалъ нѣсколько минутъ, глаза его смотрѣли въ землю, а красивое, честное лицо омрачилось. Лицо Эдмонда Стендена было и доброе, и красивое; черты лица довольно правильныя, лобъ широкъ и великъ, глаза свѣтло-сѣрые, цвѣтъ лица загорѣлый, какъ у деревенскаго жителя, ротъ красивъ, и несмотря на густые, темные усы, весьма выразителенъ.

— Могу ли я быть вполнѣ откровеннымъ съ тобой, Сильвія; могу ли я сказать тебѣ всю правду, какъ бы она ни была тебѣ непріятна, напримѣръ что ты не совсѣмъ понравилась моей матери?

— Что намъ за дѣло до твоей матери? вскричала Сильвія нетерпѣливо. — Мы должны думать о самихъ себѣ. Конечно, ты скажешь мнѣ всю правду. Она, должно быть, очень разсердилась.

— Да такъ разсердилась, какъ я еще и не видывалъ; такъ разсердилась, какъ я даже и не ожидалъ.

— Какой низкой, презрѣнной тварью кажусь я, должно быть, ей, проговорила Сильвія горько.

— Моя радость, она вовсе этого не думаетъ. Я говорилъ ей о тебѣ и другіе хвалили ей тебя, да она и сама видала тебя. Не эти мысли волновали ее... Но она, кажется, задалась другими планами, и мое рѣшеніе очень разстроило ее. Она привыкла считать меня мальчикомъ, готовымъ подчиняться ея волѣ; вѣдь ты знаешь, Сильвія, какъ сильно я ее люблю.

— Я тысячу разъ слышала это отъ тебя, сказала Сильвія, какъ будто съ досадой.

— Вчера она впервые открыла, что у меня есть своя воля, есть сердце, которое не безусловно принадлежитъ ей, умъ, способный мыслить самостоятельно и свои собственные планы на счетъ будущаго. Она была огорчена и разсержена. Сердце мое болѣло за нее, хотя я сознавалъ въ первый разъ въ жизни, что она не права, сознавалъ, что мать, которую я такъ крѣпко люблю, можетъ быть очень несправедлива.

— Хоть бы ты поскорѣе сказалъ въ чемъ дѣло, вскричала Сильвія нетерпѣливо;—что говоритъ она о нашемъ бракѣ?

— Что она никогда не согласится на него. Я вынужденъ былъ напомнить ей, что я мужчина и самъ себѣ господинъ.

— Что же она отвѣчала?

— Женись на миссъ Керью, если хочешь, сказала она, и разбей мое сердце, если тебѣ это угодно. Но если ты это сдѣлаешь, то я оставлю все свое состояніе сестрѣ твоей Элленъ и ея дѣтямъ.

— И она въ состояніи это сдѣлать? спросила Сильвія, дрожа отъ негодованія.

— Непремѣнно. Она вольна распорядиться всѣмъ, что̀ отецъ завѣщалъ ей. Моя будущность, что касается отцовскаго состоянія, вполнѣ въ ея рукахъ.

— Какъ это несправедливо, какъ это жестоко! закричала Сильвія.

— Да, это тяжело, отвѣчалъ молодой человѣкъ съ сожалѣніемъ.—А между тѣмъ нѣтъ матери лучше моей. Деньги же оставлены въ ея полное распоряженіе. Она имѣетъ полное право оставить ихъ сестрѣ или мнѣ.

— Она не имѣетъ этого права; отецъ твоей предназначилъ ихъ тебѣ, сказала Сильвія, дрожа отъ негодованія.

Она еще сильнѣе разсердилась бы, еслибы Эдмондъ Стенденъ повторилъ ей слова своей матери... слова, которыя неизгладимо запечатлѣлись въ его мозгу:

— Я постараюсь удержать тебя отъ гибели, хотя бы, поступая такимъ образомъ, показалась тебѣ жестокой и несправедливой. Я пущу въ ходъ все свое вліяніе, всю свою власть, чтобы помѣшать твоему браку съ Сильвіей Керью.

— Потому что она стоитъ ниже меня по своему общественному положенію? спросилъ молодой человѣкъ у матери гнѣвно.—Какъ будто такія мелкія причины имѣютъ какое-нибудь значеніе гдѣ-либо кромѣ такой глухой деревушки, ка̀къ Гедингемъ!

— Вовсе не потому, отвѣчала миссисъ Стенденъ, но просто потому, что Сильвія тщеславна и пуста, себялюбива и хитра. Я желаю, чтобы мой дорогой сынъ женился на хорошей женщинѣ.

И она бросила на него такой нѣжный взглядъ, что онъ могъ бы тронуть всякаго, кромѣ упрямаго влюбленнаго.

— Какое право имѣете вы отзываться о ней такимъ образомъ... когда вы не видѣли ее и десяти разъ, закричалъ онъ, въ негодованіи.

— Я видѣла ее достаточно, чтобы составить о ней мнѣніе, и еще больше слышала про нее.

— Низкія, деревенскія сплетни. Женщины ненавидятъ ее за ея красоту.

— А ты любишь ее только за красоту и ни за что больше! Берегись такой любви, Эдмондъ.

— Право, матушка, вы слишкомъ жестоки, закричалъ сынъ, оставилъ ее, не говоря больше ни слова, и хлопнулъ за собой дверью. Гнѣвъ вообще сильнѣе разстроивалъ бы насъ, не будь дверей, которыми можно хлопать.

И совсѣмъ тѣмъ въ душѣ своей онъ зналъ, что любилъ Сильвію преимущественно за ея рѣдкую красоту, которая ослѣпила его, какъ солнце, два мѣсяца тому назадъ, когда онъ вернулся домой изъ Германіи и увидѣлъ дѣвушку, которая стояла, озаренная солнечными лучами, въ одномъ изъ боковыхъ притворовъ Гедингемской церкви, вся въ бѣломъ съ ногъ до головы, точно цвѣтокъ, среди краснощекихъ и грубоватыхъ Гедингемскихъ дѣвушекъ, изъ которыхъ многія отличались будничной красотой. Даже сегодня вечеромъ, когда онъ шелъ къ завѣтному дереву, онъ долженъ былъ сознаться, анализируя свои побужденія, какъ это дѣлаютъ всѣ основательные люди, что наружность Сильвіи околдовала его. Ея внутреннія качества были ему мало извѣстны; онъ зналъ только, что она любитъ его, и это казалось ему достаточнымъ. Она была изящна и умна, выражалась какъ лэди, читала всѣ книги, которыя онъ давалъ ей и даже могла изрѣдка критиковать ихъ. Она сама научилась французскому и нѣмецкому языкамъ, почти безъ отцовской помощи. Играла съ большимъ вкусомъ и выраженіемъ на дрянномъ, старомъ фортепіано, которое подарила ей жена прежняго викарія, уѣзжая изъ Гедингема, и пѣла еще лучше, чѣмъ играла. Могъ ли желать бо́льшаго мужчина отъ жены, любимой и любящей, и которою ему можно было гордиться! А Эдмондъ Стенденъ сознавалъ, что такой женой могъ бы гордиться человѣкъ, и выше поставленный, чѣмъ онъ. Вѣдь въ сущности красота—о которой философы привыкли отзываться съ пренебреженіемъ, хотя Сократъ восхищался Аспазіей—великое и чудное дѣло, и болѣе, чѣмъ всякое другое качество, обезпечиваетъ успѣхъ въ обществѣ. Она не требуетъ, чтобы ее выставляли впередъ и прославляли. Она сама по себѣ неоспоримая сила, и свѣтъ признаетъ это и поклоняется ей. Нельзя также сказать, чтобы слава красавицы была менѣе прочна, чѣмъ всякая другая слава. Женскія имена, занимающія особенно видное мѣсто въ исторіи, принадлежатъ женщинамъ, прославившимся только своей красотой. Этотъ аргументъ пришелъ въ голову Эдмонду Стендену въ тотъ вечеръ, какъ онъ шелъ по холму. Въ концѣ-концовъ, съ какой стати онъ станетъ стыдиться того, что любитъ Сильвію Керью за ея красоту.—

Периклъ, Цезарь, Антоній всѣ были на одинъ покрой, говорилъ онъ самому себѣ.—Каждый изъ нихъ былъ влюбленъ въ красивѣйшую женщину своего времени...

— Ну, нечего дѣлать, произнесла Сильвія, послѣ долгаго молчанія;—конечно, противъ этого ничего не подѣлаешь. Мечта наша разлетѣлась, намъ остается только проститься другъ съ другомъ.

Голосъ ея слегка задрожалъ и слезы навернулись на глаза, однако она произнесла это отреченіе отъ своего возлюбленнаго съ спокойствіемъ, удивительнымъ въ такой молодой дѣвушкѣ.

— Проститься другъ съ другомъ, повторилъ онъ, съ удивленіемъ.—Какъ, Сильвія? неужели ты думаешь, что я могу отъ тебя отказаться?

— Я не думаю, чтобы ты былъ такимъ безумцемъ, чтобы допустить свою мать сдѣлать тебя нищимъ, и что́, кажется, въ ея власти, возразила Сильвія, въ которой въ настоящую минуту гнѣвъ пересиливалъ любовь.

— Мать моя не сдѣлаетъ меня нищимъ и не разлучитъ меня съ тобой, сказалъ Эдмондъ, крѣпче прижимая ее къ себѣ.

Она не глядѣла на него, но сидѣла съ опущенными въ землю глазами и омраченнымъ лицомъ. Эта неудача очень разстроила ее: она сокрушила всѣ ея надежды. Но она любила его такъ сильно, какъ только это было свойственно ея натурѣ,—а въ этой натурѣ скрывалась своя глубина страсти, еще неизслѣдованная.

— Но она можетъ лишить тебя отцовскаго состоянія, возразила она.

— Пускай, отвѣтилъ ея возлюбленный, небрежно.—Я могу просуществовать и безъ него. Я не боюсь выступить на поприще жизни, Сильвія, вмѣстѣ съ тобой. Я надѣюсь, что съумѣю бороться и побѣдить судьбу, съ твоей помощью.

— Что́ бы ты сдѣлалъ? спросила она задумчиво.

— Пошелъ бы въ адвокаты. Конечно, вначалѣ трудновато будетъ, но я могу заработывать кое-что литературой или другимъ какимъ-нибудь способомъ. Или же, если посовѣтовавшись съ моими друзьями, я найду, что это слишкомъ медленный путь, то могу поступить въ клэрки и записаться въ торговлю. Я молодъ и не боюсь труда. Неужели же я не съумѣю заработать кусокъ хлѣба!

Кусокъ хлѣба... заработать кусокъ хлѣба! А Сильвія воображала, что, пріобрѣтя любовь Эдмонда Стендена, она открыла себѣ доступъ въ тотъ свѣтлый, пріятный, счастливый, блаженный

міръ, гдѣ у всякаго денегъ достаточно... что когда она станетъ его женой, то навѣки простится съ несноснымъ житьемъ-бытьемъ того грубаго стада, которому приходится заработывать свое существованіе чернымъ или мозговымъ трудомъ.

— Къ тому же, продолжалъ ея возлюбленный, нѣжно, — къ счастію для нашей трудовой жизни, ты воспиталась не въ школѣ праздности и не привыкла къ мотовству. Вѣдь тебѣ не очень трудно будетъ, неправда-ли?—начать жизнь въ бѣдности?

Не очень трудно, когда ея мятежный духъ постоянно возмущался окружающею ее обстановкой съ той самой поры, какъ только она выросла настолько, чтобы быть въ состояніи сравнить жизнь другихъ людей съ своей собственной жизнью!

— Все это прекрасныя разсужденія, произнесла она, заливаясь слезами, но ты не испыталъ, что такое бѣдность.

Да, такое беззаботное смиреніе передъ ударами судьбы легко для того, кто никогда не испытывалъ ядовитыхъ уколовъ нужды. Оно подобно неопытной храбрости ребенка, впервые посѣщающаго дантиста и даже довольнаго новостью своего положенія.

— Безцѣнная! даже бѣдность не будетъ бременемъ, если мы вмѣстѣ станемъ дѣлить ее. Къ тому же, мы не всегда будемъ бѣдны. Погляди: сколько богатыхъ людей начинали жизнь съ нѣсколькими рублями въ карманѣ.

— Погляди на моего отца, отвѣчала она коротко.

Онъ поцѣлуями стеръ ея слезы и такъ охватилъ ее своими сильными руками, что она наполовину повѣрила, что свѣтъ истинной любви можетъ согрѣть и украсить жизненный путь. Но какъ бы то ни было, а она вѣрила этому лишь вполовину. Въ ея душѣ жило убѣжденіе, что она уже достаточно натерпѣлась отъ недостатка средствъ, и что у нея не хватитъ силъ на ту борьбу, о которой Эдмондъ Стенденъ думалъ съ такимъ хладнокровіемъ.

— Какъ велико состояніе твоего отца? спросила она.

— Моей матери, хочешь ты сказать.

— Я считаю ее лишь повѣренною твоего отца. Какъ велико его состояніе, Эдмондъ?

— Что-то въ родѣ тысячи пятисотъ фунтовъ въ годъ дохода... скорѣе больше, чѣмъ меньше. Кромѣ того, есть домъ и около сорока акровъ земли, не считая сбереженій матери, которыя должны быть значительны: я не думаю, чтобы она проживала тысячу фунтовъ со смерти отца.

— И ты готовъ отъ всего этого отказаться ради меня, Эдмондъ? спросила Сильвія, глубоко тронутая.

— До послѣдней копѣйки и безъ малѣйшаго сожалѣнія.

— О! какой ты добрый и преданный другъ, и какъ сильно я люблю тебя, вскричала дѣвушка, которую наконецъ проняло такое доказательство преданности.

Мѣсяцъ прокрался изъ-за чащи деревъ и засталъ ихъ въ этотъ памятный часъ. Они пошли назадъ въ Гедингемъ, вдоль безмолвныхъ полей и тропинокъ, рука въ руку, и Сильвія почти позабыла, подъ вліяніемъ счастія, что ее такъ сильно любятъ,— мрачную перспективу, которая только-что открылась передъ ней.

— Завтра твой отецъ и весь Гедингемъ узнаютъ о нашей помолвкѣ, Сильвія, сказалъ м-ръ Стенденъ, когда они остановились на тѣнистой дорожкѣ кладбища... той дорожки, которая вела кратчайшимъ путемъ къ школѣ... чтобы проститься другъ съ другомъ.

— Нѣтъ, не завтра, просила она, а не то поднимутся безконечные толки, всѣ станутъ удивляться, и столько людей будетъ на сторонѣ твоей матери. Сохранимъ нашу тайну, дорогóй Эдмондъ, еще въ теченіи нѣкотораго времени.

И дорогòй Эдмондъ, который былъ не въ состояніи въ чемъ-нибудь отказать ей, хоть неохотно, но согласился на небольшую отсрочку, дивясь нѣсколько наклонности женщинъ къ скрытности, которая кажется имъ такою сладкой.

ГЛАВА III.

На огородѣ м-ра Гоплинга.

Въ день, назначенный для торжества, множество разноцвѣтныхъ флаговъ развѣвалось въ Гедингемѣ и игралъ духовой оркестръ: два обстоятельства, которыя казались его обитателямъ верхомъ великолѣпія и веселья. Палатки бѣлѣлись сквозь красивые, старые вязы, осѣнявшіе лугъ м-ра Гарпера. Чайные столы уже были разставлены подъ старыми яблонями на огородѣ м-ра Гоплинга, гдѣ красныя вишни и зеленые яблоки красиво выдѣлялись на темно-зеленой листвѣ. Весьма немногимъ изъ этихъ зрѣлыхъ вишенъ суждено было уцѣлѣть для м-ра Гоплинга, прежде чѣмъ солнце закатится; но человѣку необходимо приносить жертвы для своего прихода, а м-ръ Гоплингъ былъ уроженецъ Гедингема, и, нажившись мясной торговлей въ Монкгемптонѣ, удалился въ свои наслѣдственныя владѣнія богатымъ человѣкомъ. Этотъ огородъ принадлежалъ его прадѣду и представлялъ собою

его наслѣдственныя владѣнія, которыми м-ръ Гоплингъ не въ мѣру гордился. Онъ любилъ, когда его просили уступить огородъ подъ школьный праздникъ; ему пріятно было думать, что безъ его помощи дѣти врядъ ли бы насладились угощеніемъ чаемъ, и переносилъ утрату своихъ вишенъ съ спокойнымъ великодушіемъ, принимая предосторожность обобрать ихъ съ деревьевъ по возможности до наступленія ежегоднаго празднества. Деревья были старыя, узловатыя и искривленныя, и поросли зеленоватымъ мхомъ, обязаннымъ своимъ происхожденіемъ солоноватому вѣтерку, обвѣвавшему спокойную долину; казалось, что сама Амфитрита обнимала своими влажными руками эти узловатые, старые стволы и искривленныя старыя вѣтки.

Гдѣ только можно было кстати или некстати прицѣпить флагъ, тамъ флагъ развѣвался, и эти полосы яркихъ цвѣтовъ отчетливо выдѣлялись на холодной зелени листвы и на теплой синевѣ безоблачнаго лѣтняго неба.

Люди поздравляли другъ друга съ хорошей погодой:—такая, право, удача, а вѣдь того и гляди сегодня именно могъ наступить переломъ, послѣ долгой жары и засухи.

Утромъ совершено было краткое богослуженіе въ старой церкви... единственномъ прохладномъ уголкѣ въ Гедингемѣ въ подобные жаркіе дни: толстыя стѣны и окна съ глубокими нишами пропускали мало солнечныхъ лучей,—между тѣмъ какъ взоры отдыхали на густой, темнозеленой листвѣ кипарисовъ и тисовъ, виднѣвшихся изъ-за нихъ. Въ два часа дѣти должны были попарно отправиться на огородъ; въ два часа предстояло открыться базару. Деревенскіе гости должны были пріѣхать конечно гораздо позже, потому что явиться спозоранку значило бы уронить себя. Жители Монкгемптона, менѣе чопорные, но болѣе преданные развлеченіямъ, должны были пріѣхать раньше. Уже Гедингемскія дѣвицы красовались за прилавками, перебѣгали изъ одной палатки въ другую, болтали, хихикали, сообщали другъ другу свои секреты и намеки, любовались нарядами, сшитыми нарочно для этой оказіи. Глаза разбѣгались при видѣ всѣхъ этихъ розовыхъ и голубыхъ, абрикосовыхъ и вишневыхъ платьевъ. Сердце Сильвіи замирало въ то время, какъ она наблюдала за ними изъ-за калитки огорода, гдѣ она дожидалась прихода дѣтей... этихъ скучныхъ, потныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, которыхъ она обязана была держать въ порядкѣ и забавлять... рискуя остаться хромой на всю жизнь, если они наступятъ ей на ногу своими грубыми сапогами, съ подбивкою гвоздей.

— И мнѣ предстоитъ всю жизнь провести въ бѣдности, го-

ворила она себѣ со вздохомъ, наблюдая за яркими, свѣжими костюмами, мелькавшими въ полѣ. Тамъ носились также и бѣлыя гренадиновыя платья, которыя Мэри Питеръ сшила для обѣихъ миссъ Тойнби, худыхъ и нѣсколько угловатыхъ дѣвицъ, увѣшанныхъ гренадиновыми оборками и голубыми атласными рюшами.

— Онѣ точно вырядились на балъ, подумала Сильвія.—Какой чучелой должна я казаться рядомъ съ ними. И миссисъ Стенденъ, надо полагать, тоже пріѣдетъ и станетъ пялить на меня свои противные, холодные голубые глаза.

Миссисъ Стенденъ—ея первый врагъ, несправедливость которой отвела кубокъ радости и надежды отъ ея устъ. Она не была бы простой смертной, если-бы не ненавидѣла миссисъ Стенденъ. Но она была простой смертной и ненавидѣла мать своего возлюбленнаго отъ всего сердца.

Наряды оказываютъ такое чарующее дѣйствіе на дѣвушку, а въ особенности на дѣвушку, воспитанную въ деревнѣ, что, созерцая своихъ разряженныхъ сестеръ, Сильвія на минуту позабыла о своей красотѣ. Она позабыла, что на ея сторонѣ находится такое преимущество, съ которымъ не могутъ тягаться никакія ухищренія моды. Она одѣлась въ простое бѣлое кисейное платье, безъ всякой отдѣлки, кромѣ узенькой кружевной оборочки вокругъ горла; никакая цвѣтная ленточка не нарушала его непорочной бѣлизны. Она отложила въ сторону шляпу, потому что должна была цѣлый день оставаться на тѣнистомъ огородѣ, и шляпа только бы мѣшала ей. Она не надѣла перчатокъ, такъ какъ рукамъ ея предстояло цѣлый день рѣзать кэкъ и намазывать хлѣбъ масломъ. Золотистая масса ея великолѣпныхъ каштановыхъ волосъ увѣнчивала ея голову и украшала ее лучше любой короны изъ золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ, сработанной человѣческими руками. Она отлично умѣла плести свои толстыя, длинныя косы — которыя мгновенно придали бы ей сходство съ «Маргаритой» Гёте, если-бы она ихъ распустила—и располагать ихъ короной надъ своимъ бѣломраморнымъ лбомъ, что̀ дѣлало ее еще выше, хотя она вообще была высокаго роста.

— Какой неуклюжей кажется эта дѣвушка въ ея длинномъ, гладкомъ платьѣ, сказала миссъ Тойнби миссъ Пальмеръ, докторской дочкѣ—и при этомъ она тщеславна, какъ павлинъ, постоянно старалась привлечь на себя вниманіе. Посмотрите, какую башню она соорудила изъ своихъ волосъ.

— И которые вдобавокъ совсѣмъ рыжіе, возразила миссъ Пальмеръ.

— Но всѣ мужчины восхищаются ею. Я полагаю, что это

происходитъ оттого, что она похожа на одну изъ этихъ противныхъ до-Рафаэлевскихъ картинъ, добавила юная лэди, не любившая очевидно искусства.

Деревенская красавица, способная зазнаваться, можетъ ложиться бревномъ поперегъ дороги молодыхъ особъ въ родѣ миссъ Тойнби; а въ Гедингемѣ находили, что миссъ Керью зазнаётся. Во-первыхъ, она была слишкомъ хороша для дочери деревенскаго учителя. Можно было конечно возразить, что она въ этомъ невиновата.

Но молодыя Гедингемскія лэди жаловались, что она слишкомъ носится съ своей красотой, держитъ себя, какъ лэди и привлекаетъ вниманіе мужчинъ всякими хитростями и уловками. Короче говоря, она была какъ разъ изъ тѣхъ молодыхъ женщинъ, которыя въ болѣе консервативныя времена сожигались, какъ вѣдьмы.

Ея преступленія этимъ не ограничивались. Въ послѣднее время распространились слухи, что ее видали гуляющей въ сумерки по лугамъ и полямъ съ Эдмондомъ Стенденомъ, самымъ выгоднымъ женихомъ въ Гедингемѣ.

— Керью слѣдовало бы получше присматривать за дочерью, говорили мужчины. Женщины шептались и старались держаться подальше отъ миссъ Керью. Тѣ, которыя до сихъ поръ удостоивали ее своего благосклоннаго вниманія, сразу отвернулись отъ нея: проходили мимо нея съ разсѣяннымъ взглядомъ, какъ будто не замѣчая ея присутствія.

Сильвія замѣтила перемѣну и горько улыбалась про себя... съ той горечью, которая развивается въ иныхъ натурахъ въ школѣ несчастія.

— Должно быть, они считаютъ, что сынъ Монкгемптонскаго банкира не можетъ жениться на *мнѣ*, думала она. — Пріятно будетъ подразнить ихъ.

Сегодня, стоя у калитки огорода, она чувствовала себя совсѣмъ одинокой. Эдмондъ Стенденъ не могъ придти очень рано, потому что долженъ былъ сопровождать мать и миссъ Рочдель, и нельзя было разсчитывать, чтобы онъ долго оставался съ нею. Придется ограничиться взглядомъ, пожатіемъ руки, двумя-тремя словами, сказанными шепотомъ, потому что глаза свѣта будутъ устремлены на нихъ. Она просила его сохранить въ тайнѣ ихъ помолвку, но съ женской непослѣдовательностью находила тяжелымъ, что они проведутъ сегодня другъ съ другомъ такъ мало времени. Онъ будетъ на своемъ мѣстѣ среди великихъ міра сего, а она на заднемъ планѣ, и его общество поглядитъ свысо-

ка на нее. Отецъ ея, подъ предлогомъ нездоровья, сложилъ съ себя всякое участіе въ празднествѣ.

— У васъ много молодежи, которая умѣетъ забавлять дѣтей; я буду только мѣшать; присутствіе школьнаго учителя можетъ только стѣснять дѣтей, сказалъ онъ викарію. — Пусть Сильвія и другія дѣвушки распоряжаются всѣмъ.

Такимъ образомъ, на долю Сильвіи, Мэри Питеръ, Алисы Кукъ и тѣхъ дѣвицъ изъ благородныхъ, которыя удостоивали помогать имъ въ этомъ филантропическомъ дѣлѣ, выпала обязанность забавлять дѣтей.

Юные виновники торжества явились въ настоящую минуту съ громкими криками, сопя по своему обыкновенію. Полдюжины перезрѣлыхъ молодыхъ лэди сопровождало ихъ, подъ предводительствомъ викарія. Дочери его были въ числѣ базарныхъ продавщицъ, и такимъ образомъ освободились, какъ онѣ выражались, отъ участія въ школьномъ торжествѣ.

Торжество дня началось, какъ потомъ заявилъ репортеръ въ „*Monkhampton Courier*“, раздачей горячихъ печеній, угощенія весьма пригоднаго для такого жаркаго дня. Самовольно явившійся старикъ велъ оживленную торговлю лимонадомъ, инбирнымъ питьемъ и смородиной за предѣлами огорода. Покончивъ съ печеніями, дѣти тотчасъ же приступили къ оживленной игрѣ въ „пятнашки“ и могли быть предоставлены самимъ себѣ.

Сильвія замѣтила, что лэди, пришедшія съ викаріемъ, точно также не замѣчали ея присутствія, какъ и другія въ послѣднее время.... словомъ, ясно было изъ всего, что она подъ опалою. Викарій, добрый, снисходительный человѣкъ, говорилъ съ ней съ обычной добротой. Сплетни не легко доходили до ушей этого доброжелательнаго человѣка. Она почувствовала всю оскорбительность этихъ холодныхъ, невнимательныхъ взоровъ, хотя и ненавидѣла покровительственное вниманіе, которымъ удостоивали ее до послѣдняго времени эти самые люди. Тяжко было, что люди такимъ образомъ перетолковываютъ ея поведеніе, и только потому, что отецъ ея бѣдный человѣкъ; тяжко было думать, что весь Гедингемъ считаетъ невозможнымъ, чтобы Эдмондъ Стендемъ питалъ честныя намѣренія относительно ея.

— Эдмондъ правъ, подумала она, эти люди должны быть извѣщены о нашей помолвкѣ.

— Хватитъ ли у него мужества признать меня невѣстой передъ всѣми этими людьми? размышляла она немного спустя, когда отошла подальше отъ дѣтей и ихъ покровительницъ въ от-

даленный уголокъ большого огорода,—въ уголокъ, гдѣ росли сливныя деревья, такія старыя, что уже перестали давать плоды.

— Легко было храбриться вчера вечеромъ, когда мы были наединѣ подъ каштановымъ деревомъ, и солнце еще не закатилось, а мѣсяцъ не взошелъ; но неужели онъ въ самомъ дѣлѣ пойдетъ противъ воли матери и откажется отъ своего состоянія ради меня и признаетъ дочь школьнаго учителя своей избранной женой передъ всѣмъ этимъ чваннымъ людомъ, среди котораго онъ жилъ весь свой вѣкъ?

Уголокъ огорода нѣсколько возвышался надъ лугомъ м-ра Гарпера, и Сильвія могла наблюдать за базаромъ, точно съ платформы, не рискуя быть увидѣнной, развѣ лишь случайно, тѣмъ кому вздумалось бы поглядѣть въ ту сторону, гдѣ она стояла, обрамленная зеленью, и выглядывала изъ-за густой изгороди, сплетенной изъ дикой яблони, дубовыхъ отводковъ и жимолости.

Она ждала нѣкотораго удовольствія отъ этого небольшого праздника.... Викарій далъ ей билетъ для входа на базаръ и она предполагала вмѣстѣ съ Алисой Кукъ и Мэри Питеръ идти въ поле, глядѣть на пріѣзжихъ гостей и на выставки съ товарами; наблюдать, къ какимъ хитрымъ уловкамъ прибѣгали деревенскія леди, чтобы опорожнить туго набитые кошельки деревенскихъ джентльменовъ. И вотъ теперь она вмѣсто этого исподтишка наблюдала за этой сценой, изъ своего тѣнистаго уголка, не ощущая въ себѣ смѣлости смѣшаться съ толпой *джентри*, въ виду опалы, постигшей ее недавно. Она живо сознавала всю несправедливость такого отношенія и глубоко презирала весь этотъ людъ, но не могла безучастно переносить презрительные взгляды, не могла оставаться одинокой посреди этого маленькаго мірка, одинокой во всемъ цвѣтѣ молодости и красоты.

— Если когда-нибудь я буду имѣть возможность отплатить имъ за ихъ дерзость, то отплачу сторицей, говорила она себѣ, глядя внизъ на улыбающихся дѣвицъ, раскладывавшихъ свои товары ручками, обтянутыми изящными перчатками и старавшихся соблазнить на покупку дѣтскихъ башмачковъ или вышитыхъ табачницъ недогадливыхъ юныхъ джентльменовъ, которые расхаживали съ засунутыми въ карманы руками или держа во рту набалдашники своихъ тросточекъ.

— Но мнѣ никогда, никогда не представится такого случая, думала она:—Что за честь выдти замужъ за человѣка, лишеннаго наслѣдства! Это звучитъ очень романично, точно какая-нибудь повѣсть изъ книги, но что будутъ говорить люди о моемъ мужѣ? Я воображаю себѣ, какимъ насмѣшливымъ сожалѣніемъ

проникнутся они къ «бѣдному Эдмонду Стендену, который женился на дѣвушкѣ, стоящей въ обществѣ гораздо ниже его и прогнѣвалъ свою мать». И какъ мы будемъ жить безъ денегъ? Неужели же Эдмонду Стендену придется сдѣлаться деревенскимъ школьнымъ учителемъ, какъ моему отцу? Онъ говорилъ о томъ, что поступитъ въ клэрки, въ городѣ, но это, кажется, такъ же плохо. Я ничего не вижу впереди, кромѣ нищеты... Но какъ онъ добръ и благороденъ, и какъ нѣжно я должна любить его.

Лицо ея смягчилось при этой мысли и кроткая улыбка показалась на мягкихъ, полныхъ губахъ. Весь характеръ ея красоты, отъ которой вѣяло замѣчательнымъ холодомъ и жесткостью, пока она размышляла о маленькомъ мірѣ, ополчившемся на нее, вдругъ измѣнился, когда она подумала о своемъ возлюбленномъ. Лицо ея снова сдѣлалось юнымъ и невиннымъ, почти ребяческимъ, и выражало ребячески нѣжную довѣрчивость.

— Я люблю его всѣмъ сердцемъ, сказала она самой себѣ.— Одинъ звукъ его голоса, когда мы встрѣчаемся, послѣ краткой разлуки, заставляетъ меня дрожать. Слабое пожатіе его руки заставляетъ меня забывать о всемъ на свѣтѣ, кромѣ того, что я люблю его. Къ чему его мать хочетъ разлучать насъ? Никто и никогда не полюбитъ его такъ, какъ я, хотя онъ и добръ, и смѣлъ, и благороденъ, и хорошъ собой. Все это происходитъ оттого, что мы живемъ въ такомъ мѣстѣ, какъ Гедингемъ. Потому что Эдмондъ хорошъ собой, а отецъ его былъ богатъ, Гедингемъ поклоняется ему, какъ идолу, а его мать воображаетъ, что нѣтъ дѣвушки, достойной его; а не то, быть можетъ, она желаетъ выдать его замужъ за миссъ Рочдель, которую она считаетъ своей пріемной дочерью и которая богата, никогда не пропускаетъ ранней обѣдни и слыветъ въ Гедингемѣ за образецъ доброты и приличія.

Красивое личико снова омрачилось при мысли объ Эсѳири Рочдель.

— Это было бы просто безнравственно, такъ какъ они выросли вмѣстѣ, точно братъ и сестра, говорила Сильвія самой себѣ.— Она должна была бы чувствовать сестринскую привязанность къ нему и желать ему счастія. Но эти смиренницы всегда такія хитрыя.

Поле быстро наполнялось народомъ; экипажи подъѣзжали къ воротамъ, разодѣтая публика обмѣнивалась веселыми поклонами; деревенскіе джентльмены разговаривали очень громко, точно желали, чтобы весь Гедингемъ слышалъ ихъ; главы и наслѣдники

деревенскихъ дворянскихъ фамилій глядѣли другъ на друга съ любопытной смѣсью добродушія и высокомѣрія.

Сильвія увидѣла, какъ общество Стенденовъ приближалось къ воротамъ; миссисъ Стенденъ опиралась на руку сына, Эсѳирь Рочдель шла по другую сторону его, но не опиралась на его руку. Мать Эдмонда была высокая женщина лѣтъ около пятидесяти, женщина съ красивымъ лицомъ, правильными, но нѣсколько крупными чертами, сѣро-голубыми глазами и сѣдыми волосами, гладко причесанными надъ широкимъ, умнымъ лбомъ. Миссъ Рочдель была средняго роста, и отличалась худенькой, хрупкой фигурой, нѣжнымъ личикомъ, блѣднымъ, оливковымъ цвѣтомъ лица и кроткими, черными глазами; словомъ, она была изъ тѣхъ дѣвушекъ, которыхъ друзья называютъ интересными, посторонніе находятъ похожими на «иностранку», но никто не признаетъ хорошенькими. А между тѣмъ ея маленькое, блѣдное личико, ея большіе, кроткіе глаза, ея задумчивый ротъ не были лишены своей особенной прелести. Если въ ней и была красота, то красота того рода, которую проглядываетъ людская толпа... скрытая и тонкая прелесть, подобная той, которую любилъ воспѣвать Уордсуортъ.

Чья-то рука взяла Сильвію подъ руку въ то время, какъ она наблюдала за вновь прибывшими, чье-то непріятное сопѣнье раздалось надъ ея ухомъ.

— Я обошла весь огородъ, отыскивая тебя, сказала Мэри Питеръ. — Развѣ ты нейдешь гулять по полю? вѣдь у тебя есть билетъ для входа?

— Я не намѣрена имъ воспользоваться. Мнѣ пріятнѣе наблюдать за обществомъ отсюда. Что за удовольствіе расхаживать среди людей, которыхъ совсѣмъ не знаешь?

— Я не знаю человѣка болѣе измѣнчиваго, чѣмъ ты, Сильвія. Что же касается того, что это общество тебѣ незнакомо, то вѣдь и я врядъ-ли знаю многихъ, за исключеніемъ развѣ моихъ заказчиковъ, которые врядъ-ли удостоятъ меня кивкомъ головы, хотя завтра быть можетъ прибѣгутъ ко мнѣ и станутъ молить, точно какую-нибудь королеву:—пожалуйста, Мэри, одолжите меня и приготовьте платье къ будущему вторнику, пожалуйста, хотя бы вамъ пришлось просидѣть ночь. Увѣряю васъ, что мнѣ очень нужно и что я буду вамъ очень обязана. Они не помнятъ потомъ, какъ унижались передо мной, когда я встрѣчаю ихъ на улицѣ. Пойдемъ, Сильвія.

— Я не пойду. Иди одна. Ты мнѣ здѣсь не нужна.

— Какая ты непріятная. Но я побуду съ тобой немного. Я

думаю, тебѣ очень скучно видѣть, какъ м-ръ Стенденъ гуляетъ съ своей матерью и миссъ Рочдель; и миссъ Питеръ въ припадкѣ нѣжности ласково охватила рукой тонкую талію Сильвіи.

— Пожалуйста безъ объятій, вскричала дочь школьнаго учителя, отталкивая ея руку. — Мнѣ и безъ того жарко.

— Ну, Сильвія, ты право... Но не правда ли, что миссисъ Стенденъ очень красива? Это послѣднее, черное шелковое платье, которое я ей шила... аршинъ стоитъ, сколько мнѣ помнится, пятнадцать шиллинговъ, а юбка и лифъ отдѣланы чудными кружевами. Никто въ Гедингемѣ не носитъ такой шелковой матеріи и такихъ кружевъ, какъ миссисъ Стенденъ, а между тѣмъ она не франтитъ; но никогда не бросаетъ деньги на дрянной матеріалъ и ничего не носитъ, кромѣ черныхъ шелковыхъ платьевъ. Вотъ и миссъ Рочдель; она не дурна, не правда ли? Это я сшила ей это бѣлое кисейное платье, не правда-ли, оно очень мило?

— Да, отвѣчала Сильвія, переведя глаза съ мило-отдѣланнаго платья, съ кружевнымъ рюшемъ и розовыми лентами, на свой собственный бѣдный костюмъ. Она можетъ носить хорошія платья, получая пятьсотъ или шестьсотъ фунтовъ на свои карманныя издержки. Ступай туда, Мэри, и веселись со всѣмъ этимъ людомъ. Твоя пустая болтовня только досаждаетъ мнѣ.

— До свиданія, миссъ Керью, пока ваше расположеніе духа не улучшится, проговорила миссъ Питеръ съ достоинствомъ, и Сильвія къ ея великому удовольствію снова осталась одна въ своемъ тѣнистомъ уголку, подъ вѣковыми сливами. Весьма возможно, что Эдмондъ ускользнетъ отъ своихъ дамъ и отыщетъ ее въ ея зеленомъ убѣжищѣ, напоенномъ ароматами жимолости.

Она видѣла какъ маленькое общество обходило палатки. Миссисъ Стенденъ остановилась, чтобы купить что-то у дочерей викарія, и Эсѳирь Рочдель тоже вынула кошелекъ.

— Она хочетъ похвастаться своимъ богатствомъ, подумала Сильвія съ завистью, и увидѣла, что сдѣлка состоялась къ обоюдному удовольствію. Эдмондъ вышелъ изъ палатки, нагруженный свертками. Сильвія видѣла, какъ онъ поговорилъ съ матерью и затѣмъ вышелъ изъ воротъ, безъ сомнѣнія затѣмъ, чтобы отнести свертки въ экипажъ. Воспользуется ли онъ этимъ случаемъ, чтобы пробраться въ огородъ? Онъ могъ пройти по боковой тропинкѣ, минуя поле. Сердце Сильвіи забилось сильнѣе, какъ и всегда при мысли о приближеніи Эдмонда.

— Не пойти ли мнѣ къ воротамъ и не подождать ли его тамъ? спросила она себя. Нѣтъ, въ этомъ тихомъ уголкѣ намъ

такъ удобно свидѣться. Если онъ любитъ меня такъ сильно, какъ увѣряетъ, то съумѣетъ найти меня здѣсь. Мнѣ кажется, что я нашла бы его въ чащѣ большого лѣса. Любовь служила бы мнѣ путеводителемъ.

Любовь и привела м-ра Стендена въ уголокъ, подъ старыя сливовыя деревья. Правда и то, что огородъ м-ра Гоплинга былъ не очень обширенъ... онъ занималъ всего какихъ-нибудь пять или шесть акровъ.

Онъ подошелъ къ ней и прижалъ ее къ груди, какъ и наканунѣ, своими сильными руками, которыя, казалось, могли охранить ее отъ всякой бѣды.

— Милочка, я такъ и надѣялся найти тебя въ какомъ-нибудь тихомъ уголку, гдѣ намъ можно будетъ поговорить другъ съ другомъ нѣсколько минутъ, вдали отъ глазъ свѣта. Какъ ты хороша, Сильвія, сегодня.

— Въ этомъ платьѣ? вскричала она недовѣрчиво, и когда всѣ такъ нарядно одѣты.

— Нарядно! Фи! Я видѣлъ пропасть нарядовъ, но никого не видалъ, кто могъ-бы сравниться съ моей Сильвіей. Я провелъ безсонную ночь, моя радость, думая о всемъ, о чемъ мы вчера вечеромъ толковали, но всталъ сегодня въ отличномъ расположеніи духа. Я составилъ свое рѣшеніе насчетъ нашей будущей жизни. Я постараюсь найти мѣсто въ старомъ банкѣ... Въ банкѣ, знаешь, моего отца. Дѣла его очень разрослись съ тѣхъ поръ. Какъ компанія скупила паи моего отца. Отдѣленія его распространяются по всему графству. Я знаю, что имя отца будетъ служить лучшей рекомендаціей для меня въ глазахъ директоровъ, и я гораздо скорѣе, чѣмъ всякій другой, достигну повышенія. Какъ управляющій одного изъ отдѣленій я могу получать отъ пяти до шести сотъ фунтовъ, и мы отлично можемъ жить на эти деньги и содержать нашихъ дѣтей. Я обдумалъ все это, Сильвія, и вполнѣ примирился съ рѣшеніемъ матери.

— Какъ ты добръ! сказала дѣвушка съ оттѣнкомъ гнѣва во взглядѣ и въ тонѣ, ты исполненъ вниманія къ своей матери, какъ самый почтительный сынъ,—зная, что она намѣревается ограбить тебя.

— Ты не должна употреблять такихъ рѣзкихъ словъ, Сильвія. Тутъ не можетъ быть рѣчи объ ограбленіи; моя мать имѣетъ право распоряжаться, какъ ей угодно деньгами, оставленными въ ея распоряженіе.

— Я думаю иначе, вскричала Сильвія, вспыльчиво.—Деньги предназначались тебѣ; отецъ отложилъ ихъ для тебя, и вотъ те-

перь тебѣ приходится трудиться изъ-за куска хлѣба. Это просто позоръ!

— Если я прощаю своей матери, то и ты, Сильвія, должна простить ей. Иначе я подумаю, что ты больше дорожишь отцовскими деньгами, чѣмъ мной, возразилъ Эдмондъ серьёзно.

Впервые въ его тонѣ послышался какъ-бы упрекъ.

— Прости меня, сказала она; я люблю тебя отъ всего сердца. Я даже не боюсь бѣдности съ тобой.

— Мы не будемъ бѣдны, моя дорогая, если только это отъ меня зависитъ.

— А теперь ступай лучше къ матери и миссъ Рочдель.

— Онѣ могутъ побыть и безъ меня нѣсколько времени. Поговоримъ о нашемъ будущемъ, потому что я не намѣренъ откладывать дѣла въ долгій ящикъ.

— Ты хочешь, чтобы наша свадьба состоялась въ непродолжительномъ времени, сказала она, глядя на него съ удивленіемъ, —не взирая на рѣшеніе твоей матери?

— Не взирая ни на что; я не боюсь идти на бой съ жизнью.

— Я рада, что мы скоро обвѣнчаемся, произнесла Сильвія задумчиво. Гедингемскія лэди обращаются со мной, какъ съ какой-то паріей, только потому, что насъ видали вмѣстѣ.

М-ръ Стенденъ пробормоталъ что-то не очень лестное для гедингэмскихъ лэди.

— Всѣ немедленно должны узнать о нашей помолвкѣ, Сильвія, произнесъ онъ послѣ этого краткаго восклицанія. Моя мать знаетъ о ней, и всѣ должны узнать. Я сегодня же переговорю съ твоимъ отцемъ.

— Я боюсь, что онъ будетъ такъ же противъ нашего брака, какъ и миссисъ Стенденъ.

— Но отчего же? спросилъ Эдмондъ, удивленный. Неужели же Эдмондъ Стенденъ, хотя бы даже и безъ состоянія, не выгодная партія для дочери деревенскаго школьнаго учителя?

— Потому что положеніе твое измѣнилось, отвѣчала Сильвія. —Мой отецъ столько страдалъ отъ бѣдности, что онъ больше боится ее, чѣмъ ты, Эдмондъ, и питаетъ смутныя надежды на то, что я сдѣлаю то, что онъ зоветъ выгодной партіей.

— То-есть, онъ разсчитываетъ, что ты выйдешь замужъ за богатаго человѣка?

— Кажется.

— Мнѣ трудно вѣрить, чтобы отецъ могъ продать свою дочь тому, кто дастъ за нее больше.

— Дѣло не такъ худо, какъ ты полагаешь. Папа́ думаетъ

только, что я должна выдти за человѣка съ опредѣленными средствами къ жизни. Но мы можемъ не говорить ему, что миссисъ Стенденъ намѣрена лишить тебя наслѣдства, прибавила она, съ свѣтлымъ взглядомъ.

Сокрытіе истины никогда не тревожило совѣсти Сильвіи.

— Какъ? просить у него твоей руки съ лживыми обѣщаніями. Мнѣ непріятно, что ты считаешь меня способнымъ на такую вещь, Сильвія.

— Развѣ это такъ дурно? Ну, дѣлай, какъ хочешь; только я знаю, что если папа узнаетъ всю истину, то станетъ сопротивляться нашему браку изо всѣхъ силъ.

— Я могу вынести его сопротивленіе, если ты будешь мнѣ вѣрна. Мы не обязаны приносить въ жертву свое благополучіе его предразсудкамъ, но мы обязаны высказать ему всю истину. Мы уже и безъ того слишкомъ долго таили нашу тайну отъ него.

— Когда такъ, скажи ему, отвѣчала Сильвія, со вздохомъ.— Я должна буду, какъ съумѣю, перенести его воркотню и жалобы.

— Тебѣ не придется долго выносить ихъ, Сильвія. Я велю огласить въ церкви нашу помолвку въ будущее воскресенье. Ты совершеннолѣтняя, мы можемъ обвѣнчаться послѣ церковнаго оглашенія.

— Я рада этому, отвѣчала дѣвушка;—весь Гедингемъ услышитъ, какъ будутъ оглашаться наши имена. Эдмондъ Стенденъ, холостой изъ здѣшняго прихода и Сильвія Керью, дѣвица, тоже изъ здѣшняго прихода. Мнѣ кажется, что гедингемскія лэди не усидятъ на мѣстѣ и будутъ порываться помѣшать оглашенію. А твоя мать? легко ли ей будетъ слушать, какъ будутъ оглашать наши имена въ теченіе трехъ недѣль.

— Моя мать рѣшилась противиться самому дорогому желанію моего сердца и не можетъ жаловаться, если это рѣшеніе доставитъ ей нѣкоторое страданіе, произнесъ Эдмондъ Стенденъ, съ рѣшительнымъ взглядомъ, хорошо знакомымъ Сильвіи. — Я принимаю кару, какую ей угодно было назначить мнѣ, но не согласенъ жертвовать счастіемъ моей будущей жизни. Я былъ послушнымъ сыномъ до послѣдней минуты, но теперь наступилъ такой моментъ, когда покорность равнялась бы глупости. Каждый человѣкъ вправѣ выбирать самъ себѣ жену, такъ какъ отъ этого выбора зависитъ счастіе всей его жизни. Еслибы даже выборъ его былъ ошибочный, то пусть въ этой ошибкѣ будетъ виноватъ онъ, а не кто другой.

Молодой человѣкъ говорилъ такъ, какъ еслибы обсуждалъ вопросъ, который уже давно порѣшилъ для самого себя. Дѣвушка

внимательно слушала его и глядѣла на него съ нѣжнымъ восхищеніемъ. Да, вотъ человѣкъ, котораго стоило любить! Человѣкъ, который съумѣетъ, если нужно, воевать за нее съ цѣлымъ свѣтомъ; вѣрный щитъ противъ бѣды, гранитъ, на который можно опереться въ день несчастія. Никогда до настоящей минуты Сильвія такъ имъ не гордилась.

— Ты очень друженъ съ матерью? спросила она.

— Я надѣюсь, что исполнилъ свой сыновній долгъ. Мы крупно поговорили въ прошлый разъ; эти вещи не легко забываются. Но я никогда не буду непочтителенъ къ матери. Я постараюсь доказать ей, что люблю и уважаю ее, хотя и поступлю въ настоящемъ дѣлѣ противъ ея воли.

— А она добра съ тобой?

— Добрѣе, чѣмъ прежде, если только можно. Но между нами пробѣжала черная кошка, и я знаю, что она несчастлива. Но мы должны предоставить все времени. Она проститъ со временемъ, когда ближе познакомится съ тобой.

— Этого никогда не будетъ. Она предубѣждена противъ меня. Я прочла это на ея лицѣ. Но не будемъ говорить объ этомъ, Эдмондъ. Что мнѣ за дѣло до всего этого, если ты меня любишь? Скажи мнѣ, какъ отнеслась къ нашей помолвкѣ миссъ Рочдель. Такъ ли она разсердилась, какъ и твоя мать?

Лицо м-ра Стендена смягчилось, когда Сильвія упомянула о миссъ Рочдель.

— Есѳирь Рочдель! повторилъ онъ съ полу-безпечной нѣжностью, которая развивается въ тѣсномъ кругу мирнаго домашняго очага; — о! это милѣйшая дѣвушка въ мірѣ, и послѣднею стала бы порицать то, отъ чего зависитъ мое счастіе. Я не думаю, чтобы она знала о нашей помолвкѣ. Я не говорилъ ей о ней и полагаю, что мать также объ этомъ умолчала. Ты не должна ожидать непріятностей отъ Эсѳири. Я увѣренъ, что она будетъ тебѣ другомъ и вѣрнымъ другомъ.

Сильвія поглядѣла съ сомнѣніемъ, но ничего не сказала.

— А теперь, я долженъ бѣжать къ нимъ, сказалъ Эдмондъ, поглядѣвъ на часы.

Онъ пробылъ съ ней четверть часа, вмѣсто предполагаемыхъ пяти минутъ. Какъ тихо протекли минуты, которыя онъ провелъ въ этомъ спокойномъ уголку, осѣненномъ поросшими мохомъ сливовыми деревьями! Неужели вся жизнь его протечетъ точно также, въ мечтательномъ блаженствѣ, столь сладкомъ, что заставитъ сомнѣваться въ его дѣйствительности. Нѣтъ! ему придется трудиться! его ждетъ тяжелая борьба съ судьбой. Домашній

очагъ и любовь будутъ подобны очарованному острову, къ которому онъ будетъ направлять свой челнъ, послѣ солнечнаго заката, по бурнымъ волнамъ житейскаго моря, моря труда и борьбы... къ благословенной гавани, укрывающей отъ бурь жизни.

— Такъ скоро, Эдмондъ! произнесла дѣвушка безутѣшно.

— Радость моя, я остался дольше, чѣмъ намѣревался. Матушку скоро утомитъ этотъ людный лугъ и это яркое солнце. Я долженъ отвезти ее домой.

— Ты можешь вернуться послѣ этого и поглядѣть, какъ дѣти будутъ пить чай.

— Я бы желалъ этого отъ всего сердца. Но Тойнби должны обѣдать у насъ въ шесть часовъ. Мнѣ придется часа два просидѣть за столомъ... какъ разъ лучшую часть вечера... и дѣлать видъ, что я очень доволенъ своей судьбой. До свиданія.

Итакъ — они разстались съ поцѣлуемъ, и Сильвія осталась весьма недовольною судьбой, казавшейся неумолимой. Она надѣялась, что Эдмондъ поможетъ ей напоить дѣтей чаемъ.

ГЛАВА IV.

Жмурки.

Сильвія поспѣшно покинула свой уголокъ, утомясь наблюдать за маленькими группами народа, которыя, встрѣчаясь другъ съ другомъ, останавливались, пожимали взаимно руки и бесѣдовали другъ съ другомъ въ теченіе пяти минутъ и больше, съ такимъ жаромъ, какъ будто испытывали нѣжнѣйшую преданность другъ къ другу, и затѣмъ расходились, чтобы съ такимъ же энтузіазмомъ пожимать руки другимъ группамъ. Обозрѣвая *à vol d'oiseau* картину, которую представлялъ Гедингемскій школьный базаръ, наблюдатель невольно приходилъ къ заключенію, что образованное общество страдаетъ пустотой. Люди постоянно улыбались и казалось необыкновенно рады были видѣть другъ друга, а между тѣмъ Сильвія замѣтила, какъ иные изъ этихъ восторженныхъ господъ зѣвали, когда на нихъ никто не глядѣлъ.

Она вернулась въ ту часть огорода, гдѣ дѣти играли въ жмурки. Они стали умолять ее присоединиться къ нимъ, и самъ викарій, игравшій роль церемоніймейстера, настаивалъ на этомъ, такъ что ей нельзя было отказаться. Она неохотно согласилась принять участіе въ игрѣ и вскорѣ затѣмъ была поймана однимъ изъ мальчиковъ, который провелъ своими грубыми руками по ея

лицу и головѣ, сжалъ съ тріумфомъ въ своихъ кулакахъ ея золотистыя косы и заоралъ, что онъ поймалъ—миссъ Керью.

Послѣ этого, Сильвіи завязали платкомъ глаза и послѣ нелѣпыхъ вопросовъ о домѣ ея отца, ласковая рука викарія повертѣла ее на мѣстѣ и ей было предложено ловить, кого она хочетъ. «Она играетъ не особенно охотно, лукаво замѣчали перезрѣлыя молодыя лэди другъ другу. Такія невинныя развлеченія не имѣютъ цѣны въ глазахъ Сильвіи Керью, говорили онѣ, когда въ нихъ не участвуютъ молодые джентльмены, которые могли бы восхищаться ею».

Въ самомъ дѣлѣ, Сильвія скользила нѣсколько безпечно между искривленными яблонями и вишневыми деревьями, больше опасаясь какъ бы не оцарапать своего лица объ ихъ кривыя сучья, чѣмъ стремясь поймать кого-либо изъ участниковъ игры. Время отъ времени она протягивала впередъ руки и пыталась подглядѣть изъ-подъ носового платка, и съ этой цѣлью подымала голову, но викарій завязалъ платокъ вполнѣ основательно. Само правосудіе было не болѣе слѣпо, чѣмъ Сильвія Керью.

Вдругъ мальчики и дѣвочки присмирѣли. Каждый невѣрный шагъ Сильвіи не вызывалъ больше прежнихъ криковъ и воплей. Ей показалось, что она слышитъ чьи-то незнакомые голоса... голоса кавалеровъ, разговаривавшихъ неподалеку отъ нея; среди нихъ выдѣлялся одинъ голосъ, въ которомъ звучали тихія томныя ноты. Этотъ голосъ былъ для нея совершенно незнакомъ и отличался отъ гедингемскихъ голосовъ, по отсутствію въ немъ той добродушной звучности, которая отличала голоса мѣстныхъ обывателей.

Сильвія двигалась медленно и неохотно, неоднократно ударяясь головой о кривые сучья, за которыя цѣплялись ея волосы, но ничего не могла поймать руками, кромѣ перепутанныхъ вѣтвей, которыя попадались ей на каждомъ шагу. Она начинала чувствовать большое утомленіе и нетерпѣливо ждала приглашенія приготовлять чай... или какого-нибудь перерыва, который бы освободилъ ее отъ ненавистной игры... какъ вдругъ кто-то угодилъ какъ-разъ въ ея объятія.

Она поспѣшно ухватилась за свою добычу и ее тотчасъ же привѣтствовало громкое ура! къ которому присоединялся и голосъ викарія, точно она сдѣлала необыкновенную вещь, поймавъ это лицо. То не былъ ни мальчикъ, ни дѣвочка, принадлежащіе къ приходской школѣ. Ея любопытные пальцы ощупали не накрахмаленное ситцевое платье, не плисовую куртку, но тончай-

шее, мягчайшее сукно и бархатный воротникъ сюртука, очевидно, принадлежавшаго джентльмену.

Неужели то былъ Эдмондъ Стенденъ? Ея первая мысль была о немъ; ея тонкіе пальчики съ дрожью поглаживали сюртукъ, за который ухватились. Нѣтъ, это былъ кто-то вовсе не такой высокій и плечистый, какъ Эдмондъ. Она подняла руку и дотронулась до непокрытой головы. Мягкіе шелковистые волосы были прямы и жидки, а не густы и курчавы, какъ у Эдмонда.

— Я не знаю, кто это такой, сказала она безпомощно, разочаровавшись отъ открытія, что это не Эдмондъ Стенденъ, хотя послѣ того, что онъ сказалъ, она не имѣла никакого основанія ожидать, чтобы это былъ онъ. Но любовь и разсудокъ не всегда идутъ рука объ руку.

— Когда такъ, то вы должны заплатить фантъ, закричалъ пронзительный голосъ смѣлаго, большого мальчишки изъ разряда тѣхъ, которыхъ ничѣмъ не запугаешь.

— А какого рода этотъ фантъ? спросилъ голосъ плѣнника... тотъ самый низкій, томный голосъ, который Сильвія слышала нѣсколько минутъ раньше.

— Поцѣлуй! заоралъ бѣдовый мальчишка.

— Когда такъ, то я осмѣливаюсь воспользоваться своей привилегіей, сказалъ джентльменъ, и усатый ротъ слегка коснулся губъ Сильвіи. То было почтительное привѣтствіе вѣжливаго рыцаря.

Ласковая рука развязала повязку, и Сильвія увидѣла себя посреди огорода, лицомъ къ лицу съ пожилымъ джентльменомъ; викарій, мальчики и дѣвочки и перезрѣлыя молодыя лэди—всѣ глядѣли на нихъ.

Джентльменъ былъ незнакомецъ, человѣкъ лѣтъ около пятидесяти или шестидесяти, быть можетъ скорѣе шестидесяти, чѣмъ пятидесяти, человѣкъ съ такой изящной осанкой и наружностью, какая была совсѣмъ нова для Сильвіи, человѣкъ съ длиннымъ овальнымъ лицомъ и той правильностью чертъ, которая какъ будто носитъ отпечатокъ высокаго рожденія, лицо, напоминавшее портретъ Карла I или, лучше сказать, лицо въ этомъ же родѣ, но только постарше, съ мягкими, серебристыми, сѣдоватыми волосами, раздѣленными на высокомъ, узкомъ лбѣ и съ длинными усами, ниспадавшими надъ тонкими губами. Глаза были голубые и ласково глядѣли на Сильвію,—нѣтъ, болѣе чѣмъ ласково, съ восхищеніемъ. Этотъ восхищенный взглядъ заставилъ покраснѣть хорошенькое личико дѣвушки. Ей было пріятно, что маленькій

гедингемскій мірокъ видитъ, какъ ею восхищается этотъ незнакомый господинъ, повидимому, знатнаго происхожденія.

— Честно захвачены въ плѣнъ, сэръ Обри, не такъ ли? проговорилъ викарій, смѣясь.

Сильвія слегка вздрогнула и поглядѣла на незнакомца своими великолѣпными карими глазами, которые околдовали Эдмонда Стендена... глазами, которые были настолько красивы, что покоряли даже холодныхъ критиковъ, хулившихъ дочь школьнаго учителя. Она поглядѣла на пожилого джентльмена съ нескрываемымъ удивленіемъ. Итакъ, это былъ сэръ Обри Перріамъ; его присутствіе произвело волненіе на огородѣ, вызвало оживленность въ манерахъ викарія и его свиты старыхъ дѣвъ и почтительную тишину въ средѣ ребятъ, которые стояли широкимъ полукругомъ, глазѣли во всѣ глаза и сопѣли сильнѣе, чѣмъ когда-либо.

— Честно захвачены въ плѣнъ! повторилъ викарій, довольный тѣмъ, что важный землевладѣлецъ такъ снисходительно принимаетъ участіе въ сельскихъ забавахъ. Это обстоятельство, безъ сомнѣнія, поведетъ къ щедрой подпискѣ на школьный фондъ.

— Честно захваченъ, не спорю, сказалъ сэръ Обри мягкимъ тономъ и, склонившись съ рыцарскимъ видомъ передъ Сильвіей, поцѣловалъ маленькую ручку, безпомощно повисшую вдоль тѣла. Эта старомодная галантность наполнила ее чувствомъ новаго тріумфа. Она желала, чтобы миссисъ Стенденъ видѣла, какое вниманіе оказываетъ ей сэръ Обри.

— Идемъ теперь за столъ, проговорилъ викарій, живо! Пора пить чай.

Не слѣдовало терять больше драгоцѣннаго времени въ созерцаніи маленькой группы, образовавшей центръ круга: Сильвію, краснѣющую и съ опущенными глазами, но съ довольнымъ выраженіемъ въ карихъ глазахъ, полузакрытыхъ длинными рѣсницами и улыбающимися губами; сэра Обри, глядящаго на нее съ свѣтскимъ, рыцарскимъ восхищеніемъ,—обѣ эти фигуры представляли изящную картину на освѣщенномъ солнцемъ заднемъ фонѣ огорода. Все это было весьма прилично и пріятно: важный джентльменъ, любующійся сельской красавицей и т. д., но мистеръ Ванкортъ, викарій, чувствовалъ, что всякое дальнѣйшее промедленіе этой сцены будетъ идти въ разрѣзъ съ его духовнымъ саномъ. Онъ громко хлопнулъ въ ладоши, какъ бы желая разсѣять неуловимые чары, разлитые въ воздухѣ, кликнулъ своихъ почитательницъ и съ такимъ громомъ принялся разставлять

чашки и блюдечки, что могъ разбудить болѣе упорнаго мечтателя, чѣмъ сэръ Обри Перріамъ.

Сильвія приступила къ своимъ обязанностямъ, болѣе довольная жизнью вообще, чѣмъ полчаса тому назадъ. Сэръ Обри Перріамъ восхищался ею, и ея маленькій мірокъ былъ свидѣтелемъ его восхищенія. Это было ножемъ въ сердце тѣмъ высокомѣрнымъ христіанкамъ, которыя безжалостно унижали ее за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ. Мэри Питеръ и Алиса Кукъ были также свидѣтельницами ея кроткаго тріумфа, и хотя она считала этихъ подругъ своего дѣтства несравненно ниже себя, но ей пріятно было одержать побѣду на ихъ глазахъ. Она весело гремѣла чашками и блюдечками, разставляя ихъ вдоль узкаго стола, покрытаго блестящей скатертью. Она весело дѣлала тартинки съ масломъ, хотя этому дѣлу казалось и не предвидѣлось конца.

— Вы напоминаете мнѣ героиню одного извѣстнаго романа, проговорилъ тихій голосъ надъ самымъ ея ухомъ. Она подняла голову и внезапно покраснѣла. Сильвія вообще легко краснѣла; одного слова или взгляда было достаточно, чтобы вызвать краску на ея нѣжныхъ щечкахъ.

То былъ сэръ Обри, прогуливавшійся между столами, вмѣстѣ съ мистеромъ Ванкортомъ. Онъ обошелъ базаръ, истратилъ нѣсколько золотыхъ въ одной изъ палатокъ и пришелъ на огородъ за пять минутъ до того, какъ его поймала Сильвія. Быть можетъ, онъ самъ пошелъ на встрѣчу плѣну, когда увидѣлъ бѣлую фигуру, направлявшуюся къ нему съ протянутыми руками.

Попавъ на огородъ, сэръ Обри, повидимому, предпочиталъ его сельскія приманки обольщеніямъ прекрасныхъ продавщицъ на близлежащемъ полѣ.

— Солнце такъ печетъ на полѣ, что это свыше моихъ силъ, сказалъ онъ, чтобы извинить свое предпочтеніе. Здѣсь же эти красивыя, старыя деревья даютъ такую пріятную тѣнь, а дернъ такъ мягокъ. Мнѣ бы хотѣлось посмотрѣть, какъ молодежь пьетъ чай.

Викарій шепнулъ что-то одной изъ своихъ вѣрныхъ приближенныхъ, и черезъ пять минутъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, комфортабельное садовое кресло было поставлено у одного изъ столовъ для сэра Обри Перріама. Оно было привезено изъ приходскаго дома, въ предчувствіи этой минуты. Мистеръ Ванкортъ рѣшилъ, что если сэръ Обри выказываетъ дружеское расположеніе къ школѣ, то ничто не должно охлаждать его рвенія.

Сэръ Обри опустился на садовое кресло съ довольнымъ видомъ и снисходительно глядѣлъ, какъ угощали голодныхъ ребя-

типекъ. Сильвія и другія лэди проходили мимо него съ нагруженными подносами и надѣляли съѣдобнымъ жадныхъ школьниковъ. Груды ломтей кэка, печенья, тартинокъ съ масломъ уплетались этими юными обжорами. Сильвіи было много дѣла. То она стояла у одного стола, разливая чай, уже заправленный сахаромъ и сливками—такъ какъ личные вкусы врядъ ли могли приниматься во вниманіе въ такой толпѣ гостей—изъ большого бѣлаго кувшина; то переходила къ другому столу, гдѣ нарѣзывала свѣжіе ломти кэка. Угощеніе было обильное, но и аппетиты были его достойны.

Сэръ Обри съ очевиднымъ интересомъ наблюдалъ за всей процедурой; но тѣ изъ женскихъ друзей викарія, которымъ было время наблюдать за нимъ, замѣчали, что глаза его слѣдили за каждымъ движеніемъ Сильвіи Керью. Если она исчезала у него изъ глазъ на нѣкоторое время, то взглядъ его становился безпокоенъ и оживлялся только тогда, когда она снова появлялась. Вслѣдствіе чего гедингемскія лэди порѣшили, что онъ безнравственный пожилой джентльменъ. Онѣ не уважали никого изъ тѣхъ, кто восхищался Сильвіей Керью.

Быть очарованнымъ этой видной красавицей считалось признакомъ мелкаго ума. Эдмонда Стендена осудили на погибель съ того самаго дня, когда впервые увидѣли его гуляющимъ съ Сильвіей Керью. А теперь, глядите, сэръ Обри Перріамъ готовъ пойти по той же опасной дорогѣ; сэръ Обри Перріамъ, передъ которымъ преклонялся весь Гедингемъ, какъ передъ сюзереномъ, ибо развѣ весь Гедингемъ, за исключеніемъ немногихъ акровъ земли, не принадлежалъ ему, столько же, сколько тотъ батистовый платокъ, отъ котораго распространялось благоуханіе въ лѣтнемъ воздухѣ?

Неоднократно Сильвія встрѣчала взглядъ этихъ мягкихъ, степенныхъ глазъ. То былъ взглядъ, который заставилъ ее съ любопытсвомъ задать себѣ вопросъ: что̀ могло случиться, если бы она не любила и не была любима Эдмондомъ Стенденомъ?

ГЛАВА V.

Какъ это все случилось.

Дekановъ домъ, который принадлежалъ въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ Стенденамъ, лежалъ въ полу-милѣ отъ Гедингема, и земля, окружавшая его, принадлежала къ другому приходу, хотя Стендены всегда считались Гедингемскими прихо-

жанами. У нихъ была своя скамья въ Гедингемской церкви, и они участвовали во всѣхъ благотворительныхъ подпискахъ Гедингема; словомъ, признавались гедингемцами за своихъ.

Домъ, построенный въ эпоху Георга I, былъ великъ и массивенъ, краснаго цвѣта и внушительнаго вида. Но, несмотря на примѣсь желтаго кирпича къ красному и каменной отдѣлкѣ, нарушавшей монотонность краснаго цвѣта, домъ все-таки оставался краснымъ и представлялся съ одного изъ холмовъ, возвышавшихся по обѣ его стороны — такъ какъ эта часть Англіи вся въ холмахъ и долинахъ—краснымъ пятномъ на темно-зеленомъ фонѣ.

Въ домѣ было три ряда оконъ, по семи въ каждомъ этажѣ; въ центрѣ было три окна и по бокамъ по флигелю. Верхній рядъ оконъ былъ украшенъ краснымъ карнизомъ и каменнымъ фронтономъ, — который придавалъ нѣкоторое величіе степенному солидному зданію и свидѣтельствовалъ о честолюбивомъ духѣ богатаго декана, который построилъ домъ... посадилъ три кедра, осѣнявшихъ своими темными вѣтвями, и развелъ большой гладкій лугъ, ведшій къ двумъ длиннымъ, полукруглымъ аллеямъ, которыя оканчивались площадкой, украшенной по четыремъ угламъ кипарисами въ формѣ обелисковъ и бесѣдкой посрединѣ въ голландскомъ стилѣ.

Ückerman Декановъ домъ не былъ опоясанъ аристократическимъ паркомъ, какъ, напримѣръ, Перріамскій замокъ, мрачныя стѣны котораго человѣческій глазъ лишь смутно различалъ вдали, и который былъ одинокъ и недоступенъ, какъ замокъ волшебника. Декановъ домъ выходилъ своимъ фасадомъ на большую дорогу и былъ доступенъ взорамъ публики сквозь красивыя желѣзныя ажурныя ворота. Вымощенная дорожка вела черезъ передній садъ, гдѣ ослѣпительный блескъ большихъ красныхъ гераній въ большихъ зеленыхъ кадкахъ былъ почти непріятенъ для глазъ въ жаркій лѣтній день. Никто и никогда не видалъ желтаго листочка на этихъ гераняхъ, послѣ восьми часовъ утра. Вообще нужно было спозаранку подняться съ постели, чтобы усмотрѣть слѣды небрежности или безпорядка въ садахъ деканова дома. Два старыхъ садовника пріучены были къ сверхъестественной бдительности, а если какой-нибудь увядшій листъ или поблекшій цвѣтокъ ускользалъ отъ ихъ взоровъ, то неизбѣжно попадалъ подъ большія садовыя ножницы, которыми вооружалась миссисъ Стенденъ во время своей ежедневной прогулки, которую она совершала неизмѣнно и во всякую погоду.

Вымощенная дорожка оканчивалась нѣсколькими каменными

ступенями, на верху которыхъ полу-стеклянная дверь вела въ сѣни. Это была просторная комната, служившая на половину сѣнями, на половину билліардной или лѣтней пріемной. Изъ нея открывался прекрасный видъ на цвѣтникъ и полукруглую аллею, съ голландской бесѣдкой на концѣ. Лужайка съ кедрами была на другомъ концѣ дома, и на нее выходили пять высокихъ оконъ гостиной. Деканъ постарался, чтобы домъ былъ пріятенъ для глазъ, съ какой бы стороны на него ни поглядѣли. Здѣсь не было некрасивыхъ пристроекъ. Даже тотъ флигель, гдѣ помѣщалась кухня, былъ красивымъ зданіемъ и выходилъ на обширный дворъ, напротивъ конюшенъ, длиннаго, низкаго зданія, въ томъ же стилѣ, какъ и домъ.

Билліардъ былъ святыней, оставшейся послѣ покойнаго м-ра Стендена. Сама миссисъ Стенденъ ни за что не согласилась бы купить такого рода вещь, хотя бы для обожаемаго и единственнаго сына. Въ самомъ дѣлѣ, она не могла вполнѣ разстаться съ мыслью, что грѣшно играть на билліардѣ. Но у лучшихъ людей бываютъ свои слабости, и м-ръ Стенденъ, банкиръ, любилъ билліардъ. Его преждевременная смерть—онъ умеръ пятидесяти пяти лѣтъ и ровно черезъ семь лѣтъ послѣ того, какъ женился,—сдѣлала билліардъ священнымъ. Его вдова ни за что не рѣшилась бы разстаться съ чѣмъ-нибудь, что́ ему принадлежало, или даже удалить билліардъ въ пустой каретный сарай. Такимъ образомъ, билліардъ остался на своемъ мѣстѣ, и Эдмондъ Стенденъ игралъ на немъ, подъ той самой карсельской лампой, какая зажигалась при его отцѣ. Онъ хотѣлъ, было научить играть въ билліардъ Эсѳирь Рочдель, чтобы всегда имѣть подъ рукой партнера, но противъ этого мать его возстала съ неумолимой строгостью. Играть на билліардѣ для мужчины еще куда ни шло, если онъ пользовался этимъ развлеченіемъ съ умѣренностью. Но для женщины...! Миссисъ Стенденъ могла закончить фразу только дрожью отвращенія. Эсѳирь покорилась, какъ она всегда покорялась своей пріемной матери. Но въ душѣ она питала нѣжную склонность къ игрѣ на билліардѣ.

Убранство въ декановомъ домѣ было подобно геранямъ въ партерѣ и цвѣтамъ въ цвѣтникѣ. Пыль была вещью незнакомой; сломаный стулъ, царапина на полированныхъ стѣнахъ или буфетѣ никогда не представлялись взорамъ посѣтителя. Мебель была старомодною, не будучи античной. Она принадлежала къ тому періоду всеобщаго безвкусія, которое царило въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда всѣ умы были поглощены страстными войнами, а искусства и художество во всей Европѣ находились въ усыпленіи — при-

мѣромъ чему служитъ мебель временъ первой французской имперіи. Дѣйствительно, дремота искусства кажется была такъ же продолжительна, какъ волшебный сонъ спящей красавицы, пока его не пробудило возрожденіе готическаго стиля. Мебель мисcисъ Стенденъ, которою она нѣсколько гордилась, была чрезвычайно безобразна. Она вся состояла изъ квадратовъ или параллелограммовъ. Во всемъ домѣ врядъ-ли можно было увидать хотя одну изящную линію во вкусѣ Гогарта. Темный колоритъ стараго краснаго и розоваго дерева всюду господствовалъ, кое-гдѣ перебиваемый аляповатыми бляхами мѣдной рѣзьбы на шифоньеркѣ, или мѣдными ручками у ящиковъ комода. Кровати всѣ были съ чудовищными балдахинами, съ ниспадающими тяжеловѣсными занавѣсями изъ сукна или зеленаго штофа, за которыми человѣкъ могъ бы окончить жизнь свою, какъ въ пустынѣ, скрытый отъ взоровъ всего свѣта.

Обширная гостинная, сорока футъ длины, была вся уставлена *en suite* тяжелыми столами, шифоньерами, диванами изъ розоваго дерева, выстроенными вдоль стѣнъ, съ квадратными спинками и локотниками, носившими на себѣ общій отпечатокъ жесткости. Чистые, но полинялые ситцевые чехлы скрывали великолѣпіе красной обивки, появлявшейся на свѣтъ божій только въ торжественныхъ случаяхъ. Красныя занавѣси длинными прямыми складками обрамляли пять высокихъ оконъ. Никакое произведеніе искусства не нарушало монотонности обоевъ, бѣлыхъ съ золотомъ, нѣсколько пострадавшихъ отъ времени, — но должно быть, настолько дорогихъ, что они предназначались служить два вѣка. Въ длинномъ зеркалѣ надъ каминомъ отражались пустыя стѣны и кусочекъ сада, виднѣвшійся изъ противуположнаго окна, а въ двухъ низенькихъ зеркальцахъ надъ шифоньерками двоились прямые ряды китайскихъ чашекъ съ блюдцами, кубки украшенные драконами, и бутылевидныя вазы. Столы изъ розоваго дерева были покрыты такими старинными бездѣлушками, какія сохраняются лишь у дамъ, обитательницъ старыхъ деревенскихъ домовъ. Продолговатая книга съ картинами «Красавицы Тёнбриджъ-Уэсъ» —была перевязана выцвѣтшими голубыми лентами; кипсэкъ, 35 года, открывался самъ собою на поэмѣ, подписанной буквами L. E. L.; корзина для вязанія, произведенія Тёнбриджа, чернильница изъ Дербиширскаго шпата, прессъ-папье изъ серпентина—драгоцѣнныя воспоминанія свадебной поѣздки м-ра и м-съ Стенденъ; вышитый по атласу бюваръ, шелки котораго выцвѣли до блѣднѣйшаго розоваго оттѣнка и едва замѣтнаго сѣраго цвѣта; индійскія шахматы,

подарокъ щедраго англо-индійскаго родственника, которымъ обладаетъ почти каждое почтенное семейство.

Несмотря на все безобразіе и неуклюжесть мебели, эта комната была красива и даже привлекательна. Просторъ и свѣтъ много тому способствовали, деканъ же не пожалѣлъ денегъ на рѣзьбу. Нижняя часть двойныхъ дверей была изъ прочнаго краснаго дерева, верхняя же — украшена гирляндами изъ плодовъ и цвѣтовъ, нарисованныхъ художникомъ не безъ таланта. Карнизъ комнаты самъ по себѣ представлялъ произведеніе искусства. Гостинная м-съ Стенденъ была лѣтомъ очень прохладна, зимой въ мѣру тепла, а изъ ея длинныхъ оконъ открывался видъ на мягкую лужайку, отѣненную благороднѣйшими деревьями. Выросши въ такомъ домѣ, какъ декановъ домъ, м-ръ Стенденъ врядъ-ли могъ отрицать, что судьба забросила его въ пріятный уголокъ. Однакожъ, природа человѣческая настолько превратна, что бывали минуты, когда безукоризненное приличіе, неизмѣнный порядокъ въ домѣ становились невыносимы для молодого человѣка, когда онъ чувствовалъ, безъ сомнѣнія подъ вліяніемъ какого-нибудь дьявольскаго навожденія, непреодолимое влеченіе къ менѣе совершенному домоводству, даже готовъ былъ хлебнуть глотокъ изъ жгучей чаши скитальческой жизни.

Прислуга вся была давнишняя, воспитанная самою м-съ Стенденъ, прожившая у нея около двадцати лѣтъ, знавшая «всѣ ея привычки» и на которую можно было положиться, что она всегда въ точности выполнитъ свои обязанности. Никакихъ предварительныхъ стычекъ не происходило, когда м-съ Стенденъ ожидала гостей. Самые большіе званые обѣды не производили ни малѣйшаго смущенія въ этомъ образцовомъ хозяйствѣ. Буфетчица знала наизусть каждую полку въ обширныхъ шкафахъ съ фарфоромъ, гдѣ старинный Уорстерскій столовый сервизъ, блестящій пурпуромъ и золотомъ, и дессертный сервизъ, произведеніе придворной фабрики Дерби, были разставлены какъ на выставкѣ. Она умѣла выбирать лучшій граненый хрусталь, въ точности знала вкусы своей госпожи, такъ что м-съ Стенденъ приходилось хлопотать не больше, чѣмъ любой герцогинѣ со штатомъ въ пятьдесятъ человѣкъ прислуги.

Спокойствіе такой жизни можетъ вполнѣ удовлетворить пожилыхъ людей; но молодость способна возмущаться такимъ невозмутимымъ блаженствомъ, и бывали минуты, когда Эдмондъ Стенденъ ощущалъ, что это однообразное прозябаніе свыше его силъ. Четыре года, проведенные имъ на континентѣ, сначала студентомъ германскихъ университетовъ, а затѣмъ туристомъ, по-

сѣщавшимъ замѣчательнѣйшіе города всего свѣта, гдѣ для богатыхъ людей представляется такое обширное поприще для изученія искусствъ и изящества, были единственной перемѣной въ его жизни. Даже теперь, достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ, онъ не могъ подавить вздоха при воспоминаніи о своей студенческой жизни, о тѣхъ неугомонныхъ, буйныхъ товарищахъ студентахъ, въ обществѣ которыхъ такъ быстро пролетали долгія ночи въ винныхъ погребкахъ Гейдельберга. Онъ вспоминалъ о каникулярныхъ странствованіяхъ по Шварцвальду, и о различныхъ развлеченіяхъ заграничной жизни, о которыхъ м-съ Стенденъ не имѣла ни малѣйшаго понятія. Имѣлъ ли онъ право быть недовольнымъ своей жизнью, когда мать такъ нѣжно его любила, когда она исполняла малѣйшія желанія и фантазіи его, когда серьёзно-благородное лицо ея озарялось радостью при его появленіи, а ея спокойный голосъ всегда нѣжно привѣтствовалъ его въ какой бы часъ онъ ни вернулся домой? Онъ самъ не разъ повторялъ себѣ, что не имѣетъ никакого права желать иной, болѣе широкой жизни, чѣмъ та, которую велъ въ декановомъ домѣ, и что его единственная обязанность—быть добрымъ сыномъ.

Но такъ было до той злополучной минуты, когда онъ влюбился въ Сильвію Керью. Въ одинъ ясный апрѣльскій воскресный день, блуждая по Гедингему, онъ очутился за полчаса до начала вечерней службы на старомъ тѣнистомъ кладбищѣ, гдѣ поколѣнія усопшихъ Стенденовъ заявляли о своей респектэбельности надгробными памятниками, доступными среднему сословію. Стендены вошли въ силу и славу въ Гедингемѣ весьма недавно. Всего какихъ-нибудь два поколѣнія назадъ они были фермерами или торговцами. Дѣдъ Эдмонда положилъ основаніе тому банкирскому дому, который прославилъ имя Стенденовъ. Эдмондъ блуждалъ по кладбищу въ этотъ воскресный полуденный часъ, самъ не зная, какъ убить время. Онъ скитался по окрестностямъ въ нѣсколько бродяжническомъ настроеніи духа, по окончаніи обѣдни, между тѣмъ какъ долженъ былъ бы присутствовать при холодномъ завтракѣ, или раннемъ обѣдѣ, которымъ отличался въ декановомъ домѣ отъ прочихъ дней въ недѣли день субботній. Въ это утро онъ почувствовалъ, что обычная трапеза, до приторности сходная со всѣми предыдущими субботними трапезами, была бы пыткой, вынести которую онъ не былъ въ состояніи. Поэтому онъ пошелъ бродить по тропинкамъ, окаймленнымъ душистымъ боярышникомъ, по лугамъ, и вдоль темной рѣчки, кишѣвшей форелями, вперяя взоръ свой въ глубину водъ, жалѣя что сегодня не будни, и онъ не захватилъ съ

собою удочки. Эти долгіе часы, проведенные въ такомъ общеніи съ природой, показались ему несравненно пріятнѣе возсѣданія за безукоризненно сервированнымъ столомъ своей матери, гдѣ ему пришлось бы вести обычную воскресную бесѣду—бесѣду спеціально приспособленную для этого дня, какъ казалось Эдмонду Стенденъ,—уставясь глазами въ хрустальные графины и кувшины съ водой, слегка позѣвывая въ долгіе промежутки молчанія.

— Я былъ бы очень доволенъ, еслибъ жизнь наша не такъ неизмѣнно распредѣлялась по часамъ, подумалъ онъ, неохотно поднимаясь съ дерновой скамьи, устроенной на берегу рыбной рѣчки, гдѣ онъ растянувшись вкушалъ упоительный отдыхъ. — Право, иной разъ, когда мать начнетъ свою проповѣдь на тему пунктуальности, я чувствую, что въ душѣ у меня шевелится проклятіе изобрѣтателю часовъ. Какъ хорошо должно быть живется дикарямъ, у нихъ не назначено времени, когда вставать, или ложиться спать, когда обѣдать или одѣваться; вѣчная, нескончаемая свобода, и обширные дѣвственные лѣса для жилища. Онъ вспомнилъ, при этомъ, что назначено опредѣленное время для вечерней службы, и что онъ обязанъ при ней присутствовать. Онъ находилъ извинительнымъ, что предпочелъ эту сельскую прогулку домашнему обѣду, но зналъ, что не встрѣтитъ снисхожденія, если не явится къ вечерней службѣ.

Боясь опоздать, онъ такъ ускорилъ шагъ, что очутился на старомъ кладбищѣ за полчаса до назначеннаго срока. Маленькая боковая дверь была отперта, и онъ заглянулъ въ церковь. Мирная, сѣрая, древняя готическая церковь, съ ея варварски выбѣленными стѣнами, съ догнивающими остатками дубовой рѣзной перегородки, поврежденныя колонны съ полинялыми гербами, приткнутыми къ капителямъ, низкая галлерея и неуклюжій органъ, все это въ соединеніи съ манящей прохладой и благодѣтельной тѣнью придавали храму самый привлекательный видъ.

Шумъ звонкихъ голосовъ привлекъ его вниманіе къ этой двери. Заглянувъ въ нее, онъ увидалъ въ одномъ изъ боковыхъ придѣловъ толпу дѣтей и дѣвушку съ книгою въ рукѣ, которая, прислонясь къ скамьѣ, спрашивала урокъ изъ катехизиса.

То была Сильвія Керью. Красивое, правильное лицо привело его въ такой неописанный восторгъ, какого онъ до этой минуты не испытывалъ передъ женской красотой. Какъ одна картина среди громадной галлереи привлекаетъ къ себѣ блуждающій взоръ и приковываетъ его послѣ того, какъ онъ полусознательно удивлялся пяти тысячамъ другихъ картинъ; какъ одна мелодія изъ

цѣлой запутанной оперы выдѣляется и воспламеняетъ душу слушателя, такъ и Сильвія приковала его вниманіе.

У него не было никакого предлога войти въ церковь, онъ могъ только стоять подъ маленькой аркой и смотрѣть на нее, съ восторгомъ, почти съ умиленіемъ, словно одинъ изъ мраморныхъ ангеловъ, украшавшихъ гробницу госпожи Сибиллы Перріамъ, помѣщенную близъ алтаря, ожилъ и предсталъ предъ нимъ. Между тѣмъ какъ онъ стоялъ погруженный въ созерцаніи этой великолѣпной картины, молодая дѣвушка подняла глаза, и взоры ихъ встрѣтились, и этотъ первый взглядъ былъ какъ бы безсознательнымъ предвѣстникомъ ихъ судьбы. Дѣвушка вспыхнула и потомъ улыбнулась; ободренный этой дружественной улыбкой, Эдмондъ Стенденъ переступилъ черезъ порогъ.

Урокъ катехизиса кончился. Ученики миссъ Керью путались въ отвѣтахъ на извѣстныя всему міру вопросы, больше, чѣмъ это обыкновенно случается съ деревенскими школьниками, потому что, надо сознаться, что классъ миссъ Керью въ воскресной школѣ сильно отсталъ отъ другихъ классовъ; причина этого, оправдывалась Сильвія, заключалась въ томъ, что учительницы другихъ классовъ были барышни, преподававшія для собственнаго удовольствія, и гордившіяся своими учительскими успѣхами, между тѣмъ какъ она обучала этихъ несносныхъ ребятишекъ только по обязанности.

— Мнѣ кажется, что ученики ваши нѣсколько разслабли въ эту жару, сказалъ м-ръ Стенденъ, не зная съ чего начать.

— Они всегда одинаково глупы и несносны, отвѣчала Сильвія съ презрительнымъ движеніемъ своей прелестной головки. Я не думаю, чтобъ погода имѣла на нихъ какое-либо вліяніе... Мэри Жэнъ Гаррисъ, прошу васъ стоять на полу, а не на моихъ ногахъ... Я привела ихъ сюда потому, что въ школѣ негдѣ повернуться; она биткомъ набита дѣтьми и преподавателями.

— Кажется, одна знакомая мнѣ молодая дѣвушка учитъ въ вашей воскресной школѣ.

— Ихъ тутъ много учитъ, отвѣчала равнодушно Сильвія, но я сомнѣваюсь, чтобы ихъ преподаваніе шло въ прокъ.

— Молодая дѣвушка, о которой я говорю, миссъ Рочдель, сказалъ Эдмондъ, сознавая, что онъ съумѣлъ довольно ловко отрекомендоваться незнакомкѣ. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что она лэди, даже въ гедингемскомъ значеніи этого слова. Онъ не видѣлъ отпечатка бѣдности въ этомъ тщательно заштопанномъ бѣломъ платьѣ, которое такъ шло къ ней. Онъ только сознавалъ, что она прелестнѣе всѣхъ существующихъ женщинъ, когда-либо

имъ видѣнныхъ; она вызывала въ немъ воспоминанія изъ міра картинъ, скорѣе чѣмъ изъ міра простыхъ смертныхъ.

— Мнѣ случалось говорить съ миссъ Рочдель, сказала Сильвія, но я не довольно близко съ нею знакома; и прежде чѣмъ Эдмондъ Стенденъ могъ вставить еще словечко, она, скромно пожелавъ ему добраго вечера, ушла съ своимъ маленькимъ стадомъ; она исчезла изъ его глазъ, какъ призракъ чистой красоты, съ золотистыми волосами и ясными карими глазами. Такъ началась та любовь, которую миссъ Стенденъ съ горечью называла увлеченіемъ Эдмонда. Еще до окончанія этого дня онъ открылъ, что его несравненная красавица,—дочь приходскаго школьнаго учителя. Но это открытіе не оказало ни малѣйшаго вліянія на быстрое развитіе его пагубной страсти. До истеченія недѣли онъ понялъ, что безъ ума влюбленъ въ Сильвію Керью, небо и земля приняли въ его глазахъ иной видъ; и отнынѣ, быть съ нею, означало быть вполнѣ счастливымъ.

Страсть эта совершенно отвлекла его отъ скучной среды, въ которой вращалась его респектэбельная ежедневная жизнь. Безупречный механизмъ домашняго обихода въ декановомъ домѣ сталъ для него невыносимъ. Онъ не могъ долѣе выносить длинныхъ лѣтнихъ вечеровъ и, какъ въ былое время, съ скромнымъ и довольнымъ видомъ шагать взадъ и впередъ по гладкой песчаной дорожкѣ, или коротко выстриженной лужайкѣ, наблюдая за геранями, пеларгоніями, или прелестными розами и терпѣливо выжидая, пока мать его срѣжетъ тамъ листокъ, тутъ неправильно развитый цвѣтокъ. Сильвія Керью совсѣмъ овладѣла его головой и сердцемъ, онъ только и думалъ, что о предстоящемъ свиданіи съ нею, вспоминалъ ея послѣднія слова, трепетное прикосновеніе ея ручки, нѣжный взоръ ея божественныхъ очей.

Случай, который онъ называлъ удачей — благопріятствовалъ ему. Имъ часто удавалось встрѣчаться, прежде чѣмъ Гедингемъ узналъ объ ихъ любви. Въ одинъ прекрасный іюньскій вечеръ, не заботясь о своей будущности, не думая объ огорченіи, какое могъ онъ причинить своимъ выборомъ обожавшей матери, онъ предложилъ Сильвіи Керью свою руку.

Какой иной отвѣтъ могла дать дѣвушка, кромѣ радостнаго — «да!» Его голосъ первый пробудилъ нѣжность въ ея сердцѣ, а сельская молва научила смотрѣть на него, какъ на самаго завиднаго жениха въ Гедингемѣ.

А. Э.

ДѢТИ-ПРЕСТУПНИКИ

И

ИХЪ СУДЬБА.

I.

Больше 30-ти лѣтъ тому назадъ, когда ни о какомъ прогрессивномъ движеніи въ Россіи и помину еще не было, наше правительство, вслѣдствіе представленій попечительнаго о тюрьмахъ общества, пришло уже къ заключенію, что малолѣтныхъ преступниковъ необходимо, для сбереженія ихъ нравственности, содержать отдѣльно и отлично отъ совершеннолѣтнихъ преступниковъ. Оттого, въ 1843 г., въ бывшемъ петербургскомъ исправительномъ заведеніи открыто было особое отдѣленіе, въ которомъ жили, десятки лѣтъ сряду, какъ осужденные, такъ и подслѣдственные несовершеннолѣтніе и малолѣтные преступники здѣшней и другихъ губерній. Попеченіе объ умственномъ и моральномъ ихъ развитіи лежало, по закону, на обязанности непосредственнаго начальства заведенія, и въ особенности столичнаго тюремнаго комитета, который назначалъ постоянно для наблюденія за отдѣленіемъ одного изъ своихъ директоровъ, снабжалъ заведеніе кормовыми деньгами, нанималъ для нихъ учителей грамотности и религіозной нравственности, доставлялъ классныя принадлежности и проч. Стараній къ направленію дѣтей на путь истинный прилагалось, правда, недостаточно,—но это зависѣло отъ того общаго равнодушнаго взгляда на тюрьмы, какой господствовалъ во всѣхъ слояхъ общества, и главное—отъ двойственности власти надъ отдѣленіемъ: съ одной стороны — попечительнаго совѣта общественнаго призрѣнія, — въ лицѣ попечителя-*хозяина* всего заведенія, въ которомъ помѣщались дѣти;

а съ другой — тюремнаго комитета, призваннаго распоряжаться въ *чужомъ* домѣ. Дѣйствительно, комитетъ, какъ видно изъ его дѣлъ, неоднократно пытался измѣнить систему перевоспитанія дѣтей, да какъ-то все расходился въ воззрѣніяхъ на предметъ съ начальствомъ заведенія; обстоятельство это порождало пререканія о правахъ каждой изъ заинтересованныхъ сторонъ, причемъ споры всегда кончались ничѣмъ, а дѣти на долго еще продолжали оставаться при старомъ, грустномъ положеніи.

Пререканія и споры были полезны, впрочемъ, въ томъ отношеніи, что упорно распространяли, въ оффиціальныхъ сферахъ, мысль о вредности содержанія преступныхъ дѣтей даже въ одномъ лишь зданіи со взрослыми преступниками. Мысль эта, постоянно развиваясь, до того наконецъ окрѣпла, что вскорѣ же послѣ изданія новаго уложенія о наказаніяхъ 1866 г. и введенія въ дѣйствіе, въ Петербургскомъ и Московскомъ округахъ, гласнаго судопроизводства, вызвала законодательную реформу о дѣтяхъ преступникахъ. Реформою этою мы называемъ Высочайше утвержденное 5-го декабря 1866 г. мнѣніе государственнаго совѣта,—мнѣніе, которымъ обнародовано, что для нравственнаго исправленія несовершеннолѣтнихъ преступниковъ правительство учреждаетъ особые пріюты, въ которые передавались бы дѣти обоего пола, осуждаемыя на то судебными приговорами. Къ открытію такихъ же „богоугодныхъ и общеполезныхъ заведеній" приглашались, 1-мъ пунктомъ означеннаго закона, и земства, общества, духовныя установленія, и частныя лица. Прошло почти три года, а законъ этотъ признавался дѣйствующимъ только на *бумагѣ*. Наступилъ 1869 г., годъ 50-ти лѣтняго юбилея общества попечительнаго о тюрьмахъ. Тогда с.-петербургскій тюремный комитетъ, въ качествѣ представителя общества, пожелалъ ознаменовать этотъ юбилей такимъ хорошимъ дѣломъ, которое облегчило бы печальную участь дѣтей-преступниковъ, о коихъ онъ обязанъ пещись и тщетно хлопоталъ, а потому,—да и чтобы способствовать осуществленію на практикѣ того, что́ изображено было въ законѣ,—предложилъ конкурсъ, съ преміею въ 1,000 червонныхъ, за лучшее сочиненіе, которое всесторонне разрѣшило бы вопросъ: ка̀къ устроить закономъ указанные пріюты, и кромѣ того заявилъ, что первому, могущему открыться, на частные источники, заведенію этого рода окажетъ вспомоществованіе въ 10,000 р. изъ своихъ суммъ. Миновало еще два года. Изъ присланныхъ на конкурсъ сочиненій ни одно не отвѣчало условіямъ, и потому всѣ были забракованы. Тѣмъ не менѣе 18-го ноября того же 1871 г. близъ Петербурга открылась, на собранныя пожертвованія, первая въ Россіи, земледѣльческая колонія съ ремесленнымъ пріютомъ для мальчиковъ-преступниковъ. Убѣдившись въ цѣлесообразности этихъ заведеній, тюремный комитетъ,

изъ вѣдѣнія котораго на первый разъ взято было въ колонію 3 мальчика изъ исправительнаго заведенія, поспѣшилъ сдержать свое обѣщанія—выдалъ, въ началѣ 1872 г., 10,000 р. Руководствуясь петербургскимъ примѣромъ, Московская, Саратовская и Варшавская губерніи, въ теченіи послѣдующихъ 2-хъ лѣтъ, также обзавелись пріютами.

Вотъ и все, чего достигла, въ этомъ отношеніи, частная благотворительность. Какъ, однако, ни скроменъ успѣхъ частной иниціативы,—она все же-таки что-нибудь сдѣлала; но оффиціально еще и до сихъ поръ не приступлено къ приведенію въ исполненіе обнародованнаго закона. Когда, въ какихъ мѣстахъ и на какихъ именно началахъ создадутся правительственные пріюты,—покуда обстоятельно неизвѣстно, но есть поводъ заключить, что такіе пріюты получатъ отличную отъ частныхъ организацію.

Обращаясь къ этимъ послѣднимъ, мы видимъ, что комплектъ въ нихъ настолько ограниченъ (отъ 15 до 40 — 50 мальчиковъ, а для дѣвочекъ вовсе нѣтъ), что изъ контингента дѣтей-преступниковъ названныхъ губерній попадаетъ по назначенію въ пріюты много третья часть. Куда-жъ дѣваются остальныя, осужденныя въ пріюты судебными приговорами, дѣти? За неимѣніемъ мѣста въ этихъ заведеніяхъ, отвѣтимъ мы, дѣтей подвергаютъ *нынѣшнему*, весьма тяжкому *тюремному заключенію*, съ сокращеніемъ срока, т.-е., если мальчикъ приговоренъ въ колонію на 2 года, онъ обреченъ высидѣть въ тюрьмѣ годъ, либо 8 мѣсяцевъ.

Далѣе, дѣти подслѣдственныя, отъ момента совершенія ими преступленій до полученія въ окончательной формѣ судебнаго приговора (если дѣянія ихъ подсудны окружнымъ судамъ), просиживаютъ, обыкновенно, подъ предварительнымъ арестомъ 3—4 мѣсяца, періодъ, въ который легко научить,какъ первоначальной грамотѣ, такъ и любому *простому* ремеслу. Чтобы этотъ срокъ уменьшился хоть на половину со введеніемъ предполагаемой тюремной реформы—нельзя и предполагать: процедура производства слѣдствій, утвержденія обвинительныхъ актовъ и проч. настолько ужъ установилась, что дай Богъ, чтобъ этотъ срокъ лишь не увеличился.

Проектируемыя исправительныя и слѣдственныя тюрьмы будутъ, положимъ, устроены во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно; но и изъ этого отнюдь еще не слѣдуетъ, чтобы дѣтей-преступниковъ удобно было помѣщать въ нихъ: исправительныя тюрьмы, по проектируемымъ правиламъ, создадутся исключительно для людей *совершеннолѣтнихъ*, слѣдовательно, дѣтямъ, подлежащимъ отсылкѣ въ колоніи, въ этихъ тюрьмахъ рѣшительно не мѣсто, безъ явнаго нарушенія какъ основного принципа подраздѣленія осужденныхъ на категоріи преступленій и по

возрасту, такъ и закона о направленіи дѣтей *единственно* въ колоніи; а въ подслѣдственныхъ тюрьмахъ *обязательныхъ* занятій не узаконяется; люди тамъ станутъ сидѣть въ *одиночныхъ* кельяхъ; закупоривать же дѣтей, зауряд съ людьми зрѣлыми, на 3—4 мѣсяца, просто жестокосердо: они впадутъ въ идіотизмъ, въ сумасшествіе, до выслушанія приговора о переводѣ ихъ въ колонію.

Въ Петербургѣ малолѣтное отдѣленіе оставалось въ исправительномъ заведеніи, гдѣ помѣщалось *отдѣльно* отъ совершеннолѣтнихъ арестантовъ. Въ августѣ 1871 г. смирительный, рабочій и работный домы (образовавшіе вмѣстѣ исправительное заведеніе) упразднились, взрослыхъ арестантовъ перевели въ бывшую краткосрочную и преобразованную въ исправительную тюрьму, а самое зданіе заведенія обратили въ больницу для умалишенныхъ, гдѣ и оставили, временно, малолѣтное отдѣленіе. Это обстоятельство побудило столичный тюремный комитетъ поручить, нѣкоторое время спустя, одному изъ своихъ директоровъ внимательно изслѣдовать положеніе отдѣленія и указать способъ къ улучшенію его, если усмотритъ въ томъ надобность. Директоръ представилъ комитету, въ январѣ 1872 г., донесеніе, въ которомъ, между прочимъ, изложилъ, что „дѣти (ихъ было 70 мальчиковъ) состояли: а) изъ незаконнорожденныхъ, о которыхъ во время бытности ихъ на волѣ некому было заботиться; б) изъ привезенныхъ изъ разныхъ провинцій на заработки въ Петербургъ, и отданныхъ здѣсь куда попало, отчего имъ столь жутко было жить, что они убѣгали отъ хозяевъ и дѣлались жертвами своей безпріютности; в) изъ брошенныхъ родителями, по безнравственности, нищетѣ и невѣжеству послѣднихъ; и г) самая малая часть изъ ненуждавшихся матеріально и впавшихъ въ проступки по неразумію и легкомыслію, случайно. Доживая въ заведеніи опредѣленный приговорами срокъ, большинство дѣтей заранѣе сочиняли ужъ планы будущихъ проступковъ, потому что твердо помнили, что для нихъ нѣтъ иныхъ способовъ существованія. Оттого въ январѣ 1872 г. содержалось: второй разъ 38 чел., третій—10, и четвертый разъ—5 чел. Самое пребываніе въ заведеніи способствовало порчѣ нравственности мальчиковъ: они размѣщались тѣсно, ни на категоріи преступленій, ни на возрастъ не раздѣлялись, а сидѣли въ классѣ, въ мастерскихъ, спали въ камерахъ, 18-ти съ 12-лѣтними рядомъ, отчего предавались онанизму, педерастіи, благо надзиравшіе за ними безграмотные отставные солдаты ночевали въ своей казармѣ, и они оставались одни. Возлѣ камеръ мальчиковъ находилась больничная мужская и женская прислуга" и т. п.

Эта картина печальнаго состоянія отдѣленія привела комитетъ, согласно мнѣнію докладчика, къ заключенію въ необходимости перевести мальчиковъ въ какое-либо другое, соотвѣтствующее для нихъ

помѣщеніе. И цѣлый потомъ годъ представители комитета хлопотали, въ разныхъ вѣдомствахъ, объ уступкѣ для малолѣтныхъ такого помѣщенія, которое не напоминало бы собою тюрьмы и въ которомъ можно было бы поселить съ ними настоящихъ воспитателей, надзирателей, словомъ, чтобъ организовать хоть и городской, но пріютъ, по примѣру заграничныхъ. Получивъ отовсюду категорическій отказъ и видя полнѣйшее безучастіе къ судьбѣ дѣтей, комитетъ рѣшился перевести ихъ въ тюремный зàмокъ, и хоть тамъ по возможности лучше обставить, подъ непосредственнымъ надзоромъ состоящаго въ зàмкѣ, изъ нѣсколькихъ директоровъ, исправительнаго совѣта.

Исправительный совѣтъ, имѣя въ виду, что большинство мальчиковъ будутъ подлежать, посредствомъ осужденія, нравственному исправленію земледѣльческой колоніи прежде всего вошелъ въ переговоры съ директорами колоніи, А. Я. Гердомъ и Ѳ. Ѳ. Резенеромъ, относительно организаціи занятій мальчиковъ въ зàмкѣ соотвѣтственно занятіямъ ихъ въ колоніи; хотѣли, чтобы зàмокъ представлялъ первоначальные классы общей программы системы воспитанія, принятой въ колоніи; чтобы оба мѣста установили между собою крѣпкую связь, отъ которой какъ дѣти, такъ и самыя учрежденія могли бы значительно выгадать во всѣхъ отношеніяхъ. Выяснивъ, изложеннымъ путемъ, руководящіе принципы, кàкъ вести дѣло на разумныхъ началахъ, совѣтъ и, въ особенности, его предсѣдатель, Ѳ. Н. Смирной, потратили много времени и усилій на подготовительную работу (составленіе разныхъ правилъ, инструкцій, программъ и т. п.) и на отысканіе способныхъ исполнителей предначертаннаго плана дѣйствій. Все это было одобрено комитетомъ, который охотно опредѣлилъ: воспитателемъ, пользующагося популярностью въ педагогическомъ мірѣ, Е. И. Гасабова, помощникомъ его г. Васильева, и на жалованье этимъ лицамъ и на добавку лучшимъ надзирателямъ по 200 р. въ мѣсяцъ, изъ ограниченныхъ своихъ наличныхъ средствъ. Когда все было готово—47 мальчиковъ переселились въ зàмокъ 28 марта 1873 г. Хозяйственное правленіе зàмка (предсѣдатель и члены были тѣ-же, что въ исправительномъ совѣтѣ) признало, въ свою очередь, необходимымъ улучшить и пищу мальчиковъ, которымъ стали давать ежедневно сверхъ казенной порціи: на завтракъ—чай и по-полуфунту ситнаго хлѣба на человѣка, а на полдникъ, въ 4 часа, изъ подаянныхъ по лишней, противъ взрослыхъ, булкѣ, сайкѣ и т. п.

Итакъ, теоретически все, казалось, благопріятствовало поднятію дѣла и оставалось только добиваться отъ него хоть скромныхъ плодовъ; но тутъ-то и обнаружились тѣ непредвидѣнныя практическія препятствія, которыхъ совѣтъ, оказалось, не въ силахъ одолѣть. Препятствія эти открылись въ давнишней постройкѣ самого зàмка, безъ

правильныхъ приспособленій, въ уставѣ о содержащихся подъ стражею, который не допускаетъ въ тюрьмѣ никакихъ современныхъ педагогическихъ пріемовъ, а также во многихъ другихъ причинахъ, сводящихся къ одному, что это—*тюрьма*.

Дворъ замка столь обширенъ, что побѣгать по немъ *дѣтямъ* для полировки застоявшейся во время работъ крови—было бы весьма удобно, полезно. Къ сожалѣнію, это противно 74 пункту инструкціи смотрителя замка, который „вообще запрещаетъ заключеннымъ всякаго рода рѣзвости". Въ силу этого же пункта нельзя, да и негдѣ было приспособить гимнастическихъ снарядовъ, тогда какъ гимнастика введена во всѣхъ учебныхъ, и даже во многихъ тюремныхъ заведеніяхъ. И поневолѣ дѣти должны скучиваться въ одномъ изъ крошечныхъ садиковъ, гдѣ не только *прогуляться*, но и ходить, сидѣть 50 чел., сразу тѣсно. Мало того: и въ садикѣ оставаться долго нельзя, надо уступить мѣсто взрослымъ, ибо каждому изъ 12-ти отдѣленій отводится для прогулки, въ четырехъ садикахъ, извѣстный часъ дня. Корридоръ малолѣтнаго отдѣленія довольно длинный, и въ ненастную погоду дѣти могли бы въ немъ хоть прохаживаться въ рекреаціонное время; между тѣмъ и это дѣйствіе идетъ въ разрѣзъ съ 22 п. инструкціи о томъ, что „заключенные должны быть заперты на замокъ въ камерахъ". Деревенскій мальчикъ,—а таковы почти всѣ дѣти-преступники—разгоняетъ свою тоску обыкновенно пѣснями, между тѣмъ 78 п. инструкціи возбраняетъ заключеннымъ *„пѣть соблазнительныя пѣсни"*. Потому былъ составленъ репертуаръ изъ духовныхъ и свѣтскихъ, вполнѣ благопристойныхъ пѣсенъ. Но какъ скоро мальчики запѣли, живущіе ниже ихъ этажами взрослые тотчасъ подхватили, и замокъ огласился всеобщимъ пѣніемъ, а какъ 72 п. инструкціи возбраняетъ *„вообще пѣть"*, то и мальчикамъ пришлось перестать, потому что зажать рты всѣмъ взрослымъ физически было невозможно, а дозволять и имъ пѣть—значитъ, ждать скандальныхъ возгласовъ, непріятностей, неизбѣжно соединенныхъ съ жалобами, доносами, на что арестанты, кстати замѣтить, большіе мастера.

Дѣти, какъ извѣстно, очень любятъ рисовать. Потому была сдѣлана попытка предоставить, лучшимъ по поведенію, эту забаву. Вскорѣ, однакожъ, открылось, что нѣкоторые злоупотребили оказаннымъ имъ довѣріемъ—писали тайкомъ записки роднымъ. Тюремный уставъ въ этомъ видитъ проступокъ, влекущій за собою дисциплинарную кару. И рисованіе запрещено, такъ какъ 68 п. инструкціи гласитъ: „въ камерахъ арестантамъ воспрещается имѣть карандаши, бумагу". Ту же самую участь постигли вводившіяся было нѣкоторыя фребелевскія, а отчасти и шахматныя игры, развивающія сообразительность, въ силу

22 и 71 п. инструкціи; пункты эти „строго воспрещаютъ арестантамъ всякія игры, въ особенности же въ шашки, кости и проч.“

Воспитатели, по существу своихъ обязанностей, должны быть чаще возлѣ своихъ воспитанниковъ; это безспорно. Между тѣмъ, за̀мокъ до такой степени набитъ своимъ народонаселеніемъ, что *квартиры* воспитателю не нашлось и потому онъ жилъ на сторонѣ. Дѣти-преступники больше всего шалятъ ночью, когда они въ камерахъ одни. Появленіе къ нимъ, напр., въ 12 ч. ночи, воспитателю, со стороны, сопряжено съ серьёзными затрудненіями: надо поднимать на ноги, по 17 п. инструкціи, караульнаго офицера, не то и смотрителя, когда офицеръ не рѣшится впустить безъ него. Помощникъ воспитателя располагалъ, правда, комнатою внутри за̀мка, но, во-1-хъ, съ арестантскою лишь обстановкою, а, во-2-хъ, чрезъ два корридора отъ мальчиковъ, которые всегда могли слышать о его приходѣ къ нимъ: звукъ отпирающихся замковъ отчетливо доносится и не до чуткаго слуха арестантовъ.

Въ виду неудовлетворительности ночного надзора самихъ воспитателей за мальчиками,—предположено было обязать ночевать вмѣстѣ съ ними сторожей; но и эта мѣра не осуществилась: наемные сторожа на-отрѣзъ отказались спать по одному среди 10—12 мальчиковъ, изъ основательнаго опасенія быть поколоченными дѣтьми за тѣ дневныя непріятности, которыя ихъ, случалось, постигали по заявленіямъ и жалобамъ сторожей; раздѣлить же мальчиковъ на меньшія группы по камерамъ—невозможно было, по неимѣнію такихъ свободныхъ камеръ. Въ колоніи ни запоровъ, ни воротъ нѣтъ; навѣщать мальчиковъ—вправѣ каждый во всякое время, причемъ посѣтитель можетъ говорить съ посѣщаемымъ, о чемъ хочетъ, наединѣ. И чѣмъ чаще родители навѣдываются къ дѣтямъ, тѣмъ начальство колоніи довольнѣе: между дѣтьми и родителями завязывается и растетъ расположеніе, взаимность, а это полезно въ нравственномъ смыслѣ. Въ за̀мкѣ, напротивъ, свиданія дозволяются, по 158 п. инструкціи, разъ въ недѣлю, и то не иначе, какъ въ присутствіи начальства, черезъ рѣшетку и по меньшей мѣрѣ по 10-ти чел. сразу.

Однимъ словомъ, каковы бы ни были благія стремленія тюремныхъ дѣятелей всѣхъ оттѣнковъ,—перевоспитаніе дѣтей, собственно въ тюрьмахъ, положительно немыслимо, ни при теперешнемъ уставѣ о содержащихся подъ стражею, ни въ будущемъ: то самое, что̀ возбраняетъ нынѣшняя инструкція, и проектируемая новая инструкція *никогда* не дозволитъ, а такъ какъ лица, въ руководство которымъ она преподана и преподается, обязаны и будутъ обязаны въ точности исполнять ее,—то перевоспитаніе дѣтей въ тюрьмахъ, какъ бы усовершенствованы онѣ ни были—останется мечтою.

Безотрадное положеніе дѣтей-преступниковъ наглядно характеризуется нижеслѣдующими статистическими данными о 40 мальчикахъ, находившихся въ замкѣ недавно, въ теченіи одного періода времени. Изъ означенныхъ мальчиковъ было дѣтей: дворянъ — 1 чел., мѣщанъ—12 чел., ремесленниковъ—2 чел., крестьянъ—15 чел., солдатъ—10 чел. По возрасту было: 10-ти и 11-ти лѣтъ—по 1-му чел.; 12-ти лѣтъ—2 чел., 13-ти лѣтъ—3 чел., 14-ти лѣтъ—5 чел., 15-ти лѣтъ—10 чел.. 16-ти лѣтъ—14 чел., и 17-ти лѣтъ—4 чел. Уроженцы они губерній: Петербургской—21 чел., Тверской и Ярославской—по 6-ти чел.. Костромской—3 чел., Новгородской, Витебской, Астраханской и Эстляндской—по 1-му чел. Имѣютъ отцовъ и матерей—16 чел., однихъ отцовъ—5 чел., однихъ матерей—11 чел., круглыхъ сиротъ—8 чел. Знали первоначальную грамоту—до совершенія преступленія—31 чел., а 9 чел. было неграмотныхъ. Занимались до ареста у хозяевъ ремеслами: портняжнымъ—6 чел., сапожнымъ—2 чел., слесарнымъ—2 чел., золотымъ, серебрянымъ, малярнымъ и садоводствомъ—по 1-му чел., прислуживали: лакеемъ—1 чел., въ мелочной лавкѣ—1 чел., въ кабакахъ—4 чел., въ типографіяхъ и литографіяхъ—4 чел., въ булочной и въ пѣвческомъ хорѣ—по 1-му чел., жили при родителяхъ и ходили въ школу—3 чел., ничѣмъ не занимались—5 чел. Пребывали въ Петербургѣ безъ родителей, находящихся въ разныхъ провинціяхъ—22 чел. Самыя преступленія совершали они, — второй и т. д. разъ, — каждый по своей спеціальности, причемъ преимущественно крали: изъ форточекъ и кармановъ, самые маленькіе ростомъ,—по 1-му чел.; изъ дворницкихъ (на арестантскомъ нарѣчіи „домушники“), уже бо̀льшіе—12 чел.; изъ передних квартиръ, старшіе и половчѣе—18 чел. (по-арестантски „хозяйствомъ“); съ барокъ, самые большіе и сильные—3 чел. Дальше похитили: одинъ—изъ лабаза—извощичій *кнутъ*; другой—*шаръ* съ билліарда; третій—12 листовъ почтовой бумаги у хозяина; четвертый—занавѣсъ съ отвореннаго окна, въ нижнемъ этажѣ; двое, по найденному въ банѣ нумеру, получили вмѣсто своихъ дрянныхъ—лучшія вещи и т. под. Цѣнность добывавшихся ими предметовъ въ большинствѣ случаевъ составляла отъ копѣекъ до 5—8 руб.

Заключены они были подъ стражу: за участіе въ убійствѣ (въ кабакѣ Фонарнаго переулка)—1 чел., за грабежъ—1 чел., за кражи со взломомъ—7 чел., безъ взлома—30 чел., за проживаніе по подложному паспорту—1 чел. Содержались арестованными: первый разъ—23 чел., второй—10 чел., третій—4 чел., четвертый, шестой и седьмой разъ—по 1-му чел.; тотъ, который 7-й разъ—изъ самыхъ маленькихъ, безродный. Изъ 40 мальчиковъ было подслѣдственныхъ—8 чел., а осужденныхъ—32 чел., въ томъ числѣ: мировымъ судомъ—21

чел., а окружнымъ судомъ—11 чел. Изъ осужденныхъ приговорены: на 3½ года—1 чел., на годъ—2 чел., на 8 мѣсяцевъ—1 чел., на полгода—3 чел., а остальные отъ 2-хъ недѣль до 4 мѣсяцевъ. Въ за̀мкѣ занимались, кромѣ грамотности, ремеслами: портняжнымъ—25 чел., сапожнымъ—4 чел., столярнымъ—4 чел., а 7 чел. бездѣйствовали. Переболѣло 15 чел., а съ марта по 1-е октября изъ наличнаго числа (отъ 40 до 60 чел. въ день) хворало 98 чел., считая въ томъ числѣ нѣкоторыхъ по нѣсколько разъ, а умерло 2 чел. долгосрочныхъ. Гигіеническія условія за̀мка настолько разрушительно дѣйствуютъ на организмъ мальчиковъ, что осужденіе слабосильнаго, малолѣтнаго на годъ—равносильно смертному приговору; такъ говорятъ и доктора за̀мка.

II.

Изъ всѣхъ приведенныхъ нами свѣдѣній остановимся лишь на двухъ, болѣе всего интересныхъ. Именно, изъ 40 чел. 29 очутились подъ стражею изъ столичныхъ ремесленныхъ заведеній; бытъ ихъ настолько плохъ, что размножаетъ преступленія, а дабы уничтожить это грустное явленіе,—слѣдуетъ улучшить положеніе этихъ маленькихъ работниковъ. Потомъ, изъ 40 мальчиковъ 8-мь круглыхъ сиротъ, а 22 жили здѣсь безъ родителей,—итого 30-ти человѣкамъ первую же ночь по выходѣ изъ заключенія негдѣ провести *безплатно*, не отъ кого встрѣтить ни моральнаго участія, ни матеріальной помощи, не отъ кого услышать наставленія, какъ вести себя въ будущемъ. Отсюда естественно, что не зная куда приклонить головы—большинство навѣрное отправится, по бывшимъ постояннымъ примѣрамъ, прямо въ разныя трущобы и поступятъ въ „науку“ къ сбытчикамъ краденыхъ вещей... „Учителя“ эти, по разсказамъ мальчиковъ, часто сами предварительно разузнаютъ гдѣ что плохо лежитъ, а потомъ посылаютъ туда, за этимъ добромъ, своихъ учениковъ. Ученикъ, безпрепятственно сломавшій „фомкою сережку“ (всякимъ орудіемъ замокъ) и притащившій добычу, либо только удачно ускользнувшій отъ привязчивыхъ „пауковъ“ (городовыхъ), поощряется чайкомъ, выпивкою, тотъ же, кому въ теченіе 2-хъ—4-хъ дней „не форты“ (не удалось) доставить учителю никакой выгоды,—съ позоромъ изгоняется изъ трущобы, въ которой развращался, валялся на рогожкѣ, да ѣлъ черствый хлѣбъ съ „дубовыми“ щами...

Подвергнутые остракизму дѣти выступаютъ ужъ на торную дорогу, предпочтительно поодиночкѣ, въ разбродъ; причемъ, спустивъ на пищу свои пожитки—переряжаются въ лохмотья и днемъ слоня-

ются по церковнымъ папертямъ, скверамъ, по дворницкимъ, трактирамъ, въ которыхъ пристаютъ извощики, по балаганамъ съ живностью и т. д., вездѣ норовя похитить что угодно; если же въ теченіе дня не повезло, то съ наступленіемъ сумерокъ перебираются на лѣстницы, высматриваютъ, не отворена ли гдѣ дверь, не отпертъ ли чердакъ и— при благопріятныхъ обстоятельствахъ—стаскиваютъ, откуда можно, вещи, отвертываютъ мѣдныя дощечки съ дверей, замки отъ ларей, фонари, даже стекла изъ нихъ, короче, ничѣмъ не пренебрегаютъ для пріобрѣтенія пропитанія. Затѣмъ, съ добытыми предметами направляются они къ тряпичникамъ (это самые вѣрные покупатели) въ извѣстныя имъ заведенія, лавки, гдѣ сбываютъ все за самую дешевую цѣну, и съ деньгами заночевываютъ въ неприличныхъ малолюдныхъ трактирахъ, ямкахъ, либо и домахъ терпимости низшаго сорта; если же заработокъ не превышаетъ 10 коп., то во вновь открытыхъ ночлежныхъ пріютахъ. Далѣе, если день пропалъ безплодно, а въ карманѣ и желудкѣ пусто, мальчики проводятъ и ночь въ хожденіи по улицамъ, въ выискиваніи случая снять что-нибудь съ запоздалаго, охмѣлевшаго обывателя; крайняя только усталость, физическое безсиліе загоняютъ ихъ, для сна, на окраины города, въ пустые сараи, барки, огородныя будки, на сѣновалы и т. под. Съ разсвѣтомъ продолжается та же борьба съ невзгодами, которыя увеличиваютъ въ нихъ смѣлость; съ голоду они мѣняютъ, съ выгодою, конечно, для себя, не то и продаютъ свои „бирки" (паспорты), безъ которыхъ нейдутъ ужъ и въ ночлежные пріюты; просятъ, плача съ горя, на углахъ милостыню, именуясь выписанными утромъ изъ больницъ; рѣшаются, на глазахъ всѣхъ, взламывать кладовыя и т. п.

Во время совершенія преступленій у дѣтей, какъ и у взрослыхъ, и нарѣчіе однимъ имъ понятное. Вотъ любопытный образчикъ этого нарѣчія съ вѣрнымъ переводомъ. Если одинъ воруетъ, а другой, наблюдающій, чтобъ не попасться—крикнетъ „шесть" — значитъ опасность столь велика, что первый обязанъ все бросить и бѣжать безъ оглядки. Быть пойманнымъ называется „сгорѣть"; когда ведутъ въ полицію схваченнаго—онъ „втрескался"; при погонѣ передать похищенное другому—значитъ „перетырка"; полицейскіе чиновники именуются „фараоны"; „сламъ"—дѣлежъ; „голуби"—бѣлье; „луковица"—часы; „шишка"—кошелекъ; „лопаточникъ"—бумажникъ; „лепень"—платокъ; „аржнина"—деньги; „герцовка"—рубль; „пѣтухъ"—5-р. бумажка; „скуржа"—серебро; „перевязь"—цѣпочка; „камюшка"—шапка; „пкеры" — брюки; „кони" — сапоги; если одинъ укралъ у другого незнакомаго, но по профессіи тоже вора, и послѣдній, хватившись предмета, скажетъ, обокравшему его, „стремъ",—тотъ тотчасъ возвратитъ похищенное, ибо обижать товарища по ремеслу—не принято;

обокраденный въ свою очередь не только преслѣдовать, но и укорять не станетъ противника, потому что „воронъ ворону глазъ не клюетъ".

Выбившись, въ короткое время, изъ силъ, мальчики кончаютъ новыми преступленіями, попадаютъ въ части, а изъ нихъ опять въ замокъ на отдыхъ... Здѣсь же кстати дополнить, что лѣтомъ ихъ содержится на половину меньше, нежели зимою: лѣтомъ теплой одежды не нужно, ночевать удобно въ паркахъ, въ лѣсахъ, да и на дачахъ гораздо труднѣе бываетъ ловить ихъ вслѣдствіе незначительности состава тамъ полиціи на обширное пространство и т. под.; съ наступленіемъ же осени и съ опустѣніемъ дачъ—они принуждены, какъ и взрослые арестанты, перебираться въ городъ, гдѣ нужно и одѣваться лучше, и пристанище отъ непогоды, а слѣдовательно и усиленнѣе работать—красть!... А сколько и какихъ сильныхъ побоевъ выносятъ эти несчастныя дѣти при поимкѣ ихъ на мѣстѣ преступленія, при препровожденіи въ полицію — это „только грудь, да подоплека моя знаетъ", могутъ они отвѣчать, со слезами на глазахъ...

Положеніе—горестное и вполнѣ объясняющее размноженіе числа рецидивистовъ (изъ 40—17 чел.). Люди, не знакомые близко съ бытомъ бѣдняковъ, вправѣ замѣтить, что бѣдняки эти добровольно впадаютъ въ скверное положеніе, потому что не ищутъ честнаго труда, а кидаются прямо на безчестный. Противъ этого возразимъ, что коль скоро и здоровеннаго ремесленника никуда не берутъ на работу, если изъ его „волчьяго, паспорта усмотрятъ, что онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, изъ опасенія какъ бы онъ снова чего не набѣдокурилъ,—то слабосильному, несвѣдущему мальчику и просить честнаго труда не стóитѣ, никто навѣрно не дастъ ему ни этого труда, ни тѣмъ болѣе вознагражденія за него. Мы это говоримъ по опыту: многократно случалось намъ хлопотать о пристройствѣ мальчиковъ къ мѣсту, причемъ тогда лишь получался скоро успѣхъ, когда удастся *скрыть* о его бытности подъ стражею; о сохраненіи этой *тайны* и мальчику совѣтовалось самымъ настойчивымъ манеромъ, съ предвареніемъ, что если онъ разгласитъ эту тайну и хозяинъ прогонитъ его, какъ бывали примѣры, за *прежнее* прегрѣшеніе,—то пусть пѣняетъ на одного себя. Намъ отрадно при этомъ заявить въ защиту мальчиковъ, что изъ опредѣленныхъ къ мѣсту *прямо* изъ-подъ стражи — *никто* еще, въ продолженіи года, вторично не прибывалъ въ замокъ, слѣдовательно они способны къ честному труду, когда пріобрѣли случай; способны, несмотря и на то, что честное житье ихъ у хозяевъ часто сопряжено бываетъ съ такими матеріальными и моральными невзгодами, о какихъ они и понятія не имѣли, сидя подъ арестомъ. Въ подкрѣпленіе этой мысли приведемъ, на выдержку, и факты. Мальчикъ, напр., во время заключенія ежедневно читалъ вслухъ рабо-

тавшимъ въ швальнѣ товарищамъ книги и, понятно, пріохотился къ нимъ; по освобожденіи и поступленіи къ мастеру — онъ цѣлый мѣсяцъ провелъ безвыходно въ мастерской, работая съ 6 часовъ утра до 9 вечера, почти безпрерывно. Затѣмъ, будучи уволенъ первый разъ со двора, — явился къ лицу, занимавшемуся мальчиками въ замкѣ, съ просьбою дать ему книгу, для чтенія на досугѣ, такъ какъ въ мастерской и помину нѣтъ о книгахъ. Просьба его была удовлетворена, и въ слѣдующій приходъ—за другою книгою—онъ, въ подтвержденіе того, что дѣйствительно прочелъ первую—разсказалъ ея содержаніе. Такимъ образомъ, онъ, какъ по наведенной справкѣ оказалось, внесъ новый элементъ въ жизнь товарищей по мастерской—читаетъ имъ книги по праздникамъ. Другой подобный же мальчикъ, съ горечью разсказывалъ, что его кормятъ въ мастерской объѣдками, остающимися отъ подмастерьевъ; мяса же и кусочка не съѣлъ въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ; это подтвердили, потомъ, и подмастерья. Третій жаловался, что хозяинъ, находясь часто въ загулѣ, бьетъ въ числѣ прочихъ учениковъ и его, чѣмъ попало, ни за что, ни про что. Лицо, принимавшее участіе въ судьбѣ мальчиковъ, посѣтило обѣ мастерскія и деликатно пыталось возбудить въ хозяевахъ жалость къ дѣтямъ.

— Лучшаго корма покуда еще не стóитъ: отъ его работы мало проку, возразилъ хозяинъ; къ тому-жъ у насъ такое положеніе для *всѣхъ* мальчишекъ, и мѣнять это положеніе для вашего—не станемъ.

— Насъ самихъ колотили въ ученьи, ну и въ хозяева превзошли, отозвался другой хозяинъ; и ихъ бить надо, потому безъ битья плохо, шельмецы, учатся. Стерпится-слюбится; это, не сумлѣвайтесь, такъ!

И мальчики однакожъ не бѣгутъ отъ хозяевъ, не проказятъ, а покорно выносятъ все, въ надеждѣ, что авось изреченіе „стерпится-слюбится“ въ самомъ дѣлѣ со временемъ на нихъ оправдается.

Подводя итоги всему вышеизложенному, приходимъ къ заключенію, что вопросъ объ улучшеніи быта малолѣтныхъ преступниковъ столь настоятельный, животрепещущій, что разрѣшеніе его нельзя предоставить времени, отлагать на долго, потому что дѣти по цѣлой Россіи сидятъ вездѣ въ тюрьмахъ, а въ большинствѣ даже вмѣстѣ со взрослыми арестантами; это вѣрно не только относительно далекихъ провинцій, но даже Петербургской губерніи: осужденныхъ, напр., въ Петергофѣ, въ Царскомъ Селѣ, присылаютъ, для содержанія сюда, въ замокъ, а изъ Ладожскаго, Гдовскаго и т. под. уѣздовъ этого ужъ не дѣлается, по дальности разстоянія, и провинившіеся отбываютъ опредѣленные имъ сроки въ мѣстныхъ клоповникахъ. Чтобы правильнѣе и скорѣе разрѣшить этотъ насущный вопросъ необходимо, кажется намъ, прибѣгнуть къ слѣдующимъ мѣропріятіямъ:

Во-1-хъ, прежде занимавшіяся тюремнымъ дѣломъ коммиссіи не касались участи, ожидающей малолѣтныхъ и несовершеннолѣтныхъ преступниковъ,—а потому коммиссіи [1]), нынѣ трудящейся надъ окончательною разработкою предстоящей тюремной реформы, слѣдуетъ включить въ составляемый ею Уставъ пунктъ о томъ, что дѣти отъ 10 до 16 лѣтъ (моложе 10 л. не наказываются) положительно изъемлются отъ заключенія въ *тюрьмы*, созидаемыя исключительно для взрослыхъ преступниковъ.

Во-2-хъ. Сообразно сему, измѣнить редакціи 6 ст. Уст. о наказан., налагаемыхъ мировыми судьями и 2 часть 137 ст. Улож. о наказаніяхъ, выразивъ ихъ категорически, что дѣти подлежатъ помѣщенію въ исправительные пріюты, а не такъ, какъ изложено: „*могутъ быть*" и „по усмотрѣнію суда."

Въ-3-хъ. Дѣтей, которыя будутъ обвиняться въ преступленіяхъ, подсудныхъ окружнымъ судамъ, и нынѣ предусмотрѣнныхъ 137 ст. Улож. о наказан., на время, покуда о нихъ производится *слѣдствіе*, отсылать также въ пріюты, гдѣ они, въ теченіи 3-хъ—4-хъ мѣсяцевъ, въ состояніи будутъ многому научиться, что̀ принесетъ имъ несомнѣнную пользу даже и въ случаѣ оправданія ихъ, впослѣдствіи, судомъ. Опасаться, что они разбѣгутся изъ пріютовъ до рѣшенія ихъ дѣлъ, нѣтъ основанія: суровѣйшей кары, чѣмъ въ пріютъ—ихъ ждать не будетъ и при обвиненіи, а съ оправданіемъ—уйдутъ во свояси; къ тому-жъ и надзоръ за ними въ пріютахъ будетъ, конечно, зорче, нежели за осужденными. Наконецъ, тѣхъ, которые подвергнутся осужденію, какъ окружнаго, такъ и мирового суда, на сроки не болѣе 2-хъ мѣсяцевъ—сажать въ арестные дома, *отдѣльно* отъ взрослыхъ; допустить это можно потому лишь, что арестные дома получатъ, какъ гласитъ проектъ, совершенно отличную отъ тюремъ организацію, т.-е. арестованные будутъ пользоваться значительными льготами противъ заключенныхъ въ тюрьмы.

Въ-4-хъ. Предлагаемое нами измѣненіе порядка содержанія малолѣтныхъ преступниковъ вызоветъ, понятно, необходимость завести въ каждой губерніи по крайней мѣрѣ по одному хоть пріюту, человѣкъ на 30—50, а на это сразу понадобится значительный капиталъ, какой государственное казначейство стѣснится отпустить. Чтобы, съ одной стороны облегчить государственное казначейство, а съ другой—завести и непремѣнно скоро узаконенные пріюты, самое, по нашему мнѣнію, разумное средство—предложить тюремнымъ комитетамъ, существующимъ во всѣхъ губерніяхъ, немедленно размѣнять часть лежачихъ ихъ капиталовъ, которые имѣются также почти вездѣ, а въ

[1]) Подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта П. А. Зубова.

иныхъ въ солидномъ количествѣ,—и на эти деньги предоставить самимъ комитетамъ открыть, въ теченіи года, пріюты на тѣхъ же самыхъ началахъ, на какихъ дѣйствуютъ они близъ Петербурга, съ тѣмъ чтобы по исполненіи сего, казна приняла на свой счетъ содержаніе этихъ пріютовъ по меньшей мѣрѣ хоть настолько же, насколько она участвуетъ теперь въ содержаніи тюремъ, находящихся въ вѣдѣніи комитетовъ; все же остальное, равно какъ и завѣдываніе пріютами, возложить непосредственно на комитеты (по аналогіи съ петербургскою колоніею), которые, въ преобразованномъ видѣ, останутся дѣйствующими, какъ свѣдующіе люди увѣряютъ, и по введеніи тюремной реформы. Употребленіе комитетами скопленныхъ денегъ на пріюты—есть ихъ лучшее назначеніе, и комитеты охотно, мы увѣрены, увѣковѣчатъ память о себѣ этимъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что непрерывнаго дохода билеты (комитеты ими снабжены взамѣнъ денегъ, отъ нихъ взятыхъ во время крымской войны) приносятъ комитетамъ столь ограниченный доходъ (проценты), изъ-за котораго и билетовъ теперь держать не стóитъ.

Желая осязательнѣе доказать, что мы строимъ зданіе не на пескѣ, т.-е., что комитеты, по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ, въ состояніи, безъ серьёзнаго ущерба для себя, помочь бѣдѣ—создать большіе или меньшіе пріюты—обратимся къ столичному, напр., комитету. Комитетъ этотъ располагаетъ, въ числѣ своихъ суммъ разныхъ наименованій, 145,921 р. капиталомъ, пожертвованнымъ разновременно разными лицами, съ условіемъ, чтобы на проценты съ него выкупались изъ-подъ стражи, комитетомъ, въ опредѣленные дни года, неисправные должники. Съ закрытіемъ долгового отдѣленія, чтó ожидается со дня на день, — весь этотъ капиталъ съ процентами на него освободится отъ спеціальнаго своего назначенія и куда-нибудь, на что-нибудь, да будетъ же, навѣрное, обращенъ. Такъ какъ претендентовъ на этотъ капиталъ никакихъ не предвидится: умершіе жертвователи не явятся за своими долями, а живымъ не возвратятъ однажды подаренныхъ денегъ, то, по полученіи разрѣшенія свыше, комитетъ на этотъ лишь источникъ въ силахъ будетъ построить обширный и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный пріютъ, человѣкъ на 100, а принявъ въ соображеніе стоимость здѣшней колоніи, изъ этого капитала легко еще сберечь часть на дальнѣйшее развитіе дѣла; если же къ указанной цифрѣ присоединить и тѣ 14,000 р., которые комитету возвращаетъ попечительный совѣтъ общественнаго призрѣнія за ремесленныя занятія мальчиковъ въ бывшемъ исправительномъ заведеніи за 30 лѣтъ (съ 1843 по 1873 г.), то предполагаемый пріютъ пріобрѣтетъ сразу солидное обезпеченіе своего будущаго существованія.

В. Никитинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое января, 1874.

Начало сессіи петербургскаго земскаго собранія. — Отношеніе столичнаго общества къ интересамъ своего земства.—Рѣчь г. губернатора и предложеніе г. Шуберта. — Народное образованіе въ земскомъ бюджетѣ, и земская учительская школа.—Вопросы народнаго здравія. — Сельскія ссудо-сберегательныя товарищества. — Отчетъ комитета за 1872 г. — Post-scriptum: отвѣтъ не на вопросъ петербургской „Nordische Presse" г-ну А.

Петербургская печать всегда слѣдитъ внимательно за сессіями здѣшняго губернскаго земскаго собранія; газеты не только помѣщаютъ подробные отчеты о его засѣданіяхъ, но и посвящаютъ особыя статьи каждому изъ вопросовъ, обсуждаемыхъ собраніемъ. Читатели, живущіе въ другихъ губерніяхъ, могутъ думать, что петербургское общество принимаетъ весьма близко къ сердцу свои провинціальные интересы, что мѣстнымъ земскимъ вопросамъ въ Петербургѣ, должно быть, придается весьма серьёзное значеніе, когда въ столичной печати имъ отводится видное мѣсто, наравнѣ съ тѣми государственными вопросами, которыхъ обсужденіе доступно петербургской печати. На дѣлѣ это не совсѣмъ такъ. Никакого особеннаго интереса къ мѣстнымъ земскимъ интересамъ въ Петербургѣ не замѣчается. Возьмемъ въ примѣръ очередную сессію губернскаго собранія, происходившаго въ прошломъ мѣсяцѣ. Въ засѣданіяхъ, происходящихъ въ самомъ центрѣ города, обыкновенно присутствовало изъ публики менѣе десятка человѣкъ, рѣдко два-три десятка, однимъ словомъ, гораздо менѣе зрителей и слушателей, чѣмъ сколько ихъ на улицѣ, хотя бы тутъ же у подъѣзда, соберется тотчасъ, если упадетъ лошадь или станутъ пьянаго усаживать въ сани, для надлежащаго препровожденія. Мало того, изъ числа 62 гласныхъ, въ засѣданіяхъ обыкновенно присутствовало нѣсколько больше половины, менѣе сорока. А между тѣмъ, почти всѣ гласные живутъ въ Петербургѣ. Удивляться ли послѣ этого, что въ иныхъ губерніяхъ

гласныхъ собирается иногда недостаточное число, когда имъ приходится ѣхать за сотню верстъ, спеціально для исполненія гражданскаго долга. Въ петербургскихъ разговорахъ, мѣстныя земскія дѣла занимаютъ одно изъ самыхъ послѣднихъ мѣстъ, и всякій запросъ, сдѣланный министерству Брольи, болѣе упражняетъ конверсаціонныя силы петербуржцевъ, чѣмъ судьба цѣлыхъ докладовъ мѣстныхъ земскихъ коммиссій.

Одна изъ причинъ такого безучастія дѣйствуетъ не въ одномъ только Петербургѣ: ограниченность круга дѣйствій земства и тѣхъ средствъ, какими оно можетъ располагать по усмотрѣнію. Достаточно сказать, что по губернской смѣтѣ на 1874 г. испрашивалось всего $106^{1}/_{2}$ т. р., изъ которыхъ 41 т. р. составляли расходы обязательные, 20 т. р. предназначались на постепенное шоссированіе губернскихъ дорогъ, т.-е., на такую потребность, которой удовлетвореніе можно только болѣе или менѣе ограничить, но нельзя видоизмѣнить; наконецъ, 14 т. р. на содержаніе губернской управы и расходы по собранію. Затѣмъ, въ распоряженіи губернскаго земства остаются всего какіе нибудь 30 т. р., которыми оно можетъ располагать такъ или иначе, на врачебную часть и народное образованіе. Житель Петербурга, будь онъ гласный или негласный, довольно естественно разсуждаетъ такъ, что и сорока человѣкъ, присутствующихъ въ собраніи, совершенно достаточно для правильнаго распредѣленія такой незначительной суммы. Общество вполнѣ полагается на 62 губернскихъ гласныхъ, которые приняли на себя обязанность заботиться о распредѣленіи бюджета, и соединенными силами, въ теченіе десятка и болѣе засѣданій, не могутъ не найти самаго лучшаго употребленія для 30 т. р.; нѣкоторые же, и довольно значительное число самихъ гласныхъ, повидимому, разсуждаютъ такъ, что для наилучшаго употребленія суммы, равняющейся доходу съ какого нибудь одного петербургскаго дома, достаточно и 37 человѣкъ, обыкновенно засѣдающихъ въ собраніи. Нѣтъ спору, что подобныя разсужденія неправильны и что о каждомъ рублѣ общественныхъ денегъ слѣдовало бы заботиться всему населенію губерніи, не говоря уже о гласныхъ, спеціально принявшихъ на себя исполненіе этого гражданскаго долга; но справедливо и то, что такое равнодушіе имѣетъ для себя „смягчающія“ обстоятельства.

Впрочемъ, Петербургъ имѣетъ и спеціально-свойственныя одному ему причины безучастія къ мѣстнымъ земскимъ дѣламъ, представляющіяся, во-первыхъ, въ личномъ положеніи петербуржцевъ, во-вторыхъ, въ положеніи самого Петербурга въ средѣ губерніи. Извѣстно, что житель Петербурга всегда занятъ профессіею, службой, торговлею и т. д., гораздо болѣе, чѣмъ житель всякаго иного го-

рода имперіи, за исключеніемъ еврейскаго населенія, которое одно равняется въ дѣятельности съ населеніемъ Петербурга. Самое ничегонедѣланіе имѣетъ въ Петербургѣ дѣловой характеръ и требуетъ своего рода трудолюбія. Затѣмъ, Петербургъ по своему положенію, какъ столица, и просто, какъ огромный, сравнительно, городъ, такъ сказать, заслоняетъ собою земство. Главные интересы петербургскаго общества рѣшительно не имѣютъ мѣстнаго характера; его наиболѣе занимаютъ вѣсти и слухи о дѣлахъ крупныхъ или мелкихъ, но всегда общихъ для всей Россіи; затѣмъ, уже на довольно отдаленномъ планѣ, являются для него интересы городскіе, дѣла самаго города; такія дѣла, какъ, напр., устройство новаго моста черезъ Неву или возстановленіе таксы на извощиковъ, еще способны вызывать въ публикѣ довольно оживленные разговоры. Что же касается дѣлъ земства, то они стоятъ пока на самомъ заднемъ планѣ. Петербургъ, съ своимъ населеніемъ, поглощаетъ въ себѣ половину губерніи, съ ея населеніемъ въ 1 м. 325 т. душъ. Солидарность своихъ интересовъ, какъ города, съ интересами остальной половины земства онъ сознаетъ мало. Существуетъ даже и такое мнѣніе, что Петербургъ эксплуатируется земствомъ, что ему было бы лучше совсѣмъ выдѣлиться и изъ земства губерніи, какъ онъ въ минувшемъ году выдѣлился изъ состава губернской администраціи. Помилуйте, говорятъ иные — Петербургъ кормитъ всю губернію, онъ есть главный источникъ заработковъ, которыми губернія и поддерживаетъ существованіе на этой неблагодарной почвѣ, и подати платитъ, и та же губернія посредствомъ земства накладываетъ еще на Петербургъ бо́льшую половину — 67% губернскихъ земскихъ расходовъ. Такимъ образомъ, въ мнѣніи нѣкоторыхъ гражданъ Петербурга не только не уясняется какая-либо солидарность интересовъ столицы съ земствомъ, но напротивъ, возникаетъ мысль о взаимной враждебности тѣхъ и другихъ интересовъ.

Итакъ, изъ заботливости петербургской печати о мѣстныхъ земскихъ дѣлахъ читатели, живущіе въ другихъ губерніяхъ, напрасно стали бы выводить заключеніе о живомъ сочувствіи къ нимъ петербургскаго общества и о степени вниманія этого общества къ интересамъ мѣстнаго земства. И печать, прибавимъ мы, являясь органомъ этихъ интересовъ, не столько имѣетъ въ виду потребность исполненія своей провинціальной обязанности, сколько необходимость слѣдить постоянно за дѣлами одного земства, какъ за примѣромъ, на которомъ отражается болѣе или менѣе общее положеніе земскаго дѣла. О ходѣ дѣлъ въ другихъ земствахъ петербургская печать можетъ разсуждать только въ общихъ чертахъ, можетъ спеціально заниматься только наиболѣе крупными изъ нихъ. Но

въ петербургскомъ земствѣ она находитъ близкій себѣ примѣръ, образчикъ всего теченія, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ условій и фактовъ земскаго самоуправленія.

Петербургскій губернаторъ, въ рѣчи, которою онъ открылъ, 2-го декабря, нынѣшнюю сессію земскаго собранія, сообщилъ ему нѣсколько своихъ замѣчаній, сдѣланныхъ по разнымъ предметамъ земскаго хозяйства во время ревизіи имъ, губернаторомъ, петербургской губерніи въ теченіи года. Въ числѣ этихъ замѣчаній было слѣдующее: „дороги, за весьма немногими исключеніями, находятся повсемѣстно въ губерніи въ неудовлетворительномъ состояніи. Таковыми нашелъ я ихъ лѣтомъ, въ сухое время года, и изъ этого можно вывести заключеніе, каковы онѣ бываютъ весною и осенью.“ Далѣе, губернаторъ спеціально отмѣтилъ неудовлетворительность дорогъ въ петергофскомъ уѣздѣ. Въ этомъ замѣчаніи, обращенномъ къ земству, начальникъ губерніи сообщилъ только общее впечатлѣніе, произведенное на него состояніемъ дорогъ въ губерніи, не различая дорогъ земскихъ и *иныхъ* и притомъ допуская нѣкоторыя исключенія. Между тѣмъ, далеко не всѣ дороги состоятъ на попеченіи земства; до губернскаго же собранія прямо касается изъ земскихъ дорогъ только состояніе губернскихъ земскихъ дорогъ, которыя содержатся и строются вновь на губернскія средства. На пространство губерніи, представляющее 812 кв. миль, дорогъ, состоящихъ на попеченіи губернскаго земства—всего 366 верстъ. А такъ какъ въ замѣчаніи допускались немногія исключенія, то могло случиться такъ, что эти благопріятныя исключенія и представлялись именно губернскими земскими дорогами, а затѣмъ, предметомъ замѣчанія служили дороги, на попеченіи губернскаго земства не состоящія? Мы не говоримъ, что было именно такъ, да едва-ли и кто-либо знаетъ, какія именно дороги произвели, въ данномъ случаѣ, наименѣе благопріятное впечатлѣніе, а затѣмъ, и къ кому должно было относиться сдѣланное г. губернаторомъ замѣчаніе.

Между тѣмъ, расходъ губернскаго земства на содержаніе и устройство губернскихъ дорогъ есть главный изъ петербургскихъ губернскихъ земскихъ расходовъ. Губернское земство изъ своего бюджета въ $106^1/_2$ т. р. издерживаетъ ежегодно около сорока тысячъ рублей собственно на губернскія дороги; на 1874 годъ предположено было на содержаніе и ремонтъ этихъ дорогъ 23 т. р., и на постепенное шоссированіе новыхъ участковъ 20 т. р., всего 43 т. р., т.-е., сумма гораздо бóльшая противъ той, которая остается затѣмъ дѣйствительно въ распоряженіи губернскаго земства на другія потребности, какъ-то: по содержанію врачебной части и народному образованію. При такихъ усиліяхъ со стороны губернскаго зем-

ства понятно, что замѣченный ему фактъ неудовлетворительности состоянія дорогъ былъ неутѣшителенъ. Вотъ почему, въ слѣдующемъ же засѣданіи собранія, гласный Шубертъ поднялъ объ этомъ вопросъ, объясняя, что изъ указанія губернатора не видно, къ какимъ именно дорогамъ относится замѣчаніе губернатора: къ губернскимъ или уѣзднымъ, земскимъ, „или же къ такимъ, которыя въ вѣдѣніи земства вовсе не находятся". Предсѣдатель губернской управы, бар. П. Корфъ заявилъ, что „ему неизвѣстно, о какихъ именно путяхъ сообщенія говорилъ г. губернаторъ, а онъ ѣздилъ по всѣмъ дорогамъ; по губернскимъ же дорогамъ онъ проѣзжалъ только отъ Нарвы до Гдова, частью въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ и между Новою и Старою Ладогою. Что же касается состоянія этихъ дорогъ, то г. губернаторъ, какъ онъ самъ заявилъ, въ первый разъ ихъ видѣлъ, и какъ на человѣка свѣжаго, дороги могли произвесть", по мнѣнію бар. Корфа, „дѣйствительно неблагопріятное впечатлѣніе; но старожилы, которые давно ѣздятъ по этимъ дорогамъ, судятъ о нихъ по сравненію и находятъ, что онѣ улучшаются". Правда, отзывъ этотъ можетъ вызвать улыбку: мало ли къ чему могутъ привыкнуть старожилы! Но тѣмъ не менѣе, отзывъ этотъ совершенно вѣренъ въ томъ смыслѣ, что нельзя составить себѣ полнаго мнѣнія о стараніяхъ земства относительно дорогъ, проѣхавъ разъ по нѣкоторымъ изъ нихъ и не зная, каковы онѣ были прежде. Гласный Шубертъ неудовлетворился отвѣтомъ предсѣдателя управы, такъ какъ отвѣтъ этотъ не разъяснялъ поставленнаго г. Шубертомъ вопроса; „между тѣмъ", замѣтилъ онъ, „земству сдѣланъ весьма серьёзный упрекъ"; поэтому онъ внесъ предложеніе: „поручить губернской управѣ, черезъ переписку съ г. губернаторомъ, разъяснить это обстоятельство, и еслибъ оказалось, что дороги, находящіяся въ дурномъ состояніи, принадлежатъ земству, то сдѣлать надлежащее распоряженіе относительно ихъ исправленія". Несмотря на выраженное гласнымъ бар. Ю. Корфомъ мнѣніе, что было бы „неудобно просить у губернатора разъясненія его рѣчи, произнесенной при открытіи собранія", собраніе, однако же, по баллотировкѣ, приняло предложеніе г. Шуберта, и такимъ образомъ можно надѣяться, что земство получитъ болѣе точное указаніе на неудовлетворительность дорогъ, которымъ и можно будетъ воспользоваться практически. Между тѣмъ, изъ отчета управы за 1873 годъ мы видимъ, что изъ кредитовъ этого года земствомъ издержано было около 20 т. рублей именно на тѣ губернскія земскія дороги, по которымъ, по объясненію предсѣдателя управы въ собраніи, проѣзжалъ г. губернаторъ, а именно, на гдовско-нарвскую, по старо-ладожскому тракту, въ новоладожскомъ и шлиссельбургскомъ уѣздахъ.

Въ рѣчи губернатора упоминалось съ одобреніемъ о „дѣйствительныхъ мѣрахъ“ губернскаго земства противъ падежей скота, хотя заявлялось и сожалѣніе, что мѣры эти „въ большинствѣ случаевъ выразились безуспѣшно“. Изъ отчета губернской управы мы видимъ, что безуспѣшность дѣйствительно оказалась, въ томъ, впрочемъ, смыслѣ, что несмотря на принятыя мѣры по дезинфекціи ямъ, въ которыя были зарыты животныя, павшія отъ эпизоотіи въ 1872 году, язва въ 1873 году все-таки появилась. Но губернская управа приняла и для ограниченія распространенія болѣзней скота весьма дѣятельныя мѣры, такъ что собраніе признало справедливымъ выразить ей за это благодарность особо и даже не дожидаясь разсмотрѣнія отчета за 1873 г., въ томъ соображеніи, высказанномъ однимъ изъ гласныхъ, что послѣ разсмотрѣнія отчета можно будетъ выразить управѣ благодарность еще разъ.

Относительно школъ, рѣчь губернатора, отдавая полную справедливость существующимъ сельскимъ школамъ, замѣчала, что ихъ все-таки крайне мало, что онѣ далеко не удовлетворяютъ потребностямъ народнаго образованія, санитарная же часть въ селеніяхъ находится въ младенческомъ состояніи. Нѣтъ возможности отрицать справедливости всѣхъ этихъ замѣчаній въ общемъ, безусловномъ смыслѣ; въ общемъ, вполнѣ справедливо, что и дороги въ петербургской губерніи неудовлетворительны, и падежи бываютъ, несмотря на принимаемыя мѣры, и что еще хуже—постоянно возвращается холера, оспа же и не прекращается; школъ недостаточно, а школъ хорошихъ даже мало, по недостатку учителей, мало и число земскихъ больницъ, хотя существующія, по признанію самого начальника губерніи, хорошо устроены; наконецъ, что „состояніе сельскихъ обывателей, нравственно и хозяйственно представлялось при обозрѣніи губерніи далеко не въ благопріятномъ видѣ“. Все это въ безусловномъ смыслѣ неоспоримо, какъ неоспоримо и то, что земство губернское и уѣздное, вмѣстѣ, имѣютъ въ своемъ распоряженіи всего 560 т. р. въ годъ, изъ которыхъ 377 т. р. идутъ на расходы обязательные, а 183 т. р. на расходы необязательные, — для удовлетворенія всѣхъ этихъ потребностей. Весьма полезно, конечно, указывать земству идеалъ, къ которому оно должно стремиться, и въ то же время весьма естественно, что идеалъ этотъ, при данныхъ условіяхъ и наличныхъ средствахъ, еще весьма далекъ отъ осуществленія.

Возьмемъ въ примѣръ губернскій расходъ по народному образованію. Губернское земство приняло на свое попеченіе въ этой области собственно приготовленіе народныхъ учителей, и съ этой цѣлью оно устроило учительскую школу, устраиваетъ педагогическіе курсы для учителей и учительскіе съѣзды. Губернскій расходъ на народное

образованіе, составлявшій въ 1870 — 1872 годахъ, всего $6^1/_2$ т. р., въ 1873 году возросъ до $19^1/_4$ т. р., а на предстоящій годъ опредѣленъ уже въ $22^3/_4$ т. р. Объ учительской школѣ, на которую обращается главная часть этой суммы, въ рѣчи губернатора не упоминалось, но объ учительскихъ съѣздахъ, также устроиваемыхъ губернскимъ земствомъ, было упомянуто, а именно о нихъ сказано слѣдующее: „я присутствовалъ на трехъ учительскихъ съѣздахъ и лично убѣдился, какъ успѣшно и съ какимъ знаніемъ дѣла, и съ какою любовью къ нему руководятъ народнымъ обученіемъ лица, назначенныя для этой цѣли отъ министерства народнаго просвѣщенія". Характеристика учительскихъ съѣздовъ была бы не полна, еслибы не прибавить, что на нихъ высказалось ярче всего живое участіе самихъ учителей въ дѣлѣ, которому они себя посвятили. На съѣздъ 1873 года, который продолжался недѣлю, явилось болѣе ста учителей и учительницъ и изъ протоколовъ ихъ засѣданій, приложенныхъ къ отчету управы, видно, что лица принимавшія участіе въ разсужденіяхъ о предметахъ преподаванія — развитые, образованные люди, вполнѣ способные сознательно относиться къ своему дѣлу и относящіеся къ нему съ живымъ участіемъ. Когда мы вспомнимъ, за какое ничтожное вознагражденіе эти люди работаютъ, то наиболѣе крупною чертою учительскаго съѣзда и наиболѣе отраднымъ явленіемъ его намъ во всякомъ случаѣ представится тотъ фактъ, что многія сельскія школы здѣшней губерніи имѣютъ такихъ учителей и учительницъ. Что касается знанія дѣла и любви къ нему со стороны руководителей, назначенныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, то, не сомнѣваясь въ ихъ качествахъ, мы должны однако замѣтить, что и оклады ихъ совсѣмъ иные, чѣмъ сельскихъ учителей, и что во всякомъ случаѣ успѣхъ первоначальнаго, да и всякаго обученія, болѣе зависитъ отъ свойства учителей, чѣмъ отъ руководства надъ учителями, хотя бы самаго усерднаго.

Выше упомянуто объ учительской школѣ, основанной губернскимъ земствомъ. Губернское собраніе, имѣя въ виду общіе отзывы, что первоначальное обученіе въ сельскихъ школахъ идетъ особенно успѣшно у учительницъ, еще въ 1872 году озаботилось допущеніемъ въ учительскую школу ученицъ, съ тѣмъ, чтобы онѣ не жили тамъ, но приходили на курсы. Выгода совмѣстнаго обученія была бы весьма значительна, такъ какъ при этомъ устраненъ былъ бы расходъ на устройство особаго женскаго отдѣленія при учительской школѣ. Въ виду этого, собраніе въ 1872 г. постановило повторить ходатайство въ министерствѣ народнаго просвѣщенія о допущеніи въ школѣ совмѣстнаго обученія мальчиковъ и дѣвочекъ. Въ докладѣ губернской управы по этому предмету было сказано: „г. министръ народнаго

просвѣщенія, при словесномъ объясненіи, заявилъ г. председателю управы, что въ видахъ обезпеченія надзора за поведеніемъ слушателей и слушательницъ въ школѣ, онъ ни въ какомъ случаѣ не допуститъ совмѣстнаго обученія мужчинъ и женщинъ, но готовъ разрѣшить учрежденіе отдѣльныхъ классовъ для приготовленія учительницъ". Но уже послѣ напечатанія доклада полученъ былъ и письменный отвѣтъ министерства на ходатайство земства, въ отрицательномъ смыслѣ, на основаніи заключенія министерства, внесеннаго въ комитетъ министровъ и утвержденнаго этимъ учрежденіемъ. Вслѣдствіе того, управа должна была составить соображеніе объ учрежденіи при школѣ особаго женскаго отдѣленія, которое и обойдется земству по 7000 рублей въ годъ, притомъ безъ назначенія ученицамъ стипендій, такъ что онѣ должны будутъ жить на своемъ иждивеніи, между тѣмъ какъ ученики содержатся въ самой школѣ, т.-е., на счетъ земства. Расходъ 7000 р. на женское отдѣленіе представляется платою преподавателямъ за отдѣльные женскіе курсы, и прочими потребностями отдѣльнаго преподаванія. Здѣшняя управа снеслась съ псковскою и новгородскою, приглашая ихъ принять участіе въ этомъ расходѣ, такъ какъ приготовленіемъ учительницъ въ петербургской школѣ могутъ воспользоваться и сосѣднія земства, присылая своихъ стипендіатокъ или своекоштныхъ ученицъ, со взносомъ за нихъ въ школу, по разсчету ея издержекъ и ихъ числа. Управы новгородская и псковская обѣщали доложить объ этомъ дѣлѣ своимъ собраніямъ, а между тѣмъ, петербургская управа просила на 1874 г. ассигновать на женское отдѣленіе 3500 р., т.-е. половину исчисленнаго годового расхода, что́ и было утверждено собраніемъ. Первый выпускъ изъ мужского отдѣленія учительской школы будетъ въ наступившемъ году. Воспитанники этой школы, во время нахожденія въ ней, будутъ подлежать рекрутской и другимъ повинностямъ, а также тѣлесному наказанію, если не изъяты отъ того и другого по своему личному состоянію, такъ какъ на ходатайство земства объ освобожденіи воспитанниковъ школы отъ повинностей и тѣлеснаго наказанія, министерство народнаго просвѣщенія увѣдомило, чрезъ губернатора, что преимущества эти могли бы быть предоставлены воспитанникамъ только въ томъ случаѣ, еслибы земская учительская школа соотвѣтствовала закону 1871 г. объ учительскихъ семинаріяхъ министерства; при дѣйствіи же нынѣшняго устава, петербургская земская школа, хотя уставъ ея и утвержденъ министерствомъ, имѣетъ характеръ *частнаго* учебнаго заведенія [1]), а потому на нее

[1]) Если мы не ошибаемся, подъ *частнымъ* учебнымъ заведеніемъ должно разумѣть предпріятіе, имѣющее цѣлью, между прочимъ, получить если не доходъ, то из-

названныя преимущества и не могутъ быть распространены. Дѣло состоитъ въ томъ, что освобожденіе отъ повинностей и тѣлеснаго наказанія предоставляется воспитанникамъ тѣхъ учительскихъ семинарій, казенныхъ или земскихъ, въ которыхъ директоръ и преподаватели назначаются министерствомъ народнаго просвѣщенія, а петербургская учительская школа условію этому не соотвѣтствуетъ. Хотя въ отзывѣ министерства и сообщалось, что если земство подчинитъ свою школу требованіямъ закона 1871 г. относительно должностныхъ лицъ школы, то на воспитанниковъ ея преимущества и могутъ быть распространены, но изъ отчета управы не видно, чтобы она собиралась сдѣлать собранію предложеніе въ этомъ смыслѣ, и никакого доклада ею по этому предмету представлено не было.

При обсужденіи расхода по учительской школѣ, въ собраніи вновь возникъ, по ходатайству ямбургскаго земства, вопросъ объ установленіи обязательности службы выпускаемыхъ ею сельскихъ учителей на извѣстный срокъ, въ предѣлахъ петербургской губерніи. Вопросъ этотъ возникалъ уже въ 1872 г., но обязательность была отклонена по тому соображенію, что отъ учителя, удерживаемаго въ школѣ насильно, нельзя ожидать пользы. Послѣ довольно оживленныхъ преній, то же соображеніе одержало верхъ и въ нынѣшнюю сессію, и обязательность была отклонена.

По устройству врачебной части въ губерніи, собраніе въ нынѣшней сессіи утвердило, испрашиваемый губернскою управой, кредитъ въ 6,000 р. на принятіе мѣръ противъ эпидемій и эпизоотій и предложеніе управы по учрежденію губернскаго санитарнаго съѣзда и по вопросу объ обязательности оспопрививанія. Изъ отчета управы за 1873 г. оказывается, что хотя въ томъ году появлялись холерная и оспенная эпидеміи, „но степень развитія этихъ болѣзней не превышала средствъ уѣздныхъ земствъ и потому на прекращеніе ихъ не требовалось вовсе пособій со стороны губернскаго земства“. Между тѣмъ, изъ помѣщенной въ отчетѣ таблицы усматривается, что въ 1873 году въ столицѣ и губерніи умерло 493 чел. отъ холеры и 576 отъ оспы, число же заболѣвшихъ той и другой эпидеміею превышало 3,500 чел. Цифры эти скорѣе ниже, чѣмъ выше дѣйствительности, такъ какъ цифры опубликованныя санитарною коммиссіей относительно Петербурга превышали тѣ цифры заболѣванія и смертности въ Петербургѣ, которыя помѣщены въ отчетѣ. Разногласіе произошло, вѣроятно, оттого, что въ отчетъ не успѣли войти позднѣйшія цифры. Но таблица, помѣщенная въ отчетѣ управы, представляетъ

вѣстный гонораръ въ пользу предпринимателя; а въ такомъ случаѣ, земскую школу едва ли можно отнести къ частнымъ предпріятіямъ.

тотъ интересъ, что цифры въ ней подраздѣлены по уѣздамъ. Изъ нихъ видно. что холера въ 1873 году проявлялась только въ Новой Ладогѣ, Шлиссельбургѣ съ его уѣздомъ и Петербургѣ съ его уѣздомъ, причемъ огромное большинство заболѣваній его (950 изъ 1007) были въ Петербургѣ, въ прочихъ уѣздахъ не было ни одного случая холеры. Мы уже обращали вниманіе на различные элементы вопроса о хроническомъ зараженіи Петербурга холерою. Что зараза заносится въ Петербургъ ежегодно изъ разныхъ мѣстностей, пораженныхъ эпидеміею по всей имперіи вслѣдствіе распространенія быстрыхъ, желѣзно-дорожныхъ сообщеній, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться и противъ такого занесенія заразы здѣшнее земство не можетъ принять никакихъ мѣръ, хотя правительство могло бы усилить контроль за дезинфекціею по желѣзнымъ дорогамъ. Но другой элементъ вопроса о зараженіи Петербурга указывается тѣмъ фактомъ, что изъ сосѣднихъ ему мѣстностей холера всегда замѣтнѣе проявляется въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя лежатъ при истокѣ Невы. Въ 1873 же году, кромѣ этихъ мѣстностей и самого Петербурга, ея даже и вовсе не было. Если допустить весьма вѣроятную теорію о зараженіи посредствомъ воды, то указанный фактъ можетъ представлять не малое значеніе. Спрашивается еще, могла ли бы зараза, заносимая посредствомъ одного пріѣзда больныхъ по желѣзнымъ дорогамъ, развиваться въ Петербургѣ съ такой силою и держаться въ немъ съ такимъ упорствомъ (въ 1873 г. холера держалась нѣкоторое время даже при морозахъ), если бы Петербургъ не былъ заражаемъ еще другимъ, непосредственнымъ и болѣе интенсивнымъ способомъ, именно — посредствомъ теченія воды, которую исключительно потребляетъ его населеніе? Еще одно указаніе въ этомъ смыслѣ представляется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ прошлое лѣто холера была въ Кронштадтѣ, окруженномъ теченіемъ той же воды, но не была въ другихъ прибрежныхъ же мѣстностяхъ (напр., въ петергофскомъ уѣздѣ), которыя продовольствуются водою не изъ взморья, но изъ колодцевъ, лежащихъ на возвышенномъ берегу. Намъ кажется, что этотъ фактъ во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія и долженъ былъ бы обратить на себя вниманіе именно губернскаго земства, такъ какъ вопросъ касается нѣсколькихъ уѣздовъ, и столичнаго врачебнаго управленія, такъ какъ онъ касается Петербурга болѣе, чѣмъ какой-либо мѣстности. Не споримъ, можетъ быть всѣ мѣры предупрежденія оказались бы безуспѣшными, и пришлось бы примириться съ мыслью, что холера въ Петербургѣ составляетъ явленіе постоянное, что она окончательно въ немъ натурализовалась. Но можно ли примириться съ такою мыслью, не предпринявъ рѣшительно никакихъ мѣръ для провѣрки и предупрежденія, можно ли сидѣть сложа

руки потому только, что вопросъ этотъ не выясненъ еще окончательно за-границею и нашей умственной лѣни не поднесено готовое рѣшеніе? Но вѣдь нигдѣ въ Европѣ рѣшеніе этого вопроса и не требуется такъ настоятельно, какъ въ Петербургѣ. Въ другихъ столицахъ на холеру могутъ еще смотрѣть, какъ на временное зло, мы же въ Петербургѣ имѣемъ ее четыре года сряду.

Мѣры провѣрки, а затѣмъ и предупрежденія могли бы быть двоякія. Во-первыхъ, губернское земство и врачебное управленіе Петербурга могли бы ассигновать значительныя средства для принятія самыхъ строгихъ мѣръ по дезинфекціи и самому леченію въ мѣстностяхъ, лежащихъ при истокѣ Невы или озера, въ уѣздахъ шлиссельбургскомъ и ново-ладожскомъ, а также въ прилежащихъ къ рѣкѣ, выше Петербурга, мѣстностяхъ (изъ пригородныхъ назовемъ Рыбацкую слободу и Охту, гдѣ холера проявлялась нерѣдко сильнѣе, чѣмъ въ самомъ Петербургѣ). Во-вторыхъ, въ нѣсколькихъ частяхъ Петербурга, удаленныхъ отъ Невы, напр., хотя бы въ казанской и коломенской, можно бы для опыта устроить достаточное водоснабженіе изъ колодцевъ. По отзыву спеціалистовъ, въ Петербургѣ, по формаціи его почвы, можно повсемѣстно добыть такъ-называемые артезіанскіе колодцы съ превосходной водою. Такой колодецъ вырытъ на дворѣ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ и даетъ воду, которая во всякомъ случаѣ лучше невской въ эпоху весны и дождливыхъ періодовъ, когда невская вода является мутною отъ органическихъ примѣсей. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что населеніе такихъ частей города, если колодцевъ будетъ вырыто достаточное число, предпочтетъ пользоваться водою изъ нихъ, чѣмъ изъ Екатерининскаго канала и Фонтанки, вытекающихъ изъ Невы, но заражающихся еще и самостоятельно отъ стока городскихъ трубъ. Затѣмъ, если тѣ и другія мѣры будутъ приняты въ серьёзныхъ размѣрахъ, то опытъ двухъ-трехъ лѣтъ рѣшитъ вопросъ окончательно и, быть можетъ, рѣшитъ его въ такомъ именно смыслѣ, что холера можетъ быть отвращена отъ Петербурга простымъ средствомъ—устраненіемъ невской воды изъ употребленія въ питье и пищу. Повторяемъ, умственная лѣнь наша такова, непривычка къ самостоятельному изысканію, неувѣренность въ своей собственной силѣ умозаключенія такъ сильны, что мы предвидимъ, какъ многіе пожмутъ плечами на наше предложеніе. Пробовать нѣчто, еще нигдѣ за-границею не пробованное, отвлекать на гадательные опыты городскія деньги отъ расходовъ по украшенію русской столицы,—можно ли и думать объ этомъ? А что̀ скажетъ общество невскихъ водопроводовъ, и такъ далѣе. Но лучшимъ украшеніемъ города было бы вообще, чтобы въ

немъ можно было жить, чтобы смертность въ немъ не превышала наростанія, какъ то замѣчается въ „прекрасномъ" городѣ Петербургѣ.

Относительно другой хронической язвы, которой Петербургъ подлежитъ впрочемъ наравнѣ со многими русскими городами, относительно оспы, цифры отчета показываютъ, что, по сравненію съ населенностью, эта эпидемія наиболѣе сильна въ царскосельскомъ уѣздѣ. Этотъ фактъ довольно извѣстенъ и независимо отъ точныхъ статистическихъ данныхъ. Причиною его — особливое упорство крестьянъ этого уѣзда противъ привитія оспы новорожденнымъ дѣтямъ. Еще въ 1871 году царскосельское уѣздное земское собраніе признало фактъ, что „оспопрививаніе дѣтямъ чрезвычайно затрудняется въ деревняхъ, такъ какъ крестьяне очень часто скрываютъ отъ врача новорожденныхъ дѣтей, не желая прививать имъ оспу"; вслѣдствіе того, царскосельское земство также постановило ходатайствовать о введеніи обязательнаго оспопрививанія въ уѣздѣ. Тотъ же вопросъ, въ болѣе общемъ видѣ, поставленъ былъ губернскимъ комитетомъ общественнаго здравія, который спросилъ мнѣнія петербургской думы и уѣздныхъ земскихъ собраній, относительно ходатайства о введеніи общей обязательности оспопрививанія посредствомъ закона. Вслѣдствіе этого, въ нынѣшней сессіи губернскаго земскаго собранія вопросъ этотъ и разсматривался въ его общемъ видѣ, а именно, по предложенію губернской управы ходатайствовать объ установленіи закономъ общеобязательности привитія дѣтямъ оспы, но съ тѣмъ, чтобы введеніе въ дѣйствіе этого закона зависѣло въ каждомъ уѣздѣ отъ мѣстныхъ земскихъ собраній. Предположенный управою законъ назначалъ бы срокъ привитія оспы каждому ребенку съ наложеніемъ наказанія мировыми судьями за уклоненіе отъ этой обязанности, оспопрививатели объѣзжали бы свои участки, имѣя свѣдѣнія о числѣ дѣтей родившихся въ извѣстный періодъ времени, и производили бы прививаніе имъ безплатно, на квартирахъ, занимаемыхъ семьями. По этому вопросу происходили въ собраніи весьма оживленныя пренія, которыя впрочемъ не прибавили ничего къ разъясненію вопроса и такъ совершенно яснаго. Само собою разумѣется, что одна обязательность здѣсь далеко не составляетъ всего, какъ обязательность лечиться вообще; прежде всего нужно достаточное число порядочныхъ лекарей и лекарствъ, иначе такой законъ ничего не будетъ значить. Спрашивается еще, не объясняется ли и самое упорство крестьянъ противъ привитія оспы тѣмъ, что посылаемые къ нимъ фельдшера не пріобрѣтали, а иногда и не заслуживали ихъ довѣрія, что употреблявшаяся лимфа была не годна, такъ что часто оказывались примѣры заболѣванія натуральной оспою, несмотря на еще недавнюю прививку. Во время преній по этому предмету, предсѣда-

тель губернской управы указалъ, между прочимъ, на тотъ фактъ, что собираніе свѣдѣній о родившихся будетъ весьма затруднительно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, какъ въ части шлиссельбургскаго уѣзда, „народъ не имѣетъ никакой оффиціально признанной религіи, съ духовенствомъ ни въ какихъ отношеніяхъ не находится и никакихъ духовныхъ требъ не исполняетъ, такъ что даже возрастъ приходится опредѣлять по наружному виду и наугадъ".

Докладъ губернской управы предлагалъ обязательность оспопрививанія, съ факультативнымъ введеніемъ ея въ дѣйствіе въ уѣздахъ, по усмотрѣнію мѣстныхъ собраній. Такъ и слѣдовало поставить общій вопросъ, а затѣмъ перейти къ вотированію отдѣльныхъ статей проекта, то-есть, проектированныхъ условій закона по этому предмету. При такомъ ходѣ вотированія, еслибы кто-либо пожелалъ установить общеобязательность безусловно, то могъ внесть отдѣльное предложеніе въ этомъ смыслѣ. Первенство принадлежало бы во всякомъ случаѣ предложенію управы; если бы послѣ заключенія общихъ преній по этому предложенію и послѣ вотированія его принята была собраніемъ поправка въ такомъ смыслѣ, что оспопрививаніе должно быть признано обязательнымъ *безусловно* (т.-е., безъ права уѣздныхъ земствъ вводить или не вводить предполагаемый законъ), то такая поправка, правда, исказила бы уже принятое прежде предложеніе управы, но подобныя поправки, измѣняющія смыслъ внесеннаго закона, весьма часто вносятся и осуществляются въ представительныхъ собраніяхъ иныхъ странъ. По крайней мѣрѣ, при такомъ ходѣ вотированія, каждый ясно отдавалъ бы себѣ отчетъ, за что́ подаетъ свой голосъ. Но предсѣдатель собранія счелъ нужнымъ поступить совсѣмъ иначе, и вслѣдствіе того въ ходѣ дѣла произошла нѣкоторая запутанность, что́ такъ часто возникаетъ въ нашихъ собраніяхъ. Предсѣдатель собранія—не предсѣдатель окружнаго суда, члены собранія—не присяжные. Предсѣдатель собранія не можетъ разбивать внесенныхъ предложеній на аналитически-разбитые вопросы; онъ долженъ производить вотированіе по предложеніямъ, не такъ, какъ онъ считаетъ болѣе раціональнымъ ихъ формулировать, но такъ, какъ они внесены, какъ они есть. Вотировать должно сперва общій принципъ, но такъ, какъ онъ выраженъ въ данномъ предложеніи, а не въ формѣ произвольнаго обобщенія; затѣмъ, слѣдуетъ вотировать статьи. Вмѣсто того, предсѣдатель собранія выдѣлилъ изъ основнаго предложенія управы отвлеченный вопросъ объ общеобязательности, и пустилъ его на голоса, а потомъ предложилъ на обсужденіе другую часть предложенія управы: о правѣ уѣздовъ вводить или нѣтъ обязательное оспопрививаніе. Когда большинствомъ 22-хъ членовъ противъ 14-ти, собраніе сдѣлало постановленіе въ смыслѣ общеобяза-

тельности и затѣмъ предложенъ былъ предсѣдателемъ вопросъ о правѣ уѣздовъ вводить или не вводить оспопрививаніе, то и произошло всеобщее недоразумѣніе. Стали говорить, что такъ какъ собраніе высказалось уже за обязательность оспопрививанія безъ всякихъ условій, то какимъ же образомъ можно было затѣмъ разсуждать о правѣ уѣздныхъ земствъ не вводить его. Послѣ безплодныхъ преній и разъясненій, предсѣдатель успѣлъ наконецъ выяснить, что первый вопросъ значитъ то-то, а теперь надо рѣшить другой вопросъ, такой-то. Изъ необходимости этихъ разъясненій видно было, что нѣкоторые члены, подавая голоса по первому вопросу, не понимали въ чемъ онъ заключался по мысли предсѣдателя. При опытномъ руководствѣ подобныхъ „сюрпризовъ" не должно быть. Если бы предложено было на голоса просто общее предложеніе управы, объ установленіи обязательности, подъ условіемъ факультативнаго права земства, вводить ее по усмотрѣнію, то никакой путаницы не могло бы быть, такъ какъ каждый членъ имѣлъ въ рукахъ печатный докладъ управы и зналъ бы за что́ или противъ чего подавать голосъ. Въ довершеніе сюрприза, при вотированіи по „второму вопросу" голоса членовъ раздѣлились поровну между безусловной обязательностью и факультативнымъ ея введеніемъ. Тогда предсѣдатель рѣшилъ вопросъ, присоединившись къ желавшимъ обязательнаго введенія оспопрививанія по всей губерніи безусловно. Хотя при такомъ рѣшеніи вопроса законность была соблюдена, но былъ нарушенъ существенный принципъ представительныхъ порядковъ. Спикеръ въ палатѣ общинъ также имѣетъ право рѣшать вопросъ своимъ голосомъ при равенствѣ голосовъ; но обычай, тактъ выработанный раціональнымъ опытомъ, побуждаетъ его всегда пользоваться своимъ правомъ какъ можно умѣреннѣе, то-есть, такъ, чтобы повліять какъ можно менѣе на судьбу закона, чтобы по возможности не измѣнить сущности положенія дѣла своимъ голосомъ. Спикеръ всегда подаетъ голосъ за statu quo, въ какомъ находился вопросъ, и это вполнѣ раціонально, потому что иначе окажется, что законъ не нашедшій большинства въ палатѣ общинъ вотированъ собственно г. Девисономъ или г. Брэндомъ. Нѣчто подобное вышло теперь въ петербургскомъ земскомъ собраніи: представительство губерніи не рѣшается высказаться за безусловное введеніе обязательнаго оспопрививанія, но предсѣдатель „имя-рекъ" высказывается за это отъ имени собранія. Затѣмъ, представимъ себѣ, что вотировался такимъ образомъ не вопросъ о ходатайствѣ въ смыслѣ установленія закона, но самый законъ; тогда оказалось бы, что въ ямбургскомъ уѣздѣ вводится обязательность оспопрививанія безусловно, несмотря на то, что уѣздное земское собраніе прямо признало эту мѣру неисполнимою, и вво-

дится потому только, что предсѣдатель губернскаго собранія былъ убѣжденъ въ пользѣ этой мѣры и для ямбургскаго уѣзда, хотя тамъ могло бы не быть ни врачей въ достаточномъ числѣ, ни лимфы въ необходимомъ количествѣ. Правда, этого не произойдетъ, потому что пренія происходили только въ земскомъ собраніи и рѣчь шла только о ходатайствѣ, а не о законѣ. Но, разсматривая земство въ его нынѣшнихъ условіяхъ и видя въ немъ прежде всего школу нашего самоуправленія, мы потому и распространились о необходимости строгаго соблюденія порядка въ занятіяхъ этой школы.

Одно изъ дѣлъ, въ которыхъ заботливость русскаго земства принесла уже и значительные фактическіе результаты, независимо отъ своего, такъ-сказать, дидактическаго значенія, представляется — наравнѣ съ народнымъ образованіемъ — содѣйствіе возникающему, при его помощи, уже въ замѣтныхъ размѣрахъ сельскому, крестьянскому кредиту. Сверхъ тягости податей, а отчасти и порока, не малое бремя лежитъ еще на народѣ въ видѣ эксплуатаціи его ростовщиками, своими же односельчанами. Большинство отзывовъ въ коммиссіи сельскаго хозяйства сходилось въ томъ, что „среднее состояніе“ крестьянъ упало, хотя примѣровъ единичнаго обогащенія не мало. Но эти примѣры и сами по себѣ мало утѣшительны, такъ какъ чаще всего они представляются результатомъ ростовщичества, которому соотвѣтствуетъ съ другой стороны и еще бо́льшее обѣдненіе массы крестьянъ. Въ новгородской губерніи весною 1869 г. крестьяне занимали четверть овса съ тѣмъ, чтобъ возвратить осенью 2 четверти; за взятый весною пудъ соломы возвращался осенью пудъ сѣна; что́, выраженное въ деньгахъ, составляло 400 процентовъ въ годъ! Вотъ каковы условія сельскаго кредита у „кулаковъ“.

Примѣры эти мы заимствуемъ изъ недавно напечатаннаго отчета комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ за 1872 годъ. Начало учрежденія этихъ товариществъ, какъ извѣстно, было положено помѣщикомъ костромской губерніи, покойнымъ С. Ѳ. Лугининымъ, основаніемъ ссуднаго товарищества въ имѣніи его отца, въ рождественской волости, близъ города Ветлуги; уставъ этого общества, составленный по образцу уставовъ ссудныхъ обществъ Шульца въ Германіи, былъ утвержденъ въ 1865 году уже по смерти основателя. Разбирая отчетъ комитета за 1871 годъ, мы излагали дальнѣйшее развитіе этого дѣла. Теперь мы хотимъ только воспользоваться данными нынѣшняго отчета для указанія тѣхъ размѣровъ, какіе оно имѣетъ въ настоящее время.

Къ 1-му ноября 1873 г. было утверждено и распубликовано уставовъ ссудо-сберегательныхъ обществъ 324, которыя распредѣляются

по 149 уѣздамъ, принадлежащимъ къ 46 губерніямъ. По числу товариществъ первою является новгородская губернія, въ которой ихъ числится 42; за нею слѣдуютъ губерніи тверская, херсонская, петербургская, московская, псковская, черниговская и рязанская, имѣющія каждая отъ 30 до 10 товариществъ. По уѣздамъ же, первое мѣсто принадлежитъ новоторжскому уѣзду, тверской губерніи, который одинъ имѣетъ 15 товариществъ. Основной капиталъ, въ видѣ ссуды, данъ былъ товариществамъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ земствами. Изъ 205 товариществъ, отъ которыхъ доставлены были свѣдѣнія въ комитетъ по этому предмету, 132 учредились на капиталъ въ общей сложности въ 139,252 рубля, предоставленный имъ въ видѣ ссуды земства; 61 на капиталъ, данный частными лицами—56,662 р., 1 на капиталъ, данный правительствомъ—25,000 р., остальныя на займы у сельскихъ и городскихъ обществъ и изъ другихъ источниковъ.

Къ сожалѣнію, свѣдѣнія, получаемыя комитетомъ, весьма неполны; такіе отчеты, изъ которыхъ видны обороты товариществъ, доставлены были комитету только отъ 79 изъ нихъ. Обороты этихъ 79 товариществъ за 1872 г. достигали въ сложности суммы 2 милл. 843 т. рублей; чистая прибыль по 76 отчетамъ была 33,917 р., а по 3 показанъ убытокъ въ сложности 185 р. Цифры паевъ, запаснаго капитала, вкладовъ, займовъ и ссудъ возрасли съ 1-го января 1872 г. къ 1-му января 1873 г. слѣдующимъ образомъ: сумма паевъ съ 24¾ т. р. до 187⅓ т. р., запаснаго капитала 2⅓ т. р. до 21 т. р., вкладовъ съ 17⅓ т. р. до 106½ т. р., сдѣланныхъ займовъ съ 55 т. р. до 263 т. р., выданныхъ ссудъ съ 97¾ т. р. до 527½ т. р., ссудъ въ теченіе 1872 г. было выдано вновь на 1 м. 100 т. р., и поступило въ уплату 670½ т. р. Уже изъ этихъ цифръ, относящихся всего къ 79 товариществамъ изъ 324-хъ, видно какое огромное развитіе приняло это дѣло и какъ быстро идетъ не только размноженіе обществъ (за 1872 г. утверждено 171 уставъ), но и самое развитіе ихъ оборотовъ. Для полученія правильнаго понятія о развитіи оборотовъ товариществъ, слѣдуетъ, конечно, сравнивать не цифры оборотовъ 1871 и 1872 годовъ примѣрно въ томъ же числѣ полученныхъ отъ *разныхъ* обществъ отчетовъ, но цифры оборотовъ за два послѣдовательные года въ однихъ и тѣхъ же товариществахъ. Отчеты представлены послѣдовательно за два года только 29 товариществами, и изъ сравненія ихъ операцій за 1871 и 1872 годы видно, что обороты въ нихъ увеличились за послѣдній годъ въ 2,17 раза, собственный капиталъ товарищества въ 2,58 раза, и занятый капиталъ въ 1,81 разъ.

Начало развитія сельскаго кредита у насъ оказывается успѣшнѣе,

чѣмъ въ самой Германія. За первые $6^1/_2$ лѣтъ въ Россіи, послѣ открытія рождественскаго ссуднаго товарищества въ 1866 году, а въ Германіи, послѣ открытія Деличскаго товарищества въ 1850 году—у насъ оказалось дѣйствующихъ товариществъ 101 (въ Германіи за тотъ же періодъ 26), оборотовъ на 2 м. 843 т. р. (въ Германіи 241,817 таллеровъ), собственныхъ капиталовъ 40% (въ Германіи 31%), занятыхъ капиталовъ 60% (въ Германіи 69%), чистой прибыли на 1 товарищество 427 р. (въ Германіи 125 р.), ссудъ на 1 товарищество 13,930 р. (въ Германіи 13,841 тал.), вкладовъ и займовъ на 1 товарищество 4,677 р. (въ Германіи 3513 тал.). Такое сравненіе весьма утѣшительно. Отчетъ комитета замѣчаетъ по этому поводу, что еслибы судить о будущемъ по началу, то можно бы думать, что результаты, какихъ достигла нынѣ Германія послѣ 23-хъ лѣтъ, у насъ могутъ быть достигнуты въ 20 лѣтъ; но комитетъ не увлекается такимъ предположеніемъ и сознаетъ, что до достиженія нашими ссудо-сберегательными товариществами мильярдныхъ оборотовъ германскихъ товариществъ (нынѣ ихъ 2200 и оборотовъ въ 2 мильярда талеровъ) еще далеко, и можетъ еще встрѣтиться не одно разочарованіе. Но, на основаніи фактовъ, комитетъ имѣлъ полное право сказать, что „первое начало народнаго кредита положено, время и распространеніе народнаго образованія докончатъ начатое". Въ числѣ 79 товариществъ, которыхъ обороты указаны выше, находятся кронштадтское товарищество, которое одно дѣлаетъ въ годъ оборотовъ на сумму до милліона рублей, оберпаленское, которое выдаетъ значительныя ссуды постороннимъ лицамъ; комитетъ не вводитъ въ свои соображенія объ общемъ положеніи дѣла подобныхъ товариществъ, изъ которыхъ кронштадтское и ревельское помѣщаются въ городахъ и выдаютъ ссуды подъ залоги, и стало быть принадлежатъ скорѣе къ обществамъ взаимнаго кредита, и 4 другихъ тоже отличаются своимъ характеромъ отъ нормальнаго сельско-сберегательнаго товарищества, выдающаго ссуды безъ всякаго залога, за поручительствомъ и круговою порукою. „Комитету важны остальные 73 и подобныя имъ товарищества", говорится въ отчетѣ. „Для комитета важно не то, что число товариществъ разрослось до 300, что оборотъ одной только четверти ихъ доходитъ до 1.300 т. р.; самымъ отраднымъ явленіемъ представляется то, что 13 т. сельскихъ жителей почти въ одинъ годъ накопили себѣ собственнаго капитала 170 т. р., что они нашли возможнымъ занять еще 176 т. р., что 640 т. р. были даны въ ссуду дѣйствительно нуждающимся, и что эти 640 т. р. *сберегли другіе* 640 т. р., ушедшіе бы, въ противномъ случаѣ, на одни проценты".

Полнаго сочувствія и благодарности общества заслуживаютъ ру-

ководители всего дѣла, между которыми первое мѣсто принадлежитъ предсѣдателю комитета А. В. Яковлеву и предсѣдателю петербургскаго отдѣленія комитета, кн. А. И. Васильчикову. А такъ какъ все дѣло сельскаго кредита поставлено было помощью земства, началось на его средства, то вотъ одинъ изъ несомнѣнныхъ фактическихъ результатовъ его скромной, но замѣчательной и вполнѣ благодѣтельной дѣятельности.

PS. Въ декабрьской книгѣ прошедшаго года мы помѣстили замѣтку г. А., писанную имъ съ единственною цѣлью указать на новое отношеніе петербургской газеты „Nordische Presse" къ вопросу о реальномъ образованіи. Годъ тому назадъ, „Nordische Presse", вмѣстѣ съ „Московскими Вѣдомостями" и въ одномъ духѣ съ ними, полемизировала противъ самаго принципа реальнаго образованія, доказывая, что будто бы и въ Германіи сознаютъ всю ошибку учрежденія реальныхъ училищъ на ряду съ классическими гимназіями. Теперь же „Nordische Presse", по поводу извѣстной нашимъ читателямъ берлинской конференціи, объявила, что *„общеобразовательная духовная зрѣлость учениковъ нѣмецкихъ реальныхъ училищъ не можетъ быть подвергнута никакому сомнѣнію"*. Сказавъ это, газета собственно сказала простую истину, которую мы утверждали еще два года тому назадъ; но при этомъ „Nordische Presse" должна была бы пояснить, что не всегда было таково ея мнѣніе, и что она находитъ себя вынужденною отказаться отъ прежнихъ взглядовъ. Этотъ трудъ взялъ на себя у насъ г. А, и казалось бы, со стороны „Nordische Presse", можно было ожидать только или объясненія намъ своего противорѣчія, или доказательствъ несправедливости г. А., если бы оказалось, что эта газета и два года тому назадъ относилась съ тѣмъ же уваженіемъ къ реальному образованію, съ какимъ она относится нынче. Но „Nordische Presse" предпочла „разсердиться", забывъ, что этотъ пріемъ доказываетъ всегда не то, чтó намъ хотѣлось бы доказать. Если бы „Nordische Presse" „не разсердилась", то, конечно, она не рискнула бы обратиться къ г. А. съ словами: „nicht einmal ehrlich". Посмотримъ, однако, въ какой степени „ehrlich" тотъ отвѣтъ, которымъ „Nordische Presse" почтила своего противника, по поводу его указанія странной непослѣдовательности этой газеты во взглядахъ и указаніяхъ? Она отвѣчаетъ на это указаніе вопросомъ, который, по своей наивности и по многому другому, останется на долго памятнымъ въ нашей печати, а потому мы приведемъ его и въ переводѣ и въ подлинникѣ—ipsissimis verbis: „Было-ли бы постыдно, если-бы кто-нибудь въ такомъ запутанномъ и богатомъ

спорными пунктами дѣлѣ, какимъ является въ Германіи реальная школа, по истеченіи двухъ лѣтъ перемѣнилъ въ дѣйствительности свое мнѣніе [1])?" Что́ же это такое, — спросимъ и мы въ свою очередь: хочетъ ли „Nordische Presse" возвести въ принципъ подобную теорію объ измѣненіи мнѣній газеты безъ всякаго дальнѣйшаго объясненія о причинахъ такихъ перемѣнъ и безъ всякаго сознанія въ своей ошибочности, или она вообще сама не хочетъ знать никакого „Schande"? Но вѣрно одно, что такая газета не имѣла права наносить своему противнику личныхъ оскорбленій и обращаться къ нему съ словами: „nicht einmal ehrlich"; брань, произнесенная при такихъ условіяхъ, сама возвращается на голову того, кто ею замаралъ себя. Г-нъ А. указываетъ, что „N. P.", до рѣшенія у насъ вопроса о реальномъ образованіи, стояла противъ него, а теперь, когда вопросъ рѣшенъ противъ реальнаго образованія, она, безъ дальнѣйшихъ объясненій, восхваляетъ реальную школу—въ Германіи. Вотъ это и было съ его стороны „nicht einmal ehrlich"! Но теперь „N. P." сама сознается, что указаніе сдѣлано вѣрно,—только, по мнѣнію этой газеты, тутъ нѣтъ никакого „Schande"?

Далѣе, г. А. уже дѣйствительно и горько упрекаетъ „N. P." за ея оригинальное мнѣніе, что будто бы реальныя училища очень хороши для Германіи, но не къ лицу-молъ Россіи.

Для объясненія такого курьёзнаго мнѣнія „N. P." не нашла ничего, какъ повторить свой доводъ: и теперь-молъ въ Россіи мало учителей для древнихъ языковъ, а если устроить реальныя училища, потребующія массу учителей новыхъ языковъ, то тогда для древнихъ языковъ останется учителей еще меньше. Мы не знаемъ, что́ это такое: насмѣшка надъ читателемъ, или вообще презрѣніе къ здравому смыслу. Такимъ способомъ мы беремся доказать вредъ желѣзныхъ дорогъ: въ Россіи вообще чувствуется недостатокъ желѣза, а желѣзныя дороги сдѣлаютъ этотъ недостатокъ еще болѣе чувствительнымъ. Но такова судьба всѣхъ, кто упорствуетъ защищать дѣло, въ которомъ чувствуютъ себя неправымъ: такой человѣкъ всегда рискуетъ дойти до нелѣпостей. Итакъ, мы вынуждены, несмотря на вышеприведенный доводъ со стороны „N. P.", считать непонятнымъ для себя, почему нужны „viele Jahrzehnte" для того, чтобы и въ Россіи можно было основать реальныя училища. Въ высоко-развитомъ нѣмецкомъ обществѣ считаютъ необходимымъ удержать два общеобразовательные пути, а въ Россіи, при менѣе раз-

---

[1]) Wäre es wohl eine Schande, wenn Jemand in einer so verwickelten und in Streitpunkten reichen Angelegenheiten, wie es die Realschule in Deutschland ist, nach zwei Jahren seine Meinung wirklich geändert hätte?

витомъ обществѣ, „N. P.“ полагаетъ—достаточно и одного. „Nordische Presse“ хочетъ разрѣшить Россіи два пути къ образованію только тогда, когда ея масса просвѣтится, —но чѣмъ? — тѣмъ, что она будетъ имѣть меньше путей къ просвѣщенію. Вотъ и второй абсурдъ!

Но при всей несправедливости „N. P.“ къ г. А., мы, однако, отдадимъ справедливость этой газетѣ; въ той же статьѣ, на которую указалъ г. А., есть и безспорныя истины, какъ напримѣръ, что „было бы лучше, если бы здѣшнее (т.-е. въ Петербургѣ) министерство просвѣщенія держалось твердо своей первоначальной мысли (не знаемъ, откуда „N. P.“ знаетъ ее), а именно: вновь учрежденныя училища назвать не-реальными училищами, а высшими городскими (h. Bürgerschule)“. Дѣйствительно, тогда бы и спорить было не о чемъ: какъ высшія городскія училища, они весьма правильно организованы; затѣмъ мы остановились бы на мысли, что у насъ пока реальныхъ училищъ нѣтъ, а будутъ, по вычисленію „N. P.“, послѣ „viele Jahrzehnte“. Вотъ въ этомъ отношеніи мы не можемъ спорить съ „N. P.“

Въ заключеніе, упомянемъ о доводѣ „N. P.“, направленномъ уже противъ нашей редакціи. Она благосклонно отзывается о „Голосѣ“, который, по ея мнѣнію, поступилъ лучше, сознавъ всю правоту „N. P.“ и не дозволивъ себѣ возражать на тѣ ея статьи, которыми у насъ была вызвана замѣтка г. А. Не знаемъ, покаялся ли „Голосъ“, но очень можетъ быть также и то, что онъ въ своемъ молчаніи руководился тою мыслью, которую „N. P.“ поставила въ основу своей послѣдней филиппики: „Nicht auf jede Anklage braucht der Mensch zu antworten, nicht gegen jedes Vorwurf hat eine Zeitung die Verpflichtung sich ausdrücklich zu rechtfertigen“. Но мы нашли себя вынужденными руководиться другимъ соображеніемъ той же самой „Nordische Presse“, только въ примѣненіи къ самимъ себѣ: пожалуй, скажутъ —„die „Nordische Presse“ hat den „Europäischen Boten“ gründlich abgeführt, so dass er nicht einmal zu antworten wagte“. Если мы ошиблись, если наши читатели найдутъ, что и безъ нашихъ объясненій они оцѣнили по достоинству отвѣтъ г-ну А. со стороны „Nordische Presse“,— то мы готовы просить извиненія у нихъ и даемъ обѣщаніе впередъ не терять времени на полемику съ подобными противниками.

ОТВѢТЫ НА ВОПРОСЫ

ОБЪ ОПЕРАЦІЯХЪ ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

Въ статьѣ г. Головачова „Операціи Государственнаго Банка," помѣщенной въ іюльской книжкѣ „Вѣстника Европы" (1873), высказано, между прочимъ, желаніе получить разъясненіе тѣхъ вопросовъ, къ которымъ автора привело сопоставленіе балансовъ банка съ балансомъ къ тому же числу конторъ и отдѣленій банка, съ вѣдомостью главнаго выкупного учрежденія о ходѣ выкупной операціи, и съ балансами банка за прежніе годы. Обладая нѣкоторыми свѣдѣніями относительно принятой въ государственномъ банкѣ системы счетоводства, мы позволимъ себѣ дать отвѣты на эти вопросы.

1) Констатировавъ тотъ фактъ, что по балансу банка къ 1-му мая счетъ съ банкомъ (т.-е. счетъ суммъ, которыя конторы и отдѣленія считаютъ въ долгу за банкомъ) превышаетъ счетъ съ конторами (т.-е. счетъ суммъ, которыя банкъ признаетъ своимъ долгомъ конторамъ и отдѣленіямъ) на 28 милліоновъ (счетъ съ банкомъ 53 милліона, счетъ съ конторами 25 милліоновъ), авторъ говоритъ: „куда дѣвались остальные 28 милліоновъ, изъ счетовъ банка не видно." Между тѣмъ, при нѣкоторомъ знакомствѣ съ бухгалтеріей, достаточно бросить бѣглый взглядъ на балансъ банка по кредиту (пассивъ), чтобы открыть въ счетоводствѣ банка одну особенность, которой почти вполнѣ объясняется указанная разность между счетами, долженствующими, повидимому, уклоняться одинъ отъ другого лишь на самую ничтожную величину. Дѣло въ томъ, что по переводной операціи въ банкѣ употребляется особый счетъ—счетъ переводныхъ билетовъ и телеграммъ, на который заносятся суммы, поступающія для перевода. Онѣ числятся на этомъ счету не до того момента, когда будутъ выплачены тѣмъ учрежденіемъ, въ которое переведены, а до тѣхъ поръ, пока не будетъ получено увѣдомленіе объ уплатѣ ихъ. Съ этого только момента то учрежденіе, въ которое были внесены деньги для перевода, списываетъ ихъ со счета переводныхъ билетовъ и переноситъ: банкъ на счетъ съ конторами (съ+), а конторы и отдѣленія на счетъ съ банкомъ (съ—). Между тѣмъ суммы, выплачиваемыя банкомъ или конторами и отдѣленіями по переводнымъ билетамъ и телеграммамъ, ставятся немедленно: банкомъ — въ дебетъ счета съ конторами (т.-е. на сумму выплатъ уменьшается счетъ съ конторами), а конторами и

отдѣленіями—въ дебетъ счета съ банкомъ (т.-е. счетъ съ банкомъ увеличивается). Отсюда понятно, что по счету переводныхъ билетовъ числятся излишнія суммы, т.-е., суммы, которыя уже переведены и потому должны бы быть уже списаны въ кредитъ счета съ конторами (вслѣдствіе чего этотъ счетъ увеличился бы) и счета съ банкомъ (вслѣдствіе чего этотъ счетъ уменьшился бы). Въ поясненіе сказаннаго, а также для того, чтобы показать, какъ долго могутъ числиться такія выплаченныя суммы, можно взять слѣдующіе примѣры. Положимъ, что въ кассу банка (въ Петербургѣ) 17-го мая внесено 10 т. руб. для перевода въ Кіевъ. Какъ сказано выше, эта сумма первоначально записывается на счетъ переводныхъ билетовъ. Кіевская контора, уплативъ по этому переводу, 22-го, положимъ, мая, въ тотъ же день поставитъ 10 т. въ долгъ банку и донесетъ объ этомъ оборотѣ въ общей отчетности за послѣдніе 10 дней (съ 21-го мая по 1 іюня [1]). Такъ какъ для составленія отчета необходимо около 2-хъ дней, то онъ можетъ быть полученъ въ банкѣ не ранѣе 7-го іюня. Если присоединить къ этому время, необходимое для повѣрки и собиранія справокъ, то станетъ ясно, что эти 10 т. не могутъ быть въ банкѣ списаны со счета переводныхъ билетовъ и поставлены въ кредитъ счета съ конторами (съ+) ранѣе 9—15 іюня. Такимъ образомъ въ теченіе 19—25 дней на счетѣ переводныхъ билетовъ будутъ числиться излишнія 10 т. руб., и на такую же сумму счетъ съ конторами будетъ меньше дѣйствительнаго долга банка конторамъ и отдѣленіямъ. Другой примѣръ: 2-го іюня въ московскую контору внесено 100 т. руб. для перевода по телеграфу въ Иркутскъ. Иркутское отдѣленіе, уплативъ 3—4-го іюня,—немедленно занесетъ въ долгъ банку 100 т. р.; московская же контора спишетъ эту сумму на счетъ съ банкомъ не ранѣе 10—15 іюля. Слѣдовательно, въ настоящемъ случаѣ счетъ съ банкомъ въ теченіе 37—42 дней былъ выше дѣйствительнаго на указанную сумму. Изъ этихъ двухъ примѣровъ не трудно заключить, что большая часть суммъ, числящихся въ балансахъ банка и конторъ по счету переводныхъ билетовъ и телеграммъ, въ дѣйствительности давно выплачена [2]), такъ что суммъ, не выплаченныхъ по переводамъ, оставалось къ 1-му мая едва-ли болѣе 4—6-ти милліоновъ; осталь-

---

[1]) Независимо отъ мѣсячной и годичной отчетности, конторы и отдѣленія банка представляютъ отчеты за каждые 10-ть дней.

[2]) Въ большей части частныхъ русскихъ банковъ и въ нѣкоторыхъ банкахъ заграничныхъ нѣтъ особаго счета для переводной операціи; если бы госуд. банкъ держался такой системы счетоводства, то балансъ къ 1 мая измѣнился бы слѣдующимъ образомъ: счетъ съ банкомъ уменьшился бы до 41,657,100 р. (53,633,800—11,976,700), а счетъ съ конторами увеличился до 43,757,963—35 к. (25,203,861—79+18,554,101—56 к.)

ные же 26—24 милліоновъ должны бы быть списаны въ кредитъ счета съ банкомъ (съ—) и счета съ конторами (съ+). Въ такомъ случаѣ между этими счетами была бы разность не въ 28 милліоновъ, а только въ 2—4 милліона. Эта послѣдняя разность объясняется нахожденіемъ въ пути различнаго рода цѣнностей, пересылаемыхъ изъ однихъ учрежденій банка въ другія. Наибольшее значеніе имѣетъ въ этомъ случаѣ отсылка учтенныхъ векселей въ учрежденіе, находящееся въ томъ городѣ, гдѣ назначенъ по нимъ платежъ. Положимъ, напр., что изъ числа учтенныхъ въ какомъ-либо году нижегородскимъ (ярмарочнымъ) отдѣленіемъ банка сто векселей на сумму 700,000 р., назначены платежемъ въ екатеринбургской конторѣ и ея ярмарочныхъ отдѣленіяхъ (Ирбитскомъ и Тюменскомъ). Нижегородское отдѣленіе, отправляя эти векселя въ Екатеринбургъ, положимъ, 26-го августа, въ то же время поставитъ 700 т. р. въ дебетъ счета съ банкомъ, тогда какъ екатеринбургская контора произведетъ противуположный оборотъ, т.-е., кредитуетъ счетъ съ банкомъ, не ранѣе 6 или 7-го сентября [1]).

2) Другой вопросъ г. Головачова относится къ счету операцій по ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій. Авторъ говоритъ: „казалось бы, что съ прекращеніемъ ссудъ, за уничтоженіемъ прежнихъ кредитныхъ учрежденій, цифра этихъ счетовъ (долговъ помѣщиковъ прежнимъ кредитнымъ установленіямъ и долговъ, погашаемыхъ изъ выкупныхъ платежей), вслѣдствіе постепенныхъ уплатъ, должна была постепенно понижаться, между тѣмъ мы этого не видимъ, а, напротивъ, съ 1864 г. замѣчаемъ ея возвышеніе до 1871 года. Такого явленія мы себѣ объяснить никакъ не можемъ, потому что не думаемъ, чтобъ недоимки въ платежахъ такъ были значительны". Вліяніе недоимокъ дѣйствительно не велико; есть гораздо болѣе важная причина—выкупная операція. Г. Головачову извѣстно, безъ сомнѣнія, что при выдачѣ выкупныхъ ссудъ удерживаются и переводятся на крестьянъ долги помѣщиковъ бывшимъ кредитнымъ учрежденіямъ.

---

[1]) Подобное же вліяніе имѣетъ отсылка оплаченныхъ купоновъ и вышедшихъ въ тиражъ билетовъ въ то учрежденіе, которому возвращаются затраченныя по этой операціи суммы. Достаточно будетъ указать въ этомъ случаѣ на отсылку въ банкъ изъ конторъ и отдѣленій оплаченныхъ послѣдними купоновъ и билетовъ: 5% банковыхъ, 4% металлическихъ и билетовъ обоихъ внутреннихъ займовъ. Каждая контора и каждое отдѣленіе банка производятъ такую отсылку дважды въ мѣсяцъ: 15 числа и въ послѣдній присутственный день каждаго истекающаго мѣсяца, занося при этомъ равную сумму въ дебетъ счета съ банкомъ. Между тѣмъ въ банкѣ производится соотвѣтственный оборотъ по счету съ конторами не ранѣе полученія и провѣрки самыхъ купоновъ и билетовъ, слѣдовательно на 3—42 дня позднѣе, смотря по разстояніямъ и количеству купоновъ и билетовъ.

При-этомъ—что̀ имѣетъ громадное вліяніе на цифру ссудъ—къ капитальному долгу помѣщиковъ причисляются также недоимки, текущіе платежи и даже текущіе проценты, и все это разсрочивается крестьянамъ на 49 лѣтъ. Слѣдуетъ добавить еще, что удерживаются и переводятся на крестьянъ также долги приказамъ общественнаго призрѣнія, не входящіе въ балансъ банка (предварительно эти долги переводятся на петербургскую сохранную казну). Наконецъ, огромное значеніе имѣетъ также то обстоятельство, что выкупныя процентныя бумаги, поступающія отъ должниковъ бывшихъ кредитныхъ учрежденій въ платежъ капитальныхъ ихъ долговъ, предаются уничтоженію, причемъ на нарицательную ихъ сумму увеличивается счетъ долговъ, погашаемыхъ изъ выкупныхъ платежей (такихъ бумагъ уничтожено болѣе 40 милліоновъ рублей).

3) Наконецъ, г. Головачову „не понятна разница долговъ крестьянъ по выкупной операціи прежнимъ кредитнымъ учрежденіямъ, числящихся по счетамъ государственнаго банка и главнаго выкупного учрежденія". Эта разница объясняется тѣмъ, что балансъ, публикуемый главнымъ выкупнымъ учрежденіемъ, не есть балансъ въ строгомъ смыслѣ, такъ какъ онъ содержитъ въ себѣ лишь цифры первоначальныхъ оборотовъ банка, произведенныхъ при выдачѣ выкупныхъ ссудъ. Въ этомъ балансѣ не отразились послѣдующіе обороты, изъ которыхъ въ настоящемъ случаѣ достаточно упомянуть о слѣдующихъ: 1) объ увеличеніи цифры долга помѣщиковъ бывшимъ кредитнымъ учрежденіямъ (правильнѣе: долга государственному банку, погашаемаго изъ выкупныхъ платежей) почти на 42 милл., вслѣдствіе уничтоженія на такую сумму выкупныхъ процентныхъ бумагъ, поступившихъ въ платежъ капитальныхъ долговъ бывшимъ кредитнымъ установленіямъ (на такую же сумму уменьшились счеты 5% банковыхъ билетовъ 2-го выпуска и выкупныхъ свидѣтельствъ (5% и $5^{1}/_{2}$%), и 2) объ уменьшеніи того же счета болѣе, чѣмъ на 12 милліоновъ, вслѣдствіе погашенія крестьянами части капитальнаго ихъ долга по выкупу.

Несравненно болѣе значенія имѣетъ та часть статьи, въ которой авторъ касается двухъ важнѣйшихъ операцій государственнаго банка—покупки золота и состоящихъ въ тѣсной связи съ переводной операціей временныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ для подкрѣпленія кассъ, конторъ и отдѣленій. Хотя эта часть статьи представляетъ мало оригинальнаго, такъ какъ въ большей своей части она составляетъ лишь извлеченіе изъ извѣстнаго сочиненія г. Вагнера «Die russische Kassirwährung», тѣмъ не менѣе мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно нѣкоторыхъ мыслей автора, дѣлающаго, по нашему мнѣнію, крайне смѣлую попытку рѣшить вопросъ о

совершившихся уже измѣненіяхъ въ цѣнности нашей бумажно-денежной единицы.

Отправляясь отъ всѣмъ извѣстной дороговизны жизненныхъ потребностей и задавшись затѣмъ вопросомъ о причинахъ этого явленія, авторъ утверждаетъ, что тѣми причинами, которыми обыкновенно объясняютъ это явленіе, а именно: устройствомъ желѣзныхъ дорогъ и возникновеніемъ земельныхъ банковъ, можетъ быть объяснено возвышеніе цѣнъ лишь на 5, на 10%, а не удвоеніе ихъ; главная же причина этого явленія кроется, по мнѣнію автора, въ постоянномъ увеличеніи банкомъ бумажно-денежнаго обращенія, вслѣдствіе покупки металловъ и подкрѣпленія оборотныхъ кассъ изъ размѣнной. Еслибъ г. Головачовъ ограничился тѣми доводами противъ покупки металловъ, которые въ первый разъ приведены г. Вагнеромъ, то въ настоящемъ случаѣ достаточно было бы указать на довольно полныя замѣчанія по поводу этихъ доводовъ, помѣщенныя пр. Бунге въ извѣстномъ его переводѣ приведеннаго выше сочиненія. Но г. Головачовъ идетъ въ этомъ случаѣ гораздо далѣе г. Вагнера, утверждая, какъ сказано выше, что покупка банкомъ металловъ привела къ общему возвышенію цѣнъ, и притомъ въ громадныхъ размѣрахъ. Относительно этого аргумента можно замѣтить слѣдующее: авторъ былъ бы правъ только въ томъ случаѣ, еслибъ ему удалось доказать, что современная дороговизна жизненныхъ потребностей представляетъ собою не возвышеніе цѣнъ тѣхъ или другихъ предметовъ потребленія, а общее пониженіе цѣнности бумажно-денежной единицы, другими словами, составляетъ не частный случай, а общее явленіе;—только въ такомъ случаѣ видна была бы связь этого явленія съ операціями государственнаго банка, такъ или иначе отражающимися на цѣнѣ и цѣнности денежной единицы. Вмѣсто того, авторъ обратился къ слѣдующему способу доказательства: упомянувъ о томъ, что въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ государственномъ и народномъ хозяйствѣ произошли такія измѣненія, которыя сдѣлали свободною огромную массу орудій обращенія (примѣненіе принципа единства кассы, открытіе кредитныхъ учрежденій, улучшеніе путей сообщенія и т. д.), авторъ говоритъ, что одного этого достаточно было бы для пониженія цѣнности кредитнаго рубля, пониженія, которое можно было бы предотвратить только своевременнымъ сокращеніемъ количества бумажныхъ денегъ; между тѣмъ операціи банка въ то же время шли въ направленіи діаметрально противоположномъ—вели не къ уменьшенію, а къ увеличенію бумажно-денежнаго обращенія. Отсюда-то и произошло то современное явленіе, которое такъ губительно отзывается, какъ на государственномъ, такъ и народномъ хозяйствѣ—общая дороговизна. Несостоятельность подобной аргументаціи очевидна съ перваго взгляда:

авторъ доказываетъ этимъ не фактъ, а лишь возможность факта, который произошелъ бы въ томъ случаѣ, если бы дѣйствовали только тѣ факторы, которые указаны авторомъ. Онъ совершенно игнорируетъ факторы, влiявшiе на цѣнность кредитнаго рубля въ направленiи противоположномъ; вотъ они: совершенное исчезновенiе изъ обращенiя звонкой монеты (золотой и крупной серебряной); лишенiе билетовъ на безсрочные вклады государственныхъ кредитныхъ учрежденiй способности обращаться въ качествѣ денежныхъ знаковъ; *переходъ отъ натуральнаго народнаго хозяйства къ денежному*, создавшiй, по удачному выраженiю г. Вагнера, „миллiоны мелкихъ кассъ" и, наконецъ, *развитiе торговли и промышленности*. Не остались безъ влiянiя также и территорiальныя прiобрѣтенiя, въ особенности завоеванiя въ Средней Азiи и умиротворенiе Кавказа. Теперь спрашивается, не были ли эти причины настолько сильны, чтобы уравновѣсить и даже превысить влiянiе тѣхъ факторовъ, которые указаны авторомъ? Другими словами, не достаточно-ли было дѣйствiя этихъ причинъ для того, чтобы поглотить ту массу бумажно-денежныхъ орудiй обращенiя, которая становилась свободною, вслѣдствiе указанныхъ авторомъ причинъ, и даже вызвать потребность въ расширенiи обращенiя? Отсюда очевидна важность разрѣшенiя того вопроса, который поставленъ выше: составляетъ ли современное вздорожанiе жизненныхъ потребностей общее явленiе, а не частный случай, другими словами, пониженiе цѣнности кредитнаго рубля, а не возвышенiе цѣнъ нѣкоторыхъ произведенiй? Авторъ дѣлаетъ оговорку относительно мануфактурныхъ произведенiй: соглашаясь съ тѣмъ, что по отношенiю къ нимъ цѣнность кредитнаго рубля не измѣнилась, онъ утверждаетъ, что это произошло вслѣдствiе удешевленiя производства, благодаря усовершенствованiю техническихъ его условiй. Но, во-1-хъ, крайне сомнительно, чтобы въ такое короткое, сравнительно, время техника сдѣлала столь значительные успѣхи, чтобы предотвратить вздорожанiе фабрикатовъ въ столь значительномъ размѣрѣ (авторъ, повидимому, полагаетъ, что цѣнность кредитнаго рубля, благодаря неправильнымъ дѣйствiямъ банка, упала процентовъ на 40); во-2-хъ, помимо мануфактурныхъ произведенiй, можно указать много другихъ, цѣнность которыхъ, если и повысилась, то далеко не въ столь значительныхъ размѣрахъ. Къ сожалѣнiю, авторъ на это не обратилъ серьёзнаго вниманiя. Нѣтъ сомнѣнiя, что причина такого страннаго игнорированiя въ значительной степени объясняется несовершенствомъ русской статистики вообще, и экономической въ частности; тѣмъ не менѣе есть матерiалъ, который можетъ быть въ значительной степени пригоденъ въ настоящемъ случаѣ—это таблицы вексельнаго курса. Хотя онѣ прямо указываютъ только измѣненiя въ *цѣнѣ* кредитнаго рубля, а не въ его *цѣнности*,

тѣмъ не менѣе, считать ихъ вовсе непригодными, въ настоящемъ случаѣ, нельзя. Для того, чтобы указать, какія послѣдствія имѣла операція покупки золота, необходимо прослѣдить курсовыя таблицы за нѣсколько лѣтъ до открытія операціи и во все послѣдующее время. Съ 1-го января 1865 года по октябрь 1873 года трехмѣсячный курсъ на Лондонъ представлялъ слѣдующія колебанія:

				Высшій.	Низшій.
1-я	половина	1865	года . . .	$32^3/_8$	31
2	„	„	„ . . .	$32^1/_{16}$	31
1	„	1866	„ . . .	$31^1/_{16}$	$25^3/_4$
2	„	„	„ . . .	$32^1/_2$	$27^1/_8$
1	„	1867	„ . . .	$33^9/_{16}$	$30^3/_4$
2	„	„	„ . . .	$33^1/_4$	$32^1/_8$
1	„	1868	„ . . .	$33^1/_4$	$32^3/_8$
2	„	„	„ . . .	$33^3/_{16}$	$32^5/_{16}$
1	„	1869	„ . . .	$32^7/_8$	$29^7/_8$
2	„	„	„ . . .	$30^3/_{16}$	$29^1/_{16}$
1	„	1870	„ . . .	$31^3/_8$	$28^3/_4$
2	„	„	„ . . .	$31^1/_{16}$	$28^1/_4$
1	„	1871	„ . . .	$32^1/_{16}$	$30^1/_8$
2	„	„	„ . . .	$33^1/_8$	$31^{11}/_{16}$
1	„	1872	„ . . .	$33^5/_{32}$	$32^1/_2$
2	„	„	„ . . .	$33^1/_4$	$32^5/_{32}$
1	„	1873	„ . . .	$32^{27}/_{32}$	32
2	„	„	„ . . .	$32^{25}/_{32}$	$32^1/_{32}$

Принявъ пáри въ 38,25, получимъ слѣдующую таблицу движеній лажа:

				Низшій.	Высшій.
1-я	половина	1865	года . . .	18,1%	23,4%
2	„	„	„ . . .	19,3	23,4
1	„	1866	„ . . .	23,1	48,5
2	„	„	„ . . .	17,7	41
1	„	1867	„ . . .	13,9	24,4
2	„	„	„ . . .	15	19
1	„	1868	„ . . .	15	18,1
2	„	„	„ . . .	15,2	18,4
1	„	1869	„ . . .	16,3	28
2	„	„	„ . . .	24,4	31,6
1	„	1870	„ . . .	21,9	33
2	„	„	„ . . .	23,1	35,4
1	„	1871	„ . . .	19,3	26,9
2	„	„	„ . . .	15,4	20,7
1	„	1872	„ . . .	15,3	17,7
2	„	„	„ . . .	15	18,9
1	„	1873	„ . . .	16,4	19,5
2	„	„	„ . . .	16,7	19,4 [1]).

---

[1]) Не безъинтересно сравнить съ этими колебаніями несравненно болѣе значительныя колебанія лажа въ Австріи.

Годы.	Высшій.	Низшій.	Годы.	Высшій.	Низшій.
1848	16⁶/₈%	1²/₈%	1860	43⁴/₈%	24%
1849	26	5	1861	53²/₈	34⁶/₈
1850	55	10⁴/₈	1862	40	14²/₈
1851	33¹/₈	16⁴/₈	1863	24⁴/₈	9⁴/₈
1852	25⁷/₈	9⁶/₈	1864	22	12⁶/₈
1853	21³/₈	7⁶/₈	1865	15²/₈	2¹/₂
1854	45	15⁴/₈	1866	41	1⁵/₈
1855	29⁴/₈	9⁵/₈	1867	33⁶/₈	13⁴/₈
1856	13⁴/₈	1⁵/₈	1868	20	11²/₈
1857	9⁶/₈	3	1869	25⁶/₈	16⁶/₈
1858	6²/₈	¹/₈	1870	34	17¹/₂
1859	48²/₈	2⁶/₈	1871	23³/₈	15

Достаточно бросить поверхностный взглядъ на приведенныя данныя, чтобы убѣдиться въ томъ, что покупка банкомъ металловъ *по разъ установленному и съ тѣхъ поръ неизмѣнявшемуся курсу* благотворно отразилась на нашемъ вексельномъ курсѣ, такъ какъ, во-1-хъ, курсъ не только не понизился, но нѣсколько даже повысился и, во-2-хъ,—что́ всего важнѣе, колебанія его уменьшились. При этомъ лажъ, если исключить ненормальное время Люксембургскаго вопроса и прусско-французской войны, не превышаетъ 20%. Отсюда прямой выводъ тотъ, что несмотря на значительное увеличеніе бумажно-денежнаго обращенія, сопутствовавшее покупкѣ металловъ, *цѣна* бумажно-денежной единицы не только не понизилась, но даже повысилась, представляя сравнительно съ временемъ, предшествовавшимъ восточной войнѣ, пониженіе на 15—20%. Можетъ-ли этотъ выводъ говорить въ пользу того, что и *цѣнность* кредитнаго рубля также не представляетъ значительнаго пониженія? Г. Головачовъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно; по его мнѣнію, сравнительно удовлетворительное состояніе нашего вексельнаго курса объясняется приливомъ иностранныхъ капиталовъ. Но это можно выразить слѣдующимъ, принятымъ въ наукѣ политической экономіи положеніемъ: паденіе цѣнности бумажно-денежной единицы въ размѣрѣ, превышающемъ величину лажа, составляетъ крайне исключительное явленіе; по общему же правилу, первая величина всегда менѣе второй [1]). Въ силу такой зависимости лажа отъ цѣнности бумажно-денежной единицы, можно положительно утверждать, что если кредитный рубль за послѣдніе

[1]) Г. Вагнеръ повидимому, вовсе не допускаетъ возможности подобнаго явленія; по-крайней мѣрѣ, онъ говоритъ о немъ, какъ объ исключительномъ случаѣ, могущемъ произойти только по отношенію къ отдѣльнымъ товарамъ („freilich ein seltener Fall, welcher nur bei einzelnen Artikeln vorkommen möchte“. (Die russisse Kassierwahrung, s. 8).

Спѣшимъ оговориться: смыслъ этого положенія тотъ, что въ теченіе болѣе или менѣе *продолжительнаго* времени пониженіе цѣнности бумажно-денежной единицы (diminution in value) не можетъ быть болѣе пониженія ея цѣны (depreciation).

годы терялъ въ своей цѣнѣ 15—20%, то пониженіе его цѣнности не только не достигаетъ принятыхъ г. Головачовымъ размѣровъ (40—45%), но ниже 15—20%, всего вѣрнѣе колеблется въ предѣлахъ 10—16%. Какъ бы ни былъ значителенъ приливъ иностранныхъ капиталовъ въ Россію, онъ не въ состояніи былъ бы удержать цѣну кредитнаго рубля на высотѣ послѣднихъ 5—6 лѣтъ, если бы дѣйствительно цѣнность его претерпѣла пониженіе на 40—45%. Не слѣдуетъ игнорировать того обстоятельства, что главную часть актива въ русскомъ балансѣ международныхъ платежей составляютъ все-таки не заграничные займы, а отпускъ, который неизбѣжно упалъ бы и даже вовсе прекратился, еслибъ цѣна вывозимыхъ предметовъ на внутреннихъ рынкахъ возросла въ столь значительномъ размѣрѣ; прямымъ послѣдствіемъ этого было бы паденіе вексельнаго курса еще въ большемъ размѣрѣ [1]). Между тѣмъ, отпускъ нашъ, какъ извѣстно, не только не ослабѣваетъ, но еще усиливается съ каждымъ годомъ; равнымъ образомъ вексельный курсъ обнаруживаетъ стремленіе не внизъ, а вверхъ. Итакъ, таблицы вексельнаго курса, указывая на то, что цѣна кредитнаго рубля, вслѣдствіе покупки банкомъ металловъ по разъ установленному курсу, не только не понизилась, но даже повысилась, составляя въ теченіе послѣднихъ лѣтъ 83—87% номинальной, тѣмъ самымъ свидѣтельствуютъ о томъ, что цѣнность кредитнаго рубля не менѣе 86—91% той цѣнности, какую онъ имѣлъ бы въ томъ случаѣ, еслибъ существовалъ свободный размѣнъ бумажныхъ денегъ по номинальной цѣнѣ, другими словами, еслибъ единицей цѣнности служилъ не рубль кредитный, а рубль металлическій. Наконецъ, даже этихъ послѣднихъ размѣровъ пониженіе цѣнности кредитнаго рубля не нуждается для своего объясненія въ указаніи на покупку банкомъ металловъ, такъ какъ можно съ увѣренностью утверждать, что ко времени открытія банкомъ этой операціи оно представляло уже совершившійся фактъ, явившійся послѣдствіемъ размѣщенія въ каналахъ обращенія выпусковъ, вызванныхъ восточной войной, и вліянія лажа на цѣны въ теченіе 11-ти лѣтъ (1856—67). Изъ предъидущаго очевидно, что возвышеніе цѣнъ, послужившее для г. Головачова аргументомъ противъ покупки банкомъ драгоцѣнныхъ металловъ, составляетъ не общее явленіе, а лишь частный фактъ, относящійся къ нѣкоторымъ произведеніямъ и неимѣющій, слѣдовательно, никакой связи съ эммиссіонной операціей банка за послѣдніе годы. Этотъ фактъ объясняется реформами послѣднихъ 12-ти лѣтъ, въ особенно-

---

[1]) Въ свою очередь, такое паденіе вексельнаго курса совершенно прекратило бы приливъ металловъ въ банкъ на долгіе годы. Теперь будетъ понятно огромное значеніе того обстоятельства, что покупка металловъ производится *по разъ установленному курсу, безъ повышеній его:* это условіе составляетъ регуляторъ-коррективъ самой операціи.

сти тѣми, которыя, какъ упраздненіе крѣпостного права или устройство желѣзныхъ дорогъ, имѣли огромное вліяніе на развитіе народнаго хозяйства. При возникшемъ отсюда расширеніи производства неизбѣжно обнаружилось дѣйствіе *закона ренты*, отразившееся въ особенности на цѣнахъ такихъ произведеній, въ производствѣ которыхъ огромное участіе принадлежитъ силамъ природы (хлѣбъ, мясо, лѣсъ и т. п.).

Можно представить еще одинъ аргументъ въ пользу того, что возвышеніе цѣнъ нѣкоторыхъ произведеній въ теченіе послѣднихъ 6—7 лѣтъ не имѣетъ связи съ эммиссіонной операціей государственнаго банка. Матеріаломъ въ этомъ случаѣ послужатъ намъ слѣдующія двѣ таблицы, въ которыхъ показано распредѣленіе кредитныхъ билетовъ по достоинствамъ.

I. ТАБЛИЦА ВЫПУСКОВЪ

за счетъ государственнаго казначейства и размѣннаго фонда (по отчетамъ государственнаго банка):

Къ 1-му января	1 р.	3 р.	5 р.	10 р.	25 р.	50 р.	100 р.	Всего.
1861 г.	42,233,869	94,134,840	81,942,760	84,001,600	177,923,850	139,577,850	93,161,800	712,976,569
1862 г.	47,669,102	103,422,006	92,284,450	84,789,120	170,569,400	132,609,400	82,252,700	713,596,178
1863 г.	53,124,678	109,594,179	97,225,395	88,154,960	159,442,200	113,514,950	70,048,200	691,104,562
1864 г.	57,420,988	109,933,704	96,863,540	84,773.500	140,229,175	85,675,250	61,629,700	636,525,857
1865 г.	60,467,314	103,414,800	88,996,485	84,597,450	142,916,950	100,403,900	70,327,700	651,124,599
1866 г.	65,201,288	104,157,144	91,139,220	87,543,630	135,118,550	94,376,500	72,928,400	650,464,732
1867 г.	71,361,956	106,922,865	95,825,425	91,305,400	121,677,300	80,536,000	81,915,100	649,544,046
1868 г.	75,144,521	110,314,890	101,853,545	92,502,200	128,749,750	64,845,450	84,056,400	657,466,756
1869 г.	76,722,910	112,104,213	110,459,130	98,353,610	137,865,550	84,115,400	104,785,400	724,408,213
1870 г.	73,247,411	100,700,403	108,115,295	106,039,680	133,948,500	102,705,800	97,031,100	721,788,189
1871 г.	73,527,950	98,122,074	111,086,760	107,790,400	137,883,600	104,618,500	82,780,600	715,809,884
1872 г.	74,809,510	95,474,280	111,976,010	104,709,540	146,199,700	104,053,200	86,991,800	724,214,040
1873 г.	74,307,079	94,061,037	116,004,300	111,824,810	189,295,625	39,970,700	138,405,900	763,869,451

II. ТАБЛИЦА ВЫПУСКОВЪ

за счетъ коммерческаго актива государственнаго банка („суммы на подкрѣпленіе кассъ, конторъ и отдѣленій“ [1]).

Къ 1-му января	1 р.	3 р.	5 р.	10 р.	25 р.	50 р.	100 р.	Всего [2].
1864 г.	82,166	178,569	567,975	800,990	3,044,000	1,989,300	2,037.000	8,700,000
1865 г.	514,250	1,243,500	2,338,150	2,338,650	9,137,750	6,011,300	3,506,400	25,090.000
1866 г.	286,367	622,233	792,125	891,000	5,550,875	4,893,900	5,713,500	18,750,000
1867 г.	770,000	1,158,300	2,025,575	3,490,000	16,967,175	15,373,350	12,915,600	52,700,000
1868 г.	463,960	2,403,000	2,930,000	1,498,040	11,580,000	8,084,000	5,591,000	32,550,000
1869 г.	—	—	—	—	—	150,000	—	150,000
1870 г.	179,000	489,000	865,000	1,292,000	2,520,000	3,230,000	4,070,000	12,645,000
1871 г.	877,000	1,626,000	2,509,000	3,812,000	9,207,000	13,165,000	5,504,000	36,700,000
1872 г.	631,000	1,012,800	2,130,000	3,665,700	15,087,700	8,797,800	14,225,000	45,550,000
1873 г.	123,000	198,000	675,000	821,000	2,928,000	—	3,040,000	7,785,000

[1]) Приводимыя здѣсь цифры, въ первый разъ появляющіяся въ печати, имѣютъ несомнѣнное значеніе; напр., фактъ преобладанія во временныхъ выпускахъ крупныхъ билетовъ служитъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что путемъ этихъ выпусковъ банкъ удовлетворялъ спросу на свободный бумажно-денежный капиталъ, а не спросу на орудія обращенія.

[2]) Помѣщенныя въ этой графѣ данныя нѣсколько расходятся съ тѣми цифрами,

III. ОБЩАЯ ТАБЛИЦА [1]).

Къ 1-му января	1 р.	3 р.	5 р.	10 р.	25 р.	50 р.	100 р.	Всего.
1861 г.	42,233,869	94,134,840	81,942,760	84,001,600	177,923,850	139,577,850	93,161,800	712,976,569
1862 г.	47,669,102	103,422,006	92,284,450	84,789,120	170,569,400	132,609,400	82,252,700	713,596,178
1863 г.	53,124,678	109,594,179	97,225,395	88,154,960	159,442,200	113,514,950	70,048,200	691,104,562
1864 г.	57,503,154	110,112,273	97,431,515	85,574,490	143,273,175	87,664,550	63,666,700	645,225,857
1865 г.	60,981,564	104,658,300	91,334,635	86,936,100	152,054,700	106,415,200	73,834,100	676,214,599
1866 г.	65,487,655	104,779,377	91,931,345	88,434,630	140,669,425	99,270,400	78,641,900	669,214,732
1867 г.	72,131,956	108,081,165	97,851,000	94,795,400	138,644,475	95,909,350	94,834,700	702,244,046
1868 г.	75,608,481	112,717,890	104,783,545	94,000,240	140,329,750	72,929,450	89,647,400	690,016,756
1869 г.	76,722,910	112,104.213	110,459,130	98,353,610	137,865,550	84,265,400	104,785,400	724,556,213
1870 г.	73,426,411	101,189,403	108,980,295	107,331,680	136,468,500	105,935,800	101,101,100	734,433,189
1871 г.	74,404,950	99,748,074	113,595,760	111,602,400	147,090,600	117,783,500	88,284,600	752,509,884
1072 г.	75,440,510	96,487,080	114,106,010	108,375,240	161,287,400	112,851,000	101,216,800	769,764,040
1873 г.	74.430,079	94,259,037	116,679,300	112,645,810	192,223,625	39,970,700	141,445,900	771,654,451

Достаточно бросить поверхностный взглядъ на послѣднюю таблицу, чтобы замѣтить, что главныя измѣненія въ распредѣленіи нашихъ бумажныхъ денегъ по достоинствамъ совершались въ двухъ главныхъ направленіяхъ: до 1868 г. шло раздробленіе крупныхъ билетовъ на мелкіе, а съ этого времени движеніе совершенно обратное, хотя и съ нѣкоторыми колебаніями. Нагляднѣе это будетъ видно изъ слѣдующихъ двухъ таблицъ.

которыя показаны въ отчетахъ банка. Это происходитъ оттого, что предложенія (по телеграфу) о перечисленіи изъ размѣнныхъ кассъ въ оборотныя или наоборотъ, даваемыя банкомъ конторамъ и отдѣленіямъ 30-го и 31-го декабря, по большей части исполняются уже въ слѣдующемъ году; между тѣмъ, по книгамъ банка онѣ показываются произведенными въ текущемъ году.

[1]) Для полноты приведенныхъ здѣсь данныхъ о русскихъ бумажныхъ деньгахъ, мы позволили себѣ прибавить еще одну таблицу, содержащую въ себѣ крайне интересныя данныя о распредѣленіи по достоинствамъ нашего бумажно-денежнаго обращенія въ теченіе предыдущихъ пяти лѣтъ. Сколько намъ извѣстно, эти данныя не появлялись еще въ печати:

Кредитныхъ билетовъ въ народномъ обращеніи находилось:	1 р.	3 р.	5 р.	10 р.	25 р.	50 р.	100 р.	Итого.
Къ 1850 г. . . .	—	—	—	—	—	—	—	298,555,144
„ 1851 „ . . .	—	—	—	—	—	—	—	301,488,370
„ 1852 „ . . .	—	—	—	—	—	—	—	303,732,928
„ 1853 „ . . .	—	—	—	—	—	—	—	311,328,881
„ 1854 „ . . .	—	—	—	—	—	—	—	333,404,308
„ 1855 „ . . .	—	—	—	—	—	—	—	356,337,021
„ 1856 „ . . .	9,942,168	37,849,044	40,350,355	52,854,330	120,586,200	133,033,700	116,533,900	511,149,697
„ 1857 „ . . .	16,179,471	52,029,858	50,542,795	62,805,170	201,994,850	164,740,600	140,958,400	689,251,144
„ 1858 „ . . .	22,778,762	62,829,384	59,466,480	68,479,530	204,053,150	181,358,800	136,303,200	735,269,306
„ 1859 „ . . .	29,272,406	72,798,483	67,586,685	73,229,170	173,044,025	126,351,200	102,341,500	644,623,469
„ 1860 „ . . .	35,534,275	82,729,497	74,348,135	77,576,680	161,423,950	117,821,400	88,752,200	638,186,137

Каждая тысяча рублей обращенія заключала въ себѣ рублей въ билетахъ:

Къ 1-му января	1 р. д.	3 р. д.	5 р. д.	10 р. д.	25 р. д.	50 р. д.	100 р. д.
1861 года	59	132	115	117	250	196	131
1862 „	67	145	129	119	239	186	115
1863 „	77	159	141	127	231	164	101
1864 „	89	171	151	132	222	136	99
1865 „	90	155	135	129	225	157	109
1866 „	98	157	137	132	211	148	117
1867 „	103	155	139	134	197	137	135
1868 „	110	163	152	136	203	106	130
1869 „	106	155	152	136	190	116	145
1870 „	100	138	148	146	186	144	138
1871 „	99	133	151	148	195	157	117
1872 „	98	125	148	141	210	147	131
1873 „	97	122	151	146	249	52	183

Соединивъ билеты 1—5 р. д. въ группу мелкихъ, а билеты 25—100 р. д. въ группу крупныхъ, и принявъ 10 р. д. билеты за среднія, получимъ слѣдующую таблицу:

Къ 1-му января	Мелкіе (1—5)	Средніе (10)	Крупные (25—100).
1861 года.	306	117	577
1862 „	341	119	540
1863 „	377	127	496
1864 „	411	132	457
1865 „	380	129	491
1866 „	392	132	476
1867 „	397	134	469
1868 „	425	136	439
1869 „	413	136	451
1870 „	386	146	468
1871 „	383	148	469
1872 „	371	141	488
1873 „	370	146	484

При ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ таблицъ можно замѣтить слѣдующее:

1) До 1868 года количество (относительное [1]) мелкихъ билетовъ

---

[1]) На возрастаніе абсолютнаго количества мелкихъ билетовъ, въ особенности рублевыхъ, неоднократно указывали, какъ на аргументъ, говорящій не въ пользу администраціи банка. Едва-ли это вѣрно, такъ какъ движеніе относительное имѣетъ несравненно болѣе значенія. При-этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе, во 1-хъ, то, что возростаніе количества мелкихъ билетовъ, въ особенности рублевыхъ, объясняется переходомъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, постройкой желѣзныхъ дорогъ, привлекшей массы рабочихъ, съ которыми разсчетъ производится исключительно мелкими билетами, устройствомъ сахарныхъ заводовъ, имѣвшимъ такое же вліяніе, и т. д. Слѣдуетъ еще замѣтить, что наибольшее количество билетовъ, исчезающихъ изъ обращенія, вслѣдствіе пожаровъ, потопленій и т. д., приходится на билеты мелкіе. Наконецъ, съ 1867 г. количество мелкихъ кредитныхъ билетовъ

постоянно возрастало, а съ этого времени начало быстро упадать; цифра къ 1-му января 1864 г. не служитъ опроверженіемъ этого вывода, потому что она явилась слѣдствіемъ сокращенія общаго количества бумажекъ въ предшествовавшемъ году (операція 186²/з г.), причемъ уничтожены были главнымъ образомъ крупные билеты; поэтому, вмѣсто 411, для 1864 г. слѣдуетъ принять какую-либо среднюю между 377 и 380 цифру.

2) Количество билетовъ 10 р. д. непрерывно, за ничтожными исключеніями, возрастало до 1871 г., а въ слѣдующіе за симъ два года почти не измѣнилось (пониженіе съ 148 на 141 къ 1-му января 1872 года объясняется тѣмъ, что въ предшествующемъ году былъ значительный временный выпускъ (къ 1-му января 1872 года оставалось 45,550,000), въ которомъ, какъ и во всѣхъ временныхъ выпускахъ, преобладали крупные билеты [1]).

3) Движеніе билетовъ крупныхъ достоинствъ совершалось въ направленіи противуположномъ движенію мелкихъ билетовъ: до 1868 г. шло уменьшеніе, а затѣмъ увеличеніе.

4) Самый неблагопріятный годъ 1868, когда возрастаніе мелкихъ билетовъ достигло апогея 42,5%.

Выше было сказано, что данныя о распредѣленіи кредитныхъ билетовъ по достоинствамъ могутъ служить доказательствомъ того, что эммиссіонная операція банка не имѣетъ связи съ тѣмъ явленіемъ которое послужило для г. Головачова точкой отправленія. Въ самомъ дѣлѣ, дробленіе билетовъ есть спутникъ такъ-называемаго нисходящаго движенія ихъ, а это послѣднее неразлучно съ возвышеніемъ цѣнъ. Поэтому приведенныя таблицы служатъ прежде всего доказательствомъ того, что до 1868 года цѣнность кредитнаго рубля непрерывно падала; равнымъ образомъ указывая на совершающееся съ 1868 г. такъ-называемое восходящее движеніе денегъ, онѣ тѣмъ самымъ свидѣтельствуютъ о непрерывномъ пониженіи съ того времени цѣнъ, т.-е., о повышеніи [2]) цѣнностей бумажно-денежной единицы.

Изъ этихъ же данныхъ можно заключить, что не въ пользу администраціи банка, съ ея выпусками подъ металлъ, учетъ и въ ссуды,

---

не возрастало даже абсолютно, а напротивъ—уменьшилось (къ 1-му января 1868 г. 293 милл., къ 1-му января 1873 г.—285 милл.).

[1]) Замѣчательно, что движеніе билетовъ 5 р. д. совершалось въ томъ же направленіи, какъ и билетовъ 10 р. д. Этотъ фактъ приводитъ насъ къ убѣжденію, что при раздѣленіи достоинствъ на группы, билеты 5 р. д. слѣдуетъ показывать не въ группѣ мелкихъ, а въ группѣ среднихъ достоинствъ. Къ сожалѣнію, недостатокъ времени не дозволяетъ намъ сдѣлать соотвѣтствующія измѣненія въ таблицахъ, несмотря на то, что въ такомъ случаѣ достиженіе той цѣли, съ которой здѣсь приведены всѣ эти данныя, значительно облегчилось бы.

[2]) И ужъ ни въ какомъ случаѣ не о пониженіи.

говорятъ только данныя за 1868 и 1869 годы; но объясненіе относящихся сюда неблагопріятныхъ цифръ (425 и 413) слѣдуетъ искать не въ покупкѣ металловъ, а въ той же причинѣ, которая дѣйствовала въ теченіе предыдущихъ лѣтъ: въ громадномъ увеличеніи бумажно-денежнаго обращенія во время восточной войны. Выпуски подъ металлъ, начавшіеся въ августѣ 1867 г., въ такое короткое время не могли произвести измѣненій въ цѣнахъ, а слѣдовательно и въ распредѣленіи кредитныхъ билетовъ по достоинствамъ.

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ объ эммиссіонной операціи банка вообще, показавъ при этомъ тѣ идеи, которыя, какъ намъ кажется, лежатъ въ ея основаніи.

§ 1-мъ устава на банкъ возложена обязанность упроченія денежной системы. Имѣя въ виду эту конечную цѣль, банкъ еще въ 186²/з году принялъ энергическія мѣры къ лишенію кредитнаго рубля измѣрительной функціи денежной единицы—основнаго недостатка русской денежной системы. Къ сожалѣнію, внѣшнія и внутреннія политическія событія того времени были причиною того, что попытка банка возстановить размѣнъ не удалась. Въ послѣдующіе годы выяснилась невозможность, по недостатку средствъ, достичь указанной цѣли въ близкомъ будущемъ. Поэтому необходимо было, во-первыхъ, озаботиться постепеннымъ собираніемъ ихъ и, во-вторыхъ, по возможности устранить главный недостатокъ бумажно-денежной системы—колебаніе цѣны и цѣнности денежной единицы, служащій препятствіемъ правильному экономическому развитію государства. Этой двоякой цѣли, по нашему мнѣнію, удовлетворили: 1) покупка банкомъ металловъ по разъ установленному курсу. Эта операція имѣла слѣдующія послѣдствія: a) увеличеніе металлическаго фонда въ размѣрахъ, допускающихъ возможность радикальныхъ мѣръ къ улучшенію денежной системы, и b) уменьшеніе колебаній лажа (принятіе банкомъ драгоцѣнныхъ металловъ по опредѣленной цѣнѣ не даетъ имъ возможности въ исключительные моменты времени [1]) подняться выше этой цѣны, чѣмъ предотвращается позднѣйшее значительное ея пониженіе). Кромѣ того, эта операція неминуемо должна была благотворно отразиться и на цѣнности кредитнаго рубля, такъ-какъ одну изъ причинъ ея колебаній составляютъ, какъ извѣстно, колебанія лажа; 2) временные выпуски бумажныхъ денегъ въ такіе моменты, когда кассы банка, вслѣдствіе сильнаго увеличенія спроса на свободный бумажно-денежный капиталъ, истощаются. Такой спросъ въ Россіи начинается въ концѣ лѣта и достигаетъ своего апогея въ сентябрѣ и октябрѣ, постепенно затѣмъ ослабѣвая. Сообразно съ этимъ банкъ измѣняетъ

[1]) Главнымъ образомъ, во время отпуска, т.-е., осенью.

денежное обращеніе, измѣняя въ то же время и дисконтъ; позаимствованія продолжаются сравнительно короткое время, совершенно прекращаясь во время прекращенія усиленнаго спроса на свободный бумажный-денежный капиталъ, когда кассы банка не нуждаются въ подкрѣпленіи, будучи и безъ того переполненными. Отсюда видно что осенніе выпуски, въ связи съ переполненіемъ кассъ банка въ спокойное весеннее и лѣтнее время, составляютъ лишь двѣ стороны одной и той же операціи, состоящей въ *регулированіи денежнаго обращенія сообразно потребностямъ народнаго хозяйства.* Легко понять, что такое регулированіе предотвращаетъ колебанія цѣнности денежной единицы: пониженіе весной и лѣтомъ и повышеніе осенью; оно особенно необходимо въ настоящее время, когда значительно увеличились какъ внѣшняя, такъ и внутренняя торговля Россіи, и возникло столько учрежденій коммерческаго кредита. Однимъ изъ условій прочности послѣднихъ нельзя не признавать существованія такого банка, кассы котораго во время лѣтняго застоя служили бы резервуаромъ, въ который стекались бы всѣ свободныя средства банковъ, не находящія помѣщенія въ солидныхъ банковыхъ операціяхъ. Такимъ банкомъ является въ настоящее время банкъ государственный, кассы котораго въ срединѣ лѣта, вслѣдствіе значительныхъ взносовъ, главнымъ образомъ, на текущій счетъ, въ особенности со стороны частныхъ банковъ и государственнаго казначейства, достигаютъ, какъ было, напр., въ настоящемъ году, 50 милліоновъ, а осенью требуютъ временнаго подкрѣпленія изъ размѣннаго капитала, частью вслѣдствіе увеличенія портфеля, а главнымъ образомъ вслѣдствіе значительнаго востребованія по текущимъ счетамъ [1]) Г. Головачовъ возстаетъ и противъ временныхъ подкрѣпленій, и противъ значительнаго накопленія въ кассахъ банка свободныхъ средствъ; повторяя г. Вагнера, онъ говоритъ, что выпуски задерживаютъ „спасительную реакцію“ возвышенію цѣнъ и вообще ведутъ къ пониженію цѣнности кредитнаго рубля. Что вслѣдствіе осенняго увеличенія денежнаго обращенія дѣйствительно задерживается реакція—съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться. Но, спрашивается: кому и какую пользу принесло бы такое временное поднятіе цѣнности бумажнаго рубля? Можно положительно утверждать, что временно понизившіяся цѣны чрезъ 5—6 мѣсяцевъ опять достигли бы прежнихъ размѣровъ (во время лѣтняго застоя), въ особенности въ томъ случаѣ, если бы банкъ послѣдовалъ другому совѣту г. Головачова—не допускать въ

---

[1]) Въ томъ числѣ по текущему счету государственнаго казначейства. Балансы банка показываютъ, что ежегодно въ сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ государственное казначейство не только не имѣетъ въ банкѣ свободныхъ суммъ, но напротивъ должно ему.

лѣтнее время накопленія въ кассахъ излишнихъ суммъ. Этого можно было бы достигнуть или расширеніемъ активныхъ операцій, въ частности увеличеніемъ портфеля цѣнныхъ бумагъ, или же сокращеніемъ операцій пассивныхъ, или, наконецъ, что̀ всего легче, тѣмъ и другимъ способомъ. Несостоятельность подобныхъ дѣйствій очевидна для всякаго, кому извѣстны законы банковаго дѣла и денежнаго обращенія: вталкивая въ обращеніе денежные знаки, не нашедшіе себѣ помѣщенія въ солидныхъ оборотахъ, и не могущіе притомъ быть вывезенными заграницу, банкъ дѣйствительно вызвалъ бы возвышеніе цѣнъ и спекуляцію; наконецъ, поставилъ бы себя въ крайне шаткое положеніе, изъ котораго въ ближайшую же осень былъ бы одинъ только выходъ: новый, и притомъ громадныхъ размѣровъ, выпускъ бумажныхъ денегъ. Г. Головачовъ идетъ даже далѣе: по его мнѣнію, пагубны даже такія перечисленія изъ размѣнныхъ кассъ въ оборотныя, которыя производятся одновременно съ противуположнымъ (т.-е. изъ оборотныхъ кассъ въ размѣнныя) передвиженіемъ равныхъ суммъ въ другихъ учрежденіяхъ банка. Вредъ такихъ передвиженій, по мнѣнію г. Головачова, такой же, какъ и вредъ временныхъ выпусковъ— предотвращеніе „спасительной реакціи". Тотъ, кому понятна громадная польза быстраго передвиженія капиталовъ сообразно торговымъ потребностямъ, согласится, что отъ такихъ перечисленій никакого вреда нѣтъ, и не можетъ быть; тѣмъ не менѣе г. Головачовъ предлагаетъ совершенное прекращеніе и такихъ перечисленій и закрытіе такихъ конторъ банка, которыя безъ того не могутъ обойтись. Мы думаемъ, что еслибъ банкъ послѣдовалъ этому совѣту, то ему пришлось бы закрыть почти всѣ свои конторы и отдѣленія, въ особенности тѣ, которыя удалены отъ желѣзныхъ дорогъ, и прекратить переводную операцію, или же увеличить кассы милліоновъ до 100. Необходимо было бы также отказать частнымъ кредитнымъ учрежденіямъ въ особой, наиболѣе удобной для нихъ, формѣ кредита, дающей имъ какъ бы резервный фондъ, къ которому можно обратиться въ случаѣ внезапныхъ востребованій принятыхъ ими вкладовъ,—въ вексельномъ кредитѣ въ формѣ спеціальныхъ текущихъ счетовъ. Легко понять, что результатомъ явились-бы вздорожаніе кредита и шаткость частныхъ кредитныхъ учрежденій. Съ неменьшимъ основаніемъ можно было бы рекомендовать общее воспрещеніе перевозки бумажныхъ денегъ по желѣзнымъ дорогамъ или стѣсненія въ дѣлѣ обмѣна билетовъ одного на билеты другого достоинства.

21-го ноября 1873 г.

П. Иващенко.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое января, 1874.

Начало парламентской сессіи въ Пруссіи.

Въ прусской палатѣ представителей, вышедшей изъ недавнихъ выборовъ, рѣшительное большинство принадлежитъ „либеральной" партіи. Но такъ какъ среди самой этой либеральной партіи огромное большинство составляютъ либералы „національные", преданные князю Бисмарку, и слѣдующіе знаменитому девизу: rest and be thankful,—то въ дѣйствительности, и несмотря на новый составъ палаты, практическіе успѣхи въ Пруссіи либерализма будутъ совершенно зависѣть отъ князя Бисмарка. Такая перспектива была бы совершенно безнадежна, если бы обстоятельства не понуждали этого государственнаго человѣка порою къ нѣкоторымъ мѣропріятіямъ либеральнаго свойства, не изъ любви къ либерализму, конечно, но въ видѣ репрессивныхъ мѣръ противъ враждебныхъ партій. Такъ, преобразованіе окружнаго управленія, ослабленіе самостоятельности верхней палаты, смѣна министра фонъ - Мюлера, устраненіе господства духовенства надъ школами, отмѣна Штилевскихъ школьныхъ „регулативовъ", и въ настоящее время внесеніе въ палату проекта закона объ обязательности гражданскаго брака — все это были мѣры либеральныя, хотя всѣ онѣ были приняты собственно съ цѣлью сокрушенія такихъ вліяній, которыя могли стѣснять дѣйствія правительства. Во всѣхъ этихъ мѣрахъ, правительство не дѣлало ни малѣйшей уступки изъ своихъ правъ, но, напротивъ, обезпечивало себѣ бо́льшій просторъ дѣйствій, устраняло съ своего пути препятствія, короче—усиливало, а не ослабляло свою власть. Очень можетъ быть, что прусское правительство не остановится на либеральномъ пути этого рода и впредь, что оно, въ случаѣ нужды, проведетъ еще, напр., преобразованіе верхней палаты. Но не подлежитъ сомнѣнію, что и впредь либеральныя мѣры его будутъ имѣть по преимуществу такую

„репрессивную“ цѣль, а изъ этого уже очевидно, что либеральныхъ мѣръ въ смыслѣ *уступокъ* изъ собственной его власти было бы напрасно ожидать отъ него. Отвѣтственности министерства передъ парламентомъ въ Пруссіи не существуетъ, для утвержденія бюджета требуется согласіе верхней палаты, подати, однажды установленныя, могутъ быть взимаемы правительствомъ и безъ ежегодно-повтореннаго согласія представительства, наконецъ, періодическая печать подлежитъ предварительному задержанію. По всѣмъ такимъ, самымъ существеннымъ условіямъ, недопускающимъ въ Пруссіи истиннаго парламентскаго правленія, тщетно было бы ожидатъ уступокъ со стороны не только кн. Бисмарка, но и его преемниковъ. Такія уступки могутъ быть добыты не иначе, какъ законною, и вмѣстѣ энергическою иниціативою самого народнаго представительства.

Между тѣмъ, у большинства прусскихъ представителей, называющихъ себя либералами, повидимому, нѣтъ охоты или нѣтъ смѣлости на то, чтобы взять на себя подобную иниціативу; а потому общее движеніе внутренней политики, оставаясь исключительно подъ руководствомъ министерства, и не обѣщаетъ никакихъ успѣховъ въ самыхъ существенныхъ условіяхъ. Послѣдніе выборы въ прусскую палату имѣли результатъ, который легко было предвидѣть: правительство принесло консерваторовъ въ жертву національнымъ „либераламъ“. Консервативная партія отслужила правительству свою службу. Поддерживая правительственную реакцію 1849—1865 годовъ, однимъ изъ столповъ которой былъ самъ князь Бисмаркъ, консерваторы погубили себя во мнѣніи страны; они утратили всякую популярность. Нѣкоторый успѣхъ на выборахъ они могли бы имѣть теперь не иначе, какъ съ поддержкою правительства. Но правительству не было никакого разсчета ихъ поддерживать. Оно поставило себѣ главной задачей настоящаго времени—сломить единственную силу въ странѣ, которая передъ нимъ не склонилась, а именно католическое духовенство. А такъ какъ при борьбѣ съ нимъ приходится затрогивать принципы общіе всей клерикально-консервативной партіи, то-есть, не только католической, но и лютеранской, то орудіемъ для этого гораздо вѣрнѣе могутъ служить національные либералы, тѣмъ болѣе, что орудіе это и не особенно требовательно. Національные либералы всѣ свои либеральныя стремленія обращаютъ въ одно упованіе на будущее, въ настоящемъ же готовы проявлять одну преданность. Если консерватизмъ разумѣть въ смыслѣ дисциплины и покорности, то настоящіе консерваторы и есть именно національные либералы. Союзъ съ ними для правительства тѣмъ удобнѣе, что ихъ даже нѣтъ нужды усердно поддерживать на выборахъ; они популярны, ихъ охотно избираютъ и безъ содѣйствія ландратовъ и оффиціальныхъ

газетъ въ провинціи. Въ пользу консерваторовъ приходилось бы стараться гораздо болѣе, какъ показалъ примѣръ двухъ избраній, которыя нынѣ были подвергнуты палатою изслѣдованію, предварительно ихъ утвержденія: было обнаружено, что мѣстныя оффиціальныя газеты поддерживали ихъ статьями, въ которыхъ противники ихъ провозглашались врагами престола и отечества. По такимъ соображеніямъ, правительство не настаивало на избраніи консерваторовъ, лишь бы только избирались національные либералы, но не католики, не прогрессисты, не партикуляристы, конечно.

Успѣхъ національныхъ либераловъ съ другой стороны былъ обезпеченъ уже тѣмъ, что масса избирателей въ меньшихъ городахъ, масса бюргерства мыслитъ и чувствуетъ совершенно согласно съ этой партіею „благодарнаго отдохновенія". Возрастающая дороговизна, которой не соотвѣтствуетъ возрастаніе заработковъ, горькая необходимость эмиграціи угрожаютъ рабочей массѣ, но не бюргерству, сколько-нибудь обезпеченному матеріально. Между тѣмъ, бюргерство это образовано настолько, чтобы цѣнить все величіе германскихъ побѣдъ, ощущать все упоеніе національнаго самолюбія, но не настолько, чтобы его въ самомъ дѣлѣ болѣзненно трогали такіе факты, какъ, напр., высокомѣрное отношеніе того или другого министра къ народнымъ представителямъ, преобладаніе военнаго элемента или захватъ нумеровъ какой-нибудь газеты. Масса бюргерства видитъ одержанныя побѣды, величіе Германіи, обиліе денегъ, оживляющее торговлю и ремесла, а къ остальному относится, если не равнодушно, то весьма платонически, думая объ „остальномъ" развѣ въ часы досуга, и то съ неопредѣленнымъ упованіемъ оптимизма, что послѣ такихъ великихъ дѣлъ, какія уже совершены нѣмцами, они благополучно совершатъ и всѣ „остальныя" великія дѣла. Такой оптимизмъ былъ совершенно понятенъ въ 1870 году; но вотъ прошло уже три года, и хотя и теперь нѣтъ сомнѣнія, что нѣмцы могутъ совершать великія дѣла и въ преобразованіи собственныхъ учрежденій, однако безспорно и то, что для совершенія чего-либо надо приняться за работу, и что сами собой, подъ обаяніемъ одного величія Германіи, остальныя великія дѣла не совершатся. Правда, и среди массы бюргерства есть часть, католическая часть, которая въ настоящее время нѣсколько встревожена и на послѣднихъ выборахъ подала голоса за клерикаловъ, вмѣстѣ съ сельскимъ католическимъ населеніемъ, которое слушается духовенства. Число клерикаловъ въ палатѣ возросло съ 63 до 89. Но за то масса протестантскаго бюргерства прямо изъ-за религіозныхъ антипатій къ католицизму сочувствуетъ правительству и національнымъ либераламъ; какія бы мѣры ни были приняты правительствомъ противъ католицизма, хотя бы

онѣ повели къ закрытію церквей въ большинствѣ приходовъ, будутъ всегда популярны среди массы протестантскаго бюргерства. Въ наше время ослабло религіозное вѣрованіе вообще, это правда, но антипатія и нетерпимость къ чужимъ религіознымъ толкамъ не ослабѣли нисколько. При такихъ элементахъ успѣха, не было ничего удивительнаго въ томъ фактѣ, что наиболѣе выиграла на послѣднихъ выборахъ именно партія національно-либеральная, популярная въ массѣ бюргерства и поддерживаемая или, по меньшей мѣрѣ, не отталкиваемая мѣстными правительственными вліяніями. Національныхъ либераловъ въ новой прусской палатѣ насчитывается болѣе 170.

Рабочіе, которыхъ матеріальное положеніе не таково, чтобы мысль объ одержанныхъ Германіею побѣдахъ могла стать основою всего ихъ міросозерцанія, и образованное среднее сословіе въ большихъ городахъ, особенно въ самомъ Берлинѣ, не отреклись отъ стремленій къ существенному преобразованію условій политической жизни. Національное тщеславіе не заглушило въ однихъ голосъ матеріальныхъ, насущныхъ потребностей, въ другихъ не менѣе сильный голосъ потребностей нравственныхъ, говорящій о необходимости приняться наконецъ и за работу надъ улучшеніемъ быта побѣдителей. Знаменитый, прославившійся во всемъ мірѣ, канцлеръ побѣдилъ датчанъ, австрійцевъ, французовъ; теперь онъ ведетъ прусское правительство къ новымъ побѣдамъ: и въ самомъ дѣлѣ, побѣда надъ католическою іерархіею была бы не послѣднею, по трудности, изъ побѣдъ могущественнаго канцлера. Но рабочій, которому угрожаетъ эмиграція, образованный человѣкъ, котораго смущаютъ шаткость и неискренность либерализма безъ уступокъ, необезпеченность основныхъ политическихъ отношеній въ государствѣ, повсемѣстное преобладаніе мундира и мундирности, хотя и прославленныхъ, но тѣмъ не менѣе ужъ слишкомъ заслоняющихъ остальное, — оба они хотя, пожалуй, и согласны идти къ новымъ побѣдамъ, но не могутъ думать, что, одерживая ихъ, Пруссія дѣйствительно дѣлаетъ наиболѣе нужное, наиболѣе серьёзное и плодотворное *дѣло*. Вотъ почему, рядомъ съ національно-либеральною, то-есть, правительственною партіей, на послѣднихъ выборахъ усилилась въ палатѣ и партія прогрессистская, членовъ которой избрано около 65 чел. Затѣмъ, въ новой палатѣ насчитывается еще 15 либераловъ, не принадлежащихъ къ главнымъ партіямъ, такъ что общее число представителей либеральныхъ партій составляетъ 250, т.-е., значительное большинство.

Либеральная партія имѣетъ въ палатѣ большинство, а между тѣмъ даже и не предвидится, чтобы къ улучшенію внутреннихъ политическихъ условій сдѣлано было что-нибудь, кромѣ того, что предложитъ само правительство, которое, разумѣется, не предложитъ

ничего такого, что̀ могло бы уменьшить его власть. Сессія продолжалась доселѣ немного болѣе мѣсяца: она открылась 12-го ноября и закрылась 20-го декабря по случаю праздниковъ. Но уже и въ теченіе этихъ пяти недѣль положеніе дѣлъ обрисовалось достаточно для того, чтобы мы имѣли право сказать то, что мы сейчасъ сказали. Только чрезвычайныя событія и, скорѣе всего, перемѣна въ самомъ правительствѣ можетъ открыть перспективу политическихъ успѣховъ; сама палата и въ нынѣшнемъ обновленномъ составѣ, при безусловномъ большинствѣ въ ней либераловъ, не возьметъ на себя серьёзной инициативы. Виною тому ошибка или вялость прогрессистовъ. Прогрессистской партіи, стоящей между непримиримою оппозиціей правительству (католики, поляки, партикуляристы) и правительственною партіей (національные либералы и „свободные" консерваторы), могла предстоять та же роль, какая предстояла центрамъ въ нынѣшнемъ французскомъ національномъ собраніи: преобладаніе надъ всѣмъ положеніемъ дѣлъ, благодаря непримиримости обѣихъ крайнихъ партій. Но какъ во французскомъ собраніи центры не пожелали взяться за роль, предвидѣнную для нихъ Тьеромъ, такъ и въ прусской палатѣ прогрессисты не съумѣли взять на себя этой роли, въ которой они могли бы преобладать. Они могли бы предъявить правительству требованіе хоть двухъ существенныхъ уступокъ, напр., проведенія закона о министерской отвѣтственности и облегченія въ положеніи печати, угрожая въ противномъ случаѣ стать въ оппозицію вмѣстѣ съ клерикалами и ихъ союзниками. Очень могло бы быть, что правительство уступило бы имъ, потому что въ настоящее время оно такъ ввязалось въ безвыходную борьбу съ католическимъ духовенствомъ, что именно теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, оно могло быть склонно заплатить хорошую цѣну за оказаніе себѣ поддержки въ этой борьбѣ; подъ названіемъ „хорошей цѣны" мы разумѣемъ уступку изъ собственныхъ правъ прусскаго правительства, а не придумываніе либеральныхъ мѣръ безъ ущерба для его власти, либеральныхъ мѣръ на счетъ консерваторовъ или католиковъ, однимъ словомъ, на чужой счетъ. Тогда прогрессисты, поддерживая правительство въ мѣрахъ для покоренія католичества, знали бы за что̀ они это дѣлаютъ; они знали бы, что хотя покореніе католичества въ такой странѣ, гдѣ правительство совершенно свободно отъ его вліянія, гдѣ отъ него свободны и палаты, и университеты, гдѣ огромное большинство населенія—протестанты, само по себѣ совсѣмъ неважно, но что, предоставляя правительственной власти новый просторъ, новое усиленіе съ этой стороны, они за то пріобрѣли бы весьма важный залогъ вліянія самой страны на правительственную власть. Это было бы и логично и плодотворно. Если же правитель-

ство не поддалось бы на ихъ требованіе, то прогрессисты могли и исполнить свою угрозу, вступить въ коалицію съ клерикалами и поляками, и вмѣсто того, чтобы пожертвовать интересомъ католиковъ интересу политическаго прогресса, — принесть въ жертву интересъ правительства въ борьбѣ съ клерикалами, все той же цѣли, т.-е. развитію въ Пруссіи свободныхъ учрежденій. Клерикалы за малѣйшее содѣйствіе прогрессистовъ въ оппозиціи противъ законовъ Фалька оказали бы всякое содѣйствіе прогрессистамъ въ стремленіи къ новымъ политическимъ пріобрѣтеніямъ. Доказательствомъ тому служитъ фактъ, что клерикалы и одни, сами по себѣ, подняли нынѣ вопросы о министерской отвѣтственности и о назначеніи платы представителямъ въ имперскомъ сеймѣ. Намъ можно возразить, что прогрессистамъ было бы слишкомъ тяжело пріобрѣтать реформы, хотя и важныя, вотируя съ клерикалами противъ законовъ Фалька. Но это была бы только фраза. Искреннимъ прогрессистамъ должно быть совершенно все равно, подавать ли голоса съ клерикалами противъ князя Бисмарка или подавать голоса за князя Бисмарка противъ клерикаловъ. Есть даже въ дѣйствительности нѣсколько строго-логичныхъ прогрессистовъ, которые и теперь, *даромъ*, предпочитаютъ подавать голоса за клерикаловъ противъ Бисмарка. Намъ могутъ сдѣлать еще одно возраженіе, уже не фразою, а практическимъ соображеніемъ: могутъ сказать, что оппозиція прогрессистовъ вмѣстѣ съ клерикалами и поляками не побудила бы правительство къ уступкамъ въ пользу парламентскаго принципа, а только озлобила бы правительство и повела бы, пожалуй, къ усиленію реакціи. Но такъ могутъ разсуждать только тѣ, кто практичность полагаетъ въ „умѣренности и аккуратности", въ терпѣніи и уступчивости. Не такова практичность самаго практическаго политика — кн. Бисмарка. Его практичность значитъ совсѣмъ другое — смѣло пользоваться благопріятнымъ случаемъ. Никогда въ парламентской жизни ни что не пріобрѣталось уступчивостью. Національные либералы ничего не пріобрѣтутъ благодарностью; прогрессисты ничего не пріобрѣтутъ уступчивостію; политика есть борьба интересовъ, а не обмѣнъ чувствъ. Въ крайнемъ случаѣ, и если бы прогрессисты, ставъ рѣшительно въ оппозицію, не пріобрѣли ничего, они уже совершили бы нѣчто важное: разорвали бы завѣсу того мнимаго либерализма, который водворяется въ Пруссіи теперь, пробудили бы въ обществѣ живую мысль, поставили бы каждаго на свое мѣсто — желающихъ серьёзныхъ уступокъ на одну сторону, желающихъ полновластія правительства—на другую сторону. Партіи снова получили бы откровенную физіономію, сбросивъ тѣ намалеванныя сомнительнымъ либерализмомъ маски, какими онѣ прикрываются теперь всѣ:

и клерикалы, призывающіе имя свободы, и національные либералы, уповающіе въ самозарожденіе свободы, и министры, даже самъ князь Бисмаркъ, играющій либеральную роль насчетъ католицизма, какъ будто онъ Джордано Бруно передъ римскою инквизиціей, а не всесильный министръ протестантской Пруссіи.

Прогрессисты не съумѣли или не хотѣли понять той роли, какую имъ теперь, казалось, представляли сами обстоятельства. Они предпочли войти въ составъ правительственнаго большинства безъ всякихъ уступокъ, и вотировали противъ клерикаловъ безъ всякаго вознагражденія, какъ будто въ самомъ дѣлѣ ихъ серьёзно интересуетъ вопросъ, будутъ ли епископы назначать и отлучать священниковъ или не будутъ, будутъ ли священники пріобрѣтать университетское образованіе или только среднее образованіе въ тѣхъ семинаріяхъ, которыя будутъ аппробованы правительствомъ. При такомъ крайне безобидномъ, даже наивномъ отношеніи прогрессистовъ къ ихъ задачѣ, легко предвидѣть какой оборотъ примутъ дѣла: національные либералы идутъ на буксирѣ за Бисмаркомъ, а прогрессисты пойдутъ на буксирѣ за національными либералами.

Между тѣмъ, какъ уже выше замѣчено, роль прогрессистовъ берутъ на себя клерикалы. Правда, они при этомъ побуждаются просто враждою къ правительству. Но это въ сущности все равно. Если о партіяхъ судить не по названіямъ, но по дѣйствіямъ ихъ, то можно сказать, что въ нынѣшней прусской палатѣ депутатовъ партію парламентскаго правленія представляютъ клерикалы, партію бюрократическаго правленія національные либералы и прогрессисты.

За три дня передъ открытіемъ сессіи, а именно 9-го ноября подписаны были императоромъ-королемъ декреты о назначеніи вновь прусскимъ министромъ президентомъ князя Бисмарка, вмѣсто фельдмаршала Роона, уволеннаго отъ этого званія и отъ должности военнаго министра по болѣзни, о назначеніи министра финансовъ Кампгаузена вице-президентомъ министерства, а генерала Камеке, управлявшаго военнымъ министерствомъ—военнымъ министромъ. Рескриптъ, которымъ императоръ Вильгельмъ благодарилъ Роона за его участіе въ приготовленіи главныхъ военныхъ успѣховъ послѣднихъ лѣтъ, дѣлалъ самому монарху не менѣе чести, чѣмъ бывшему министру. Откровенное признаніе важности заслугъ его помощниковъ принадлежитъ къ характеристическимъ чертамъ Вильгельма I. Новый вице-президентъ министерства Кампгаузенъ и открылъ сессію отъ имени короля (такъ какъ Бисмарка еще не было въ Берлинѣ) 12-го ноября. Въ тронной рѣчи выражалось твердое намѣреніе правительства „охранять независимость государства отъ ультрамонтанскихъ посягательствъ“. При самомъ началѣ сессіи, католическая партія (центръ)

стала на ту позицію, которую добровольно оставили ей либералы; католики выступили съ требованіями важныхъ политическихъ уступокъ для развитія учрежденій страны, предоставляя либераламъ отвергать эти требованія заодно съ правительствомъ. Членъ центра Бернардсъ сдѣлалъ предложеніе объ облегченіи положенія печати посредствомъ отмѣны штемпельнаго налога съ газетъ и календарей. Одинъ изъ вождей центра, Виндгорстъ (изъ Меппена) сдѣлалъ запросъ о министерской отвѣтственности, по поводу послѣдней перемѣны въ министерствѣ. Онъ же внесъ предложеніе объ измѣненіи въ прусской конституціи введеніемъ всеобщаго, прямого и негласнаго избирательства (т.-е. закона дѣйствующаго для выборовъ въ имперскій сеймъ). Членъ центра Шредеръ внесъ предложеніе о порученіи прусскому правительству склонить государства союза къ назначенію денежнаго вознагражденія народнымъ представителямъ въ имперскомъ сеймѣ, для того, чтобы сдѣлать возможнымъ избраніе въ этотъ сеймъ не однихъ богатыхъ только.

Эта иниціатива центра была безспорно либеральна, и либераламъ оставалось одно средство оправдывать свое сопротивленіе ей и свою поддержку правительства противъ всѣхъ этихъ уступокъ (за однимъ исключеніемъ — отмѣны штемпеля), а именно ссылаться на timeo Danaos! Мелкая отговорка и близорукая политика! Если бы англійскіе либералы слѣдовали этому девизу по отношенію къ тори, то отвергли бы и либеральныя преобразованія, исходившія отъ Пиля и избирательную реформу 1867 года, проведенную Дизраэли. Timeo Danaos! Но въ такомъ случаѣ, почему же прусскіе прогрессисты подавали голоса за окружное преобразованіе, которое проводилъ такой отъявленный реакціонеръ, какъ графъ Эйленбургъ? Наконецъ, если уже слѣдовать правилу, что „ничего хорошаго не можетъ придти изъ Назарета“, то слѣдовало быть логичными и отвергнуть въ настоящемъ случаѣ и отмѣну газетнаго штемпеля, предложенную членомъ центра же. Но нѣтъ — въ этомъ одномъ либералы сдѣлали исключеніе, нужно ли говорить почему? Потому что при этомъ они наименѣе компрометтировали себя передъ правительствомъ, а отвергнувъ предложеніе Бернардса, или хотя бы только отсрочивъ его, они наказали бы деньгами печать, которая въ такомъ дѣлѣ не простила бы имъ и лишняго мѣсяца уплаты пошлины по ихъ винѣ. Предложеніе же Бернардса отмѣняло ее съ текущаго мѣсяца.

Авторъ предложенія въ своей рѣчи указалъ, что штемпельный налогъ съ печати приноситъ казнѣ всего 900 т. таллеровъ, сумму неважную при нынѣшнемъ, блестящемъ положеніи прусскихъ финансовъ. На печати же онъ лежитъ тяжелымъ бременемъ. Бернардсъ прибавилъ, что хотя правительство и противится отдѣльному рѣшенію этого вопроса въ Пруссіи, утверждая что онъ долженъ быть рѣшенъ

вмѣстѣ для всей Германіи, при обсужденіи новаго имперскаго закона о печати, но что палатѣ на такую отсрочку идти не слѣдуетъ, потому что проектъ имперскаго закона о печати едва ли будетъ одобренъ, сеймомъ, и, сверхъ того, въ немъ отмѣна штемпеля включена только въ видѣ вознагражденія за иныя, весьма тягостныя постановленія закона. Замѣчательна была рѣчь Виндгорста въ поддержку предложенія Бернардса; онъ объяснилъ политическое значеніе отмѣны штемпельнаго налога въ Пруссіи, а отчасти и во всей Германіи. „Въ Германіи", сказалъ онъ между прочимъ, „уже не далеко до того, что весь газетный промыселъ станетъ монополіею въ рукахъ правительства. Я утверждаю, что не только въ Пруссіи цѣлый рядъ газетъ содержится непосредственно правительствомъ, но что и для другихъ странъ Германіи равнымъ образомъ пишутся газеты здѣсь (въ Берлинѣ); затѣмъ, утверждаю, что съ еще бо́льшимъ числомъ газетъ въ Пруссіи и остальной Германіи правительство (прусское) имѣетъ соглашеніе, въ силу котораго нѣкоторые столбцы этихъ газетъ открыты для сообщеній изъ прусскаго бюро́ (по дѣламъ печати). Всякъ, кто съ нѣкоторымъ вниманіемъ читаетъ „Кёльнскую" газету и аугсбургскую „Всеобщую газету", можетъ видѣть, что нѣкоторые знаки [1]) въ нихъ не что иное, какъ знаки людей работающихъ въ бюро́ по дѣламъ печати (Совершенная правда! замѣчено было со стороны враждебной оратору, со стороны либераловъ). Средства къ тому правительство имѣетъ въ изобиліи. Такъ-называемый „пресмыкающійся фондъ" (Reptilienfonds).... (Ага! *слѣва*).... Удивляюсь, что со стороны, зовущей себя либеральною, мнѣ говорятъ по этому поводу „ага!" Если вы либералы (обращаясь къ лѣвой сторонѣ), то казалось бы въ вашемъ интересѣ возставать противъ существованія такого фонда (Совершенная правда! *слѣва* же). Когда правительство можетъ изъ этихъ, незаконно обладаемыхъ имъ средствъ, оказывать на печать столь сильное вліяніе и, такимъ образомъ, дѣлаетъ печати частной такую конкурренцію, которая уже превосходитъ всякую мѣру, то представляется настоятельной необходимостью освободить печать отъ налоговъ, которыя ставятъ ее въ невозможность держаться противъ этой конкурренціи. Газеты уже возвысили подписную цѣну и, наконецъ, сдѣлаются для нѣкоторыхъ недоступными, а другія, поставленныя въ невозможность вести дѣла далѣе, принуждены будутъ броситься въ объятія бюро́ по дѣламъ печати. Желаете-ли вы этого? (Нѣтъ, нѣтъ! *слѣва*). Дѣятельность нашего бюро́ по дѣламъ печати замѣчается не только въ Пруссіи, но даже и за границами Германіи. Она замѣтна въ Вѣнѣ, и было бы крайне

---

[1]) Въ нѣмецкихъ газетахъ извѣстія и корреспонденціи отмѣчаются условными знаками, стоящими въ началѣ каждаго сообщенія.

интересно, если бы намъ разъяснили переговоры, происходившіе относительно покупки газеты „Neue Freie Presse“. То же самое замѣчается и въ отношеніяхъ къ другимъ странамъ, къ Англіи, Франціи и Италіи. Пытались устроить въ Лондонѣ особое литературное бюро́ при посольствѣ; это не удалось по особенностямъ положенія тѣхъ лицъ, до которыхъ это относилось. Но за то и для этихъ странъ устроено бюро́ печати въ Берлинѣ. Не стану уже говорить, насколько корреспонденты важнѣйшихъ иностранныхъ газетъ обязаны разговорамъ, происходящимъ на Вильгельмсштрассе [1]), но обращу вниманіе на фактъ, что здѣсь, въ Берлинѣ, выходитъ изданіе „Deutsche Nachrichten“, которое затѣмъ распространяютъ, въ англійскомъ и итальянскомъ переводѣ, въ Англіи и Италіи. Говорятъ еще, что эта корреспонденція (D. Nachrichten) сообщается сверхъ того дипломатическому міру здѣсь и за границею, съ цѣлью облегчить (дипломатамъ) составленіе отчетовъ о событіяхъ. На все это требуется пропасть денегъ, которыя и берутъ изъ средствъ мною уже указанныхъ. Полагаю, настоятельно требуется обратить, наконецъ, на все это вниманіе, дабы внѣ Пруссіи не думали, что то, что́ говорятъ органы „вдохновляемые“ есть, въ самомъ дѣлѣ, правда, и дабы той печати, которая еще дѣйствуетъ независимо, дать, наконецъ, вздохнуть (Luft verschaffen), чтобы она могла противостать той подавляющей конкурренціи и продолжать свое существованіе. Это еще не все. Мнѣ кажется, долгъ настоятельно велитъ намъ озаботиться, чтобы люди, работающіе въ печати, были поставлены въ лучшее матеріальное положеніе. При нынѣшнихъ условіяхъ и дороговизнѣ, издатели могутъ думать только о томъ, какъ бы свесть концы съ концами, и потому они не въ состояніи платить своимъ умственнымъ работникамъ то, чего ихъ работа сто́итъ, и я убѣжденъ, что нѣмецкая печать во многихъ отношеніяхъ и не стоитъ на той высотѣ, которой она могла бы и должна достигнуть, именно вслѣдствіе того, что этимъ людямъ не дается такая плата, которой они давно заслуживаютъ. Если бы я думалъ, что за отмѣной штемпельной пошлины издатели сбереженныя такимъ образомъ деньги просто положатъ себѣ въ карманъ, то признаюсь, я менѣе горячо интересовался бы этимъ дѣломъ. Но я полагаю, что собственный ихъ интересъ побудитъ ихъ дать достаточную плату и ихъ сотрудникамъ. Конечно, въ этомъ не нуждаются тѣ газеты, которыя получаютъ субсидіи изъ „пресмыкающагося фонда“, а также органы большихъ коммерческихъ предпріятій. Но тѣ *немногія* газеты, которыя еще остаются независимыми, нуждаются въ нашей

---

[1]) Намекъ на аудіенцію англійскихъ и другихъ корреспондентовъ у Бисмарка и вообще на «инспирированіе» со стороны министерства иностранныхъ дѣлъ.

помощи. Итакъ, въ интересѣ правды, и въ интересѣ тѣхъ людей, которые день и ночь работаютъ для печати и отчасти влачатъ истинно-бѣдственное существованіе, я убѣдительно прошу васъ, единогласно принять это предложеніе, а правительство прошу ясно и неуклончиво высказать, какъ оно къ этому предложенію относится."

Правительство въ лицѣ новаго вице-президента министерства, министра финансовъ Кампгаузена не вняло однако же просьбѣ Виндгорста, въ томъ смыслѣ, что дало именно уклончивый отвѣтъ: вопросъ этотъ долженъ подлежать рѣшенію имперскаго сейма, при обсужденіи внесеннаго правительствомъ проекта закона о печати. Проектъ этотъ, который, ставъ извѣстнымъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, возбудилъ всеобщій протестъ (даже со стороны феодальнаго органа) по своему реакціонерному, по германскимъ условіямъ, духу, правительство, какъ объявилъ Кампгаузенъ не намѣрено взять назадъ, но будетъ выжидать его обсужденія. При этомъ, Кампгаузенъ, котораго недавнее назначеніе національно-либеральные органы привѣтствовали, какъ залогъ либерализма правительства, счелъ долгомъ замѣтить, что „хотя желательна свобода печати, насколько она совмѣстима съ порядкомъ въ государственной жизни (so weit sie mit der Ordnung im Staatsleben verträglich ist), но не менѣе желательно, чтобы основныя опоры (Grundpfeiler) государства не потрясались разнузданной (zügellose) печатью". Предложеніе Бернардса было принято въ засѣданіи 3-го декабря большинствомъ 351 голоса противъ 5-ти, т.-е., почти единогласно. Пять голосовъ противъ предложенія были поданы министрами графомъ Эйленбургомъ и Фалькомъ, и депутатами: барономъ фонъ-Мантейфелемъ, графомъ фонъ-Гохбергъ-Фюрстейнштенъ-Гаукомъ и фонъ-Штудницомъ.

Это и было единственное изъ либеральныхъ предложеній центра, за которое рѣшились подать голоса національные либералы и прогрессисты. Они и это сдѣлали съ дурно скрываемою досадою, что предложеніе исходило изъ центра. Вождь національныхъ либераловъ, прославляемый Ласкеръ, котораго либеральныя обличенія доходятъ повидимому не выше ранга тайныхъ совѣтниковъ (дѣло Вагенера), остановилъ Бернардса при самомъ внесеніи предложенія возраженіемъ, что палата еще не „конституировалась", т.-е. не кончила избранія своихъ дѣлопроизводителей. Вождь прогрессистовъ, Вирховъ, нѣкогда славный въ оппозиціи, объявляя себя въ пользу принятія предложенія, тѣмъ не менѣе въ длинной своей рѣчи занимался только упреками клерикаламъ, зачѣмъ именно они внесли это предложеніе: „вы черните его", остроумно замѣтилъ онъ. И остроуміе Вирхова стало „благонамѣренно", какъ остроуміе „Кладдерадача". Онъ читалъ клерикаламъ текстъ одной папской энциклики, которая объявляетъ свободу печати—erronea opinio et deliramentum. Все это

совершенно вѣрно, но все это было бы умѣстно, еслибы папа царствовалъ въ Пруссіи. А то Вирховъ потратилъ все свое краснорѣчіе на упреки клерикаламъ по поводу такого предложенія, за которое самъ подалъ голосъ, а не нашелъ ни слова о томъ, что̀ существуетъ въ Пруссіи и противъ чего предложеніе было направлено. О Pressbureau, субсидіяхъ прусскимъ и иностраннымъ газетамъ, въ рѣчи вождя прогрессистской партіи не было и помину, какъ будто ничего этого не существуетъ, или какъ будто для прусскаго общества важнѣе то, что̀ сказалъ Пій IX или Григорій XVI, чѣмъ то, что̀ дѣлаетъ прусское правительство. Вотъ одно изъ рѣзкихъ явленій той „либеральной фальши", которая съ 1870 года стала водворяться въ Пруссіи и которая сама по себѣ опаснѣе самыхъ строгихъ мѣръ правительства.

„Кёльнская" газета объявила сообщеніе Виндгорста относительно ея „неправдой", утверждая, что она сохраняетъ полную независимость. Но нельзя не замѣтить, что „Кёльнская" газета постоянно хранила глубокое молчаніе о бюро̀ по дѣламъ печати, какъ будто его не существуетъ. Этотъ органъ имѣетъ свѣдущихъ корреспондентовъ, которые исправно извѣщаютъ его читателей даже о весьма второстепенныхъ фактахъ происходящихъ за границею, въ томъ числѣ и въ Россіи. Такъ напр. „Кёльнская" газета была въ состояніи сообщить о проектѣ преобразованія нашихъ училищныхъ совѣтовъ, даже съ указаніемъ на мотивы, проведенные въ докладѣ по этому предмету, который опубликованъ не былъ. Объ одномъ корреспонденты этой газеты не говорятъ никогда ничего: о дѣйствіяхъ берлинскаго Pressbureau, повидимому, имъ даже неизвѣстно, есть ли въ Пруссіи какія-либо газеты, поддерживаемыя правительствомъ, кромѣ полуоффиціальныхъ его органовъ: „Сѣверогерманской" газеты и „Провинціальной" корреспонденціи. Обстоятельство это трудно объяснить чѣмъ-либо, и менѣе всего, конечно, можно утверждать, что свѣдѣнія о такихъ вещахъ не имѣютъ ни интереса, ни важности.

Что касается разоблаченій Виндгорста, то не излишне будетъ сопоставить съ нимъ взглядъ, высказанный о томъ же предметѣ кн. Бисмаркомъ въ то время, когда онъ еще былъ посланникомъ въ Петербургѣ. Въ достовѣрной біографіи его, написанной Гезекилемъ, помѣщено письмо его къ тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ, отъ 12-го мая 1859 г., письмо знаменитое тѣмъ, что въ немъ Бисмаркъ высказывался весь, какимъ узнали его впослѣдствіи. Тамъ есть слѣдующее мѣсто: „Не безъ безпокойства замѣчалъ я, какое единодержавіе присвоила себѣ Австрія надъ германской печатью, посредствомъ ловко растянутой сѣти своего вліянія, и какъ она умѣетъ пользоваться этимъ оружіемъ... Общее ничтожество духа играетъ при этомъ важную роль, а не меньшую и *цванцигеры*, кото-

рыхъ у Австріи всегда хватитъ на такое дѣло. Большинство корреспондентовъ пишутъ изъ-за куска хлѣба, большинство газетъ имѣютъ главной цѣлью доходность, и въ тонѣ нѣкоторыхъ изъ нашихъ и другихъ газетъ опытный читатель легко усматриваетъ, получили ли онѣ вновь субсидію отъ Австріи, или ожидаютъ ея вскорѣ, или добиваются ея посредствомъ угрожающихъ намековъ. Думаю, что намъ было бы возможно произвесть значительный переворотъ въ общественномъ настроеніи, если бы мы въ печати ударили по струнѣ самостоятельной прусской политики" и т. д. Единодержавіе въ Германіи самъ Бисмаркъ перенесъ изъ рукъ Австріи въ руки Пруссіи, и въ распоряженіи прусскаго правительства нынѣ находится гораздо больше талеровъ, чѣмъ было цванцигеровъ въ рукахъ Австріи, въ какое-либо время.

Мы уже сказали, что изъ всѣхъ либеральныхъ попытокъ католическаго центра, либералы поддержали только одну—предложеніе объ отмѣнѣ штемпеля съ газетъ —всѣ прочія они отвергли. Запросъ о министерской отвѣтственности прошелъ безслѣдно. Предложеніе Виндгорста о введеніи въ Пруссіи всеобщаго, прямого избирательства, въ засѣданіи 26-го ноября, было отложено на шесть мѣсяцевъ, то-есть устранено, большинствомъ 271 голоса противъ 91, послѣ рѣчи Ласкера, который доказывалъ „несвоевременность" этого предложенія, такъ какъ у прусской палаты въ настоящее время и безъ того много дѣла. Прогрессисты совѣщались съ національными либералами въ частномъ собраніи только о томъ, въ какой болѣе благовидной формѣ „похоронить" предложеніе Виндгорста, и вотъ остановились на формѣ шестимѣсячной отсрочки. О поддержкѣ же этому, чисто-демократическому предложенію со стороны прогрессистовъ не было и рѣчи съ самаго начала и, при вотированіи, весь лагерь гг. Вирхова и Леве подалъ голосъ съ національными либералами противъ предложенія.

Предложеніе члена центра Шрёдера относительно вознагражденія представителямъ въ имперскомъ сеймѣ было отвергнуто переходомъ къ очередному порядку, въ засѣданіи 10-го декабря, но уже только большинствомъ голосовъ 219 противъ 169. Бóльшая часть прогрессистовъ устыдились подать голоса противъ этого, тоже совершенно демократическаго предложенія, противъ мѣры, которую постоянно отстаивали доселѣ прогрессистскіе органы. Но такихъ прогрессистовъ, которые имѣли мужество отвергнуть свой принципъ, оказалось все-таки достаточное число, чтобы вмѣстѣ съ національными либералами составить большинство.

На этомъ кончаются либеральныя попытки католическаго центра. Теперь мы перейдемъ къ той части его похода, въ которой центръ являлся уже адвокатомъ pro domo, возставалъ на защиту интересовъ католической церкви. Главное мѣсто здѣсь принадлежало пред-

ложенію, внесенному Рейхеншпергеромъ о перемѣнѣ образа дѣйствій относительно католической церкви, то-есть, въ дѣйствительности объ отмѣнѣ закона Фалька [1]); второе мѣсто принадлежало заявленіямъ центра противъ закона объ обязательности гражданскаго брака, внесеннаго правительствомъ. Пренія по предложенію Рейхеншпергера происходили въ томъ же засѣданіи 10-го декабря. Предложеніе это состояло въ слѣдующемъ: объявить королевскому правительству, что церковный миръ, нарушенный съ 1871 года, не можетъ быть возстановленъ предложеніемъ того пути, на который вступило въ послѣднее время зоконодательство и администрація, но наоборотъ—возвращеніемъ къ прежнимъ принципамъ. Само собою разумѣется, что предложеніе это не могло быть принято. Съ какой стати палата потребовала бы отмѣны законовъ Фалька, которыя сама утвердила въ прошломъ году?

Рейхеншпергеръ сказалъ въ сущности слѣдующее: все, чтó говорится о несогласномъ съ патріотизмомъ настроеніи германскихъ католиковъ — неправда. Католики, во время войны съ Франціею, принесли наибольшія жертвы; въ рейнской провинціи добровольныхъ денежныхъ пожертвованій собрано было по 15-ти зильбергрошей на душу населенія, въ провинціи Пруссіи только 2 зильбергроша, а въ Бранденбургѣ всего 1 зильбергрошъ; что войска всей Германіи соединились въ одну армію противъ врага отечества, и что вслѣдствіе того одержаны были славныя побѣды, и въ этомъ существенная услуга была оказана католиками (Ого! *слѣва*). „Да, господа, потому что дѣло это было достигнуто рѣшеніемъ большинства баварской палаты [2]) и мобилизированіемъ баварской арміи. Дѣло было рѣшено большинствомъ баварской палаты, а рѣшеніе это было вызвано не чѣмъ инымъ, какъ усиліями моихъ друзей и моими личными усиліями (Смѣхъ *слѣва*). Моимъ свидѣтелемъ можетъ быть г. Ласкеръ (*Ласкеръ:* Этó вѣрно!). Какимъ образомъ въ избирательной агитаціи съ нашей стороны усматриваютъ объявленіе войны? Напомню еще, кто былъ первый, кто предложилъ въ сеймѣ, 24-го ноября, учрежденіе германской имперіи. Между тѣмъ, намъ говорятъ, что католики „по необходимости“ должны быть враждебны имперіи. Наше положеніе въ имперіи искажаютъ ложью, и самый заклятый врагъ, съ умомъ Маккіавеля и съ перомъ Руссó, не могъ бы сдѣлать болѣе вреда Германіи, чѣмъ тѣ, кто распространяетъ эту ложь. Г. Вирховъ возражаетъ мнѣ, что мы не можемъ быть друзьями свободы, ибо тогда мы были бы мятежниками противъ Рима и силлабуса. Стран-

---

[1]) Прямое предложеніе о ихъ отмѣнѣ было внесено Маллинкродтомъ, но не обсуждалось за его болѣзнію.

[2]) Извѣстно, что баварское правительство въ первую минуту колебалось.

ный пріемъ—заглядывать въ нашу совѣсть. Радуйтесь же тому, что мы станемъ мятежниками противъ Рима, если этому вѣрите. Наше министерство знакомо съ доносами въ Римѣ (die Denunciation nach Rom) [1]). Да, господа, это уже практиковалось. Но будьте увѣрены въ томъ, что наша политика совершенно не зависитъ отъ порицанія или одобренія его святѣйшества папы. Мѣры, принятыя противъ католической церкви, суть просто мѣры преслѣдованія. Хотя для нихъ нарочно и измѣнили двѣ статьи въ прусской конституціи, но онѣ тѣмъ не менѣе противорѣчатъ ей, потому что майскіе законы (Фалька) просто направлены къ уничтоженію церкви, такъ какъ даютъ президенту провинціи право лишать духовныхъ возможности проповѣдывать евангеліе. Развѣ, когда оно проповѣдывалось въ первый разъ, испрошено было для этого позволеніе синедріона, Ирода и Пилата? То, что дѣлаютъ епископы—есть просто ихъ долгъ. Пассивное сопротивленіе незаконнымъ требованіямъ законно".

Министръ духовныхъ дѣлъ Фалькъ возражалъ Рейхеншпергеру, не столько защищая свои законы, сколько обвиняя противниковъ и ссылаясь на неизмѣнность воли *правительства*. „Прусскіе епископы, говорилъ онъ, заключили между собою союзъ (haben sich verbündet) съ такой цѣлью, чтобы ставить выше закона своей страны малѣйшій знакъ (Wink) одного человѣка, живущаго внѣ ихъ отечества. Вы говорите о пассивномъ сопротивленіи, но я называю *активнымъ* сопротивленіемъ такія дѣйствія, какъ сопротивленіе вопреки закону и назначеніе приходскихъ священниковъ епископами безъ увѣдомленія о томъ (правительства). Когда государство серьёзно приглашаетъ и неправильно—назначенныхъ не исполнять требъ, а епископы даютъ имъ противоположное приказаніе,—это я называю сопротивленіемъ активнымъ". Въ числѣ перечисленныхъ министромъ фактовъ сопротивленія, выказаннаго епископами, былъ курьёзный фактъ, что епископъ Падерборнскій Мартинъ, на котораго начислено много штрафовъ за назначеніе священниковъ безъ согласія администраціи, перевелъ всю свою движимость на имя своего брата. Фалькъ вообще плохой ораторъ, а на этотъ разъ онъ погрѣшилъ противъ такта, прямо обличая своего предмѣстника фонъ-Мюлера въ потачкѣ клерикаламъ. Что Мюлеръ находился подъ клерикальными вліяніями—это не подлежитъ сомнѣнію, но онъ въ настоящее время человѣкъ, такъ сказать, „отпѣтый", и во всякомъ случаѣ Фалькъ сдѣлалъ бы лучше, сообщивъ свои свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Мюлера кому-нибудь другому, и не выступая съ ними лично. Главнымъ же аргументомъ рѣчи министра духовныхъ дѣлъ былъ тотъ, что такъ какъ правительство

---

[1]) Вѣроятно намекъ на то, что папа, узнавъ о либеральныхъ предложеніяхъ центра, по слухамъ, не одобрилъ ихъ.

выказало твердую рѣшимость исполнять майскіе законы и намѣрено еще дополнить ихъ нѣкоторыми новыми мѣрами въ томъ же смыслѣ, то невозможно ожидать, чтобы оно рѣшилось отступить. „Неужели вы полагаете, что правительство, которое уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ не оставило вамъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ этомъ отношеніи, согласится взять теперь тѣ законы обратно? Прусское правительство никогда не пойдетъ на такое предложеніе". Аргументъ этотъ, хотя невполнѣ парламентскій, былъ самый вѣскій изъ аргументовъ Фалька. Что касается до сущности вопроса объ отношеніяхъ государства къ церкви, то министръ рѣшительно отвергъ принципъ отдѣленія государства отъ церкви, свободной церкви въ свободномъ государствѣ. „Въ виду громадной силы церкви", сказалъ онъ, „такое отношеніе не привело бы къ цѣли; правительство убѣждено, что оба фактора должны дѣйствовать совмѣстно (neben einander wirken) и потому объявляетъ вамъ, что оно самымъ серьёзнымъ образомъ занято выработкою дальнѣйшихъ проектовъ законовъ въ томъ же смыслѣ, чему вы скоро увидите доказательство".

Нашъ взглядъ на сущность этого вопроса извѣстенъ. Это взглядъ тѣхъ немногихъ прусскихъ прогрессистовъ, которые, нисколько несочувствуя клерикальнымъ тенденціямъ, конечно, и считая одной изъ важнѣйшихъ, настоятельнѣйшихъ задачъ общества сбросить съ себя совершенно всякія клерикальныя узы, тѣмъ не менѣе, подавали голоса противъ законовъ Фалька, потому что эти законы узаконяютъ и упрочиваютъ нераціональную связь свѣтскаго съ духовнымъ, навязываютъ государству церковныя обязанности, даже вмѣшиваютъ его въ вопросы о догматахъ и о соблюденіи или несоблюденіи каноническихъ правилъ. Какъ бы ни велика была сила католической іерархіи въ Пруссіи, гдѣ огромное большинство населенія и само правительство принадлежитъ къ протестантству, сила эта во всякомъ случаѣ тамъ меньше, чѣмъ въ Италіи. И однако же въ Италіи свободная церковь существуетъ въ свободномъ государствѣ, съ очевидной выгодой для послѣдняго. Тамъ свѣтская власть не караетъ епископовъ за оппозицію гораздо болѣе рѣзкую, чѣмъ назначеніе священниковъ безъ разрѣшенія бюрократіи, избирательная агитація духовенства не выставляется итальянскимъ правительствомъ, какъ признакъ измѣны отечеству, союза съ Франціею и соціалистами противъ престола и отечества; и между тѣмъ правительство, несмотря на сплошную принадлежность всего населенія къ католицизму, несмотря даже на личную набожность короля, совершенно безпрепятственно отчуждаетъ недвижимыя имущества духовныхъ конгрегацій, закрываетъ даже богословскіе факультеты въ университетахъ и закрываетъ клерикальный римскій университетъ. Пусть Фалькъ говоритъ, что это не ведетъ къ цѣли (zum Re-

sultate). Но спрашивается, каковъ тотъ „результатъ“, котораго желаютъ? Если желаютъ не просто устраненія клерикальнаго элемента изъ законодательства и управленія, но наоборотъ, хотятъ удержать и впредь это смѣшеніе, съ тѣмъ только, чтобы создать изъ „національной церкви“ послушное орудіе въ рукахъ бюрократіи, короче, если правительство хлопочетъ только объ усиленіи своей власти, не терпя никакой самостоятельной силы въ странѣ—въ такомъ случаѣ, конечно, итальянскіе законы, англійскіе и американскіе законы, въ ихъ отношеніи къ католичеству, не ведутъ къ „результату“. Предложеніе Рейхеншпергера было устранено переходомъ къ очередному порядку, принятымъ 288 голосами противъ 95.

Совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ Фальковы законы, имѣетъ другая мѣра, которую тотъ же министръ внесъ въ палату, въ томъ же засѣданіи 10-го декабря. Мы говоримъ о законѣ, установляющемъ обязательность гражданскаго брака. Здѣсь уже правительство стоитъ на твердой почвѣ, стремленія его вполнѣ раціональны; хотя законъ этотъ является какъ новое оружіе противъ клерикаловъ, но оно безусловно право, употребляя противъ нихъ оружіе такого рода. Все, что ведетъ къ исключенію клерикальныхъ узъ изъ законодательства, можетъ быть только привѣтствуемо истинными либералами, и вотъ самое дѣйствительное средство для борьбы съ вѣчнымъ стремленіемъ духовенства къ порабощенію общества. Нѣтъ нужды излагать преній по этому вопросу; слишкомъ ясно, чтó могло быть сказано съ обѣихъ сторонъ. Само собою разумѣется, что католики отвергали этотъ законъ, какъ они отвергали все, чтó противорѣчитъ церковной точкѣ зрѣнія. Но необходимо изложить сущность этого новаго закона. Гражданскій (юридическій) бракъ и доселѣ существовалъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Пруссіи, но обязательнымъ не былъ. Поэтому, такимъ факультативнымъ правомъ пользовались лишь въ исключительныхъ случаяхъ, напримѣръ, когда послѣ долговременнаго сожительства хотѣли придать ему законную форму. Нынѣшній законъ вводитъ обязательность гражданскаго брака, независимо отъ вѣнчанія въ церкви. Главная цѣль его — предупредить ту анархію въ гражданскихъ правахъ, какая неизбѣжно возникла бы изъ непризнанія государствомъ приходскихъ священниковъ, поставляемыхъ католическими епископами безъ согласія администраціи. Не будь этого побужденія, нынѣшнее прусское правительство, по всей вѣроятности, никогда не предложило бы этой либеральной мѣры. По крайней мѣрѣ министръ духовныхъ дѣлъ откровенно высказалъ, что „правительству было тяжело (es ist dem Staatsministerium schwer geworden) предложить палатѣ этотъ законъ. Только по самомъ серьёзномъ и внимательномъ обсужденіи, министерство единогласно рѣшило убѣдительно (dringend) просить его величество внесть это

предложенie въ палаты". Далѣе министръ, съ той же откровенностью, признался, что законъ этотъ сталъ необходимъ именно вслѣдствie оппозицiи католическаго духовенства, а затѣмъ уже, для соблюденiя равноправности (Parität) долженъ быть распространенъ и на протестантскую церковь.

Изложимъ теперь основныя черты закона. Удостовѣренie, т.-е., совершенie актовъ о рожденiяхъ, вступленiи въ бракъ и смерти производится исключительно особыми чиновниками (Standesbeamten, officiers de l'état-civil), посредствомъ занесенiя въ регистры (метрическiя книги). Чиновники эти подчинены прокурору при мѣстномъ судѣ первой инстанцiи. О рожденiи ребенка заявляется мѣстному Standesbeamte въ теченiи первой недѣли; при этомъ отецъ незаконнаго ребенка можетъ лично заявить, что дитя принадлежитъ ему. Бракъ признается и сообщаетъ гражданскiя права только при заключенiи его у Standesbeamte, посредствомъ занесенiя въ книгу. Этому заключенiю брака предшествуетъ оглашенie въ установленной формѣ, посредствомъ объявленiя вывѣшеннаго при дверяхъ ратуши или волостного правленiя. Уполномоченный по веденiю метрикъ (Standesbeamte) можетъ отказать въ совершенiи брака, если усмотритъ препятствie къ нему. О каждомъ смертномъ случаѣ сообщается не позже слѣдующаго дня уполномоченному, погребенie не можетъ быть совершаемо безъ его свидѣтельства, которое должно служить и юридическимъ удостовѣренiемъ факта кончины. За несоблюденie каждаго изъ приведенныхъ постановленiй полагается штрафъ до 50 талеровъ или арестъ. Законъ вступаетъ въ дѣйствie съ — числа, — мѣсяца 1874 года (пробѣлы, такъ какъ требуется еще согласie обѣихъ палатъ). Палата представителей успѣла, до рождественскихъ вакацiй, провесть этотъ законъ въ двухъ чтенiяхъ. Первое засѣданie ея послѣ праздниковъ будетъ 12-го января. Предстоитъ еще третье чтенie закона въ ней, а затѣмъ обсужденie его въ верхней палатѣ, гдѣ онъ, навѣрное, найдетъ менѣе благопрiятную встрѣчу.

Внесенie этого закона нельзя вмѣнить въ либеральную заслугу прусскому правительству; оно само сознадось, что ему тяжело было предложить его, и съ его стороны это опять—либерализмъ на чужой счетъ, безъ малѣйшей уступки изъ правъ принадлежащихъ власти. Но тѣмъ не менѣе, съ осуществленiемъ этого закона Пруссiя сдѣлаетъ важный шагъ на пути къ свободѣ гражданской, хотя не политической. Гражданскiй бракъ есть одно изъ необходимыхъ условiй избавленiя общества отъ власти духовенства и установленie свободы совѣсти.

Имперскiй сеймъ распущенъ императорскимъ декретомъ 1-го декабря, и новые выборы назначены на 10-е января 1874 г. На этотъ

разъ, въ выборахъ будетъ участвовать и населеніе Эльзаса-Лотарингіи. Депутаты сѣвернаго Шлезвига въ прусской палатѣ Кригеръ и Альманъ отказались принесть присягу на вѣрность конституціи и затѣмъ сложили съ себя полномочіе. Министръ земледѣлія, графъ Кенигсмаркъ, подалъ въ отставку и преемникъ ему еще не назначенъ.

Князь Бисмаркъ пріѣхалъ 16-го декабря въ Берлинъ. Союзный совѣтъ утвердилъ 12-го декабря уже принятое имперскимъ сеймомъ въ прошлой сессіи предложеніе Ласкера, о распространеніи компетентности имперскаго законодательства на область гражданскаго права во всѣхъ государствахъ союза. При этомъ состоялось въ союзномъ совѣтѣ большинство всѣхъ голосовъ противъ 4-хъ. Императоръ былъ почти постоянно нездоровъ, но нездоровье это только по временамъ прерывало обычныя его занятія. Въ Берлинѣ „событія" въ военныхъ кругахъ имѣютъ всегда большую важность въ разговорахъ, хотя сами по себѣ они иногда и не важны. Такъ, въ послѣдніе два мѣсяца надѣлалъ много шума въ Берлинѣ слухъ о дуэли фельдмаршала Мантейфеля съ генераломъ графомъ фонъ-деръ-Гребеномъ, который, по слуху, умеръ отъ полученной раны. Слухъ этотъ былъ опровергнутъ „Крестовою газетою", но „Кельнская газета" утверждала, что ему все-таки продолжали вѣрить. „Другое событіе" въ томъ же родѣ, былъ выходъ изъ прусской арміи герцога Вильгельма Мекленбургскаго [1]), командовавшаго дивизіей, котораго корпусный командиръ генералъ фонъ-Бозе посадилъ подъ арестъ за несправедливое имъ арестованіе одного офицера. Упомянемъ еще объ интересномъ запросѣ депутата Любенскаго въ прусской палатѣ, почему министерство народнаго просвѣщенія запретило воспитанникамъ гимназій въ Познани слушать частные уроки закона Божія подъ опасеніемъ выключенія изъ гимназій. Министръ отвѣчалъ, что вслѣдствіе несогласій съ архіепископомъ, графомъ Ледоховскимъ, правительство принуждено было опредѣлять въ гимназіи свѣтскихъ законоучителей. Тогда духовенство открыло частныя школы или курсы закона Божія, запрещая учиться ему у свѣтскихъ наставниковъ, неимѣющихъ missio canonica отъ архіепископа. По мнѣнію министра это вело къ нарушенію дисциплины, котораго правительство не могло допустить, а потому оно и запретило ученикамъ гимназій посѣщать такія частныя школы.

Вообще борьба правительства съ католическимъ духовенствомъ продолжается усиленно, и никакого исхода ей не предвидится. Архіепископъ Познанскій, послѣ штрафовъ наложенныхъ на него за

---

[1]) Командовалъ кавалеріею при преслѣдованіи французовъ послѣ битвы при Ле-Мансѣ.

назначеніе священниковъ безъ увѣдомленія администраціи, былъ приглашенъ президентомъ провинціи сложить съ себя званіе архіепископа, за непослушаніе законамъ. Архіепископъ отвѣчалъ отказомъ и теперь привлеченъ къ верховному суду по церковнымъ дѣламъ. Князь-епископъ Бреславльскій приговоренъ къ штрафамъ въ суммѣ 11,500 талеровъ или двухгодичному заключенію за то-же самое, т.-е., за назначеніе священниковъ безъ согласія администраціи, а епископъ Падеборнскій за то же самое лишенъ содержанія. Папа съ своей стороны прислалъ графу Ледоховскому (архіепископу Познанскому) письмо съ одобреніемъ его дѣйствій и издалъ новую энциклику, въ которой рѣзко порицаетъ дѣйствія прусскаго правительства и разныхъ другихъ. Между тѣмъ, королевскимъ декретомъ отъ 6-го декабря измѣненъ текстъ присяги, приносимой епископами при вступленіи въ управленіе епархіею. Въ новой формулѣ пропущены слова, въ которыхъ упоминалось, что епископъ въ другой присягѣ, данной папѣ, не обязался ни къ чему противному присягѣ королю. Слова эти выпущены для того, чтобы епископы вовсе не могли ссылаться на присягу, данную папѣ; между тѣмъ, въ свое время на этой оговоркѣ настаивало само прусское правительство, которое теперь убѣдилось, что лучше вовсе не упоминать о присягѣ папѣ, чѣмъ пытаться какою-либо формулой ограничить ея значеніе. Вотъ то же самое можно сказать и о всемъ этомъ вопросѣ: лучше вовсе исключить изъ законодательства признаніе церкви, чѣмъ пытаться какими-либо дополнительными законами измѣнить ея значеніе. Борьба государства съ церковью, какъ мы уже однажды замѣтили, есть борьба звѣря—на землѣ, съ птицей—въ облакахъ.

Въ своей послѣдней энцикликѣ, отъ 21-го ноября, папа, между прочимъ, отлучилъ отъ церкви „старокатолическаго" епископа Рейнкенса, котораго теперь признаютъ, одно за другимъ, правительства Германіи. „А какъ учитъ св. Кипріанъ"? вопрошаетъ на это Рейнкенсъ, въ своемъ отвѣтѣ—„онъ учитъ, что епископъ не долженъ ничего дѣлать безъ согласія паствы. Пій IX говоритъ, что епископъ старокатоликовъ самъ призываетъ на свою главу осужденіе Іисуса Христа, какъ тать и разбойникъ, ибо входитъ не чрезъ дверь, но инымъ путемъ. А какъ вошелъ въ апостольское служеніе апостолъ Павелъ? Не чрезъ Петра, но чрезъ Іисуса, а кто же дерзалъ сказать, будто Павелъ вошелъ, какъ тать и разбойникъ"? Не ясно ли до очевидности, что государству не должно быть дѣла до такихъ препирательствъ; что оно лучше всего сдѣлало бы, не только не признавая вновь Рейнкенса, но переставъ признавать и самого Пія IX и возиться съ его „возлюбленными братьями", т.-е., епископами и всякимъ духовенствомъ вообще.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА.

24-го декабря, 1873.

Исходъ роялистскихъ интригъ и процесса маршала Базена.

Отъ графа Шамбора еще недавно зависѣло вполнѣ сдѣлаться королемъ Франціи, и если претендентъ не былъ провозглашенъ королемъ, то это случилось потому, что онъ самъ этого не захотѣлъ. Отъ него требовалась всего одна уступка: признаніе трехцвѣтнаго знамени, и всѣ разсчитывали, что онъ рѣшится дать на нее свое согласіе. Только теперь стало извѣстно, что этотъ вопросъ не только никогда не былъ рѣшенъ, но даже и не былъ обстоятельно обсуждаемъ во время переговоровъ, происходившихъ въ Зальцбургѣ и Фросдорфѣ между претендентомъ и представителями роялистской коалиціи. Графъ Шамборъ очевидно не былъ поставленъ въ необходимость ясно высказаться по этому предмету; его отвѣтъ не означалъ собственно ни *да*, ни *нѣтъ*, и уполномоченные по возвращеніи своемъ въ Версаль, отдавая отчетъ о результатѣ возложеннаго на нихъ порученія, несомнѣнно преувеличивали значеніе того, что̀ подразумѣвалось въ словахъ претендента. Вѣроятно, они и сами отчасти заблуждались, а члены коалиціи, увлеченные горячимъ желаніемъ достичь вождѣленнаго успѣха въ своихъ замыслахъ, поддались искушенію довольствоваться малымъ и не особенно напирали на категорическое выясненіе сущности дѣла. Роялисты либеральнаго оттѣнка или, говоря иначе, орлеанисты преимущественно старались увѣрить себя и другихъ, что графъ Шамборъ изъявилъ согласіе на уступку, такъ какъ при всемъ своемъ страстномъ желаніи водворить монархическое правленіе, они понимали, что этого никакъ нельзя добиться, не отрекшись отъ бѣлаго знамени. Большинство легитимистовъ пришло къ тому же убѣжденію и скорѣе инстинктивно, чѣмъ сознательно держалось той же тактики. Одинъ правый центръ продолжалъ прямо, хотя и весьма неразумно утверждать, что „король" не уступилъ и не долженъ уступать. Эти противорѣчивыя утвержденія сильно поколебали авторитетъ фросдорфскихъ посланниковъ и вызвали необходимость непосредственнаго заявленія со стороны претендента, которому не оставалось другого выбора, какъ открыто признать трехцвѣтное знамя или отказаться отъ всякихъ надеждъ на престолъ. Можно, кажется, безошибочно сказать, что пока велась монархическая интрига, мнѣніе претендента по этому вопросу не

было твердо установлено; я не вѣрю, чтобы делегаты могли выдумать все отъ начала до конца: вѣроятно, во время переговоровъ были сказаны такія слова, которыя легко можно было истолковать въ смыслѣ согласія; что касается меня, то я полагаю, что претендентъ дѣйствовалъ нерѣшительно, колебался и что только въ послѣднюю минуту, когда увидалъ, что дѣло вовсе не такъ просто, какъ ему это казалось издали, испугался сильной оппозиціи, на которую ясно указывало настроеніе общественнаго мнѣнія страны, и рѣшился отступить подъ почетнымъ прикрытіемъ бѣлаго знамени. Если бы онъ все время оставался непоколебимымъ, то мнѣ кажется, онъ не могъ бы въ теченіе нѣсколькихъ недѣль хранить молчаніе и не выводить изъ заблужденія своихъ сторонниковъ. Говорятъ, что опасенія графини Шамборъ сильно повліяли на окончательное рѣшеніе. Носятся слухи, что эта принцесса страшилась престола, которому грозятъ со всѣхъ сторонъ явныя опасности. Послѣднія событія вполнѣ обрисовали характеръ претендента, онъ является настоящимъ Гамлетомъ легитимизма, т.-е., человѣкомъ слабой воли, лишеннымъ всякой практической энергіи; даже послѣ обнародованія знаменитаго письма, онъ все еще не рѣшался распрощаться съ своими надеждами; онъ пріѣзжалъ въ Версаль, выжидалъ тамъ разрѣшенія кризиса, пережитаго недавно національнымъ собраніемъ и о которомъ я намѣренъ поговорить подробнѣе ниже; разсказываютъ, что онъ и тутъ колебался и былъ готовъ сообразоваться съ обстоятельствами: то собирался проникнуть въ собраніе съ цѣлью развить свои права, то хотѣлъ выѣхать верхомъ на лошади и обратиться прямо къ народу, но въ концѣ-концовъ не сдѣлалъ ничего и уѣхалъ, тщетно прождавъ сверхъестественнаго вмѣшательства Провидѣнія, на которое, быть можетъ разсчитывалъ. Съ тѣхъ поръ онъ появлялся еще въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ Франціи, ѣздилъ въ Бордо, показывался въ По, въ Марсели и совершилъ пилигримство въ Лурдъ, послѣ чего уже окончательно удалился въ свою фросдорфскую ѳиваиду. Нужно полагать, что этимъ и завершится политическая роль претендента и что отнынѣ личность его исчезнетъ со страницъ лѣтописи, долженствующей служить матеріаломъ для будущаго историка Франціи.

Неудача монархическаго замысла была тяжелымъ ударомъ для анти-республиканскаго большинства собранія, но ему слѣдуетъ отдать справедливость: оно перенесло свое пораженіе съ большимъ присутствіемъ духа и мужествомъ. Ударъ былъ тѣмъ чувствительнѣе, что роковая развязка совершилась какъ разъ наканунѣ возобновленія засѣданій собранія и, слѣдовательно, приходилось немедленно сговориться и придти къ какому-нибудь соглашенію въ виду торжества республиканцевъ и полнаго смятенія собственной партіи. Благодаря солидарности съ маршаломъ Макъ-Магономъ, роялисты скоро согла-

сились на счетъ будущаго плана дѣйствій. Нечего и говорить, что будь они способны держаться въ политикѣ вполнѣ честнаго и благороднаго образа дѣйствій, они избрали бы иной путь. Такъ какъ они стремились основать монархію и потерпѣли неудачу; такъ какъ легитимистская монархія рухнула, а другая комбинація послѣ добровольнаго отреченія орлеанской династіи не была возможна, и они не желали имперіи взамѣнъ монархіи, то имъ слѣдовало бы открыто и искренно признать республику, не отказываясь отъ доли законнаго участія въ ея дѣлахъ и устремивъ свои усилія на поддержаніе въ ней умѣренныхъ принциповъ. Но узкій, страстный и даже, можно сказать, пристрастный духъ партій, господствующій во Франціи, не допустилъ ихъ принять такого честнаго и патріотическаго рѣшенія. Въ силу того, что имъ не удалось утвердить монархіи, они считаютъ себя вправѣ не только не помогать республиканцамъ въ дѣлѣ утвержденія республики, а наоборотъ, насколько можно, мѣшать имъ. Главная забота ихъ заключается въ томъ, чтобы лѣвая не воспользовалась пораженіемъ, понесеннымъ правой; что́ же касается интересовъ страны, то о нихъ они много не думаютъ.

Въ этомъ и состоитъ новая задача и руководящая цѣль роялистовъ, и нужно замѣтить, что, разъ задавшись ею, они проводятъ ее съ необыкновенной послѣдовательностью и смѣлостью. Программой, послужившей общимъ, связующимъ звеномъ было продленіе полномочій маршала Макъ-Магона, на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, окончательно установленный на семь лѣтъ. Эта комбинація встрѣтила бы конечно со стороны республиканцевъ мало возраженій, если бы имъ сдѣлали уступку и приступили къ голосованію такъ-называемыхъ конституціонныхъ законовъ, то-есть, признали бы косвенно необходимость до нѣкоторой степени организовать республику. Откровенно говоря, ничто не могло быть разумнѣе этого требованія, такъ какъ крайне нелогично было продлить на весьма продолжительное время полномочіе президента, не опредѣливъ одновременно ни условій, ни границъ его власти. Но правая сторона, желая рѣзко обозначить характеръ своего плана дѣйствій, отстояла раздѣленіе этихъ двухъ вопросовъ, естественная связь которыхъ не подлежитъ сомнѣнію, и вопросъ о назначеніи срока полномочій президента былъ подвергнутъ голосованію безъ всякихъ условій. Правая стремилась и надѣялась этимъ путемъ овладѣть въ свою пользу диктатурой, подъ охраной надломленнаго, хотя и храбраго меча.

Въ настоящій моментъ существуетъ, правда, коммиссія конституціонныхъ законовъ, но она будетъ тянуть дѣло до безконечности и, по всей вѣроятности, труды ея не приведутъ ни къ чему. Правая положительно не хочетъ установленія республики, и также искренно

и положительно хочетъ сохранить за собой управленіе страной, и если возможно, пересоздать ее по собственному образу и подобію, въ ожиданіи болѣе удобныхъ временъ для водворенія монархіи. Она стремится захватить въ свои руки администрацію, и на-дняхъ уже уволены послѣдніе префекты, получившіе свое званіе отъ правительства 4-го сентября. Она жаждетъ подавленія враждебной ей или даже просто независимой прессы и съ этой цѣлью готовится возстановить законы императорскаго режима или создать нѣчто весьма къ нимъ близкое. Но самое завѣтное ея желаніе заключается въ томъ, чтобы овладѣть выборами, и она стремится выработать такой избирательный законъ, который бы подчинилъ ей всеобщую подачу голосовъ. Но къ ея несчастью это не такъ-то легко. Въ проектахъ конечно нѣтъ недостатка, но бѣда въ томъ, что изъ нихъ нѣтъ ни одного сколько-нибудь практичнаго. И въ сущности, если бы ей, т.-е. правой сторонѣ, удалось сильно ограничить число избирателей, предположимъ даже, совсѣмъ лишить низшіе слои общества избирательныхъ правъ, то и тогда она бы выиграла немного и результатъ выборовъ не измѣнился бы въ ея пользу.

Непопулярность собранія въ странѣ—вотъ врагъ, котораго она не въ силахъ побѣдить. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что эта непопулярность все растетъ, вслѣдствіе самой естественной и простой причины: она усиливается по мѣрѣ того, какъ большинство становится смѣлѣе, рѣшительнѣе и ярче проявляетъ свое преобладаніе въ національномъ собраніи. Всѣ новые выборы, производимые для замѣщенія умершихъ депутатовъ, даютъ республиканскихъ депутатовъ, и нѣкоторые изъ самыхъ послѣднихъ были чисто-радикальные, что́, по-моему, печально, но не можетъ быть устранено, именно благодаря всеобщему и постоянно увеличивающемуся раздраженію націи противъ національнаго собранія. Избиратели руководятся не только желаніемъ усилить республиканскую оппозицію, они стремятся выразить путемъ выборовъ самый ярый, часто даже скандальный протестъ противъ существующаго порядка. Приведемъ въ подкрѣпленіе нашихъ словъ примѣръ департамента Оды, гдѣ выбранъ депутатомъ явный и сильно скомпрометтированный приверженецъ коммуны. Цѣль этого ясна: насолить роялистамъ и заявить свою антипатію къ собранію и свое предпочтеніе къ республиканцамъ. Собраніе въ свою очередь, вмѣсто того, чтобы сообразоваться съ требованіями общественнаго мнѣнія, безумно раздражается этими фактами и постоянно указываетъ на нихъ, какъ на доказательство ненормальности общей подачи голосовъ и укрѣпляется въ своемъ намѣреніи внести поправки или, скорѣе, искаженія въ систему голосованія. Но такъ какъ непопулярность собранія проникла во всѣ классы общества, за исключеніемъ кружковъ приверженцевъ стараго режима, а всѣ торговыя и

промышленныя сословія, равно какъ и буржуазія настроены противъ него не менѣе враждебно, чѣмъ и самые рабочіе классы, то можно заключить, что къ какимъ бы мѣрамъ оно ни прибѣгало, ему неудастся восторжествовать. Если настроеніе націи не измѣнится до генеральныхъ выборовъ, послѣдніе будутъ гораздо сильнѣе окрашены радикализмомъ, чѣмъ оно по настоящему слѣдовало бы. Особенно отраднаго во всемъ этомъ мы не усматриваемъ, и вся вина въ такомъ положеніи конечно заслуженно ляжетъ на реакціонное большинство и на роялистовъ, засѣдающихъ въ національномъ собраніи.

Большинство находится въ разладѣ не съ одной страной, оно страдаетъ и внутренними раздорами, отъ которыхъ ему, быть можетъ, грозило бы распаденіе, если бы всѣ эти распри не обуздывались и не замирали въ виду общаго врага, т.-е. республики. Въ началѣ, какъ я уже говорилъ, соединеніе произошло очень единодушно подъ эгидою маршала Макъ-Магона, и, смѣемъ думать, къ его полному удовольствію, но легитимисты не преминули предаться позднимъ и печальнымъ размышленіямъ. Они скоро сообразили, что если и продолжаютъ занимать мѣсто въ рядахъ многочисленной партіи консерваторовъ, но тѣмъ не менѣе будущее навѣки ускользнуло отъ нихъ. Ихъ претендентъ, возобновивъ торжественно заявленіе о своей неизмѣнной преданности бѣлому знамени, навѣки, если не случится никакого чуда, вычеркнулъ свое имя изъ списка политическихъ дѣятелей. Легитимисты въ своемъ близорукомъ простодушіи вѣрили, что Франція можетъ со временемъ опять привыкнуть къ знамени своихъ королей. Но кто придалъ этому вопросу особенную важность? Кто поставилъ условіемъ пресловутаго сліянія признаніе трехцвѣтнаго знамени? Никто иной, какъ правый центръ, т.-е. орлеанисты, эти коварные предатели, которые вѣроятно предвидѣли заранѣе, что графъ Шамборъ не пойдетъ на сдѣлку. Сліяніе слѣдовательно было только ловушкой, и орлеанисты надѣли личину смиренія лишь съ цѣлью—отдѣлаться разъ и навсегда отъ соперничества легитимизма. Конечно, они сами пострадали въ общемъ монархическомъ погромѣ, такъ какъ графъ Парижскій соединилъ свою судьбу съ судьбою графа Шамбора, подчинивъ ему свои права и признавъ его всенародно: *единственнымъ представителемъ наслѣдственнаго права*. Все это правда, думаютъ легитимисты, но у Орлеановъ много средствъ для достиженія своихъ цѣлей; они могутъ, напримѣръ, дать легитимизму дофина. Та же династія можетъ выставить изъ членовъ своего семейства, въ случаѣ надобности, президентовъ республики, штатгальтеровъ, словомъ, удовлетворить требованіямъ любой формы правленія. Кромѣ того, графъ Парижскій молодъ, времени впереди у него много, Генрихъ V-й можетъ умереть, и тогда его наслѣдникъ пожнетъ плоды

фросдорфской попытки, благодаря заранѣе совершившемуся признанію его правъ партіей легитимистовъ.

И въ чьихъ рукахъ, въ настоящее время, находится страна, кто управляетъ ею, какъ не герцогъ де-Брольи и герцогъ Деказъ, т.-е. два орлеаниста, и изъ самыхъ крупныхъ? Безспорно, и легитимистамъ дана доля участія въ высшей администраціи: герцогъ Ларошфуко-Бизаччіа занимаетъ мѣсто посланника въ Лондонѣ, но эта должность чисто почетная, что же касается до портфелей, то только второстепенные достались легитимистамъ. Таковы отчасти дѣйствительные, отчасти вымышленные мотивы непріязни, питаемой правой стороной къ правому центру, а послѣдній, какъ кажется, не прилагаетъ должнаго старанія къ тому, чтобы разсѣять эти недоразумѣнія. Совершенно справедливо, что во время монархическаго заговора орлеанисты пошли на союзъ съ легитимистами со скрежетомъ зубовъ и потому только, что это было необходимо. Нѣкоторые изъ нихъ, и даже изъ вождей, не трудились скрывать этого. Герцогъ д'Одифре-Пакьѐ, не умѣющій притворяться, говорилъ, напримѣръ, во всеуслышаніе: „Мы принуждены связаться съ графомъ Шамборомъ, потому что не можемъ же мы его удавить." Съ тѣхъ поръ, этотъ сановникъ, необузданный языкъ котораго скоро войдетъ въ пословицу, не стѣснялся говорить неоднократно о неудачѣ сліянія въ такихъ выраженіяхъ, которыя могутъ лишь подкрѣпить горькія подозрѣнія, возникшія въ средѣ легитимистовъ. Онъ между прочимъ сказалъ, что отнынѣ конституціонная монархія можетъ считься водворенною подъ главенствомъ маршала Макъ-Магона, какъ намѣстника графа Парижскаго, которому обстоятельства мѣшаютъ пока принять бразды правленія. Вотъ образчики рѣчей, которыя ведутся, конечно, не съ цѣлью успокоить взволнованныхъ легитимистовъ. Но и въ самомъ лагерѣ орлеанистовъ, даже въ нѣдрахъ кабинета, не все обстоитъ благополучно; и здѣсь существуетъ рознь и колебанія, вызванныя отчасти столкновеніями съ легитимистами. Различіе мнѣній вертится около слѣдующихъ вопросовъ: слѣдуетъ ли цѣной уступокъ поддержать союзъ съ правой, или было бы своевременно пойти на сближеніе съ лѣвымъ центромъ? Герцогъ де-Брольи склоняется болѣе на правую сторону, герцогъ Деказъ, соперникъ его по вліянію, со времени его назначенія министромъ иностранныхъ дѣлъ, тянетъ, какъ говорятъ, налѣво. Ему приписываютъ значительное вліяніе на маршала Макъ-Магона, которое онъ будто бы пріобрѣлъ, подстрекая самолюбіе маршала, уязвленное намеками на то, что люди, способствовавшіе его возвышенію, не достаточно цѣнятъ его личность и позволяютъ себѣ смотрѣть на него, какъ на декорацію. Герцогъ Деказъ обладаетъ чрезвычайно тонкимъ и развязнымъ умомъ, онъ очень небогатъ, очень честолюбивъ и вполнѣ свободенъ отъ вся-

кихъ принциповъ и отъ всякой совѣстливости. Тѣмъ не менѣе, сравнительно съ его собратомъ и со всѣми остальными членами правительства, его нельзя назвать человѣкомъ вполнѣ ненавистнымъ либераламъ; они считаютъ, что онъ менѣе другихъ предубѣжденъ противъ республики, а главное, не такъ горячо преданъ клерикализму. А въ настоящую минуту это очень важный пунктъ, особенно съ точки зрѣнія внѣшней политики Франціи. Легитимисты, какъ вамъ извѣстно, ничего такъ пламенно не желали бы, какъ заставить насъ предпринять въ честь папы крестовый походъ, который, конечно, навлекъ бы на насъ бѣдствія, превысившія бы, пожалуй, все, испытанное нами въ 1870 году. Самъ герцогъ де-Брольи́, вполнѣ преданный клерикаламъ и крайне рѣзкій, былъ по этимъ двумъ причинамъ человѣкомъ весьма опаснымъ на постѣ министра иностранныхъ дѣлъ. При немъ всегда можно было опасаться столкновеній, тогда какъ личность герцога Деказа представляетъ серьёзныя гарантіи противъ такихъ промаховъ. Пока портфель останется въ его рукахъ, Франція не можетъ промахнуться въ этомъ направленіи.

Такъ какъ я затронулъ область иностранной политики, то не могу умолчать о чрезвычайно тревожныхъ, но совершенно неправдоподобныхъ слухахъ, которые съ нѣкоторыхъ поръ распространяются въ обществѣ относительно настроенія извѣстныхъ державъ, а именно, Германіи и Италіи. Болтаютъ, будто князь Бисмаркъ находитъ, что Франція сохранила слишкомъ много силы и что она слишкомъ быстро оправляется; болтаютъ, что онъ замышляетъ новую войну, подъ любымъ предлогомъ и конечно съ цѣлью новаго захвата территоріи. Союзъ Италіи будетъ купленъ, говорятъ, цѣною Ниццы и Савойи, кромѣ того, она пріобрѣтаетъ Корсику и еще кое-что на придачу. Швейцарія будетъ тоже вовлечена въ коалицію и вынуждена нарушить свой нейтралитетъ; сама Германія, страдающая отъ затрудненій, связанныхъ съ владѣніемъ Эльзаса-Лотарингіи, не желаетъ новыхъ поземельныхъ пріобрѣтеній, но заставитъ Швейцарію присоединить къ своей территоріи одинъ изъ нашихъ департаментовъ. Просто непонятно, какъ подобныя нелѣпости могутъ находить довѣрчивыхъ слушателей. Не говоря уже о томъ, что Швейцарія сильно скомпрометтировала себя и даже повредила бы собственнымъ интересамъ, рѣшившись измѣнить нейтралитету; но ничто не намекаетъ на возможность такихъ кровожадныхъ козней противъ Франціи со стороны какой бы то ни было европейской державы. Канцлеръ германской имперіи, какъ мнѣ кажется, менѣе всего способенъ предаваться такимъ замысламъ теперь, когда у него на рукахъ достаточно хлопотъ, благодаря затѣянной имъ религіозной борьбѣ. Но критическій смыслъ и хладнокровіе никогда не были отличительными качествами французовъ въ дѣлѣ политики, и мы здѣсь охотно при-

слушиваемся къ самымъ невѣроятнымъ толкамъ и наивно поддаемся ихъ вліянію. Отголосокъ вышеупомянутыхъ небылицъ на-дняхъ слегка отозвался даже въ стѣнахъ національнаго собранія на преніяхъ касательно военнаго положенія, впрочемъ, эти пренія заслуживаютъ вниманія и въ другомъ отношеніи, и потому я считаю долгомъ посвятить имъ нѣсколько словъ.

Вамъ извѣстно, что со времени послѣдней войны мы находимся, вѣрнѣе говоря, числимся въ ряду государствъ, принявшихъ систему поголовной обязательной военной службы. По закону всѣ обязаны отбывать воинскую повинность, и только вслѣдствіе финансовыхъ и иныхъ соображеній, въ дѣйствующую армію призывается лишь одна половина всего контингента, который остается на дѣйствительной службѣ пять лѣтъ, между тѣмъ какъ другая половина вызывается только для ученія. Вы, конечно, знаете также и то, что Тьеръ никогда не былъ сторонникомъ системы обязательной военной службы, и что онъ далъ на нее согласіе скрѣпя сердце. Онъ отнесъ всѣ кредиты бюджета по военному вѣдомству на одну первую половину контингента, какъ будто второй половины его и не существовало и содержаніе ея ничего не должно было стоить. Преемники Тьера застали уже дѣла въ этомъ положеніи и только посредствомъ случайныхъ рессурсовъ, къ которымъ они прибѣгли, имъ удалось покрыть, и то не сполна, всѣ расходы, необходимые для содержанія второй половины контингента. Собраніе хотѣло-было сдѣлать больше, но нашъ государственный бюджетъ такъ отяготителенъ; а налоги, которые могли бы привесть его въ равновѣсіе, еще не изобрѣтены и врядъ-ли скоро изобрѣтутся, а потому это оказалось весьма мудрено; военный министръ, по настоянію министра финансовъ, отказался отъ предложенныхъ ему пожертвованій и вслѣдствіе этого едва не лишился своего портфеля, такъ какъ былъ одинъ моментъ, когда собраніе готово было приступить къ голосованію вопреки мнѣнію правительства. Въ этихъ-то преніяхъ нѣкоторые ораторы, въ томъ числѣ Одифре, сочли себя вправѣ,—что́ конечно было весьма неосновательно, намекнуть на внѣшнія опасности, которыя, я убѣжденъ въ этомъ, не существуютъ въ дѣйствительности и едва ли когда-нибудь будутъ существовать въ той фантастической формѣ, въ какую онѣ облечены молвой. Перемѣна въ организаціи нашихъ военныхъ силъ необходима, и должна быть во всякомъ случаѣ предпринята и приведена въ исполненіе помимо всякихъ внѣшнихъ причинъ. — Это обстоятельство тѣмъ болѣе дѣлало излишнимъ намеки, къ которымъ сочли нужнымъ прибѣгать во время преній, и благодаря которымъ въ публикѣ распространилось волненіе. Живая и искусная рѣчь герцога Одифре-Пакьѐ, сказанная имъ по этому поводу, обратила на себя всеобщее вниманіе и въ другихъ отношеніяхъ. Этому

вліятельному члену національнаго собранія, чуждавшемуся до сихъ поръ правительства и все еще не вполнѣ освободившемуся отъ бонапартистскихъ вліяній, приписывается желаніе пріобрѣсти портфель военнаго министра, который по мнѣнію многихъ былъ бы тогда въ надлежащихъ рукахъ. Хотя онъ и не принадлежалъ никогда къ арміи, но его познанія въ военномъ дѣлѣ обширны, онъ одаренъ большой энергіей и имѣлъ бы передъ всѣми прочими военными сановниками то преимущество, что былъ бы совершенно непричастенъ ко всякому кумовству. Люди, стремящіеся доставить герцогу Одифре постъ военнаго министра, имѣютъ еще другой планъ,— поставить во главѣ войска герцога Омальскаго и создать ему положеніе сходное съ тѣмъ, которое занимаетъ фельдмаршалъ Мольтке въ Германіи. Съ военной точки зрѣнія планъ, пожалуй, и не дуренъ, такъ какъ нельзя отрицать, что герцогъ Омальскій тоже человѣкъ очень хорошо одаренный, энергичный и вдобавокъ пользующійся репутаціей хотя мало доказанной, но за то ничѣмъ незапятнанной, въ чемъ несомнѣнно заключается крупное преимущество его предъ большинствомъ генераловъ, кредитъ которыхъ болѣе или менѣе подорванъ. Но вы понимаете и безъ моего объясненія, что эта комбинація имѣла бы настолько же политическую, насколько и военную цѣль, и что это продуктъ орлеанскаго издѣлья. Если этому плану суждено осуществиться, то огорченію легитимистовъ и бонапартистовъ не будетъ границъ; что же касается умѣренныхъ сферъ и даже лѣвой стороны, то я полагаю, что тамъ легко бы примирились съ совершившимся фактомъ.

Слѣдуетъ указать еще на одно обстоятельство, которое не лишено важности, а именно, что герцогъ Омальскій съумѣлъ извлечь для себя большія выгоды изъ процесса маршала Базена, въ которомъ онъ участвовалъ въ качествѣ предсѣдателя и руководилъ преніями съ большимъ тактомъ, умомъ и твердостью. Орлеанскимъ принцамъ не везло со времени возвращенія ихъ въ отечество; по ихъ винѣ, или случайно, но только счастье имъ не улыбалось. Роль презуса въ этомъ щекотливомъ процессѣ казалась многимъ неловкой, и самъ почетъ, сопряженный съ этимъ назначеніемъ, считался такого сомнительнаго свойства, что вообще удивлялись, что герцогъ не постарался уклониться отъ возложенной на него обязанности.

Хотя до 1848 года онъ добросовѣстно и даже съ нѣкоторымъ блескомъ служилъ въ Африкѣ, но благодаря долголѣтнему изгнанію и бездѣйствію, все же былъ слишкомъ неопытнымъ генераломъ для роли судьи маршала Франціи, и всѣмъ казалось, что чувство приличія должно было удержать его отъ занятія предсѣдательскаго кресла. Но рѣшимость герцога оказалась вѣрнымъ совѣтникомъ, и въ сущности одинъ онъ остался въ выигрышѣ отъ этого процесса, польза

котораго мнѣ до сихъ поръ кажется загадочной. Какъ и всегда, здѣсь склонны впадать въ крайности, и потому въ настоящемъ случаѣ похвалы, расточаемыя герцогу Омальскому, нѣсколько преувеличены.

О самомъ процессѣ скажу немного. Маршалъ справедливо подвергся осужденію съ точки зрѣнія военныхъ законовъ. Очевидно, что онъ рѣшился на капитуляцію рейнской арміи и мецской крѣпости, не истощивъ всѣхъ средствъ, какъ того требовалъ отъ него долгъ чести. Впрочемъ, самый фактъ сдачи арміи въ открытомъ полѣ, помимо всѣхъ другихъ обстоятельствъ, уже составляетъ преступленіе по смыслу военнаго устава. Слѣдовательно, какъ только маршалъ былъ обвиненъ въ этомъ пунктѣ, то осужденіе его было неизбѣжно. Не подлежитъ сомнѣнію и то, что онъ поддался искушенію вести переговоры съ политическими интриганами. Онъ гораздо менѣе заботился о защитѣ страны съ помощію своей арміи, чѣмъ о томъ, чтобы сохранить послѣднюю въ наилучшемъ видѣ, съ цѣлью воспользоваться ею, по заключеніи мира, для своихъ честолюбивыхъ замысловъ. Онъ мечталъ распоряжаться судьбами Франціи въ качествѣ ли регента, или захвативъ власть въ другой формѣ. Многіе тонкіе наблюдатели занимались во время процесса изученіемъ физіономіи обвиняемаго и его манерою держать себя, и всѣ въ голосъ утверждаютъ, что въ немъ не видать тѣхъ чертъ, которыя характеризуютъ горячихъ и крупныхъ честолюбцевъ; они вынесли впечатлѣніе, что это скорѣе человѣкъ дюжинный и даже ничтожный, крайне апатичный и пассивный. Во всякомъ случаѣ его дарованія, какъ главнокомандующаго, далеко не такъ велики, какъ нѣкогда полагали. Удивительно, какъ тотъ же боевой генералъ, полный огня и отваги на полѣ сраженія, отличающійся несомнѣнной храбростью и чисто юношескимъ задоромъ подъ картечью непріятеля,—поставленный въ иныя условія, напримѣръ, на скамьѣ подсудимыхъ или въ обыденной жизни, является человѣкомъ совершенно несостоятельнымъ. Очень можетъ быть, что многіе изъ фактовъ, приведенныхъ противъ него обвинительной властью, свидѣтельствующихъ о его небрежности и безпечности, должны быть приписаны его апатіи и нѣкоторому фатализму. Тѣмъ не менѣе доказано, что онъ интриговалъ въ Мецѣ, такъ же, какъ и въ Мексикѣ, и поневолѣ возникаетъ вопросъ: не внушены ли его дѣйствія какимъ-нибудь Мефистофелемъ изъ его приближенныхъ? Его любимый адъютантъ, генералъ Бойэ, ѣздившій въ Версаль къ Бисмарку и предпринимавшій путешествіе въ Лондонъ для свиданія съ императрицей Евгеніей, тотъ, который пытался завязать переговоры о мирѣ отъ имени имперіи, слыветъ за человѣка, одареннаго несравненно бóльшими политическими и дипломатическими способ-

ностями, чѣмъ его принципалъ. Съ другой стороны, имѣя въ виду характеръ маршала, выяснившійся на судѣ, весьма основательно предположить, что онъ удержался бы въ границахъ долга, еслибы встрѣтилъ болѣе проницательный и твердый отпоръ со стороны другихъ маршаловъ и генераловъ рейнской арміи, съ которыми онъ совѣтовался время отъ времени, дабы свалить на нихъ часть своей отвѣтственности. Но слѣдуетъ сознаться, что протоколы тѣхъ собраній, на которыхъ маршалъ совѣщался съ своими товарищами по оружію, останутся печальнымъ памятникомъ почти *поголовнаго* нравственнаго паденія. Въ великой арміи, заключавшей въ себѣ цвѣтъ императорскаго главнаго штаба, всѣ, за немногими исключеніями, пали духомъ при первой неудачѣ и очевидно потеряли способность разсуждать здраво. Нѣкоторые дивизіонные генералы, правда, еще сохранили энергію, но ихъ голосъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы оказать вліяніе на главнокомандующаго. Процессъ, несмотря на то, что длился довольно долго, выяснилъ далеко не все. Одинъ важный свидѣтель, Ренье, тотъ самый, который являлся къ Базену съ фотографической карточкой императорскаго принца и съ паспортомъ, подписаннымъ Бисмаркомъ,—словомъ, виновникъ извѣстнаго посольства въ Лондонъ, остался въ тѣни. Онъ скрылся за границу, испугавшись суда, которому его могли предать, что̀ ясно показываетъ, что совѣсть его нечиста. Нѣкоторые считаютъ его за несомнѣннаго агента Бисмарка, но болѣе вѣроятно, что этотъ субъектъ, полу-помѣшанный и полу-интриганъ, былъ безсознательнымъ орудіемъ германскаго канцлера, которымъ тотъ съумѣлъ воспользоваться, встрѣтя его на своемъ пути. Обвиненіе предполагало, что Базенъ велъ съ Фридрихомъ-Карломъ гораздо болѣе послѣдовательныя, частыя и болѣе тѣсныя сношенія, чѣмъ это могло быть доказано на судѣ. Единственный фактъ, придающій вѣсъ этому обвиненію противъ маршала,—это увертливый и подозрительный способъ сдачи непріятелю французскихъ знаменъ, рядомъ съ форменнымъ приказаніемъ предать ихъ огню. Говорятъ, что нѣмцы имѣли въ своихъ рукахъ корреспонденцію, которую они грозили обнародовать, въ случаѣ, если Базенъ не выдастъ имъ знамена. Но вѣдь это только предположеніе. Прибавляютъ, что герцогъ Омальскій, какимъ именно путемъ—не извѣстно, добылъ копію съ этой корреспонденціи и даже косвенно послалъ совѣтъ защитнику маршала не слишкомъ напирать на этотъ пунктъ, грозя въ противномъ случаѣ употребить въ дѣло эти позорные документы. Между бумагами, предъявленными на судѣ, ни одна не произвела такого невыгоднаго для маршала впечатлѣнія, какъ письмо, въ которомъ онъ намекаетъ нѣмцамъ на возможность совмѣстнаго дѣйствія для водворенія спокойствія во Франціи послѣ заключенія мира, и для обезпеченія за побѣдителя плодовъ побѣды.

Защита маршала была впрочемъ очень плоха, онъ поступилъ безтактно, и даже скажемъ больше, онъ высказалъ косвенное признаніе въ своей виновности, избравъ своимъ защитникомъ Лашо́, который болѣе тридцати лѣтъ является неизбѣжнымъ адвокатомъ всѣхъ великихъ преступниковъ и, вслѣдствіе этого, привыкъ къ обыденнымъ пріемамъ трескучихъ эффектовъ ассизъ, но вовсе неумѣстенъ при защитѣ болѣе важнаго и дѣйствительно трагическаго событія. Правда, былъ приглашенъ другой защитникъ, пользующійся многолѣтнимъ уваженіемъ и стоящій во главѣ парижской адвокатуры, г. Аллу, но онъ отклонилъ сдѣланное ему предложеніе, сказавъ, что не можетъ взять на свою отвѣтственность дѣла, въ которомъ его совѣсть не будетъ на одной сторонѣ съ интересомъ кліента. Этотъ отказъ былъ зловѣщимъ предзнаменованіемъ.

Нельзя, однако же, сказать, чтобы развязка процесса вполнѣ соотвѣтствовала ожиданіямъ публики. Общественное настроеніе было очень сложнаго характера. Маршалъ навлекъ на свою голову страшную ненависть, которая отчасти проистекала отъ глубокаго оскорбленія, нанесеннаго имъ патріотическому чувству націи, но къ этому примѣшивались и менѣе чистыя побужденія: желаніе, скорѣе инстинктивное, чѣмъ сознательное, найти такъ-называемаго козла отпущенія и взвалить на плечи одного виновнаго всю тяжесть накопившихся ошибокъ и заслуженныхъ обвиненій.

Однако же, всѣ предвидѣли, что до разстрѣлянія дѣло не дойдетъ, и безъ горечи допускали возможность, что военный судъ отыщетъ средство смягчить суровый приговоръ военнаго законодательства. Многіе изъ самыхъ строгихъ порицателей поступковъ обвиненнаго маршала удовлетворились бы вполнѣ простымъ разжалованіемъ. Другіе, число которыхъ гораздо значительнѣе, полагали, что военный судъ разойдется во мнѣніяхъ и что маршалъ будетъ оправданъ такъ-называемымъ minorité de faveur, т.-е., рѣшеніемъ трехъ голосовъ противъ четырехъ, такъ какъ судъ состоялъ изъ семи членовъ, а трехъ голосовъ достаточно для оправданія. При подобномъ раздѣленіи голосовъ, маршалъ, нравственно осужденный, остался бы матеріально неприкосновененъ. Словомъ, большинство, и въ томъ числѣ самые отъявленные его недоброжелатели, считали бы совершенно достаточною такого рода кару. Но когда военный судъ единогласно призналъ маршала виновнымъ по всѣмъ вопросамъ, и безъ всякихъ смягчающихъ обстоятельствъ присудилъ его къ смертной казни, а затѣмъ, не менѣе единодушно, подписалъ самое горячее прошеніе о помилованіи,—общественное мнѣніе сильно встревожилось и было совершенно сбито съ толку. Послышались обвиненія въ непослѣдовательности и комедіантствѣ, и многіе изъ тѣхъ, которые вовсе не желали смертнаго приговора, возмущались его отмѣ-

ной, послѣ состоявшагося рѣшенія. Между тѣмъ военный судъ поступилъ совершенно правильно и сдѣлалъ лишь то, что̀ дѣлается зачастую представителями военнаго правосудія въ обыкновенныхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, приходится приговаривать къ смертной казни за нарушеніе дисциплины солдата, отличавшагося предварительно хорошимъ поведеніемъ. Итакъ, приговоръ Базена былъ смягченъ, и ему присуждено, взамѣнъ лишенія жизни, двадцать лѣтъ тюремнаго заключенія; какъ бы ни была велика степень его виновности, но я нахожу, что очень хорошо, что его не казнили. При существующемъ раздраженіи партій, если бы процессъ этотъ кончился кровавой развязкой, то онъ бы неминуемо послужилъ сигналомъ къ другимъ жестокимъ расправамъ, которымъ не было бы конца. Даже и теперь бонапартистскія газеты, которыя приняли на себя защиту маршала, и прочіе органы реакціонной прессы начали походъ, имѣющій цѣлью добиться преданія суду остальныхъ генераловъ, сдавшихся на капитуляцію. Съ особеннымъ ожесточеніемъ требуютъ преслѣдованія „дѣятелей 4-го сентября“, т.-е., членовъ правительства народной обороны, говоря, что правосудіе не должно знать лицепріятія, и что не одинъ Базенъ долженъ расплачиваться за всѣхъ. Въ этомъ-то и заключалась опасность процесса, а еслибы маршалъ былъ казненъ, то опасность была бы неотразима: за кровь платятъ кровью. Смягченіе наказанія въ значительной степени поправляетъ дѣло, и мы можемъ надѣяться, что мало-по-малу крики ярости, оглушающіе насъ, замолкнутъ, не вызвавъ никакихъ результатовъ. Можетъ случиться, однакоже, что процессъ Базена будетъ имѣть эпилогомъ процессъ полковника Стоффеля, столь прославляемаго и столь популярнаго, одно время, за его военные отчеты объ организаціи прусской арміи. Это лицо, состоявшее во время войны при маршалѣ Макъ-Магонѣ и находившееся при немъ въ тотъ моментъ, когда маршалъ колебался,—вести ли ему свою армію къ Парижу, или идти на помощь къ Базену, играло очень странную роль. Онъ утаилъ одну изъ депешъ Базена, которая должна была побудить Макъ-Магона къ возвращенію въ Парижъ, а слѣдовательно предотвратила бы седанскую катастрофу. За этотъ поступокъ полковникъ подлежитъ судебному преслѣдованію. Главный интересъ этого страннаго эпизода заключается, конечно, въ томъ, что полковникъ, очевидно, совершилъ свой непозволительный проступокъ не по собственной иниціативѣ. Онъ дѣйствовалъ тутъ въ интересахъ другого лица, имя котораго не трудно угадать. Возвращеніе въ Парижъ арміи Макъ-Магона, при которой находился и императоръ, влекло за собой неизбѣжно возвращеніе послѣдняго въ столицу, а этого-то именно и не хотѣло ни за что допустить императорское правительство, зная навѣрное, что возвращеніе побѣжденнаго императора послужитъ сигналомъ къ

революціи. Ясно, что полковникъ Стофелль былъ прикомандированъ къ Макъ-Магону для наблюденія за нимъ, съ цѣлью не пускать его къ Парижу и толкать къ Базену. Иначе нельзя объяснить утайку депеши: навѣрное, онъ получилъ на это приказаніе или отъ Руэра, или отъ бывшаго тогда военнаго министра, отъ императрицы, а не то и отъ самого императора.

Процессъ Базена, расшевелившій столько тяжелыхъ воспоминаній, служитъ печальнымъ завершеніемъ текущаго года. Кругомъ пока ничего не видно, что́ могло бы нѣсколько сгладить это впечатлѣніе и разогнать грустное настроеніе Парижа; хмуро смотритъ онъ нынѣшнею зимою и никогда торговое сословіе не жаловалось такъ громко и такъ справедливо.

Шаткость политической почвы жестоко отзывается на дѣлахъ и на удовольствіяхъ. Нищета рабочаго класса непомѣрна. Множество мастерскихъ, по преимуществу тѣ, которыя занимаются изготовленіемъ предметовъ роскоши, открыты только для формы; въ нихъ работаетъ какая-нибудь десятая часть того числа работниковъ, которыхъ они держатъ въ обыкновенное время. Собраніе постановило открыть президенту республики кредитъ въ нѣсколько сотъ тысячъ франковъ, чтобы доставить ему средство развлечь Парижъ нѣсколькими праздниками.

Надѣются также найти мѣры къ оживленію торговли, но искуственная поддержка никогда не приноситъ большой пользы. Нѣсколько театровъ продолжаютъ, однакоже, процвѣтать, не взирая на неблагопріятныя обстоятельства, переживаемыя столицей. Особеннымъ успѣхомъ пользуется театръ *Gymnase*, благодаря новой пьесѣ Александра Дюма́-сына, озаглавленной *M-r Alfonse*. Въ ней выводится на сцену типъ самаго гнуснаго свойства: мужчины, живущаго на счетъ женщинъ. По счастію, на этотъ разъ, Дюма́ отказался отъ мистицизма и соціализма, которымъ онъ, казалось, посвятилъ навѣки свой талантъ. Его новое произведеніе напоминаетъ лучшія пьесы первой эпохи его творчества, и всѣ щекотливыя и скандальныя стороны сюжета обойдены помощью искусства и остроумной смѣлости. M-r Альфонсъ желаетъ остепениться, онъ рѣшается на женитьбу и избираетъ себѣ въ супруги очень тривіальную женщину, но обладательницу милліона, бывшую содержательницу трактира, которая, съ своей стороны, желаетъ посредствомъ брака вступить въ порядочное общество. У m-r Альфонсъ есть незаконый ребенокъ, котораго онъ тщательно скрываетъ отъ своей нареченной. Онъ придумываетъ для этого слѣдующее средство: помѣщаетъ ребенка къ его матери, которую онъ обольстилъ еще до ея замужства, теперь же она замужемъ за морякомъ, капитаномъ Монтегленомъ, честнымъ и порядочнымъ человѣкомъ, ничего ровно незнающимъ о прецедентахъ

своей жены. У Монтегленовъ нѣтъ дѣтей, и потому капитанъ съ радостью соглашается взять къ себѣ въ домъ одинадцатилѣтнюю дѣвочку, которую другъ его Альфонсъ поручаетъ попеченіямъ его жены. Г-жа Монтегленъ, конечно, радуется возможности имѣть при себѣ своего ребенка. Дѣвочка знаетъ, кто ея мать, и онѣ обѣ въ стачкѣ и скрываютъ тайну отъ капитана. Однако же, тайна эта скоро обнаруживается. Капитанъ, совершенно по-рыцарски, прощаетъ женѣ вину, совершенную ею до ихъ взаимнаго знакомства и усыновляетъ ея ребенка въ законной формѣ. М-r Альфонсъ выведенъ на свѣжую воду, отъ него отказывается его невѣста, и онъ лишается богатаго союза, на который разсчитывалъ. Фабула этой пьесы, конечно, пошла и груба; она даже грѣшитъ противъ самыхъ законныхъ чувствъ приличія. Трудно согласовать, чтобы женщина порядочная, каковою авторъ представляетъ г-жу Монтегленъ, могла, когда бы то ни было и при какихъ бы то ни было условіяхъ, увлечься такимъ господиномъ, какъ m-r Альфонсъ. Мудрено повѣрить также, чтобы, будучи честною женщиною, она могла скрывать отъ мужа свою тайну, какъ до брака, такъ и послѣ него. Наконецъ, болѣе всего оскорбляется нравственное чувство тѣмъ обстоятельствомъ, что мать и маленькая ея дочь состоятъ въ заговорѣ противъ честнаго мужа и сообща обманываютъ его и лгутъ ему. Но обаяніе искусства автора такъ велико, что во время представленія зритель утрачиваетъ способность разсуждать. Демоническая иронія и ложный взглядъ автора сообщаются зрителю, и слѣдя за перипетіями этого нелѣпаго романа, чувствуешь себя растроганнымъ до глубины души и противъ собственной воли. Я не сомнѣваюсь, что вамъ придется испытать непосредственно то же самое. Эта пьеса въ Петербургѣ будетъ еще лучше обставлена, чѣмъ въ Парижѣ. Театръ Gymnase не имѣетъ талантовъ, которые могли бы сравняться съ г-жами Делапортъ и Паска́. Театръ *Gaîté* привлекаетъ много народу представленіями *Jeanne d'Arc*, драмою въ стихахъ Жюля Барбье, отчасти заимствованную у Шиллера, съ музыкальными вставками сочиненія Гуно. Но этотъ успѣхъ не можетъ назваться безусловно литературнымъ. Мода и патріотическія страсти играютъ въ этомъ случаѣ значительную роль. „Французскій театръ“ обѣщаетъ въ скоромъ времени поставить новую пьесу Эмиля Ожье и Жюля Сандо, сотрудничество которыхъ не разъ уже оказывалось удачнымъ.

Относительно книгъ—тоже безплодіе. Изъ наиболѣе выдающихся новинокъ, можно назвать развѣ два тома писемъ Меримэ *къ Незнакомкѣ*. Эти письма, совершенно личнаго содержанія, отмѣчены тѣми же качествами, которыми отмѣчаются всѣ произведенія автора, бывшаго однимъ изъ лучшихъ писателей своего времени. Легкость, плавность и щеголеватая опредѣленность словъ, отзывается однако-же

нѣкоторою сухостью. Эта корреспонденція обнимаетъ очень пространный періодъ жизни автора и обнаруживаетъ въ немъ, особенно въ ранней порѣ, больше чувствительности, чѣмъ можно было ожидать. Книга эта, кромѣ того, имѣетъ то достоинство, что знакомитъ съ частной стороной и мелкими подробностями современной исторіи. Меримэ во время имперіи былъ близокъ ко двору и состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ къ императору и императрицѣ, съ матерью которой, какъ говорятъ, онъ находился даже въ морганатическомъ бракѣ. Однако-же его остроуміе и иронія въ откровенной бесѣдѣ съ *Незнакомкою* не щадятъ двора, лучшимъ украшеніемъ котораго онъ считался. Такой примѣръ не особенно поощрителенъ для вѣнценосцевъ, допускающихъ къ своему домашнему очагу писателей. Вы безъ сомнѣнія не забыли, что подобный же случай произошелъ десять или двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, и случай еще болѣе рѣзкій, относительно прусскаго владѣтельнаго дома при напечатаніи посмертныхъ записокъ Александра Гумбольдта. Меримэ, должно сказать, оказался гораздо болѣе сдержаннымъ, чѣмъ саркастическій прусскій ученый, но злые языки тѣмъ не менѣе найдутъ въ его письмахъ пищу къ злословію, какъ относительно нѣкоторыхъ эпизодовъ придворной жизни, такъ и относительно сената, членомъ котораго былъ самъ Меримэ, что́ не помѣшало ему называть безцеремонно этотъ ареопагъ „коллекціею двухъсотъ дураковъ“. Имя женщины, къ которой адресованы письма Меримэ, остается до сихъ поръ неразоблаченной тайной.

Н.

ОТВѢТЪ

НА НОВЫЯ «БРАННЫЯ ПОСЛАНІЯ» Г. ПОГОДИНА *).

Господину Погодину угодно было избрать меня своею спеціальностью въ послѣднее время. Въ разныхъ нумерахъ „Московскихъ Вѣдомостей“, въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ и „Гражданинѣ“ являются одна за другою его полемическія статьи, направленныя противъ меня, то по поводу моего послѣдняго еще неоконченнаго сочиненія „Рус-

[1]) *Бранныя*—такъ угодно было самому г. Погодину назвать свои ученые доводы въ спорѣ съ противнымъ мнѣніемъ и тѣмъ характеризовать ихъ нравственное достоинство. См. мой первый отвѣтъ ему въ „Вѣстникѣ Европы“, февр. 1872 года.

ская Исторія, въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей“, то по поводу моихъ прежнихъ сочиненій и статей. Какой тонъ избралъ г. Погодинъ для своей полемики показываютъ слѣдующія слова, которыми онъ оканчиваетъ свою первую статью противъ меня изъ напечатанныхъ имъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“: „Все это было бы смѣшно, еслибы не было такъ грустно, еслибы не имѣли въ наше время журнальной силы разные Ноздревы, которые своими продажными (?) голосами развращаютъ юношество и морочатъ публику. Академики-профессоры русской исторіи, что-же вы молчите? Какимъ образомъ позволяете вы глумиться такъ надъ русской исторіей и отнимать у насъ важнѣйшую часть ея — начало и происхожденіе государства“.

Не въ первый разъ нападаетъ на меня г. Погодинъ, и особенностью его полемики противъ меня было то, что онъ постоянно сворачивалъ съ прямой ученой дороги на кривую полицействующую; дѣло у него шло не столько о томъ, чтобы защитить то или другое мнѣніе, объяснить тотъ или другой фактъ или разобрать критически его источники, сколько о томъ, чтобы обличить меня въ скрытой неблагонамѣренности, въ іезуитизмѣ, какъ онъ недавно выразился въ „Гражданинѣ“, въ неуваженіи къ доблестямъ историческихъ лицъ, въ недостаткѣ патріотизма и тому подобномъ. Въ особенности нападки по поводу характеристики лицъ Смутнаго Времени, печатанныя г. Погодинымъ въ „Гражданинѣ“, имѣли видъ придирчивыхъ допросовъ полицейскаго чиновника стараго времени. Отвѣчая г. Погодину, мнѣ приходилось бы говорить: „я не говорилъ этого“, „я не такъ сказалъ это“, „я не въ томъ смыслѣ выразился“ и т. п. Такъ какъ подобная полемика въ области науки не только неумѣстна, но даже постыдна, то я не сталъ входить въ пренія съ г. Погодинымъ, предоставляя, по русской поговоркѣ, вѣтру уносить его придирки. Но никогда еще г. Погодинъ не выступалъ противъ меня съ такими выраженіями злобы, которыя приличны развѣ ѳедосѣевскому начетчику, а ужъ никакъ не академику и не профессору. Вѣроятно, г. Погодинъ, за что-то особенно гнѣваясь на меня, разсчитывалъ своими ругательствами жестоко допечь меня, глубоко огорчить; но онъ въ этомъ ошибся: выходки его могутъ возбуждать во мнѣ одно сожалѣніе къ г. Погодину. Вѣрно, г. Погодинъ забылъ (или быть можетъ не зналъ никогда) ту общеизвѣстную истину, что въ обществѣ благовоспитанныхъ людей ругательства обращаются во вредъ не тому, на кого направлены, а тому, кто ихъ произноситъ. Если мнѣ платить г. Погодину тою же монетою, то за кличку Ноздрева, которою онъ меня надѣляетъ, было бы вполнѣ естественно и соотвѣтственно циническимъ выходкамъ г. Погодина обозвать его литературнымъ Собакевичемъ; но я отъ этого удерживаюсь, не изъ ува-

женія къ г. Погодину, а потому что не хочу, дозволивъ себѣ тонъ принятый г. Погодинымъ, уподобиться ему. Притомъ г. Погодинъ, разъярившись противъ меня, разсыпаетъ на меня такія обвиненія, которымъ, конечно, и самъ не вѣритъ. Возможно-ли въ самомъ дѣлѣ, не навлекая на самого себя смѣха, доказывать несправедливость и нелѣпость обвиненія въ *продажности*, высказаннаго г. Погодинымъ по тому поводу, что я не напечаталъ въ своей „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ" біографій лицъ языческаго періода и признаю слишкомъ много сказочнаго въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ объ этихъ лицахъ. Г. Погодинъ болѣе меня опытенъ и лучше меня знаетъ: за что̀ даются деньги, гдѣ онѣ даются, кѣмъ даются, и какими путями даются: онъ, безъ сомнѣнія, не можетъ допустить существованія на Руси или за-границею такихъ заклятыхъ враговъ Рюрика, Олега, Игоря, Святослава, которые бы давали деньги за то, чтобы не помѣщались жизнеописанія этихъ лицъ въ ряду біографій другихъ личностей русской исторіи. Я не думаю, чтобы знакомые съ источниками нашей древней исторіи затруднились разрѣшить для себя вопросъ: зачѣмъ я не помѣстилъ біографій этихъ лицъ? Свѣдѣнія о нихъ, сообщаемыя источниками, до такой степени мало содержатъ ясныхъ, вполнѣ историческихъ чертъ, что едва-ли возможно составить ихъ жизнеописанія, въ которыхъ бы, за исключеніемъ всего сказочнаго, было въ достаточномъ количествѣ дѣйствительно происходившаго. Самъ г. Погодинъ соглашается, что въ лѣтописныхъ сказаніяхъ о языческомъ періодѣ много сказочнаго; но г. Погодинъ признаетъ сказочнымъ и вымышленнымъ только то, что̀ само по себѣ неестественно, а я думаю, что нерѣдко и то, что̀ не противорѣчитъ законамъ природы и кажется съ перваго раза правдоподобнымъ, при болѣе пристальномъ взглядѣ, окажется вымышленнымъ, если условія времени и мѣстности, отношенія и положенія лицъ, о которыхъ идетъ рѣчь, представляютъ какія-нибудь несообразности съ повѣствованіемъ. Путешествіе Олеговыхъ лодокъ на колесахъ г. Погодинъ признаетъ вымышленнымъ, но для меня также вымышленнымъ кажется и призваніе трехъ братьевъ, да и многое, записанное въ нашей лѣтописи о временахъ IX и X вѣковъ, хотя бы излагаемыя событія и не были сами по себѣ противны законамъ природы. Вдаваться въ сужденія о всемъ этомъ нѣтъ нужды, читатели могутъ просмотрѣть мою статью „Преданія первоначальной лѣтописи" въ Вѣстникѣ Европы за 1873 годъ. Изъ этой же статьи читатели увидятъ, что я вовсе не думалъ уничтожать всей нашей исторіи до Владимира, какъ выражается г. Погодинъ, а признаю въ сущности тѣхъ же разсказовъ первоначальной лѣтописи и дѣйствительно-историческія событія, о чемъ я упомянулъ въ жизнео-

писанiи Владимира въ послѣднемъ своемъ сочиненiи. Я упомянулъ объ этомъ коротко: этимъ недоволенъ г. Погодинъ; но я сказалъ настолько, насколько дозволялъ мнѣ объемъ предполагаемаго сочиненiя. Задачею этого сочиненiя было показать, по-возможности въ краткомъ видѣ, влiянiе и значенiе личностей въ нашей отечественной исторiи, бывшихъ главнѣйшими ея дѣятелями и двигателями. Я выбиралъ такiя личности, которыя бы, какъ по ихъ дѣйствительному значенiю въ свое время, такъ и по степени богатства источниковъ, сообщающихъ о нихъ свѣдѣнiя, давали возможность соединять въ ихъ бiографiяхъ важнѣйшiя событiя исторiи и болѣе выпуклыя и знаменательныя черты вѣка и народной жизни. Что́ же при такой задачѣ могли дать мнѣ свѣдѣнiя о языческихъ князьяхъ до Владимира, которыя хотя не лишены во многомъ исторической подкладки, но преисполнены сказочными и полу-сказочными чертами. О нихъ только и прилично было упомянуть въ жизнеописанiи Владимира, перваго русскаго князя, съ котораго русскiй народъ началъ проходить свой историческiй путь, проходимый и до сихъ поръ.

Мнѣ ставятъ въ укоръ: какъ смѣлъ я отозваться объ этихъ языческихъ князьяхъ, будто ихъ дѣянiя носятъ на себѣ разбойническiй характеръ. Въ этомъ упрекалъ меня не только г. Погодинъ, но и г. Иловайскiй.

Въ древнiя времена война, по способу своего веденiя, имѣла много сходнаго съ разбоемъ: но война всегда отличалась отъ разбоя тѣмъ, что война предполагаетъ непремѣнно сознанiе какого-нибудь права со стороны того, кто ее начинаетъ. Онъ, или добивается оружiемъ того, что́ считаетъ ему принадлежащимъ по праву, и чего не можетъ получить безъ оружiя, или наказываетъ за нарушенiе своего права, или идетъ на непрiятеля подъ какимъ бы то ни было нравственнымъ оправданiемъ, тогда какъ разбой предпринимался безъ всякаго заявленiя правъ, просто ради добычи и прiобрѣтенiя. Набѣги нашихъ языческихъ князей на византiйскiя владѣнiя и на восточныя страны представляются просто исканiемъ добычи. Господамъ моимъ противникамъ не нравится слово „разбойническiй характеръ“; они находятъ такой способъ выраженiя не научнымъ. Однако наши историки употребляли этотъ способъ выраженiя, говоря, напримѣръ, о набѣгахъ крымцевъ, о нѣкоторыхъ походахъ казаковъ, о морскихъ походахъ скандинавскихъ викинговъ. А вѣдь военные походы Олега или Игоря развѣ чѣмъ-нибудь отличаются отъ всѣхъ этихъ походовъ? Отношенiя языческихъ князей къ славянскимъ народамъ Руси наглядно сохранились въ единственно подробномъ описанiи такого рода отношенiй — въ разсказѣ о собиранiи дани Игоремъ у древлянъ. Это описанiе можетъ служить образчи-

комъ того способа, какимъ въ тѣ времена собиралась дань и что́, по тогдашнимъ понятіямъ, значила дань. Въ своей статьѣ: „Преданія первоначальной лѣтописи“ я высказалъ, какъ понимаю, короткія извѣстія, о чертахъ болѣе правильнаго и менѣе разбойническаго способа взиманія даней; прибавлю здѣсь, что въ этотъ вѣкъ господства разбойническаго элемента могли появляться признаки болѣе высшихъ условій жизни и, съ одной стороны, отъ знакомства дружины съ Греціей, съ другой — отъ постепеннаго сочетанія интересовъ дружины съ интересами жителей, могъ происходить мало-помалу переходъ отъ грубыхъ и разбойническихъ формъ къ формамъ болѣе гражданственнымъ. Но перевѣсъ послѣднихъ наступаетъ уже только съ принятіемъ и водвореніемъ христіанства.

Г. Погодину досадно, что я вижу варварство въ языческій періодъ нашей исторіи. „А города, извѣстные грекамъ, скандинавамъ, арабамъ! восклицаетъ онъ—развѣ они доказываютъ варварство? А торговля, согласно описанная греками, арабами, скандинавами? Она доказываетъ варварство? А высота умственная и духовная, на которую поднялись вдругъ первые христіане, показываетъ полное ихъ варварство?“

Еслибы я утверждалъ, что русскіе были совершенными дикарями, то и тогда бы простое указаніе на города и торговлю съ трудомъ могло бы служить опроверженіемъ; но я въ своемъ жизнеописаніи Владимира исчислилъ признаки развитія, которыми несомнѣнно обладали русскіе славяне до крещенія; это, однако, ничуть не мѣшало господству полнаго варварства въ тѣ времена, когда взяла верхъ и всѣмъ распоряжалась дружина, носившая явно разбойническій характеръ. Что́ такое были города, съ которыми такъ носится г. Погодинъ? Заплести плетень, набить частоколъ, вырыть ровъ, насыпать валъ—для этого нужно не Богъ знаетъ какой образованности! А торговля? Конечно, развитіе торговли въ обществѣ есть, безъ сомнѣнія, одинъ изъ важнѣйшихъ признаковъ и двигателей образованности, но мы говоримъ: развитіе торговли, а не просто торговля. Одно громкое слово: „торговля“—еще слишкомъ мало даетъ намъ въ этомъ отношеніи, почти столько же, сколько и слово „городъ“. Нужно сказать какъ долго происходила торговля, какъ широко она простиралась, что́ вносила она, а сама по себѣ торговля не можетъ служить доказательствомъ образованности; народы цивилизованные ведутъ торговлю съ дикарями, но дикари все-таки долго остаются дикарями: знакомство послѣднихъ съ предметами образованности совершается не вдругъ, а усвоеніе чрезъ торговлю пріемовъ образованности въ житейскомъ быту идетъ еще туже. Покорители Сибири вели торговлю съ тамошними инородцами, но едва-ли кто ста-

нетъ отвергать, что большая часть послѣднихъ пребывала въ варварствѣ. Арабы, пріѣзжавшіе на Волгу, торговали съ тамошними народами и въ могилахъ народовъ восточной Европейской Россіи находятся слѣды этой торговли: произведенія восточной культуры въ украшеніяхъ, вооруженіяхъ и въ утвари. Произведенія эти по бо́льшей части, однако, свидѣтельствуютъ, что арабы сбывали сѣвернымъ народамъ то, что́ было у нихъ повторостепеннѣе, и похуже достоинствомъ. Что же? Много ли пріобрѣли эти народы отъ торговли съ арабами для образованности своихъ грядущихъ поколѣній? Приволжскіе инородцы—мордва, чуваши, черемисы, вотяки уже въ близкое время къ нашему были въ состояніи варварства. А кто же намъ поручится, что славяне до принятія христіанства стояли выше инородцевъ восточной Европейской Руси? Ни города, ни торговля—не могутъ быть еще доказательствами отсутствія варварства у народа. Что же касается до нравственной и духовной высоты первыхъ русскихъ христіанъ и ихъ дѣтей, то г. Погодинъ можетъ такъ отзываться, конечно, только о немногихъ лицахъ, въ родѣ Антонія, Ѳеодосія, Иларіона, а никакъ не о цѣлой массѣ получившихъ крещеніе русскихъ. Но причины такой высоты нравственной и духовной открываются помимо языческаго періода. Вмѣстѣ съ христіанствомъ явились начатки грамотности, русскіе стали знакомиться съ понятіями и пріемами образованной страны; Владиміръ завелъ училища, гдѣ русскихъ дѣтей учили грамотѣ, что же удивительнаго, если нѣкоторые изъ нихъ, проникшись духомъ христіанства, и показали нравственную и духовную высоту въ своихъ взглядахъ и жизни которая такъ восхищаетъ г. Погодина. Развѣ изъ этого непремѣнно слѣдуетъ, чтобы ихъ предки въ IX и X вѣкѣ никакъ уже не могли быть варварами?

Въ первой части своего возраженія, напечатаннаго въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, г. Погодинъ хотя и ругается до неприличія, по крайней мѣрѣ болѣе или менѣе стоитъ, насколько можетъ, на научной дорогѣ, во второй же части—онъ, по давнему своему обыкновенію, съѣзжаетъ на полицейскую дорогу. „Я считаю своею обязанностію—говоритъ онъ—осудить прежде всего ту несчастную точку, на которую сталъ г. Костомаровъ въ послѣднее время: искать съ насиліемъ черныхъ пятенъ въ русской исторіи и толковать все возможное и невозможное въ худую сторону. Г. Костомаровъ не пропускаетъ ни одного случая, гдѣ можетъ, хотя съ натяжкою, ввернуть словцо въ укоризну или осужденіе своихъ героевъ“.

Что́ на это сказать? Такъ и отзывается временами Миллера и Ломоносова. Черезъ сто слишкомъ лѣтъ мы такъ мало подвинулись впередъ въ этомъ отношеніи!

Какіе это герои, за которыхъ заступается г. Погодинъ?

Это—Мономахъ, ослѣпленный Василько и Андрей Боголюбскій.

Въ біографіи Мономаха я замѣтилъ, что собственно не Олегъ Святославичъ первый приводилъ половцевъ и началъ ихъ вмѣшивать въ междоусобія князей, что ранѣе его Владимиръ Мономахъ уже ходилъ съ половцами въ Полоцкую землю. Г. Погодинъ недоволенъ мною за это и указываетъ, какъ бы на промахъ, на то, что я отнесъ это событіе къ тому времени, когда въ Кіевѣ княжилъ еще Святославъ Ярославичъ; между тѣмъ изъ словъ самого Мономаха видно, что событіе это происходило послѣ смерти Святослава. Разсмотримъ этотъ вопросъ критически. Въ „Поученіи" Мономаха дѣйствительно событіе, о которомъ идетъ рѣчь, излагается такъ, что оно кажется происходившимъ по смерти Святослава:

„И Святославъ умре, и язъ пакы къ Смолиньску, а и Смолиньска той же зимѣ та къ Новогороду, на весну Глѣбови въ помочь, а на лѣто со отцемъ подъ Полтескъ, а на другую зиму съ Святополкомъ подъ Полтескъ, ожгоша Полтескъ; онъ иде Новугороду, а я съ половцы на Одрьскъ, воюя, та Чернигову. И пакы и Смолиньска къ отцю придохъ Чернигову; и Олегъ приде изъ Володимеря выведенъ, и возвахъ и къ собѣ на обѣдъ со отцемъ въ Черниговъ, на краснѣмъ дворѣ и вдахъ отцю 300 гривенъ золота. И паки и Смолиньска же пришедъ и проидохъ сквозѣ половечьскыи вои, бьяся до Переяславля и отца налѣзохъ съ полку пришедше, то и пакы ходихомъ томъ же лѣтѣ со отцемъ и со Изяславомъ биться Чернигову съ Борисомъ и побѣдихомъ Бориса и Олга". Порядокъ событій въ повѣствованіи, заключающемся въ „Поученіи" Мономаха, не сходится съ ходомъ происходившихъ въ то же время событій по лѣтописи, гдѣ говорится такъ:

„В се же лѣто (6584=1076) преставися Святославъ, сынъ Ярославль, мѣсяца декабря въ 27, отъ рѣзанья желве, и положенъ бысть у Спаса, и сѣде по немъ Усеволодь на столѣ, мѣсяца генваря въ 1 день. В се же лѣто родися у Володимера сынъ Мьстиславъ, внукъ Всеволожь. Вь лѣто 6585 (1077) поиде Изяславъ въ ляхы, Всеволодъ же поиде противу ему. И бывшу Всеволоду, сѣде Борисъ въ Черниговѣ мѣсяца мая 4 день, бысть княженья его дний 8 и бѣжа Тмутороканю к Романовѣ. Всеволодъ же изыиде противу брату Изяславу на Волынь, и створи миръ, и пришедъ Изяславъ сѣде в Киевѣ, мѣсяца іюля 15 день; Олегъ же Святославль сынъ, бѣ во Всеволода в Черниговѣ".

„В лѣто 6586 (=1078). Бѣжа Олегъ, сынъ Святославль, Тмутороканю отъ Всеволода, мѣсяца априля въ 10 день".

Сообразно ходу событій въ „Поученіи", Всеволодъ, вмѣстѣ съ сыномъ, воевалъ въ полоцкой землѣ лѣтомъ 1077 года, но по лѣтописи

онъ былъ тогда занятъ на югѣ. Сообразно „Поученію“, Владиміръ долженъ былъ явиться въ Черниговъ и угощать Олега не ранѣе весны 1078 года, Владиміръ же говоритъ, что это было тогда, когда Олегъ, выведенный изъ Владиміра, прибылъ въ Черниговъ; по лѣтописи послѣднее событіе было не въ 1078, а въ 1077 г. лѣтомъ, весной же 1078 Олегъ убѣжалъ уже изъ Чернигова.

Лѣтопись этого времени безспорно писана современникомъ, знавшимъ даже числа и дни совершавшихся предъ его глазами событій; Поученіе же Мономаха дошло до насъ въ перебитомъ видѣ и съ нѣсколькими ошибками переписчика: съ этимъ соглашается и г. Погодинъ. Поэтому-то я полагаю, что слова „Святославъ умре“ поставлены въ извѣстной намъ редакціи Поученія не на своемъ мѣстѣ, а событіе, о которомъ идетъ рѣчь, совершилось нѣсколько ранѣе, именно: походъ Владиміра съ отцемъ лѣтомъ не 1077, но 1076 года, а походъ Владиміра къ Одрьску съ половцами зимою съ 1076 на 1077 годъ; слѣдовательно, если бы даже Владиміръ ходилъ къ Одрьску тотчасъ по смерти Святослава (напр., въ январѣ или февралѣ 1077 года) то все-таки Владиміръ долженъ былъ вести половцевъ въ полоцкую землю еще при жизни Святослава. Г. Погодинъ говоритъ, что Мономахъ здѣсь не виноватъ, что онъ дѣйствовалъ по волѣ старшихъ князей. Можетъ быть; я самъ такъ думаю, и вѣроятнѣе всего Мономахъ дѣйствовалъ по волѣ Святослава, съ чѣмъ, быть можетъ, и состоитъ въ связи то обстоятельство, что сынъ Святослава впослѣдствіи искалъ помощи у половцевъ, съ которыми отецъ его былъ уже въ пріязненныхъ сношеніяхъ. Все это *быть можетъ*, но фактъ остается фактомъ: Мономахъ въ нашей исторіи является первымъ изъ князей, водившихъ половцевъ на русскую землю. Я не думалъ толковать этотъ поступокъ непремѣнно въ худую сторону для Владиміра, какъ говоритъ г. Погодинъ, и доказательствомъ тому можетъ служить то, что въ концѣ жизнеописанія Владиміра я не помѣстилъ этого факта въ числѣ такихъ поступковъ, въ которыхъ проглядываютъ пороки времени, воспитанія и среды, въ которой жилъ Мономахъ. Вотъ мои слова о такого рода поступкахъ:

„Таковъ, напримѣръ, поступокъ съ двумя половецкими князьями, убитыми съ нарушеніемъ даннаго слова и правъ гостепріимства. Завѣщая сыновьямъ умѣренность въ войнѣ и человѣколюбіе, самъ Мономахъ, однако, сознается, что при взятіи Минска, въ которомъ онъ участвовалъ, не оставлено было въ живыхъ ни одного челядина, ни скотины. Наконецъ, онъ хотя и радѣлъ о русской землѣ, но и себя не забывалъ, и наказывая князей, дѣйствительно виноватыхъ, отбиралъ ихъ удѣлы и отдавалъ своимъ сыновьямъ“.

Г. Погодинъ соглашается, что убійство половецкихъ князей—

пятно на личности Мономаха, но извиняетъ его тѣмъ, что Мономахъ этого не хотѣлъ, а кіевляне его уговорили. Это не извиненіе; это скорѣе усугубленіе вины. Стало быть, Мономахъ понималъ, что дѣлаетъ дурно, и все-таки сдѣлалъ?

А что въ тѣ времена были люди, понимавшіе гнусность подобныхъ поступковъ, доказывается тѣмъ, что Олегъ не выдалъ Итларева сына, котораго выдачи Мономахъ съ Святополкомъ кіевскимъ отъ него требовали.

Фактъ разоренія Минска г. Погодинъ покрываетъ благоразумнымъ молчаніемъ, но относительно послѣдней черты — передачи волостей, отнятыхъ у князей, своимъ сыновьямъ, г. Погодинъ совсѣмъ отрицаетъ существованіе такихъ фактовъ за Мономахомъ.

„Какіе же города отбиралъ Мономахъ? спрашиваетъ г. Погодинъ.— „Напротивъ, разсуждаетъ онъ далѣе — есть извѣстія, что такъ или иначе онъ уступилъ Кіевъ Святополку, Черниговъ Олегу, вывелъ Глѣба изъ Минска, но тамъ послѣ его сыновей не видать. Прочіе города достались ему по наслѣдству отъ отца Всеволода". Г. Погодинъ умышленно не знаетъ фактовъ, которые слишкомъ говорятъ противъ него, между тѣмъ какъ эти факты ему очень хорошо извѣстны. Мономахъ въ 1117 году удалилъ изъ Владимира Волынскаго князя Ярослава Святополковича и посадилъ тамъ своего сына Романа. Когда этотъ Романъ умеръ, Мономахъ, вмѣсто него, послалъ другого сына Андрея. Въ 1121 году прежній князь Ярославъ покушался овладѣть своимъ наслѣдіемъ и не успѣлъ, въ 1123 году повторилъ покушеніе, но двое ляховъ, выѣхавши изъ города, засѣли въ потаенномъ мѣстѣ, напали на князя и убили его. Объ этомъ упоминается и у г. Погодина въ его исторіи, въ первомъ томѣ, на стр. 212. Какъ же г. Погодинъ рѣшается отрицать такія событія, о которыхъ самъ же писалъ разсказы по лѣтописнымъ извѣстіямъ? Каково!

Относительно Василька г. Погодину не понравилось мое выраженіе такого рода: „онъ (Василько), какъ самъ послѣ сознался, думалъ идти на Польшу, но если вѣрить ему, не думалъ дѣлать ничего дурного русскимъ князьямъ".

„Если вѣрить ему—говоритъ г. Погодинъ—вставить такую фразу значитъ прыснуть холодною водою на искреннюю горячую рѣчь. Чѣмъ же Василько возбуждаетъ недовѣрчивость? Отчего не вѣрить ему?"

И опять г. Погодинъ прикидывается незнающимъ того, что этотъ самый Василько, уже ослѣпленный, прославился варварскимъ мщеніемъ надъ неповинными жителями города Всеволожа, о чемъ и лѣтописецъ замѣтилъ съ горечью: „Онѣма же ставшима около Всеволожа, и взяста копьемъ городъ и зажьгоста огнемь, и выбѣгоша

людье отъ огня; и повелѣ Василко вся исѣщи и створи Василко мьщенье на людьехъ неповиньныхъ, и пролья кровя неповиньну". Чѣмъ менѣе возмутительна эта черта всѣхъ тѣхъ чертъ, въ какихъ, для возбужденія состраданія, описано ослѣпленіе Василька? Послѣ такихъ поступковъ, совершенныхъ по волѣ слѣпого князя, кто намъ поручится, что ослѣпленный былъ на самомъ дѣлѣ лучше ослѣпителей.

Еще съ бо́льшимъ негодованіемъ, чѣмъ за Василька, г. Погодинъ вооружается противъ меня за Андрея Боголюбскаго. Какъ-де смѣлъ я выразиться, что Андрей въ Вышгородѣ похитилъ икону пресвятой Богородицы!

Но какъ же назвать пріобрѣтеніе, о которомъ въ источникѣ, вовсе не непріязненномъ къ Андрею, говорится: "взя нощію святую икону безъ отчя повелѣнія". Въ житіи Андреевомъ, кромѣ того, говорится, что Андрей опасался, чтобы вышегородцы не остановили его. Не знаю, ка̀къ по мнѣнію г. Погодина, а по моему—это похищеніе. Что́ берется тайно ночью, съ опасеніемъ, чтобы другіе этому не помѣшали, то—похищеніе во всякомъ случаѣ.

Сообразно всѣмъ историческимъ даннымъ, я считаю смерть Андрея Боголюбскаго хотя дѣломъ заговорщиковъ, но тѣмъ не менѣе дѣломъ, угоднымъ большой массѣ народа. Это ясно изъ того, что двадцать убійцъ, умертвившихъ Андрея, не подверглись народному мщенію; тѣло убитаго князя было повержено на поруганіе и долго никто не хотѣлъ взять его, а народъ, услышавши о смерти своего князя, бросился грабить и убивать его клевретовъ и подручныхъ правителей (много зла сотворися въ волости его: посадниковъ и тивуновъ домы пограбиша... грабители же и исъ селъ приходяче грабяху). Несмотря на такія очевидныя свидѣтельства современниковъ о событіяхъ, сопровождавшихъ убіеніе Боголюбскаго, г. Погодинъ хочетъ насъ увѣрить, что весь народъ любилъ Андрея, а если сталъ грабить послѣ его смерти, то это сдѣлалось такъ себѣ, отъ охоты пограбить. Но отчего же эта охота обратилась не на убійцъ Андрея, а на его любимцевъ? Вѣдь убійцъ, какъ самъ г. Погодинъ на это указываетъ, было только двадцать. Могло ли такое малое число быть опаснымъ для народа, который тогда, по сказанію лѣтописи, услышавши о смерти князя, заволновался и пустился на грабежъ не въ одномъ Боголюбовѣ, но и по волости Андрея? Казалось бы, народъ, любившій своего князя, узнавши, что его убили, первое движеніе свое показать долженъ былъ негодованіемъ къ убійцамъ; онъ бросился бы на нихъ, растерзалъ бы ихъ... такъ поступила бы толпа въ подобномъ случаѣ. Не такъ было поступлено при смерти Андрея. Народъ устремляется на сторонниковъ и любимцевъ убитаго, народъ доканчиваетъ то,

что́ начали убійцы; наконецъ, и тогда, когда тѣло Боголюбскаго уже отвезли во Владиміръ, не видно, чтобы народъ воздалъ достойное возмездіе убійцамъ. А г. Погодинъ хочетъ увѣрить насъ, что этотъ народъ любилъ Андрея! Въ доказательство любви къ нему г. Погодинъ приводитъ то обстоятельство, что ростовцы и суздальцы посадили Андрея на столъ, потому что, по извѣстію лѣтописца, онъ былъ любимъ за свою добродѣтель. Но когда это дѣлалось? Въ 1155 году! Андрей же былъ убитъ въ 1175. Черезъ двадцать лѣтъ могъ, кажется, измѣниться и Андрей, а еще болѣе могла измѣниться народная любовь къ нему. Г. Погодинъ и здѣсь, какъ вездѣ и всегда, придаетъ большой вѣсъ лѣтописнымъ аттестаціямъ князей, а похвалы, расточаемыя Андрею, признаетъ чѣмъ-то особеннымъ и сравниваетъ ихъ съ тѣми отзывами, которые у лѣтописцевъ встрѣчаются о личности—г. Погодинъ говоритъ,—Мстислава Удалого... Нѣтъ, г. Погодинъ ошибся; онъ, вѣроятно, разумѣетъ то, что́ говорится у лѣтописцевъ въ похвалу Мстислава Храбраго. Но о Мстиславѣ у лѣтописцевъ есть дѣйствительно особенное: это извѣстіе, что не было въ русской землѣ города, гдѣ бы не желали имѣть Мстислава княземъ. Подобнаго не говорится объ Андреѣ, при всемъ изобиліи похвалъ, которыми его осыпаютъ. Да и какъ можно было объ Андреѣ сказать что-нибудь подобное тому, что́ говорилось о Мстиславѣ? Само собою разумѣется, не любили Андрея въ Кіевѣ, который преданъ былъ имъ варварскому расхищенію; еще менѣе могли любить его новгородцы, которые даже учредили праздникъ въ память освобожденія отъ нападенія Андрея; не могли любить его и братья, которыхъ онъ изгналъ; да не взлюбили его и его подданные, какъ доказываетъ то, что, по смерти его, они бросились не на его убійцъ, а на его любимцевъ. У Андрея могли быть сторонники, потому что этотъ князь умѣлъ обращать въ свою пользу всякія эгоистическія и корыстолюбивыя побужденія, но развѣ это любовь?

Г. Погодинъ никакъ не можетъ отстать отъ обветшалаго и вполнѣ фальшиваго способа—смотрѣть съ подобострастіемъ на тѣ историческія лица, которыя или на самомъ дѣлѣ сдѣлали много добра въ своей жизни, или же признаются за такихъ, часто только на основаніи предвзятыхъ предразсудковъ. Г. Погодинъ воображаетъ себѣ въ русской исторіи безупречныхъ, идеально высокихъ героевъ и всякій трезвый взглядъ на прошедшее считаетъ оскорбленіемъ національнаго достоинства, чуть не политическимъ преступленіемъ. Безупречныхъ людей не было на свѣтѣ. Если какія-нибудь лица прошедшаго и представляются намъ безупречными, то оттого только, что у насъ недостаетъ о нихъ свѣдѣній; безъ всякаго сомнѣнія, за ними были недостатки, слабости и, можетъ быть, пороки. Личность вполнѣ безупречная—

личность не вполнѣ живая. Недостатки и пороки присущи человѣческому существу, и когда мы знаемъ темныя стороны за какою-нибудь историческою личностью, только тогда и можемъ себѣ ясно ее представить. Лѣтописныя похвалы князьямъ могутъ приниматься только съ большою осторожностью; имъ слѣдуетъ давать вѣсъ, когда они подтверждаются фактами; и никогда не могутъ онѣ приводиться въ опроверженіе того, что́ вытекаетъ изъ нашего наблюденія надъ событіями. Аттестаціи, раздаваемыя лѣтописцами нашимъ князьямъ, отчасти похожи на формулярные списки чиновниковъ: въ формулярномъ спискѣ значится, что подъ судомъ и слѣдствіемъ не состоялъ и въ штрафахъ не бывалъ; но развѣ изъ этого можно заключить, чтобы являющійся съ такимъ формуляромъ непремѣнно былъ безупречный во всемъ человѣкъ?

Изъ всего приведеннаго нами здѣсь, читатели могутъ видѣть, что г. Погодинъ, взявшись быть защитникомъ Мономаха, Василька и Андрея Боголюбскаго, оказался вполнѣ несостоятельнымъ. Мономахъ остается по прежнему хотя однимъ изъ лучшихъ князей дотатарскаго періода, а все-таки съ такими чертами, которыя не нравятся г. Погодину; и напрасно думаетъ г. Погодинъ, что онъ поможетъ Мономаху, если станетъ прикидываться незнающимъ такихъ чертъ, о которыхъ самъ прежде писывалъ, или начнетъ толковать ихъ съ уродливыми натяжками [1]). Варварское избіеніе жителей Всеволожа все-таки будетъ побуждать насъ не вполнѣ полагаться на увѣренія, которыя расточалъ ослѣпленный Василько передъ Василіемъ, какъ бы ни сердился г. Погодинъ за такое недовѣріе. Что же касается до Андрея Боголюбскаго, то неистовства народа противъ его любимцевъ и слугъ все-таки будутъ показывать, что народъ ростовско-суздальской земли не любилъ его такъ, какъ любитъ г. Погодинъ и какъ онъ желаетъ, чтобъ любили его и умершіе и живые. Однимъ словомъ, г. Погодину рѣшительно не удается съ князьями.

Также мало удаются ему объясненія лѣтописныхъ мѣстъ.

---

[1]) Замѣтимъ одно обстоятельство, вовсе не относящееся къ вопросу о безпорочности или порочности Мономаха. Г. Погодинъ обличаетъ меня въ томъ, что я приписалъ миръ, заключенный съ половцами Всеволодомъ, сыну его, Владиміру Мономаху. Дѣйствительно, оказалась за мной вина: я при корректурѣ пропустилъ выраженіе «съ отцомъ», отчего и вышло такъ, какъ будто Владиміръ заключилъ этотъ миръ самъ. Но не правъ и г. Погодинъ, увѣряя, что тогда Владиміра не было и слыхомъ слыхать. Самъ Мономахъ въ своемъ поученіи сообщаетъ, что онъ заключалъ съ половцами миры и „при отцѣ", какъ и „кромѣ отца?" Оказывается, что Владиміръ въ этотъ именно годъ, прежде мира, отбилъ покушеніе половцевъ пройти за Сулу, и вѣроятно этимъ заставилъ половцевъ быть склонными къ заключенію мира. Каюсь въ другомъ такомъ же недосмотрѣ. На страницѣ 63: „Владиміръ вывелъ Глѣба изъ Минска" въ Кіевъ, гдѣ онъ и умеръ, пропущено слово „въ Кіевъ".

Г. Погодину не нравится мой способъ чтенія остроты, которую произносили бывшіе со Святополкомъ кіевляне надъ Ярославомъ и надъ пришедшими съ Ярославомъ новгородцами. Г. Погодинъ побѣдоносно указываетъ на извѣстія лѣтописей позднихъ редакцій о томъ, что Ярославъ былъ хромоногъ. Фактъ этотъ, слишкомъ всѣмъ давно извѣстный, не можетъ ни опровергнуть, ни подтвердить моего способа чтенія. Представимъ здѣсь два способа:—мой и г. Погодина; пусть читатели рѣшаютъ: какой изъ нихъ представляетъ болѣе смысла и остроумія, которымъ, разумѣется, кіевляне хотѣли щегольнуть:

Мой способъ:	Способъ г. Погодина:
Что вы, плотники, пришли съ этимъ *хоромникомъ?* Вотъ, мы васъ заставимъ строить намъ *хоромы!*	Что вы, плотники, пришли съ этимъ *хромоногимъ?* Вотъ, мы васъ заставимъ строить намъ *хоромы!*

Я полагаю, что или вмѣсто „съ хромцемъ"—надобно читать, „съ хоромцемъ" (слово это встрѣтили мы въ одной рукописи XV вѣка и „позва хоромъцы") или же, быть могло, что кіевляне выразились „съ хромцемъ", но при этомъ играли словами, ставя со словомъ „съ хромцемъ", соотвѣтственное по созвучію слово „хоромы", такъ что все-таки дѣлался намекъ на охоту Ярослава къ постройкамъ. И слово это невольно принимало значеніе хоромника. Впрочемъ, этотъ вопросъ не настолько важенъ, чтобы вести о немъ горячій споръ. Могу быть правъ я; можетъ быть правъ и г. Погодинъ; но уже въ слѣдующемъ затѣмъ г. Погодинъ правъ быть никакъ не можетъ.

Г. Погодинъ увѣряетъ, что слово „вѣжа" не можетъ значить—башня. Не забираясь далеко, стоило бы г. Погодину заглянуть хоть въ Толковый словарь Даля. Что тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о половецкомъ бытѣ, это слово означало кибитку — объ этомъ никто не споритъ; но это не мѣшало тому же слову означать и башню въ южной и и западной Руси, гдѣ и теперь это слово въ этомъ смыслѣ довольно извѣстно.

По отношенію къ половцамъ, слово—„чадь", я перевелъ ордою. Г. Погодинъ говоритъ, что это невѣрно, что чадь значитъ нѣчто въ родѣ дворни, артели, дружины. Да, по отношенію къ русскимъ. Но у половцевъ развѣ могла быть дворня, когда у нихъ и *дворовъ* не было. Слово артель мы до сихъ поръ привыкли употреблять, говоря о промышленномъ бытѣ, и вообще артель есть явленіе общества, стоящаго на болѣе высшей ступени развитія, чѣмъ то, на которой находились половцы. Что же касается до дружины, то дру-

жина у половцевъ развѣ не орда? — У татарскихъ мурзъ и царевичей были также дружины, однако, ихъ обыкновенно называли ордами.

Русскіе съ Ярославомъ готовились биться противъ польскаго короля Болеслава Храбраго. Тогда Ярославовъ воевода Будый кричалъ Болеславу: „вотъ мы тебѣ трескою проколемъ черево толстое." Я перевелъ слово „треска"—щепкою. Г. Погодинъ считаетъ треску палкою. Но слово треска, не какое-нибудь вышедшее изъ употребленія древнее слово, требующее объясненій. Это слово самое общеупотребительное въ Малороссіи и означаетъ щепку. Въ древности оно то же значило; на это указываютъ слова въ посланіи Симона къ Поликарпу: „аще бы ми трескою торчати за враты или сметіемъ валятися въ Печерскомъ монастырѣ и попираему быти человѣки?" Г. Погодинъ говоритъ, что щепкою нельзя проткнуть чрева. А палкою развѣ удобно? Надобно палку заострить; и щепку также можно заострить: щепка щепкѣ рознь! Изъ этого читатели могутъ ясно видѣть, что г. Погодинъ не большой мастеръ объяснять лѣтописныя мѣста.

Всѣмъ этимъ, однако, не покончилъ со мною г. Погодинъ; онъ обѣщаетъ цѣлую книгу на обличеніе моихъ ересей, и самого себя уподобляетъ въ этомъ еретику Башкину, говоря, что онъ, подобно послѣднему, измѣтилъ мою „Русскую Исторію въ жизнеописаніяхъ". Для избѣжанія напрасной траты времени, я впередъ избавляю себя отъ всякихъ возраженій г. Погодину на его измѣты, если онѣ будутъ такими-же, каковы напечатанныя въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", и если г. Погодинъ останется до конца вѣрнымъ своему идеалу, Башкину, въ томъ видѣ, въ какомъ изображаетъ Башкина соборный приговоръ, выражаясь, что онъ „*языкъ извѣся, непотребная и нестройная глаголаше на многіе часы.*"

Н. Костомаровъ.

ИЗВѢСТІЯ.

I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданіе комитета 13-го ноября 1873 года.

1) Изъявлена благодарность общества И. Д. Делянову, К. Д. Кавелину и П. В. Анненкову за ихъ содѣйствіе комитету.

2) Выдано 300 р. писателю, лишившемуся мѣста по службѣ.

3) Отпущено 250 р. обществу для вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ С.-Потербургскаго университета.

4) Выдано 150 р. больной писательницѣ.

5) Уплачено 125 р. за слушаніе лекцій тремя молодыми людьми.

6) Выдано 50 р. молодому человѣку, выказавшему несомнѣнныя литературныя дарованія и находящемуся въ крайности.

7) Выдано по 25 р. двумъ писателямъ, нуждающимся въ помощи Общества.

8) Отклонено ходатайство трехъ лицъ о пособіи, за силою § 5-го устава Общества.

9) По письму эстляндскаго губернатора, выслано 50 р. на пособіе двумъ сыновьямъ покойнаго писателя.

10) Студенту 1-го курса С.-Петербургскаго университета выдано въ стидендію 62 р. 50 к.

Засѣданіе комитета 27-го ноября.

1) Выдано 100 р., писательницѣ на пріобрѣтеніе необходимой одежды для ея семейства.

2) По докладу о томъ, что отъ редакціи газеты „Новости“ не получено отвѣта на сообщеніе объ удовлетвореніи С. И. Черепанова 95 р. 64 к., за помѣщенныя въ этой газетѣ статьи, опредѣлено: припечатать объ этомъ въ извлеченіяхъ изъ журналовъ комитета.

3) Назначена пенсія въ 300 р. дочери извѣстнаго писателя.

4) Выдано 30 р. на пріобрѣтеніе теплой одежды для одного писателя.

5) За силою § 5-го устава Общества отклонено ходатайство двухъ лицъ о пособіи.

6) Выдано 30 р. писателю для возвращенія на родину.

7) Выслано 300 р. писателю, лишенному средствъ къ жизни.

8) Выдано 25 р. на похороны матери писателя.

9) Взамѣнъ выбывающихъ 2-го февраля 1874 года членовъ комитета избраны слѣдующіе кандидаты: К. Д. Кавелинъ, В. П. Гаевскій, Н. Н. Тютчевъ, П. А. Гайдебуровъ, А. А. Головачевъ, П. А. Ефремовъ, В. А. Манассеинъ и В. И. Лихачевъ.

Отчетъ казначея за октябрь.

Къ 1-му октября въ кассѣ было 60,006 руб. 63 к.; поступило взносовъ отъ 4-хъ членовъ 40 р. Израсходовано 1,922 р. 50 к., въ томъ числѣ на пенсіи 5 лицамъ 400 р., на единовременныя пособія 12-ти лицамъ 1,277 р. 50 к., и на воспитаніе 6-ти лицъ 245 р. Къ 1-му ноября въ кассѣ состояло 58,124 р. 13 к.

II. Общество вспомоществованія студентамъ С.-Петербургскаго университета.

Общее собраніе 14-го ноября 1873 года.

На первомъ общемъ собраніи членовъ учредителей общества вспомоществованія студентамъ С.-Петербургскаго университета въ числѣ 31 лица, происходившемъ 14-го ноября 1873 года и состоявшемъ подъ предсѣдательствомъ сенатора Марка Николаевича Любощинскаго, баллотировкою большинствомъ голосовъ избраны въ члены общества слѣдующія лица: С. М. Айкановъ, Ел. Ник. Хрущова, В. Ѳ. Гиргасъ, баронъ В. Р. Розенъ, М. М. Стасюлевичъ, В. Ѳ. Коршъ, Новиковъ, кн. М. Г. Химшеева, И. И. Маркеловъ, В. П. Геннингъ, К. Л. Гольмъ, пр. В. П. Васильевъ, пр. Минаевъ, пр. Веселовскій, пр. Владиславлевъ, пр. Бестужевъ-Рюминъ, пр. Андреевскій, пр. Бутлеровъ, пр. Помяловскій, пр. Ціонъ, пр. Ламанскій, пр. Бильбасовъ, В. И. Базилевскій, Ѳ. И. Базилевскій, Софья Ивановна Базилевская, Н. И. Костомаровъ, А. Н. Пыпинъ, пр. А. Н. Коркинъ, пр. Ф. В. Овсянниковъ, Елисавета Ник. Водовозова, С. П. Глазенапъ, А. А. Черкесовъ, В. Я. Евдокимовъ, И. И. Билибинъ, И. Д. Образцевъ, Н. П. Поляковъ, Н. П. Карбасниковъ, Екат. Ник. Миллеръ, П. В. Ивашевъ, В. Ѳ. Красовскій, В. Э. Краузольдъ, Н. П. Тальквистъ.

Затѣмъ закрытою баллотировкою большинствомъ голосовъ, на основаніи §§ 13-го, 14-го и 16-го устава Общества избраны: предсѣдателемъ комитета А. С. Вороновъ (Ивановская ул., д. Гуро́), въ члены комитета изъ числа преподавателей С.-Петербургскаго университета профессора: О. Ѳ. Миллеръ, Н. С. Таганцевъ, А. Д. Градовскій и А. Н. Бекетовъ; изъ числа прочихъ лицъ: В. И. Базилевскій, С. Е. Шевичъ, И. И. Боргманъ, В. И. Семевскій, В. Э. Краузольдъ и М. А. Веневитиновъ.

Засѣданіе Комитета 15-го ноября 1873 г.

1) Постановлено довести до свѣдѣнія г. министра внутреннихъ дѣлъ объ открытіи дѣйствій Общества и о составѣ комитета.

2) На основаніи 16 § уст. Общества комитетъ изъ среды своей избралъ:

Товарищемъ предсѣдателя: проф. с.-петербургскаго университета Ор. Ѳ. Миллера.

Казначеемъ: В. И. Базилевскаго.

Секретарями: И. И. Боргмана и М. А. Веневитинова.

3) а) Ор. Ѳ. Миллеръ заявилъ о пожертвованіи Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ 250 рублей въ пользу Общества вспомоществованія студентамъ с.-петербургскаго университета.

Постановлено: выразить глубокую благодарность Обществу для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

б) Ор. Ѳ. Миллеръ заявилъ: 1) О желаніи г. редактора журнала „Вѣстникъ Европы“ М. М. Стасюлевича безвозмездно помѣщать въ своемъ журналѣ протоколы и объявленія Общества, и въ своей типографіи печатать безплатно всѣ бумаги, необходимыя для Общества.

2) О желаніи г. редактора „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ В. Ѳ. Корша безвозмездно помѣщать въ своей газетѣ всѣ объявленія и протоколы Общества.

Комитетъ постановилъ выразить М. М. Стасюлевичу и В. Ѳ. Коршу глубокую благодарность отъ лица всѣхъ членовъ Общества за готовность содѣйствовать Обществу.

4) Обсуждая выполненіе задачи Общества — доставлять недостаточнымъ студентамъ занятія по силѣ пункта г, 19-го параграфа устава Общества, комитетъ впредь, до болѣе правильной организаціи этого дѣла, въ видѣ временной мѣры, рѣшилъ: согласиться на предложеніе г. предсѣдателя Общества А. С. Воронова, принимать у себя заявленія отъ лицъ, имѣющихъ надобность въ студентахъ-преподавателяхъ и поручать прочимъ членамъ комитета принимать заявленія студентовъ, желающихъ получить уроки и имѣющихъ право на занятіе ими.

5) Рѣшено внести въ правленіе с.-петербургскаго университета 500 рублей за право слушанія лекцій наиболѣе нуждающимися студентами, исключенными изъ университета за не-взносъ установленной платы.

6) Выдано двумъ студентамъ по 25 руб. въ видѣ ссуды.

III. Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній.

Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній приглашаетъ желающихъ преподавать въ военныхъ гимназіяхъ общеобразовательные предметы и имѣющихъ на то право—присылать о томъ заявленія въ учебное отдѣленіе сего управленія, съ приложеніемъ засвидѣтельствованныхъ копій съ своихъ дипломовъ или другихъ, о правѣ на преподаваніе, документовъ.

От ъ Редакціи.—Редакція „Вѣстника Европы“ имѣетъ честь симъ увѣдомить учительскую семинарію въ Солецѣ, Радомской губерніи, что извѣщеніе ея, за № 442, отъ 5-го сего декабря, а именно: что она „по распоряженію г. начальника радомской учебной дирекціи отъ 1-го сего декабря, за № 3782, основаннаго на таковомъ же г. попечителя варшавскаго учебнаго округа, отъ 28-го истекшаго ноября, № 10,296, проситъ редакцію не приводить въ исполненіе ея отзыва отъ 29-го ноября за № 433, относительно высылки „Вѣстника Европы“ на 1874 годъ“—получено и соотвѣтствующее тому распоряженіе по конторѣ журнала сдѣлано. О томъ же и потому же поводу извѣщается Вейверская учительская семинарія, просившая сначала о высылкѣ журнала, а теперь обратившаяся съ просьбою считать ея отзывъ не имѣющимъ силы.

---

10 рублей, доставленные отъ В. А. Насвѣтевича, по его указанію, переданы редакціею въ комитетъ по учрежденію стипендій въ память ст. секр. Милютина.

100 рублей, доставленные отъ Вѣры П. А., въ пользу пострадавшихъ отъ голода въ Самарской губерніи, препровождены въ Дамскій комитетъ въ Самарѣ.

М. Стасюлевичъ.